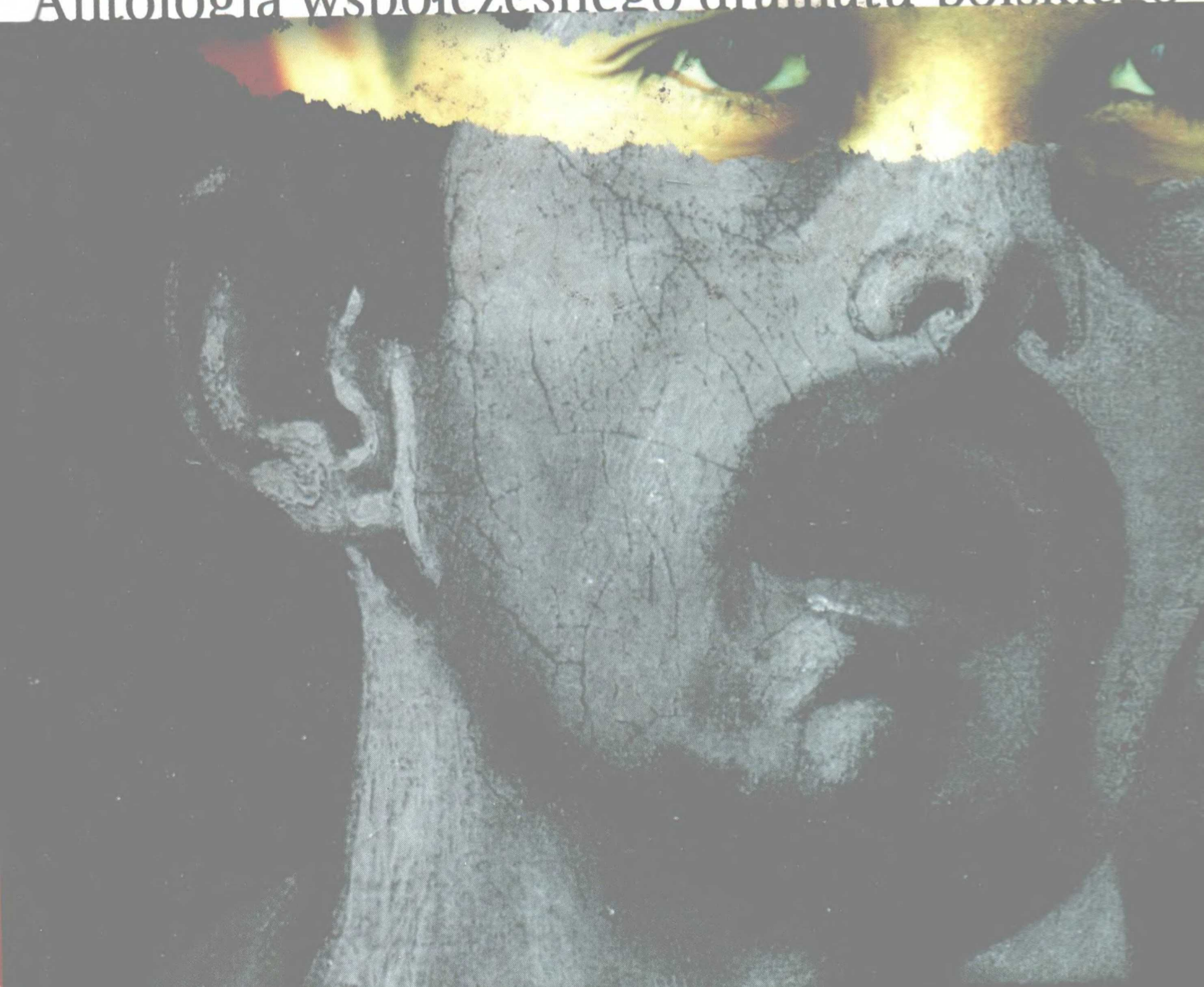


антология
современной
польской
драматургии

Antologia współczesnego dramatu polskiego



Antologia współczesnego dramatu polskiego



АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Новое Литературное Обозрение

Москва

2010

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-6
А 72



*Издание осуществлено
при участии Института Адама Мицкевича
в Варшаве в рамках Сезона польской культуры в России
и
при финансовой поддержке
Польского культурного центра в Москве*

А 72 Антология современной польской драматургии. Перевод с польского. Предисл. Романа Павловского. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 772 с.

В антологии собраны разные по жанру драматические произведения как известных авторов, так и дебютантов комедии и сочинения в духе античных трагедий, вполне традиционные пьесы и авангардные эксперименты; все они уже выдержали испытание сценой. Среди этих пьес не найти двух схожих по стилю, а между тем их объединяет время создания: первое десятилетие XXI века. По нарисованной в них картине можно составить представление о том, что происходит в сегодняшней Польше, где со сменой строя многое очень изменилось — не только жизненный уклад, но, главное, и сами люди, их идеалы, нравы, отношения.

ISBN 978-5-86793-760-7

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-6

© Авторы, 2010
© Переводчики, 2010
© Р. Павловский, предисл., 2010
© Художественное оформление,
«Новое литературное обозрение», 2010

РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

На афишах московских и варшавских театров повторяются имена одних и тех же классиков: Шекспир, Мольер, Чехов, Гоголь, однако современный репертуар в наших странах не схож. Если польские театры регулярно ставят пьесы российских авторов: Николая Коляды, Владимира Сорокина, Василия Сигарева, братьев Пресняковых, Ивана Вырыпаева, то на российской сцене современная польская драматургия практически отсутствует.

Впрочем, не только новые пьесы, но и польская классика XX века в России известна мало. К российскому зрителю провалился только Славомир Мрожек (1930 г. р.), и то сравнительно недавно. Прежде он, политический эмигрант, сбежавший за кордон, был в черном списке.

Подобное происходило и с пьесами Витольда Гомбровича (1904—1969), также эмигрировавшего из Польши. Лишь в 1999 году новосибирский театр «Красный факел» поставил его пьесу «Ивона, принцесса Бургундская», открыв, таким образом, дорогу другим постановкам. Корифей польской драматургии XX века Тадеуш Ружевич (1921 г. р.) известен в России больше как поэт, нежели драматург. А о мастере театрального гротеска Виткации (1885—1939) знают только специалисты.

Помимо политики одной из причин отсутствия польской драмы на российской сцене стала иная театральная традиция. Театр абсурда и гротеска, который доминировал в Польше во второй половине XX века, не привлекал российских режиссеров и актеров, прошедших школу психологического реализма.

Сегодня, однако, ситуация изменилась: молодые драматурги из Польши и России, дебютировавшие на рубеже веков, говорят на одном языке. И те и другие смешивают реализм с гротеском, а цитаты из поп-культуры — с выдержками из греческих и шекспировских трагедий. И те и другие пытаются описать новую реальность, переживающую глубокий кризис ценностей. И те и

другие вынуждены бороться с равнодушием театров, привязанных к классическому репертуару и неохотно берущихся за произведения дебютантов.

Пришло время исправить исторические недоработки. Антология, составленная Агнешкой Любомирой Петровской известной переводчицей и театроведом, является попыткой обозреть польскую драматургию начала нового столетия. Вы найдете в ней пьесы дебютантов и известных авторов; легкие комедии и сочинения в духе античных трагедий; драмы, написанные в традиционном стиле, и авангардные эксперименты. Все они выдержали испытание сценой и завоевали признание польских зрителей и критиков, некоторые имели успех за границей.

В пьесах предстает образ современной Польши, в которой со сменой строя едва ли не полностью изменилось жизненное пространство, в том числе сами люди. Это отнюдь не прелестная фотография из туристического буклета. Как писала Ханна Филипович, славистка из университета Висконсин (США), некоторых героев этих пьес даже ад, наверное, отверг бы. Они схожи с героями новой российской драматургии, ищущими свое место на пепелище коммунизма.

Надеюсь, что в текстах польских авторов вы найдете отражение своей действительности. Ведь оба наших народа живут в Восточной Европе и их многое связывает. Я также надеюсь, что благодаря этой антологии рядом с Мрожеком и Гомбровичем на афишах в Москве или Санкт-Петербурге появятся новые польские имена.

Роман Павловский

Роман Павловский

Краткая история польской революции (в драматургии)

Представьте себе страну, в которой театр, если не считать церкви, — единственное место, где люди могут собираться свободно, без разрешения властей. Где актеры подобны священникам, а драматурги выполняют роль пророков, указывающих дорогу к свободе. При этом лучшие из них не живут на родине и пишут свои произведения в эмиграции, вдалеке от театра и зрителей. У них нет возможности побывать на своих премьерах.

Такой страной была Польша во второй половине XX века. Возможно, нигде театр не играл такой важной роли, как в стране Витольда Гомбровича, Славомира Мрожека, Тадеуша Кантора и Ежи Гротовского. Он выполнял особую миссию: создавал независимое пространство в обществе, лишенном свободы. Это накладывало на деятелей театра особые обязательства. Они должны были не только развлекать, но и сохранять национальную культуру, будоражить сердца, выражать стремление к свободе, разоблачать тоталитарный характер власти, как это делали поэты-романтики: Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Зыгмунт Красиньский в XIX веке, когда Польша была лишена государственности. Вынужденные покинуть родину, они в своих произведениях выражали точку зрения свободного человека.

Однако в 1989 году все изменилось. Когда закончилась «холодная война» в Европе и наступила долгожданная свобода, польский театр внезапно перестал играть исключительную роль. Его миссию взяли на себя демократические институты, прежде всего независимые СМИ, более эффективно отражавшие настроения в обществе. Нашествие поп-культуры привело к тому, что театр, который почти полвека выполнял роль национальной

исповедальни и амвона, вдруг стал одним из множества доступных на рынке развлечений.

Театр пытался соперничать с кино и телевидением в борьбе за зрителя. Серьезный современный и классический репертуар, с помощью которого велся диалог с публикой, заменили бытовая драма, комедия и фарс, заимствованные на Западе. Символом того времени стал спектакль в варшавском театре «Студио» по пьесе канадца Джона Кризанца «Тамара» о романе польской художницы Тамары Лемпицкой и итальянского писателя Габриеле д'Аннунцио. Спектакль играли одновременно в нескольких местах в здании театра, зрители следовали за актерами, а в антракте могли съесть вместе с ними шикарный ужин, включенный в цену билета.

Развлекательный репертуар и маркетинговые трюки тем не менее не помогали. В начале 90-х зрительные залы польских театров пустовали: тогда родилась шутка, что чаще всего идет пьеса — «спектакль отменен». Установлению диалога между театром и обществом не помогали драматургические новинки из Парижа, Берлина и Лондона, поскольку их тематика в польском контексте казалась абстрактной. Проблемы богатого парижского дерматолога из пьесы «ART» Ясины Реза, который, не зная, что делать с деньгами, покупает дорогую авангардную картину, были так же далеки от польского сознания, как проблемы наркоманов и гомосексуалистов из пьес Марка Равенхилла, бросающихся в вихрь декадентства и рискованного секса. Польская действительность требовала отдельного описания. После падения Берлинской стены страна претерпевала радикальные изменения, общество постигало законы капиталистического строя, остатки прежнего коммунистического менталитета сосуществовали с новыми структурами эпохи свободного рынка и информации. Эти явления не находили отражения на сцене. Театр был далек от социального землетрясения.

Сведение счетов с коммунизмом: Мрожек, Гловацкий, Слободзянек

Общественные и политические перемены происходили столь стремительно, что драматурги даже не пытались за ними поспеть.

На пороге новой эпохи они не анализировали действительность, а занимались сведением счетов с тоталитарным прошлым. Это было знаменем времени: освобожденный от цензуры театр дал выход подавляемым эмоциям.

Главный польский драматург второй половины XX века Мрожек в 1987 году написал «Портрет» — первую пьесу об отношении поляков к сталинизму. Ее герои — диссидент и его друг-коммунист, сдавший много лет назад своего приятеля властям. Теперь они встретились, чтобы поговорить начистоту. Их бурная беседа раскрывала механизм идеологического одурманивания и одновременно давала повод для размышлений о сущности тоталитаризма. Тадеуш Слободзянек (1955 г. р.), автор, который моложе Мрожека на целое поколение, описал в «Гражданине Пекосевиче» (1989) другой критический момент в послевоенной истории Польши: мартовские события 1968 года, когда коммунистическая власть в целях устранения своих противников развернула в стране антисемитскую и антиинтеллигентскую кампанию. Мартовские события показаны с перспективы провинциального Замостья, где местный епископ и партийный секретарь ведут борьбу за душу некоего Пекосевича, инвалида и сироты из детского дома, который символизирует собой типичного поляка, лишенного семейных корней, но несущего на себе бремя истории.

Лейтмотивом драматургии 90-х годов стала российская тематика. В пьесе Мрожека «Любовь в Крыму» (1993) представлена история русской интеллигенции, начиная с современников Чехова вплоть до маргиналов-интеллигентов последнего времени. Феномену России посвящена также «Четвертая сестра» (1999) Януша Гловацкого — гротескная комедия по мотивам чеховских «Трех сестер» об общественных изменениях в бывшей империи в 90-е годы. Современные сестры Прозоровы тосковали не по Москве, в которой они вели жалкое существование, а по Нью-Йорку, в котором видели свое будущее рядом с богатыми предпринимателями или гангстерами.

Пьеса Слободзянека «Сон клопа, или Товарищ Христос» (2000) стала вариацией на тему «Клопа» Владимира Маяковского. У Слободзянека Присыпкин, выпущенный из клетки Московского зоопарка, из последнего буржуя превратился в после-

днего большевика. Гуляя по Москве конца 90-х, он наблюдает за развалом советской империи и моральным упадком в обществе.

Обращение к тоталитарному прошлому и интерес к загадочной России — гегемону, который контролировал жизнь миллионов людей в Европе и вдруг распался, — понятны: прежде тема Большого брата была одним из политических табу в театре. Драматурги чувствовали, что публике интересна тема «белых пятен» в послевоенной истории Европы.

Наряду с этим в театре заговорили о реальности мифологическим языком. Одна из самых известных польских пьес начала 90-х — «Антигона в Нью-Йорке» (1992) Януша Гловацкого. Дилемму дочери Эдипа, которая вопреки запретам царя Креонта хочет предать земле тело брата — изменника родины, Гловацкий перенес в среду бездомных и алкоголиков, обитающих в парке на Манхэттене. Герои — пуэрториканка, российский еврей и польский эмигрант — пытаются сохранить человеческое достоинство на низшей ступеньке общественной иерархии. Когда один из бедолаг умирает, остальные решают устроить ему достойные похороны, хотя по закону тело необходимо доставить в место безымянных захоронений. В пьесе Гловацкого зазвучал голос маргиналов, которые оказались более нравственными и чуткими, чем сытые жители Запада.

Подобные проблемы затрагивает Тадеуш Слободзянек в цикле моралите, вдохновленных мифологией польско-белорусского пограничья. Это «Катигорошек» (в соавторстве с Петром Томашуком, 1990), «Царь Николай» (1987) и «Илья-пророк» (1991). Первая выдержана в духе наивной народной сказки: отец и мать продают сына дьяволу; грехи родителей ребенок должен искупить мучениями. Героем двух других пьес стал православный пророк Илья Климович, живший до Второй мировой войны неподалеку от Белостока и считавшийся своими почитателями вторым Иисусом. В «Илье-пророке» рассказывается о простых мужиках, которые, придя в отчаяние от нищеты и безнравственности, пытаются распять пророка, веря, что тем самым они спасут мир. В свою очередь «Царь Николай» — это трагигротеск о появлении в деревне мнимого царя Николая II, чудесным образом спасшегося от рук большевиков.

Пьесы Слободзянека показывали мир на краю гибели, мир, в котором пограны основные ценности, а люди ждут спасителя, царя или нового Христа, который их спасет. Один из героев «Ильи-пророка» свои сетования выражал в форме литании:

ХАРИТОН:

Почему столько зла и слез?

Почему богатые живут хорошо?

Почему бедные суп из мышей варят?

Почему старики молодых не уважают?

Почему правды и вправду нет?

Почему попы только пьют и баб шворят?

Почему дети умирают?

Почему бабы только красятся?

Почему этот мир вообще существует?

Почему он такой засранный?

Почему в нем жить нельзя?

Почему нельзя умирать?

Почему, блядь?

Гловацкий и Слободзянек обращались к мифу для того, чтобы описать и понять современный кризис моральных ценностей и хаос переломной эпохи.

Из всех великих драматургов второй половины XX века только Ружевиц напрямую прокомментировал современную польскую жизнь в «Разбросанной картотеке» (1993) — обновленной версии своей знаменитой «Картотеки» (1959). В первой версии подвергался вивисекции польский интеллигент, разочаровавшийся в социализме «с человеческим лицом». Безымянный герой Ружевица отказывается что-либо делать и демонстративно ложится в кровать, рядом с которой разворачивается история.

В новой «Картотеке», создававшейся автором прямо на репетициях во вроцлавском Польском театре, речь идет о разочаровании в обретенной свободе, свободном рынке и демократии, в польских условиях обернувшихся собственной пародией. Публичные дебаты превратились в охоту за сенсациями, демократия погрязла в рутинных процедурных спорах и перебранках в пар-

ламенте, свободный рынок сосредоточился на погоне за материальными ценностями. Как и в первой «Картотеке», Ружевич смешал здесь литературный вымысел, воспоминания и выдержки из прессы. Заметки о торговле человеческими органами соседствовали с военной темой, бессвязные речи на трибуне польского сейма — с проповедями Петра Скарги, вдохновенного проповедника, ксендза и придворного казначея (1536—1612), который напоминал правителям об их ответственности и осуждал частную собственность. Ружевич воспроизводил поток информации, используя фрагменты объявлений в печати, в которых сексуальные услуги чередовались с рекламой ресторанов и автомас-терских:

Абсолютно абсолютный абсолют

Абсолютно из птицы порционный цыпленок

Конкурентоспособные цены

Абсолютно Бьянка

возможны скидки

имитация максимум ощущений

Абсолютные двери после взлома

газово-гидравлические

Архиизысканные массажи

Абсолютный антиквариат

Абсолютные мини-собачки в сауне

Именно Ружевич с его любовью к деталям повседневной жизни стал образцом для нового поколения драматургов, дебютировавших в конце 90-х. Михал Вальчак, один из самых талантливых молодых авторов, провел параллель с «Картотекой» в своей пьесе «Путешествие внутрь комнаты» (2002). В ней тридцатилетний студент не может найти место в жизни, подобно герою Ружевича впадает в депрессию и замыкается в четырех стенах съемной комнаты. Демирский в пьесе «From Poland with love», герои которой — отправляющиеся на заработки за границу поляки, цитирует стихотворение Ружевича «Спасенный» (1947). Исповедь поэта, пережившего ужасы войны, перекликается с жизненным опытом молодых людей, для которых отсутствие работы и перспектив в Польше — такая же травма, какой

является для поколения Ружевича война, когда человека лишают чувства собственного достоинства и совести. Несмотря на разделяющие их поколения, Ружевич и молодые драматурги протянули друг другу руки.

Сигнал к переменам:

Котерский, Навроцкий, Вильквист

Первые признаки того, что язык драматургии стал меняться, появились в конце 80-х годов. Известный драматург и кинорежиссер Марек Котерский (1942 г. р.) сделал героем своих пьес и кинофильмов закомплексованного польского интеллигента. Адам Мяучинский — антигерой пьес «Внутренняя жизнь», «Ненавижу», «Психушка», а также фильмов «Внутренняя жизнь», «День психа», «Каждый из нас — Христос» — считает себя выдающейся личностью, но жизнь его — самая что ни на есть банальная, недаром в его фамилии звучит жалобное «мяу». У него гнилые зубы, маленький «фиат», который постоянно ломается, квартира в обшарпанной многоэтажке, где он живет вместе с бывшей женой, и непомерное желание стать режиссером или писателем. А сам преподает польский язык, всеми фибрами души ненавидя свою профессию.

Хотя пьесы Котерского носят автобиографический характер, они затрагивают и более широкую проблему кризиса «белых воротничков». Во времена коммунизма интеллигенция, ощущая свою ответственность за других, выполняла роль духовного и политического лидера нации. Однако в условиях преобразований интеллигенты совершенно растерялись. У Котерского герой сетует на власть денег, однако берет дополнительную работу, чтобы заработать на новую машину. Его раздражает реклама, но он покорно покупает то, что рекламируют СМИ. Он ссылается на авторитеты, которые не уважает, и на книги, которые не дочитал. В «Ненавижу» (1991) он жалуется: *Почему мне выпало жить в этой стране? В вечной безнадеге. Я — учитель. Родители моих учеников меня в грош не ставят. Любой, кто живет тем, что делает вафли или шьет трусы в гараже, считает меня лохом. Не приспособленный к жизни недоучка, предъявляющий претензии*

ко всему миру, не может справиться с собственной жизнью. Как же ему взять на себя ответственность за других?

Новый язык зазвучал также в пьесах журналиста и писателя Гжегожа Навроцкого (1949—1998). Хотя Навроцкий принадлежал к поколению, выросшему в ПНР, он не муссировал тему прошлого, а обозначал проблемы новой реальности. Одной из таких проблем была охватившая молодежь волна насилия. В 1995 году Навроцкий написал «Молодую смерть», драму о малолетних преступниках, убивающих своих близких или случайных людей. В основу текста легли реальные истории из криминальной хроники. Их подлинность натолкнула режиссера Яцека Гломба на идею выйти из обычного пространства театра. Он поставил пьесу Навроцкого в клубе города Легница, где могла бы произойти одна из описанных трагедий. В пьесе затрагивались вопросы этики современного человека и проблемы общественной патологии, она выстроена в манере жестокого реализма с использованием неприукрашенного разговорного языка. Навроцкий во многом предвосхитил такие явления, как театр жестокости или *verbatim* — документальный театр, который в Польше появился только в конце 90-х годов.

Еще одним автором, который ввел в польскую драму новый язык и новую тематику, был Ингмар Вильквист (1960 г. р.). Под скандинавским псевдонимом скрывается поляк (искусствовед по образованию). Его дебют в 1999 году стал настоящим событием: за короткое время на сцене появилось больше десятка зрелых пьес, непохожих на то, что до сих пор в Польше писалось для театра.

Вильквист черпает вдохновение в скандинавской и американской психологической драме — у Ибсена, Стриндберга, Т. Уильямса. Действие его пьес происходит в вымышленном пространстве промышленных городов и приморских курортов на севере Европы. Их герои — понимаемые в широком смысле Иные, изолированные от общества по причине умственной отсталости («Ночь Гельвера»), неизлечимой болезни («Без названия») или нестандартной сексуальной ориентации («Пачка смальца с изюмом и орехами», «Анаэробы»).

Хотя автор тщательно затушевывает реальные черты и исторический контекст своих произведений, понятно, что речь идет о насущных проблемах, появившихся в Польше после 1989 го-

да, — о растущей нетерпимости, о страхе перед Иным. В результате политических реформ однородное коммунистическое общество внезапно превратилось в демократическое сообщество индивидуумов. О своем существовании объявили различного рода меньшинства, вызывая в традиционном обществе напряженность и конфликты. В середине 90-х в Польше возник массовый психоз, вызванный СПИДом; в местностях, где предполагалось создание центров ухода за больными СПИДом, жители выступали с протестами и даже устраивали поджоги. В то же время росла подпитываемая церковью и крайне правыми политиками враждебность по отношению к гомосексуалистам. Нетерпимость стала одной из главных проблем современности.

Вильквист в таких пьесах, как «Ночь Гельвера» (1999), или одноактных пьесах из цикла «Анаэробы» сталкивает зрителей лицом к лицу с Иными, а также поднимает вопрос о границах толерантности. Найдется ли в новом мире, делающем ставку на индивидуализм, место для инвалидов и умственно отсталых людей? Признают ли поляки, воспитанные в консервативном духе, сексуальные, расовые, культурные отличия?

В то же время Вильквист постоянно возвращается к опыту XX века. Одна из навязчиво повторяющихся у него тем — преследование людей с психическими отклонениями в тоталитарном государстве. В «Ночи Гельвера» женщина ухаживает за умственно отсталым парнем во времена тотального террора. Когда в дверь лмятся фашисты, она дает ему смертельную дозу снотворного. А потом обращается к Богу, бросившему их на произвол судьбы:

ОНА:

Прости меня, прости! Прости меня, Господи! (пауза — дыхание — взрыв — истерический крик) *Ты знаешь? Да что ты знаешь? Что?* (пытается поднять тело Гельвера) *Смотри! Смотри, что ты сделал!* (прижимает к себе труп) *Почему?* (крик — плач) *Ведь он же знал эту молитву. Знал, как никто! Ну!* (трясет тело Гельвера) *Скажи Ему! Скажи!* «Ангел Божий, хранитель мой...» *Слышишь? Видишь, как хорошо он знает молитву... Только его Ты должен услышать... Только его... Только его...*

Камерные пьесы Вильквиста про нездоровые взаимоотношения и негативные эмоции заполнили вакуум, возникший в

польском театре после того, как из него исчезла романтическая драма XIX века и драматургия, основанная на абсурде соцреализма. Персонажей, живущих стандартными идеями, Вильквист заменил героями с глубоким внутренним миром и богатым прошлым. В каждой пьесе чувствовалась трагическая тайна, которая открывалась по мере развития действия. Трудно, однако, назвать эти пьесы новаторскими по форме: Вильквист не скрывал, что находится под влиянием реалистических произведений Теннесси Уильямса и Ибсена. Дальше всего в модернизации языка он пошел в «Препаратах» (2001): в подземельях вокзала писатель, он же — психотерапевт, встречается с группой пациентов, которых готовит к самостоятельной жизни на поверхности. Его подопечные напоминают героев пьесы Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Они цитируют диалоги из кинофильмов и отрывки из литературных произведений, мыслят штампами из мелодрам и любовных романов, копируют поведение актеров из популярных сериалов; чтобы подготовиться к самостоятельной жизни, воспроизводят повседневные ситуации из туристических разговорников, изданных еще в коммунистические времена. Все это придает пьесе метафорический характер: автор рисует портрет общества, которое увязло в прежних условностях и не готово к свободе.

Вильквист и Котерский предложили новый образ драмы, ставшей инструментом коллективной психотерапии поляков. Их пьесы показали скрытый страх перед Иным и Чужим, обнажили неврозы повседневной жизни, нездоровые отношения между людьми и кризис семьи, что привело к кардинальному изменению перспективы: популярного в Польше романтического героя, вступающего в спор с Богом и историей, заменил человек, который не в состоянии справиться с собственными демонами.

Новое поколение: неореализм и постдрама

Ключевым моментом в новейшей истории польского театра стало 18 января 1997 года. В этот вечер в двух варшавских театрах — «Розмаитости» и «Драматическом» — состоялись премьеры

ры, на афишах которых значились имена двух молодых, еще неизвестных режиссеров: Гжегожа Яжины (выступавшего под псевдонимом Гжегож Хорст д'Альбертис) и Кшиштофа Варликовского. Первый поставил гротескную пьесу Станислава Игнация Виткевича «Тропическое безумие» о столкновении европейской цивилизации с Дальним Востоком, второй — трагедию Софокла «Электра», представленную в контексте войны на Балканах.

В обоих спектаклях наряду с новой тематикой присутствовал новый театральный язык. В литературную речь бесцеремонно врывались цитаты из кинофильмов и популярных песен, а главными темами стали кризис сознания современного человека, разочарование в прежней системе ценностей, поиск экстремальных ощущений в насилии и сексе. После долгих лет творческого застоя, вызванного кризисом в польском театре начала 90-х, эти постановки были откровением, а их создатели вскоре стали пророками нового театра.

Новое поколение режиссеров, к которому кроме Яжины и Варликовского принадлежали Анна Аугустынович, Петр Цепляк и Збигнев Бжоза, привлекло в театр молодых зрителей, которые до этого предпочитали кино или клубы. Молодые режиссеры говорили на одном с ними языке — языке поп-культуры. В то же время они затрагивали проблемы, непосредственно касавшиеся молодых людей конца XX века: ослабление эмоциональных связей, отчужденность или сексуальную амбивалентность.

В течение нескольких сезонов театр стал местом горячих дискуссий о современности. Одновременно работы нового поколения режиссеров явились катализатором изменений в драматургии. Хотя театральный репертуар состоял главным образом из очередных постановок классики и пьес западных бруталистов (прежде всего Сары Кейн), спектакли этих режиссеров, благодаря нравственному радикализму и новаторскому языку, повлияли на целое поколение молодых писателей.

Результат не заставил себя долго ждать. После 2000 года к поколению 40—50-летних (Слободзянек, Котерский, Вильквист) присоединилась новая генерация авторов, родившихся в 1970—1980-е годы. К ним относятся, в частности, Магда Фертач, Иоанна Овсянко, Дана Лукасинская, Михал Вальчак, Томаш Ман,

Павел Саля, Павел Демирский, Кшиштоф Бизё, Марек Модзелевский, то есть дети капитализма, воспитанные уже в условиях свободы. Среди них есть прозаики, режиссеры, журналисты, сотрудники рекламных агентств, телесценаристы, врач и архитектор.

Болезненные переживания предыдущих поколений, как, например, события марта 1968 года или введенное в 1981 году военное положение, от них так же далеки, как Октябрьская революция от молодых россиян. Их естественная среда — либеральная демократия и капитализм, которые являются для них лишь точкой отсчета, а не (как для предыдущих поколений) историческим достижением. Это дает им право критиковать новую систему.

Они не сводят счёты с прошлым, а пытаются отразить жизнь молодежи в условиях новой реальности. Они говорят о проблемах неприспособленности, депрессии, чувстве отчужденности. Показывают оборотную сторону социальных изменений: кризис семьи, расслоение общества, угрозу насилия, эрозию эмоциональных связей, триумф потребительства. Они скептически относятся к таким авторитетам, как Церковь, которая вмешивается в политику, или поколение основателей «Солидарности», променявших свои идеалы на должности в новых структурах власти.

Появление такого количества талантов стало возможным благодаря возникновению различных организаций, поддерживающих молодых авторов. В Радоме в 2001 году был учрежден фестиваль современной пьесы «Смелый Радом», совмещенный с конкурсом и ставший местом многочисленных драматургических открытий (в частности, здесь состоялся дебют Марека Модзелевского). Слободзянек в 2003 году основал в Варшаве «Лабораторию драмы», польский аналог московского Центра драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и Михаила Рошина — объединение театра-студии с круглогодичными драматургическими мастер-классами. Ему удалось собрать вокруг себя группу из полутора десятков авторов, в большинстве своем дебютантов (это, в частности, Иоанна Овсянко, Магда Фертач, Томаш Ман, Томаш Качмарек, Павел Юрек).

В варшавском театре «Розмаитости» под руководством Яжины был запущен проект TR/PL, в котором над новыми текстами работает группа драматургов и прозаиков (Пшемислав Войцешек, Марек Кохан, Михал Баер, Дорота Масловская и др.). Впервые с 1970-х годов выходят антологии современной польской драмы «Поколение порно» (2003) и «Made in Poland» (2006), составленные автором данного предисловия, «Отголоски, реплики, фантазмагии» (2005) под редакцией профессора Малгожаты Сугеры, а также изданный театром «Розмаитости» сборник «TR/PL» (2006). В Кракове в Ягеллонском университете была создана первая в Польше студия драматургии под руководством Малгожаты Сугеры, где также проходят мастер-классы с участниками проекта TR/PL. Министерство культуры Польши финансирует лучшие премьеры в рамках конкурса современной польской пьесы.

Все больше театров заказывают для себя пьесы. Так работает Легницкий театр им. Моджеевской, по заказу которого была создана «Баллада о Закачавье» Мацея Ковалевского, Яцека Гломба и Кшиштофа Копки (рассказ о рабочем районе Легницы, где видны приметы драматической истории второй половины XX века). Все чаще автора включают в состав театральной труппы, и он принимает непосредственное участие в работе над спектаклем, совершенствуя свой текст. Так происходит в «Лаборатории драмы» и театре «Розмаитости», где новые произведения тестируются во время их читки. Появилась новая должность — драматург театра (по аналогии с немецким театром), которая сочетает в себе обязанности завлита, ассистента режиссера и драматурга. «Драматург театра» работает над новыми текстами и инсценировками, придает классическим произведениям актуальное звучание. В таком качестве выступили, в частности, Вильквист (театр «Выбжеже» в Гданьске), Врублевский («Старый театр» в Кракове) и Грущинский (Театр «Розмаитости»), а в настоящее время «Новый театр» в Варшаве).

Одновременно с появлением новых авторов и новых текстов обозначились две главные стратегические линии в драматургии.

Первая (ее можно назвать неореализмом), близкая к российскому «Театру.doc» и английскому *verbatim*, стремится описать действительность с помощью приемов реалистической драматур-

гии. Это — возвращение к реалистической традиции, несколько забытой в Польше во второй половине XX века. Драматурги этого направления отходят от условностей и метафор, отдают предпочтение фактам, используют документы, печатные материалы, иногда проводят собственное журналистское расследование. Они прибегают к разговорному языку и поднимают острые темы, связанные с патологией новой капиталистической системы (безработица, распад семьи, трудовая эмиграция). Их героями становятся люди, изолированные от общества по экономическим или иным причинам: гомосексуалисты, безработные, бомжи, малолетние преступники, женщины из порнобизнеса.

В этом направлении работают, в частности, Пшемислав Войцешек («Made in Poland», «Что бы ни случилось, я люблю тебя»), Павел Саля («Теперь мы будем хорошими», «Gang Bang») и Роберт Болесто («О, мать и дочь, 147 дней»).

Эффективность этой стратегии доказал проект под названием «Скорый городской театр», существовавший в 2002—2005 годах при театре «Выбжеже» в Гданьске под руководством Павла Демирского. Большим событием явился приезд в Гданьск московского «Театра.doc» в 2002 году со спектаклями «Борьба молдаванин за картонную коробку» и «Большая жрачка». В последующие годы в «Выбжеже» прошла серия документальных, основанных на опубликованных в прессе материалах спектаклей, в частности, о проблеме неонацизма, жизни бомжей и польских солдат в Ираке. Некоторые из них были сыграны в аутентичной обстановке, например, в квартире или приюте для бездомных, что подчеркивало документальный характер спектакля.

Особую роль в развитии неореализма играет варшавская «Лаборатория драмы». Ее основатель, Тадеуш Слободзянек, предложил формулу театра для среднего класса, чтобы эта новая, только зарождающаяся социальная группа могла критически взглянуть на себя. Примером этого направления является пьеса «Тирамису» (2005) Иоанны Овсянко — ироническая комедия о сотрудницах рекламного агентства, которые, уверовав в созданные ими же самими потребительские иллюзии, за профессиональный успех платят неудачами в личной жизни. Огромный успех этой комедии, поставленной в частном театре «Студио Буффо» (почти 200 спектаклей), свидетельствует о правоте Сло-

бодзянека: новый класс готов платить за то, чтобы увидеть в театре свой образ, пусть и критический.

Другое направление новой драматургии отходит от описательного повествования и типового героя. Авторы придерживаются концепции постдрамы немецкого театроведа Ханса-Тиса Лемана и создают фрагментарные композиции из обрывков диалогов и незаконченных реплик; в этих композициях нет ни четко очерченных персонажей, ни развития действия.

К форме постдрамы прибегают прежде всего авторы, участвующие в проекте TR/PL варшавского театра «Розмаитости». В «Поверхности» (2004) Шимона Врублевского звучат реплики, неизвестно кем произносимые и кому адресованные. В «Зоне военных действий» (2006) Михал Баер «разбирает по кирпичикам» жизнь одной семьи, представив ее в виде военной игры. К этому же направлению относится пьеса Дороты Масловской «Двое бедных румын, говорящих по-польски» (2006). Ее герои — парень и девушка из Варшавы, которые под влиянием наркотиков отправляются в путешествие автостопом по польской провинции, изображая из себя румынских нищих. Их приключения — всего лишь предлог, чтобы с помощью сложной языковой структуры показать подлинную драму асоциальности.

Источником вдохновения для приверженцев неореализма стала немецкая и английская бруталистская драматургия 1990-х, ознаменованная творчеством Мариуса фон Майенбурга, Сары Кейн и Марка Равенхилла. Образцом для авторов театра постдрамы был немецкий театр: спектакли Кристофа Маргхалера, Хейнера Мюллера, Франка Касторфа и позже Рене Поллеша. Вскоре, однако, и те и другие выработали собственную стратегию и оригинальный язык, учитывающий особенности польского менталитета.

Образованные и изолированные

Польская драматургия как неореалистического, так и постдраматического направления занимается прежде всего проблемами двух социальных групп. С одной стороны, поколением самих авторов, образованных, живущих в больших городах и вступаю-

ших во взрослую жизнь молодых людей на пороге нового столетия. С другой стороны, героями новой драматургии становятся маргиналы.

В новой драматургии эгоизм борется с альтруизмом. Одни авторы сосредоточивают внимание на проблемах своих ровесников, которые пользуются благами новой системы и добиваются успеха, в то время как других привлекает политика и возможность защитить своих сограждан, не имеющих права голоса в общественном диспуте.

В настоящей антологии читатель найдет пьесы о молодых акулах капитализма, страдающих депрессией, трудоголизмом и несчастных в личной жизни, — «Тирамису» Овсянко, «Абсент» Фертач, «Коронацию» Модзелевского, а также комедию «Тестостерон» Сарамоновича. А пространство «униженных и оскорбленных» представлено в пьесах Демирского («Не удивляйся, когда придут поджигать твой дом»), Мана («111»), Прухневского («Люцина и ее дети»), Сали («Теперь мы будем хорошими») и Войцешка («Made in Poland»).

Естественно, не все драматурги занимаются критикой системы и социальной проблематикой. Магду Фертач и Михала Вальчака больше интересует тема эмоциональных контактов, проблемы самоидентификации, отношения полов. Их пьесы — это путешествие вглубь психики современного человека, эмоционально незрелого, нерешительного, не способного справиться со своими демонами. Пьеса «Абсент» Фертач — исповедь девушки, которая в день свадьбы кончает жизнь самоубийством; теперь, существуя как призрак, героиня пытается разрешить загадку собственной жизни.

Наряду с попытками описать действительность после падения коммунизма в новой драматургии все популярнее становится тема отношения к новейшей истории XX века. Появление таких пьес связано с приходом к власти национал-католической коалиции (2005—2007), которая провозгласила идею «исторической политики», основанную на толковании польской истории в антикоммунистическом духе. В 2006 году Польским телевидением под воздействием правых сил была открыта «Сцена факта», на которой идут спектакли, создаваемые по формуле документальной драмы. За основу берутся архивные материалы 1940—

1950-х годов, то есть времен сталинского террора и борьбы с независимым подпольем в ПНР. В частности, в этих спектаклях отражена деятельность оппозиции, история ее преследования, судебных разбирательств, коррупционных афер. Идеализируемый частью польского общества коммунистический период показан в черном свете.

Этот цикл спектаклей пользуется огромным успехом (на некоторых побывало от 1,5 до 2 миллионов зрителей), однако с художественной точки зрения «Сцена факта» оставляет желать лучшего. Если раньше боровшееся за независимость страны подполье представлялось как банда, а сотрудники службы безопасности — как герои-освободители, то сейчас роли поменялись: оппозиционеры выглядят невинными жертвами, а их преследователи — палачами-садистами, действующими по указке русских.

Реакцией на манипулирование историей в пропагандистских целях стало появление пьес о том, что на самом деле происходило в XX веке, то есть о тех фактах прошлого, которые пытаются предать забвению. К их числу относится документальный спектакль Яна Кляты «Трансфер!» (2006) с участием настоящих немцев и поляков, которых после 1945 года заставили покинуть родные края. Постановка вызвала бурные споры, поскольку впервые судьбы палачей приравнивались к судьбам их жертв. На сцене стоят рядом немцы, изгнанные из Силезии и Восточной Пруссии, и занявшие их дома поляки, переселенные из восточных областей Польши, в свою очередь занятых Советским Союзом. Одни говорят о русских, насилующих немецких женщин, другие — о цивилизационном шоке, который вызвала у них горячая вода в немецких ваннах. Клята подчеркивает общность судеб этих людей, установив над ними платформу, на которой актеры, играющие вождей Большой тройки (Сталина, Черчилля и Рузвельта), делят послевоенный мир. Немцы и поляки — жертвы истории.

О тяжелом наследии войны и памяти рассказывается также в пьесе Магды Фергач «Trash Story» (2008). Действие происходит в бывшем немецком доме на западе Польши, где поселилась польская семья и где живет дух умершей немецкой девочки Урсули, которую мать повесила в 1945 году, чтобы та не попала в

руки советских солдат. Фергач смешивает вчерашний и сегодняшний день, сравнивает последствия Второй мировой войны и войны в Ираке, на которой воюет сын нынешних обитателей дома. Письма из Ирака в сопоставлении с письмами отца Урсули с Восточного фронта — яркое свидетельство того, какую травму наносит человеку любая война.

Новой темой стала ответственность поляков за холокост. Дискуссии на эту тему начались с публикаций социолога Яна Томаша Гросса, который в книгах «Соседи» (2001) и «Страх» (2008) описал участие поляков в убийствах и преследованиях евреев во время войны и сразу после нее.

Книги эти стали потрясением для польских читателей, воспитанных на мифологии жертвы. Тему подхватили многие драматурги. Петр Ровицкий написал «Привязанность» (2008) — современную версию пьесы С. Ан-ского «Дибук», мистической драмы, в которой дибук — душа умершей невесты — вселяется в тело любимого. В драме Ровицкого дибук еврейской девочки, убитой соседями, через несколько лет вселяется в тело бандита, который хочет изменить свою жизнь и готовится к свадьбе. Окружающие думают, что он свихнулся, когда тот начинает плакать и говорить на идише. Дибук меняет его жизнь и заставляет вернуться к забытому прошлому городка, в котором все оказываются в той или степени виновными.

Лучшей пьесой из этого цикла является «Наш класс» (2008) Слободзянека, премьера которой состоялась в «National Theatre» в Лондоне в 2009 году. Ее герои — одноклассники из небольшого польского городка, поляки и евреи. В пьесе, действие которой разворачивается на протяжении 80 лет (от межвоенного периода до наших дней), показаны люди, не сумевшие противостоять истории и совершившие ужасные преступления. В основу легла история описанного Гроссом погрома в городке Едвабне в Восточной Польше, где в 1941 году поляки загнали в овин и заживо сожгли несколько сот своих соседей-евреев.

Слободзянек показывает всю сложность человеческих судеб, которые были соседями, одноклассниками, а затем — палачами и жертвами. Драматург анализирует деструктивное влияние на героев истории и идеологии, как фашистской, так и коммунистической. Насилие и ненависть присутствуют с обеих сторон:

ущелевший в погроме еврей после войны становится офицером службы безопасности и мстит полякам, своим прежним одноклассникам. В пьесе красной нитью проходит мотив школьных уроков, на которых герои постигают азы религии, польского языка, математики, географии, биологии и физики. Однако их жизнь вступает в глубокое противоречие со школьными истинами.

История, особенно Вторая мировая война, становится все более популярной темой в польской драматургии, так же как хаос и утрата ценностей после падения коммунизма. Обе темы лучше всего сочетаются в пьесе Масловской «У нас все хорошо» (2008). На первый взгляд, это еще одна пьеса об униженных и оскорбленных. Действие происходит в «многоэтажном человеческом доме» в Варшаве. Герои — три поколения одной семьи, влачащей полунищенское существование: прикованная к инвалидной коляске бабушка, мать, разгружающая товар в супермаркете, и дочь — Маленькая металлическая девочка. Бабушка представляет поколение довоенной интеллигенции, ныне деградировавшей, мать — разочарованный рабочий класс, живущий на грани прожиточного минимума, дочь — молодое поколение, не отождествляющее себя со своей нацией и «списывающее мысли из Интернета». Между героинями нет взаимопонимания, они говорят на разных языках, и каждая живет в своем мире. Их бессвязная, невнятная речь напоминает гротескные диалоги из пьес Вернера Шваба, клеймящих австрийское мещанство.

Воображением героинь завладели СМИ. Масловская мастерски показывает фальшь языка телереклам, глянцевого журналов и таблоидов, противопоставляет потребительские мечты реальности, в которой у семьи нет средств на удовлетворение минимальных нужд. За образом нищеты общества и культурной деградации стоит вопрос о национальной идентификации, о том, что сегодня объединяет поляков. Общей для всех оказывается лишь по-прежнему живая память о Второй мировой войне и Варшавском восстании. В одной из сцен Масловская переносит действие в прошлое. Металлическая девочка, оказавшаяся на развалинах разбомбленного варшавского дома в 1944 году, разыскивает среди обломков части тел своих родных, будто желая восстановить навсегда утраченное единство.

«У нас все хорошо» напоминает первую пьесу Ружеви́ча «Карто́тека», выразившую горький опыт поколения, выросшего во время войны. Масловская, подобно Ружеви́чу, описывает Польшу в состоянии распада, высмеивает идиотизм СМИ, а язык пьесы создает на основе цитат и заимствований. Перед нами горький итог жизни трех поколений: времен войны, коммунизма и капитализма, — представительницы которых прозябают в крохотной сырой квартирке. Однако Масловская не предьявляет счет обидам, не пытается излечить польские комплексы, культивируя миф о жертве. Она задает вопрос: что случилось с обществом через десять с лишним лет после обретения свободы? Почему оно так разделилось, разочаровалось, перессорилось, почему так ненавидит других? Почему у нас не все хорошо?

Очевидцы

Невозможно в один сборник включить все пьесы, о которых шла речь выше.

Данная антология дает лишь общее представление о польской драматургии. Вы найдете здесь произведения, характерные для основных новейших течений. Все пьесы написаны после 2000 года, все поставлены на сцене, некоторые — неоднократно. Пять из них: «Теперь мы будем хорошими», «Песочница», «Токсины», «Made in Poland», «Люцина и ее дети» показал «Театр телевидения», и их посмотрели миллионы зрителей. Это придает жизнеспособность драматическому искусству, которое успешно сопротивляется экспансии новых СМИ и визуальной культуры.

«Поколенческая» драматургия представлена в антологии пьесами «Абсент» и «Коронация», в которых идет речь о кризисе личности и отчужденности молодого поколения, не находящего поддержки у родителей и самостоятельно пытающегося найти свое место в стремительно меняющейся, агрессивной действительности. Реализм в этих пьесах сочетается с метафизикой и поэзией. В «Абсенте», к примеру, выстроена онирическая конструкция: эпизоды из жизни героини чередуются со сценами ее похорон. Из кратких зарисовок, воспоминаний, разговоров с

родными складывается картина трагедии обычной интеллигентной семьи.

Герой «Коронации» — тридцатилетний врач из провинциального городка, переживающий внутренний кризис. Он хочет порвать с семьей, профессией, друзьями и начать новую жизнь в столице. Модзелевский использовал оригинальный театральный прием: герою сопутствует некто Король — его alter ego. Король комментирует его решения, смеется над неудачами и враньем, которым пропитана жизнь врача. Это пьеса о лицемерии и пробуждении самосознания героя, вызванном смертью отца.

Проблемы отсутствия любви и взаимопонимания поднимает Михал Вальчак в дебютантской пьесе «Песочница». Играющих в песочнице детей изображают взрослые актеры — так пьеса становится прозрачной метафорой войны полов и одновременно показывает, как формируются общественные роли мужчины и женщины, как процесс взросления убивает чистоту и искренность первого чувства.

Пьеса «111» Мана навеяна творчеством бруталистов. Цифра в названии — это цена, которую подросток, герой пьесы, заплатил за оружие, из которого убил своих родителей. Оригинальна композиция пьесы: биографию парня с детства до момента преступления рассказывают сам герой и его жертвы — отец, мать и чудом выжившая сестра. Все четверо ищут ответа на вопрос о причинах трагедии. Говорят они короткими, но содержательными фразами, напоминающими выдержки из протокола следствия.

К бруталистскому направлению относятся миниатюры Бизё: «Рыданья» (2003) и «Токсины» (2002). Первая состоит из трех монологов женщин (бабушки, матери и дочери), объединенных темой одиночества и непонимания. В «Токсинах» пять эпизодов с участием двух мужчин — пожилого и молодого, — которые меняются ролями. В одном из эпизодов продавец наркотиков узнает в клиенте своего отца, который бросил его в детстве; в другом мы наблюдаем за беседой в большой корпорации, когда кандидата на высокую должность ставят перед выбором: карьера или сохранение собственного достоинства; в следующем эпизоде сын мстит отцу-алкоголику. Отношения героев основаны на

жестокости, манипуляциях, ненависти и губительны для них, как токсины для организма.

Пьесу «Люцина и ее дети» (2003) Прухневского следует отнести к жанру трагедии. Она основана на фактах реального преступления, которое было совершено в 2001 году в деревне, расположенной в 100 километрах к востоку от Варшавы. В одном из домов были обнаружены мумифицированные останки четырех младенцев. В преступлении обвинили мать шестерых детей. Осталось невыясненным, какую роль в убийстве новорожденных играли остальные члены семьи, в частности неуравновешенная свекровь.

Прухневский показал мир, в котором преступление становится возможным: безразличие соседей, тиранию свекрови, одиночество главной героини, не находящей поддержки у мужа. Семья, состоящая из нескольких поколений, вместо того чтобы дарить друг другу любовь, функционирует как миниконцлагерь, где правят бесчеловечные законы. Деграция системы ценностей начинается на уровне языка, из которого исключены слова «ребенок», «беременность», «плод»; их заменили «байстрюки», «раздутый живот», «залетела». Патология в данном случае имеет психическую и экономическую причины. Люцина не может вырваться из домашнего ада, потому что у нее нет работы. Она вынуждена жить с безвольным мужем и свекровью, которая ненавидит ее и внуков. Уйти и жить одной с детьми она не решается.

Автор придал этой криминальной истории универсальный статус, введя в нее элементы античной трагедии. В роли хора, комментирующего события, выступают деревенские женщины, украшающие придорожную статую Божьей Матери. Реальность тяготеет над героиней, как фатум, трагический финал предначертан ей судьбой, хотя Люцина борется до конца.

Подлинные события легли также в основу пьесы Демирского «Не удивляйся, когда придут поджигать твой дом» (2006). В ней поднимается тема нарушений трудового законодательства в больших концернах: отправной точкой стала гибель молодого работника в результате несчастного случая на заводе холодильников Indesit в Лодзи. Демирский, как и Прухневский, не ограничивается формой репортажа, а создает пространство конфлик-

та. Главные протагонисты — вдова, которая самостоятельно пытается выяснить обстоятельства смерти мужа, и женщина-адвокат, защищающая интересы концерна. Борьба двух поставленных в трудные условия женщин превращает производственную пьесу в универсальную драму о поисках правды.

Пьесы Войцешека «Made in Poland» (2005) и «Теперь мы будем хорошими» (2004) Сали построены как киносценарии. Нетрудно себе представить, где режиссер поставил бы камеру, как выстроил перспективу. В обоих случаях в основе конструкции — классическое действие с кульминационными моментами. Обе пьесы рассказывают о молодежи из так называемых неблагополучных и малообеспеченных семей, которые свой бунт против поколения родителей выражают в форме насилия и деструкции.

Пьеса «Теперь мы будем хорошими» написана на основе реальных историй о малолетних преступниках. Действие происходит в вымышленном исправительном учреждении, находящемся в ведении монахов. В столкновении с нигилизмом малолетних преступников воспитательные методы, предлагаемые Церковью, оказываются неэффективными, что ясно указывает на кризис системы ценностей в католической Польше.

«Made in Poland» — история разочаровавшегося во всем юного анархиста, который не хочет больше прислуживать в церкви и с надписью «fuck off» на лбу ходит по микрорайону, призывая к бунту и разбивая автомобили. К далеко не новой в кино и театре теме подростков из спальных районов Войцешек подошел нестандартно. Он объединил темы бунта и пробуждения самосознания: герой открывает для себя, что насилие не решает никаких проблем. Ответы на мучающие его вопросы он ищет у двух персонажей, прочно укорененных в польской традиции: харизматичного священника, пытающегося оздоровить моральный климат в микрорайоне, и уволенного из школы за алкоголизм учителя польского языка, поклонника поэта-коммуниста Владислава Броневского (1897—1962). Имея возможность выбирать между католицизмом и марксизмом, герой отдает предпочтение третьему пути, собираясь объединить то, что разделило поколение его родителей: в финале он объявляет себя молодым католиком из рабочего класса.

С точки зрения литературного мастерства и оригинальности трактовки неоригинальных тем особое место в антологии занимают две пьесы. Это «Двое бедных румын, говорящих по-польски» (2006) Дороты Масловской и «Ночь (славянско-немецкий медицинский трагифарс)» (2005) Анджея Стасюка.

Пьесу Масловской можно интерпретировать как гротескную картинку из жизни столичных циников, для которых мерилом ценностей являются наркотики, примитивные сериалы и таблоиды. Можно увидеть в ней образ общества, враждебно настроенного к Чужим, будь то румынские попрошайки или жители большого города. Но наиболее интересной представляется тема социальной иерархии, конфликта между комплексом неполноценности и чувством собственного превосходства. Герои добровольно спускаются вниз по социальной лестнице, чем нарушают весь капиталистический порядок, в котором главное — карьера. Они играют в нищету и унижение, чернят зубы и надевают лохмотья, чтобы подчеркнуть свою свободу и превосходство над теми, кто стоит ниже их. Однако невидимую границу между классами нельзя пересекать безнаказанно.

«Ночь» Стасюка — ироничная игра с польско-немецкими стереотипами, напоминающая «Свадебное путешествие» Сорокина. Пьеса полностью выдержана в поэтике абсурда: во время налета на немецкий ювелирный магазин владелец магазина убивает вора-поляка. Ювелир ждет пересадки сердца, и донором должен стать именно этот вор. На трансплантацию немец соглашается только после того, как узнает, что поляк изучал немецкую филологию.

«Восток нуждается в вещах, а Запад — в крови» — эта цитата из пьесы выражает суть современных отношений между старой и новой Европой. В одну сторону едут краденые машины и товары, в другую — рабочая сила и органы для трансплантации. В финале оба героя — мертвый вор и живой ювелир, — лежа на операционном столе, вспоминают Вторую мировую войну, которая навсегда объединила судьбы немцев и поляков.

Как и у Масловской, достоинством «Ночи» является язык — у Стасюка он вызывает ассоциации со средневековыми моралителе. В одной из сцен вор беседует после смерти со своей душой,

которая упрекает его в том, что он не слушал ее ценные советы. Сочетание средневековой формы диалога со смертью и современного сленга вызывает комический эффект и в то же время подчеркивает укорененность пьесы в польской литературной традиции.

Наконец, «Тирамису» (2005) Овсянко и «Тестостерон» (2002) Сарамоновича — самые легкие в жанровом плане комедийные произведения, построенные на отточенных диалогах; их главная тема — женские и мужские стереотипы.

Авторы, однако, не избегают и рассуждений на серьезные темы. Овсянко в своей пьесе о женщинах из рекламного бизнеса задумывается о последствиях «крысиных бегов в женском варианте». Героини играют роли жестких, алчных «бизнес-леди», они соперничают одна с другой даже по количеству оргазмов, испытанных в уик-энд. В то же время они с головой погружены в виртуальный мир рекламы и тщетно пытаются соответствовать идеалу женщины, который сами же и создали. Стресс, связанный с работой, они компенсируют сексом и шопингом, и при этом все очень одиноки.

Сарамонович описывает другую сторону медали: кризис мужского самосознания в эпоху воинствующего феминизма. Он высмеивает стереотип мачо, культивируемого поп-культурой. Обсуждая коварство женщин, герои «Тестостерона» показывают свои истинные лица: оказывается, что даже самые заядлые сексоголики тоскуют по серьезным отношениям и теплу семейного очага. Они умиляются, глядя на детские фотографии, и вполне профессионально обсуждают кормление ребенка.

* * *

Документальные или мифологические, реалистические или метафизические, авангардные или рассчитанные на коммерческий успех, современные польские пьесы имеют одну общую черту. Они существенным образом отклоняются от основного направления польской драматургии XIX—XX веков. В них не найти гротескных моделей реальности, которые были у Виткация, Гомбрёвича и Мрожека. Редкостью становится поэтическая драма, особо чтимая польским театром в XIX—XX веках. Обращений к литературно-сценическому жанру также немного.

Новые авторы хотят, прежде всего, очертить и проанализировать новую реальность. Не случайно многие из них имеют опыт работы в журналистике. Драматург сегодня уже не является ни вдохновенным проповедником, ни сторонним наблюдателем, как в XIX веке, он — непосредственный участник событий, о которых пишет в своих пьесах. Создается драматургия очевидцев, быстро реагирующая на перемены.

Контекст современных пьес понятен зрителям — они в нем существуют. Это основательно меняет роль самой драматургии, которая становится рупором социальной коммуникации. Отсюда обращение авторов к актуальным проблемам, разговорному языку. На этом фундаменте выстраивается все больше текстов, отшлифованных в литературном и сценическом плане, которые не только отражают действительность, но и создают ее — или деконструируют, как, например, это делает Масловская. Для того, чтобы лучше понять и описать мир.

В России и в Польше драматургов часто упрекают в том, что они изображают действительность слишком мрачной. «Почему вы не даете людям надежду и силы для жизни?» — спрашивают некоторые критики. Как будто драматургия и театр —болеутоляющее, которое поможет забыть о своих проблемах. Театр в Польше по-прежнему остается одним из немногих мест, где ведется открытая, но болезненная дискуссия о современной жизни. Быть может, когда-нибудь придет время более оптимистических историй. Пока что их нет.

Кшиштоф Бизё

РЫДАНЬЯ

Перевод Ирины Киселевой.
© by Krzysztof Bizio

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АННА, 18 лет (внучка Зофьи, дочь Юстыны)

ЮСТЫНА, 44 года (дочь Зофьи, мать Анны)

ЗОФЬЯ, 67 лет (мать Юстыны, бабушка Анны)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ: ЮСТИНА, 44 ГОДА

С красивыми женщинами так не разговаривают. Их не матерят, на них не орут, их не понукают. Им улыбаются, анекдоты рассказывают. Один жест, доброе слово — и сразу становится хорошо.

Я должна была это предвидеть. Я не красавица. Нет, я — не уродина, но и не красавица. Я всегда это знала, с самого начала. Ноги, губы, грудь — все в порядке, но... Я должна была предвидеть. Догадаться, что как раз со мной это может случиться. А я думала: с кем угодно, только не со мной. Вот и случилось.

На сослуживиц было просто смешно смотреть. Составляли списки, гадали, кого уволят. Одна знакома с директором, другой осталось пять лет до пенсии. Все ясно: трудности, бюджет, проблемы, я все понимала. И тут вызывают меня. Директор сказал, мол, трудности, бюджет, проблемы, — и меня увольняют. Я ничего не поняла.

Я его хорошо знаю. Года три он ходил в одном и том же зеленом свитере. Звонил по личным делам со служебного телефона и говорил часами. Двое детей, машина паршивенькая. Он тоже боится. Все боятся. Сами пинают, пинают, но потом и им дадут пинка в зад. Да, я его знала, но, видимо, кто-то знал лучше.

Сначала я не выходила из дома. В голове крутилось только одно: *безработная, безработная, безработная*. Про-

сыпалась утром, ложилась спать — постоянно одно и то же. Видеть никого не могла, все меня раздражало. Звонила, просила, потом перестала — надоело слушать: *ты обязательно что-нибудь найдешь, главное — не отчаиваться, все будет хорошо, а кроме того, посмотри, какие у других проблемы.* Что мне за дело, у кого какие проблемы? Им плевать на меня, мне тоже плевать на них.

За визит к врачу я платила сотню. С деньгами у меня было плохо, но я ходила к нему. Это меня успокаивало, я могла хоть ненадолго забыться. Забыться. Он никогда не спрашивал, есть ли у меня деньги, хотя прекрасно знал, в какой я ситуации. В конце сеанса я доставала сто злотых, и он прятал их в карман. Когда я перестала к нему ходить, он даже ни разу не позвонил.

Так вот, врач посоветовал, чтоб я купила кошку. Сказал, чтобы я за ней понаблюдала, посмотрела, какие кошки неприхотливые. Я собиралась идти на биржу труда, когда вдруг увидела Титуса. У него не было правого глаза, он сидел у мусорки. Левый бок разодран, на хвосте струпья. Как только меня увидел, сразу удрал. Я выносила ему по утрам молоко. Через пять дней он позволил к себе прикоснуться, а через две недели я принесла его домой. Я наблюдаю за ним. Он и впрямь очень неприхотливый.

Семнадцать лет привычной работы. Два года в филиале, четыре года в управлении, ну а потом в жилконторе. Ничего особенного — я была начальником отдела эксплуатации: жильцы, телефоны, собрания, осмотры мест происшествий, скука. Требования: коммуникативность, высшее образование, бухгалтерские курсы, дополнительная специализация — у меня с этим все в порядке, *никаких проблем с трудоустройством быть не должно.* Ну и началось.

Я зарегистрировалась на бирже труда. Документы, формальности, один миг, и я уже законная безработная. Имею право на пособие, страховку и так далее. Спокойно, спокойно... *Пока мы не можем вам ничего предложить, но если что-то появится... Да вы сами узнавайте. Надо всегда надеяться на лучшее, правда же?*

Я знаю, что он мне изменяет. Уверена на сто процентов. У него кто-то есть, точно есть. И уже давно, только сейчас он перестал это скрывать. Скоро он будет звонить ей при мне. А этого я точно не выдержу. Этот запах духов от его рубашки, и вечно одно и то же: *Не переживай, дорогая. Как-нибудь справимся. У меня пока неплохо идут дела, только приходится больше вкалывать.* Да, дорогой, однако у меня таких духов нет.

Спим ли мы вместе? Конечно, спим, только на что это похоже? Он у стены, я с краю. Он приходит и сразу же засыпает. Говорит, что устал до смерти и валится с ног. Муж? Теперь у него отговорка: *дорогая, я переживаю за тебя, ты такая напряженная и нервная, ты должна расслабиться.* И вообще, зачем все эти разговоры: я ведь тоже иногда смотрюсь в зеркало.

Больше всего меня выводит из себя это вранье. Нет, нет, такое и раньше было, но сейчас я его не переношу. Этот бред по радио и телевизору. К чему все это? Коммунисты, верующие. Одни пропихивают своих детей в какие-то контрольные органы, другие покупают детям дома за левые доходы. Кому нужно это вранье?

Ну и Мариоля. Пристала со своей помощью. Почему я разрешаю втягивать себя в эти дурацкие разговоры? Она приносит газеты, звонит, предлагает встретиться. Хорошо, когда у тебя есть соседка, но до поры до времени. Все же

ясно: ничего не выйдет, а она талдычит свое: *самое главное — не отчаиваться, правда, Юстынка?* Правда, правда.

Сорок четыре года жизни и семнадцать лет скучной работы. С восьми до четырех. Перекур, второй завтрак, и так день за днем. Выходные, отпуск, сплетни, слухи. Как я могла все это выдерживать? Столько лет? Когда-то мечтала: брошу все, займусь чем-то новым... И что? Меня не хотят взять даже уборщицей!

У меня был кабинет, стол, четыре мужика в подчинении. Золотые руки. Водопровод, канализация, электричество, только газом мы не занимались. И если что-то случалось, то приходили даже в воскресенье. Двоих уволили вместе со мной, но мужикам-то проще. Пан Янек сейчас дежурит на стоянке, а Анджеек, самый молодой, где-то работает по-черному.

Понятное дело, всякое бывало. Два года назад в квартире около лифта на девятом этаже нашли труп старика. Привязал веревку к двум табуреткам, так и лежал. Через месяц тело лопнуло, и вонь дошла до соседей. А еще денежные балансы в конце года, чтоб ничего не оставалось, ну и в принципе все.

Понятно, кому сейчас легко? Кого ни встречу, у всех проблемы. Столько людей поувольняли, поотправляли в бесплатный отпуск или грозят увольнением. Нет, вообще-то, я знаю одну пару, у которой все хорошо. Домик себе купили, он стал каким-то директором. Только с личной жизнью не очень, детей не могут иметь.

Сейчас новые люди нужны, а не такие отсталые, как я. Молодые, пробивные, которые все умеют делать. Все-все, от начала до конца. Один такой даже поселился рядом с

нами. Снимает квартиру того самого деда. Все время улыбается и здоровается, как будто мы сто лет знакомы. А кто я ему, чтобы он так со мной здоровался?

И за маму я переживаю: она такая доверчивая. С тех пор как умер папа, сидит одна и разговаривает с фотографиями. Я ей звоню каждый день, но что толку? Столько раз ей говорила: *оставь ты свою квартиру, поменяй на другую, поближе ко мне*. Ничего не помогает: *я здесь прожила почти всю жизнь, здесь и умру*. И все в том же духе. Ну и что мне делать, если она даже слушать меня не хочет.

Хуже всего, что у меня заканчиваются деньги в банке. Да, я кое-что отложила за несколько лет. Немного, конечно, но все-таки. Думала, что-нибудь куплю: может, машину или однокомнатную квартирку Ане. Сейчас, когда ввели закон о принудительном выселении, можно дешево купить квартиру.

Пришлось все снять со счета — не буду же я у него просить деньги на сигареты и корм для кота. Ему бы это не понравилось, я знаю, любимому мужу это бы не понравилось. Состроил бы кислую рожу, стал говорить о трудностях. Нет, нет, не дождется, не буду я его ни о чем просить. Ни о чем. Я пока сама могу купить себе трусы и колготки.

Во время первого визита врач дал мне несколько советов и выписал рецепт. Во-первых, много гулять, побольше общаться с людьми, разговаривать, не думать о плохом. А во-вторых, прозак. Начала принимать, и действительно все как-то изменилось. День стал длиннее, и на душе как-то поспокойнее. Ну и ноги. Почти перестало сводить. Серьезно, не так, как раньше. Всю жизнь у меня сводило ноги, а теперь все прошло. Значит, лекарство действует.

В конце концов я начала выходить на улицу. Насмотрелась бреда по телевизору, хватит. Пётрек на работе, Аня в школе, а я иду в город. Пешком, пешком, нечего тратить деньги на автобус. Никогда в жизни я не ходила в парк, а сейчас — пожалуйста. Пройду несколько шагов, сяду на скамеечку и смотрю на людей. Все куда-то спешат, все бегом, бегом. А я? Я сижу на своей скамейке и делаю вид, что тоже чем-то занята, только присела на минутку отдохнуть.

Сначала я не могла заходить в магазины. Сама не знаю, что со мной творилось. Меня сразу начинало трясти. Входила в гастроном и думала, что могу съесть все, что лежит на прилавках. Нет, я не была голодной, и тем не менее. Или в магазинах электротоваров: мне хотелось все посбрасывать с полок. Только это бессмысленно, меня бы вышвырнули из магазина, и что дальше?

Иногда мне даже нравится ходить с Мариолей на разные встречи по поводу работы. Люди там такие испуганные. Все: и те, у кого нет работы, и те, что с нами беседуют. Тесты, мотивация, не верю я во все это. Что? Чтобы стать секретарем, нужна мотивация? Чушь какая-то.

Однажды нам раздали тесты. Хуже, чем контрольная работа в третьем классе. Никто не знал, что делать: дать списать или самому списывать.

В магазине на Мицкевича поменяли оформление витрины. Надпись на полмагазина: *распродажа*. Я стою и смотрю: сумки, косметика, белье и пальто. Одно мне даже понравилось. Бархатное, черное, расклешенное книзу, и воротник из серого меха. Карманы накладные, такие, как я люблю, и без пояса. Кому нужны эти пояса?

Аня меня иногда пугает. Еще год назад: *мамуля, мамочка*, — а сейчас? Только дурацкие наушники и полная ти-

шина. Сколько можно слушать одно и то же? Я знаю, знаю, переходный возраст: отрицание всего, ненависть, мысли о самоубийстве и неизвестно что еще. Я тоже училась в лицее. Когда тебе семнадцать, хочется все мировые проблемы решить одним махом. Только зачем при этом меня оскорблять?

Я обожаю бархат. У меня чувствительная кожа. Как только надеваю что-нибудь бархатное, сразу же поднимается настроение. Нигде ничего не чешется, и я успокаиваюсь. Не могу понять, почему мне в последнее время постоянно холодно. Все мерзнет: руки, ноги, даже уши. Надеваю по два-три свитера, но это нисколько не помогает. Вот если бы у меня был по-настоящему теплый свитер или какое-нибудь пальто... Тогда мне точно было бы тепло.

Пётрек и Аня не переносят Титуса. Что за чушь, кому вредит кошачья шерсть, откуда аллергия? Я вообще в это не верю. Просто они не любят кошек, и все. Никто не выведет его погулять, никто не покормит, никто мне не помогает. *Хотела, так получай?* Только я еще другое хотела, а этого нет.

Я стала думать: почему меня не хотят брать? Должна же быть какая-то причина. У меня есть образование, опыт, а на работу не берут. И тут я прохожу мимо зеркала в прихожей, смотрю: боже, что за лицо? Глаза, волосы, кожа и усики над верхней губой. Столько лет на себя смотрю, а усиков не видела? Нет, они были, были, но не такие, как сейчас. Ну конечно, разве можно с таким лицом показываться людям и искать работу?

Недавно я была с мамой у отца на могиле. Боже, сколько новых могил появилось у забора. Ну и мама опять за свое: что надо наконец поменять надгробье, что отец всю жизнь хотел из черного мрамора, что надо посадить какие-

нибудь деревья, чтобы ему не так дуло, и все такое. Когда она это говорила, я так странно себя почувствовала, как будто он еще жив. А может, он и правда где-то здесь?

Я понятия не имела, что коты столько спят. Переживала, не знала, что с ним делать. А он спал и спал себе. Проснется, походит немножко и снова спит. А потом вдруг перестал спать. Орал по ночам, бросался на шторы, не давал себя погладить. Жизнь стала невыносимой, и я пошла с ним к ветеринару. Тот его кастрировал, и сейчас он опять спит и спит. И что за жизнь у такого кота?

Усики я удалила на следующий же день. Пошла к косметичке. Сейчас есть такие новые методы, провести машинкой под носом, и все. Почти совсем не больно. Ну чуть-чуть, но оно того стоило. А косметичка меня еще спрашивает, выдержу ли я, потому что существуют другие методы, но нужно приходить несколько раз. Нашла дурочку, чтобы платить ей за каждый визит. Один раз удалила, и все дела.

Я снова пошла в тот магазин на Мицкевича. Второй этаж: белье, маечки, платья и в самом конце пальто. Я вообще не хотела его примерять. Зачем? Денег нет, так зачем мерить? А продавщица уговаривала примерить. И уговорила. В принципе, почему бы нет? Что, обязательно сразу покупать?

Я его примерила. Сидело идеально, просто идеально. Я стала выше ростом, солиднее. Манжеты, я всегда хотела такие манжеты: широкие и подвернутые. Черные пуговицы, гладкие и сверху закрыты клапанами. Ну и подкладка: мягкая, элегантная. Чудо, просто чудо.

Я вышла из примерочной и подошла к зеркалу у окна. Иду не торопясь, а в другом конце зала замечаю одного

из жильцов, у которого все время засорялась канализация. Он, как только меня увидел, остановился, поклонился и говорит: *Здравствуйте, пани начальник*. Я ему отвечаю: *Здравствуйте*, — и не спеша иду дальше. Все время вижу его в зеркале: он встал, как вкопанный, и смотрит на меня. А я — ноль реакции: ко мне на кривой козе не подъедешь.

Иногда я представляю себе такую сцену. Сижу я в гостинице у моря, внизу, в вестибюле. Мы были в таком отеле с Пётреком, когда Аня была еще маленькой. Подходит ко мне брюнет и улыбается. Ничего больше, просто улыбается. Я улыбаюсь ему, мы идем наверх. Просто так, без слов, без всякого лицемерия. Идем наверх, он открывает дверь, снимает рубашку, брюки и трусы. Без лицемерия и пустых разговоров. Я это сделаю, честное слово, сделаю.

Всю ночь я не могла уснуть из-за этого пальто. Уже засыпая, видела перед глазами ценник. Я понимаю, такие вещи не могут быть дешевыми, но это уж сверх всякой меры. В пять раз дороже обычного пальто — разве это нормально? Ну, не знаю, марка, фирма и так далее, но все-таки...

Наконец я заснула, и мне приснился отец. Я была маленькой девочкой, и мы с ним гуляли по городу. Остановливались, рассматривали витрины, папа купил мне конфеты в киоске, мы ездили на трамвае. Вдруг вижу, мы заходим в магазин на Мицкевича. Не знаю, что происходит: то ли я маленькая, то ли уже большая, а папа только улыбается. Мы поднимаемся на лифте на второй этаж, потому что папа всегда ездил на лифте, выходим. Оно там, висит себе в конце зала. Папа говорит, чтоб я его примерила, потом идет в кассу, платит, и мы уходим. Снова лифт, и мы снова на улице, но я уже в пальто.

Это был знак, знак! Утром у меня опять сводило ноги, и никакой прозак не помог. Все стало ясно: я должна купить пальто, я должна купить это пальто. А потом, а что потом? Потом я сделаю все, как надо. Напишу короткое резюме и отнесу в несколько фирм. Я давно хотела это сделать, давно хотела, но сейчас я точно это сделаю. Стоит войти в любой офис в этом пальто, на меня по-другому будут смотреть. Оно меня защитит, оно меня защитит.

Выхожу из квартиры. Около мусорки лежали разбитые кирпичи, я спрятала один в сумку, чтобы разбить этот чертов датчик на пальто, и иду дальше. Хожу по городу, меня колотит. Руки-ноги дрожат, желудок свело, но я иду. И чем ближе подхожу к магазину, тем становлюсь спокойнее. Мною овладевает спокойствие, полное спокойствие. Не знаю, что происходит, я сама успокоилась или лекарство начало действовать.

Вхожу в лифт, еду на второй этаж. Нет, нет, я не подхожу к пальто, я его вообще не вижу, иду примерять майки. Футболки, боже мой, чтобы обыкновенная майка столько стоила! Ну ничего, меряю: желтая — нет, красная — нет, серая? Да, серая — ко всему подойдет. У меня такая нежная кожа, мне не идут яркие цвета.

Беру майку и как бы равнодушно прохожу мимо пальто. Оно здесь, висит. Вокруг никого, ни одной продавщицы. Я хватаю пальто, беру какое-то платье с вешалкой и иду в примерочную. Вот оно, вот, Боже правый, вот. Сейчас. Достāju кирпич и бью по датчику. Тишина, полная тишина — чего я так боялась, чего? Все будет хорошо...

Я еще несколько раз ударяю по датчику и осколки вместе с кирпичом кладу в сумку. Пальто чистенькое, понятно, что ему ничего не сделалось, я же подложила носовой

платок. Надеваю пальто, подкалываю булавками подол и сверху надеваю свою дубленку. Застегиваюсь и выхожу. Как ни в чем не бывало иду в кассу. Спокойно протягиваю футболку, платье и говорю: *платье маловато, а футболку беру*. Кассирша улыбается и спрашивает: *может, поискать больший размер?* — *Нет, нет, слишком яркий цвет. В другой раз.* — *Как угодно*, отвечает она и упаковывает футболку.

Я выхожу. Спокойно, спокойно, все идет отлично. Лифт, съезжаю вниз, прохожу через антикражные ворота, охранник сам открывает мне дверь, и я выхожу. Улица, люди, машины, а я иду себе как ни в чем не бывало. Наконец останавливаюсь у какой-то витрины. Смотрю: никто за мной не гонится? Нет, все спокойно. Остановка, я сажусь в трамвай и уезжаю.

Наконец я дома. Снимаю дубленку, откладываю ее в сторону, и вот... Господи, какое оно красивое. Откалываю булавки, щеткой прохожусь по нему несколько раз. Вправо, влево. Оно переливается. Темно-синее, черное, коричневое. Кофе, телевизор, сижу и думаю. Ну хорошо, а если они сориентируются, если сообразят, что тогда делать? Ведь они же могут прийти сюда и устроить обыск. Конечно, они придут, ведь я же вчера примеряла это пальто. Продавщицы сообразят. Спокойно, спокойно, ведь никто ничего не знает. Я снова меряю его: чудесное, оно чудесное и ужасно мне идет.

Я складываю пальто и прячу его на антресоли. Спокойно, спокойно, ведь здесь его никто не найдет. Вернулась Аня, пришел Пётрек, я накормила их обедом, ничего не сказала и просидела на кухне до самого вечера. Господи, я снова не могу уснуть. Ведь если кто-то придет, то сразу заглянет на антресоль, сразу на антресоль. А если Аня случайно заглянет? Что я ей скажу, что я ей скажу?

Я заснула в пять, и мне снова приснился отец. Мы ходили по нашему старому саду и собирали клубнику. У меня уже почти полная корзинка, но внезапно я спотыкаюсь и падаю. Папа подходит ко мне, помогает подняться, и мы собираем клубнику в мою корзинку. Медленно, каждую клубничку вытираем и кладем в корзинку. И тогда папа спрашивает, как там мои годовые оценки. *Годовые оценки, папа? Почти все пятерки, только по биологии четверка, потому что учительница меня не любит.*

Я просыпаюсь утром, и опять тишина. Все ушли в школу, на работу, но я знаю, что мне делать. Знаю, знаю, я все хорошо продумала. Я достаю его с антресоли и раскладываю на ковре. Потом ищу ножницы и бумажный пакет. Ножницы, ножницы, куда я опять положила эти ножницы? В четверг шила, а потом... Вот они. Рукава, воротник, спина. Режу ровненько, полосками по пять сантиметров. Пять сантиметров, полоска, откладываю; пять сантиметров, полоска, откладываю; пять сантиметров, полоска, откладываю. Наконец закончила. Пальто изрезано, пакет полный, я все вокруг пропылесосила. Тишина. Только Титус сидит на кресле и мурлычет. *Да, Титусик, да. Твоя хозяйка поступила ужасно. Видишь, видишь, но твоя хозяйка хорошая, и у нее в школе были почти все пятерки. Да, да, хозяйка взяла Титусика и накормила. Титусику нечего было есть, он ходил голодный, но она взяла его к себе, и Титусик теперь спит в кроватке вместе с хозяйкой. Хозяйка никому не даст Титусика в обиду, никогда, никогда, и Титусик будет счастливым котиком.*

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: АННА, 18 ЛЕТ

Если составить рейтинг самых отстойных дней, вчерашний точно побил бы все рекорды. За что ни возьмусь — жуть. Облом по всем пунктам, ноль везения с самого на-

чала. Хорошо, что закончился, иначе не знаю, что бы еще случилось.

Мой предок меня бесит до невозможности. Сколько раз я ему говорила, чтобы нормально мыл после себя ванну. Не буду же я убирать за ним его волосы. Если лысеешь, надо после себя убирать. Он может часами сидеть в ванной и распевать свои дебилские песни. Не понимает, урод, что у меня в этом доме тоже есть кое-какие права?

Я как только проснулась, сразу почувствовала, что день будет фиговым. Думала, не встану с кровати. Небо какого-то говняного цвета. Дождь, снег, вечно какие-то осадки, из дома выходить влом. Когда уже закончится эта гребаная зима? Пошло оно все! Как меня бесят эти шапки — не буду портить себе прическу, и точка.

В зиме только и хорошего, что Новый год. Один день, а остальное — чистый отстой. В этом году была классная тусня. Каська после нее на целую неделю пропала. Даже целка Юлька оторвалась по полной. Тупая коза, мозгов ноль. Если она еще раз скопирует мои голубые волосы, получит от меня по жирной жопе. Если я что-то придумала, это мое, ясно?

Я не догоняю, на фигу мать в субботу готовит. Какие дебилы еще едят бигос? Разве только в доме престарелых. Мало того, что воняет, так еще потом это есть нужно. Нет, я — пас. Мне восемнадцать лет, и харэ, я могу делать все, что хочу. Я вообще мало ем. Дайте мне бабки, и я куплю себе хавку в городе. А бигос, нет, не буду я никакой бигос.

Суббота. Я ее целую неделю ждала, и вот она. Лежу и думаю. Музыка, мать нажралась таблеток и сидит в туалете, отец опять возится со своими удочками. Как тут убьешь

время до вечера? Я встала. Прошлась и снова легла. Думаю, а чё, не позвонить ли Аське?

Знаю, что не надо, знаю. Эта коза должна позвонить первой, но, блин, звоню я. Шаг навстречу. *Она еще спит, но я ее разбужу*, — говорит ее отец. Переживи он то, что Ася, тоже бы спал, баран. А потом поехало. Мы разговаривали часа два. Супер. Круто, что все хорошо закончилось. Через неделю мы вместе идем на балет.

У меня чутье, реально, у меня чутье. Я как увидела Аську с этим чуваком, сразу поняла, что лажа. У него на лице было написано: колхоз «Прогресс», деревня «Трактор», лошара. Этот дебил думает, что если он понты кидает, то каждая телка под него ляжет. А его шузы — не доверяю я чё-то людям в начищенных туфлях. С самого начала было ясно, что где-то будет прокол.

И тут звонок от Аськи. Я не понимаю, надо же было раздуть такую историю: как будто медицина стоит на месте и не развивается? Аська стала париться. Нет месячных, а еще этот тест. *Блин, Аня, я по ходу залетела, что делать, что делать?* — визжит в трубку. Через полчаса я была у нее, через полчаса. Друзья познаются в беде, а я знаю, каково это, знаю.

Этого, в блестящих туфлях, как ветром сдуло, без вести пропал. Телефон отключен, даже автоответчика нет, а Аська не знает, где он живет. *А где вы были всю ночь?* Разговаривали в машине. Дебил безмозглый, нет слов. Две ночи мы не спали, две ночи. Что делать, что, блин, делать? Ну и потом, через два дня пошли месячные. Офигеть, как я из-за нее парилась.

Тогда мы и решили. Без базара, надо проучить козла. Мудак тупорылый, надо научить его уму-разуму и уваже-

нию к женщинам. Несколько звонков, и все дела. На районе ему лучше не показываться, парни морду начистят по полной. Ох, до чего ж я не люблю мужиков в блестящей обуви.

Я закончила разговаривать с Аськой и опять слышу эту вонь. Ну понятно, суббота, обед, мать в кухне готовит бигос, отец отмокает в ванне, реальный отстой. Каждую неделю одно и то же, каждую неделю. Если бы не эти брюки, я бы точно свалила. Незачем жить. Вынесла мусор, прошвырнулась, подумала о них, и настроение поднялось. Джинсы: золотые вставки, красные блески. Ни у кого таких нет.

Я прямо вижу, реально вижу картину. Прихожу я в понедельник в школу, как ни в чем не бывало. Вхожу в туалет, и у всех челюсти отвисают. У всех; ведь ни у одной овцы нет таких штанов. Глупые рожи, расспросы, супер. Магазин открывается в десять, в школу к одиннадцати. Пани Йоля обещала, что никому их не продаст. Прибегаю, покупаю и могу двигать в школу. Это будет мой день.

Только есть одна проблема. Одна-единственная, вечно одна и та же — бабло. *Па, дай две сотни, а?* Ноль эмоций, ноль. Матери я вообще ничего не говорю. Зачем, ведь эта идиотка — безработная. У нее самой нет даже на прокладки, а все равно пыхтит от гонора. Пошла бы... пошла бы, в конце концов, хоть на какую-нибудь работу. Хоть куда-нибудь бы выходила, а не сидела все время дома. А, ладно, я же с ней поругалась и вообще не разговариваю.

Звоню Юльке. Ясен перец, не берет трубку. Конечно, кто сказал, что телефон существует для того, чтобы отвечать на звонки? Звоню Гоське, бабок нет, одолжить не может. А Госька вообще что-нибудь кому-нибудь в жизни одолжила? Последняя надежда: Лукаш. Как я это ненави-

жу! Мой бывший парень, дебил. Сама не знаю, какой надо быть душой, чтобы с ним ходить. Урод.

Нет, ясно, у него есть бабки, у него всегда есть бабки. Что-что, а бабки у него есть всегда. Он говорит, что о'кей, что может, что надо поговорить, обсудить детали. И начинает пургу всякую нести: а зачем мне деньги, а когда отдам, а почему так дорого? Я фигею. Я уже вижу эту дебильную слюнявую рожу. А он торжествует, торжествует, довольный. Но, блин, штаны важнее.

Только отошла от телефона, как отец наконец выполз из ванны и к телефону — позвонить понадобилось. *С кем ты столько разговариваешь? Ты знаешь, сколько это стоит? Дождешься, что я в конце концов отключу телефон.* Да пошел он! Когда-нибудь он меня так достанет, что я ему все выложу — он просто офигеет. Думает, я ничего не знаю о его врачихе. Козел, урод. Я еще этим займусь: или он даст мне бабла, или я выложу все матери, и тогда посмотрим.

Автобус. Терпеть не могу ездить на тусу автобусом. Могла бы попросить Лукаша заехать за мной, но лучше уж вонючий автобус, чем его дурацкая тачка. Столько бы всего пришлось выслушать: *не ешь, только ничего не ешь и не пей, я вчера чистил обивку,* — блевать хочется. А о том, чтобы предок одолжил мне свой драндулет, нечего и думать. Я получила права, и что? На фига я сдавала на права?

В автобусе одни и те же морды. Весь район куда-то эвакуируется. Мудаки из девятого класса, пара знакомых и куча каких-то бритых наголо горилл. Терпеть не могу хамства. Зачем эти кретины ходят на тусовки? Есть же парни, которые ходят на футбол, но при этом нормальные, не то что эти уроды с битами. Я когда вижу такого кретина с шарфом на шее, убила бы. Отстой.

Лучше всех — моя бабушка, вот она отвязная. Сказала, что перекрасит волосы в оранжевый цвет, потому что видеть не может свою седую голову, серьезно. Она постоянно разговаривает сама с собой, но я все равно ее люблю. Она всем хочет помочь: кошкам, собакам, даже наркоманам. Дает деньги Каське Шелинской. Кася быстро скатилась: год — и уже попрошайничает у магазина. Надо будет заехать к бабуле в воскресенье и спросить, можно ли к ней переехать? А что: предки меня ненавидят, и меня от них воротит. Все будут счастливы.

В доме стало тесно. После того, что было на мой день рождения, покоя мне не дают, постоянно цепляются. Нет, ну откуда я могла знать, что они такие идиоты? Скоты, настоящие скоты. Ковер сжечь — это явный перебор. Я понимаю, я, правда, все понимаю, но чтобы выбрасывать цветы с балкона и жечь ковры, этого я уже не догоняю. Дружбаны, называется!

Так вот что было дальше в ту чертову субботу. Я выхожу из автобуса и захожу в эту дыру. Музыка, атмосферка, духотища, и первая, кого я вижу, — Моника, ну та, которая траву продает. Не то чтобы мне хотелось курнуть, я не тащусь от этого говна, но уж так мне было назначено. Она прицепилась, чтоб я купила косяк. Я ей объясняю, что не хочу, не могу, не люблю и что я спешу. Она мне на это, что у нее сегодня для меня суперскидка на супертраву. Семьдесят процентов, пятьдесят процентов, тридцать процентов. Я молчу, потому что у меня нет бабок, да и не хочу я никакой сраной травы. И тогда она меня сделала: *фирма ставит, на*, — дала косяк и ушла.

Судьба: если что-то должно случиться, обязательно случится. Блин, судьба, ничего больше. Против нее не попрешь. Когда-то я пошла больная на тусу. Не могла пить,

даже нюхать, антибиотики, понятное дело. Камила прицепилась, просто прицепилась. Что у ее сестры, мол, девичник, и я должна выпить, иначе у ее сестры будет жизнь — говно. Один стопарик, другой, и больше я ничего не пью. Отключилась.

Вчера было то же самое. Я, правда, не хотела курить, не хотела. Держу в руке косяк и не знаю, что с ним делать. Пришла в эту чертову дыру только для того, чтобы поставить Лукаша на бабки и свалить домой. Не люблю я траву, меня она вообще не берет. Народ прикалывается, смеется, а мне по фигу. А еще мы с Аськой договорились, что гульнем через неделю.

Стою, значит, я и думаю: а, фиг с ним, покурю. Затягиваюсь раз, другой, чувствую: что-то не то. Кто-то ломится в дверь, а я дальше затягиваюсь. Чувствую, торкает: пошло в ноги, руки, даже в волосы. Глаза в разные стороны, и я уже понимаю: будет не круто, а супер круто. О'кей, выхожу из туалета. Как будто все в норме, но я-то понимаю, что все не так, как было десять минут назад.

Ко мне подходит Моника, улыбается и спрашивает: *ну как?* Сука, знает же как, но я не подаю виду и говорю: *о'кей*. О'кей? Охуительно! Беру какое-то пиво, сажусь и жду. Что-то сейчас будет, щас начнется.

Смотрю, ну вот, я же говорила, судьба: Юлька и Госька. Эти две овцы денег дать взаймы не могут, а на тусу пришли. Я им все выложу, я им скажу пару слов. Подсела к ним, тихо базарим. Госька в шоке оттого, что *Яцек вроде пошел с кем-то драться*. Яцек, драться? О чем они вообще? Но типа дело серьезное, вроде был здесь какой-то урод, выёживался за соседним столом, и Яцек пошел с ним разбираться.

Яцек, ну, просто вилы. Метр с кепкой. Хапнул химии немного, стал похож на человека, вот крыша и съехала. Даже мне достаточно пальцем его ткнуть, чтоб он с ног свалился, но я молчу. Эти мои корефанки вообще не секут в мужиках. Юлька ходит с каким-то педиком, а Госька с лилипутом.

Гося немного напоминает мне мою бабулю, всем рвется помочь. Боже мой, как моя бабушка любила дедушку. А сейчас просто сдвинулась по его поводу. Только и говорит о каких-то черных надгробьях и деревьях, о том, что у нее скоро будут большие бабки и она все устроит как надо. Две недели назад я везла с ней через весь город какие-то сорняки. Лиственницы, сосны, хрень какую-то. Автобусом, трамваем, на садовый участок, а потом она с кем-то, кто в этом разбирается, посадит их на могиле деда. Отпад.

Тут пришел Яцек с тем самым малым. Разговаривают так, будто все выяснили и типа все о'кей. Не понимаю я этих мужиков. Пошли гаситься, а возвращаются, как лучшие кореша. Тогда на фига эта комедия? На фига?

Малого того звали Зенон. Нет, честное слово: Зенон, я не прикалываюсь. Я тоже не поверила, но он показал мне паспорт. Зенон, без дураков, Зенон. Но оказался ничего такой, прикольный. Я его уже видела несколько раз. Он меня тоже знает. Говорит, что когда-то жил в нашем районе, но переехал с родителями.

А Зенон-то — не тупой оказался. Делать было нечего, и мы немного потрепались. Он был в Лондоне на каникулах и говорит, что как получит аттестат, поедет туда учиться. Язык у него подвешен — мама дорогая, и тебе про массовую продукцию, и про интернет-продажи, про международные стандарты, и фиг знает чего еще, но танцует — труба.

У нас нельзя сделать карьеру, это факт. Я, например, отлично танцую, и что? Если б не отец, я бы в этом направлении могла что-то сделать. Но он уперся, что я должна стать пианисткой. Пианистка — хуже ничего не мог придумать. Таскал меня в школу шесть лет, пока не спекся. Я ему говорила, что у меня способности к танцам, но он и слушать не хотел. Вбил себе в голову, что у него был слух, и значит, у меня, как его ребенка, тоже должен быть. Очень умно.

Было круто. Косяк меня расслабил по полной, и я начала отрываться. Все меня смешило, абсолютно все. Зенон поймал волну. Сам был трезвый, но бесился со мной на равных. Нас прикалывало все: бармен, дебильная музыка, стаканы, люди. Я была в ударе.

Ну и тут нарисовался Лукаш. Я совсем забыла об этом чучеле, о бабках и обо всем говне. Мне было классно, и я чувствовала, что может быть еще круче. Он подсел и давай нудить: что поставил машину на газоне, что ее могут забрать, что он торопится, и если у меня к нему дело, чтобы я быстрее говорила. А на хрен мне все это сдалось, иди ты на фиг.

Но Лукаш есть Лукаш. Если что-то себе вобьет в голову, труба. А я не люблю таких упертых. Сразу видно, у человека с головой проблемы. Не говорит прямо, что ему надо, а только несет часами всякую хрень. Подошел еще раз, сказал, что идет в бар, и если у меня к нему дело, он еще минуту ждет, а потом отчаливает. Ну и ушел.

У меня сразу испортилось настроение. Никакого смеха, все. Секунда, и уже тоска напала. Бля. Косяк еще действовал, но мне уже не хотелось смеяться, а было херово. Все ясно, праздник закончился, ничего не поделаешь. *Ладно, блин!* — думаю и иду к этому уроду.

Попрошались с девчонками и пошла искать его у дебильного бара. Вот он, сидит, куда бы он делся? Заказал себе колу и просматривает какой-то говняный рекламный проспект. *Привет, вот и я*, — говорю я ему, а он: *Отлично*, — и сидит себе дальше.

Слово за слово, я ему говорю, что мне нужны две сотни и не мог бы он мне их отслонявить по старой дружбе. Если хочет, я даже могу ему когда-нибудь их вернуть, но сейчас они мне позарез нужны. Он сидит и ничего не говорит. Я уже думала, что не выдержу и уйду, но сижу, жду.

Наконец он очнулся. С ним всегда так — пока до него допрет! Сидит, сидит и вдруг начинает: мол, у него проблемы, бабок нет, предки его достали, сестра — просто блядь и дебилка. Я молчу, потому что все это наизусть знаю, только жду, когда он закончит. Слава богу, через пять минут заткнулся. Заказал себе еще одну колу, дал мне сигарету. Сидим дальше.

Здесь сегодня жуткий отстой. Если хочешь, пошли пройдемся и поговорим, — говорит погода. Ох, как хорошо я это знаю, как хорошо: пройдемся и поговорим. Всегда одно и то же: едем на другой конец города, в какую-то дыру, как будто здесь не могли поговорить. Но что делать, джинсы важнее: выходим.

Тачка, включаем зажигание, внутри воняет ванилью как не знаю чем, короче, едем. Ночь, в городе пусто, только какие-то одиночки иногда проедут мимо, но мы едем поговорить. Наконец приехали, полная тишина, только наш мафон орет на полную мощь, впереди поворот на автостраду, холод собачий, будем разговаривать.

Ты меня любишь? — он мне без подготовки. Ну и что я должна ему на это ответить? Если скажу, что не люблю, он

точно не даст бабла, и весь цирк с поездкой на хер никому не нужен. Я опустила глаза и спрашиваю: *У тебя бабки есть? — Ты меня любишь?* — он все о своем, а я ему: *Люблю, не люблю, какое это имеет значение?*

В него вдруг как черт вселился, кошмар. Начал мне впаривать, что все только и говорят о бабле, а в жизни бабло не имеет никакого значения. Спрашивает: что я думаю обо всем этом перед лицом вечности? Ну совсем крыша съехала. Вытаскивает кошелек, достает деньги и говорит, что ему все по фиг и стоит мне сказать одно слово, он все это подожжет.

Ситуация серьезная, даже очень серьезная. Слишком давно я его знаю, почти полтора года, чтобы не понимать, что́ ему на самом деле нужно, когда он начинает такую пургу нести. Посмотрела я на него, спрятала две сотни и говорю: *Ладно, пересаживаемся назад.* Он сразу успокоился. Никаких разговоров о Млечном Пути, звездах и вечности. Я села рядом, расстегнула ему ширинку и отсосала. Терпеть не могу это делать, просто не перевариваю, меня тошнит. Всегда себе после этого говорю, что начинать можно по-разному, но закончить надо прилично. Мадонна тоже начинала в порно...

Ну, а потом хрень типа: *Тебя подбросить в паб или домой? Почему в паб, почему домой?* Наконец, когда мы приехали в центр, я не выдержала этого пиздежа и сказала ему пару откровенных слов: что он самый нудный мудака на свете, полный дебил и у него самый маленький член во всем городе. А еще, что я видеть его больше не хочу, пусть он мне не звонит, а те два моих диска, которые он взял, пусть останутся у него навсегда, и я выхожу немедленно, а если он не остановится, то я на ходу открою дверь. Подействовало, он же трясется над своей машиной, как не знаю, над чем. Тут же затормозил. В отместку сказал мне,

что я больная на голову и всякие другие глупости, которые он всегда говорит. Урод. Дебил.

Домой я дошла пешком. Мать опять не спала: в комнате горел свет, радио включено. Отца вроде еще не было. Кот вылез на середину прихожей и пялится. Я все время боюсь, что он бросится на меня и задушит ночью. Вшивая скотина. Я разделась, на минуту включила телевизор, и бай-бай. Наконец закончился гребаный день. Было, прошло, все будет ништяк.

Будет ништяк, будет клево. Просыпаюсь утром, воскресенье, смотрю на свои шмотки — ну, блин. Я думала, повешусь. Моя блузка, красная, в которой я была вчера, вся в пятнах. Этот козел, вместо того чтобы спустить рядом, кончил мне на блузку. Ну ни хера не может сделать нормально, ни хера. Что за скотина, что за скотина, хам, дебил, идиот, полный козел!

В конце концов я успокоилась. Пошла в ванную, постирала блузку и повесила. Золотые джинсы, красная кофточка — идеально. Отец, наверное, пришел под утро, потому что спал как убитый, когда я шла в ванную. А мать... ничего, все тихо. Сидит на кухне и смотрит в окно. Побуду еще минуту и поеду к бабушке. Не, она должна согласиться, чтоб я к ней переехала. Будет классно, я буду убираться, ходить в магазин. Могу даже посадить деревья на кладбище, только бы она согласилась.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ЗОФЬЯ, 67 ЛЕТ

Слушай, Ежи, у меня есть система. Есть, честное слово. Нет, очень прошу тебя, только не начинай, пожалуйста. Я знаю, знаю, сколько я потратила денег, но теперь все: теперь я буду выигрывать, только выигрывать. По-

смотри, у меня здесь все записано, все, ты видишь? Все розыгрыши за последние пятнадцать лет. Все до единого. Столько раз я на них смотрела, сравнивала, и сейчас уже знаю. Знаю, знаю. Семь, восемнадцать, двадцать девять, ты только не перебивай, только меня не перебивай... Думаешь, старая бабка рехнулась и чушь несет? Ну признайся, ты так думаешь? Ты мне не веришь, ведь не веришь мне, ты мне никогда не верил, но вот увидишь. Увидишь, что я права.

А я тебе говорила о Касе? Ну как о какой Касе, как о какой Касе? Столько раз тебе рассказывала, а ты... Кася, Кася, внучка майора Шелинского. Да, да, внучка. Ходила вместе с нашей Аней в детский садик, помнишь? Господи, ну как же ты ничего не помнишь, как же ты ничего не помнишь?

А я, чтоб ты знал, я все помню. Могу даже тебе перечислить все блюда, которые были на нашей свадьбе, все, по очереди. Или нет, нет. Я тебе скажу, кто, где и с кем сидел. Пожалуйста: твои мама и отец у окна, рядом Ромек, дальше Халинка, Ясь с женой, Стася... Ну вот видишь, видишь.

У меня всегда была отличная память, и сейчас она пригодится, вот увидишь. Ты еще сам этим воспользуешься. Я обещаю, что куплю тебе новое надгробье. Даю слово: крест из черного мрамора и серую плиту, как ты хотел. Ты думаешь, откуда старая баба возьмет деньги? О-хо-хо, сам увидишь.

Боже, как хорошо, что Аня выросла порядочной девушкой. Она, правда, ходит в прозрачных кофточках, брючках не приведи господь, но что поделаешь? Такая мода, теперь все такое носят. Она хорошо учится, и парень у нее славный. Лукаш, да, его зовут Лукаш. У него такая хорошая

машина, внутри так хорошо пахнет. Знаешь, он даже меня как-то подвозил, и я совершенно не боялась.

У молодости свои права, молодые должны перебеситься, ты ведь так говорил? Помнишь, как ты ходил в своей любимой кожаной куртке? Она и сейчас висит у меня в шкафу. По-моему, ты выглядел в ней ужасно, но ты же никогда не хотел меня слушать. *Во всем полку ни у кого такой нет, во всем полку ни у кого такой нет* — так ты говорил. И что с того, что все над тобой смеялись, что с того?

Ну так вот, внучка майора Шелинского стоит у магазина и просит милостыню. Боже милостивый, Юрек, как она выглядит: глаза черные, руки синие, а худющая! Стоит и стоит. Я тебе скажу, слава богу, что жена майора Шелинского до этого не дожила. Она бы этого не перенесла.

Я прекрасно знаю и помню, что ты не любил майора, но, думаю, ты не прав. Во-первых, ты всегда был выше его по званию, а во-вторых, неправда, что он тебя не уважал. А как он вел себя на похоронах, а? Никто так прилично не оделся и никто не принес таких цветов. Я знаю, что от полка был большой венок, но я говорю о соседях и очень прошу мне не мешать.

Про Юстынку лучше не спрашивай. Боже милостивый, что творится в этой стране, что творится? Чтобы люди с образованием не могли найти работу, ну что это такое, что же это такое? Когда-то было так: хочешь, не хочешь, должен работать — а сейчас? Она ужасно переживает из-за этого, просто ужасно. Похудела, такая грустная ходит. Представляешь, кота подобрала на свалке и принесла домой, кота, настоящего кота. Боже милостивый, чем все это закончится?

А я тебе говорила о Касе, Касе Шелинской? А, да, да, говорила. Иногда я даже с ней разговариваю, да. Стоит

девушка у магазина и стоит. Я как иду в магазин, на минуточку возле нее останавливаюсь. *Надо со всеми разговаривать, со всеми*, — ты так говорил? Слушай, Юрек, она совсем не такая плохая. Сказала, что собирает деньги и пойдет в больницу лечиться. Да, да, есть такие отделения, где лечат алкоголиков и наркоманов. Когда мне в больнице удаляли опухоль, там было такое отделение. Очень приличное: врачи, медсестры.

А я тебе говорила, что мне звонил майор Шелинский? Спрашивал, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Ты должен признать, это очень мило с его стороны. Юрек, Юрек, спокойно, ты же не думаешь, что мы с майором... ну что ты, в самом деле. Он просто позвонил, чтобы спросить, и ничего больше.

Меня это совсем не удивляет, абсолютно. Одинокий мужчина, да еще такие проблемы. Сказал, Касю он даже видеть не хочет, разве что она перестанет колотиться. Так и сказал, да, так и сказал. И вообще, слышать ни о чем не хочет. Говорил, что Кася обманывала отца, мать, а теперь из него хочет сделать идиота, только ничего у нее не получится. И что вообще он ей никаких денег не даст и видеть ее не желает, разве что она пойдет лечиться.

Знаешь, что мне недавно сказала Юстынка? Сама не знаю, надо ли тебе говорить? Это, может, и не так вовсе, и она сама не до конца уверена, но она думает, то есть подозревает, что вроде бы Петр ей изменяет. Но я в это не верю, нет, нет, точно, он бы не смог. А если это правда? У нее такие проблемы, нет работы, а он ей изменяет? Почему на свете столько несправедливости, Юрек, почему?

У него даже трусов приличных не было, постоянно голодный был, а сейчас такое вытворяет? Ты помнишь, как Юстынка его первый раз к нам привела, помнишь? Он

тебе сразу показался подозрительным, потому как разговорчивый очень и за словом в карман не лезет. А, чего вспоминать! Хорошо, хорошо, только не начинай, я знаю, ты в людях разбираешься и я должна тебя слушаться.

Ну да, но надгробье тебе он поставил. Я сама с ним вместе искала. Два месяца ездили по разным фирмам. А что, думаешь, это так просто? Они только и ждут, чтобы порядочному человеку втюхать какое-нибудь барахло. Хорошо, хорошо, тихо, тихо. Я прекрасно помню, что ты мечтал о надгробье с черным крестом и плитой. Не начинай сначала, не начинай. Не было денег, поэтому сделали такое, какое есть, но я еще все исправлю, увидишь.

Знаешь, я бы хотела, чтоб меня кремировали, а что? Я уже говорила Юстынке, но она не приняла всерьез. Пусть меня сожгут, и всем будет спокойно. Зачем эти церемонии с гробом, и вообще? Ты помнишь пана Станислава, того летчика, ну того, того. Представляешь, он велел себя сжечь, а пепел развеять! Я тебе не вру, он на самом деле так велел. И, скажу я тебе, правильно сделал. Это чисто и гигиенично. И потом, сейчас у всех столько дел, кто будет приходить ко мне на могилу?

Знаешь, что я тебе еще скажу? Я тебе не могу простить, что ты тогда отправил меня в клуб пожилых людей. Что я, старуха, что ли? Ну, тогда, тогда, что ты так улыбаешься? Забыл уже, как ты мне приснился и сказал: *иди, развлекись*. Я бы никогда туда не пошла, если бы ты мне не приснился. Никогда. Сплошь старичье. Смотреть было тошно. Ужас какой-то. Женщин в два раза больше, чем мужчин, и каждая вертится вокруг какого-нибудь старикашки, будто он невесть кто. Стариканы сидят и только кофе-чай попивают, а глупые бабы вокруг них скачут. Я сразу ушла, и ты мне больше никогда таких советов не давай.

Я сказала Касе, что у меня есть система игры в лотерею. Никому не говорила, но подумала, что ей надо сказать. Стоит девушка и просит милостыню, нищенствует, расскажу-ка я ей что-нибудь приятное. Пусть хоть моему счастью порадуется. Я ей все объяснила подробно. Что каждые семь лет розыгрыши повторяются и выпадают те же самые цифры. Во-первых, семерка — счастливое число, а во-вторых, нужно знать, какой розыгрыш и когда повторится, а я это знаю.

А майор Шелинский обещал, что поможет мне посадить лиственницы. Ну как — какие лиственницы, как — какие лиственницы? Я ведь тебе уже два раза объясняла. Лиственницы, лиственницы, которые я купила и которые стоят на даче. Господи, помнишь ты или нет? Ну да, да, те, что мы с Аней принесли. Ну да, но мы с Аней не сумеем сами их посадить, для этого нужен мужчина, и еще надо знать, как сажать. А майор Шелинский разбирается в лиственницах, он был сапером и в деревьях разбирается, разве не так?

Боже милостивый, как ты ничего не помнишь, как ты ничего не помнишь! Что бы ты без меня делал, ну что? Столько раз мне говорил, что тебе дует на могилу и чтоб я что-нибудь придумала. Да, да, лиственницы, лиственницы рядом со скамеечкой. Туя, туя, какая еще туя? Лиственницы намного красивее. Не буду я тебе сажать никакую туя, если не нравится, сам себе посади. Как только я зажигаю тебе на могиле свечу, она сразу гаснет, а так будет хорошо. Осенью не будет дуть, а летом будет тень. Сколько раз я у тебя простуживалась? Кладбище кладбищем, а о себе надо заботиться.

Ну и вот, Кася заинтересовалась моей системой. Да, да, заинтересовалась. На другой день после того, как я ей рассказала, она сама со мной заговорила. Спросила, сколько

надо иметь денег и купонов, чтобы играть в лотерею по моей системе. Ну я ей и говорю, что дело не в деньгах, а в номерах, и я их знаю. А потом объяснила, как заполнять купон, потому что его нужно заполнить самому. Машина для заполнения — обман, и все это прекрасно знают. Ее там для того и поставили, чтобы людей дурачить. Все контролирует компьютер, и выигрывают только те, кто должен выиграть, а честные люди ничего с этого не имеют.

И мы с ней поговорили о том, что я сделаю, если выиграю в лотерею. У меня все точно распланировано, все до мелочей. Тебе я куплю новое надгробье с черным крестом, чтоб ты наконец оставил меня в покое. Ну и пол, положу в квартире на полу ламинат и куплю новую мебель. А то эти твои плитки меня просто бесят. Я уже не могу на них смотреть. Сколько бы ни убирала, ничего не видно. Сейчас люди по-другому живут. Если не веришь, возьми газету и посмотри, никто уже среди такой рухляди, как у нас дома, не живет.

И, конечно, я бы Юстынке дала, обязательно бы дала, обязательно. Были бы у нее деньги, с ней все бы по-другому разговаривали. Она бы приделалась, а то все в старых свитерах ходит. Ты сам всегда говорил: *встречают по одежке*. Если бы она была хорошо одета, на нее еще не один обратил бы внимание, а может, она и сама открыла бы какую-нибудь фирму.

Ане я куплю квартиру, пусть будет от бабушки подарок. Она ее получит, когда поступит в институт. Да, да, не кривись. Сейчас иные времена, и барышня может свободно жить одна, только бы хорошо себя вела, и никто о ней дурного слова не скажет. Бедным людям я бы тоже что-нибудь дала, а что делать с остальными деньгами? Не знаю, сама не знаю, но что-нибудь придумаю.

А вообще, должна тебе сказать, ты всегда умел хорошо устроиться. Не обижайся, это правда. Да, да, умер и оставил меня со всем этим. Сплошные проблемы. Везде надо ходить самой. На почту, в магазин, по учреждениям. За газ, за электричество заплати. А ты что? Лежишь себе и только иногда придешь ко мне ночью. Или не придешь. Все на моих плечах.

И вот еще что, перестань пугать кошек. Вой стоит, когда ты идешь. Кошек ты никогда не любил, но это еще не повод, чтобы над ними издеваться. Ведь они тебя всегда чувствуют и отлетают от дверей, как ошпаренные. Не можешь, что ли, потихоньку ходить, это тебе не парад. Если ты не успокоишься, то в конце концов разбудишь соседей, и пойдут разговоры, что покойник по дому шастает.

А знаешь, что со мной недавно случилось? Я тебе, кажется, еще не рассказывала. Сажу я дома в субботу вечером и слышу стук в дверь. Думаю себе: Боже, открывать или не открывать? Сразу вспомнила, как ты без конца твердил: *не открывай никому, если меня нет дома, не открывай никому, если меня нет дома*. Сажу тихонько, а стук не прекращается, тебя дома нет, что мне было делать? Иду открывать.

Смотрю в глазок и — ты не угадаешь, кто там стоит! Кася, Кася, майора Шелинского внука, стоит и рукой машет. Я дверь не открываю, как ты велел, и говорю: в чем дело? Она спрашивает, нет ли у меня аптечки, а то она палец поранила, и кровь пошла. Я про себя думаю: «Боже милостивый, девочка, конечно, есть, входи, входи».

Открываю дверь, а за Касей какой-то парень стоит. Он мне сразу не понравился. Грязный, в зимней куртке, а ведь на улице уже тепло. Конечно, я сглупила, что впустила их в дом. Сглупила, но что было, то было, не о чем теперь говорить. Я пригласила их в большую комнату, а сама иду

в ванную поискать какой-нибудь бинт. Всегда бинты были там, а тут нету, и делай, что хочешь. Смотрю, ~~смотрю~~: есть один. Еще с того времени, когда ты ездил на полигон, немного слежавшийся, но ничего, я руками разгладила, и он выглядел почти нормально.

Возвращаюсь в комнату, и что я вижу? Нет, ты не поверишь. Шкафы раскрыты, стол опрокинут, а Кася с этим типом бегают и все переворачивают вверх дном. Устроили бардак, друг на друга орут, а на меня вообще не смотрят. «Боже милосердный, — думаю я про себя, — Боже мой, за что мне такое?»

Этот парень что-то кричит, орет на Касю, чтобы проверила в кухне. В кухне, Боже милостивый, в кухне! Ведь я на завтра налепила вареников, а если они мне все подавят, как я завтра буду их варить? Они открыли холодильник, выбросили мясо из морозилки. Я смотрю, а этот тип достает колбасу и начинает есть. Я себе колбасу на воскресенье отложила, а он ее ест без хлеба?

Я пошла в ванную, заперлась и кричу благим матом. Думаю, может, у Роевских есть кто-нибудь дома. Суббота, может, они после обеда телевизор сели смотреть и меня услышат. Нет, бесполезно. Кричу, кричу, и все без толку. Потом этот тип подошел к двери и говорит: *заткни пасть, такая сякая*. Так и сказал. Ну, я еще громче ору — ничего. И знаешь, что он сделал, ты не представляешь. Он взял табуретку, выбил стекло в двери, помнишь, ты сам вставил, рукой дотянулся до задвижки, открыл ее и вошел в ванную.

Юрек, миленький, какой у него был ужасный вид, какой ужасный вид! Затолкал меня в ванну и орет: *где деньги, ты такая-сякая, давай, быстро*. Кася к нему подбежала, говорит, чтобы успокоился, что я наверняка скажу где,

но он продолжает орать: *ты, такая-сякая, выиграла в лотерею, давай деньги*. Боженька, какие деньги? То немного, что собрала на одежду и похороны, я держу в банке, а в доме нет ничего, только на продукты. Я им говорю, что нет у меня денег, а в лотерею я еще только должна выиграть, и если они хотят, я могу с ними поделиться.

А этот тип взял провод от радиоприемника и давай этим проводом меня бить. Кася хотела его остановить, но он лупил, как бешеный. Какие такие деньги ему понадобились? Юрек, дорогой, ну скажи ты мне, какие деньги? А он зажал мне рот и продолжает бить, как безумный, кровь по всей ванне, но ведь я ему ничего не могла дать, у меня ведь ничего нет, я денег дома не держу; нет у меня ничего, потому что ты мне всегда говорил, чтобы я относил деньги в банк, сколько я там получаю этой пенсии, и вообще, зачем мне деньги?

А он меня схватил за горло и душит, и мне уже нечем дышать, нечем. И я про себя думаю: «Господи, ведь у меня следы на шее останутся и быстро не пройдут. А я собираюсь в понедельник к врачу, и если он мне скажет раздеться, то все это увидит, и как я буду выглядеть?» — но тут упало зеркало с твоим помазком, который все время лежал в ванной, и стало тихо-тихо.

Вдруг меня как будто отпустило, в один момент. Он меня душит, но я его уже не слышу, я вообще ничего не слышу. Тишина. Он еще меня душил, душил, потом перестал и выскочил из ванной. Кася на него кричала, но он ей что-то сказал, и она замолчала. Они и дальше искали деньги, но я же им правду сказала, что у меня ничего нет, и они ушли. Взяли какие-то вещи из шкафа, Кася — мой теплый свитер, а этот тип снял свою грязную куртку и надел твою кожаную, которую я терпеть не могла, а ты ее так любил, и ушли, только дверь не заперли.

А я встала, то есть не совсем встала. Знаешь, я как будто поднялась в воздух и вижу себя в ванной. Сама себя вижу и не пойму, как такое может быть? Села на унитаз и вижу, как лежу в ванне с синяками на шее. Боже правый, как я выгляжу, как я выгляжу, везде синяки, и даже волосы впереди он мне вырвал.

Ну и вот, Юрек, сижу я на унитазе, смотрю на себя и сама не понимаю, как такое может быть, Юрек, что я сижу на унитазе и вижу, что лежу в ванне и не дышу? Ну так что, Юрек, я еще жива или мы уже вместе?

Конец

Кшиштоф Бизё

ТОКСИНЫ

Перевод Ирины Киселевой.
© by Krzysztof Bizio

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПМ, пожилой мужчина (примерно 40—50 лет).

ММ, молодой мужчина (примерно 20—25 лет).

ЭПИЗОДЫ:

- Эпизод об убийстве
- Эпизод о подкупе
- Эпизод о любви
- Эпизод об одиночестве
- Финальный эпизод

При постановке необходимо соблюдать очередность эпизодов.

ЭПИЗОД ОБ УБИЙСТВЕ

ММ привязан к стулу, рот у него заклеен.

ПМ. Ну что, проснулся наконец?

Долго же ты дрых. У такого, как ты, должна быть башка покрепче. Сдулся после первой же рюмки.

Чего ты так вылупился? Соображаешь, где находишься? Спокойно, не дергайся. У тебя нет выхода, береги силы.

Рот сейчас отклею, но сначала я тебе кое-что скажу.

Чего уставился, не узнаешь?

Да, я тот, с кем ты должен был заключить офигенную сделку.

Есть, правда, одна проблема. Мне на фиг не нужен новый мафон. Мой в машине меня устраивает. Он никому не бросается в глаза. Мне не нужны ни мафон, ни зеркала.

А знаешь, почему? Потому, что я не хочу зависеть от таких подонков, как ты.

Думаешь, я не знал, что он краденый. Простая игра, ты прикидывался, что это мафон твоего дяди, а я — что тебе верю.

Так что никакой сделки не будет. Я не хочу, понимаешь, не хочу.

Что, не врубаешься? Не знаешь, что мне от тебя нужно?

Ну, думай, думай, нам некуда спешить.

А может, я просто не люблю воров? Столько сейчас об этом пишут. Бывает, кто-то съездит по роже пару раз та-

кому вот клоуну, а потом думает, смог бы он выстрелить в эту рожу или нет?

А может, я — психопат? Об этом тоже много пишут. Столько чокнутых ходит по улицам. Идешь и не знаешь, кого встретишь. Может, тебе навстречу идет тип, который хочет тебя убить? Просто так, безо всякого повода. А зачем ему повод? Ему просто нравится убивать, и все. А?

Или, скажем, мне понравился твой плеер, твои часы, твои ботинки. Я хочу их забрать себе. Ты газеты почитай. Ну и что с того, что у тебя денег нет, сегодня можно убить за гроши.

Ну что, думаешь, я — псих, убийца, маньяк?

А может, мне просто хочется с тобой побазарить? Может, я хочу тебя отблагодарить или отомстить тебе? Люди сейчас такие мстительные. А может, ты ничего не знаешь, газет не читаешь, а? *(Подходит к ММ и отдирает пластурь.)*

ММ. Быстро отпустил меня, ты, козел, я тебе ноги...

ПМ снова заклеивает ему рот.

ПМ. Ты как со мной разговариваешь? Это что за тон! Хоть ты и сволочь, но я с тобой не собираюсь в таком тоне разговаривать, предупреждаю по-хорошему.

Ты же не настолько глуп, чтобы не понимать ситуации. Если не угомонишься, то вообще в этой жизни больше ничего не скажешь, понял, засранец?

ММ отрицательно качает головой.

Вижу, до тебя еще не дошло.

Посмотри на меня, может, это твои последние минуты, и лучше тебе это понять.

Я подскажу тебе. Намекну, почему ты здесь.

Ты меня обидел, ты меня очень сильно обидел, понял?

Ну, ну, кончай мотать башкой, сам знаю, что ты не сечешь, в чем дело.

Сейчас все поймешь, расслабься. Я не для того устроил этот спектакль и привез тебя сюда, чтобы ты сдох, ничего не поняв. Узнаешь, все узнаешь, всему свое время.

Я следил за тобой несколько месяцев и сейчас хочу насладиться твоим видом.

Что, удивлен?

Конечно, я осторожничал, не хотел рисковать. Если бы ты сориентировался, что я тобой интересуюсь, пришлось бы поменять тактику, а я этого не хотел.

Ах, как я мечтал об этой встрече. *(Достает фотографии.)*

Узнаешь, это твоя собака Макс? Странно, что такой, как ты, любит возиться с милым, безобидным существом. Это не сочетается с образом крутого парня.

Тебе бы подошла злая собака. Хотя, кто его знает, может, лучше тебе вообще не подходить к животным. Вдруг захочется их прикончить.

А вот фотография. Это фотография твоего дома. Видишь, вот здесь, на четвертом этаже, узнаешь, твоя комната. Я и не знал, что ты такой фанат футбола.

Следующая фотка: твоя мать. Очень милая женщина, возможно, ты даже не знаешь, какая милая. Представь себе, я даже сменил аптеку, чтобы с ней поближе познакомиться. Мне кажется, она чересчур увлеклась гомеопатией. Гомеопатия не всем помогает.

А это твой отец. Узнаешь? С ним мне тяжело пришлось, довольно закрытый тип.

Ты вроде даже чем-то похож на него. Через несколько лет у тебя был бы такой же голос, как у него.

А вот еще фотография: ты на велосипеде. Мне очень нравится этот снимок. Странно, я думал, ты не любишь велосипедистов.

Хочешь что-то сказать? Что, не согласен? Только прошу не выражаться, а то снова заклею рот. *(Отклеивает пластырь.)*

ММ. О чем речь? Кто ты такой? Я тебя не знаю. Ты че, сдурел, Шварценеггер хренов? Отпусти меня, не то я тебе башку сверну.

ПМ. Аккуратнее, иначе я лишу тебя слова.

ММ. Ладно, ладно, все.

Лучше ты меня отпусти, а то мои кореша начнут беспокоиться.

И вообще, где я? Ты не думай, что никто не допрет, что я исчез. Начнут искать и рано или поздно схватят тебя за жопу.

Они всегда знают, когда я иду на стрелку с незнакомым клиентом.

Харэ прикалываться, давай отпускаяй, пока не поздно и нет больших проблем, я дам тебе пинка под зад и обо всем забуду.

ПМ. Проблемы, это у меня проблемы? Я вижу, ты не догоняешь, в чем дело.

Никто не знает, что мы здесь, и кончай меня на понт брать. Ты что, думаешь, я столько месяцев готовился и не учел таких мелочей?

Они думают, что ты на гулянке. Вспомни, как мы познакомились. Совершенно случайно. Ты хотел не сходя с места подцепить клиента. Не каждый же день к тебе на улице подходит человек и заводит разговор.

Я боялся, ты сообразишь, что дело шито белыми нитками, но ты слишком уверен в себе и своей удаче. Только удача твоя сегодня тебя подвела и уже никогда не вернется, поэтому сосредоточься и прекрати нести пургу.

ММ. Чего тебе надо?

ПМ. Разберемся. Я бы не устраивал весь этот цирк, если бы не хотел тебе сказать, чего мне надо.

Ответь на несколько вопросов.

Во-первых, твоя мать знает, что ее сын убийца? Она хорошая баба, и я не поверю, что она ничего бы не сделала, если бы обо всем узнала.

Во-вторых, ты когда-нибудь еще такое делал или это был несчастный случай?

Ну, говори, сколько людей ты убил в своей жизни, сколько?

И третий вопрос — личный.

ММ. Ты — конченный псих, чокнутый, советую тебе меня отпустить.

ПМ. Посмотри на меня внимательно. Видишь?

Смотри сюда, когда я с тобой разговариваю. Нечего прикидываться, смотри: губы, глаза, волосы. Они тебе ничего не напоминают?

ММ. Отвали.

ПМ. Узнаешь или нет?

ММ. Нет, не узнаю.

ПМ. А это узнаешь? (*Достает снимки и показывает их ММ.*)

Узнаешь, узнаешь, узнаешь?

Роберт Маньковский, семнадцать лет, Горецкий лес, март прошлого года, узнаешь?

Роберт Маньковский, голова разбита бейсбольной битой, Горецкий лес, март прошлого года, узнаешь?

Роберт Маньковский, лопнувшая селезенка, отбитые почки, внутреннее кровоизлияние, Горецкий лес, март прошлого года, узнаешь?

Роберт Маньковский, обгоревшая левая нога и туловище, левый глаз выбит, Горецкий лес, март прошлого года, узнаешь?

ММ. Нет.

ПМ. Нет? Тогда, может, это узнаешь, смотри внимательно. Сравни-ка, вспомни. Видишь? Это я через три дня после избиения. Что? Говори громче! Что, не похож? А как еще я мог выглядеть после всего? Ну что, узнал?

ММ. Вы меня с кем-то путаете.

ПМ. Надо же, как интересно, а вот я тебя узнал.

Меня зовут Адам Маньковский, и я тебя знаю.

Ты и твой дружок Лукаш убили моего сына и избили меня.

Вы думали, я умер, а я выжил. Выжил: швы, глаз, почки, но я жив и никогда в жизни не забуду ваши рожи. Я бы тебя везде узнал, везде.

ММ. Вы меня с кем-то путаете, я не знаю, о чем вы.

ПМ. Ты не знаешь, о чем я? Ну тогда вспоминай: Горещкий лес, март прошлого года. Два велосипедиста и вы.

Скажи, почему именно мы, ведь я тебя до этого только пару раз видел?

ММ. Я уже вам сказал, вы меня с кем-то путаете.

ПМ. Я постоянно думал, почему именно мы?

Мы тогда случайно там проезжали. Случайно.

Мой сын не хотел в тот день кататься на велосипеде. Я его уговорил, потому что мне хотелось подышать свежим воздухом. Если бы не уговорил, он бы сейчас жил, ничего бы не произошло.

По нелепой случайности нам попались два пьяных придурка с бейсбольными битами в руках. Проклятая случайность, достаточно было свернуть на другую дорожку, и все.

Просто мне в тот раз повезло, мне всегда везет.

Вы били меня до тех пор, пока я не потерял сознание. Представляю себе, что было дальше. Он убегал от вас, но вам удалось его поймать. Раз вы убили меня, он тоже не должен был жить...

ММ. Я не знаю, о чем речь.

ПМ. Потом вы его поймали. У него не было ни малейшего шанса. Два таких бугая.

Выбитые зубы, правый глаз, внутренние органы. Вы облили его водкой и пробовали поджечь.

Не получилось, да? Скажи, почему?

ММ. Я не знаю, о чем вы.

Я читал в газетах, но...

ПМ. Ты не знаешь, о чем я? Ну тогда пришло время тебе узнать.

Видишь, я тебя запомнил. У меня хорошая зрительная память.

Я уже тогда был уверен, что найду тебя. Я узнал и тебя, и твоего друга. Насчет него у меня были сомнения, но в отношении тебя — никаких.

Когда я пришел в себя, у меня перед глазами стояло твое лицо. Я знал его, просто знал. Потом оставалось только дожидаться встречи. Я чувствовал, что в конце концов это произойдет, и тогда я успокоюсь.

Во время следствия я сказал, что ничего не помню. Естественно, я должен был так сказать. Это наше дело, мое, твое и твоего друга.

Мне не нужны были лишние сложности. Зачем? Действовать надо было осторожно, чтоб не проколоться, иначе у меня были бы связаны руки.

Ты сам знаешь, какие у нас сейчас суды.

Я вышел из больницы и ждал дня, когда встречу тебя. Я был уверен, что ты живешь где-то рядом, у тебя такое запоминающееся лицо.

Я ждал этого и боялся. Знаешь, чего я боялся? Собственной реакции. Я не знал, как поведу себя, что сделаю. Поэтому не строил никаких планов, просто ходил по улицам.

И вот осенью я стоял в магазине около кассы, когда ты вошел с какой-то девицей. У меня ноги подкосились. Я заплатил за покупки и вышел следом за тобой. Ты вошел в желтую многоэтажку и просидел там четыре часа.

Я не знал, кто ты, зачем вы туда пошли и когда ты оттуда выйдешь. Сейчас знаю. Каждую пятницу ты проводишь несколько часов у своей девушки.

Через четыре часа ты вышел и вернулся домой. Я тогда еще не знал, что это твой дом. Когда же ты вышел оттуда через пятнадцать часов, я был в этом почти уверен.

Потом я стал собирать о тебе информацию.

ММ. Точно, больной на голову. Слушай, я не убивал твоего сына, я его не убивал.

Ты что, вообще, что ли? Ясно, что это после шока. Бывает, после какого-то кошмара у человека крыша едет. Если ты меня сейчас отпустишь, я забуду про все, я такой.

ПМ. Как ты думаешь, что я хочу с тобой сделать?

Я объясню, может, тогда нам будет легче разговаривать.

Я сказал, как меня зовут, сказал, почему ты здесь.

Все очень просто, живым ты отсюда не выйдешь.

ММ. Ты, старый дебил, совсем дурканул, быстро отпусти меня, слышишь, отпускаяй давай...

ПМ заклеивает рот ММ.

ПМ. Перестань орать, все равно тебя никто не услышит. Мы в хибаре посреди леса, понял?

Там, за дверью, я выкопал для тебя яму, смекаешь?

У двери стоит канистра с бензином, а в кармане у меня зажигалка.

Сценарий ближайших минут выглядит следующим образом: я стреляю тебе в башку, бросаю в яму, обливаю бензином и закапываю яму. Сверху закидываю мхом и листьями. Уезжаю и никогда больше сюда не приеду.

А знаешь, что будет через год или два?

В совершенно другом месте, в лесу, я встречу с твоим дружкой Лукашем.

Привезу его, поговорю с ним, как с тобой, и тоже прострелю ему башку.

Знаешь, почему я это сделаю через два года? Мне не к спеху, а спугнуть я его не хочу. Не могу допустить, чтобы твой приятель раньше времени запаниковал.

Было бы хорошо, если бы он забыл о Горецком лесе и о тебе.

У тебя есть еще несколько минут жизни, подумай, как ты их хочешь провести. Ты должен радоваться каждому слову, которое скажешь, и каждому глотку воздуха, который еще можешь вдохнуть.

Постарайся меня правильно понять. Я никогда в жизни не причинил никому вреда, никогда. Никогда в жизни не думал, что мне придется кому-то сделать больно.

Ты знаешь, что такое мука?

Моя жена выглядит сейчас как старуха. Я с ней разговариваю, а она ничего не слышит. Роберт был для нее всем, всем. Ты у меня отнял все. За несколько минут ты перечеркнул всю мою жизнь.

Подумай, каково это. По телевизору без конца твердят, что мы — часть европейской культуры. Ты знаешь, в чем суть европейской культуры? Суть европейской культуры в том, что таких ублюдков, как ты, не убивают. Из вас делают мучеников.

Именно поэтому — это наше с тобой личное дело, понял?

Не надо нам судов, речей. Обойдемся без этого. Если у тебя есть что сказать в свою защиту, давай, я тебя слушаю. Я, парень, не шучу, потому не рассказывай, что меня не знаешь.

Это будет твое последнее слово, поэтому подумай, что ты хочешь сказать.

Пауза.

Сначала я хотел кого-нибудь нанять. Подумал, заплачу кому-нибудь, пусть он тебе развалит башку, и порядок. Я даже справки навел. Конечно, дело деликатное, но договориться можно. Ты не поверишь, сколько это стоит. Гроши, сущие гроши.

Но я передумал. В конце концов, это наше личное дело, правда?

Ничего переиграть уже нельзя.

И еще одно. Я хотел посмотреть, какой ты на самом деле. Я узнал твои привычки, но мне хотелось услышать твой голос, почувствовать твой запах.

Я мог бы убить тебя сразу, но я дал тебе шанс. Оцени это, потому что ты не дал шанса ни мне, ни моему сыну.

Ладно, мое терпение кончается. Ты сидишь здесь не для того, чтобы мне рассказывать, будто меня не знаешь. Или ты начнешь говорить по существу, или я развалю тебе башку. *(Достает пистолет.)*

Ну, давай.

ММ. Я не знаю, о чем вы говорите, просто не знаю. У вас большое горе, я понимаю. Мы можем договориться.

Клянусь, если вы меня отпустите, я обо всем забуду.

ПМ. Ты обо всем забудешь? Мне-то как раз нужно, чтобы ты не забыл. Я тебе дал шанс, но ты не хочешь говорить, ну что же. *(Приставляет пистолет к голове ММ.)*

ММ *(плачет)*. Господи, я вас прошу, не убивайте меня. Я вас очень прошу, что мне сделать, что мне сделать?

ПМ. Рассказывай.

ММ. Что?

ПМ. Как ты меня убивал. Ну, давай.

ММ. Я не помню.

ПМ. Кончай, я сказал, кончай, мое терпение лопається.

ММ. Но я правда не помню, клянусь, я ничего не помню. Я... я... я был пьян.

ПМ. Пьян?

ММ. Да, мы с Лукашем поспорили на бутылку, кто первый убьет человека.

Это была шутка, я не думал, что так закончится, я не хотел убивать. Это было по приколу, правда. У него был день рождения, и так вышло. День был удачный. Мы продали один краденый мафон, и у нас было бухло. Еще каких-то спидов наглотались, и все. Не помню подробностей. Знаю, что был в лесу, что мы за кем-то гнались, но я не помню.

Пожалуйста, поверьте мне.

Я проснулся дома у Лукаша, смотрю: одежда в крови, вот и все. Он тоже ничего не помнил. Спида были какие-

то сильнодействующие, нас сильно торкнуло. Я помню лес, велосипеды, то, что я за кем-то гнался, и больше ничего.

Очень долгая пауза.

Потом я увидел в газете фотку с вашим сыном. Я его знал. Мы иногда вместе ходили на тренировки. Он играл в волейбол и классно держал блок. Я не знаю, я ли это.

Я не хотел, я не хотел этого делать.

Пауза.

Я хочу нормально жить. У меня есть девушка, я хочу жениться. Я уже почти перестал воровать. Со следующего месяца я вернусь на работу и в институт на вечерний.

ПМ. Скажи, сколько еще человек ты убил?

ММ. Никого, клянусь, никого больше я не убивал. Избил, не исключено, но не убил.

ПМ. А может, ты не помнишь? Может, тоже был пьян? А?

Ты у меня отнял все: сына, улыбающуюся жену; я тоже не тот, кем был.

Ты знаешь, что Роберт никогда никому не причинил зла. Может, я плохо его воспитал, потому что, если бы я научил его насилию, то, возможно, он первым бы убил тебя.

Мне только жалко твою мать. Она очень славная женщина и будет переживать, что ты не вернулся домой.

ММ. Давайте договоримся.

ПМ. Что значит договоримся?

ММ. Вы ведь умный человек. Какой смысл в том, что вы меня убьете?

У вас будут угрызения совести до конца жизни. Зачем вам это?

Придумайте что-нибудь другое, придумайте.

ПМ. Что я должен придумать?

ММ. Не знаю, какое-нибудь наказание, что-нибудь.

ПМ. Меняешь тактику, за жизнь борешься?

Ну хорошо, придумай что-нибудь сам. Что бы ты мог сделать, чтобы искупить свою вину?

Для начала написать в тетради сто раз: *Я не буду убивать велосипедистов в Горецком лесу, да?* Может, какое-нибудь другое покаяние, а?

ММ. Давайте, я вам это как-то компенсирую. Ну, не знаю, деньгами или....

ПМ. И во сколько ты оцениваешь жизнь моего сына?

ММ. Я не знаю, я только так думаю.

ПМ. Плохо ты думаешь, очень плохо.

Мой сын был отличным парнем. Не баловался наркотиками, не пил, просто хотел жить. Хотел стать врачом, мечтал о том, чтобы стать хирургом. Мечтал поехать на каникулы во Францию, мечтал о мотоцикле с позолоченным топливным баком.

Он мечтал обо всем этом, потому что хотел быть нормальным человеком.

А ты, кто ты такой? Предлагаешь мне деньги за его смерть?

Ты знаешь, для чего я тебя сюда притащил? Я хотел посмотреть тебе в глаза, хотел увидеть, что в них есть.

Ничего в них нет.

Нет в тебе ни страха, ни смирения, ни сожаления.

Я бы не смог жить, если б знал, что из-за меня погиб невинный человек... А ты?

ММ. Ну тогда убей меня. Насмотрелся фильмов и думаешь, что ты благородный мститель.

Да ты просто козел. Связал меня и строишь из себя крутого. Развяжи, и давай на равных. Но ты и так сдохнешь, сдохнешь, вот и все.

Я попался на удочку, но Лукаш не попадетсЯ. Он хитрый, он хитрее тебя и разнесет тебе черепушку и за меня, и за себя. Ну давай, чего ждешь?

ПМ достает пистолет и приставляет его ко лбу ММ.

ПМ. Ну что ж, пора.

Я столько этого ждал. Ты так ничего и не понял, отморозок.

Посмотри на меня в последний раз и поздоровайся со смертью.

Видишь ее, 42-й калибр, еще новенький.

Я разнесу тебе мозги, а потом соберу.

ММ. Ну так давай, кончай прикалываться. Ты пидарас или Шварценеггер?

ПМ. Начинаем отсчет. До десяти: я вслух, а ты про себя. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

ММ. Нет.

ПМ. О, черт, да ты обделался. Нервы не выдержали? С этой минуты считай, будто тебя уже нет, понял?

Наслаждайся каждой секундой.

Нюхай свой страх. А может, мне было нужно именно это — почувствовать наконец запах твоего страха, а?

Мы еще позабавимся.

Я сейчас пойду проветрюсь, но вернусь. Вернусь и тогда решу, что делать дальше. Но ты ни на что особо не рассчитывай. Моли Бога, чтоб я ушел и вернулся. Это была бы самая большая удача в твоей жизни.

Хотя может статься и по-другому. Может, я решу тебя прикончить. Просто войду и выстрелю тебе в затылок, чтобы больше не видеть твоих глаз. Чем человек старше, тем больше он впадает в детство и ему труднее принять решение.

В любом случае, наслаждайся каждой секундой, потому что любая из них может стать последней. Ну пока, до встречи. *(Уходит со сцены.)*

ЭПИЗОД О ПОДКУПЕ

ПМ сидит за рабочим столом.

ПМ. Очень рад, очень рад.

Гляжу я на вас и вспоминаю начало, первый день.

Это всегда стресс. Я стараюсь совладать с ним, но не всегда получается.

Я сидел здесь и просматривал заявления и фотографии. Почти тысяча человек, тысяча человек, которые хотят работать. И вся ответственность на мне.

Как их распознать, разделить по группам?

Это большая ответственность, а я чем старше становлюсь, тем острее ее ощущаю.

Вы только подумайте: все похожи друг на друга, все подтянутые, собранные, целеустремленные.

Я просматривал заявления, письма с мотивацией, фотографии — важно было все.

Я знал: среди них мой преемник.

Я все разложил по алфавиту. Потом стал делить на кучки и раскладывать по комнате.

Первая кучка — идиоты, вторая — способные, но не креативные, третья — карьеристы и, наконец, отдельно — потенциальные кандидаты.

Из этой тысячи я отобрал шестерых, которые, как мне показалось, могут чего-то добиться.

Из этой шестерки, не прошло и часу, я выбрал вас.

Вы спросите, почему?

Опыт, интуиция, вера, вдохновение, сам не знаю что. Во всяком случае, я почувствовал, что это можете быть вы. Я говорю: «можете», потому что еще не был в этом уверен.

Я отложил в сторону вашу папку и ждал.

Фотография говорила о многом. Да еще заявление. Очень выверенное, но сквозь слова пробивалась страсть, настоящая страсть. Я это почувствовал.

Еще до начала первого собеседования я знал вашу биографию наизусть.

Несколько пунктов показались мне не совсем ясными, но так всегда бывает.

Для меня главное — честность.

Сами понимаете, мне нельзя было и виду подать. Ведь я же мог и ошибиться. Вы должны были пройти все туры самостоятельно, без моей помощи.

Нет, нет, не беспокойтесь. Даю вам слово чести: я ни разу не вмешался в процесс. Можете быть абсолютно уверены, что вы прошли честно, согласно условиям приема. Я не мог позволить себе такого, это было бы непрофессионально.

Вы спросите, коллега, возникали ли у меня сомнения?

Конечно, возникали, но ведь они и у вас были. Вы же хотели от нас уйти, хотели перейти к нашим конкурентам. Это были трудные моменты. Я начал колебаться, не ошибся ли я, может, я вас неверно оценил?

К счастью, в последний момент вы опомнились — сегодня вы понимаете, что это было испытание, да, коллега? Только и всего, и не надо в этом усматривать какие-то подтексты.

Ну, а теперь все уже позади, испытаниям и сомнениям пришел конец.

Теперь уже почти все ясно. Я очень, очень рад, что так все закончилось.

ММ. А как я рад! Это чрезвычайно приятная неожиданность, и я хочу вас за все поблагодарить.

Для меня это огромная честь.

ПМ. Не надо, дорогой коллега, не говорите так.

Это только ваша заслуга. Мир не всегда честен и справедлив, но существуют места, где усилия и заинтересованность еще ценятся.

Помните, коллега, какой вопрос вы мне задали во время нашей первой встречи?

ММ. Конечно, помню.

Я спросил, в чем будет заключаться моя работа?

ПМ. Вот именно. А помните, что я вам ответил?

ММ. Что это очень интересный вопрос.

ПМ. Потому что это действительно самый главный и самый интересный вопрос.

ММ. Вы говорили о вещах, которых я не понимал.

Я этого до конца жизни не забуду. Вы сказали, что большая расточительность — принимать человека на определенную должность: с конкретными задачами справиться нетрудно, это любой сумеет.

Вы сказали, что настоящее искусство — работать без конкретных задач и самому ставить перед собой эти задачи.

ПМ. Я и сегодня мог бы это повторить. Только дураков берут для того, чтобы продавать, покупать, рекламировать, носить, открывать. Таких людей сотни.

Нам нужно нечто другое, речь идет о развитии.

Развитие нельзя запрограммировать, оно должно возникнуть само по себе.

Тогда я вам сказал только это, сегодня вы узнаете кое-что еще.

Впрочем, коллега, вы сами отлично понимаете, что я имею в виду, не так ли?

ММ. Мне так кажется.

ПМ. Вот именно, речь идет о новых способах, о новых путях, об их создании.

Вы уже хорошо знаете НАШУ КОРПОРАЦИЮ?

ММ. Мне кажется, да. Я работал в разных отделах НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ, ездил по стране, даже побывал за границей.

ПМ. Отлично, ну и что вы думаете о НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ, коллега?

ММ. Я уже говорил и написал в отчете: что она приобретает все большую популярность на рынке. Мы уже вышли на третье место и активно развиваемся.

ПМ. Коллега...

ММ. ...и скоро выйдем на второе место. Я думаю, необходимо интенсифицировать продажу отдельных видов продукции. Мы выходим в лидеры по продовольственным товарам, но с промышленными товарами дело обстоит хуже.

ПМ. Оставьте, коллега, о таких вещах можно прочитать везде.

Я спрашиваю, что вы думаете о НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ, что вы сами думаете?

ММ. Я? Ну... я думаю, что все хорошо.

ПМ. Еще.

ММ. ...но могло бы быть лучше.

ПМ. Что еще?

ММ. Я думаю, мы допустили кое-какие ошибки, но...

ПМ. Но?

ММ. ...но их можно исправить. Вот только люди... как бы это сказать... Им это не очень важно.

ПМ. Вот именно.

ММ. По некоторым показателям конкуренты нас опережают. Я задумался, почему?

ПМ. И?..

ММ. И решил, что это из-за людей.

ПМ. Люди, люди, люди.

Вы знаете, коллега, что такое люди сегодня?

Я вам скажу: это огромная масса, стадо. Они сами не знают, чего хотят.

Спросите их. Они будут говорить о любви, счастье, семье.

А значат ли что-нибудь эти слова, скажите вы мне, коллега, имеет ли это хоть какое-нибудь значение?

ММ. Однозначно я затрудняюсь сказать.

ПМ. Никакого значения, понимаете? У этих людей нет направления, цели, пути, ничего нет, это вам понятно, коллега?

ММ. Да, но...

ПМ. Никаких «но». Мир изменился. Для дурацких старых структур уже нет места.

Уже нет места для ностальгической чепухи, все, конец.

Наступило наше время, и потому мы здесь. Мы и НАША КОРПОРАЦИЯ.

ММ. Да, я понимаю, только...

ПМ. Никакого только, никакого только, дорогой коллега.

НАША КОРПОРАЦИЯ создана для того, чтобы вести людей за собой.

Конечно, мы занимаемся торговлей, продаем, покупаем, у нас магазины, автомобили, армия охранников, газеты, но ведь это не имеет никакого значения, никакого.

Речь идет о чем-то большем — вы знаете о чем?

ММ. Да, знаю.

ПМ. Знаете? Ну тогда говорите!

ММ. Речь идет о пустоте.

ПМ. Bravo, bravo, вы дали отличное определение.

Именно так, коллега, речь идет о пустоте.

Помните цикл занятий, посвященный религиозным учениям, вы его помните?

Дорогой коллега, это была самая важная часть курса. Я знаю, что не все это поняли.

Думали про себя: зачем мне это нужно? Шептали тихонько: бред какой-то. Зачем нам слушать все это, ведь мы будем продавать телефоны, сырки, автомобили и мебель, так они говорили, верно?

И они будут это делать, потому что у них не хватает мозгов понять, зачем они это делают, не хватает мозгов, чтобы понять самое главное. А что было самым главным?

ММ. Желание заполнить эту пустоту, желание управлять.

ПМ. Bravo.

ММ. Желание заполнить и забыть. Это настоящее начало новой навязчивой идеи.

ПМ. Bravo.

ММ. Мне понадобилось некоторое время, я это не сразу понял.

Сами знаете, как это бывает: смотришь, но не видишь. Знаете, когда я понял, в чем здесь дело?

Помните, как я ездил по всей Европе в качестве курьера, с чемоданом. Вы, конечно, это помните?

Мне дали чемодан и адрес, по которому я должен был этот чемодан доставить. Я его привез, но там мне дали новый адрес. Позже были еще адреса и бесконечные переезды.

Иногда кто-то открывал чемодан и что-то там искал, как будто ни о чем не догадывался. Другие даже не открывали и сразу же давали новый адрес.

Вначале я хотел его открыть, посмотреть, что внутри. Мне никто не сказал, что туда нельзя заглядывать, но это и так было понятно. Мне доверяют тайную миссию, суть которой непонятна, но, если бы я заглянул в чемодан, это было бы ошибкой, я бы не прошел испытание. И я в него не заглянул.

Меня это раздражало, я думал, что надо мной издеваются, что меня хотят спровоцировать. Потом плюнул и готов был ездить с этим чемоданом еще много лет.

И так во всем.

Дело не в деньгах и даже не во власти, важно понимание.

Скажите, пожалуйста, шеф, я прав: ведь в чемодане ничего не было, верно?

ПМ. Простите меня, коллега, иногда необходимо применять необычные методы.

ММ. А это расспрашивание обо мне моих знакомых! Ведь если бы кто-нибудь хотел на самом деле узнать кое-что обо мне, он бы сделал это втайне.

А тут люди демонстративно обо мне расспрашивают, что-то проверяют, чего-то ищут — и что?

А ничего, потому что никто ничего не ищет, ведь вы же давно все обо мне знали. Вас интересовала моя реакция, выдержу я или нет, так ведь?

ПМ. Вы сами все отлично понимаете.

ММ. Да, понимаю.

ПМ. Такие сейчас времена, такие требования, такие методы.

Вы знаете, коллега, что месяц назад я был в управлении компании?

ММ. Да, вы мне говорили.

ПМ. Вот именно. Вы когда-нибудь бывали во Флориде?

ММ. К сожалению, еще не имел такого удовольствия.

ПМ. Вы обязательно должны туда выбраться, впрочем, скоро, возможно, вы туда поедете.

Вот где рай на земле. Солнце, воздух, песок и вода.

Вода там самая лучшая в мире, и к тому же люди постоянно улыбаются. Не то что у нас — мрачные лица. Я раньше думал, почему наш шеф все время там сидит?

Вы подумайте, у него столько отделений по всему миру, а он почти нигде не бывает.

Мне это не давало покоя, но сейчас я все понял.

Там так замечательно, просто чудесно! Когда вы туда поедете и увидите сами, вы это поймете.

ММ. Для меня это будет большая честь.

ПМ. Вот такая она, жизнь. Сначала мы о чем-то мечтаем, а потом мечты становятся явью. Вы даже понятия не имеете, как я когда-то мечтал о поездке в управление компании, и это произошло. Возможно, как ни смешно это звучит, теперь это меня уже так не радует, все прошло. А вы, коллега, о чем мечтаете?

ММ. Я?

ПМ. Да. Пожалуйста, не стесняйтесь. Такой человек, как вы, хочет идти вперед, хочет двигаться дальше, стать кем-то, да?

ММ. Конечно, хотя меня иногда одолевают сомнения.

ПМ. Разумеется, мы все иногда сомневаемся, это нормально. Надо это в себе преодолевать. Мотивировка — вот что самое главное. Даже когда человек лежит больной, но

у него есть надлежащая мотивация, он — счастливый человек.

Вам трудно говорить об этом, это нормально, поэтому я скажу за вас: вы мечтаете о какой-нибудь хорошей должности, ведь так?

ММ. Я доволен тем, что имею, но, конечно, был бы рад..

ПМ. ...тогда хватит молотить воду в ступе, я наконец произнесу вслух: я предлагаю вам свою должность, предлагаю вам пост РЕГИОНАЛЬНОГО КООРДИНАТОРА НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ. Что, вы удивлены?

ММ. Я чувствую... не знаю, как сказать... для меня это так неожиданно, я счастлив.

Вот уж чего не ожидал, это большая честь.

ПМ. Да, да, коллега. КОРПОРАЦИЯ должна развиваться дальше, и вы внесете в ее развитие новую струю.

Поздравляю вас, поздравляю от всей души, коллега. Разрешите пожать вам руку.

ММ. Спасибо, большое спасибо.

Рукопожатие.

ПМ. Я очень, очень рад. Я уже вам говорил, что, когда год назад мы объявляли конкурс на должность моего заместителя, я чувствовал, что все будет в порядке. Однако не думал, что вы меня так быстро замените, но... жизнь не терпит пустоты.

Многие в правлении упрекнули меня за то, что я продвигаю именно вас. Скажут, что вы работаете недавно, что есть много других, более опытных. Скажут, что вы — недостаточно проверенный человек, и всякое такое. Но вы не должны обращать на это внимание, я все беру на себя, абсолютно все.

Вы должны это выдержать, сами понимаете: все это только формальности. Люди будут нести разную чепуху, но ведь люди всегда несут чепуху, не так ли? Вы должны это

выдержать, как и сотню других испытаний, которые вас ждут. Я вам помогу так же, как кто-то когда-то помог мне.

А теперь нам с вами нужно уладить несколько мелочей.

Да, да, вот, как раз вспомнил об одной из них. Мне кажется, коллега, у вас есть какие-то татуировки, я не ошибаюсь?

ММ. Да, есть. Старые истории, это в память о них.

ПМ. Вот именно, с них мы и начнем. Вы их должны удалить, коллега.

Потом, пожалуйста, загляните к нашему портному. Пусть он снимет с вас мерку и сошьет вам хороший костюм. Еще вы получите ордер на квартиру. Я нашел для вас интересное предложение в новом престижном районе. Ну, а если говорить о новом автомобиле, то прошу вас не обижаться — вначале вы поедите на моем, а потом сами себе что-нибудь подберете.

Все понятно? Тогда я очень рад, и — за работу!

ММ. А это обязательно?

ПМ. Что?

ММ. Ну... татуировки... это обязательно?

ПМ. Что вы имеете в виду?

ММ. Нужно их удалить?

ПМ. Конечно, обязательно. Не думаете же вы, что у РЕГИОНАЛЬНОГО КООРДИНАТОРА НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ могут быть татуировки? Подумайте хорошенько.

ММ. Я так к ним привык, они важны для меня. Это нечто большее, чем просто татуировки.

ПМ. Честно говоря, вы меня удивляете.

Эти татуировки с самого начала казались мне подозрительными.

Я, конечно, понимаю, случаются в жизни моменты, когда человек начинает бунтовать, чтобы потом поумнеть. Каждый впечатлительный человек в молодости хочет изменить мир, но потом умнеет, верно? Так сказать, переходит на другую сторону баррикады. И, кроме того, колле-

га, татуировки производят неприятное впечатление, это неэстетично.

ММ. Видите ли, я на самом деле через многое в жизни прошел, уж поверьте.

У меня бывали минуты слабости, я жил на улице, был на волосок от смерти.

Впрочем, вы все знаете. Я выкарабкался, у меня получилось.

Многим из моих друзей не так повезло, у них не получилось.

На память обо всем этом у меня остались только татуировки, чтоб я не забывал, понимаете, шеф?

Я не хочу забывать, откуда я и где был. Поэтому они мне дороги.

ПМ. Я вижу, вы сентиментальны, коллега.

Я все понимаю, но и вы должны меня понять. Я не требую от вас невесть чего. У РЕГИОНАЛЬНОГО КООРДИНАТОРА НАШЕЙ КОРПОРАЦИИ не могут быть татуировки, это очевидно. Я даю вам деньги и власть, а взамен требую лояльности, только и всего. Вы должны удалить эти татуировки, и точка.

Разве это плохой обмен?

ММ. Вы отлично понимаете, что дело не в этом.

За год я здесь многое повидал. Видел, как вы постепенно, изо дня в день, ломали людей. А потом уже они сами начинали унижаться, больше на них давить не понадобилось. Достаточно только сделать один шаг, и все. КОРПОРАЦИЯ может стоять в сторонке и извлекать выгоду, а люди уже не те, что были. Может, именно поэтому я не хочу удалять татуировки.

ПМ. Что вы боитесь потерять, коллега, что? Несколько безобразных картинок. Вы же сами знаете, главное — правильное отношение, а у вас оно есть.

ММ. Отношение очень легко изменить.

ПМ. Вы ставите условия? Это интересно.

ММ. Нет, я не ставлю никаких условий. Я говорю нет, просто нет.

Я мог бы вам конкретно рассказать о каждой из них.

Я бы вам рассказал о татуировке с пауком — мы ее накололи с другом, которого уже нет в живых. А знаете, почему его нет в живых? Потому, что он был слабый и впечатлительный, а таких сегодня не любят. Этого было достаточно, чтобы он сломался.

Я мог бы рассказать вам о розе на плече. Я наколол ее в память о девушке, которую очень любил. Она меня тоже, но с какого-то момента героин стала любить больше, чем меня. Героин безжалостен. Сегодня она похожа на скелет и выглядит как жалкая проститутка, но я все равно ее люблю. Понимаете?

Я мог бы так рассказывать обо всех, сантиметр за сантиметром, только зачем? Вам и без того все известно. Вы знаете обо мне больше, чем я сам о себе.

Именно поэтому я не могу удалить татуировки, именно поэтому.

Если бы я это сделал, то раз и навсегда вычеркнул бы этих людей из моей жизни, а я так поступить не могу.

ПМ. Я вас не узнаю, коллега, просто не узнаю.

Вы нелогичны в оценке действительности. Это все сантименты, ничего не стоящие воспоминания. Вы отлично знаете, что важны только факты, факты и ничего более.

Не прикидывайтесь: вы, как и я, это отлично понимаете. Поэтому я вам от всей души советую перестать валять дурака.

Советую, предлагаю, прошу, в конце концов, требую.

ММ. Иначе что? Вы не назначите меня на эту должность, уволите, я не буду управлять людьми и у меня не будет нового автомобиля?

А вы знаете, что значит заново родиться? Знаете, как чувствует себя человек, на которого плюют на улице? Прохожие всегда отворачиваются. И тогда очень трудно под-

няться. Гораздо труднее, чем пройти все эти дурацкие отборочные этапы. У меня получилось, но могло и не получиться, потому что почти ни у кого не получается.

Поэтому я не могу ничего забыть, не могу.

ПМ. Я думал, вы умнее, коллега.

Вы меня удивили, в самом деле удивили: может быть, вы правы, а может, и нет.

Но это все не имеет никакого значения, важны только факты и решения, и вы должны принять решение.

Все очень просто: вы не можете занимать такой пост с татуировками на руках. Советую вам подумать, хорошенько подумать, коллега.

ММ. Я уже принял решение.

ПМ. Не говорите ерунду, не говорите ерунду.

Я вам даю шанс, коллега. Не должен бы, но даю еще один шанс. Договоримся так... договоримся так: я вам сделал предложение, а вы над ним подумаете.

Это ведь нормально: когда получаешь предложение, которое должно изменить всю твою жизнь, надо серьезно поразмыслить. Хорошо я придумал, а?

ММ. Но я...

ПМ. Прошу вас, замолчите, пока не наговорили лишнего.

Сейчас вы уйдете, а утром я назначу совещание правления. Обрисую общую ситуацию, сообщу о своем отъезде и так далее.

Потом дам вам слово, а вы прокомментируете ситуацию. Вы меня понимаете, коллега, понимаете?

Вот и хорошо, вот и прекрасно. А сейчас идите, у меня еще много незавершенных дел, куча проблем. Ну, чего вы ждете?

Я с вами прощаюсь, коллега, и жду вас завтра на совещании правления. До свидания, коллега, до свидания.

ММ выходит.

ЭПИЗОД О ЛЮБВИ

ММ входит на сцену, на которой уже находится ПМ.

ММ. Ну вот и я, шеф, прошу прощения, что так долго. У людей сегодня крыша едет, реально. Вдруг хоп — подавай им товар немедленно.

Обычно базарят часами и ничего не покупают.

А я стою и слушаю эти байки.

Кому-то баба изменила, отец не понимает дочь, телевидение — отстой, только на фига мне все это? Ну и самая главная тема: нет бабок, но будут завтра, а если завтра не будет, то сто процентов будут послезавтра, и так без конца.

Я этот треп не слушаю, у меня свои правила. Я никогда никому не даю в долг.

Даже собственному отцу не дал бы, если бы он у меня был.

Вы не представляете, какую хрень мне приходится выслушивать. Что творится в мире, отвал башки.

Если у клиента появляется немного бабла, у него вмиг крышу сносит. Ему по фигу, он должен все иметь сразу, бах, и готово. А я же не аптека, правда?

Человек должен спать, есть и отдыхать хоть немного.

В пятницу хуже всего, вообще улет. Больше машин на улицах, больше аварий и больше обдолбанных придурков. Все ждут субботы, как будто она что-то меняет.

На ночь я телефон отключаю, зато утром на автоответчике столько звонков — с ума сойти! Я всем говорю, чтоб не звонили, но им по барабану. Не поверите, я в этом году три раза менял номер телефона, ни фига не помогает. Люди всегда узнают, всегда. Ума не приложу, как они это делают, я никому не даю свой номер, но они его всегда знают. Один сообщает другому, и все.

Хотя, если посмотреть с другой стороны, я не жалуюсь. Мой бизнес цветет и пахнет, все путем. Вокруг кризис, а у меня все время что-то происходит.

Например, сегодня: встаю я утром, кипячу воду для кофе и слышу, кто-то в дверь ломится.

Мой сосед сверху колотит как ошалелый. Нормальный парень, я его вроде знаю, поэтому открываю. Сразу стало ясно: что-то стряслось. Он вваливается и спрашивает, можно ли позвонить, потому что у него телефон отключен. Ясное дело, если за телефон не платить, то его отключат, это и ежу понятно.

Так вот, он говорит, что у жены кровотечение и ему надо позвонить в неотложку. Теща купила им в подарок на свадьбу абонемент на платную скорую помощь. Вы себе представляете такое: получить на свадьбу в подарок абонемент на скорую помощь — идиотизм!

Хорошо, она гробы на свадьбу им не купила.

Сосед прибегает с документами, достает визитку и набирает номер. Говорит несколько секунд, что там и как, бросает трубку и убегает. Парень в шоке, говорит, что в жизни ничего такого не видел и что если «скорая» сейчас не приедет, то его жена просто отдаст концы на месте. Благодарит меня и убегает.

Через пятнадцать минут снова прибегает весь зеленый и говорит, что ему надо опять позвонить, потому что «скорая» еще не приехала. Звонит еще раз, орет на бабу, она ему отвечает, я слышу в другом конце комнаты, что машину она уже выслала.

Через десять минут все по-новой. Сосед прибегает, звонит и убегает. Я чувствую, что-то здесь не так, но не встречаю, не мое дело.

Наконец он, весь трясущийся, прибегает в четвертый раз. Говорит, что жена уже залила кровью все брачное ложе и выглядит, как свиноматка, которой перерезали горло. Я вежливо прошу его дать мне визитку. И что же я вижу — попробуйте догадаться, что? И не старайтесь, ни за что не угадаете.

Я беру визитку, смотрю на нее и вижу, что это реклама такси. Вы поняли, пацан полчаса звонит диспетчеру, и она ему отправляет такси. Чувака так прибил вид жены, что он визиток не различает, как вам, а?

Такие сегодня люди, безбашенные абсолютно.

У меня такой цирк каждый день, понимаете, каждый день.

Я теряю ключи, нахожу чьи-то документы, опаздываю, прихожу на два часа раньше, полный бардак.

Но с вами я веду себя по-другому, я ни разу не опоздал, блин. Стараюсь, чтобы все было тип-топ, надеюсь, вы это заметили.

Вы — мой самый главный клиент.

ПМ. Я, я — самый главный клиент?

ММ. Ну конечно, привилегированный клиент. Если надо, я все брошу, но вас обслужу.

ПМ. В самом деле? Интересно, почему?

ММ. Все очень просто. Я на вас рассчитываю.

ПМ. На меня?

ММ. Конечно, вы при деньгах.

Посмотрите на себя: костюм, туфли, бархатный платочек с вышитыми инициалами. Мои клиенты выглядят по-другому, и у них совсем другие проблемы.

ПМ. Ты очень наблюдательный.

ММ. Ясен перец, это главный принцип моей работы. Я должен расшифровать клиента еще до того, как он хоть что-то сообразит. Должен прочесть в его глазах все: чего он хочет, как ему продать товар и сколько бабла можно из него вытянуть.

ПМ. И ты в моих глазах прочитал, что я — твой привилегированный клиент?

ММ. У вас есть бабки, вы знаете кое-кого в этом городе.

Никогда не известно, как жизнь сложится. Может оказаться, что вы станете моим страховым полисом или

чем-то типа того. Благодаря вам я могу связаться с людьми, на которых у меня нет выхода, но на которых я хочу выйти.

ПМ. Ведь мы договаривались, прежде всего — конфиденциальность.

ММ. Ну, понятное дело, я ничего не говорю.

Речь только о том, что, если кому-то из ваших знакомых что-нибудь понадобится, я всегда готов к услугам. Вы же видите, я — ходячий магазин. У меня есть все, что душе угодно.

Лучшая в городе трава, лучший героин, самый лучший... Да вы сами знаете. Трава, которую я вам продаю, ведь очень даже ничего, а? Но это только начало, у меня есть доступ ко всему: машины, девочки, мебель, компьютеры — все, что захотите.

ПМ. Значит, ты очень богатый человек.

ММ. Вы меня не поняли. У меня нет ничего, но я знаю людей, у которых все это есть.

Не мне вам рассказывать, как это происходит: люди рекомендуют друг друга, и бизнес развивается. Все является товаром, все. Вопрос только в цене.

ПМ. Все?

ММ. Я уже вам говорил, я — ходячий магазин, я продаю счастье. Скажем, я — этаким психованный ангел, который свалился с неба и раздает людям то, что им нужно. Тебе нужна трава — у меня есть мешок травы, тебе нужна девочка на вечер — я знаю самых лучших телок в городе, тебе нужна супермашина за полцены — у меня есть связи в самом лучшем в стране автосалоне. Вот такой я.

ПМ. Шутишь.

ММ. Конечно, шучу, но ведь надо же себе сделать рекламу, а?

Сами знаете, в каждой шутке есть доля правды.

ПМ. Не знал, что у тебя такой размах.

ММ. Стараюсь, как могу, стараюсь.

ПМ. А телевизоры? Я недавно подумал, что надо бы телевизор купить.

ММ. Телевизоры — моя специальность, я их обожаю. Какой пожелаете?

ПМ. А что бы ты посоветовал?

ММ. Я советую пойти в магазин, записать марку и тип телевизора, который вам нравится, а на другом листочке — адрес магазина, где вы его увидели. Потом позвоните мне, и мы поговорим о цене. Если договоримся, через два, самое большее три дня телевизор ваш.

ПМ. Ворованный?

ММ. Я чист, как слеза, никакого рэкета и скупки краденого, только мелкие услуги.

Разве так важно — откуда телевизор, важно, что вы хотите его иметь и можете немного сэкономить. А гарантия, зачем вам гарантия? Вы же прекрасно знаете, что сейчас электроника отличная и почти ничего не выходит из строя.

ПМ. Ты рассчитываешь, что тебе через меня удастся что-нибудь продать?

ММ. Я ни на что не рассчитываю. Рассчитывают в бухгалтерии.

Я только говорю, что у меня большие связи. Пожалуйста, это запомните.

Таким обеспеченным людям, как вы, нужны разные игрушки. Я понимаю, сегодня легко заскучать до смерти, и тогда просто наберите мой номер, я вам помогу. Люди боятся, но вы мне доверяете.

Скажите, а почему вы мне доверяете?

Вот я сам не знаю, почему вам доверяю, странно, да? Вдруг кто-то незнакомый подходит ко мне в клубе и просит продать косячок. В первый момент я подумал, подстава, поэтому дал вам бесплатно.

Потом все пошло гладко, это и называется доверием.

Уже, кажется, год, как я продаю вам товар, поэтому и подумал, что вы мне доверяете.

Если бы вы шепнули кое-где про меня при случае... Знаете, как это бывает: вдруг у кого-то возникает нужда, и вы даете ему мой телефон. И все дела.

Обычно у меня есть скидочки для тех, кто приводит новых клиентов, но вас я боюсь обидеть...

ПМ. Ты знаешь людей, которым не нужны деньги?

ММ. Деньги... вот только не надо меня лечить. У тако-го, как вы, куча денег, на фига вам эти копейки.

ПМ. Очень ты меня удивляешь. Я думал, ты — мелкий дилер, который продает потихоньку травку, чтобы заработать себе на косячок, а ты серьезный бизнесмен. Мало того, еще предлагаешь мне стать твоим компаньоном.

ММ. Спокойно. У меня принцип: я сам не употребляю. Мы уже немного знакомы, поэтому вам я могу сказать. Не обижайтесь, но это все для малолеток и фраеров, которые от безделья с головой не дружат. У меня другие проблемы.

ПМ. Другие?

ММ. Да, у меня тоже есть проблемы, как и у всех.

ПМ. Как у всех?

Ну-ка, расскажи мне о своих проблемах. Понимаешь, у меня к тебе есть очень личное дело. Ты даже не представляешь, насколько личное. Оно касается только тебя и меня.

ММ. Вас и меня.

ПМ. Да, тебя и меня.

ММ. Вы голубой? Я сразу это почувствовал.

Если конкретно, я знаю несколько парней, отсосут — дара речи лишитесь.

Я вам говорю, супермальчики. Ну что, договариваться?

ПМ. С чего ты взял, что я педик? Я же сказал, у меня к тебе личное дело, ни о каких мальчиках речи нет...

ММ. Тогда не понимаю, кто вы?

ПМ. А ты как думаешь?

ММ. Вы, вы?.. Ой, бля, ну я и попал.. Год продаю ганжу главному боссу в городе. Вы меня сделали, круто сделали. Мои локаторы не сработали.

Не могу поверить, просто не могу.

Пан Люциан, не беспокойтесь. Я только так, по мелочам. По сравнению с вами я — ноль.

Я понимаю, вы не любите конкурентов, я тоже бы разозлился, если бы кто-нибудь стал путаться под ногами, но вы подумайте: при вашем размахе меня вообще нет. Пяток косяков, проданных за неделю, ничего не значат.

Насчет других услуг я немного преувеличил. Да, конечно, я подумываю о расширении дела, но пока это все пустой базар.

Конечно, если вы скажете, я буду исключительно травой торговать, честно, больше ничем. Но пожалейте меня, мне чертовски нужны деньги.

ПМ. Ты ошибаешься.

ММ. Ой-ой, зачем так резко? Мы же можем договориться.

Считаете, трава — это много, я должен делиться?

Конечно-конечно, вы правы, я все понял.

ПМ. Ты ошибаешься. Меня зовут не Люциан.

ММ. О, бля... кто же вы, кто вы?..

Это нечестно, это нечестно.

Вы знаете, кто я, так что говорите, кто вы.

ПМ. Посмотри на меня повнимательней.

ММ. Полиция?

В таком случае, вы меня круто подловили, классно. Поздравляю, как говорится, с оперативным успехом. Наверно, вас за это наградят, грамоту дадут, в газетах напишут, что вы раскрыли самую большую в городе банду торговцев наркотиками.

Ну, чего ждете, надевайте наручники, давайте.

Не хотите, понятно, для черной работы есть рядовые сотрудники, ясно, ясно.

Чего-то долго тянули, вы же могли меня повязать уже через месяц.

Надеялись из меня еще что-нибудь вытянуть?

Я ничего не знаю, по нулям.

Траву сею сам и продаю только друзьям. Я — кустарь-одиночка. Люблю немного пофантазировать, у меня хорошо язык подвешен.

В принципе, чего я дурку ломаю. Я прекрасно знаю свои права и ничего говорить не буду.

ПМ. Да, действительно, язык у тебя подвешен неплохо.

ММ. Если бы не ваша долбаная система, которую вы представляете и которая вынуждает меня таким способом зарабатывать бабки, я бы стал выдающимся экономистом или юристом.

Точно был бы юристом.

Но ничего не поделаешь, каждый может проколоться, бывает.

Почему вы ничего не говорите, почему молчите?

ПМ. Я тебя слушаю.

ММ. Понятно, вот так бы с самого начала. Хотите договориться?

Конечно, конечно, мы можем договориться. Я в этом немного разбираюсь, моя мать тоже работала в бюджетной сфере. Nobody is perfect, и каждый пашет, как может, да?

ПМ. Ты опять ошибаешься.

ММ. Че, денег не хватает, хотите войти в долю?

Вот это уже конкретный базар. Я, конечно, могу на это пойти, но вы тоже должны кое-что сделать, вы меня понимаете?

ПМ. Я уже тебе сказал: ты ошибаешься.

ММ. Ошибаюсь? Вы не мент?

Тогда кто, ептыть?

ПМ. Я сразу сказал, что у меня к тебе очень личное дело, но ты говоришь и говоришь без умолку.

Я хочу тебя поближе узнать, для меня это важно.

ММ. Знаете, это уже не смешно.

Чего вам надо, блин, кто вы?

Может, думаете, если меня зацепили, то можно прикалываться надо мной?

Я вот что скажу. Я продаю эту сраную траву, потому что хочу когда-нибудь начать нормально жить. Нормально, понимаете?

Я не из богатой семьи. Отец на восемнадцатилетие машин мне не дарил.

Я его никогда в жизни не видел. Он, наверное, сидит теперь в Штатах или в какой-нибудь Швеции, и на хер я ему не нужен. И никогда не был нужен, он ни разу вообще не появился. Я уверен, что он ни разу про меня и не вспомнил.

Да разве вы поймете?

Моя мать всю жизнь пахала по двенадцать часов, чтоб мы с голоду не подохли, пока ей не сказали: спасибо, ты уволена.

Разве вы это поймете?

Знаете, как она сейчас выглядит? Утром встает, застилает постель, и больше ей нечего делать.

Ходит по квартире и целый день сама с собой разговаривает.

Я это рассказываю, чтоб вы знали, что я не какой-то там debil, которому не хер делать. Я просто хочу нормально жить.

Я постоянно корчу из себя придурка, но так надо. Иначе мне не заработать этих бабок. А про юриста я серьезно. Аттестат зрелости у меня есть, как только отложу немного денег, пойду на вечерний и закончу его. Закончу, потому что у меня есть цель, и двину отсюда.

Поэтому кончайте ломать комедию.

Говорите, чего надо, или я уйду.

ПМ. Ты на самом деле не знаешь, кто я? И не догадываешься?

ММ. У меня нет никакого желания в этом цирке участвовать. Не хотите серьезно, мне по фиг. Я уйду, пока.

ПМ. Подожди, подожди. Посмотри на меня. Не узнаешь, не догадываешься?

ММ. Нет, я уже сказал.

ПМ. Роберт, Роберт...

ММ. Откуда вы знаете, как меня зовут?

ПМ. У меня тоже второе имя Роберт. Я — твой отец.

ММ. Что?

ПМ. Я — твой отец.

ММ. Вот только не надо надо мной прикалываться.

ПМ. Клянусь. Я — твой отец и хотел бы...

ММ. Ты, сволочь, это ты, это правда ты?

Ну нет, я не могу. Ты, козел, скотина, урод, иди отсюда, пошел вон.

И у тебя хватило совести показаться мне на глаза?

ПМ. Прости, я не хотел, так вышло.

ММ. Ты что, просишь у меня прощения, ты у меня прощения просишь?

Да какое ты имеешь право! Тебя не было столько лет, и вдруг — появляешься. Ты, мудака, целый год тайком покупаешь у меня траву и вдруг говоришь, что ты мой отец.

Отец... а ты, вообще-то, знаешь, что это значит?

ПМ. Прости, я хотел тебя увидеть, искал, как к тебе подступиться.

Ты знаешь свою мать, наверняка она тебя настроила против меня, она не дала мне ни единого шанса. Я должен был что-то придумать, просто должен был.

ММ. Нет, офигеть, вот приколы.

ПМ. Дай мне сказать, выслушай меня ...

ММ. Что ты хочешь мне сказать? Опять придумал какую-то сказочку?

ПМ. Послушай...

ММ. Нет, это ты послушай. Ты знаешь, сколько раз в детстве я молился, чтобы ты пришел, чтоб я смог хотя бы тебя увидеть. Мать выбросила все твои фотографии, а те, на которых вы были вместе, разорвала пополам. Но я не верил, понимаешь, не верил. Я думал, что-то же должно случиться, обязательно должно случиться.

Я мечтал о том, что ты когда-нибудь появишься и все мне объяснишь. Я ждал, ждал, но ты не появлялся.

И что же ты сделал? Покупал у меня траву и вдруг через год решил со мной поговорить? Срал я на тебя и на то, что ты мой отец, срал я на тебя, срал. У меня нет отца, понимаешь? У меня нет отца.

ПМ. Роберт...

ММ. Не называй меня так. Я для тебя не существую, меня нет, ясно?

ПМ. Подожди, не уходи, умоляю тебя. Дай мне еще минуту, две, а потом поступишь, как хочешь, но дай мне минуту. Умоляю, одну минуту.

ММ. И что? Ты мне расскажешь душещипательную историю, я расплачусь, и мы бросимся друг к другу в объятия?

Так ты себе это представлял? Ну говори, давай.

ПМ. Нет, не так.

Думаешь, только ты страдал, только ты не мог спать по ночам.

ММ. Я тебя перебыю и отвечу: да, именно так я и думаю. Даже если ты и страдал, то мне это совершенно по херу. Зачем тебе это, раз уж тебя не было столько лет, надо было исчезнуть раз и навсегда.

ПМ. Я должен был тебя увидеть, попросту должен был.

ММ. Зачем? У тебя рак, ты через две недели умрешь и поэтому должен перед смертью увидеть сына?

ПМ. Нет, нет, нет.

ММ. Ты думаешь только о себе, только о себе.

ПМ. Я был молод, очень молод, пойми. У меня была впереди целая жизнь, когда ты родился, я испугался, струсил.

ММ. А теперь ты уже не боишься?

ПМ. Роберт, дай мне сказать, дай, прошу тебя.

Ведь ты же не можешь категорически отвергнуть отца, не можешь.

Ты — часть меня, хочешь ты этого или нет, но это так. Я знал, знал, что у нас будет трудный разговор, я знал. Я не мог к тебе подойти и сказать: привет, я твой отец. А твоя мать... она же меня ненавидит.

ММ. Только не говори о маме, не говори о маме.

ПМ. Я ничего не говорю, ни о чем тебя не прошу. И не намерен притворяться... Я знал, что ты не захочешь со мной разговаривать, я знал. *(Достает видеокассету.)*

ММ. Что это? Я ничего у тебя не возьму.

ПМ. Это видеокассета. Я говорю в камеру, говорю с тобой. Там все объяснено, все.

ММ. На кассете все объяснено?

Да ты просто урод! Не можешь сказать мне прямо в глаза, а даешь какую-то дурацкую кассету?

ПМ. Я хочу, чтобы ты ее взял и посмотрел. Очень прошу.

Пожалуйста, я не могу по-другому.

ММ. Ты рехнулся, у тебя крыша съехала? Через невесть сколько лет приходишь, кладешь кассету и уходишь. Да кто ты такой, кто ты вообще такой?

ПМ. Роберт!

ММ. Не называй меня так, слышишь. Не называй меня так.

ПМ. Я умоляю тебя, просто умоляю, там все сказано. Только посмотри.

Клянусь, слышишь, я обещаю, что, если ты посмотришь эту кассету и не захочешь меня никогда больше видеть, так и будет, ты меня не увидишь. Никогда, клянусь.

ММ. Ты мне обещаешь. Да я не верю ни одному твоему слову!

ПМ. Возьми, прошу.

ММ. Иди отсюда, видеть тебя не могу, урод.

ПМ. Хорошо, только обещай, что

ММ. Уйди, исчезни. Я не хочу тебя видеть.

ПМ. Хорошо, только...

ММ. Уйди отсюда.

ПМ. Я кладу ее здесь.

ММ. Пошел вон.

ЭПИЗОД ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

ММ находится на сцене. Появляется ПМ.

ММ. О, вы здесь. Очень рад, я боялся, вы не приедете. Знаю, знаю, я отдаю себе отчет, что для вас это не совсем удобно, но вы не беспокойтесь. Я болтать не стану. Я все понимаю, не сомневайтесь.

Старик, то есть пан Петр, очень бы обрадовался, если бы вас здесь увидел.

Вы даже не представляете, сколько он о вас говорил, постоянно.

Вы тоже называли его Старик?

ПМ. Да.

ММ. Интересно, знал ли он об этом? Наверно, знал. Хотите что-нибудь выпить?

ПМ. Добрый день. Нет, нет.

Это ты — Роберт?

Прошу прощения, я только что приехал, даже на похороны не успел. Я так занят, столько дел, нелегко за всем уследить.

ММ. Роберт.

Очень приятно.

Рукопожатие.

ПМ. Если возникнут какие-нибудь проблемы с деньгами, с людьми, могу помочь....

ММ. Нет, нет. Старик все организовал сам. Вы же знаете, каким он был, никаких случайностей. Абсолютно все запланировано и сделано по плану. У него, наверное, все было распланировано на десять лет вперед. Невероятно!

Я в шоке. Все было готово: костюм, туфли, даже сигареты в кармане. Круто, да?

Ну и письмо вам. Он мне велел отправить его вам сразу же после его смерти.

ПМ. Спасибо. Как это произошло? Я что-то слышал: больница, рак желудка...

ММ. Он мучился, страшно мучился. Не мог есть, почти ничего не пил. Очень похудел, даже ходить у него не было сил.

ПМ. Кроме тебя кто-нибудь знает, что я здесь?

Пойми меня правильно, есть люди, которые ни перед чем не останавливаются. Иногда я боюсь встать с кровати. За мной все время следят. Для них это была бы просто удача.

Я на вечере с духами, каково, а?

Кто поверит, что я пришел сюда потому, что меня попросил покойник с того света? Никто бы не поверил. Я сам, когда читал письмо, не мог этого понять.

Старик, перед тем как отправиться на тот свет, уверовал в загробную жизнь, что ли?

Ты же знаешь, я изменил свою биографию. Да, да, я понимаю, это может выглядеть странно, но иногда жизнь заставляет делать разные вещи. Воспитание в детском доме — не лучшая характеристика, это не вызывает доверия, ты меня понимаешь? Я должен был производить благоприятное впечатление, иметь чистую родословную, чтоб ни сучка, ни задоринки. Это все нелегко дается, многим приходится жертвовать, а еще нужны деньги — сам понимаешь: чиновники, документы... Обо мне точно никто не знает?

ММ. Нет, конечно.

ПМ. Вот и хорошо. Я всегда думал, что Старик умрет как-то по-геройски. Ну, не знаю, спасая кому-то жизнь или что-нибудь в этом роде. А тут тихая смерть.

Он никогда не переставал меня удивлять, я им восхищался. Любимый воспитатель и директор образцового детского дома. Сейчас все по-другому, воспитание более гуманное.

А ты что об этом думаешь?

ММ. Я не знаю, существуют разные методики, но...

ПМ. Нет, нет, я о нашей встрече, о ней ты что думаешь?

ММ. Он написал письмо мне и вам. Он хотел, чтобы мы с вами провели здесь ночь через неделю после его смерти. Это все. В общем, сам не знаю, посмотрим.

ПМ. Да, посмотрим.

А адрес, откуда у тебя мой адрес?

ММ. Это Старик. Он очень интересовался вашей жизнью. Собирал все заметки, газеты, интервью. У него был специальный альбом. Ведь вы же, в конце концов, личность известная.

Иногда он мне про вас рассказывал.

ПМ. Да?

ММ. Но очень мало, обрывочно. Вы же сами знаете, какой он был скрытный. На самом деле о нем никто ничего не знал. Удивительный был человек, от него можно было ждать чего угодно.

Вы верите в это?

ПМ. Во что?

ММ. Ну, что он сегодня сюда придет? Придет или нет?

ПМ. Станный вопрос. Ты спрашиваешь меня, верю ли я в то, что сюда придет покойник?

ММ. Но ведь мы же здесь именно поэтому?

Он так написал, он в этом не сомневался. Мы сидим и ждем его, да?

ПМ. Похоже на то, но...

ММ. Он написал нам одно и то же: *...вы должны верить в меня и в себя. Я буду с вами в эту ночь...*

Вы верите?

ПМ. Я не сказал, что верю, и не сказал, что не верю. Он меня попросил, поэтому я здесь. Это мой долг перед ним.

ММ. Только поэтому?

ПМ. Не люблю, когда на меня давят. Я ведь тебя почти не знаю.

ММ. А я вас знаю.

Я много читал о вас в газетах, у Старика в альбоме.

Чего тут скрывать, кое-что знаю.

ПМ. В жизни иногда приходится принимать необычные решения.

Люди не понимают того, что я делаю.

Если бы я делал только то, что принято, я бы никем не стал.

Наверное, с тобой тоже такое случается, тебя тоже иногда не понимают, да? Расскажи о себе.

ММ. Вам правда это интересно?

ПМ. Ну раз нам предстоит провести несколько часов вместе, а ты обо мне столько знаешь.

ММ. Да ничего особенного. Я попал сюда, когда мне было пять лет, и пробыл здесь до окончания лица. Теперь учусь в институте.

ПМ. Знакомые, друзья, девушка есть?

ММ. У меня проблемы в общении с людьми.

ПМ. Проблемы в общении с людьми? Тебе что, даже не с кем поговорить?

Интересно, было ли бы иначе, если бы у тебя была нормальная семья, отец, мать, Рождество, нормальный день рождения?

А может, это из-за детства в детском доме? Трудно сказать.

Зря я тебе все это говорю. Это мои проблемы, какое тебе до них дело.

ММ. Нет, нет, говорите.

ПМ. Судя по тому, что мне написал Старик, ты исключительная личность.

В последнее время я живу в постоянном напряжении и слишком много размышляю. Да, и слишком уж стал себя жалеть. Хотелось бы, когда все закончится, хоть чуточку отдохнуть.

Я прошу, чтоб это осталось между нами.

Чего это я так разговорился? Наверное, из-за того, что сюда вернулся. Воспоминания — жуткое дело. А как здесь сейчас?

ММ. Здесь?

ПМ. Ну здесь, в детском доме.

Скорее всего, ничего не изменилось. Банда придурков и несколько запуганных бедолаг, не похожих на других. Как мы с тобой. Надо быть осторожным и ничего не показывать, а то скажут, что ты педик, и морду набьют.

Есть только один выход — бить еще сильнее. Ты где живешь?

ММ. В общежитии. Отсюда пришлось уехать, но я иногда сюда прихожу. Я учусь на педагогическом, хочу быть, как Старик.

Пока он был жив, я кое-как держался. Чувствовал, что иначе нельзя, но сейчас не знаю, что делать.

ПМ. У тебя есть родители?

ММ. Мать еще жива, но, похоже, ей недолго осталось. Пьет жутко. Отца я не знал.

ПМ. Ее лишили родительских прав, когда ты был еще маленьким?

ММ. Все, как у вас. Я иногда думаю, что это я виноват. Если бы она не забеременела, может, все было бы по-другому.

ПМ. Никогда так не думай. Это не твоя вина.

Моя мать чокнулась и бегала по городу голая, ну и что? Это моя вина?

Знаешь, кому я завидовал больше всего? Пацану, с которым мы прожили вместе три года. У него не было родителей. Они погибли в автомобильной катастрофе.

Счастливчик, он мог сказать, что сидит в приюте потому, что его предки погибли.

Отстаньте все от меня, я сирота, мне тяжело.

А что я? Я всем отвечал, что мать меня очень любит, только сейчас не может меня взять домой, но скоро у нее появятся деньги, и я отсюда уеду. Все так говорили.

Наверное, ты тоже?

ММ. Это мое дело.

ПМ. Да ладно, я не хотел тебя обидеть.

Знаешь, что однажды сделал Старик?

Он отвел меня в парк и показал, как собаки загрызают kota. Это было после того, как меня избили амбалы с третьего этажа. Они били меня каждый месяц, а я не мог им ответить. Пошел к Старика жаловаться. Он меня выслушал и не сказал ни слова. На улице он напустил собак на маленького котенка, а я стоял и смотрел, как они его грызли. Я очень испугался. Не мог спать ночью. Хрен с ней, с разбитой рожей, мне было жалко kota. Через две недели после этого я взял доску с гвоздями и пошел на третий этаж. Я чуть не поубивал этих придурков. Был уверен, что они меня замочат сразу, как только очухаются.

И что потом? Ничего, ровным счетом ничего, больше меня никто не трогал.

ММ. У Старика были свои методы. Когда он меня учил плавать, я чуть не утонул, но плавать так и не научился.

ПМ. Да, странный человек, но никого другого у нас не было.

ММ. Поздравляю вас с бракосочетанием. Наверное, вам все завидуют: такая жена, настоящая модель. Я видел фотографии, супер.

ПМ. Фотографии?

Не верь тому, что пишут газеты. Я несколько раз хотел подать в суд за нарушение прав личности, но им только это и надо. Чтоб побольше шуму — такая у них профессия.

А бракосочетание... да, да.

Мы планировали тихий мальчишник. Не первый в моей жизни. Даже не знаю, что лучше: свадьба или мальчишник?

У меня есть один хороший знакомый, мы с ним вернули несколько дел.

Парень постарался — ведь что за мальчишник без баб? Пригласил парочку, и все было как обычно. Они немного потанцевали, потом разделись, начали к нам прижиматься, но ничего такого не было, ты не думай. У меня свои принципы. Похлопал по попке, чмокнул, и все. А потом?

Какой-то дебил сделал несколько фоток. Они попали в газеты, их увидела Уршуля. Дурацкая ситуация, да?

Пришлось объясняться, а это все дорого стоит.

ММ. Значит, поэтому вы отложили свадьбу на три недели.

ПМ. А, да, да.

ММ. Я боялся, что вы уехали в свадебное путешествие в Испанию и не приедете. Так в газетах писали.

ПМ. Мы и поехали. Она еще там, а я вернулся.

ММ. Вы вернулись из-за Старика?

ПМ. Какая разница?

Моя секретарша прочитала мне несколько писем по телефону, и я решил вернуться. Сам не знаю почему.

ММ. Оставили жену?

Не все могут позволить себе каждый год заводить новую жену.

ПМ. Почему?

ММ. Как это почему?

ПМ. Почему нельзя часто менять жен?

Это же нормально, таковы законы природы. У меня много сил, и мне нужны молодые, сильные женщины. У арабов, у черных, по нескольку жен, и им хорошо. Здесь по-другому, но это можно изменить. Ты не думай, что я не забочусь о своих прежних семьях. Они обеспечены до конца жизни.

ММ. Вы странный человек, очень странный.

ПМ. Я тебе кое-что расскажу. Про действительно странного человека. Здесь, в комнате на втором этаже, жил один малый, белобрысый такой. Звали его Пётрек. Мы его называли Резина, потому что он умел растягиваться, как никто другой. Я не видел его много лет и вдруг наткнулся на фотографию в газете. Он был маньяк, убивал женщин, расчленял их и выбрасывал на помойку. Я жил с ним в одной комнате целый год. А если бы он тронулся раньше? Поэтому я не люблю, когда мне говорят, что я странный.

Я живой, понимаешь, это мой самый большой успех — я все еще жив.

ММ. Зачем вы мне все это рассказываете?

ПМ. Потому что ты мне кое-кого напоминаешь.

Напоминаешь меня, каким я был двадцать с лишним лет назад. Мне тоже казалось, что Старик прав и надо жить так, как он нас учил.

Очень долго потом я избавлялся от того, что он мне вбил в голову, и за это дорого заплатил.

ММ. И что?

ПМ. Ничего, я живу, а это лучшая новость, которую можно узнать, проснувшись.

Но я бы не хотел, чтоб у тебя сложилось впечатление, что мне все это по фигу.

Мне необходимо во всем разобраться до конца.

ММ. Хотите знать, что я об этом думаю?

ПМ. Нет. У меня не выходит из головы Старик. Я знаю, что он обо мне думал. Он злился, он не мог понять, не мог простить мне того, что я не стал таким, каким он хотел меня видеть.

Ты знаешь, что я не разговаривал с ним двадцать два года?

ММ. Знаю.

ПМ. И не потому, что не хотел. Я его боялся. Видишь, я все время убегаю, постоянно. Иногда разговариваю с ним по ночам. Я обращаюсь к нему, но он не может меня услышать.

ММ. А Анна?

ПМ. Что Анна?

ММ. Ну, та девушка, которая здесь жила? Вы должны были пожениться, да. Она вроде была беременна?

ПМ. Откуда ты знаешь?

ММ. Старик мне как-то сказал, но без деталей.

ПМ. Она была на похоронах?

ММ. Кто?

ПМ. Ну, она, была на похоронах?

ММ. Не знаю, я ее никогда не видел и понятия не имею, как она выглядит.

ПМ. Наверное, была. Она любила Старика.

Я не хотел накалять обстановку. Если бы я пришел на похороны, возникла бы неловкая ситуация. Кто-то бы заплакал, а кто-то сделал фотки, и опять бы не обошлось без проблем.

ММ. Вы ее любили.

ПМ. Чушь собачья! Что ты несешь?

ММ. Старик мне рассказывал. Он говорил, что, если бы вы тогда не свернули с пути, из вас получился бы замечательный человек. Он говорил, что вы могли бы совершить нечто стоящее.

ПМ. Старый идиот. Он ничего не понимал, ничего не знал. В принципе кому какая сейчас разница, столько лет прошло. Все быльем поросло, понимаешь?

Важны только факты, только факты имеют значение.

Ну а ты кем станешь? Я знаю таких, как ты, я вас знаю. Хочешь быть похожим на Старика, да?

Будешь жить в нищете и пудрить мозги таким, как я, сиротам? Будешь им рассказывать байки про нематериальные ценности, дружбу, любовь? Ты сам в это не веришь, как и он не верил. Что, я не прав?

Ты хочешь быть таким, как он, хочешь? А какое имеешь право? Думаешь, ты лучше меня? Я могу купить все это говно и приказать сжечь. Я могу выбросить вон всех этих детей и сделать все, что захочу. А знаешь, что я делаю с такими пацанами, как ты? Я покупаю вас, покупаю, потому что могу себе это позволить. Могу позволить.

ММ. Почему вы мне это говорите? Я вам ничего не сделал.

ПМ. Не сделал? Ты кем себя считаешь? Ты оскорбляешь меня. Рассуждаешь о вещах, о которых не имеешь понятия. Кто ты такой: еще один байстрюк, который хочет изменить мир?

ММ. Не говорите так.

ПМ. Почему? Я всегда говорю то, что считаю нужным.

ММ. А вы кто такой? Кем вы себя считаете, думаете, вы крутой?.. Старик вас любил как сына. Почему вы ни разу не приехали, даже дурацкой открытки не прислали?

ПМ. Тебе этого не понять.

ММ. Я достаточно много понимаю.

Я просмотрел все газетные вырезки о вас у Старика в альбоме.

Деньги, карьера, разводы, дети.

Когда я прочитал это, то никак не мог понять, за что Старик вас так уважал?

Я подумал про себя, что вы полное ничтожество, таких теперь полно.

Я не верил, что вы сегодня сюда придете. Вы заплатили слишком много денег за новую биографию, чтоб сейчас рисковать. Вас даже на похоронах не было.

Пришли, но на уме у вас только одно: как бы вас здесь кто-нибудь не заметил.

Уходите, видеть вас не могу. Вы здесь не нужны. Старик ошибся. Уходите, не то я расскажу все журналистам, и у вас будут проблемы.

Здесь не нужны такие люди, как вы, здесь не нужны такие люди.

Ну, чего вы ждете? Уходите.

ПМ. Какое у тебя право выгонять меня?

ММ. Такое, и я вас выгоняю.

Я не хочу вас здесь видеть. Старик ошибся. Вас нет. Давай, пошел отсюда.

ММ подходит к ПМ, и они начинают драться. ММ пробует вытолкать ПМ, но ему это не удастся. Они борются, потом падают, обессиленные, на пол и лежат без движения. Засыпают. Немного погодя ММ внезапно просыпается и кричит.

ММ. Я видел его, я видел его, он здесь был.

ПМ. Что ты выдумываешь, никого здесь не было.

ММ. Я видел его, видел.

ПМ. Перестань, тебе приснилось. Тебе в последнее время нелегко пришлось.

Прости за то, как я себя вел. Мне не следовало говорить все эти неприятные вещи. Прости за драку. Все должно было быть по-другому.

Может, помочь тебе найти какую-нибудь работу или...
Забудем обо всем. Извини меня, уже поздно.

Ты был прав, мне надо уйти.

ММ. Я видел его, он здесь был, он здесь.

Чувствуете? Подойдите, прикоснитесь, вы чувствуете тепло?

ПМ. Успокойся.

ММ. Я чувствую тепло, я чувствую его присутствие. Он здесь был, он сейчас здесь.

ПМ. Успокойся. Я бы тоже этого хотел. Ты даже не представляешь, как сильно бы хотел, но все закончилось, конец. Дальше ничего нет, ничего, тишина, понимаешь?

Он умер, его здесь нет.

ММ. Вы чувствуете тепло, вот здесь, здесь и здесь.

Прикоснитесь, дотроньтесь.

Нельзя исчезнуть без следа, перестать существовать, невозможно.

Это было бы глупо, бессмысленно.

Вы должны в это поверить. Вы должны поверить, что есть что-то стоящее.

Поэтому он и велел нам прийти, понимаете?

В этом весь смысл. Он велел нам прийти, чтобы мы познакомились и поверили.

Он здесь. Он во мне и в вас.

Он — в нас.

ПМ. Прекрати.

Что ты несешь? Человек умер, и все. Нет никого, нет. Не говори ерунду. Я ничего не чувствую.

ММ. Прикоснитесь.

ПМ. К чему я должен прикоснуться? К воздуху?

Здесь пустота, и ничего больше. Вся моя жизнь — пустота.

Старик, Анна, моя молодость, дома, жены, дети, коридоры, еда, ночи, путешествия.

Что, я должен улыбаться тебе и говорить, будто я что-то чувствую? Ничего я не чувствую, потому что нет ничего.

Старик был самым лучшим человеком, которого я встретил в жизни, и что?

Я его любил, и что?

Я наделал в жизни столько глупостей, и что?

Я боюсь, жутко боюсь, и что?

Ну скажи мне, и что?

ММ. Я не знаю, не знаю.

Вы помните последние слова письма?

ПМ. Помню.

ММ. *...а если я не приду этой ночью, через год вы должны встретиться снова.*

Так?

ПМ. И что, ты придешь через год, посидишь здесь, и что?

Думаешь, все так просто, все само собой образуется?

ММ. Не знаю, ничего я не знаю, но через год я сюда приду. *(Уходит со сцены.)*

ФИНАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД

ПМ привязан к стулу.

ММ. Ну что, проснулся наконец, долго же ты спал.

Орал-орал, и вдруг тишина.

Жрать хочешь? Я тебя спрашиваю, жрать хочешь? Уговаривать не буду. Не хочешь, не надо. Когда захочется, может уже и не быть ничего.

Ну ты и воняешь, бля. Говно. Обосрался. Не думай, что меня это трогает, не первый раз я твое говно вижу.

Будешь говорить? Ну что?

Вчера ты был очень разговорчивый. Помнишь, орал, что убьешь меня, и что?

Ну и что дальше, давай, у тебя ведь столько всего накопилось.

Молчание ягнят? Ты прав, на хрена молоть всякую чушь.

Подумай насчет жрачки. Я приду только через несколько часов. Пойду в город, расслаблюсь чуток. Надо ведь отдохнуть, а? Сил больше нет смотреть на твое испитое рыло.

Думаешь, я зачем эту пургу несу, а? За столько лет почти ни слова, а тут говорю с папашей и не могу остановиться. Папаша, папаша... Вообще-то, я веселый и добрый, только с тобой у меня не заладилось. Как же я тебя боялся, офигеть можно.

Я себе обещал, что не буду с тобой разговаривать, когда ты бухой.

А сейчас мне по барабану. Смотри, я могу тебе дать в морду, а ты мне ничего не сделаешь.

Видишь, ничего.

Ты перегнул палку, просто перегнул. У меня давно руки чесались, но на этот раз ты перегнул. Если бы не мой день рождения, я бы это терпел и дальше.

ПМ. Сигарету.

ММ. Что ты сказал?

ПМ. Сигарету.

ММ. Сигарету? Не хило, сигарету он захотел.

А ты помнишь, что всегда мне талдычил? Что нельзя курить дома, потому что занавески впитывают дым. Помнишь?

ПМ. Дай мне сигарету.

ММ. А то что, побьешь меня или заплюешь?

Научись, бля, наконец хоть что-то в жизни просить. До тебя еще не дошло, что я не шучу? Не затем я устраивал весь этот цирк, чтоб с тобой нянчиться.

ПМ. Сигарету.

ММ. Заткнись и слушай, что я скажу: помнишь — я тебя спрашиваю! — помнишь, папаша, что ты недавно учудил?

ПМ. Сигарету.

ММ. Ты, козел, вспомнил или нет?

Помнишь вечер два дня назад?

Ну, вспомнил?

Потому что я, блядь, никогда не забуду такого облома. Я тебе целый месяц говорил, что хочу отметить день рождения. Я тебе говорил, что приглашу пацанов из группы, и просил, чтоб ты не высовывал свою испитую красную рожу, говорил я тебе или не говорил?

А ты знаешь, блядь, мудака, что ты сделал?

А?

Они же не знали, что у меня отец — алкаш, который срет в штаны. Они думали, я нормальный парень, с нормальной семьей. Клевый чувак, клевая семья, все путем, ты же меня этому учил, помнишь?

Я мог это предвидеть, мог пригласить их куда-нибудь, но ты же пообещал. Ты дал слово, что раз в жизни будешь себя вести как человек, а не как скотина. Дебил я, конечно, что поверил тебе. Сам дебил.

ПМ. Сигарету.

ММ. И больше всего меня бесит твое умение создавать видимость благополучия.

Все знают, что ты урод, но на людях — все о'кей.

Праздники, Рождество, поездки к бабушке. Когда захочешь, ты умеешь собраться. Все друг другу улыбаются, все классно.

Помню, когда я еще учился в начальной школе, я таскал тебя бухого домой, чтоб мои одноклассники не видели, как ты лежишь обосранный у магазина.

Заткнись, я не разрешал тебе рот открывать.

Знаю прекрасно, что ты хочешь сказать. Ты мне это уже сотни раз говорил. Ладно. Ты меня никогда в жизни не бил. И что, значит, ты святой? Твое счастье, иначе я уже давно бы тебя отметелил. Если б ты меня бил, тебя бы уже давно не было.

Просто, папуля, я бы тебя убил: за себя, за мать, за Себастьяна.

ПМ. Сигарету.

ММ. Слушай, урод: если ты еще раз заикнешься про сигареты, я пальну тебе в башку, я не шучу.

Думаешь, и дальше будешь мной помыкать?

Тогда смотри, видишь? *(Достает пистолет.)*

Это мой новый друг, не выводите нас с ним из себя, иначе пожалеешь.

ПМ. Ты что, одурел, спрячь немедленно. Еще, не дай бог, ранишь, идиот.

ММ. Тихо, тихо, без грубостей, а то я могу рассердиться.

Мой дружок не выносит, когда со мной так разговаривают. Он меня любит и в обиду не даст. Харэ уже. Правда, дорогой?

Видишь, он меня слушается.

ПМ. Хорошо, хорошо, только спокойно.

ММ. А мать не знает, где ты, переживает, но это пройдет.

Мы еще никуда не заявляли. Никто ничего не знает. Такие засранные алкаши, как ты, иногда исчезают на несколько дней: никто по ним не плачет, никто их не ищет. Кому он нужен, алкоголик вонючий?

Все довольны, потому что отдыхают от него. Не надо подбирать разбитые тарелки, смывать еду со стены, стирать облеванное белье. Тишина и спокойствие.

Помнишь, как я ночью ждал, когда ты вернешься? Ты приходил, швырял что-то в стену на кухне и валился на кровать. А знаешь, что делал я? Вставал рано утром и со-

бирал эти чертовы тарелки, и смывал жрачку со стен. Мне было стыдно за тебя.

Я думал, может, ты сам не знаешь, что делаешь, что вообще ты отличный отец, только временами у тебя крыша едет.

Потом я перестал убирать этот срач, но ничего не изменилось. Ты никогда не изменишься!

Когда я ждал тебя по ночам, то думал, что я тебе скажу. Дурак был, думал, если я тебе это скажу, ты все поймешь и изменишься.

Но наступало утро, и я не мог ничего сказать, потому что я тебя боялся.

И все по новой.

Хочешь пить? Я тебя спрашиваю: хочешь воды, небось сушняк замучил?

А опохмелиться?

ПМ. Дай мне сигарету.

ММ. Я тебя предупреждал, что прострелю башку, если ты не заткнешься со своими сигаретами.

Спроси меня о чем-нибудь другом, спроси хоть о чем-нибудь?

Что ты хочешь знать? Ну, спрашивай!

В гробу ты все видел, да? Думаешь, ты крутой?

Я столько лет ждал этой минуты, чтобы посмотреть тебе в глаза, сказать все, что у меня накопилось, и не бояться тебя. А ты, что ты можешь мне сказать, ну, что?

Ну, чего ты хочешь?

ПМ. Дай мне сигарету.

ММ. Ты, козел... (*Приставляет пистолет к виску ПМ и стреляет.*) Ну и что, ну и что, папуля, как ты? Что, хочешь сигарету, хочешь сигарету? Ну, пожалуйста, скажи, тебе хочется закурить или нет?

Ну, чего ты так глупо улыбаешься?

Михал Вальчак

ПЕСОЧНИЦА

Пьеса в шести картинах

Перевод Людмилы Миловановой.
© Michał Walczat

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОН

ОНА

**(В ЕГО речи много слов-паразитов — блин, конкретно, нормально
и т.п.)**

Сцена первая

Песочница. ОН играет с игрушками: машинкой, человечком и Бэтменом.

ОН (*поглощен игрой*). Виужжжжзззззззздррр..... И тут машина с ходу — бац! сваливается в пропасть и вот-вот взорвется, пшшссссссш... а Бэтмен наблюдает за этим сверху, он мог бы броситься вниз, но только смотрит, как машина начинает конкретно фффф... гореть в этой пропасти, и говорит: *неслабо я тебе врезал, сукин ты сын...* А вокруг, блин, такая прерия или что-то такое, что фиг помощи дождешься. А Бэтмен говорит: *ну и жарища тут у вас*, потому что пот заливает ему глаза под маской. И тут машина загорается еще сильнее пуффф.... А Бэтмен знает, что она сейчас взорвется, дым такой валит снизу, но Бэтмен опять спокойно так говорит: *черт, что за жара у вас этой весной* — и смотрит вниз, а там кто-то в машине придавленный пробует, блин, выбраться и кричит: *aaaa help help!* Лупит, блин, из последних сил по дверям, которые заклинило при падении в эту чертову пропасть... И вдруг из прерий подул ветер так, шшшшш... И тогда Бэтмен, как, блин, орел пикирует вниз — так, вьюююджш!

С куклой в руке появляется ОНА. Подходит к песочнице.

ОН. Бдж... Бэтмен на всякий случай вытаскивает пистолет, снимает с предохранителя, суперпистолет такой тысячестрельный, стреляет как автомат маленькими смертоносными отравленными пулями, получишь одну такую пулю от Бэтмена, и все, хана тебе, старик, надолго запомнишь эту пулю от Бэтмена, да...

ОНА разувается, ставит обувь на оградку, входит в песочницу, тихонько напевая себе под нос. Начинает играть с куклой в противоположном углу песочницы.

ОН. И вот Бэтмен идет по дну пропасти, и под ногами у него хрустит песок, так, хрст хрст хрст, вот он уже приблизился к машине, которая через пятнадцать секунд должна взорваться. Бэтмен нацеливает пушку... а тот козел все еще орет благим матом help help, а Бэтмена уже достали, конкретно, эти вопли, и он так дждждждж разносит в пыль эту дверцу, ну, которую заклинило. Потом одним движением руки раз! берет этого козла и вытаскивает, а машина взорвется уже через три секунды, да, и тогда Бэтмен усмехается так с издевкой и пшшшш взлетает вверх вместе с этим придурком, ну, туда, где был раньше, и в этот самый момент машина внизу фьюхх! джшдждшчфвврсс! взрывается... тучи песка взлетают на дикую высоту шззсс! а Бэтмен с этим чуваком, который весь в крови, подлетает к краю пропасти, швыряет его так с презрением на землю, и чувак падает, как куча дерьма, блин, и кровь у него из носа струей хлещет, он почти в отключке, а Бэтмен еще так дуф! добавляет ему ногой в живот и говорит: *эй ты, как там тебя?..*

ОНА. Милка.

ОН. ...А чувак чуток уже оклемался, смотрит на Бэтмена, но не видит ни хрена, потому что его слепит заходящее солнце, и говорит таким тоненьким противным голоском, что он работает в ядерной лаборатории в НАСА и что в машине остались какие-то суперважные документы с самыми главными секретами... и снова брык — отключается, блин, а Бэтмен расхохотался своим издевательским смехом и говорит: *ха-ха, да что мне за дело до твоих, блин, секретов, ты, урод?* — потом видит, что чувак опять вырубился, и опять его дыф! ногой, блин, в живот, и говорит: *ты, отвечай, как тебя звать!..*

ОНА. Милка.

ОН. ...А тот корчится от боли, поднимает голову, блин... смотрит так на Бэтмена, смотрит... до него наконец дошло, что это Бэтмен... и он хрипит так еле слышно: *я...*

Джон... да, Джон... Джон Джонсон — или как там еще... нет, ну, блин, это уже совсем не то! Я так не могу! В самый такой момент! Испоганила весь кайф!

ОНА. Я?

ОН. Ну а кто? Может, я?

ОНА. Я думала, что...

ОН. Идиотка!

ОНА. Я думала...

ОН. Какое мне, блин, дело, что ты там думала, а? Какое мне дело?

ОНА. Извини...

ОН. Конечно, она теперь извиняется.

ОНА (*чуть не плачет*). Я не хотела...

ОН. Только без соплей в моей песочнице!

ОНА. В твоей песочнице?

ОН. В моей, а что?

ОНА. Ничего. Я думала, это... общая песочница.

ОН. Какая мне разница, что ты думала? Думала она! Блин, так круто все шло! Она думала! Короче так: если хочешь играть в этой песочнице, должна спросить у меня разрешения!

ОНА. Просить разрешение?

ОН. Вот именно. Причем вежливо.

ОНА. Ты шутишь?

ОН. Счас увидим, как я шучу. Так! Считаю до десяти. Если не попросишь, то...

ОНА. Ну что? Что?

ОН. То... зубы тебе пересчитаю.

ОНА. Ничего себе! Грубиян!

ОН. Раз... Два...

ОНА. Его песочница! Хозяин мне нашелся!

ОН (*встает, отряхивается*). Три... Четыре...

ОНА напевает себе под нос.

ОН. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

ОНА. Кретин.

ОН. Девять. Десять. (*Бросается на НЕЕ, выкручивает ЕЙ руку.*) Проси!

ОНА. Не буду!

ОН. Проси!

ОНА. Ой-ой!

ОН. Проси! Слышишь?

ОНА. Ладно! Ладно! Пожалуйста... разреши мне, пожалуйста, поиграть в твоей — повторяю — в твоей песочнице.

ОН. Гм... Значит, ты говоришь, что хочешь играть в моей песочнице?

ОНА. Да, я хочу, просто мечтаю поиграть в твоей песочнице.

ОН. Ну... гмм... даже не знаю... надо подумать. Мы подумаем...

ОНА. Думайте побыстрее.

ОН. Ладно. Я согласен...

ОНА. Спасибо большое!

ОН. ...но только при одном условии.

ОНА. Я слушаю.

ОН. Играть мы будем по отдельности.

ОНА. Хорошо. Вообще-то, я даже не собиралась с тобой играть.

ОН (*встает*). Потому что у меня своя игра.

ОНА (*встает*). Из-за тебя я вся в песке.

ОН. Я всегда играю один. Всегда один. Слышишь?

ОНА. Да, да.

ОН. Как, ты сказала, тебя зовут?

ОНА. Милка.

ОН. Понятно.

ОНА. А тебя?

ОН. Что — меня?

ОНА. Тебя как зовут?

ОН. Протас.

ОНА смеется.

ОН. Тебе что-то не нравится?

ОНА. Нет, что ты, что ты, очень красивое имя.

ОН. А с бабами я вообще не вожусь. Понятно?

ОНА. Да понятно, понятно, я ведь уже сказала.

ОН (*возвращается к своим игрушкам*). Вот и хорошо. Вот и хорошо... Чтобы с самого начала все было понятно.

ОНА. Черт, даже в волосах песок.

Сцена вторая

Песочница. Следующий день. ОН играет с теми же игрушками. Входит
ОНА с куклой, напевая.

ОН. Бржжжзззрррр. Бэтмен рассекает на своей супермашине с реактивным двигателем по городу... вууурррр, а тут вдруг какой-то козел, блин, ему так меедленно дорогу, нормально, переходит, ну и Бэтмен так себе думает: *может, его конкретно раздавить*, а чувак, блин, еле тащится, ну и Бэтмен решил поприкалываться, останавливает... вжжжиу... свою супермашину, а этот чувак думал, что это так, какой-то старый драндулет, а не супермашина, потому что машина Бэтмена замаскирована нормально...

ОНА. Здравствуй, Протас.

ОН. Привет. А чувак так смотрит, смотрит, блин, как Бэтмен выходит из машины, а Бэтмен сам тоже так конкретно замаскировался, чтобы он его не узнал, значит, не понял, что это тот самый знаменитый Бэтмен...

ОНА. Как дела?

ОН. И этот хрен начинает типа воспитывать Бэтмена: *старик, ты слишком быстро едешь*. А Бэтмен издевательски так захохотал: ха! ха! ха! — да и как схватит этого фрера за клифт, нормально поднял над землей и говорит, мол, *что тебе, козел, не в кассу? Что-то ты рано сегодня*.

ОНА. Просто из дома мебель выносят, и мне некуда было деваться.

ОН. Ясно.

ОНА. Вчера мне здорово досталось за то, что я вернулась вся в песке.

ОН. Мне что за дело? Ну, тот чувак так испугался конкретно, да говорит: *отпусти ты меня, а то, блин, задушишь*, — а Бэтмен смотрит прямо ему в глаза и говорит так сквозь зубы: *повиси немного, да чтоб ты, блин, почувствовал цену жизни...* Мне что за дело?

ОНА. Я не для тебя сказала, я так, сама с собой.

ОН. Слушай, я тебе, кажется, уже объяснял, что твоя половина находится вон там. Поэтому...

ОНА. Вон там? Я думала, здесь еще моя часть.

ОН. Нет, твоя часть начинается вот отсюда.

ОНА. Отсюда?

ОН. Блин, тебе что, границу начертить? Пожалуйста. (*Чертит ногой линию.*) Вот это твоя половина, а это — моя, дошло?

ОНА. А почему твоя половина наполовину больше моей?

ОН. Слушай, ты меня лучше не заводи. Это моя песочница. Ты и так должна быть счастлива, что я разрешил тебе тут играть, поняла?

ОНА. Да, конечно. Я счастлива. Ты очень добр.

ОН. Хотя, честно говоря, уже начинаю об этом жалеть.

ОНА. Мне уйти?

ОН. Да не в этом же дело... Просто... надо соблюдать договор.

ОНА. Нет, знаешь, я лучше все-таки пойду, не буду тебе мешать, раз тебе жалко...

ОН. Ну да, ну да, заберешь свои игрушки и пойдешь... Только интересно знать, куда ты денешься?

ОНА. Пойду играть в другую песочницу.

ОН. А тут поблизости нет другой песочницы. Все убрали. Моя последняя осталась.

ОНА. Неправда. Вон за тем домом есть еще одна.

ОН. За тем домом? Шутишь. Там полно собачьего дерьма.

ОНА. Что поделаешь.

ОН. Там никто не играет.

ОНА. Почему же, там играет один мальчик. У него очень красивое имя — Кароль.

ОН. Кароль? Этот козел?

ОНА. Сам ты!..

ОН. А ты... ладно, иди! На черта ты мне сдалась!!

ОНА удаляется.

ОН. Эй, ты что, обиделась? Хватит уже дуться. Оставайся, правда. Только... не мешай мне, понимаешь? Эй! Ты можешь остаться, слышишь? Милка! А! Пошла ты к черту. И очень даже хорошо. Хоть можно поиграть спокойно... И вот этот чувак нормально уже еле дышит, вот-вот отдаст концы, и тогда Бэтмен отпускает его с издевательской усмешкой и говорит: *катись отсюда, говнюк*, — и чувак быстренько так сматывается и только, блин, орет на всю улицу: *ты, парень, у тебя крыша поехала, сходи проверься!* — а Бэтмен так с ухмылочкой бросает фраеру вслед: *мерси за комплимент* — и хохочет издевательски на всю, блин, улицу, да так громко *ха! ха! ха!* что нормально стекла в окнах начинают лопаться... жжиу-джиу... и этот чувак от страха чуть в штаны не наделал, здорово перепугался да...

ОНА возвращается с куклой, входит в песочницу, сняв предварительно обувь.

ОН. ...а Бэтмен долго еще хохочет своим издевательским смехом на всю улицу, и эти, блин, стекла так лопаются, лопаются... джшшшшхх... а Бэтмен смеется еще громче... *ха! ха!*.. потом садится, да, в эту свою супермашину, запускает свой супермегадвигатель... вуууджш... и сразу такой огонь сзади... пуфф! ведь это типа такой ракетный двигатель...

ОНА играет с куклой на своей половине. Напевает под нос.

ОН. ...Бэтмен хохочет и говорит: *я еще до тебя доберусь, говнюк, ты у меня увидишь, подожди, игра еще не окончена, о нет, попомнишь ты меня, к чертям собачьим, и пиууу!* как рванет с места, как ракета какая, нормально со скоростью...

ОНА. Послушай.

ОН. И вдруг нормально из этой машины высовываются такие как бы крылья, с которыми Бэтмен может ездить еще быстрее, ну и летать, но Бэтмен не хочет сейчас лететь, а только достать этого чувака, *еще посчитаемся*, говорит с издевкой Бэтмен... Чего тебе?

ОНА. Я вижу, что ты играешь.

ОН.?

ОНА. Я сказала, что прекрасно вижу, что ты играешь.

ОН. Ну и что?

ОНА. Ты не мог бы играть немного потише?

ОН. А что? Я тебе мешаю?

ОНА. Мешаешь. Я не могу сосредоточиться на своей игре.

ОН. Твои проблемы. *(Продолжает игру.)*

ОНА тоже начинает играть с куклой, напевая громче.

ОН. И вот Бэтмен фиииу! молниеносно догоняет этого чувака, который за углом притаился да... Каждый играет, как умеет, ясно? И Бэтмен говорит: *теперь я тебя конкретно уделаю, говнюк*, — и берет нормально этого чувака на мушку да и всаживает в него эти свои суперснаряды, которые не убивают сразу, а медленно так расползаются по всему телу, по всем органам, вызывая жуткую боль, прямо пытка, нормально так, что чуваку теперь точно конец пржшш! всаживает в него эту серию, и чувак *aaaaa!* его как отбросит нормально на целых десять километров пах! *(Бросает человечка, который падает рядом с чертой.)* А Бэтмен, блин, так выходит спокойно из своей супермашины и так смотрит, смотрит на чувака, который где-то там за десять километров корчится, смотрит так и смеется своим знаменитым издевательским хохотом *ха! ха! ха!..*

ОНА, напевая все громче, встает и семенит по кругу с куклой, поглощенная своей игрой.

ОН. ...и от этого смеха Бэтмена просыпаются нормально все люди по всей Варшаве и начинают выглядывать из окон, а Бэтмен говорит...

ОНА (*наступила на человечка*). Аааай!

ОН. ...а Бэтмен говорит, *да идите вы все, блин в...* Заткнись!!

ОНА (*кричит от боли*). Аууу...

ОН (*встает*). Ну. Что еще?

ОНА. (*плачет*). Нога...

ОН. Вот, блин! Ты мне человечка раздавила!

ОНА садится на оградку, плачет.

ОН. Раздавила человечка! Моего любимого человечка! Корова! Ну все! Теперь ты должна купить мне нового!

ОНА плачет от боли.

ОН. Мой любимый человечек... я знал, что этим все закончится... Только свяжись с бабами... Тихо! Да перестань ты реветь, слышишь? Что случилось? Порезалась? Где? Ну, тихо уже, хватит... Покажи. Ой-ёй. Такая маленькая ранка, а ты реवेशь... На черта ты туфли снимала?

ОНА (*сквозь слезы*). Мне мама велела...

ОН. Ну все, не реви. Сейчас очистим ранку от песка, и все будет в порядке.

ОНА всхлипывает.

ОН. Надо, блин, смотреть под ноги, когда играешь...

ОНА. Лучше сам смотри, куда бросаешь свои дурацкие игрушки!

ОН. Нечего было переходить границу!

ОНА. Я не переходила!

ОН. Перешла!

ОНА. А ты... дурак!

ОН. Что ты сказала?

ОНА (с плачем). Что ты дурак!

ОН. Да пошла ты... нормально... Извиняйся давай!

ОНА (с плачем). Дурак!

ОН. Извинись! Немедленно! Слышишь!

ОНА. Пусти!

ОН. Проси прощения! Слышишь?

ОНА (с плачем). Прости...

ОН. Кончай сопли распускать... Сама виновата... Никогда не смей так со мной разговаривать, поняла? Ты меня поняла?

ОНА. Да... Отпусти...

ОН. Ну... хватит уже ныть... Возьми платок... Покажи еще раз ногу... Видишь, песка уже нет. И ранка почти незаметна. Дай сюда платок, вот так, обернем ногу, наденем туфлю, и болеть больше не будет... да?

ОНА (всхлипывая). Да...

ОН. Готово. Ну как, все еще болит? Милка... болит?

ОНА. Немножко...

ОН. Вот видишь... И нечего было так... плакать... О, черт! (Резко встает, идет на свою половину.)

ОНА. Что?

ОН. Да нет, ничего.

ОНА. А в чем дело?

ОН (возвращается к своей игре). Ни в чем, так.

ОНА. Скажи. Ты... стесняешься?

ОН. Еще чего... Нет, ну ... только... черт, у тебя ж там ничего нет!

ОНА. Где?

ОН. Ну... под этим... под платьем...

ОНА. Как это — ничего нет?

ОН. Совсем ничего. Вообще...

ОНА. Не понимаю.

ОН. У всех там обязательно что-нибудь есть.

ОНА. Что ты несешь?

ОН. Тебе, наверно, надо сходить к врачу.

ОНА. Знаешь, ты правда какой-то странный.

ОН. Это же ненормально, такая пустота...

ОНА. Если ты это имеешь в виду, то у Оли там тоже ничего нет.

ОН. В таком случае вы обе должны сходить к врачу. Кто такая Оля?

ОНА. Неважно. Я пойду. Пока.

ОН. Подожди!.. Почему ты уже уходишь?

ОНА. Надо. Мне пора обедать.

ОН. Ты забыла куклу.

ОНА. А, спасибо. Ну, пока.

ОН. Ага. Пока. Стой!

ОНА. Что?

ОН. Слушай... Нет, ничего.

ОНА уходит. ОН возвращается к своей игре.

Сцена третья

У дверей ЕЕ квартиры. ОН поправляет прическу. Звонит в дверь. ОНА после паузы открывает.

ОН. Привет.

ОНА. Привет.

ОН. Как дела?

ОНА. Нормально. А у тебя?

ОН. Тоже. Как нога?

ОНА. Какая нога?

ОН. Ну... ты поранилась.

ОНА. А, нога. Нога хорошо.

ОН. Не болит уже?

ОНА. Нет.

ОН. Ага.

ОНА. Тебе что-то надо?

ОН. Так, ничего... решил проведать...

ОНА. Как песочница?

ОН. Хорошо, хорошо... песочница хорошо...

ОНА. Ты знаешь, вообще-то, я сейчас занята, ты не мог бы... О, подожди, тут у меня кое-что для тебя есть.

ОН. Для меня?

ОНА. Да. Держи. Вроде точно такой же, правда?

ОН. Э, не надо было покупать, ну что ты...

ОНА. Ты же сам велел мне купить нового.

ОН. Да я же... так только, пошутил, Милка, в самом деле, не надо было...

ОНА. Возьми, это была моя вина, я перешла на твою половину.

ОН. Все равно не надо было, честно...

ОНА. Ну, тогда пока.

ОН. Нет, подожди...

ОНА. Господи, ну что еще?

ОН. Я хотел сказать, что... ты... суперско выглядишь.

ОНА. Как выгляжу?

ОН. Ну... по-бэтменски.

ОНА. Ага.

ОН. Послушай, я хотел...

ОНА. Старик, не тяни! Говори быстрее...

ОН. Я хотел тебя пригласить!

ОНА. Пригласить? Куда?

ОН. Ну... в песочницу.

ОНА. Пригласить в песочницу? Ты что, офигел?

ОН. Потому что... а вообще-то, нет... ну пока, я пошел...

ОНА. Подожди! В песочницу?

ОН. Ну, потому что...

ОНА. Но зачем меня приглашать, я и сама приду, когда захочу.

ОН. Вообще-то ...

ОНА. Прямо сейчас, что ли?

ОН. Мгм.

ОНА. Даже не знаю... Ладно, подожди минутку. Как там на улице? Тепло? *(Скрывается в квартире.)*

ОН. Да, да. Очень тепло.

ОНА (*выходит из квартиры с куклой*). Ну, что? Пошли.

Идут в песочницу.

ОН. Пошли. Дай, я понесу твою куклу.

ОНА. Куклу? Зачем?

ОН. Ну... тебе, наверно, тяжело...

ОНА. Спасибо. Не надо. Ты себя... хорошо чувствуешь?

ОН. Что? Да, конечно. А почему я должен себя чувствовать плохо?

ОНА. Не знаю. Ты как-то странно выглядишь. И вообще...

ОН. А, ну это... так, живот немного болит.

ОНА. Ясно.

Входят в песочницу.

ОН. Только помни, не переходи за линию... уговор?

ОНА. Уговор.

ОН. Я всегда играю один.

Начинают играть, каждый в свои игрушки.

ОН. И вот Бэтмен себе, блин, спит, да, спит нормально на свежем воздухе в какой-то прерии, а тут вдруг слышит, что кто-то подкрадывается, какие-то шорохи, неслышные для нормальных людей, но у Бэтмена просто невероятный, сверхъестественный слух, такой, что он всё слышит, и вот он смотрит, а тут снова этот перец приперся, брат того, которого Бэтмен позавчера так суперски прикончил серией смертельно отравленных пуль... Милка!

ОНА. Что?

ОН. Ты знаешь, я вот думаю, как ты можешь... как ты можешь играть с этими своими куклами. Это ж, блин, такое занудство.

ОНА. Мне нравится. Для меня, может, твои машинки и человечки занудство.

ОН. Ну, не знаю. Во всяком случае, я считаю, что на свете есть масса вещей поинтереснее, чем игра в куклы. Мне кажется, что это тебя отрывает от... жизни. Просто, блин, замыкаешься в этом своем кукольном мире и не видишь, что происходит вокруг.

ОНА. Слушай, это мое дело. Я ведь тебя не учу, во что ты должен играть. Правда?

ОН. Конечно, конечно. Я молчу. Но ты не могла бы быть не такой... ну не знаю, высокомерной... (*Возвращается к игре.*) И тут Бэтмен нормально видит, что брат этого чувака, то есть его брат-близнец, потому что он нормально такой, один в один, типа клон, пришел, чтобы отомстить за брата, да и Бэтмен встает так бесшумно и говорит: *ну ладно, сейчас мы с тобой посчитаемся*, — и нормально вытаскивает специальную пушку, стреляющую серебряными пулями в таких козлов, которые хотят отомстить, ведь у Бэтмена много специальных пушек, то есть против женщин одни, против детей другие, против стариков еще другие и даже против инопланетян у него есть такая специальная, блин, какая-то лазерная пушка, да...

ОНА. Ой-ёй!

ОН. Что?

ОНА. Червяк!

ОН. Где?

ОНА. Вон там. Иди скорей, посмотри.

ОН (*подходит*). Ты что, какой же это червяк, это нормальный дождевой червь.

ОНА. Дождевой червь — он же и есть червяк!

ОН. Нет. Дождевой червь — это совсем другое...

ОНА. Фу! Гадость какая.

ОН. Гадость? Почему? Красота! Прелесть!

ОНА. Мерзость!

ОН. Мм, ням, ням, прелесть, жирненький, вкусненький... Аж слюнки текут.

ОНА. Вот дурак.

ОН. Хочешь, я его съем? Что, думаешь, не съем? Не съем? Ну, так смотри! (*Проглатывает дождевого червя.*)

Ммм. Вкуснятина. Объедение! Хочешь кусочек?

ОНА (*садится на оградку, играет с куклой*). Псих.

ОН. Аааа, ням, ням....

ОНА напевает под нос, сидя на оградке.

ОН. Ну... и как там наша нога?

ОНА. Хорошо. Ты уже спрашивал.

ОН. Покажи.

ОНА. Зачем?

ОН. Хочу проверить... может, ты снова запачкала ранку песком... ну покажи. Нет, вроде хорошо заживает, а помнишь, как ты плакала. (*Пауза.*) Милка...

ОНА. Чего тебе?

ОН. Ты почему мной не восхищаешься?

ОНА. А с какой это стати я должна тобой восхищаться?

ОН. Ну не думаешь же ты, что мне в самом деле вкусно было есть этого червяка. Это только ради тебя ...

ОНА. Не понимаю, что тебе от меня надо?

ОН. Ничего. Ничего. Я так только... Посижу минутку на твоей половине, можно? Не для того, чтобы с тобой играть, а... просто тут у тебя солнце.

ОНА. На твоей стороне тоже солнце.

ОН. Ну да, но... там не так греет... лучи падают под другим углом.

ОНА. Ага.

ОН. Милка...

ОНА. Ну?

ОН. Я вот тут подумал... знаешь, мне это... вообще-то, не мешает, что у тебя там ничего нет.

ОНА. Где?

ОН. Ну, под платьем. Правда, в этом нет ничего страшного. Если хочешь, пусть так и останется. То есть не обязательно сразу идти к врачу.

ОНА. Спасибо.

ОН. Понимаешь, я тебя принимаю такую, какая ты есть. Хотя признайся, это немного странно, что у тебя там ничего нет.

ОНА. Не знаю.

ОН. Конечно, было бы лучше, если б что-то там у тебя все-таки было, но раз уж ты такая уродилась, то, в конце концов, ничего страшного. Но только мы абсолютно не можем играть вместе, это исключено, понимаешь? Понимаешь?

ОНА. Понимаю.

ОН. Честное слово, я бы очень хотел с тобой играть, но из-за этого... ну ты понимаешь... Ты сердисься?

ОНА. Да нет, ну что ты.

ОН. Так что, мир?

ОНА. Мир. Ну, хватит, пусть.

ОН (*вытаскивает пачку сигарет*). Закуришь?

ОНА. Спасибо, не курю. Мне мама не разрешает.

ОН. Закури, никто не увидит.

ОНА берет сигарету. ОН дает ей прикурить.

ОНА. Послушай...

ОН. Ну?

ОНА. Как ты думаешь, почему убрали все песочницы?

ОН. Не знаю. Может, потому, что люди не хотят больше играть в песочницах, или еще почему.

ОНА. А почему не хотят?

ОН. Может, червяков боятся.

ОНА. Ну да. Наверно, боятся червяков.

Сцена четвертая

Песочница. ОН играет один.

ОН. Вжджчш... едет, блин, машина Бэтмена по прерии, ее украл этот чувак, которому обманом удалось поймать,

блин, Бэтмена, и вот он связал его, конкретно, такими лазерными веревками, от которых Бэтмен теряет свою силу, нормально, и вот этот чувак едет на машине Бэтмена на место особой казни, а Бэтмен думает: *как это я, блин, так легко дал себя схватить этому уроду...* и теперь уже этот чувак смеется таким издевательским смехом, ха! ха! во весь, нормально, голос. А Бэтмен говорит ему: *заткни пасть, ты, придурок*, а этот чувак со всей силы джиу бьет ногой Бэтмена в живот, конкретно так вждрш! И теперь уже Бэтмен корчится от боли, а этот чувак говорит: *не будешь ты, говнюк, мне указывать, что делать! Теперь, блин, я здесь начальник...*

Входит ОНА с куклой.

ОН. Привет.

ОНА (*входит в песочницу, начинает играть на своей стороне*). Здравствуй.

ОН. Как дела?

ОНА. Как сажа бела.

ОН. Ты не в духе?

ОНА. Не твое дело.

ОН. ...и этот чувак так конкретно бьет ногой со всей, блин, силы Бэтмена в живот, нормально так бах! бах! бах! у Бэтмена аж кровь брызнула из губы! А чувак расвирепел нормально, и орет: *вот тебе, говнюк! Вот тебе! Вот тебе! Это, блин, тебе за моего брата!*

ОНА. Просто я не выспалась.

ОН. Ага. И потом чувак нормально так изо всех сил... бдф... бьет Бэтмена еще по морде, так что, нормально, кровь у него льется... пшшшш... из глаз, да, нормально, изо всех сил, бах!... Не выспалась?

ОНА. Ага. Часа три всего спала.

ОН. И что ж ты делала всю ночь?

ОНА. Ничего. Помогала убирать квартиру.

ОН. Ага. Теперь это называется помогала убирать квартиру. Бэтмен нормально, блин, теряет сознание, а этот

чувак смеется издевательским смехом, ха! ха! во весь свой поганый голос... Ха! Ха!

ОНА. Послушай.

ОН. Что?

ОНА. Ты, когда играешь, обязательно должен комментировать?

ОН. А что? Я об этом не думал.

ОНА. Мне кажется, это говорит о каких-то твоих комплексах.

ОН.?

ОНА. Моя мама была права.

ОН. Да? И что же умного сказала твоя мама?

ОНА. Чтобы я с тобой больше не играла, потому что ты... странный.

ОН. Отлично. Вот и не играй. Послушайся маму и иди к своему Каролю в его сраную песочницу...

ОНА. И пойду.

ОН. Иди. Иди, играй с ним. Как вчера ночью, да?

ОНА. Ты, засранец... ты следил за мной! Впрочем, мне начхать. Можешь себе следить, если хочешь. Я буду играть, с кем захочу.

ОН. Конечно. Ты будешь играть с этим идиотом в его обосранной песочнице.

ОНА. Я не знаю, что ты там себе напридумывал. Мы всего лишь играем в одной песочнице, ясно?

ОН. Ясно. А как же! Что ж тут неясного.

ОНА. Это всего лишь игра, понимаешь?

ОН. Конечно. Всего лишь игра.

ОНА. Кароль он такой... умный... внимательный. И мы играем вместе, на самом деле вместе, понимаешь? Нет никакой границы, моя кукла запросто разговаривает с его человечками, и вообще...

ОН. Знаешь, ты...

ОНА. Ну, говори, я слушаю.

ОН. Ты... Ты думаешь, я бы не сумел играть с твоей куклой?

ОНА. Да, не сумел бы.

ОН. Дай сюда.

ОНА. Отстань.

ОН. Давай. Сейчас я тебе покажу, как я умею играть.

ОНА. Ты перешел черту.

ОН. Давай!

ОНА. Не дам! Псих ненормальный!

ОН вырывает у нее куклу.

ОНА. Больной!

ОН. Ну почему же? Смотри, как я буду чудесно с нею играть.

ОНА. Идиот.

ОН. Ты смотри, смотри. И вот этот чувак, блин, привозит Бэтмена на такое специальное место казни, вытаскивает Бэтмена, связанного лазерными веревками, нормально так вываливает его в какой-то, блин, пустынной прерии и говорит: *теперь, блин, мы с тобой посчитаемся, черт бы тебя побрал...*

ОНА. Прекрати чертыхаться!

ОН. Заткнись и смотри! И вот он раскладывает Бэтмена на таком, нормально, пыточном столе, да, и вытаскивает такие суперорудия пыток, конкретные такие ножи, лазерные пыточники и шприцы с суперболезненной жидкостью для пыток, потому что этот чувак оказался суперспециалистом по пыткам, да, и вводит Бэтмену эту жидкость, и говорит: *теперь ты, брат, будешь, блин, медленно умирать*, — а на это Бэтмен взрывается издевательским смехом, *ха! ха! ха! тебе меня не сломить, засранец, никому меня, блин, не сломить, слышишь!* — а Бэтмен, нормально, уже смирился с мыслью, что умрет вот так глупо, и, нормально, чертыхается мысленно, а у этого чувака радости полные штаны, да... и тут вдруг появляется девушка, обыкновенная туристка, шла так себе, блин, по этой прерии, шла и видит, как Бэтмена пыгает этот чувак, а Бэтмен ей когда-то давно жизнь спас, да, и вот она вытаскивает пушку, потому что такие одинокие туристки всегда носят с

собой пушки, и джджджджд! всаживает в этого чувака, который пытается Бэтмена, целую серию бах! бах! бах! И чувак, нормально, закачался и так бух! сваливается конкретно на все эти орудия пыток, и его, нормально, отбрасывает, и он на эту девушку еще так zenки выгарашил от удивления, нормально, и плюх! падает замертво в прерию, куда-то там просто в пропасть фьююююдж! ну Бэтмен вздохнул, конечно, с облегчением, уффф! подумал: *так я еще, блин, не умер*, и говорит девушке: *освободи меня, черт, от этих лазерных веревок, а то я сейчас коньки отброшу*, а эта девушка, которой Бэтмен когда-то там жизнь спас, она с тех пор, ну, была в него типа влюблена и как раз по этой прерии бродила, чтобы его найти, да, и подходит и быстро развязывает Бэтмена, а он говорит: *блин, я думал, что это уже конец*. А она говорит: *нет, это не конец, я знала, что тебя спасу, потому что я... ну... тебя, это...*

ОНА. Ну, что?

ОН. *Ну, потому что это... люблю*. А он быстро встает и говорит: *как хорошо, блин, что ты пришла, да, спасибо тебе огромное и вообще*, да, а она говорит: *поцелуй меня*, а Бэтмен, блин, удивляется и говорит: *не, ну ты вообще*, говорит, *ты что, офигела, это невозможно, ты пойми, у меня конкретные принципы, это... я должен быть один, всегда один, понятно?* ну она это... так погрустнела сразу... и Бэтмену, да, нормально стало ее вроде жалко, и он говорит себе: *а, ладно, пошло оно все к чертям*, — и поцеловал ее, и вот они целуются, целуются, да...

ОНА. Знаешь что, ты точно какой-то ненормальный.

ОН. Тебе что, не нравится моя игра?

ОНА. Дай сюда куклу.

ОН. Что? Нет, нет, подожди, это еще не конец.

ОНА. Отдай! Пусти, ну!

ОН (*отталкивает ее*). Я еще не закончил! Смотри! Сейчас будет самый классный момент. И вот они так целуются, да, нормально, целуются, да, так... страстно, и вроде бы все должно хорошо закончиться, да, но тут вдруг этот чувак, который вроде бы был убитый, просыпается, потому

что оказалось, что его не убило, у него был такой супержилет пуленепробиваемый, да, и вообще этот чувак был бессмертный, потому что изобрел такой эликсир бессмертия, нормально, и вот он встает, да, и вытаскивает такую мегапушку, и так фох! фох! фох! всаживает в Бэтмена серию, так что Бэтмена нормально отбрасывает куда-то почти в космос, а эта девушка, нормально, в ужасе, ведь она уже думала, что все хорошо закончится, да, и она поворачивается, и начинает орать: *aaaaa! aaaa!* — а этот чувак взрывается издевательским смехом *ха! ха! ха!* — тогда она вытаскивает этот свой, блин, пистолетик и пытается стрелять в этого чувака, который бессмертный, да, но, блин, в этот момент у нее закончились патроны, да, а этот чувак перестал смеяться и двинул на нее, да, и тут она начинает, нормально, бежать, а чувак кричит: *никакой Бэтмен тебе уже не поможет, куколка!* — и берет ее, ловит, блин, таким лазерным лассо, раскладывает на этом пыточном столе, и берет эти свои суперножи и так ее, нормально, вспарывает, вспарывает, так что кишки летят во все стороны, да...

ОНА. Что ты делаешь?!

ОН. И так ее вспарывает, пах! пах! пах! Фьюх! Тях!

ОНА (*рыдает*). Ты с ума сошел?! Прекрати! Прекрати!

ОН. Распарывает ее, эту куколку, нормально, этими своими лазерными ножами, фух! фух! раскрыл ее, нормально, на маленькие такие малюсенькие кусочки! и потом захохотал *ха! ха!* таким издевательским хохотом, *ха! ха!*

ОНА. Господи! Господи! Что ты наделал?!

ОН. Милка, да перестань ты, это ж только игра.

ОНА. Моя любимая кукла...

ОН. Да ладно тебе. Можно зашить, и ничего не будет видно.

ОНА. Мне не нужна зашитая, а ты... ты... ненормальный!

ОН. Если хочешь, я могу купить новую. А эту себе оставлю. Пригодится мне такая кукла. В новой игре.

ОНА (*с плачем уходит*). Я больше никогда... вообще никогда не буду с тобой разговаривать! Псих ненормальный!

ОН. Милка! Я тебе новую куплю, слышишь? А когда вырасту, построю огромную песочницу, для меня и для тебя. Милка, слышишь? Ушла, черт... А этот чувак, да, подошел к Бэтмену, который лежал едва живой где-то там, да, и говорит: *и так бы тебе, старик, эта девушка не смогла бы помочь, от смертоносной жидкости, которую я тебе вколол, да, ты будешь умирать в самых страшных, нормально, мучениях... целую неделю, да... а свою любимую можешь собрать, я тебя оставляю, чтоб ты тут медленно умирал, да... и взрывается смехом... Точно, суперская кукла...*

Сцена пятая

Перед дверью ЕЕ квартиры. ОН с букетом роз. ОНА открывает.

ОН. Привет.

ОНА. Здравствуй.

ОН. Это тебе.

ОНА. Зачем?

ОН. Ну... я хотел извиниться... Милка...

ОНА. За что?

ОН. Ну... это... за вчера...

ОНА. Не за что.

ОН. Ну, возьми, не сердись.

ОНА. Я не хочу от тебя цветов.

ОН. Ага... слушай, я тут еще купил тебе новую эту, ну, куклу, вот. Такая же?

ОНА. Нет, не такая же.

ОН. Как это? Точно такая.

ОНА. У той глаза были больше. Не хочу.

ОН. Ну тогда... возьми хотя бы цветы.

ОНА. Я уже сказала, что не возьму. Между нами все кончено.

ОН. Милка, но... слушай... значит, ты что, больше не придешь в песочницу?

ОНА. Нет.

ОН. Но, Милка, я... прости, пожалуйста, в самом деле... я не хотел... только...

ОНА. Ты все сказал?

ОН. Если хочешь, мы будем вместе играть. Хочешь? Не будет никакой границы, Милка, ну, и с сегодняшнего дня это будет и твоя песочница.

ОНА. Не хочу я никакой песочницы. Кстати, мама говорит, что я уже старовата для игр в песочнице, так что... и куклы мне тоже больше не нужны.

ОН. Ну что ты, ты совсем даже не старая... И не говори, что больше никогда не будешь играть... Милка, ты что? Ведь...

ОНА. Слушай, старик, оставь меня наконец в покое. Покончим с этой комедией.

ОН. Да... ты права, покончим с этой комедией... Слушай, ты зачем вообще приходила, а?

ОНА. Что значит зачем? Мне так захотелось... такой вот у меня был каприз.

ОН. Ага, потому что тебе так захотелось, каприз у тебя... И цеплялась ко мне, потому что... каприз?

ОНА. Ты меня достал!..

ОН. А что, скажешь, не цеплялась? Человек, блин, тихо играл один в своей песочнице, и все игры у него отлично получались, понимаешь? А с тех пор, как ты появилась, ничего, ничего не выходит, понимаешь?

ОНА. Меня это не касается. Твои проблемы. Зачем ты мне об этом говоришь? Тебе что, всегда, когда играешь, обязательно надо разговаривать?

ОН. Как это? Значит...

ОНА. Теперь ты опять сможешь играть, как раньше, до меня, никто тебе мешать больше не будет, какие проблемы?

ОН. Так что? Значит, никогда...

ОНА. Никогда.

ОН. Но послушай...

ОНА. Да дело даже не в тебе...

ОН. А в ком? В этом кретине, как его там...

ОНА. Да нет же, дурак. Просто завтра мы переезжаем.

ОН. Что? Переезжаешь? Куда?

ОНА. Неважно... в другой район... далеко...

ОН. Блин... Нормально... Что же мне теперь делать?

ОНА. Не знаю.

ОН. Так... ты... точно не возьмешь цветы?

ОНА. Нет.

ОН. И куклу?

ОНА. Нет.

ОН. Такая же, говорю тебе. Ну, почти...

ОНА. Мне пора.

ОН. Ну тогда...

ОНА. Пока.

ОН. Нет, подожди, Милка!.. Я... так нельзя...

ОНА. Господи, ну что еще?

ОН. Я... нет, так, ничего, ничего... пока.

Сцена шестая

ОН играет один в песочнице.

ОН. И...блин... этот, ну...Бэтмен так идет, нормально, идет... да... по этой, ну... прерии... да, черт!.. и, нормально... Бэтмен весь такой... окровавленный... да... ведь этот чувак, блин... его отделал будь здоров... да... и так идет он... идет... и думает, да... *(Пауза.)* Блин! Не могу... *(Пауза.)* И вот этот Бэтмен идет весь окровавленный, да, на то место казни, где сначала этот чувак его пытал, да, а потом эта девушка пришла и его спасла, и так себе думает, что, вообще-то, красивая была девушка, и интересно, жива ли она еще, да, и так себе думает, и из последних сил добирается до этого места пыток, да, ужасных, нормально, пыток и видит, блин, эту девушку всю расчлененную,

да, и, блин, Бэтмену это... так грустно сделалось, да... (Пауза.) И так он себе думает, да ... что вообще-то, это... девушку эту он даже, это...ну полюбил, да, просто взял и полюбил в конце концов, она же ему жизнь спасла, да, в конце концов, да... и так он смотрит, нормально, на эти ее расчетвертованные останки, смотрит, да... и так себе, блин... думает, да... (Пауза.)... думает себе, что жалко, черт побери, что так вот... что она мертва... и тут он вспомнил, блин, что он ведь тоже должен скоро умереть из-за этой смертоносной жидкости, да... черт... (Пауза.) И тут вдруг Бэтмена осенило, что, нормально, есть где-то на свете такой, блин, супермегаচারодей, да, старый приятель Бэтмена, да, и у этого, блин, у чародея есть противоядия против всех, блин, повторяю, всех, абсолютно всех болезней и вообще ран и всего такого, да... и вот Бэтмен в последний момент вспомнил, блин, нормально, что этот его друг, этот суперчародей или что-то в этом роде, может собрать человека даже из таких вот четвертушек, нормально, да, то есть что он сможет эту девушку сложить, да, то есть чтобы она снова была живой, да... ну и Бэтмен, нормально, обрадовался, да, обрадовался, потому что этот приятель и его тоже вылечит, и тогда он сможет добраться до того говнюка, и что эту девушку тоже оживит, и вообще... все будет классно... все будет суперско... (Пауза.) Точно, блин, подумал себе Бэтмен, точно! И вот, блин, Бэтмен берет, нормально, и собирает все, ну буквально все куски и кусочки тела этой девушки, да, которую тот говнюк расчетвертовал так жестоко, да, и складывает их в такой специальный мешок, да... кусочек за кусочком... (Пауза.) И когда уже собрал все, то вдруг почувствовал, это... вот он собрал эти все куски, да, сложил их в мешок и, это, подумал, да, теперь надо кровь из носа найти этого фрэера, этого супермегаচারодея, блин... Обязательно надо его найти.

Премыслав Войцешек

MADE IN POLAND

Перевод Ирины Киселевой.
© by Przemysław Wojcieszek

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БОГУСЬ

ИРЕНА, мать Богуся

КСЕНДЗ ЭДМУНД

ЭМИЛЬ

МОНИКА, сестра Эмиля

ФАЗИ

ГЖЕСЬ

КАРИНА

ВИКТОР

МАРИАННА, бывшая жена Виктора

ХЕЛЕНКА

Сцена первая — НА УЛИЦЕ, ВЕЧЕР

БОГУСЬ идет по улице микрорайона. Вокруг старые пятиэтажки. Кое-где в окнах горит свет. У БОГУСЯ в руке бейсбольная бита.

БОГУСЬ. А ну, встать, козлы, встаем. Революция! Слышите, уроды? Революция!

Слышно, как в ближайшем доме открывается окно.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты, рот закрой!

БОГУСЬ (*останавливается, поворачивается в сторону окна*). Тя как звать?

ГОЛОС. Не твое собачье дело!

БОГУСЬ. Тя не достали?

ГОЛОС. Чего???

БОГУСЬ. Тебя еще не достали?

ГОЛОС. Ты меня достал!

БОГУСЬ. Может, и тебя такая жизнь затрахала? Как меня?

ГОЛОС. Ты слышал? Этот урод спрашивает, затрахала ли меня жизнь. Сейчас я его урою.

БОГУСЬ. Пошли со мной.

ГОЛОС. Сейчас я, блин, с тобой схожу — в полицию! Козел!

Из открытого окна в одном из ближайших домов доносится дискотечная музыка. Гуляют.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Эй, иди к нам!

БОГУСЬ. Да насрать мне на вас! (*Показывает жест «Fuck you» и убегает; через мгновение останавливается пе-*

ред обшарпанной пятиэтажкой, складывает ладони рупором). Анка! (Пауза.) Анка-а!!!

На одном из верхних этажей открывается окно.

ГОЛОС АНКИ. Чего надо, Богусь?

БОГУСЬ. Вернись ко мне.

ГОЛОС АНКИ (*хохочет*). Да пошел ты!

БОГУСЬ. Вернись. Ты мне нужна. Я не такой, как все. Я объявил им войну. Я такой, как ты всегда хотела. Вернись ко мне!

ГОЛОС АНКИ. Богусь, не выводите меня!

БОГУСЬ. Анка, я один против всех.

ГОЛОС АНКИ. Богусь, да ты же от одного вида голой жопы плачешь. Иди лучше домой.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Кто там?

ГОЛОС АНКИ. Богусь пришел меня отбивать.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты чё, к моей бабе клеишься?

БОГУСЬ молчит.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я — чемпион среди юниоров по дзюдо. Мне чё, спуститься?

БОГУСЬ. Анка...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Вали отсюда. И по-быстрому.

БОГУСЬ медленно разворачивается и уходит.

Слышен сильный удар бейсбольной битой по кузову автомобиля. Скрежет железа, сыплются разбитые стекла. Все это продолжается довольно долго.

Сцена вторая — В РИЗНИЦЕ КОСТЕЛА. ВЕЧЕР

БОГУСЬ с пакетом под мышкой и бейсбольной битой в руке входит в ризницу. Ксендз ЭДМУНД смотрит на него. У БОГУСЯ на лбу татуировка — готическим шрифтом написано «Fuck off».

ЭДМУНД. Наконец-то. Переодевайся и идем.

БОГУСЬ (*бросает пакет на пол*). Я уйду.

ЭДМУНД (*подходит к нему и рассматривает татуировку*). Что здесь написано?

БОГУСЬ. Fuck off.

ЭДМУНД. Ладно, неважно. Переодевайся. Восславим Господа.

БОГУСЬ. Я пас. Вот стихарь. Я уйду.

ЭДМУНД. Что случилось?

БОГУСЬ мнется.

ЭДМУНД. Ну, говори, кому еще ты скажешь, если не мне? Я — твой духовник.

БОГУСЬ. Меня все задрало.

Пауза.

БОГУСЬ. Я сегодня проснулся и это почувствовал. Это как СПИД, просто меня сжирает. Весь день хожу и громлю телефонные будки. Но не помогает. Внутри все горит.

ЭДМУНД. Сходи к врачу.

БОГУСЬ. Был, сегодня утром. Но он меня так вывел, что я ему всю машину раскурочил.

ЭДМУНД (*указывая внутрь храма*). Войди, почувствуй Его силу.

БОГУСЬ. Я не хочу скандалить. Я пришел сказать, что не буду больше служкой.

ЭДМУНД. Хорошо, не хочешь, не надо. Но все-таки войди.

БОГУСЬ колеблется.

ЭДМУНД. Ты мне обещал.

БОГУСЬ. Вот только не надо сейчас.

ЭДМУНД. Войди.

БОГУСЬ. Вот только не надо!

ЭДМУНД (*берет его за руку, тянет к дверям, ведущим в храм*). Легче?

БОГУСЬ (*вырывается*). Я уже все знаю. Они свиньи. Ненавижу свиней!

ЭДМУНД. Богусь!

БОГУСЬ (*указывая на татуировку*). Я сыт по горло этим враньем, не видишь?

ЭДМУНД. Каким враньем?

БОГУСЬ. Враньем, которым ты пичкаешь это быдло. Я в него не верю.

ЭДМУНД. Хочешь, давай об этом поговорим.

БОГУСЬ. С тобой? Чтоб ты мне опять лапшу на уши навешал? Да я пять лет тут и пять лет смотрю, как ты им каждое воскресенье впариваешь туфту. Я не верю ни в загробную жизнь, ни в апостолов, ни в Новый Завет. А эти твои прихожане — просто свиньи. Выйди на стоянку: большинство приезжает сюда прямо из супермаркетов.

ЭДМУНД. Эти люди много работают.

БОГУСЬ. Но штаны и жратву могли и в субботу купить. Что это за религия, в которой нет принципов, которая ничего не требует?

ЭДМУНД молчит.

БОГУСЬ. Знаешь что? Знаешь, почему ты всегда был плохим ксендзом?

ЭДМУНД. Ну!

БОГУСЬ. Да потому, что твой Бог сдох, причем очень давно! (*Направляется к выходу.*)

ЭДМУНД. Это все? Да?

БОГУСЬ кивает.

ЭДМУНД. И ты не сможешь мне отремонтировать костел?

БОГУСЬ, улыбаясь, отрицательно качает головой.

ЭДМУНД. Бог есть, дурень, я знаю, по собственному опыту знаю.

БОГУСЬ. Слышал я эту историю — бред сивой кобылы.

ЭДМУНД. Я видел, как Он приходит...

БОГУСЬ. Да ты вечно, как перепьешь церковного вина, это рассказываешь.

ЭДМУНД. Шел третий месяц голода, конец...

БОГУСЬ (*разворачивается и подходит к нему*). ...и ты уже знал, что это конец, правда? Но Он пришел, да? Сильный и светлый — и подошел совсем близко, вот как мы сейчас с тобой. Он есть, Богусь, он есть... Так это было?

ЭДМУНД. Поверь, это было так.

БОГУСЬ. И именно поэтому тебя перевели в наш микрорайон?

ЭДМУНД молчит.

БОГУСЬ. Ну, рассказывай дальше. Не зря тебя здесь называют «Секретный агент».

ЭДМУНД. Он есть, Богусь. Он — реальный, настоящий, как мы с тобой. Он существует.

БОГУСЬ (*делает пару шагов к Эдмунду, будто собираясь его ударить*). Только в твоём больном воображении, гребанный ты поп! (*Разворачивается и уходит, громко хлопнув дверью*.)

Слышны шаги по мокрому гравию и звон разбитого автомобильного окна. БОГУСЬ бейсбольной битой разбивает машину ксендза. Срабатывает сигнализация.

ГОЛОС БОГУСЯ. Гребанный поп!

Слышно, как БОГУСЬ убегает.

Сцена третья — ДЕНЬ. АВТОСТОЯНКА

БОГУСЬ держит в руке выломанное боковое зеркало машины. Осматривается. К нему на инвалидном кресле, крутя руками колеса, подъезжает ЭМИЛЬ. БОГУСЬ бросает зеркало.

ЭМИЛЬ. Эй, ты! То, что ты сделал, является преступлением!

БОГУСЬ поворачивается и смотрит на Эмиля невидящим взглядом.

ЭМИЛЬ. За данное правонарушение положено наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до двух лет, условно — на три года. Статья двести шестьдесят восемь, параграф один. Вот.

БОГУСЬ. Чё, серьезно? Ты здесь работаешь?

ЭМИЛЬ. Я — охранник, а что?

БОГУСЬ. На хера тебе тогда Уголовный кодекс?

ЭМИЛЬ. Я собираюсь стать юристом.

БОГУСЬ (*подходит к Эмилю, наклоняется над ним*). А мне насрать на закон. Меня все задрало. (*Отбрасывает зеркало в сторону.*)

Слышно, как в одной из машин разбивается стекло.

ЭМИЛЬ. Портя чужое имущество, ты придаешь своим действиям преступный характер. У меня нет выхода. Я вынужден передать тебя в руки правосудия.

БОГУСЬ. Да ты сам — преступление. Ты на себя посмотри. Кто тебе вообще работу дал? Стуканутый юрист в инвалидной коляске!

ЭМИЛЬ не отвечает.

БОГУСЬ. Если б все твои друзья, блин, скурвились, ты бы то же самое чувствовал.

ЭМИЛЬ молчит.

БОГУСЬ. У тебя друзья есть?

ЭМИЛЬ не отвечает.

БОГУСЬ. Есть или, может, были, хоть какие-нибудь?

ЭМИЛЬ. У меня есть сестра.

БОГУСЬ. Какая-нибудь давалка? Королева ночной смены?

ЭМИЛЬ. Ты, козел. У меня идеальная сестра.

БОГУСЬ. Много ты понимаешь про идеалы! Сам еле передвигаешься, калека.

ЭМИЛЬ. Неправда. Я даже на большой скорости виражи закладываю. Убедишься, когда я тебя поймаю и сдам ментам. *(Подъезжает к Богусю и пытается его схватить.)*

БОГУСЬ *(отбегают, прыгает на кучу металлолома)*. Бай-бай, чувачок.

ЭМИЛЬ. Я тебя узнал! Ты служка в костеле! Татуировку, что ли, себе сделал?

БОГУСЬ. Да, сегодня утром. Как только узнал, что Бог сдох, решил это отметить! *(С бейсбольной битой в руке идет по стоянке вдоль машин.)*

ЭМИЛЬ едет за БОГУСЕМ.

БОГУСЬ *(поворачивается к нему)*. Все скурвились в этом блядском обществе. Все, даже самые лучшие, самые крутые. Крутые, понимаешь? Один мой приятель — мы вместе учились в ПТУ — получил работу в Макдоналдсе. Я его сегодня встретил. Он радовался, как ребенок. Сам, идиот, не понимает, до чего докатился. Пора с этим кончать. Нужен переворот. Все это расхерачить! Может, тогда эти дебилы прозреют.

ЭМИЛЬ. А это все... законно?

БОГУСЬ *(смеется)*. Да забей на закон, присоединяйся лучше.

ЭМИЛЬ. К чему?

БОГУСЬ. К бунту.

ЭМИЛЬ. Против кого?

БОГУСЬ. Против всех.

ЭМИЛЬ. Ну, не знаю, как-то это все неконкретно.

БОГУСЬ. Достали уже, хочу бороться. Ты что, не видишь? В воздухе висит. Достали, труба. Заразили агрессивней, вот оно — СПИД XXI века. Я сегодня утром встал и почувствовал это в себе, а завтра и ты почувствуешь. Давай со мной, вставай на борьбу, будь одним из первых. Ну что, просек?

ЭМИЛЬ пожимает плечами. БОГУСЬ наклоняется над одной из машин и лупит битой по лобовому стеклу. Срабатывает сигнализация.

БОГУСЬ. А сейчас?

ЭМИЛЬ. Перестань!

БОГУСЬ. Ну, просек?

ЭМИЛЬ. Кончай!

БОГУСЬ. Просек?

ЭМИЛЬ. Да, просек!

БОГУСЬ. Громче! *(Поднимает над головой биту, делает несколько шагов и разбивает лобовое стекло еще в одной машине, потом в следующей.)*

Воеет сигнализация.

ЭМИЛЬ *(нервно крутится на инвалидной коляске)*. Просек, просек, просек!!!

БОГУСЬ оглядывается, видит неподалеку дорогую машину, подходит к ней, бьет по лобовому стеклу и капоту. Срабатывает сигнализация — более громкая, чем в других автомобилях.

ЭМИЛЬ *(останавливается, кричит)*. Я тебя поймаю, придурок!

БОГУСЬ уходит. ЭМИЛЬ бросается за ним в погоню, но едет слишком быстро, и на повороте коляска переворачивается.

БОГУСЬ (*останавливается, подходит к Эмилю*). Я дам тебе совет. Вернись сюда завтра и скажи: «Харэ». (*Разворачивается и уходит.*)

ЭМИЛЬ. Будь у меня коляска получше, я бы тебя — как миленького!

Но БОГУСЬ уже далеко.

Сцена четвертая — УЛИЦА МИКРОРАЙОНА. ВЕЧЕР

Подъезжает белый «пежо», останавливается у одного из домов. Из машины выходит ФАЗИ и быстро скрывается в подъезде. За ним — ГЖЕСЬ и КАРИНА.

ГЖЕСЬ. Карина!

КАРИНА. Я иду с Фази.

ГЖЕСЬ. Ты никуда не идешь! Давай назад! Видала их новые патрульные машины? И чё-то как-то они теперь быстрее ездят! По-быстрому проехали, и домой. Экспресс, бля, только за бензин ты платишь, из своих налогов.

КАРИНА. Гжесь, я иду с Фази.

ГЖЕСЬ. Никуда ты не идешь, я чё — неясно сказал? У меня на районе такие же ездят. Когда-то был классный спокойный микрорайон. А теперь? Какую ни увидят драку — сразу линяют.

КАРИНА. Пойду посмотрю, что он там делает.

ГЖЕСЬ. Я фигею от такого патрулирования. Вся охота прикалываться пропала. Бля, чуть не подавился пончиком... Я, короче, за возврат дружинников. Ты вообще на выборы ходишь?

КАРИНА. Нет.

ГЖЕСЬ. А зря. Основным инструментом политической борьбы в демократическом, правовом обществе является избирательный бюллетень. В газете прочитал. Я когда-то дальнобойщиком был. Тридцать шесть часов стоишь на границе. Остается только спать или газеты читать. Газета — вещь хорошая. Ее читать можно, есть на ней можно, задницу подтирать. Лучше, чем радио. Попробуй приемником жопу подтереть в машине! *(Пауза.)* А тебе чё, бля, не смешно? А? Куда там — два высших. Да пошла ты!

КАРИНА *(идет в подъезд, возвращается)*. Номер квартиры скажи.

ГЖЕСЬ. Чё, не нашла? На, бери пончик и садись в машину.

КАРИНА. Слушай, всегда, когда вы на дело идете, я сижу в машине. Так нечестно.

ГЖЕСЬ. Ну и...

КАРИНА. Слушай. Меня к вам из бухгалтерии перевели три месяца назад. У меня суперпоказатели по здоровью и вообще анализы. Гжесек, почему вы не даете мне шанса, почему я должна торчать в этой гребаной тачке?

ГЖЕСЬ. Успокойся, когда Фази решит, что ты готова, пойдешь на дело. А пока вали сторожить машину.

КАРИНА. А ты знаешь, что тачки только пенсионеры сторожат?

ГЖЕСЬ. А ты знаешь, что еще и новички сторожат? У тебя чё — с головой не все в порядке? Ты чё себе думаешь? Рэкет — это, по-твоему, что? Бухгалтерия? Ты должна уметь с людьми общаться, знать, когда надо быть жесткой. Ладно, расслабься, почувствуй в себе силу. Вон пончик съешь. Успокойся, Фази даст тебе шанс, подожди немного.

КАРИНА. Ага, только он меня не переваривает. Да и ты тоже.

ГЖЕСЬ. Фази нормально к тебе относится. Главное, мы не считаем тебя дурой тупорылой.

Из подъезда выходит ФАЗИ. В руках у него пакет.

ФАЗИ. Ты чё тут делаешь, быстро в машину. (*Отдает пакет Гжесю.*) На, выброси куда-нибудь...

КАРИНА. Давай я выброшу.

ФАЗИ. Что ты выбросишь?

КАРИНА (*показывает на пакет*). Ну это. Фази... мы как раз говорили.

ФАЗИ. И что?

КАРИНА. Ну, что я как бы не при делах. Понимаешь? Фази, мне надо знать, что ты у них берешь. Я должна знать, чего ты там из домов выносишь.

ФАЗИ. Слышь, забей.

КАРИНА. Послушай, я тут уже третий месяц, потом меня дальше переведут. Я должна знать, что мы делаем. Не зли меня!

ФАЗИ (*протягивает ей пакет*). Хочешь посмотреть?

КАРИНА. Хочу, блин, хочу!

ФАЗИ. На, и отцепись.

ГЖЕСЬ смеется. КАРИНА берет пакет, колеблется.

ГЖЕСЬ. Открывай. Ну, давай.

КАРИНА. Открою, когда захочу.

ГЖЕСЬ. Трусиха. Открывай!

КАРИНА заглядывает в пакет. ГЖЕСЬ вырывает его у нее из рук и выбрасывает. Что находится в пакете, не видно, но слышен тихий шлепок.

ФАЗИ. Всё? Теперь знаешь? Только не вздумай блевать. Давай ее в машину.

КАРИНА (*пнемногу приходит в себя*). Не буду блевать. Господи, да не буду, все нормально, справлюсь.

ГЖЕСЬ (*ведет ее к машине*). Ты же универ закончила. (*Фази.*) Ты чё, вообще, что ли?!

ФАЗИ. У тебя платок есть?

ГЖЕСЬ. Есть.

ФАЗИ. Давай.

ГЖЕСЬ. На хера ты сюда это припер?

ФАЗИ. Да я забыл. Хотел собаке какой-нибудь бросить.

ГЖЕСЬ. Ты еще что-нибудь ему отрезал?

ФАЗИ. Надобности не было.

ГЖЕСЬ. А что-нибудь взял?

ФАЗИ. Номер счета, на который он бабло слил. Только половину, блин, а на остальные «лексус» себе прикупил. Крутой, понимаешь ли. *(Достает из кармана ключи.)*

ГЖЕСЬ. Где он?

ФАЗИ. Здесь.

ГЖЕСЬ. Я поведу!

ФАЗИ. Исключено!

ГЖЕСЬ. Ну, дай...

ФАЗИ. Ничего не выйдет. Я сам еще на «лексусе» не ездил.

ГЖЕСЬ. Я тоже.

ФАЗИ. И не будешь.

На инвалидной коляске подъезжает ЭМИЛЬ. Пауза.

ГЖЕСЬ. Бля, «лексус» наш расхерачили! Ты! А ну давай сюда. Кто это сделал? Ты видел?

ЭМИЛЬ разворачивает коляску и направляется к своей будке.

Да подожди ты. Эй, на колесах! Бля... Что ты делаешь? Подожди!

ФАЗИ *(звонит по мобильному телефону.)* Слышь, проверь-ка, сколько стоит боковое зеркало «лексуса». Правое и левое! Еще лобовое стекло и капот. Быстро!

Сцена пятая — АВТОСТОЯНКА. ВЕЧЕР

ФАЗИ и ГЖЕСЬ рассматривают «лексус». Лобовое стекло, капот, крыло, бумпер — все нужно менять. Этот «лексус» — последняя жертва приступа агрессии БОГУСЯ. К ФАЗИ и ГЖЕСЮ подходит КАРИНА.

ГЖЕСЬ. Охранник.

ФАЗИ. Ну и охрана у них.

ГЖЕСЬ (*Эмилю*). Ты кого-то подменяешь? Нет? Чё, постоянно?

ФАЗИ. Кто это сделал?

ГЖЕСЬ. Ну, кто? Говори. Пацаны? Лохи какие-нибудь?

ФАЗИ. Ты ментов вызывал?

ЭМИЛЬ. Как только до будки докатил.

ФАЗИ. Надо забирать тачку.

ГЖЕСЬ. Слышь, а может, он их знает, да боится, может, они его припугнули. (*Эмилю*.) Ты, не боишься? (*Делает угрожающий жест*.) А сейчас? Страшно? Я с ним поработаю.

ФАЗИ. Подожди. (*Карине*.) Ну что? Ты, кажется, хотела поучаствовать! С этим справишься? С калекой?

КАРИНА идет к будке, в которую прячется ЭМИЛЬ.

ФАЗИ (*Гжесю*). Пошли, Гжесь, поедим.

Сцена шестая — В КВАРТИРЕ ИРЕНЫ И БОГУСЯ. УТРО

Комната БОГУСЯ. Из-за стены доносится песня Кшиштофа Кравчика. ИРЕНА включила проигрыватель на полную громкость. Эти мелодии будут звучать до конца сцены. БОГУСЬ просыпается, с трудом поднимается и садится на кровати.

ГОЛОС ИРЕНЫ. Богусь, вставай! Завтракать. У тебя пять минут.

БОГУСЯ колотит, будто от холода. Он идет из своей комнаты на кухню, открывает холодильник и достает пакет молока, вынимает из шкафчика над головой коробку кукурузных хлопьев и тарелку, заливает хлопья

молоком. На стене в кухне висят три портрета. На нижнем изображен Лех Валенса во время забастовки «Солидарности», выше — Папа Римский, над ним — Кшиштоф Кравчик. БОГУСЬ с тарелкой идет в коридор и открывает дверь в комнату матери. ИРЕНА сидит на тахте с сигаретой в зубах. На ней майка с надписью «BORN IN THE USA». На полу конверты с пластинками Кшиштофа Кравчика. ИРЕНА медленно поднимает голову, смотрит на БОГУСЯ и вдруг начинает хохотать.

ИРЕНА. Ну ты идиот.

БОГУСЬ. Мам, я же просил, чтоб ты не ходила в этой майке.

ИРЕНА. А, так это я виновата? Может, ты, блин, скажешь, что стряслось?

БОГУСЬ. Ма, я же тебе говорил, во мне что-то сломалось.

ИРЕНА. Если об этом узнают, весь «Горгаз» будет надо мной смеяться.

БОГУСЬ. А может, и не будет.

ИРЕНА (*показывает на татуировку Богуся*). Что это значит?

БОГУСЬ. Коротко или дать полный ответ?

ИРЕНА. Коротко.

БОГУСЬ. Отъебитесь.

ИРЕНА. А подробнее?

БОГУСЬ. Все отъебитесь!

ИРЕНА. Это же на всю жизнь останется!

БОГУСЬ. Потому я это и сделал. Все по-взрослому. Если я на что-то решаюсь, то делаю по полной. Сто процентов, сто пудов. Никаких компромиссов.

ИРЕНА. Херня на постном масле.

БОГУСЬ. Ах, ну да, у Кравчика-то нет наколок!

ИРЕНА. Он и без этого великий человек. (*Смущенно смотрит на фотографию Кшиштофа Кравчика, висящую на стене.*)

ИРЕНА. Ты же никогда не найдешь работу с этим уродством на лбу.

БОГУСЬ. А я не уверен, что вообще буду ее искать.

ИРЕНА. Понятно, будешь до конца жизни сидеть у меня на шее.

БОГУСЬ. Я этого не говорил.

ИРЕНА. Все к этому идет.

БОГУСЬ. Нет, мам, — я решил учиться.

ИРЕНА (*открывает рот от удивления*). Что? Я не слышала.

БОГУСЬ. Все ты, ма, слышала.

ИРЕНА. То есть вернешься в ПТУ?

БОГУСЬ. Нет, в ПТУ на газовика я учиться не буду. Я пойду в лицей.

ИРЕНА. В лицей?

БОГУСЬ (*кивает*). Точные науки. С физико-математическим уклоном.

ИРЕНА. Ёшкин кот, вот это было бы дело, сынок.

БОГУСЬ. Знаю.

ИРЕНА. А ты не придуливаешься?

БОГУСЬ (*отрицательно качает головой*). Весной подаю документы.

ИРЕНА. Если бы ты действительно пошел в лицей... После окончания мог бы устроиться на работу.

БОГУСЬ. Вот именно.

ИРЕНА. А если б устроился на хорошую работу, то заработал бы кучу денег.

БОГУСЬ. Ага.

ИРЕНА. А если б заработал кучу денег, я могла бы бросить работу в «Горгазе». И стала бы ездить на концерты.

БОГУСЬ. Ну.

ИРЕНА. Ездила бы на все концерты Кравчика.

БОГУСЬ. По-любому.

ИРЕНА. И ездила бы по всей Польше на встречи коллег-лекционеров пластинок.

БОГУСЬ. Да, мам.

ИРЕНА. У меня было бы больше пластинок, чем у той лахудры из-под Ополя.

БОГУСЬ (*утвердительно кивает*). Да ей половины того не видать, что будет у тебя, ма.

ИРЕНА. Должна сказать, сынок, ты меня растрогал. Я тобой горжусь. (*Внимательно смотрит на него.*) Прикалываешься?

БОГУСЬ (*громко смеясь*). Тебя не наколешь, ма.

ИРЕНА. Я почти поверила.

БОГУСЬ. Годы тренировок, а все равно ты меня раскусила.

ИРЕНА (*встает из-за стола*). А когда это мне не удавалось тебя раскусить? (*Идет в коридор, надевает пальто, закидывает на плечо маленький рюкзак.*)

БОГУСЬ. Мамуль! А обувь?

ИРЕНА. Блин! Тащи сюда. Подай мне. (*Смотрит на лоб Богуся.*)

БОГУСЬ. Ма, это наколка.

ИРЕНА. А может, все-таки пойдешь в лицей? Неплохая идея.

БОГУСЬ. Да. Сначала лицей, потом экзамены, потом институт. Банальнее некуда.

ИРЕНА. Доешь хлопья, сынок. И не переходи дорогу на красный свет.

БОГУСЬ. Договорились.

ИРЕНА выходит из квартиры. БОГУСЬ садится есть, но тут же отодвигает тарелку. Его трясет, с каждой минутой все сильнее. Идет в свою комнату, включает магнитофон у кровати — звучит старый добрый «The Clash». Берет с полки над кроватью комикс, раскрывает и пробует читать, но через минуту с раздражением швыряет книжку на пол. Приподнимает на кровати матрас, вынимает из-под него несколько порножурналов, садится и начинает их листать. В раздражении рвет один на мелкие кусочки. Достает из тумбочки пакетик с «травой», набивает гильзу и закуривает, но после нескольких затяжек начинает кашлять. Идет в комнату ИРЕНЫ, садится на тахту и включает телевизор. На экране опытный фермер принимает роды у коровы. Роды тяжелые — необхо-

димо кесарево сечение. Видно, как фермер разрезает корове брюхо. Голос за кадром комментирует происходящее. Из разрезанного брюха появляется теленок...

Раздается звонок в дверь. БОГУСЬ не реагирует. Звонок не замолкает. БОГУСЬ встает, идет в коридор и останавливается перед дверью.

ГОЛОС ЭДМУНДА. Богусь?

БОГУСЬ не отвечает.

ГОЛОС ЭДМУНДА. Богусь. Сделай потише.

БОГУСЬ, подумав, подходит к двери, открывает ее. На лестничной площадке стоит ЭДМУНД.

ЭДМУНД. Ты прекрасно знаешь, зачем я пришел. Ты разбил мне машину, мой «полонез».

БОГУСЬ. Я? Это прикол?! Ничей «полонез» я не разбивал.

ЭДМУНД. Я знаю, что это ты!

БОГУСЬ. Откуда. Померещилось?

ЭДМУНД. Я не буду заявлять в полицию.

БОГУСЬ. Отлично — не заявляй.

ЭДМУНД. Не заявлю, если мы договоримся.

БОГУСЬ. Пугаешь меня полицией, чмошник? Меня?

ЭДМУНД. Договариваемся?

БОГУСЬ. Попробуй меня еще хоть раз попугать полицией. Попробуй. Я твою полицию, во! (*Показывает, что он сделает с полицией.*)

ЭДМУНД. Я сказал — давай договоримся.

БОГУСЬ. Я с ксёндзами не договариваюсь.

ЭДМУНД (*смеется*). С ксёндзами... С ксендзами, эх ты, грамотей. Мне не хватает людей для работы. На тех, кто приходит только по воскресеньям, я рассчитывать не могу. Помоги мне отремонтировать костел. Отработай то, что натворил. Прямо сегодня приходи.

БОГУСЬ. Они не хотят тебе помогать? Это интересно. А может, ты их тоже ментами припугнешь — как меня?

ЭДМУНД. Четыре пятьдесят за час.

БОГУСЬ. Четыре пятьдесят? Ты это тем, которые по воскресеньям ходят, предлагай, понял? Ты что, больной?

ЭДМУНД. Слушай. Тебе больше не к кому идти.

БОГУСЯ трясет от злости.

БОГУСЬ. Я уже сказал, что мне по хрен твой ремонт!

Сцена седьмая — В КВАРТИРЕ ВИКТОРА. ДЕНЬ

БОГУСЬ стучит в дверь квартиры **ВИКТОРА**. В руке у него бейсбольная бита. За дверью тишина, но **БОГУСЬ** продолжает стучать. **ВИКТОР** приоткрывает дверь.

БОГУСЬ. Я знаю, что ты дома. Надо поговорить.

ВИКТОР молча захлопывает дверь.

Надо поговорить, слышишь?

Тишина.

Я не уйду, пока не откроешь!

Дверь открывается. На пороге появляется **ВИКТОР**.

ВИКТОР. В чем дело?

БОГУСЬ. Надо поговорить.

ВИКТОР пропускает **БОГУСЯ** в квартиру.

ВИКТОР. Биту оставь в коридоре.

БОГУСЬ кладет битую вешалку.

ВИКТОР. Ты все время с ней ходишь?

БОГУСЬ. С тех пор, как ощутил «это». С ней чувствую себя уверенней. Могу влиять на действительность.

ВИКТОР (*замечает надпись на лбу Богуся*). Ну, ну... ты стал бросаться в глаза.

БОГУСЬ. Эта татуировка — объявление войны.

ВИКТОР (*указывает Богусю на дверь комнаты, а сам идет на кухню*). Чаю хочешь?

БОГУСЬ. Да. (*Входит в комнату.*)

Вдоль стен книжные стеллажи, рядом с ними диван. Везде — грязные тарелки, пустые бутылки из-под пива, по полу разбросаны бумаги.

БОГУСЬ (*рассматривает полки с книгами*). Ну-ка, что тут у тебя? (*Достает одну книгу, листает, закрывает, берет следующую — листает, закрывает, ставит назад на полку.*) У тебя только книги?

ГОЛОС ВИКТОРА. Тебе из пакетика или заварить?

БОГУСЬ. Все равно. А что-нибудь нормальное у тебя есть? Журналы с голыми жопами или там комиксы? Чё, только стихи?

ГОЛОС ВИКТОРА. Это не стихи. Это жизнь.

БОГУСЬ (*роется на полках*). А продать ты это не хочешь? Продай бы все — сразу разбогател.

ГОЛОС ВИКТОРА. Это старые книги. Никто уже старых книг не читает. Когда-то пробовал продать. А сегодня я у них один остался.

БОГУСЬ (*открывает книгу на первой попавшейся странице, пробует читать*). Пы... пыс...

ВИКТОР входит в комнату с двумя стаканами чая, ставит их на письменный стол у окна, подходит к БОГУСЮ, смотрит на книгу.

ВИКТОР. На какой ты странице?

БОГУСЬ. Пятьдесят девять.

ВИКТОР. «Пусти меня, отдай меня, Воронеж». Осип Мандельштам. У меня еще Бродский есть, Цветаева, Пастернак...

БОГУСЬ. Я не умею по-советски.

ВИКТОР. По-русски. Русский в вашей школе уже не преподают?

БОГУСЬ. Когда тебя уволили, еще оставалась эта...

ВИКТОР. Соснковская.

БОГУСЬ. Но у нее крыша поехала, и она сама уволилась.

ВИКТОР. А ты учишься?

БОГУСЬ. Зачем? Я на учебу забил. Все равно потом жить на пособие.

ВИКТОР. Сам забил?

БОГУСЬ. Вытурили — через два месяца после тебя. А ты в какой-нибудь школе еще преподаешь?

ВИКТОР отрицательно качает головой.

БОГУСЬ. А что делаешь?

ВИКТОР. Пью. *(Садится на диван, смотрит на Богуся.)* Ты постригся? Что, уже не панк?

БОГУСЬ. А я и не был никогда панком. Я был шарпскином, а это две разные вещи. Я верил в братство рас и борьбу пролетариата. Но в этом городе нет места шарпскинам. Хотя... времена изменились.

ВИКТОР. Что стряслось, Богусь?

БОГУСЬ. Знаешь, я всегда тебя уважал. Ты был единственным учителем в этой гребаной школе, который для меня что-то значил. Ты был не такой, как все, ты был сам собой. Даже когда тебя уволят, показал им, чего стоишь.

ВИКТОР. Кончай нести пургу — ближе к делу.

БОГУСЬ. Ты — мой учитель, скажи, что мне делать?

ВИКТОР. Богусь, бля, я — алкоголик, который еле сводит концы с концами. Что я могу тебе посоветовать? Я и себе не могу.

БОГУСЬ. Я объявил войну этим свиньям. Прошло двадцать четыре часа, а они еще об этом не знают. Я на взводе, я должен бороться. Мне нужно расхерачить что-нибудь такое... огромное... а дальше одно из двух: либо мне кранты, либо я вылечусь. Но сначала пусть ОНИ обо мне услышат. Я должен сделать первый шаг — но какой?

ВИКТОР. Сходить к психиатру.

БОГУСЬ. Был я у психиатра — раздолбал ему тачку!

ВИКТОР. Повезло мне, что я на автобусе езжу. Автобусы ты, надеюсь, не долбаешь?

БОГУСЬ. Пробовал. Не помогает. Только тачки и телефонные будки.

ВИКТОР отпивает очередной глоток бурого чая.

БОГУСЬ (*напряженно глядя на него*). Я искал человека, с которым мы могли бы действовать вместе. Выйти на улицу и разнести в пух и прах всю эту байдю. Всем им, блин, вмочить по полной. Ты посмотри, что творится. Включи телик, радио включи. Это же конец света. Все вокруг с ума посходили, да с какой скоростью. Мы с тобой — ты и я — могли бы им показать. Сделать что-нибудь эдакое.

ВИКТОР. Кого ты так ненавидишь?

БОГУСЬ. Всех. Жлобов с мобилами, братков, понтяршиков, лоснящихся свиней из хит-парадов, телок из реклам, шалав в телике, банкиров-долбоёбов, священников гребаных, шибанутых военных, ментов, политиков и бизнесменов. Вот кого я ненавижу. Ненавижу их жен, их мужей, дочерей, сыновей, зятьев, шуринов и тещ. Ненавижу русских, немцев и американцев. Особенно американцев. Эти пидоры везде свой нос суют, всеми управлять хотят, всюду, бля, лезут. Ненавижу их сраные рестораны, которых теперь везде полно. Я ни в одном не был и не пойду никогда. Например, Макдоналдс. В жизни туда не пойду. И насрать, что у них бесплатный туалет. Я поссать не зайду в Макдоналдс, даже если будет невоготу. Лучше на улице поессу. Потому что я терпеть не могу этих пидоров.

Я даже группы американские не слушаю. Только польские и английские. Например, «Post Regiment», «The Clash». Ты слышал «Post Regiment»? Офигенная группа была, но они распались, потому что в магазинах сейчас до херища американского говна. А мне насрать на их херню. Насрать на рэп, техно, «Нирвану». Туфтовая коллекция пидорского говна! На хер их всех, пусть убывают из польских микрорайонов в свое Никарагуа или откуда они там.

ВИКТОР. Выпей чаю.

БОГУСЬ. На хер мне твой чай.

ВИКТОР. Печенье возьми.

БОГУСЬ. На хер мне твое печенье.

ВИКТОР (*смеется*). Богусь, где ты работаешь?

БОГУСЬ. Что?

ВИКТОР. Где ты работаешь?

БОГУСЬ. Нигде. Что, не видно?

ВИКТОР. А чем занимаешься?

БОГУСЬ. Собираюсь создать террористическую организацию. Средний возраст — 20 лет. Вот когда наберу людей, подложим бомбу под ликероводочный завод. Снесем эту фабрику смерти. И я хочу, чтоб ты мне посоветовал: под ликероводочный или лучше под налоговую инспекцию?

ВИКТОР. Что ты несешь???

БОГУСЬ. Не веришь? Легко не будет, но я поговорю с людьми. Придет время — будем типа Красные бригады.

ВИКТОР. Займись делом.

БОГУСЬ. Что?

ВИКТОР. Найди себе какую-нибудь работу. Может, там тебе эту хрень из башки выбьют.

БОГУСЬ. И это все, что ты можешь мне сказать?

ВИКТОР. Да.

БОГУСЬ. И ты отказываешься делать вместе со мной революцию?

ВИКТОР отрицательно качает головой.

Я не этого ждал.

ВИКТОР. Извини.

БОГУСЬ встает, подходит к ВИКТОРУ.

ВИКТОР. Шел бы ты отсюда. Вали, я сказал.

БОГУСЬ. Знаешь, что? Да пошел ты сам. Ты же — полный ноль. Ты и твои вонючие книги. (*Выходит из квартиры учителя, хлопнув дверью.*)

Сцена восьмая — В КВАРТИРЕ БОГУСЯ. ДЕНЬ

БОГУСЬ бегом поднимается по узким ступенькам лестничной клетки. Подходит к двери своей квартиры, вынимает из кармана ключ, открывает дверь и входит. Замечает, что в туалете горит свет, заглядывает туда.

На унитазах сидит ГЖЕСЬ.

ГЖЕСЬ. Чё, не видно, что я сру? Не можешь подождать, пока я руки помою? (*Захлопывает дверь.*)

БОГУСЬ заходит в комнату. Там на диване сидят ФАЗИ и КАРИНА. На полу разбросаны вещи матери, дверцы настенных шкафчиков раскрыты. КАРИНА одну за другой ломает виниловые пластинки с песнями Кшиштофа Кравчика. Прежде чем поломать очередную, читает название на обложке.

КАРИНА. «Как прошел день»...

ФАЗИ (*заметив Богуся*). Как прошел день, придурок? Отгадай, кто мы такие.

Из туалета доносится шум воды. БОГУСЬ разворачивается и бежит к выходу из квартиры. ГЖЕСЬ выходит из туалета и хватается за куртку.

БОГУСЬ. Это не я.

ГЖЕСЬ. Не спрашивай, откуда мы знаем, но мы знаем, что это ты. (*Вталкивает Богуся в комнату.*)

ФАЗИ встает с дивана и наносит мощный удар БОГУСЮ в челюсть. БОГУСЬ падает на ковер. ФАЗИ снова садится на диван. КАРИНА как ни в чем не бывало продолжает ломать пластинки.

КАРИНА (*читает название*). «Только бы так было»...

БОГУСЬ. Да чего там, ладно — это я. И мне по хер.

ФАЗИ (*смотрит на Карину, смеется*). Что ты сказал? Ну и на хрена ты признаёшься? Ты же даже не знаешь, в чем дело. А мы ведь с телефонной станции, счет тебе принесли.

ФАЗИ, ГЖЕСЬ и КАРИНА смеются. ГЖЕСЬ стоит на пороге комнаты и вытирает полотенцем мокрые руки.

КАРИНА. «Потанцуем еще раз».

ФАЗИ. Прошлой ночью на охраняемой стоянке ты подпортил несколько машин. Тебя узнал парень, который ее сторожит. Может, у тебя были на то свои причины, а может, и нет, я в это не вникаю. Одна из тачек была наша. Серебристый «лексус».

КАРИНА. «Рисунок на стекле».

ФАЗИ. Нужно заплатить за ремонт, а это деньги. И ты за него заплатишь — двадцать тысяч злотых. Договорились?

БОГУСЬ (*осторожно садится на ковер*). Да пошел ты.

ФАЗИ встает с дивана, подходит к БОГУСЮ и бьет его ногой в лицо.
БОГУСЬ падает на ковер.

ФАЗИ. Машина в ремонте. Завтра мы уезжаем. У тебя есть время до утра. Не управишься — я тебя убью. (*Возвращается на диван.*)

КАРИНА продолжает ломать пластинки.

КАРИНА. «Пароход»... Не люблю я Кравчика. Просто не люблю.

ФАЗИ. Да ты чё, его старые хиты до сих пор — свежак. То, что он сейчас поет, херня, конечно, но когда-то был реально крутой.

КАРИНА. А ты когда-нибудь был на его концерте?

ФАЗИ (*кивает*). С матерью, в Сопоте. Я маленький еще был. Супер. Не то, что эти пидоры сейчас.

ГЖЕСЬ. Прикинь, а я никогда его не слушал. Но альбом с Бреговичем прикольный.

ФАЗИ (*качает головой*). Отстой полный.

ГЖЕСЬ. Почему? Я его на вечеринках часто врубал.

ФАЗИ. Ты, слышь, кончай, а то у меня нервы сдадут! Альбом с Бреговичем с художественной точки зрения вообще никакой! Вообще! Ты в этом не сечешь, так я сейчас объясню. Кшиштоф Кравчик — это тебе не какой-нибудь там петух, который цыганские песни на свадьбах поет. Он крутой, он реально крутой. Он... Бля, не знаю, как тебе объяснить, чтоб ты понял и не задавал тупых вопросов. Он... такой же, как мы. Только круче. И жизнь у него как у нас, только он это все уже пережил, понимаешь? Его судьба — это наша судьба. Посмотри, он без конца уезжал из Польши, только чтоб сюда вернуться и добиться успеха. Вся жизнь грешил, чтобы в конце концов возвратиться в лоно церкви. Трахал баб направо и налево, чтобы обрести счастье в крепком браке. Кшиштоф — это символ, легенда, памятник. Если ты не плачешь, как ребенок, когда слушаешь его старые вещи, ты не поляк, вот что я скажу!

КАРИНА. Фази, а ты тоже из Польши уезжал?

ФАЗИ. Боже, сколько лет я плиточником проработал в Германии, напевая его песни. Да я благодаря ему решил сюда вернуться. Семью завел, в рэкрете сделал карьеру. Если бы не он, не знаю, кем бы я был сейчас. Без него страна была бы другой. Понятно, что хуже.

На минуту все задумались.

ФАЗИ (*Карине*). А чего ты вообще про Кравчика спросила?

КАРИНА показывает на гору виниловых обломков.

КАРИНА. Я все поломала.

ФАЗИ наклоняется и берет один из обломков.

ФАЗИ. Это же пластинка Кравчика.

КАРИНА (*смеется*). И остальные тоже.

ФАЗИ (*указывает на Богуся*). Ты, овца рябая, теперь я не смогу его убить! (*Подает знак Гжесю.*)

ГЖЕСЬ тычет носком ботинка в лежащего на полу **БОГУСЯ**.

ФАЗИ. Эй, пацан, вставай.

БОГУСЬ медленно поднимается, сначала на колени, потом встает.

ФАЗИ. Ты чё, фанат Кравчика?

БОГУСЬ (*вяло кивает*). Еще какой.

ФАЗИ. Я не могу тебя убить — такие у меня принципы. Но не думай, что это тебя спасет. Эта debilka с университетским дипломом проследит, чтоб ты принес нам бабки.

БОГУСЬ. У меня нет двадцати тысяч.

ГЖЕСЬ. Фази, я понимаю, ты не можешь его убить. Давай я его убью. А? Позвони во Вроцлав, пусть пришлют тачку, мы все сделаем по-нашему и потом смоемся.

ФАЗИ (*качает головой*). Нет, мы все сделаем по-католически. Может, он что-нибудь соберет до утра. И я еще город хотел посмотреть. Говорят, тут центр ничего.

ГЖЕСЬ. Шутишь...

ФАЗИ. Я? Ты чё, спешишь? По своему столу в конторе соскучился? Ты на работе, за все платит фирма.

ГЖЕСЬ. Я был в центре. Сегодня, с Кариной. Жаль время терять. Полцентра снесли и нахерачили многоэтажек. Полное уродство.

ФАЗИ. Гжесь, это воссоединенные земли. Мы должны ими гордиться.

ГЖЕСЬ. Я ими горжусь...

ФАЗИ (*встает, поворачивается к Богусю*). Слышь, я всегда могу приказать тебя убить. Но не хочу. У Кшисека так мало настоящих фанов. (*Поворачивается к Карине, которой давно уже нечего ломать.*) На фига ты их поломала. Без мозгов... «То, что мир нам дал, все забрал круговорот. Счастье, радость украл, оставив массу забот».

КАРИНА (*Богусю*). Звони, если что...

Бандиты уходят. БОГУСЬ идет в свою комнату — там все перерыто. Вещи, лежавшие на полках, и сорванный со стены плакат «The Clash» валяются на полу. БОГУСЬ идет к выходу из квартиры, захлопывает за собой дверь. Слышно, как он сбегает вниз по ступенькам.

Сцена девятая — ПЕРЕД ДОМОМ. ДЕНЬ

На тротуаре ЭМИЛЬ в инвалидной коляске. Бандиты, выйдя из подъезда, опрокидывают коляску и уходят. БОГУСЬ выбегает из подъезда на улицу. Видит ЭМИЛЯ.

ЭМИЛЬ. Богусь!

БОГУСЬ. Чего?

ЭМИЛЬ. Я здесь.

БОГУСЬ. Ну и что?

ЭМИЛЬ. Я готов. Я хочу бороться. Я хочу, чтобы произошла революция.

БОГУСЬ поворачивается и идет обратно к подъезду.

ЭМИЛЬ. Эй, не бросай меня. Я с работы ушел, чтоб к тебе присоединиться. У меня теперь нет выбора, я должен бороться!

БОГУСЬ (*останавливается*). Думаешь, мне нужен инвалид? И речи быть не может. Возвращайся на стоянку.

ЭМИЛЬ. Я тебе пригожусь. Я разбираюсь в законах.

БОГУСЬ (*колеблется*). Да отвали ты.

ЭМИЛЬ. Я знаю весь Уголовный кодекс. Я тебя от чего хочешь отмажу.

БОГУСЬ. Весь? Параграф сто сорок восемь?

ЭМИЛЬ. Убийство, срок от двадцати пяти лет до пожизненного включительно.

БОГУСЬ. Правда, весь?

ЭМИЛЬ. Правда.

БОГУСЬ. А сколько за избиение?

ЭМИЛЬ. С ограблением?

БОГУСЬ. Ну.

ЭМИЛЬ. С ограблением — десятка, статья двести десять. Все зависит от суммы и что там было раньше.

БОГУСЬ. Целая жизнь. (*Подходит к коляске, поднимает ее вместе с Эмилем, ставит в нормальное положение.*) Только не думай...

ЭМИЛЬ. Этот бугай и телка... (*Показывает разбитые руки.*) Я расшибся. Не смогу крутить колеса. (*Показывает направление.*)

БОГУСЬ (*начинает толкать коляску по улице, останавливается*). Ну и что?

ЭМИЛЬ. Отвези меня домой.

БОГУСЬ. Ты чё, больной на голову?

ЭМИЛЬ. А что? Разве я к тебе не присоединился? Разве мы не вместе?

БОГУСЬ. Что за «мы»? Какие «мы»? (*Пауза.*) Ты где живешь?

ЭМИЛЬ. На Карконошской.

БОГУСЬ. Чё, дальше не мог? (*Надевает капюшон на голову.*) Блин, что за погода! (*Толкает коляску.*)

Сцена десятая — В КВАРТИРЕ МОНИКИ. ДЕНЬ

Двухкомнатная квартира ЭМИЛЯ и МОНИКИ. Обстановка бедная, но везде чистота. На кухне у стола сидит ЭМИЛЬ в инвалидной коляске, рядом стоит БОГУСЬ. Входит МОНИКА. На ней спортивный костюм из синтетики, такой же, как у ЭМИЛЯ, только другого цвета.

ЭМИЛЬ. Привет! Это мой друг Богусь.

МОНИКА. Привет. Моника.

БОГУСЬ. Богуслав.

МОНИКА. Что случилось?

ЭМИЛЬ. Меня сбили, а Богусь привез меня домой.

МОНИКА. Пообедаешь с нами?

БОГУСЬ. С удовольствием.

МОНИКА. Ну тогда садись. Садись, Богуслав.

БОГУСЬ. Богусь. (*Садится.*)

МОНИКА. Богусь.

БОГУСЬ. А ты?

МОНИКА. Я? Я уже ела. И потом у нас не так много стульев. Они мешают Эмилю ездить по дому. (*Наливает суп, отрезает и кладет в тарелки большие куски колбасы.*)

ЭМИЛЬ. Я ушел со стоянки и присоединился к Богусю.

МОНИКА. Но я же тебя целых три месяца туда устраивала! Ладно, ешьте, я им завтра позвоню.

ЭМИЛЬ. Ну почему никогда не бывает так, как я хочу. Ты обязательно должна влезть!

МОНИКА. Я только хочу сказать, Эмиль, что тебе с твоим характером сложно будет найти новую работу.

ЭМИЛЬ. Ты не понимаешь! Я присоединился к Богусю! Да я получше работу себе найду. Господи! Тебе больше не придется подписывать липовые договора. Богусь объяснил мне, что нельзя быть пассивным. И я не буду! (*Богусю.*) У Моника маленькая зарплата, хотя обещали

большую. Я этим займусь, когда стану юристом, я всех этих сволочей выведу на чистую воду.

МОНИКА. Ты дома суп ешь, Богусь?

БОГУСЬ. Иногда.

МОНИКА. Я каждый день готовлю Эмилю суп.

ЭМИЛЬ. Обожаю супы!

БОГУСЬ. И каждый день с колбасой?

ЭМИЛЬ. Обожаю колбасу!

МОНИКА. Тогда я принесу еще. *(Улыбается и выходит из кухни.)*

БОГУСЬ *(явно под впечатлением от знакомства)*. Это твоя сестра?

ЭМИЛЬ *(кивает.)* Лучше Моники никого нет. Она работает у мясника. Знает все виды колбас. Если ее когда-нибудь уволят, сможет устроиться в любой мясной магазин. Сейчас везде нужны специалисты.

МОНИКА приносит колбасу, режет, наливает суп себе и начинает есть.

ЭМИЛЬ. Я как раз рассказывал Богусю, что ты работаешь у мясника.

МОНИКА смущенно улыбается.

ЭМИЛЬ. Моника шприцует колбасы. *(Показывает на колбасу в своей тарелке.)* Это ее рук дело. *(Показывает на колбасу в тарелке Богуся.)* И это тоже.

МОНИКА. Тебе нравится дело моих рук, Богусь?

БОГУСЬ кивает.

ЭМИЛЬ. Ага, нравится колбаска, Богусь?

БОГУСЬ. Очень.

МОНИКА. А ты, Богусь, чем занимаешься?

БОГУСЬ закашливается.

ЭМИЛЬ. Богусь — революционер. Он забил на все. Хочет бороться за справедливость, потому что больше не может терпеть — он не собирается ждать, как остальные.

МОНИКА. Это очень интересно, расскажи, Богусь.

ЭМИЛЬ. У Богуся большие планы. Он жутко смелый. Не испугался страшных бандитов — тех, что перевернули мою коляску. Богусь не сдастся, он будет бороться до конца! Поэтому я с ним. И ты, Моника, к нам присоединяйся.

МОНИКА. Может, дашь Богусю самому рассказать?

БОГУСЬ. Нечего рассказывать. Это тебе не работа у мясника. Этим сыт не будешь.

Пауза. ЭМИЛЬ, улыбнувшись МОНИКЕ, разворачивает коляску и уезжает в свою комнату.

БОГУСЬ. Но мне кажется... я уверен, что это очень важно, это несет в себе духовные ценности. Ну, например, помогает сохранить...

МОНИКА. Богусь, ты о чем?

БОГУСЬ смотрит на МОНИКУ с удивлением.

МОНИКА. У Эмиля почти нет знакомых. Если ты считаешь его использовать, лучше уходи. Прямо сейчас. *(Встает из-за стола и садится на диван.)* Так это ты — тот гад со стоянки.

БОГУСЬ. Он тебе рассказал, да? У меня к нему нет претензий — я знаю, у него не было другого выхода, но, может быть, он не все рассказал.

Из комнаты ЭМИЛЯ доносится музыка «техно». БОГУСЬ встает из-за стола.

БОГУСЬ. Я — неплохой. Только меня затрахала... добила вся эта хрень вокруг. Всем на все наплевать, потому что все можно купить. И что — на это надо жизнь положить? Да эта херня ногтя ломаного не стоит.

МОНИКА молчит. БОГУСЬ садится с ней рядом.

БОГУСЬ. Я — неплохой.

МОНИКА. Откуда мне знать. Я тебя не знаю. Может, ты и революционер, а может, самый обычный бандюк.

БОГУСЬ. Я не бандюк. Я разбиваю машины и телефонные будки, но только затем, чтоб погасить огонь, который меня сжигает. Сегодня я разбил витрину магазина, где одежду продают. Дорогие женские шмётки. Там одно только платье стоит три зарплаты моей матери. Труба. Я не мог удержаться. А ты бы хотела такое платье?

МОНИКА. У меня никогда такого не было.

БОГУСЬ. Давай куда-нибудь сходим?

МОНИКА (улыбается). Ах ты шустрый какой!

БОГУСЬ. Мне просто хочется, чтобы ты послушала, что я обо всем этом думаю.

МОНИКА. Может быть.

БОГУСЬ. Сегодня? Когда?

МОНИКА. Тогда. (Смеется.)

БОГУСЬ. Во сколько?

МОНИКА. Во столько.

БОГУСЬ. Во сколько?!

МОНИКА. Нет.

БОГУСЬ. Чего «нет» — сегодня встречаемся.

МОНИКА. Нет, я пошутила. Не хочу я с тобой встречаться. Ты... (Богусь опускает глаза.) Не такой... ну, я не знаю. У ребят-мясников нет татуировок. То есть некоторые говорят, что у них есть, там, ну, сам знаешь где...

БОГУСЬ. Где?

МОНИКА. На члене... но это они только прикалываются, чтобы больше понравиться. Девчонки на это клюют. А ты не прикалываешься — у тебя все на лбу написано. А то, что говоришь, даже интересно.

БОГУСЬ. Да пошла ты.

МОНИКА. Ладно, если хочешь, давай встретимся.

БОГУСЬ молчит.

МОНИКА. Ты симпатичный. Очень симпатичный.

БОГУСЬ. Музыка офигенная.

МОНИКА. Тебе нравится? Не прикалываешься? Серьезно? Я тебе запишу. У Эмилия на той неделе был день рождения, я ему записала.

БОГУСЬ молчит.

МОНИКА. Где ты хочешь, чтоб мы встретились? Ну, говори — где?

БОГУСЬ. На горке, за домами.

МОНИКА. Никогда не была. Классно там?

БОГУСЬ. Оттуда весь микрорайон виден.

МОНИКА. Супер. Во сколько?

БОГУСЬ. Вечером. В шесть.

МОНИКА (*кивает, улыбается*). Вот видишь, у нас что-то начинает получаться.

Сцена одиннадцатая — В КВАРТИРЕ БОГУСЯ. ДЕНЬ

В комнате ИРЕНА. БОГУСЬ и ИРЕНА собирают обломки пластинок Кравчика.

ИРЕНА (*со слезами на глазах*). Я собирала их 25 лет.

БОГУСЬ. Ма, это еще не самое худшее. Самый мелкий из них сказал, что, если я не принесу бабки, они меня грохнут.

ИРЕНА. Двадцать тысяч — огромные деньги, а у меня ничего нет.

БОГУСЬ. Ма, я бы у тебя и так не взял ни гроша.

ИРЕНА. Но если это может тебя спасти, я поспрашиваю у знакомых.

БОГУСЬ. Ма, да я выкручусь.

ИРЕНА. Как?

БОГУСЬ. У меня есть план, поверь.

ИРЕНА. Это все из-за того, что ты как бешеный. Никак не научишься держать себя в руках.

БОГУСЬ. Мама, я их ненавижу. Им совсем немного осталось, чтоб окончательно скурвиться.

ИРЕНА. Сынок, я тоже была молодой. Одеядло на чердаке, первый альбом «Два плюс один», и чувствовала я то же самое. Я знаю, как легко сейчас превратиться в какое-нибудь чмо в костюме. Не успеешь оглянуться, как пересташь быть самим собой.

БОГУСЬ. Мам, я всегда буду самим собой. Клянусь. Никогда сукой не стану.

ИРЕНА (*смотрит на обломки пластинок*). Я хочу, чтоб ты знал: я не боюсь бандитов. Я-то смогу дать им отпор. Со мной в жизни и не такое бывало. Твой отец ушел, потому что пил и устраивал нам адскую жизнь. А ты, конечно, очень задиристый, но человеком станешь, не сомневаюсь. Я столько лет справлялась со всем одна — всю жизнь боролась. Если надо будет, и сейчас повоюю.

БОГУСЬ. Мам, я сам должен с этим разобраться. Даю тебе слово — я их всех сделаю.

ИРЕНА. Смелые слова, малыш. Они напоминают мне о первой встрече с Кшисеком, которая перевернула мою жизнь. Это было весной 80-го года, я тогда техникум заканчивала. Кшисек давал два концерта в Гливице. День был необыкновенный — в воздухе висело ожидание чуда. После концерта я обманула охранников и через задний вход пробралась в гостиницу, где ночевал Кшисек перед тем, как вернуться в Варшаву. Я не собиралась с ним спать, ничего такого, я же не шлюха какая-то. Хотела только сказать ему пару слов, ну, понимаешь, поговорить с кумиром. И вот я ходила, ходила по гостинице. Я знала: если меня заметит кто-нибудь из персонала, меня тут же выставят. Бродила по коридорам в надежде, что мне повезет, молилась, чтоб его встретить. Кто я тогда была? Соплячка, которой попадались только чмошники, козлы и придурки. Меня мучила одна мысль, один вопрос — «как

жить»? И я знала, что только настоящий мужчина — такой, как Кшиштоф, — знает ответ на этот вопрос. Прошло несколько часов, я шаталась по гостинице, а его все не было. Я стала терять надежду. Думала, все уже. Пора выметаться из гостиницы и ночным поездом ехать домой. Ходила туда-сюда, повторяя про себя слова его песен, и вдруг на седьмом этаже, когда я пела «Я уже иду» — да, именно на этих словах, — увидела его: он шел ко мне! Это было настоящее чудо... Он шел от двери к двери, держась за стены — наверное, дико устал после концерта. Я подошла к нему, посмотрела прямо в глаза и спросила: «Как жить?» А он остановился, сел, как-то странно, очень внимательно на меня посмотрел и сказал... «Живи так, будто каждый день — последний. И даже если тяжек груз судьбы, иди, иди вперед — и с песней».

Кшиштоф Кравчик с грохотом падает на пол. Ирена провожает его взглядом.

Снова квартира БОГУСЯ. ИРЕНА докуривает очередную сигарету.

ИРЕНА. Он знал! Мы расстались утром. Он обещал, что никогда меня не забудет.

БОГУСЬ (*внимательно смотрит на мать*). Ма, а может, я внебрачный сын Кшиштофа Кравчика?

ИРЕНА. К сожалению, сынок, ты брачный сын своего отца-козла.

БОГУСЬ. Ма, а когда был тот концерт? Я в сентябре родился. Может, на Новый год?

Сцена двенадцатая — ЗАБРОШЕННЫЙ СКЛАД. ДЕНЬ

Заброшенный склад на окраине города. КАРИНА открывает ржавую дверь и заталкивает БОГУСЯ внутрь. Помещение освещено лучами солнца, пробивающимися через дырявую крышу. ГЖЕСЬ и ФАЗИ лупят

ногами и бейсбольными битами ползающего на четвереньках парня в изорванном, запачканном кровью пиджаке. В стороне валяется опрокинутый стул. КАРИНА толкает БОГУСЯ.

ФАЗИ. Деньги принес? (*Замахивается для нового удара.*)

КАРИНА и БОГУСЬ подходят к остальным.

ГЖЕСЬ. Подожди, Фази.

ФАЗИ замечает пришедших, останавливается. КАРИНА достает из кармана пакетики с «травой» и бросает их на цементный пол.

КАРИНА. Этот урод наркодилером заделался. Я заметила его, когда он у школы вот этим торговал. А мусора в тачке сидели и наблюдали, как у него торговля идет. Я его сразу за шкварник и сюда. Этот придурок должен нам бабки отдать, а не зарабатывать себе на тюрягу. (*Богусю.*) Они меня за свою приняли. Знай, у ментов на тебя зуб нехилый.

ФАЗИ (*бейсбольной битой показывает на разбросанные пакетики*). Так вот как ты хотел нам деньги отдать. Да?

БОГУСЬ молчит. ФАЗИ поднимает ногу и несколько раз сильно бьет окровавленного парня.

ФАЗИ. Так ты хотел деньги нам отдать, так, козлина?!

БОГУСЬ (*испуганно*). Я не буду больше, клянусь.

ФАЗИ. Я тоже думаю, что не будешь, козел! Надеюсь, понял?! (*Последний раз бьет тяжелым ботинком лежащего.*)

БОГУСЬ. У меня был классный план... а как по-другому заработать столько бабок за двадцать четыре часа?

ГЖЕСЬ (*смотрит на часы*). Четырнадцать. До семи утра у тебя осталось четырнадцать часов.

БОГУСЬ. До семи утра?!

ГЖЕСЬ. В семь мы уезжаем из этого Мухосранска.

ФАЗИ (*Богусю*). Где тебе удобно?

БОГУСЬ. Что?

ФАЗИ. Где тебе удобно встретиться?

БОГУСЬ. У «Космоса». К нему можно на машине подъехать.

ФАЗИ смотрит на ГЖЕСЯ, тот утвердительно кивает.

ФАЗИ (*поворачивается к Богусю, поднимает биту*). В семь. Попробуй не прийти — тогда с тобой доктор Айболит будет разговаривать, урод.

БОГУСЬ. Я приду, честно.

ФАЗИ (*смотрит на свои ботинки*). Бля, ботинки мне испортил. Новые, из телячьей кожи. Дочка подарила, а он их изуродовал, дебил.

ГЖЕСЬ. Богусь, ты «Канун весны» читал?

БОГУСЬ отрицательно качает головой.

КАРИНА. Я читала. А что?

ГЖЕСЬ. Да на заочном сказали написать про «Канун весны», то есть про чё там.

ФАЗИ. Я тоже читал. Написал этот, как его там... Жи-мерский¹.

ГЖЕСЬ. Ну тогда расскажи. Только в двух-трех предложениях, чтоб я запомнил.

ФАЗИ. Ну, короче, кент один приехал из Зажопинска. И думает, все в кайф, потому что предок ему сказал, что в кайф. Приезжает он, а тут полный отстой, да еще и папик ласты откинул. Ну и, короче, кента колбасит, колбасит страниц триста, и в конце его так все запарило, что он идет и вламывает пиздюлей мусорам.

ГЖЕСЬ. А что он в середине делает?

ФАЗИ. Где?

¹ Автор романа «Канун весны» (1924) — известный польский писатель Стефан Жеромский. (*Здесь и далее — прим. переводчиков.*)

ГЖЕСЬ. Ну, там же целых триста страниц.

ФАЗИ. Не помню, наверное, дома кантуется. Эй ты, бабло давай! (*Ударяет ногой неподвижно лежащего парня.*)

Сцена тринадцатая — В КВАРТИРЕ ВИКТОРА. ДЕНЬ

На загаженной кухне ВИКТОР снимает с плиты чайник и заваривает в двух стаканах чай из пакетиков. БОГУСЬ сидит за столом.

БОГУСЬ. Помоги мне, сделай что-нибудь.

ВИКТОР. Ничего я не буду делать.

БОГУСЬ. Ничего?

ВИКТОР. Да, ничего.

БОГУСЬ. Ты что, не поможешь мне? Я в полной жопе, да еще эти мудаки поломали все материны пластинки!

ВИКТОР (*смеется*). Да, уж если они решились поднять руку на пластинки Кшиштофа Кравчика, ситуация действительно серьезная.

БОГУСЬ. Не смешно. Мать начала собирать их, когда техникум заканчивала. Кравчик — смысл ее жизни.

ВИКТОР. Прости, это и впрямь грустно.

БОГУСЬ. Но не только у них на меня зуб. У нашего ксендза тоже.

ВИКТОР. По той же причине?

БОГУСЬ. Я его «полонез» превратил в кучу металлолома.

ВИКТОР. Господи, ну и как я могу тебе помочь? Ограбить банк? (*БОГУСЬ молчит.*) У тебя хоть сколько-нибудь денег есть?

БОГУСЬ. Я же говорю, что нет.

ВИКТОР. И даже мелочи нет? Поищи в карманах. Мне надо выпить.

БОГУСЬ. А, ты об этом... Есть кое-что. (*Пауза.*) Я пару недель торговал «травой» у школы. Немного собрал. На-

колку себе сделал на них, и еще чуть-чуть осталось. Но я больше не хочу продавать «траву». Вообще. Хочу заняться чем-то настоящим.

ВИКТОР. Мне кажется, дерьмо, в которое ты вляпался, самое что ни на есть настоящее.

БОГУСЬ. Да я не об этом. Я хочу правды. Хочу, чтобы ты помог мне ее найти.

ВИКТОР. Вернись в костел.

БОГУСЬ. Нет смысла. Я пять лет был служкой, пять лет проповеди слушал. Наизусть их выучил. Все пустые.

ВИКТОР. Почему я?

БОГУСЬ. Ты — мой учитель. Ты знаешь ответы на все вопросы.

ВИКТОР *(смеется)*. Бля, мне сегодня необходимо выпить. Дай денег. *(Шумно отхлебывает большой глоток чая.)*

БОГУСЬ. Покажи мне правду.

ВИКТОР. Правды захотелось? А ты посмотри вокруг — увидишь, как живут люди в этом районе, как живете вы с матерью. Не хочешь быть пассивным, говоришь? — а что ты делаешь? Через пару лет станешь уголовником, и тебя загребнут.

БОГУСЬ. Ну а что мне делать?

ВИКТОР. Понять, кто ты есть.

БОГУСЬ. Я знаю, кто я.

ВИКТОР. Да? А по-моему, ты только играешь роль, которую тебе дали. И играешь так же плохо, как эти клоуны в телевизоре, которых ты так ненавидишь.

БОГУСЬ. Хрена два, я борюсь.

ВИКТОР. А-а. А я думал, просто шатаешься по району и гробишь чужие машины.

БОГУСЬ. Мне это помогает.

ВИКТОР. Кончай по ушам мне ездить. Я знаю, ты не уголовник. Притормози, расслабься, утомись. Попробуй покопаться в себе, в своем нутре. Разберись, кто ты, чего хочешь, что собираешься делать.

БОГУСЬ. Откуда я это узнаю?

ВИКТОР. Из книг. В книгах есть ответы на все вопросы.

БОГУСЬ. А комиксов не хватит? Или журналов с по-ревом?

ВИКТОР. Когда поймешь, кто ты, кто ты на самом деле и чего хочешь, найдутся и люди, такие же, как ты, узнаешь, сколько таких было в прошлом, что они делали и что из этого вышло. Это бесценное знание. Ну? Ты по-прежнему считаешь меня своим учителем? *(Жадно допивает чай, трет виски и затылок.)*

БОГУСЬ роется в карманах, достает и кладет на столе горсть монет и несколько купюр. **ВИКТОР** ловким движением алкоголика сгребает деньги со стола, идет в коридор и надевает плащ. **БОГУСЬ** не двигается с места.

Сцена четырнадцатая — В ПИВНОМ БАРЕ

Пивной бар. За стойкой стоит **ХЕЛЕНКА**. К ней подходит **ВИКТОР**, за ним **БОГУСЬ**.

ВИКТОР. Добрый день, пани Хеленка. Два больших.

ХЕЛЕНКА. Пан Виктор. Кемпинский...

ВИКТОР. Он был здесь? Ёшкин кот...

ХЕЛЕНКА. Он запретил мне, сказал...

ВИКТОР. Пани Хеленка, да он же коновал. Я к нему больше не хожу, а он приходит и отыгрывается. Только два — по одному мне и парню.

ХЕЛЕНКА. Два. Под вашу ответственность.

ВИКТОР кивает. **ХЕЛЕНКА** наливает две большие кружки.

ВИКТОР. Вы Енджейчика не видели?

ХЕЛЕНКА качает головой.

ВИКТОР. Вот гад, он мне столярник должен, а я никак его не изловлю.

БОГУСЬ и ВИКТОР садятся за стол недалеко от стойки.

ВИКТОР. Мой бывший врач ходит сюда и мне гадит. Надо менять бар.

БОГУСЬ. Где ты сейчас работаешь?

ВИКТОР. Постоянно — нигде. На стройке подрабатываю. Нехилый рост в карьере, а?

БОГУСЬ. А еще насчет книг. Без чтения это все нельзя узнать?

ВИКТОР большими глотками пьет пиво.

БОГУСЬ. Я ведь читал-то в принципе немного. И понятия не имею, с чего начать.

ВИКТОР отодвигает кружку.

ВИКТОР. «Когда в плену тебе приставят к горлу нож, в глаза взглянуть прикажут смерти гордой, про что забудешь ты решительно и твердо?»

БОГУСЬ молчит.

ВИКТОР. Про что? Я задал тебе вопрос.

БОГУСЬ. Это же стих.

ВИКТОР. Да, но я тебе задал вопрос, отвечай.

БОГУСЬ. Откуда я знаю, про что — это просто стихотворение, я его толком даже не понял.

ВИКТОР. Про дрожь, про дрожь забудешь. Сконцентрируйся.

БОГУСЬ смотрит на ВИКТОРА.

ВИКТОР. «Когда упадет твое тело брненное и сердце станет прахом, что тебе нужно, чтоб умереть без страха?»

БОГУСЬ (*смеется*). Не знаю, бля. Надо, чтоб в рифму было?

ВИКТОР. Надо, чтоб ты не был таким тупицей, думай!!

БОГУСЬ. Ну и что?

ВИКТОР. Презрение.

БОГУСЬ. Откуда мне знать — я в поэзии не разбираюсь.

ВИКТОР. Еще одна строфа.

БОГУСЬ. Нет.

ВИКТОР. Последняя. (*Глотнув еще пива.*) «Что нужно, чтоб воскреснуть вновь, когда рассеют твои кости белые и вспомнятся твои поступки смелые?»

БОГУСЬ. Любовь.

ВИКТОР. Откуда ты знаешь?

БОГУСЬ. Подходило по смыслу. Кто это написал?

ВИКТОР. Броневский. Владислав Броневский. Ты когда-нибудь о нем слышал?

БОГУСЬ. Да, он написал «До-о-ожди-и-и бе-е-еспокойные-е-е».

ВИКТОР допивает свое пиво.

БОГУСЬ. Шучу. Знаю я его, в школе проходили. Отстой.

ВИКТОР. Ты знаешь только то, что вы проходили. Броневский — великий поэт. Единственный мужик среди польских поэтов XX века. Остальные — просто онанисты.

БОГУСЬ. Так он же коммунякой был. Вроде партию прославлял. Это же трубень просто.

ВИКТОР. Да, он заблуждался, ошибался, как любой мужик. Но и боролся как настоящий мужик. И за свои ошибки заплатил сполна. Ошибался, бросал вызов, пил и боролся. Он жил. А посмотри на себя — разве ты живешь?

Разве это жизнь? А ты знаешь, что в этой стране есть места, где нет многоэтажек? Можешь себе это представить? Ты когда-нибудь видел дом, обыкновенный небольшой дом? Четыре стены, второй этаж, труба. Видел такой дом, придурок? А ты когда-нибудь терял дом? (*Немного помолчав.*) А я потерял...

БОГУСЬ. Нечего меня оскорблять.

ВИКТОР. Прости, Богусь. Я только хотел сказать, что где-то есть другой мир, другая жизнь. Когда-нибудь ты и сам в этом убедишься. Главное, чтоб не было поздно... Будешь еще? (*Смотрит на почти полную кружку Богуся, идет к стойке, что-то говорит Хеленке — та отрицательно мотает головой — и возвращается к столу.*) Ну что, будешь?

БОГУСЬ. Мне не нравится.

ВИКТОР (*берет кружку Богуся и мигом ее опустошает*). Пойду еще одно возьму. (*Берет кружки и несет к стойке.*) Пани Хеленка, еще два. Для паренька.

ХЕЛЕНКА. Я все видела, пан Виктор, вы сами все выпили.

ВИКТОР. А сейчас он выпьет, ну. Он немного стесняется, вот я ему и показал.

ХЕЛЕНКА. Кемпинский...

ВИКТОР. Да пошел он на хрен, мясник этот... Еще два, пожалуйста.

ХЕЛЕНКА. Не могу. А если что-нибудь случится...

ВИКТОР. Ничего не... Ну что может случиться, пани Хеленка? Еще два. Мне и парню.

ХЕЛЕНКА. Не знаю...

ВИКТОР. Два пива. Быстро!

ХЕЛЕНКА колеблется, но все-таки наливает две кружки.

ВИКТОР (*платит и идет к Богусю*). Вот зануда. Выпьешь?

БОГУСЬ (*мотаёт головой*). Я должен быть трезвым. Я — революционер.

ВИКТОР. Ну и слава богу. (*Выпивает залпом пиво и наклоняется к Богусю.*) Смелость, Богусь, презрение и любовь — всегда помни о них, этим руководствуйся. Будь смелым — борись, презирай — презирай от всей души эту мразь, люби — потому что только тогда жизнь имеет смысл. Найди себе женщину, Богусь, найди ее и люби. Люби своих друзей, люби жизнь. Живи, Богусь, не будь дохляком, живи. (*Хватает Богуся за руку, трясет ее, отпускает и берет вторую кружку.*) «День пламени, воздуха, слов, день войны, великой ночью рожденный. К нему призываю, как древний пророк, я — поэт с душою освобожденной». (*Выпивает пиво Богуся и отодвигает пустую кружку.*) «Горе вам, дома, что неба касаетесь! Вы забыли про Вавилон. Страшный день из ночи рождается. Будет голод, пожар и мор». (*Поднимает глаза на Богуся.*) Богусь, ты веришь в Апокалипсис? Мне кажется, он наступает. (*Бросает взгляд в сторону стойки.*) Мне запрещают пить, скоты, запрещают мне пить. Завтра запретят дышать, послезавтра — драть. (*Встает, берет со стола кружки.*) Я еще возьму, скажу, для тебя. Ты же еще ничего не пил. (*Громко.*) Пани Хеленка! Дорогая, родная! Два больших, пожалуйста!

ХЕЛЕНКА. Нет, всё.

ВИКТОР встает, направляется к стойке. Делает несколько шагов, останавливается и внезапно сгибается: его рвет. Кружки падают из рук и с громким звоном разбиваются. БОГУСЬ вскакивает. ВИКТОР кашляет и задыхается. Делает шаг, на втором поскальзывается и падает в лужу собственной блевотины. БОГУСЬ подбегает к нему. Из-за стойки выскакивает ХЕЛЕНКА.

ХЕЛЕНКА. Твою мать, пол мне загадил! (*Богусю.*) А ну, блин, убирай этого козла отсюда!

БОГУСЬ (*хватает Виктора за плащ и пробует поднять*). Виктор, что с тобой?

ХЕЛЕНКА. Я же говорила, чтоб не пил!!! Ему нельзя пить! Нельзя сюда приходить! Убирайтесь отсюда, бля! Пошли вон!

БОГУСЬ. Виктор, что с тобой? Ты можешь встать? Все нормально, Виктор?

ВИКТОР кивает, показывая, что с ним все в порядке. БОГУСЬ помогает ему встать.

ВИКТОР (*выпрямившись*). У меня идея. Поехали к моей бывшей жене. Может, она даст мне еще один шанс и одолжит пару злотых...

Сцена пятнадцатая — ПЕРЕД ДВЕРЬЮ В ДОМ МАРИАННЫ. ДЕНЬ

Пригород. БОГУСЬ и ВИКТОР стоят перед домом МАРИАННЫ. ВИКТОР жмет на звонок, МАРИАННА открывает дверь.

МАРИАННА. Чего надо?

ВИКТОР. Не очень-то любезно ты меня встречаешь.

МАРИАННА. Другого ты не заслуживаешь. (*Закрывает дверь.*)

ВИКТОР (*успевает вставить в щель ногу*). Подожди, я хочу поговорить. (*Показывает на Богуся.*) Этому парню нужна помощь.

МАРИАННА (*смотрит на Богуся, видит его татуировку*). Пусть обратится к психиатру.

ВИКТОР. Мне нужно взять кое-что из моих вещей.

МАРИАННА. Я их выбросила.

ВИКТОР. Ты же не выбросила всё.

МАРИАННА. Выбросила!

ВИКТОР. Не верю, что ты выбросила пластинки Кравчика. Ты б не посмела. Я хочу забрать свои.

МАРИАННА. Только пластинки? Сейчас вынесу.

ВИКТОР. Тебе тяжело будет, коробка большая. Пусти меня.

МАРИАННА. Нет!

ВИКТОР. Мне только пластинки нужны, правда. Он — свидетель, это мой ученик.

МАРИАННА. Ты ведь уже не работаешь в школе, тебя уволили, алкаш.

ВИКТОР. Это мой бывший ученик, правда. Только пластинки.

МАРИАННА. Хорошо, ты их заберешь и забудешь сюда дорогу.

ВИКТОР кивает. **МАРИАННА** открывает дверь.

МАРИАННА. Один лишний шаг, и я вызываю полицию.

БОГУСЬ и **ВИКТОР** входят в большую комнату. **ВИКТОР** смотрит на лестницу, ведущую на второй этаж.

МАРИАННА. Сиди здесь! Ты сидишь здесь, понятно? *(Поднимается на второй этаж.)*

ВИКТОР обводит взглядом комнату, обставленную небрежно и безалаберно.

БОГУСЬ. Ты здесь жил? Ничего домишко.

ВИКТОР. Два года назад.

БОГУСЬ. Потолок гипсовый, классный.

ВИКТОР. Я сам делал.

БОГУСЬ. Заметно.

МАРИАННА спускается по лестнице с большой картонной коробкой.

ВИКТОР встает с дивана.

МАРИАННА. Даже не вздумай подходить.

ВИКТОР. Я помогу.

МАРИАННА. Не надо.

Старая коробка лопается. Виниловые пластинки, большие и маленькие, падают на ступеньки и на пол. МАРИАННА пытается как-то их удерживать, но коробка рвется окончательно. ВИКТОР делает несколько шагов навстречу МАРИАННЕ.

МАРИАННА. Я сказала тебе, гад, не приближайся.

ВИКТОР (*все-таки подходит*). Я хочу увидеть Лидку.

МАРИАННА. Да пошел ты.

ВИКТОР. Я имею право.

МАРИАННА. Не надо — ты сам от нее отказался.

ВИКТОР. Я ее два года не видел.

МАРИАННА. Я звоню в полицию.

ВИКТОР (*кричит*). Лидка!

МАРИАННА. Перестань!

ВИКТОР. Лидка! Лидка! Папа приехал!

МАРИАННА. Ты, скотина, вот посмотришь, я тебя точно посажу. Ты уже однажды ей устроил, мало тебе?

ВИКТОР. Я не виноват!

МАРИАННА. Виноват! Ты алкоголик!

ВИКТОР. Я тогда только два пива выпил. Два! Это с машиной что-то случилось!

МАРИАННА. Виноват, виноват. Никогда тебе этого не прощу!

ВИКТОР. Пожалуйста... Лидка! (*Идет к лестнице.*)

МАРИАННА преграждает ему путь.

Сцена шестнадцатая — В КВАРТИРЕ ВИКТОРА. ВЕЧЕР

ВИКТОР сидит в своей комнате на диване, вменяемый, но какой-то помятый, пьет чай. Рядом с ним сидит БОГУСЬ. Затянувшись дешевой

сигаретой, ВИКТОР встает, вытаскивает один ящик из «стенки», ставит его себе на колени и начинает что-то в нем искать. Наконец достает несколько мятых купюр, расправляет их и пересчитывает.

ВИКТОР. Броневский. У него ответы на все вопросы. *(Поднимает с пола пластинки, которые он забрал у Марианны, и протягивает их Богусю.)* Понимаю, это не возместит в полной мере потерю целой коллекции, но все же передай их матери. Эти пластинки — единственное, что уцелело после краха моей супружеской жизни.

БОГУСЬ *(смотрит на пластинки)*. Ну и воняет же от них.

ВИКТОР. Им почти 30 лет.

БОГУСЬ. Эта на русском.

ВИКТОР *(качает головой)*. Нет, мы купили ее в Болгарии, во время нашего первого отпуска.

БОГУСЬ. Спасибо. *(Откладывает пластинки в сторону.)* Все полетело к чертям. *(Закрывает лицо руками, дрожит, кажется, сейчас расплачется.)*

ВИКТОР подходит к БОГУСЮ и прикладывает ладонь к его лбу, как будто измеряет температуру.

Сцена семнадцатая — ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ ЗА ДОМАМИ. ВЕЧЕР

БОГУСЬ сидит на вершине холма с томиком Броневского в руке. Замечает МОНИКУ, прячет книгу в карман. МОНИКА, улыбаясь, подходит к нему, садится рядом. На ней уже другой спортивный костюм, тоже из синтетики, но получше на вид.

БОГУСЬ *(рассматривает наряд Моника)*. У тебя уже был парень?

МОНИКА. А что?

БОГУСЬ. Ты когда-нибудь на свидания ходила?

МОНИКА. Да пошел ты!

БОГУСЬ (*хохочет*). И что, всегда спортивный костюм надевала?

МОНИКА. Иди ты! (*Встает, собираясь уйти.*)

БОГУСЬ (*преграждает ей путь*). Я только хочу понять, какая ты.

МОНИКА. Какая я? А ты какой? Кто ты такой, козел, чтоб меня оскорблять?

БОГУСЬ. Ты чё, пацанка, что ли? Может, ты из тех, у кого любимое развлечение — телевизор, а кандидат в мужья — офигенный чувак, похожий на Бреда Питта?.. Знаешь, что? Хрен с ним, с Бредом Питтом! Ты или точно одна из таких, или хотела меня обидеть, раз это на себя напялила.

МОНИКА. Ой, не могу — нашелся тут Бред Питт. На себя посмотри! Думаешь, ты крутой, раз весь лоб себе засрал? Да ты выглядишь как мелкий пидор, только пидоры наколки себе делают!

БОГУСЬ. Я не пидор. Я когда тебя увидел, у меня сразу встал.

МОНИКА останавливается.

МОНИКА. Ты всегда такое говоришь девчонкам на первом свидании? А может, это твое первое свидание, кретин? Вообще-то, ты очень романтичный, да? Так небось про себя думаешь? А теперь послушай, что я тебе скажу, — ни хрена ты не романтичный, ты — полный ноль! Ты понятия не имеешь, что значит иметь дом, работу. Ни одного дня в жизни не проработал и знать не знаешь, что такое бороться!

БОГУСЬ. Знаю. Это... Ладно, хочу узнать.

МОНИКА. Ну так узнавай у кого-нибудь другого, придурок.

БОГУСЬ. Но ты не можешь просто взять и уйти. Ты мне нравишься. Ты сексуальная, и у тебя свой стиль.

МОНИКА. Да иди ты на хрен!

БОГУСЬ. Подожди, я тебе прочитаю одну вещь. (*Достает из кармана подаренный ему Виктором томик Броневского, пытается открыть книгу на нужной странице, но закладка вылетает, он продолжает листать, нужное место найти не может, поэтому открывает первую попавшуюся страницу.*) «Когда придут, чтоб сжечь твой дом, / твой дом родной, твою отчизну, / когда обрушат залпов гром, дождем железным с неба брызнут / и подойдут стальной ордой, / чтоб ночью в дом ворваться твой, — / стой у дверей, не зная сна, на страже будь, здесь кровь нужна!»¹

МОНИКА. Что это было?

БОГУСЬ. Я тебя люблю.

МОНИКА смеется и поворачивается, чтобы уйти.

БОГУСЬ. Будешь моей девушкой?

Она уходит, но внезапно оборачивается, мгновение смотрит на БОГУСЯ и идет дальше.

БОГУСЬ. Ты будешь моей девушкой?!

Она молча уходит. БОГУСЬ смотрит ей вслед. Закрывает томик Броневского и со злостью отшвыривает его подальше.

Сцена восемнадцатая — КВАРТИРА БОГУСЯ. ВЕЧЕР

БОГУСЬ входит в квартиру. В комнате матери горит свет. Он идет по коридору и останавливается в дверях. ИРЕНА сидит на тахте и курит, держа в руке одну из пластинок, подаренных ВИКТОРОМ. Рядом стоит пепельница, полная окурков.

¹ Перевод М. Живова.

ИРЕНА (*поднимает глаза на Богуся*). Спасибо за пластинки.

БОГУСЬ. Не за что. Это от Виктора, моего учителя. Помнишь его?

ИРЕНА. Блин, а я и не знала, что Кшиштоф записал пластинку в Болгарии. Он действительно великий человек! (*Смотрит на Богуся*.) Ты хоть немного денег смог найти?

БОГУСЬ качает головой.

ИРЕНА. Я выгребла остатки со счета. Заняла, где могла. Набралось только две тысячи. Может, если ты им дашь эти две тысячи, они на какое-то время оставят тебя в покое?

БОГУСЬ. Ма, у меня другой план.

ИРЕНА. Ну?

БОГУСЬ. Только ты не злись, я все продумал. Для меня это главное дело на свете.

ИРЕНА. Ну, давай говори.

БОГУСЬ. У меня сегодня было свидание. Первый раз свидание с девушкой. Она красивая. Я хочу ей купить платье. У нее ни одного нет. А я увидел такое, которое ей точно подойдет. Да. Я должен это сделать.

ИРЕНА. А что потом?

БОГУСЬ. Я им не отдам деньги... не сегодня.

ИРЕНА. А если тебя убьют? Господи, я, наверное, от всего этого поседею... Хочешь, я пойду с тобой? Богусь, ты ведь думал о лицее. Это неплохая идея.

БОГУСЬ. Ма, ну закончу я его, ну стану такой как все. Ты этого хочешь?

ИРЕНА. Ты мне напоминаешь своего отца, когда он был молодым. В нем было столько энергии! За это я его и полюбила. К сожалению, вся энергия после свадьбы улетучилась. Я не хочу, чтобы ты повторил его судьбу. Если собираешься закончить так, как он, лучше не иди в лицей.

БОГУСЬ. Я рад, что ты это понимаешь, ма.

ИРЕНА. Я никогда еще не слышала Кравчика по-болгарски. Это должно быть... очень красиво. (*Подходит к проигрывателю, ставит пластинку.*)

Кравчик поет по-болгарски. ИРЕНА и БОГУСЬ слушают затаив дыхание.

Сцена девятнадцатая — В КВАРТИРЕ МОНИКИ. НОЧЬ

Еще темно, но скоро рассвет. МОНИКА открывает дверь своей квартиры. Она в ночной сорочке. На пороге БОГУСЬ с пакетом в руках.

БОГУСЬ. Привет. Можно?

МОНИКА. Если очень надо.

БОГУСЬ заходит. Они идут в комнату МОНИКИ.

БОГУСЬ (*протягивает Монике пакет*). Вот.

МОНИКА колеблется — брать или нет.

БОГУСЬ. Это подарок. Открой.

МОНИКА (*вынимает из пакета модное платье*). Я не хочу.

БОГУСЬ. Да ладно тебе.

МОНИКА (*в растерянности*). Я не могу.

БОГУСЬ. Я его купил. Купил для тебя.

МОНИКА. Зачем?

БОГУСЬ. Потому что я тебя люблю.

МОНИКА. Ты же меня совсем не знаешь.

БОГУСЬ. Все, что надо, знаю.

МОНИКА. И что мне теперь делать?

БОГУСЬ. Надень его.

МОНИКА открывает дверь шкафа и, спрячась за ней, переодевается. Выходит из-за двери. Платье ей очень идет. Она берет БОГУСЯ за руку и ведет к кровати. Они садятся рядом.

БОГУСЬ. Супер!

МОНИКА. Что ты обо мне знаешь?

БОГУСЬ. Что ты — язва.

МОНИКА. А еще?

БОГУСЬ. Что больно бьешь. Супы вкусные готовишь, колбасу.

МОНИКА. Хватит, заткнись.

Ему ничего больше в голову не приходит. Видно, как он мучается.

МОНИКА. Если хочешь, можешь лечь рядом. Только без рук.

БОГУСЬ поднимает руки вверх — сдается.

МОНИКА. Вообще без рук.

БОГУСЬ. Ладно.

МОНИКА ложится на кровать, БОГУСЬ — рядом. Оба лежат неподвижно, потом он берет ее за руку. Она вырывает руку, он снова берет, и на этот раз МОНИКА не сопротивляется.

Рассвет. БОГУСЬ и МОНИКА лежат рядом, как и раньше.

МОНИКА (*поворачивается к нему*). Как тебе?

БОГУСЬ. Классно.

МОНИКА. Все плохое прошло?

БОГУСЬ (*кивает*). Будешь моей девушкой?

МОНИКА. Если хочешь.

БОГУСЬ (*садится*). Будем вместе?

МОНИКА. Да.

БОГУСЬ. Сделай для меня одну вещь.

МОНИКА. Что?

БОГУСЬ. Сожги свой костюм.

МОНИКА (*смеется*). Я подумаю.

БОГУСЬ. Я уйду ненадолго. Надо кое-что доделать.

Сцена двадцатая — ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ ЗА ДОМАМИ. ДЕНЬ

БОГУСЬ стоит на валу. Подъезжает машина. Из нее выходят ФАЗИ, ГЖЕСЬ, КАРИНА, приближаются к БОГУСЮ.

ФАЗИ. Ну, привет, мелкий. Как дела?

ГЖЕСЬ. С головой все в порядке?

ФАЗИ дает знак КАРИНЕ.

КАРИНА (*подходит ближе*). Бабло давай.

БОГУСЬ. Да пошла ты.

КАРИНА сильно бьет его кулаком в грудь. Он сгибается вдвое.

КАРИНА. Я чего-то не расслышала. Тебе сказано: гони бабки.

БОГУСЬ. Отсоси.

КАРИНА бьет Богуса еще раз. Он падает.

КАРИНА. Слушай, пидор, если ты не принес бабки, ты покойник. (*Наклоняется над ним и шарит по карманам, затем поворачивается к Фазе и Гжесю.*) Пусто, бля. Этот мудила ни хера не принес.

ФАЗИ (*смотрит на часы*). Плевать на Кравчика. Можешь его замочить.

КАРИНА (*поворачивается к Богусю*). Ты, урод, бля. (*Начинает бить его ногами.*)

БОГУСЬ корчится от боли и стонет.

ГОЛОС ВИКТОРА. Эй, бандюки, а если со мной?!

КАРИНА меняется в лице. На вал с более крутой стороны поднимается
ВИКТОР, помятый, явно с похмелья.

ВИКТОР (*подходит к Карине и принимает боксерскую стойку*). Ну, давай.

ФАЗИ, ГЖЕСЬ и КАРИНА заливаются смехом. ФАЗИ лезет в карман,
достаёт мелкую монету и бросает её ВИКТОРУ.

ФАЗИ. На тебе на пиво, и вали отсюда.

БОГУСЬ (*поднимается на четвереньки*). Твоя мать сосет у кашалотов!

ВИКТОР (*Карине*). Твоя мать сосет у кашалотов!

БОГУСЬ. И у динозавров!

ВИКТОР. И у динозавров!

ФАЗИ. Замоchi гада. Замоchi обоих!

КАРИНА пытается ударить ВИКТОРА, но тот успевает увернуться и тут же отвечает ей ударом. КАРИНА корчится от боли.

ВИКТОР (*отскакивает, прыгает на месте*). Ну, иди сюда, иди, сука. (*Снова бьет и снова попадает.*)

КАРИНА шатается, из носа у нее льется кровь.

ВИКТОР. Впервые за долгое время чувствую себя мужиком!

К нему подбегают ФАЗИ и ГЖЕСЬ и начинают его бить. ВИКТОР сражается как лев, но быстро теряет силы.

ВИКТОР (*оглядывается на Богуся*). Беги, пацан, беги!

БОГУСЬ с трудом поднимается и сначала медленно, потом быстрее бежит в направлении, противоположном тому, откуда приехали бандиты.

ВИКТОР падает на траву. КАРИНА в это время приходит в себя.

ФАЗИ (*Карине*). Догони его и прикончи!

КАРИНА бежит за БОГУСЕМ. На холме ФАЗИ и ГЖЕСЬ продолжают руками и ногами бить лежащего на траве ВИКТОРА.

КАРИНА. Тебе конец. Конец, бля! Тебе некуда бежать!

Сцена двадцать первая — В РИЗНИЦЕ. ДЕНЬ

Ризница костела. Тишина, спокойствие. Ксендз ЭДМУНД сидит за столом и заполняет купоны лотереи. На газовой плите греется чайник.

Дверь с грохотом раскрывается. Влетает запыхавшийся БОГУСЬ.

ЭДМУНД. Добрый день! (*Поднимает голову.*) Что случилось?

БОГУСЬ. Мне нужна помощь. Пожалуйста...

ЭДМУНД (*встает из-за стола и подходит к Богусю*). Полиция?

Полиция?

БОГУСЬ отрицательно мотает головой.

ЭДМУНД. Если не они, справимся.

Входит КАРИНА и направляется к БОГУСЮ.

ЭДМУНД. Минуту, это мой гость. Зашел ко мне выпить кофе и пока никуда идти не собирается. Садись, я и тебя угощу.

КАРИНА. Спасибо, времени нет. (*Богусю*.) Ты, а ну выйдем.

ЭДМУНД. Я же сказал: он мой гость. И будет здесь сидеть и пить кофе столько, сколько ему захочется. Но кофе, уверяю тебя, отличнейший.

КАРИНА. Ты, мелкий, бегом вышел отсюда!

ЭДМУНД. Что? Повышаешь голос в храме Божьем? Может, дочь моя, это тебя стоит отсюда выставить?

КАРИНА. Извините, но этот... скунс... попортил чужую собственность и должен за это заплатить. Я этого так не оставлю. Не могу так оставить! Это будет плохой пример для остальных.

ЭДМУНД. Что он попортил?

КАРИНА. Что? «Лексус»! Новый!

ЭДМУНД. Мне он тоже разбил «полонез». Вообще-то, он отличный парень, только иногда на него находит. Он отработает.

КАРИНА. Не верьте ему — он врет. Он не держит слова. И должен за это ответить. Раз и навсегда. Я без него не уйду. И хватит мне зубы заговаривать, а то я перестану хорошо себя вести!

ЭДМУНД. Сколько вы от него хотите?

КАРИНА. Двадцать тысяч.

ЭДМУНД. Чего?

КАРИНА. Злотых.

ЭДМУНД подходит к железному шкафчику, встроенному в стену ризницы, достает из-под рясы ключ на цепочке, открывает верхнюю дверцу, достает плоскую соломенную корзиночку и ставит ее на стол.

ЭДМУНД. Минуту, сейчас разберемся. Это со вчерашней мессы. Я еще не успел посчитать. *(Вынимает из корзинки купюры и складывает их стопочкой.)*

Слышно, как к костелу подъезжает машина. В ризницу входят ФАЗИ и ГЖЕСЬ.

ФАЗИ. Здрасьте.

ЭДМУНД (*поднимает голову*). Мы ремонтируем костел, поэтому сейчас денег больше, чем обычно. (*Отдает Карине стопку банкнот.*) Здесь пять тысяч. (*Берет корзинку с мелочью.*) Карман раскрой.

КАРИНА. На фига мне нужна эта мелочь?

ФАЗИ. Бери, в дороге пригодится.

ЭДМУНД. Допустим, здесь еще пятьсот злотых, хотя наверняка больше. (*Высыпает деньги в карман Карине.*) Сколько я вам дал?

КАРИНА. Пять пятьсот.

ЭДМУНД. Точно?

ФАЗИ. Точно. У нас все по-честному.

ЭДМУНД. За остальными приезжайте после первого. Сейчас больше нет. Мне надо рабочим заплатить.

ФАЗИ. Значит, увидимся после первого.

КАРИНА. Жаль, что вы этого уroda прикрыли.

ГЖЕСЬ. До свидания.

ФАЗИ. До свидания. До первого.

ЭДМУНД. Всего хорошего.

КАРИНА, ГЖЕСЬ и ФАЗИ уходят. Слышно, как отъезжает машина.

БОГУСЬ. Зачем вы это сделали?

ЭДМУНД. Не знаю, Богусь. Ты меня просто обезоруживаешь.

БОГУСЬ молчит.

ЭДМУНД. Но не думай, что тебе это сойдет с рук. Отработаешь эту корзинку на ремонте костела. Буду платить тебе как обычному работнику — четыре пятьдесят в час.

БОГУСЬ. Шесть.

ЭДМУНД. Пять. По рукам?

БОГУСЬ. Ладно. Идет.

БОГУСЬ и ЭДМУНД жмут друг другу руки. В этот миг закипает чайник.

ЭДМУНД идет к плите.

ЭДМУНД. Кофе будешь? Я крепкий варю.
БОГУСЬ. Заварите три чашки.

Дверь ризницы открывается. Входит ВИКТОР. На лице синяки, кровоточит бровь.

ВИКТОР. Добрый день. (*Садится за стол.*)

БОГУСЬ. Ты живой?

ВИКТОР (*кивает*). Надеюсь, ребра они мне не сломали. Господи, живот...

ЭДМУНД. Я вызову «скорую».

ВИКТОР. Не надо. (*Поднимает свитер и майку, достает из-за пояса книгу и кладет ее на стол.*) Броневский в очередной раз спас мне жизнь. Избранное.

ЭДМУНД. Наложить повязку?

ВИКТОР щупает рассеченную бровь.

ЭДМУНД. Тогда уберите руку. Вы же не ребенок. (*Промывает ему рану.*)

ВИКТОР. А вы в этой ризнице один?

ЭДМУНД. Один.

ВИКТОР. Что, и хозяйюшки никакой нет?

ЭДМУНД. Как вам не стыдно! Я вас выставлю, и все дела.

ВИКТОР. Да ладно. Мы же взрослые люди. Я всегда ломал голову, как можно жить с сознанием того, что тебе нельзя этим заниматься.

ЭДМУНД. Живу с Божьей помощью, спасибо.

БОГУСЬ. Хочешь кофе?

ВИКТОР. Целибат — это зло в чистейшей форме.

ЭДМУНД. А Броневский был сталинистом.

ВИКТОР. Насколько я помню, в Евангелии нет ни слова о целибате. Я читал, что запрет этот был введен, чтобы уберечь богатство Церкви от женатых священников...

ЭДМУНД. Вы это читали в лживых коммунистических книжонках.

ВИКТОР. Может, и лживых — отчасти, но уж точно не лишенных экспрессии. Надо пользоваться разными источниками, знакомиться с разными точками зрения и постигать разные правды.

ЭДМУНД. Вы уж простите, но у меня правда одна. Либо она есть, либо ее нет. Как в компьютере — или ноль, или единица.

ВИКТОР. Жизнь — это не система ноль-один. Даже в костеле. Однозначных решений в ней нет. (*Снимает повязку.*)

ЭДМУНД. Жжет?

ВИКТОР. Уже сожгло. Спасибо.

ЭДМУНД. Пожалуйста.

БОГУСЬ (*Эдмунду*). А почему вас на районе называют «Секретным агентом»? Расскажите, что произошло в Африке.

ЭДМУНД. Нашел время.

ВИКТОР. Вы были в Африке? С удовольствием послушаю.

ЭДМУНД. Да не захотите вы это слушать, я уверен.

ВИКТОР. Хочу. Мы хотим. Правда, Богусь? Мне интересно. Я весь внимание.

ЭДМУНД (*поколебавшись*). Хорошо. Но один смешок, и вы вылетаете из костела. Оба.

ВИКТОР кивает, показывая, что согласен на это условие.

ЭДМУНД. Я был миссионером в Конго, в маленькой горной деревушке. В начале войны мимо проходили беженцы из соседней Руанды. Почти все они умерли в тех местах. Женщины, дети, старики — и никаких могил. Большинство тел съедали ночью звери. Ужас. На территории нашей миссии боев не было, но бои шли совсем ря-

дом, и мы оказались отрезаны от источников снабжения. Ни продовольствия, ни бензина, ни лекарств. Не для нас — для прихожан. Ситуация с каждым днем ухудшалась, и нужно было эвакуироваться. Я остался охранять миссию, а викарий сел в машину и поехал по единственной дороге, на которой не шли бои. Его не было два месяца. Как потом выяснилось, он попал в плен и его чудом не расстреляли. У нас через пару недель начался голод. Я к тому времени пробыл там уже два года, поэтому, как местный житель, ел что попало и как-то держался, но через месяц заболел лихорадкой, очень тяжелой. Когда я уже не мог ходить, лег и стал готовиться к смерти. Это продолжалось неделю, не так уж долго, но на шестой день ко мне пришел Он. Он выглядел точно так же, как на картинках, которые давал мне ксендз, приходивший к нам в дом в канун Рождества, когда я был маленьким. У Него была борода, голубое одеяние и горящие глаза. Он смотрел на меня этим огнем. И когда я открывал глаза, Он на меня смотрел. И когда закрывал — Он на меня смотрел. Это был не сон и не болезнь. Он пришел ко мне. Светлый и сильный. Потом стал удаляться, меркнуть. Вечером я перестал Его видеть, вечером я перестал видеть вообще... Я ослеп. Через два дня вернулся викарий, дал мне лекарство. Потом еще две недели я возвращался к жизни.

ВИКТОР. Он что-нибудь сказал?

ЭДМУНД (*кивает*). «Возвращайся на городские окраины».

Ошарашенный ВИКТОР придвигается ближе.

ЭДМУНД. Возвращайся на городские окраины.

ВИКТОР. По-польски?

ЭДМУНД. Он — Бог. Он все может.

ВИКТОР. И что потом?

ЭДМУНД. Месяц спустя я вернулся в Польшу.

ВИКТОР. Сославшись на *это*?

ЭДМУНД. Мне до сих пор не верят. Думают, я сошел с ума.

ВИКТОР. Звучит как богохульство.

ЭДМУНД. Но это произошло на самом деле, это было, я это пережил.

ВИКТОР. То есть Он — поляк.

ЭДМУНД. Я, кажется, предупредил: один смешок...

ВИКТОР. Прошу прощения. Но это самая большая чушь, какую я только слышал в жизни.

ЭДМУНД. То есть, по-вашему, Бога нет?

ВИКТОР. Разумеется, нет. Как и рая, ангелов, святых. Позвоните Гагарину, он расскажет, что там и как. Нет, не думайте, что я подвергаю сомнению смысл вашей работы. Я очень уважаю ксендзов, потому что они выполняют важную социальную миссию, особенно в таком районе, как этот.

ЭДМУНД. Вон из моего прихода. Ты не достоин быть моим гостем.

ВИКТОР. А, аргументы закончились.

ЭДМУНД. Тебе нужны аргументы? Ты же ерничаешь! Ты всю жизнь ерничаешь, старый, спившийся атеист!

ВИКТОР. А в чем, собственно, ты стараешься меня убедить, приводя подобные аргументы? В том, что у тебя было видение? Что тебе явился Иисус с прической чешского футболиста? Представляю себе, какую чушь ты вприливаешь детям в своей ризнице!

ЭДМУНД. А чему ты учишь в школе, а? Ты научил их жить в этом районе? Непохоже, раз они ходят и бьют чужие машины!

ВИКТОР. А чему вы учите? Возлюби ближнего своего как самого себя? Да кого им любить, если они сами себя ненавидят? Знаешь, в чем все дело? В деньгах! Вот уже две тысячи лет вы тянете из бедняков деньги, и все это во имя чего — Бога, которого нет?!

ЭДМУНД. Бог есть!

ВИКТОР. Чушь собачья!

ЭДМУНД. Есть, дурень!

БОГУСЬ. Хватит! Хватит! Хватит! И это вы, мои учителя?! Стыдно! Наконец-то я понял, кто я. Я — молодой католик из рабочего класса. И знаю, чего хочу. Я хочу жить. *(Встает из-за стола и направляется к выходу.)*

В дверях появляется МОНИКА.

ЭДМУНД. Милости прошу.

БОГУСЬ. Моника, выходи за меня. Будь моей женой. Это ксендз, который нас обвенчает. А это мой свидетель. *(Показывает на Виктора.)* Выходи за меня. Если согласишься, я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

МОНИКА молча кивает. Все бурно радуются.

ВИКТОР. У тебя есть мелочь?

БОГУСЬ. Эмиль! Мама!

ВИКТОР. Пани Хеленка...

Сцена двадцать вторая — НА УЛИЦЕ

Фильм, в котором МОНИКУ и БОГУСЯ поздравляет Кшиштоф Кравчик.

Конец

Павел Демирский
при участии Паулины Муравской

**НЕ УДИВЛЯЙСЯ,
КОГДА ПРИДУТ
ПОДЖИГАТЬ ТВОЙ ДОМ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОНА

СЕСТРА

АДВОКАТ (женщина)

УБОРЩИК

РАБОЧИЙ

ДИРЕКТОР

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

Выделенные жирным шрифтом лозунги должны высвечиваться
на сцене.

Рефрен на протяжении всего спектакля произносят разные персонажи
не только в местах, предложенных автором.

1

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Итак, начинаем инструктаж — прошу слушать меня внимательно — повторять не буду — это инструктаж по охране труда и технике безопасности — по идее после него проводится письменный тест — но сегодня мы ничего писать не будем — нет времени да и согласно статистике причиной всех несчастных случаев является...

Входит ОНА, крашенная в блондинку.

ОНА. Извините.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. У нас не опаздывают — здесь у всех часы спешат на пять минут — что надо сказать?

ОНА. Я уже сказала — извините.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. ...причиной всех несчастных случаев является невнимательность поэтому нужно быть осмотрительнее а лучше всего доверить свою жизнь какому-нибудь святому — шучу — но святого Антония — покровителя начальников — лично я всегда ношу при себе — итак — сейчас я распределю обязанности — ах да — до сегодняшнего дня мы могли похвастаться несчастными случаями — то есть тем что у нас не было ни одного несчастного случая с летальным исходом — а теперь вот к сожалению произошел и приз за самое безопасное производство года уплыл того-этого — поэтому повторяю — перед работой как перед дальней поездкой лучше перекреститься — потому что может оказаться что это ваша последняя поездка.

ПРИМЕМ НА РАБОТУ ЛЮДЕЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ ДОХОДА

2

ДИРЕКТОР. Отче наш иже еси на небеси — да святится имя Твое — да придет царствие Твое — да будет воля Твоя — как на небе так и на земле — на этой земле — чтобы ничего больше не случилось — чтобы этого не случилось — чтобы мы могли гордиться нашим заводом — сделай так чтоб можно было работать без автоматической блокировки — сделай — чтоб ничего не происходило — чтоб ничего плохого не происходило и нам не нужна была эта блокировка — чтоб оборудование и без блокировки было безопасным — или чтобы с блокировкой оно работало так же быстро как без нее — чтоб можно было радоваться и жить нормально — чтоб никто ничего у нас не требовал после этой смерти — и прости нам грехи наши как и мы прощаем должникам нашим — чтоб нам и другие простили.

У ВАС ОСТАЛОСЬ 30 МИНУТ

3

Автоответчик — или ОНА наговаривает информацию на автоответчик.

ОНА. Нас нет дома — нас не будет все выходные — оставь сообщение — лучше хорошее — мы хотим слышать только хорошие сообщения — чтобы нормально начать новую неделю после того как мы вернемся в воскресенье вечером.

ОНА. Если я не ответила значит ушла в магазин — я пошла за покупками для тебя — так что не обижайся — лучше скажи что-нибудь приятное — например солнышко — или любимая — или что сегодня придешь домой пораньше.

ОНА. Нас нет дома — а на мобильный лучше не звони — там где мы сейчас мобильный не ловит — деревня — лучше оставь сообщение — или подожди пока мы вернемся — то есть до воскресенья — мы вернемся в воскресенье вечером и будем чистить грибы — говорят они уже есть и мы их будем собирать.

ОНА. Ты наверно еще работаешь — короче я уже еду и мы будем ждать тебя как всегда — у проходной — надеюсь сегодня нам не придется ждать невесть сколько — и тебя не заставят работать в ночную — как в прошлый раз — а если будут заставлять то ты наверно сможешь отказаться — пятница ведь а я уже столько наговорила — карта кончается — и потом позвонить не смогу.

У ВАС ОСТАЛОСЬ

4

Проходная. ОНА говорит по телефону.

ОНА. Я уже здесь — надеюсь сегодня не придется ждать невесть сколько — пятница ведь и на карте уже почти ничего не осталось — а мне надо еще позвонить.

Входит ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ (*кому-то*). Ну и что с того что там красная кнопка — ну и что с того что там красная кнопка — нет там красной кнопки — там зеленая

кнопка — а та красная вообще не кнопка — там совсем другое красное — там все красное — только дверь для холодильника из серии Graffiti должна быть серой и стильной — я просто не знаю — сначала короткий звук — как бы...

ОНА. Можно войти?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нет нельзя.

ОНА. Как нельзя?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нельзя.

ОНА. Всегда можно было.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А сейчас нельзя.

ОНА. Здесь же вроде бы обычно никто не стоит.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Стоит.

ОНА. Но не всегда.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Сегодня всё не как всегда — у нас несчастный случай.

ОНА. Какой несчастный случай?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Случай — не знаю кто — не знаю как — не знаю какой из них и вообще я не знаю что случилось — знаю только что несчастный случай.

ОНА. Из кого «из них»?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Из операторов.

ОНА. А откуда известно что это оператор?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну говорят оператор.

ОНА. Его уже полчаса нет.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не надо было так рано приходить.

ОНА. Он уже должен быть.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Это ж надо какие все сегодня нетерпеливые — а чего спешить — подождите немного — прогуляйтесь.

ОНА. Не отвечает — а всегда отвечает.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну значит надо подождать — в этом городе попробуй подожди — моя знакомая как-то ждала на улице мужа — он должен был подхва-

тить ее на машине а там шлюхи стоят подходят к ней и начинают наезжать мол это их место — она в ответ вы что я просто мужа жду — а они — а мы бля что делаем? — пошла отсюда — вот такая история — всегда лучше вовремя приходить.

ОНА. Он сказал что уже сдает смену — что уже выходит.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Но не выходит.

ОНА. Не выходит.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Пока я ничего сказать не могу — еще ничего неизвестно.

ОНА. А сколько еще будет неизвестно?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я только «скорую» встречаю.

ОНА. «Скорую»?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я же говорю — или я непонятно выражаюсь?

ОНА. А у кого можно узнать? Я только хочу узнать что с моим мужем?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Мужем?

ОНА. И я только хочу с ним уехать на выходные.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. С мужем?

ОНА. Но не могу потому что он даже трубку не берет.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну войдите — там на проходной то есть в справочной вам скажут — вроде уже есть какая-то информация — правда говорят что зрелище не из приятных.

РЕФРЕН

- в конце концов что-то должно было случиться
- почему собственно должно было что-то случиться?
- что должно было случиться чтобы случилось что-то другое?
- почему не случилось раньше?
- почему это раньше не случилось?

- что не случилось раньше?
- сначала случилось одно
- а потом случилось другое?
- первое случилось
- первое да
- о да первое да

ЭТО ПРОИСХОДИТ ЧАЩЕ, ЧЕМ ТЫ ДУМАЕШЬ

5

ОНА/СЕСТРА

СЕСТРА. Я никогда не беру у родителей ключи.

ОНА. А туда долго ехать?

СЕСТРА. Всегда он брал ключи.

ОНА. Может съездим туда?

СЕСТРА. Когда родители уезжали он брал их ключи а теперь ключей нет.

ОНА. Я больше не могу просто так тут сидеть.

СЕСТРА. А я никуда не тороплюсь.

ОНА. Хотелось бы, чтоб они поскорей узнали.

СЕСТРА. А куда спешить?

ОНА. Мы должны были сегодня уехать — мы бы сейчас уже ехали.

СЕСТРА. Вы же должны были уехать вчера.

ОНА. Ох если бы повернуть время назад.

СЕСТРА. Да если бы повернуть назад.

ОНА. Ты бы тоже с нами поехала — как раз сейчас бы и ехала и родители бы нас ждали а не мы их.

СЕСТРА. Я бы тоже хотела — если бы можно было вернуть прошлое.

ОНА. Я же говорила надо было ехать вчера.

СЕСТРА. И я ему говорила — но он меня не слушал.

ОНА. Меня тоже — а сегодня я шла и вдруг что-то почувствовала — но не обратила внимания — а могла вернуться.

СЕСТРА. Я не знаю как сказать родителям — чтобы они не подумали что я шучу.

ОНА. А теперь смотрю — у меня рукав порван.

СЕСТРА. Я вообще не могу им этого сказать.

ОНА Я могу.

СЕСТРА. Ты лучше вообще молчи.

ОНА. Я не хотела чтобы так вышло.

СЕСТРА. Я же ему говорила — а теперь должна сказать им — что не сказала ему — что он меня не послушал.

ОНА. Я не хотела чтоб так вышло чтобы ты подумала что я шучу.

СЕСТРА. Мы все время думали что это шутка.

ОНА. Надо бы зашить — я пойду туда — не знаю только куда — когда же они приедут?

СЕСТРА. Они же подумают что я шучу а я этого не хочу.

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ВСТАЕТ В ЧЕТЫРЕ УТРА, ПОТОМУ ЧТО ЖИВЕТ РЯДОМ С РАБОТОЙ

6

УБОРЩИК/РАБОЧИЙ

УБОРЩИК. Это не швейная машинка
это агрегат для производства холодильников
вот это махина
очень впечатляет
даже издалека

она кажется огромной
а маленький кусочек металла хоть и маленький
но может ее остановить
разве что этот кусочек металла окажется
не на своем месте
а в чьем-нибудь кармане
потому что кто-то велел носить его в кармане
хотя карман не самое лучшее место
это плохое место
очень плохое
а некоторым кажется что так нормально.

РАБОЧИЙ. Сегодня меня в первый раз выдернули в ночь на работу — я уже спать ложился — а тут звонок чтобы я пришел.

УБОРЩИК. Всем сегодня звонили.

РАБОЧИЙ. Я думал новеньким не звонят прямо сразу.

УБОРЩИК. Здесь все новенькие.

РАБОЧИЙ. Я вчера взял четыре позавчера четыре — всего получается восемь.

УБОРЩИК. Восемь мало.

РАБОЧИЙ. Мне хватит — я уже втянулся — я с этими сверхурочными уже все подсчитал.

УБОРЩИК. Ты всему должен будешь научиться — а восьми часов на это не хватит — такая машина.

РАБОЧИЙ. Как раз в машинах-то я разбираюсь.

УБОРЩИК. Это не швейная машинка — это агрегат для производства холодильников.

РАБОЧИЙ. Если перевести на деньги получается почти на 16 злотых в день больше а если четыре умножить на шесть — на 24 больше.

УБОРЩИК. Больше лучше не брать.

РАБОЧИЙ. Всю неделю по шесть это...

УБОРЩИК. Не бери ты эти сверхурочные а то тебе из-за постоянных блокировок зарплату срежут.

РАБОЧИЙ. Ничего мне не срежут.

УБОРЩИК. А ты знаешь что иногда сверхурочные вообще не учитывают.

РАБОЧИЙ. Говорят здесь все учитывают.

УБОРЩИК. Просто не записывают.

РАБОЧИЙ. А если у меня на 150 часов больше — как можно не записать?

УБОРЩИК. Не знаю как.

РАБОЧИЙ. У меня долги — их надо отдавать.

УБОРЩИК. Не надо было занимать.

РАБОЧИЙ. Ты можешь не занимать, а у меня жена — должны же мы как-то обустраиваться

УБОРЩИК. Сколько до конца? Еще семь минут.

РАБОЧИЙ. Как семь минут?

УБОРЩИК. Семь потому что уже девятый час.

РАБОЧИЙ. Мне по-любому долги надо отдать — я работал на заводе где давали специальные кредиты рабочим — и вдруг отменили сверхурочные — необходимость в них отпала — потому что делать было нечего — и вдруг оказалось что за кредиты нечем платить и люди стали продавать то что купили в кредит — а продавать нельзя потому что в кредит куплено — так вот несколько человек повесились — трое по-моему — а остальным еще хуже было — поэтому я никаких кредитов не беру.

УБОРЩИК. Лучше вообще ничего не брать в долг — нет денег так нет — чего в кредиты влезать.

РАБОЧИЙ. Точно — но тут начальник говорит что у него как в банке — если что — договоримся — и что ему пока деньги не нужны.

УБОРЩИК. С ним договариваться?

РАБОЧИЙ. А что?

УБОРЩИК. А ты знаешь как он процент с тебя требует — если ему вдруг загорится? — он же натурой захочет — причем не с тебя — жена у тебя есть?

РАБОЧИЙ. Есть.

УБОРЩИК. Ну долго там еще осталось?

ДАЕШЬ ХОЛОДИЛЬНИКОВ НА 340% НОРМЫ!!!

7

ДИРЕКТОР/ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ДИРЕКТОР. Так — сядь-ка ты а лучше встань.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А что такое?

ДИРЕКТОР. Кто здесь директор?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я думал рабочий день уже закончился.

ДИРЕКТОР. Нет — лучше сядь.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. —

ДИРЕКТОР. Или встань.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. —

ДИРЕКТОР. Нет сядь лучше — а то еще упадешь и не дай бог что-нибудь случится — теперь-то уж — пуганая ворона куста боится.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. —

ДИРЕКТОР. В итоге что-то должно было случиться.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Почему это должно было?

ДИРЕКТОР. Мы знали: что-то должно случиться — и готовы к тому что что-то случилось.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Может обсудим все за ужином — я так с ходу не могу врубиться.

ДИРЕКТОР. Это нужно решить по-нашему — по-польски.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А поесть параллельно нельзя?

ДИРЕКТОР. Я сегодня выходить не собираюсь — там на проходной баба стоит и воет — мурашки по коже — зрелище не из приятных.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Страшненькая?

ДИРЕКТОР. Нет.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Может захватим с собой на ужин?

ДИРЕКТОР. Нет.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Хорошенькая?

ДИРЕКТОР. Нет — не знаю — я на лестнице от нее сбежал.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Жалко.

ДИРЕКТОР. Об этом никто не должен знать.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Это на случай если завтра придет инспекция?

ДИРЕКТОР. И надо бы по-польски все решить.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я по-польски плохо умею.

ДИРЕКТОР. Умеешь ты по-польски.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что я умею?

ДИРЕКТОР. Что надо то и умеешь.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Здравствуйте — до свидания — добрый вечер — меня зовут — и я — я твой лучший инвестор — я лучший инвестор в городе — мне тут очень нравится и ты тоже мне очень нравишься — а это мой бизнес — реально хороший бизнес — большой классный бизнес — сейчас это наш общий бизнес — и ты должен им заняться — мой бизнес в твоих руках — и делать это ты должен гораздо быстрее — и качественнее — а не кончать первым и ждать когда я кончу — быстрее — сильнее — сейчас хорошо — а ну-ка еще — а банкноты Национального банка Польши которыми мы тебе платим между прочим официальное платежное средство в Польше но это уже твоя проблема.

ДИРЕКТОР. Слышь найди-ка ты себе лучше переводчика и уберет тут кто-нибудь наконец сегодня или нет — ходить невозможно — да — и запомни — со мной такой номер не пройдет и это не проблема — ситуация вполне разрешимая — понял? — повтори.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ситуация вполне разрешимая.

ДИРЕКТОР. Здесь погода поганая — я в такую погоду хреново себя чувствую — надо поехать понырять с аквалангом — через недельку — надеюсь за это время все утрясется — обожаю подводное плавание — замотался я — а под водой успокаиваюсь — смотрю на рыбок фотографирую — я как-то пробовал с подводным ружьем — не могу рыбок жалко.

МИР ТРУД ХОЛОДИЛЬНИК

8

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ/УБОРЩИК

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не понимаю — как можно этого не понимать — как можно это не купить — вот проблема я этого действительно не понимаю — я не хочу проблем — ты не хочешь проблем — они не хотят — так может стоит научиться как следует работать а не жопу отсиживать — я себе этого позволить не могу — ты не можешь себе этого позволить — они тоже не могут и по идее все должны быть довольны — ведь вроде так получается — это законы по которым живет весь мир — я неделю на курсах был в Италии — по-другому никак невозможно.

НЕ ХОЧУ ИДТИ НА РАБОТУ

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ведь ничего особенного не случилось.

УБОРЩИК. Да уж — ничего особенного.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Все ведь так делают.

УБОРЩИК. Все так делают?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Все.

УБОРЩИК. Он тоже так делал?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Все кто хочет здесь работать — потом у них уже нет никаких забот.

УБОРЩИК. Никаких забот.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Никаких — это я обо всех них забочусь

мы отстаем на 134 холодильника

по сравнению с той линией

отстаем на 134 холодильника

это ни в какие ворота

у них выходные а мы работаем

хочешь отдыхать с утра до вечера

по-моему не хочешь?

УБОРЩИК. Нет я не могу.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. И я не могу — пойми наконец что ни ты ни я не можем себе этого позволить — иначе нам кранты — я себе этого не позволю — чтоб на 134 холодильника меньше — потом мы блокировку включим обратно.

УБОРЩИК. Когда?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Узнаешь — когда вдруг с проверкой нагрянут — я-то буду знать — и ты будешь.

УБОРЩИК. А если не буду?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Так узнаешь.

УБОРЩИК. А он узнал? — я-то не обязан.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я тоже много чего не обязан — я не обязан давать вам лишние пять минут перерыва — или раньше отпускать вас домой.

УБОРЩИК. А ты и не отпускаешь.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Тебя пока еще нет.

УБОРЩИК. Все это похоже на матч

на соревнования

выиграешь или проиграешь

успеешь ли отвернуться
 положишь палец на красную кнопку
 нажмешь ее
 и остановишь пальцем агрегат
 выиграешь
 и пресс который может
 разmozжить тебе голову
 останется наверху
 или все-таки будет
 один-ноль
 дешевая рабочая сила один
 одним меньше.

ОЩУТИ ВКУС РИСКА

9

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ (переводит с итальянского) /
 ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ (по-итальянски) / УБОРЩИК

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я когда-то фильм смотрел — один перец дает займы бабки — реальные бабки — ну такие — на которые уже что-то можно — ну и начинает ждать — ждет-ждет — а потом если какой-то кренделек не отдает — приезжает к должнику на обалденной тачке — заходит в дом — а у должника нет бабла — зато есть жена — ну он трахает жену должника причем заставляет его смотреть как он ее — короче ты понял — а я даю в долг и даю — а они не спешат отдавать — но ничего — я дождусь.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Скажи ему что он должен кое-что сделать. (*Digli che e' ora di fare qualcosa.*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Эй ты — новичок — есть работа.

УБОРЩИК. Я не новичок.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что он сказал? (*Che ha detto?*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Он спрашивает что надо делать?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Спроси он из отдела уборщиков? (*Chiedigli se lavora nel dipartimento di pulizie?*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Послушай — я знаю что ты не новичок — но для меня новичок потому что выглядишь бля как новичок — и не смотри на меня так — думаешь я не знаю что у тебя сердце больное и липовая справка — так что лучше не выступай.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Скажи ему что надо смыть масляное пятно. (*Digli che bisogna lavare quella macchia di unto.*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Сейчас ты возьмешь швабру и тряпку и быстро пойдешь туда куда я скажу — понял? — на твое место чтоб ты знал сто желающих ну если не сто так не меньше тридцати — короче бегом.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Скажи пусть идет на линию сборки холодильников туда где штампуют дверцы для «беретт». (*Digli di andare dove vengono pressati frigoriferi.*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Иди на пресс — я тебе признаться не завидую потому что там пятно и пятно прямо скажем не масляное а от человека короче зрелище не для слабонервных.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Скажи что ему премию дадут. (*Diglichegli daranno una ricompensa.*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Иди и молись чтоб тебя не уволили.

УБОРЩИК уходит.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну теперь хоть работать будет нормально.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что? (*Cosa?*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я сказал что теперь все будет нормалек. (*Ho detto che andrà tutto bene.*)

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не понял. (*Non ho capito.*)

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ему очень нравится эта работа. (*Il lavoro gli piace molto.*)

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Слышишь ты — кончай говно жевать когда со мной разговариваешь — ох не хотел бы я быть на твоём месте если кто-нибудь узнает что ты распорядился выключить блокировку.

МЫ РАБОТАЕМ — А У ТЕБЯ ВЫХОДНОЙ

10

УБОРЩИК убирает рабочее место после несчастного случая.

УБОРЩИК. Можно затрахать
такими законами
можно просто затрахать
зная закон можно затрахать любого
главное не бояться
а ты законов не знаешь и боишься
никого ты не знаешь
а они тебя знают прекрасно
а мы тебя знаем прекрасно
мы видим что ты не платишь за квартиру
или за газ
и тебе стыдно заходить в магазин который тебе не по
карману
покупать протухшую колбасу в искусственной оболочке
и розовую газировку
детям
кем станут твои дети?

образование ограничится ПТУ
больное сердце и голова
и работы нет
чему удивляться
надо было раньше думать и устраиваться в жизни
а сейчас хрен тебе
тебе б только яйца чесать
да косить на больничном
теперь бя вкалывай за копейки
вкалывай бя бесплатно
за жрачку или за квартиру и газ
а то раскатал губу на восемь часов в день
и выходные
ты чё универ что ли кончал?
даже школу не кончил
а если и кончил
что толку
так что давай работай
а мы посмотрим
хотя башка просто раскалывается от шума
и вони.

85% ПОЛЯКОВ БОЯТСЯ ЗА СВОЕ БУДУЩЕЕ — А ТЫ?

11

УБОРЩИК/ДИРЕКТОР

ДИРЕКТОР. Ну как день прошел? Так себе? Не из легких? Давно здесь не было так пусто — даже как-то не по себе — правда не по себе — да и вообще я никогда не видел чтоб так пусто было — иногда днем придешь — смотришь как люди работают в этих наших белых комбинезо-

нах и понимаешь что из-за этих комбинезонов тоже вроде как никого не видно — никого не видно — вот как сейчас

но я вот тут подумал друг — ведь — совсем не стыдно подойти к управляющему или ко мне и сказать ему или даже мне — что мол то и то угрожает жизни — не надо стесняться — а нам всем это может даже помочь — нечего стесняться — ну так как? — поможете?

УБОРЩИК блюет.

ЧТО ЕЩЕ МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ТЕБЯ?

12

ОНА/СЕСТРА

СЕСТРА. Мне кажется это уже не так важно.

ОНА. Но он же просил — мы же с ним договорились — если что-то случится.

СЕСТРА. Да это он просто так.

ОНА. Не уверена что просто так — он всегда говорил что в случае чего — он хочет чтоб его кремировали и я тоже — я думала что буду первая и чтобы меня тоже кремировали.

СЕСТРА. Перестань пожалуйста.

ОНА. Я не знаю.

СЕСТРА. Нет это не для меня.

ОНА. А мне думаешь не тяжело?

СЕСТРА. Но родители просили тебе передать что хотят чтоб он был похоронен нормально.

ОНА. Родители?

СЕСТРА. Просили тебе сказать.

ОНА. А сами не пришли.

СЕСТРА. Говорят были не в состоянии.

ОНА. А адвокат сказал мне — мне — что у него никогда не было такой клиентки — и такие клиенты ему не нужны и чтоб я по крайней мере в воскресенье ему не звонила — у него в воскресенье выходной.

СЕСТРА. Может если б ты его послушала — то и он бы послушал.

ОНА. Не буду я его слушать — это у него работа такая слушать.

СЕСТРА. Ты никогда не слушаешь.

ОНА. Да — не слушаю.

СЕСТРА. Так может и плохо что не слушаешь?

ОНА. Я этого так не оставлю.

СЕСТРА. Сейчас — не оставишь.

ОНА. Сейчас не оставлю — ни сейчас ни вообще никогда.

СЕСТРА. Раньше надо было об этом думать.

ОНА. Когда раньше? — я все время об этом думаю.

СЕСТРА. Как вы себе это представляли?

ОНА. А сегодня ночью...

СЕСТРА. Сколько раз вам говорили.

ОНА. Ну...

СЕСТРА. И никто слушать не хотел — ни ты — ни он.

ОНА. А у меня внутри прямо как будто ныло что-то.

СЕСТРА. Если б ты меня послушала — может и он бы послушал.

ОНА. Ты о чем?

СЕСТРА. Я ему говорила что надо закончить институт.

ОНА. Он и хотел вернуться.

СЕСТРА. А теперь вообще никуда не вернется.

ОНА. Не вернется.

СЕСТРА. Все только так говорят что вернуться а потом не возвращаются.

ОНА. Но его же повысили и он правда не мог еще и институт тянуть — не мог — знаешь как он был счастлив —

что такой молодой а его заметили — и что работа такая выгодная.

СЕСТРА. Сама видишь какая выгодная.

ОНА. Вижу.

СЕСТРА. Надо было закончить институт.

ОНА. Зачем?

СЕСТРА. А ты не знаешь зачем? — да что это была за работа — видишь на что может рассчитывать человек без диплома и чем всё кончается.

ОНА. Разве нельзя нормально жить и работать?

СЕСТРА. Нельзя.

ОНА. Почему нельзя — ведь нам только это и было нужно — а может он не хотел учиться — а может я не хочу учиться?

СЕСТРА. Сейчас он уже ничего не хочет.

ОНА. Я тоже уже ничего не хочу — я просто хотела нормально жить.

СЕСТРА. Разве это нормально?

ОНА. Значит я хотела жить ненормально.

СЕСТРА. Тебе надо уехать.

ОНА. Куда уехать?

СЕСТРА. Чем-то заняться — родители говорят ты должна уехать — тебе станет легче.

ОНА. Пока что нет.

СЕСТРА. И нам тоже станет легче.

ЧЕГО СТОИТ ТВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

РАБОЧИЙ. Я когда-то работал в одной кафешке — пять злотых в час с налогами — по десять часов в день — ровно столько сколько нужно чтобы на следующий день хватило на завтрак — мама не горюй — мне велели выучить

меню наизусть — минимум 58, а то и 70 блюд — и меню это постоянно менялось — видите ли кофе плохо брали — видите ли нормальные люди не тратят на кофе с молоком восемь злотых а пьют его дома — как-то заходят два кента таких ну сам понимаешь педики в клевых прикидах и говорят чтоб я подсел к ним на минутку и нельзя ли блин побыстрее а я на это нельзя мол — так меня один типа для смеха взял и водой облил — типа воды этой я мало принес — ну в стакане к эспрессо — тут бя я сорвался и ему в рыло херак свежесжатым апельсиновым соком — а он мол позови шефа — а я пожалуйста — а он говорит шефу — так и так мол я просто классный чувак и цену себе знаю и надо мне повысить зарплату и что они теперь каждый день будут сюда приходить — ну а шеф на это чтоб я сел и за счет заведения кофе с ними выпил — похлопал меня по плечу — а когда они ушли вызвал и говорит — типа классно что ты такой — что так себя повел — и вообще круто — что так — что я их так приложил — но что это бя никак не соответствует уровню заведения и чтоб духу моего тут больше не было — а за кофе бесплатный для этих пидоров у меня из зарплаты вычел.

КУДА ДЕЛСЯ ТВОЙ ВАЛОВЫЙ ПРОДУКТ?

14

ОНА/СЕСТРА

ОНА. Мы думали что справимся.

СЕСТРА. И как бы вы справились?

ОНА. Ну как-нибудь ненормально — так же как ты — но мы не хотели никуда уезжать — может его когда-нибудь на учебу в Италию послали бы.

СЕСТРА. Ну и что — ну и послали бы — я была в Италии и вернулась.

ОНА. Да ты была а знаешь как я тебе завидовала что ты была в этой Италии.

СЕСТРА. А я тебе тоже говорила чтобы съездила поучила язык — я-то учила и тебе говорила.

ОНА. Сейчас бы я с радостью.

СЕСТРА. А тогда вы другого хотели — помню как он приходил домой закрывался в комнате и слушал музыку а мы все смеялись над ним что наконец у него девушка появилась.

ОНА. Потому что мы сразу так решили и все для того чтобы...

СЕСТРА. Но учиться ты не хотела.

ОНА. Да не хотела — не для того я замуж выходила чтоб потом сразу куда-то уехать.

СЕСТРА. Может этого и не случилось бы если б вы хоть немного подождали.

ОНА. Случилось бы потому что я как упрусь рогом так всегда своего добиваюсь — но я не этого хотела — я просто хотела с ним жить.

СЕСТРА. Что это вообще за идея была — бросать школу — кто ж так делает — как тебе такое вообще в голову пришло?

ОНА. Мы же влюбились друг в друга по уши.

СЕСТРА. Это ж надо — подделать свидетельство о браке чтоб бросить учебу.

ОНА. Иначе мне не разрешили бы бросить — кстати ты мне и помогла — сама сказала что можешь помочь с документами.

СЕСТРА. Тогда да — но я же замуж выходила когда уже закончила школу я не прерывала учебу — и я не подумала — что тоже прикладываю к этому руку — сейчас я бы не стала помогать — подделывать документы — видишь сколько мы всего наворотили.

ОНА. Он хотел восстановиться — на следующий год — он-то точно хотел дальше учиться.

СЕСТРА. А сегодня я стояла на улице с полными сумками хотела перейти дорогу но никто не останавливался — а сумки тяжеленные я еще долго могла так стоять и никто бы не остановился вдруг вижу вроде его машина и мне показалось что это он и сейчас он остановится я и пошла и только когда уже шагнула на проезжую часть сообразила что его же нет — и меня чуть не сбили.

ОНА. А я сегодня была в магазине и не знала что купить — я теперь уже почти ничего не покупаю.

СЕСТРА. Я с этими сумками — все рассыпалось — надоело мне таскать эти сумки и стоять на переходе перед которым никто не хочет останавливаться.

ОНА. Ну вот сама все видишь.

СЕСТРА. Что все?

ОНА. Что никто даже остановиться не хочет.

ОНА. Слушай у меня к тебе просьба.

СЕСТРА. Такая же как тогда? Со свадьбой?

ОНА. Нет — помоги мне перекрасить волосы.

СЕСТРА. Прямо сейчас?

ОНА. Необязательно сейчас — можно и завтра.

СЕСТРА. Ты хочешь волосы красить? Сейчас?

ОНА. В белый цвет.

ДЬЯВОЛ ПРИТАИЛСЯ В ТВОЕЙ БЫТОВОЙ ТЕХНИКЕ

15

ОНА/АДВОКАТ

АДВОКАТ. Примите пожалуйста мои соболезнования.

ОНА. Я только хотела...

АДВОКАТ. Не дай бог оказаться на вашем месте.

ОНА. Я бы тоже не хотела.

АДВОКАТ. Вот уж действительно не хотела б я быть на вашем месте.

ОНА. Спасибо.

АДВОКАТ. Честное слово — никогда.

ОНА. Вы здесь работаете? Вы вообще... отсюда?

АДВОКАТ. Может нам будет легче разговаривать если мы перейдем на «ты».

ОНА. Не уверена что мне будет легче.

АДВОКАТ. Все это так ужасно мне даже трудно говорить но мы должны сегодня с вами поговорить.

ОНА. Я только хотела вещи забрать из его шкафчика.

АДВОКАТ. Мне очень жаль.

ОНА. И мне опять пришлось стоять у этой проходной.

АДВОКАТ. Но забрать эти вещи нельзя.

ОНА. Я уже настоялась у проходной и больше мне бы не хотелось...

АДВОКАТ. К сожалению пока не начнет работу прокуратура там все должно быть опечатано.

ОНА. Прокуратура? А вы разве не?..

АДВОКАТ. Нет — нет — меня пригласили специально чтобы поговорить с вами — ввиду таких обстоятельств.

ОНА. То есть вы не из прокуратуры?

АДВОКАТ. Нет а я разве не говорила — но именно они сказали что эти вещи забирать нельзя — да ты и сама знаешь — как оно с такими вещами — знаешь ведь — у меня тоже была когда-то похожая ситуация — и вещи висели в шкафу несколько лет — никто не хотел их оттуда забирать.

ОНА. Я хочу.

АДВОКАТ. Ну не знаю — а вы не подумали правильно ли это — но — как я уже говорила еще раз примите самые искренние соболезнования от имени руководства нашего предприятия.

ОНА. Со мной никто не хотел разговаривать.

АДВОКАТ. Никто? Меня специально прислали чтобы с тобой поговорить.

ОНА. А один из них вообще сбежал — директор — с лестницы — не знаю как его зовут — но лица его я до смерти не забуду.

АДВОКАТ. Директор — сбежал — но это все-таки человек другого уровня.

ОНА. Такого же как и охранники на проходной.

АДВОКАТ. Ой сама знаешь какие сейчас охранники — столько всего про них рассказывают — да они просто бандиты — честных людей в магазинах хватают и обыскивают — приличных честных людей.

ОНА. Я бы хотела знать — я хочу найти виновных.

АДВОКАТ. Мы тоже ищем.

ОНА. Я все сделаю — может я могу чем-то помочь?

АДВОКАТ. Помочь?

ОНА. Найти их.

АДВОКАТ. В этом нет необходимости.

ОНА. Но я могу.

АДВОКАТ. Ну не знаю можете ли?

ОНА. Я тоже не знаю — но для меня нет ничего невозможного.

АДВОКАТ. Это только слова.

ОНА. Нет — правда — нет ничего невозможного.

АДВОКАТ. А сколько вам собственно лет?

ОНА. Я уже разговаривала с теми с кем он работал.

АДВОКАТ. И что они сказали?

ОНА. А вы с ними не говорили?

АДВОКАТ. Нет — пока еще нет — ну так что они сказали?

ОНА. Ну что вообще — что такое уже случилось — что там небезопасно — что несколько недель назад...

АДВОКАТ. ...пресс остановился над головой его товарища так же как — как остановился — ну такое случается сплошь и рядом — сплошь и рядом — сколько людей гибнет на улицах.

ОНА. Это было не на улице — это был несчастный случай на производстве.

АДВОКАТ. Одна моя знакомая — она тоже юрист — работала по 20 часов в сутки — все время куда-то спешила — замотанная — как-то села в машину — зазевалась или вроде даже заснула и врезалась в столб — в железный столб — или в фонарь — просто из-за невнимательности и новенькая машина — прямо из автосалона — превратилась в лепешку — как банка из-под кока-колы.

ОНА. Мы и мечтать не могли о новой машине.

АДВОКАТ. Ну в такой ситуации виновных не бывает.

ОНА. В какой ситуации?

АДВОКАТ. Когда происходит несчастный случай.

ОНА. Но он же на работу пришел а не на машине ехал.

АДВОКАТ. Ну не ехал — вы сами сказали что у вас нет машины — то есть не было машины.

ОНА. За деньги которые ему платили за работу в таких условиях — немудрено — но вы что думаете — что мы не планировали приобрести и ее и все остальное?

АДВОКАТ. Вот-вот — а теперь что вы планируете делать?

ОНА. Я говорила что всех на уши поставлю и если вы мне не поможете я сама справлюсь.

АДВОКАТ. Мы же на «ты» перешли.

ОНА. Да?

АДВОКАТ. Кстати тут уже какое-то время назад произошел подобный случай — вы о нем слышали?

ОНА. Нет.

АДВОКАТ. Вот именно — потому что никто об этом не говорил — то есть никого не хотел ставить на уши.

ОНА. Как же так?

АДВОКАТ. Кто-то красил стену и упал с лестницы — к сожалению с летальным исходом.

ОНА. Я не слышала.

АДВОКАТ. Потому что это не афишировалось — семья этого человека переживала — была в трауре — я знаю потому что занималась этим делом — они никому ни о чем не рассказывали — только встретились с дирекцией завода.

ОНА. А со мной никто не захотел встречаться — от меня все бегают.

АДВОКАТ. Так вот они встретились — дирекция вошла в положение — представляете у этого человека не было страховки.

ОНА. Как это? У всех есть страховка.

АДВОКАТ. Значит не у всех — а может он забыл взнос заплатить — короче семье предложили компенсацию в размере 50 тысяч.

ОНА. Компенсацию?

АДВОКАТ. Возможно это не совсем подходящее слово — ну чтоб они могли как говорится что-то отложить.

ОНА. Не поняла.

АДВОКАТ. Дирекция и с вами охотно встретится.

ОНА. А когда я смогу забрать вещи?

АДВОКАТ. Скорее всего после встречи.

ОНА. Я ни о чем таком никогда не слышала.

АДВОКАТ. Никто не слышал.

ОНА. Мне не обязательно иметь машину.

АДВОКАТ. Ну это уже от вас зависит.

ОНА. Мне она не нужна.

АДВОКАТ. Ну конечно это зависит от вас — я тоже не люблю машины — я вообще предпочитаю ездить на велосипеде.

ОНА. Я итальянский выучу — я даже выучу итальянский.

АДВОКАТ. Красивый язык — мне бы тоже не помешал — иногда требуется по работе.

ОНА. Если тут и дальше будут такие условия и такие вещи твориться — я обязательно...

АДВОКАТ. Что?

ОНА. Я этого так не оставлю.

АДВОКАТ. Не поняла.

ОНА. Я не возьму никаких пятидесяти тысяч.

АДВОКАТ. Да это же только...

ОНА. Я горы сверну — правда — все услышат.

АДВОКАТ. Что услышат? И кто собственно говоря услышит?

ОНА. Кто надо.

АДВОКАТ. Да?

ОНА. Да — что не похоже на меня?

АДВОКАТ. Ну на женщину в трауре точно нет.

ОНА. Что-что?

АДВОКАТ. Я слышала — вы с того момента все время сидите за компьютером и ходите по городу — пиво пьете с разными людьми — мне когда я была в трауре такое и в голову не приходило — и потом какие-то 50 тысяч — это же страховка.

ОНА. Для кого страховка? Для вас?

АДВОКАТ. Для вас.

ОНА. Для меня?

АДВОКАТ. Тебе наверняка пригодится — должна же ты как-то свою жизнь устраивать — или не должна — я знаю ты сейчас не работаешь — временно не работаешь — и я например сейчас — когда думаю о своем ребенке — я думаю как его обеспечить — ведь сейчас все нужно предусмотреть — я недавно читала что на воспитание ребенка — конечно на достойном уровне — нужно 70 тысяч — именно столько — а я не допущу чтобы у моего ребенка ничего не было — чтоб он смотрел на других и говорил — мама я тоже хочу такие джинсы — мама я тоже хочу ходить на английский или дзюдо — или по крайней мере мама купи мне мороженое — и чтоб мне не пришлось ему говорить — сынок у меня нет денег идем — а ты сама еще ребенок — и денег-то у тебя нет.

ОНА. Нет.

АДВОКАТ. Вот видишь.

ОНА. Нет — и я сама на втором месяце.

АДВОКАТ. Короче если вам понадобится помощь или совет — вот моя визитка.

ДОПУСКАЕШЬ ЛИ ТЫ ОРАЛЬНЫЙ СЕКС РАДИ УСТРОЙСТВА НА РАБОТУ? А ПЕТТИНГ?

16

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ/УБОРЩИК

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Эй ты новенький что ли?

УБОРЩИК. Нет.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Знаю — шучу.

УБОРЩИК. Ничего себе шутка.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну ты же меня знаешь — шучу чтоб настроение поднять — нужно же создавать на работе хорошую атмосферу.

УБОРЩИК. Мне она не нужна.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А я слышал что тебе после уборки понадобился выходной — бледный ты какой-то был — привидение увидел? — а? — увидел?

УБОРЩИК. Говорят ты можешь дать займы денег.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Могу — а что?

УБОРЩИК. Мне бабки нужны.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Тебе до зарплаты?

УБОРЩИК. До зарплаты.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Так на нее же не прожить — тебе по-любому кто-то должен помогать.

УБОРЩИК. Не прожить — поэтому и хочу занять.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ты наверное сверхурочных вообще не берешь — я всем говорю чтоб работали сверхурочно а то не хотят а потом им же хуже будет — да и мне будет хуже — как-то мне одного пацана не хватало так я его в день свадьбы уговаривал прийти — но он не пришел — а ты почему не берешь сверхурочных?

УБОРЩИК. Не могу.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А если приспичит?

УБОРЩИК. Не могу — здоровье не позволяет.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Знаю — только я не уверен что больных можно брать на работу — так что денег хочешь занять?

УБОРЩИК. Хочу.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А зачем тебе?

УБОРЩИК. Надо.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Подругу что ли завел?

УБОРЩИК. Нет.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А то не дам.

УБОРЩИК. —

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. —

УБОРЩИК. Мне правда бабки нужны — если бы я столько сколько ты зарабатывал — не просил бы.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Приходи после смены — поговорим.

УБОРЩИК. Не удивляйся, когда придут поджигать твой дом.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что?

УБОРЩИК. Ничего — песню одну вспомнил.

ТЫ СЛУЧАЙНО КАКОМУ-НИБУДЬ ТЕРРОРИСТУ НЕ НАСТУПИЛ НА ХВОСТ?

УБОРЩИК. Пошел работать сразу как начал учиться — первую неделю у него была сыпь — потом прошла — как и желание ходить на корпоративные вечеринки — где ему ничего не нравилось кроме еды — которой кстати было мало — особенно не понравилось ему что силовые атлеты которые были гвоздем программы пожонглировали автопокрышками и ушли домой — шнурков для мо-

бильного которые раздавали на корпоративе брать не стал — когда ему велят отключает блокировку — когда велят включает — работу свою не любит — но на вопрос где бы хотел работать — отвечает что здесь — потому что здесь можно заработать почти тысячу злотых в месяц — карьеру делать не хочет — не знал бы куда девать деньги какие зарабатывают начальники — времени у него не было бы их тратить! — учится на богословском факультете.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Чувствует себя не в своей тарелке и скучает по солнцу — по натуре скорее теплолюбив а здесь холодно — с удовольствием носил бы шапку но тогда испортится прическа — а так у него голова болит — обожает подводное плавание — вечно куда-то спешит — времени на серьезные отношения у него нет поэтому не пропускает ни одной юбки — понятия не имеет что если бы сказал сколько зарабатывает у большинства присутствующих в этом зале началась бы депрессия — это его идея увольнять персонал целыми группами накануне праздников чтобы фирма могла сэкономить на купонах в Ашан — на премию за эту идею купил себе квартиру и заработал ненависть рабочих — в новой квартире случайно посмотрел по телевизору спектакль «Топ догз» Урса Видмера про ролевые игры и впал в легкую депрессию — у него бывают проблемы с выражением чувств и скорее всего он в ближайшее время начнет ходить к психологу — пока ходит только к девушке которую отбил у одного из управляющих — познакомился с ней на корпоративной вечеринке — она в свою очередь клюнула на его зарплату — но скоро он ее бросит так как у нее жуткие привычки и она не любит итальянское мороженое.

РАБОЧИЙ. На корпоративной вечеринке еще не был — на заводе проработал всего пару недель — раньше где только не работал даже сам толком не помнит — без него никто бы не выносил мусор — он точно не асфальтировал дорог и не подавал кофе — лучше всего помнит как работал в мастерской по пошиву джинсов — разблокиро-

ванная швейная машинка пришила ему руку к джинсам и столу — он орал до конца смены но никто его не слышал — такой стоял шум — руками тоже не махал — одна была пришита — орал во все горло пока ему не стало плохо — крови море — но мужики не плачут — с тех пор он просыпается по ночам оттого что левую пришитую ладонь сводит судорогой и она болит — все что у него осталось — это произвольно сжимающийся кулак — больше ничего.

ДИРЕКТОР. Один Бог знает почему он согласился работать в стране где летом бывает холоднее чем зимой в Италии — он лучший ныряльщик среди директоров — и лучший директор среди ныряльщиков — любит Умберто Эко и гордится тем что Ориана Фаллачи — итальянка — обожает праздники и терпеть не может водку — разбирается в винах из-за чего все поляки ему завидуют — в свободное время занимается медитацией и парусным спортом — или по крайней мере съедает шикарный ужин — большинство женщин отдалось бы ему за брачный контракт вроде того что он подписал со своей женой — в старости переедет в Венецию и будет писать мемуары — когда-то он был бедным и украл велосипед — но это было давно.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Этому — как говорят его сослуживцы — чертовски повезло — он начинал с самого низа и дошел до управляющего — руководит целой линией — и как управляющий зарабатывает очень прилично — если его линия не выполняет норму и производит слишком мало холодильников он дает распоряжение отключить блокировку чтобы агрегат работал быстрее — он действительно не понимает почему должен запрещать ее отключать — так же как не понимает почему нельзя курить в коридорах и подсобках или почему нужно переходить дорогу по зебре — он обожает корпоративные праздники — у него целая коллекция фирменных рюкзаков и маек — после того как на последней вечеринке ему не удалось выиграть холодильник напился вдрабадан — но до этого в футбольном матче управляющих против итальян-

цев поддавался своим боссам рассчитывая что они это учтут — но прогадал — стремится чтобы все знали его имя — хотя прозвище капо его тоже вполне устраивает.

АДВОКАТ. Работай не покладая рук — когда-то сказала ей мать и это стало ее девизом — она юрист и в основном работает языком — уже на третьем курсе начала работать по специальности — у нее CV на 8 страниц — 4 из которых практика за которую ничего не платили — младшие двоюродные сестры хотят быть на нее похожи — цунами в Таиланде привело ее в исступление так как у нее уже была куплена путевка и отпуск пришлось провести в Дубках — тоже было неплохо — но фотографии получились не ахти — она придерживается либеральных взглядов и читает глянцевого журналы — обожает спагетти — рукколу — суши терпеть не может — но на служебных ужинах может заставить себя съесть парочку — потом правда ее рвет в туалете — но ничего страшного — у нее на всякий случай всегда с собой освежитель полости рта — иногда изматывается до предела — молодой журналист решил написать о ней статью из цикла «молодые, талантливые и успешные» — подзаголовок — «если захочешь, то сможешь везде».

ТЕБЯ ТОЖЕ ЖДЕТ ТАКОЙ ИНСТРУКТАЖ

18

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Итак, начинаем инструктаж — прошу слушать меня внимательно — повторять не буду — это инструктаж по охране труда и технике безопасности — по идее после него проводится письменный тест — но сегодня мы ничего писать не будем — нет времени да и согласно статистике причиной всех несчастных случаев является...

Входит ОНА, крашенная в блондинку.

ОНА. Извините.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. У нас не опаздывают — здесь у всех часы спешат на пять минут — что надо сказать?

ОНА. Я уже сказала — извините.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. ...причиной всех несчастных случаев является невнимательность поэтому нужно быть осмотрительнее а лучше всего доверить свою жизнь какому-нибудь святому — шучу — но святого Антония — покровителя начальников — лично я всегда ношу при себе — итак — сейчас я распределю обязанности — ах да — до сегодняшнего дня мы могли похвастаться несчастными случаями — то есть тем что у нас не было ни одного несчастного случая с летальным исходом — а теперь вот к сожалению произошел и приз за самое безопасное производство года уплыл того-этого — а сейчас я покажу какая у нас на предприятии мода — давайте попросим девушку которая опоздала мне помочь — мы на своем предприятии все друг другу помогаем — мода такая: у низшего персонала цвет белый — зато он самый красивый — вы будете ходить в белых комбинезонах — как кто-то когда-то умно сказал — кому таскать мобильник а кому холодильник — далее красный — у операторов — но вас это пока не касается — потом голубой — голубой тем более не для вас и вряд ли когда-нибудь будет вашим — мы-то одеваемся нормально — это вы ненормально — вот тут кармашек для бутерброда или телефона — перед работой — повторяю — как перед дальней поездкой лучше перекреститься — потому что может оказаться что это ваша последняя поездка.

Входит АДВОКАТ и шепчет что-то ПОЛЬСКОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. А теперь так — мужчины на холодильники — там вам скажут что да как — женщины на газовые плиты — а вас опоздавшая девушка я попрошу остаться — с вами хотят поговорить.

АДВОКАТ. Вы уверены что хотите здесь работать?

ОНА. Я прошла всех врачей.

АДВОКАТ. А с какой целью?

ОНА. Меня допустили к работе.

АДВОКАТ. Но собственно говоря зачем?

ОНА. У меня нет работы — она мне нужна а сюда можно устроиться — вот я и пришла.

АДВОКАТ. Как-то верится с трудом.

ОНА. Если вы меня не возьмете — я хочу получить официальную бумагу что вы не хотите меня взять.

АДВОКАТ. Придется немного подождать.

ОНА. У меня есть время.

АДВОКАТ. У вас новая прическа?

ОНА. Новая.

АДВОКАТ. В этом сезоне осветляться по-моему не модно.

ОНА. Может и не модно.

АДВОКАТ. По крайней мере это точно не в моем вкусе.

ОНА. У нас разные вкусы

АДВОКАТ. Вас и так узнали и доложили и все мы знаем что вы это вы.

ОНА. Ну и что?

АДВОКАТ. Ну не знаю я на вашем месте перекрасилась бы в черный.

ОНА. Я успела фоток нащелкать.

АДВОКАТ. Каких фоток?

ОНА. Где агрегат разблокированный.

АДВОКАТ. Когда?

ОНА. Что — испугались?

АДВОКАТ. Нет.

ОНА. Нет?

АДВОКАТ. Нет — мне бояться нечего.

Входит ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Мы нашли время чтобы провести с вами тест — вот вопросы — вот ручка — у вас пять минут — пожалуйста.

ОНА. А инструктаж?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Инструктаж уже был — имя — фамилию не забудьте пожалуйста —

— что должно было случиться чтобы случилось что-то другое

— почему это не случилось раньше?

— почему это раньше не случилось?

— что не случилось раньше?

— сначала случилось одно

— случилось ли потом другое?

— первое случилось.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. К сожалению у нас произошла авария на линии холодильников и мы в ближайшее время никого брать на работу не будем — не трудитесь — больше ничего не надо писать — завтра мы вообще не работаем — у нас простой и поэтому вакансий не предвидится.

АДВОКАТ. Сегодня несколько женщин не устроились на работу.

ОНА. Я тоже сегодня не устроилась.

АДВОКАТ. Они не по своей вине.

ОНА. Я тоже не по своей.

АДВОКАТ. Это еще как сказать.

ОНА. А что я собственно сделала?

АДВОКАТ. Собственно ничего — но в том-то и штука — вы подумали об этих женщинах?

ОНА. Нет.

АДВОКАТ. О себе-то вы похоже думаете — я слышала вы дома не ночуете — ходите на свидания — по словам этих женщин — работаете в каких-то подозрительных местах — и уже давно — и сейчас очень нуждаетесь — гм — в мужской помощи.

ОНА. Кто это сказал?

АДВОКАТ. Эти женщины — их было две по-моему или три — те которых сегодня не приняли на работу — что вы работаете в каком-то заведении — ужасно как можно такое говорить — правда?

ОНА. Мне постоянно кто-то звонит и молчит и не только молчит — а говорит чтоб я все это прекратила — но если я что-то решу то довожу до конца — даже вот производство ваше остановила.

АДВОКАТ. Произошла авария.

ОНА. Несчастный случай на производстве а не авария — но завтра вы не работаете — и я сделаю все чтоб вы и дальше не работали — и это только начало.

НАКАЗАНИЕ ЗА ГРЕХ СМЕРТЬ — ЧЕЙ ГРЕХ? — КОМУ НАКАЗАНИЕ?

19

РАБОЧИЙ. Я был упаковщиком — на производстве презервативов — больше всего мне нравилась серия продлевающая акт — потому что в этой серии на коробочке была самая прикольная фотка — мулатка изогнувшаяся как кошка — улыбается — ну и я улыбался — на втором месте у меня была серия гарантирующая остроту ощущений и дополнительное увлажнение с двумя красотками в блондинистых париках сидящими на краю ванны — работа была легкая — но платили мало — сначала надо было положить резинку в целлофановый пакетик а потом в коробочку — мне больше в коробочку нравилось — 230 баксов на руки не считая сверхурочных плюс пара упаковок бесплатно — только вот когда целый день глядишь на голые сиськи-письки через неделю вообще не стоит а через месяц моя подруга от меня ушла — и вот оттого что она меня бросила начались проблемы потому что я стал ее ревновать и все время думал не держу ли я сейчас в руках коробочку — которую откроет ее новый и будет в этом гондоне — который я упаковал — делать с ней то что мне расхотелось делать — ну и начал я свои серии придумы-

вать — например придумал серию чили — надеюсь объяснить не надо — или например серию — стекловата — сразу ревности как не бывало — стоило только представить как я им испортил весь кайф — а если еще кому-то когда-то испортил — извините — я влюбленный был — но скоро лавочку мне прикрыли — когда мой шеф взял себе пачку прямо с моего конвейера — из серии по-моему стекловата — на следующий день я уже там не работал — шеф когда меня увольнял держался за ширинку — и подруга моя ко мне не вернулась.

ПРИНИМАЕМ НА РАБОТУ ЛЮДЕЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ ДОХОДА

20

ОНА/СЕСТРА

ОНА. Это реально огромный ангар и кажется что их вообще там нет — когда они в этих белых комбинезонах — меня с моими белыми волосами вообще видно не было — потому что я в его комбинезоне была — рукава закатала — переоделась в туалете — и пошла в цех — это уже после того как меня на работу не взяли — и я там все сфотографировала — никто меня не видел — там вообще никого не видно.

СЕСТРА. На этих фотках тоже никого не видно.

ОНА. Видно.

СЕСТРА. Так сказали — а откуда ты знаешь что видно?

ОНА. Знаю — я долго там была и знаю.

СЕСТРА. Ты не знаешь даже в каком месте фотографировать — откуда тебе знать?

ОНА. Там висела инструкция на итальянском.

СЕСТРА. Ты же не понимаешь по-итальянски.

ОНА. Жаль что ты со мной не пошла.

СЕСТРА. Ты же мне ничего не сказала.

ОНА. Может хоть ты что-нибудь там вычитала бы.

СЕСТРА. Этого нигде не написано.

ОНА. Чего?

СЕСТРА. Где надо фотографировать.

ОНА. А когда я сказала что нащелкала фоток они перепугались — что я их отнесу куда надо и покажу — завтра отнесу на телевидение — посмотришь все будут в шоке — и это только начало.

СЕСТРА. Да они над тобой смеются.

ОНА. Кто смеется?

СЕСТРА. А мать плачет.

ОНА. А мне по фиг что смеются.

СЕСТРА. А что мать плачет — тоже по фиг.

ОНА. Я тоже плачу — я спать не могу — лежу и смотрю в потолок а сегодня ночью мне так было хреново как будто почки болели — а у меня никогда почки не болели — я пошла в ванную и описалась — на полу лужа крови.

СЕСТРА. К матери из районной управы приходили — сказали что ты вместо того чтоб волосы в черный цвет покрасить выкрасилась в блондинку и шляешься по району и вообще тебя дома не застать а должна сидеть дома — а не шляться.

ОНА. Я уеду.

СЕСТРА. Уедешь?

ОНА. Я должна с ними встретиться — вот когда встречу и подпишу все — тогда буду думать о том чтоб уехать.

СЕСТРА. Когда ты хочешь с ними встретиться?

ОНА. Да я сама толком не знаю что делать — что мне делать?

СЕСТРА. А если они не подпишут?

ОНА. Тогда не знаю — вообще-то у меня есть план на пять лет.

СЕСТРА. На пять лет?

ОНА. На пять лет.

СЕСТРА. Ты сама запланировала?

ОНА. Сама.

СЕСТРА. Это они тебе запланировали.

ОНА. И тебе тоже.

СЕСТРА. Нетушки — я-то могу уехать.

ОНА. Ну так чего не едешь?

СЕСТРА. Тебя жалко.

ОНА. Жалко?

СЕСТРА. Жалко.

ОНА. Жалко.

СЕСТРА. Думаешь он бы хотел чтоб ты сейчас так переживала?

ОНА. Не хотел бы.

СЕСТРА. Потому что ты позволила чтобы тебе на пять лет жизнь запланировали.

ОНА. Не могу я иначе понимаешь? Не умею.

СЕСТРА. Так надо научиться.

ОНА. Я уже ничему не научусь — я могу только сидеть — у меня почки болят и в животе что-то вздулось — один знакомый мне сказал что на моем месте уже давно бы спился.

СЕСТРА. Прекрати.

ОНА. Так и сказал — и еще я четыре пачки в день выкуриваю.

СЕСТРА. Кончай заливать.

ОНА. Ну может три.

СЕСТРА. Не могу больше это слушать — перестань.

ОНА. Я все чашки в доме случайно разбила — все которые на полке стояли.

СЕСТРА. Вечно с тобой так.

ОНА. А что я могу?

СЕСТРА. А кто может?

ОНА. Не знаю — мне надо было себя беречь — мы конкретно договорились — чтоб пюрешки — всякие там — чтобы сок морковный пить — а теперь никаких соков пить не надо и курить можно.

СЕСТРА. И что? Ты же не курила.

ОНА. Ну не курила.

СЕСТРА. А теперь куришь.

ОНА. А теперь курю.

СЕСТРА. Только деньги переводишь.

ОНА. Потому что у меня не почки болели — мы собирались вам сказать — но не сказали — случая не было — а сейчас и тем более глупо — у меня должен был быть ребенок — но уже не будет.

СЕСТРА. Ты ничего не говорила — ты вообще никогда об этом не говорила.

ОНА. Случая не было.

СЕСТРА. Странно — он тоже не говорил.

ОНА. Да все случая не было — но мы собирались сказать.

СЕСТРА. Он бы сказал.

ОНА. А когда ему было говорить — если мы только по праздникам видимся — виделись — мы хотели в деревне вам сказать — а сейчас не о чем уже говорить.

СЕСТРА. Я тебе не верю.

ОНА. Ну так что мне делать?

СЕСТРА. А мне что делать?

ОНА. Пошли со мной — сама увидишь.

СЕСТРА. Что я увижу?

ОНА. Не знаю — но увидишь — ты же говоришь по-итальянски — может ты больше узнаешь — что делать с этими фотками — может ты сообразишь как спросить потому что я уже ничего не знаю — не знаю даже куда смотреть о чем спрашивать — я сама не смогу.

21

УБОРЩИК/РАБОЧИЙ/ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

УБОРЩИК. После того как я там убирал — я выходной взял.

РАБОЧИЙ. Кто же тебе может запретить раз у тебя столько денег чтоб выходные брать?

УБОРЩИК. Нет у меня денег — ни на что нет — мне просто необходим был выходной и я занял бабла.

РАБОЧИЙ. Я тоже а сейчас боюсь.

УБОРЩИК. А я не боюсь.

РАБОЧИЙ. А я блин парюсь — отдавать нечем.

УБОРЩИК. Но тогда я просто испугался — тогда я реально испугался — там такая дверка маленькая через которую надо было пройти — согнуться и пройти — а у меня сердце больное и я сразу его почувствовал как только наклоняться стал.

РАБОЧИЙ. Так все же выключено было.

УБОРЩИК. У меня руки затряслись — я старался не обращать внимания — а дверь эта — только что отштампованная дверь холодильника из серии Graffiti — на которой можно разные вещи записывать — вся была в крови — и в мозгах — и я подумал — как бы это в магазине выглядело — если бы кто-то не заметил и запаковал этот холодильник — а другой кто-нибудь взял бы да купил холодильник новейшей модели в кредит и повез домой — распаковал — снял пенопласт а на двери мозги и кровяца — и я подумал — это же дверь на которой можно писать — и значит можно стирать — ну вот я и стал стирать сначала кровь эту а потом свою блевотину — и никак не мог остановиться — а он ухмыляется и спрашивает чего я такой бледный — привидение что ли увидел — ну тогда я пошел и занял у него денег.

РАБОЧИЙ. Ты же говорил что у него нельзя занимать — мог бы мне раньше сказать.

УБОРЩИК. А ты не спрашивал — короче я тут с пацанами из района договорился — и его же собственными деньгами им заплатил.

РАБОЧИЙ. А как отдавать будешь? — мне интересно — лично я не знаю как.

УБОРЩИК. А я не буду — когда его отмочат то он никаких денег назад не захочет — до смерти испугается и больше не будет смотреть на нас так как раньше — да вообще будет не на нас смотреть а на свои ботинки и первым кланяться будет.

РАБОЧИЙ. Так не делают.

УБОРЩИК. Это он так больше не будет делать.

РАБОЧИЙ. Я ему должен.

УБОРЩИК. Это он должен.

РАБОЧИЙ. Я лично боюсь.

УБОРЩИК. Я тоже немного.

РАБОЧИЙ. Я не немного.

УБОРЩИК. Да ладно — чего ты — он заслужил — ты знаешь почему он деньги взаймы дает?

РАБОЧИЙ. Знаю.

ПОЛЬША! ПОЛЬША! ЗАБЕЙ ГОЛОВ ПОБОЛЬШЕ!

На фоне этой надписи ПОЛЬСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО бьют.

РАБОЧИЙ. А моя жена — она и так вечно недовольна — когда я дома — а вот когда ухожу — у нее сразу настроение поднимается — и хрен ее знает что она там делает — говорит что больше меня зарабатывает — а я когда мы с ней по улице идем смотрю на мужиков — и думаю сколько ж они зарабатывают и сколько я — и чего бы ей с ними не пойти прогуляться — и с какой это радости она идет рядом со мной — что я на хрен могу — я блин старею — ну в кредит могу ей что-нибудь купить — и то если она сама будет его выплачивать — потому что у меня таких бабок нет — учиться уже поздно — я до конца жизни могу платить только за квартиру ну и еще за еду — «Польша наша ого-го — дает Европе баб и молоко — молоко пьют наши дети а бабы дают нам и нашим сыновьям».

ТЕЛКИ ТАЩАТСЯ ОТ БАБЛА? — БЕРЕГИСЬ ТЕХ ЧТО ПОБОГАЧЕ?

ОНА. А может нужно
метелить всех
кто умеет писать и читать и считать и запросто все
объясняют
каждого кто хоть раз
надел на работу пиджак и галстук
и запросто это объяснил
может быть нужно их метелить
может это единственный способ
и надо это сделать
пока не поздно и пока не все забыто
может лучше метелить их день за днем
или неделю за неделей
чем так жить
чем это допускать
чем этого не допускать.

22

ДИРЕКТОР/ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ/ОНА/СЕСТРА/ +
(возможно) ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ДИРЕКТОР. В свете того что случилось — мы искренне сожалеем — мы просто не знаем как быть — все в страхе — после этого случая практически все стали бояться — мы вынуждены были увеличить расходы на технику безопасности — а теперь после этого избиения сами всего боимся — мне-то понятно что это не само собой получилось — что вы к этому приложили руку — так оно и есть поэтому мы пригласили вас для разговора — ведь наш долг

заботиться о других и мы хотели бы подчеркнуть что на безопасности работников никогда не сэкономили и не экономим — но последние события — когда нападают на мирного человека — калечат его — конечно же понятно что это следствие чрезмерного общественного резонанса.

ОНА. Какой там чрезмерный резонанс.

ДИРЕКТОР. Это же практически терроризм.

ОНА. То ли еще будет.

ДИРЕКТОР. Я привык взвешивать свои слова — если б я этого не делал то не сидел бы тут.

ОНА. Я никого не осуждаю — ладно кто-то кому-то что-то сделал — но видать он кого-то сильно достал иначе ему б не сделали то что сделали.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Мы конечно приносим вам свои глубочайшие соболезнования — мы конечно тоже скорбим и сожалеем — особенно потому что до сих пор считались предприятием с безупречной репутацией — вы впрочем и сами знаете — верно?

СЕСТРА. А как так получилось что ему вроде бы увеличили зарплату а в бумагах это нигде не зафиксировано?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Насколько я знаю ему действительно повысили зарплату.

СЕСТРА. На 20 грошей.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Такие у нас ставки — в соответствии с тарифной сеткой.

СЕСТРА. Мы хотели бы наконец узнать.

ДИРЕКТОР. Извините мы уже читали ваше заявление.

СЕСТРА. Мы хотели бы узнать — кто был тогда начальником смены.

ДИРЕКТОР. Так получилось что в тот день никого не было.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Так получилось что даже никого из директоров не было — а управляющего тем более.

СЕСТРА. То есть никого не было?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Никого.

ОНА. Значит вы это заявление не подпишете.

ДИРЕКТОР. Послушайте этот человек был нам как брат — я помню как он играл с нами в футбол на корпоративном празднике.

ОНА. Он играл не в футбол а в волейбол.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Но на празднике он был — я помню.

ОНА. На празднике вы были — а когда это случилось никого не было?

ДИРЕКТОР. Я же вам объясняю — если вам нужна помощь например в организации похорон.

ОНА. Вы уже помогли в организации похорон.

ДИРЕКТОР. Что?

ОНА. Да уж в организации похорон вы помогли.

ДИРЕКТОР. Но сейчас мы говорим о деньгах.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Да давайте лучше о деньгах.

ДИРЕКТОР. Если вам сейчас понадобится машина — мы разумеется ее вам предоставим.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вместе с водителем — я сам могу сесть за руль.

ОНА. Я хочу только одного — чтоб кто-нибудь признался.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я с большим удовольствием буду вас возить.

ОНА. С удовольствием?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. С большим удовольствием.

ОНА. И с удовольствием скажете мне кто виновен?

ДИРЕКТОР. Дело ведь и так на рассмотрении в суде.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вот именно.

ОНА. Но у меня есть право сейчас.

ДИРЕКТОР. Дело должно пройти через суд и мы готовы к тому что это будет тянуться лет пять.

ОНА. Лет пять?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Только кто об этом вспомнит через пять лет если сейчас уже никто не помнит.

ОНА. Я — выходит вы мне уже распланировали жизнь на пятилетку?

АДВОКАТ. Пятилетки были раньше — но их уже нет и мы должны этому радоваться.

ОНА. Вы радуетесь?

СЕСТРА. Скажите чтоб он вынул руки из карманов — нас это оскорбляет.

АДВОКАТ. Были проведены три экспертизы — ни одна их них не выявила причины.

СЕСТРА. Может у вас так принято — но нас это оскорбляет.

АДВОКАТ. И вы должны прислушаться к нашим словам — по крайней мере в этом вопросе — иначе это будет тянуться и тянуться.

СЕСТРА. Скажите чтоб он вынул руки из карманов.

ДИРЕКТОР. Чего она вообще хочет?

АДВОКАТ. Кто она?

ДИРЕКТОР. Она.

АДВОКАТ. Которая из них?

ДИРЕКТОР. Чего ей надо?

АДВОКАТ. Да собственно ничего.

ДИРЕКТОР. Она что-то там говорит — говорит что не хочет — что ничего не хочет — что с ней?

АДВОКАТ. Не поняла.

ДИРЕКТОР. Вы когда-нибудь научитесь говорить по-итальянски?

АДВОКАТ. Я практически закончила курс.

ДИРЕКТОР. Знаете что — мы вам столько платим что надо бы вам знать итальянский.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну ладно не будем перегибать палку — это наш образцовый работник — высочайшего профессионального уровня.

ДИРЕКТОР. Ну так в чем там с ней дело — она тормознутая что ли — или просто дура?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ты о которой из них?

ДИРЕКТОР. Ну об этой.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не знаю.

ДИРЕКТОР. Дура она.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Дура?

АДВОКАТ. Которая?

ДИРЕКТОР. Дура — какая-то тормознутая — откуда она вообще взялась?

АДВОКАТ. Я не совсем...

ДИРЕКТОР. Что не совсем — говори ясно.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну дура — как в песне I'm just a stupid girl.

АДВОКАТ. Да похоже на то.

ДИРЕКТОР. Поговорите с ней еще раз — надо ее как-то убедить — чтобы она ни с кем больше не разговаривала — это серьезное дело — политическое — если что-то случится — мне бы не хотелось быть (*Адвокату*) на вашем месте.

АДВОКАТ. Как это политическое дело?

ДИРЕКТОР. Я правда не хотел бы быть на вашем месте.

АДВОКАТ. Не знаю — мне кажется мы практически все уже сделали.

ДИРЕКТОР. Не хотел бы — правда — кстати — это ты им заплатил?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. За что? Я никому не платил.

ДИРЕКТОР. За то чтоб отметилили этого?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нет — я думал это ты.

ДИРЕКТОР. Может они сами заплатили.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. В любом случае получилось классно.

ДИРЕКТОР. Очень классно.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ (ЕЙ). Мы с вами прощаемся.

ДИРЕКТОР. Мы с вами прощаемся но оставляем вас с нашим адвокатом — она должна кое-что с вами обсудить — еще раз хочу подчеркнуть — мы прикладываем все усилия для улучшения условий труда — в смысле для еще большего улучшения.

— что должно было случиться чтобы случилось что-то другое?

— почему не случилось раньше?

— почему это раньше не случилось?

— что не случилось раньше?

— сначала случилось одно

— случилось ли потом другое?

— первое случилось

— первое да

— да-да первое случилось

У ТЕБЯ ПРОБЛЕМА? МЫ ЕЕ РЕШИМ

23

ОНА/ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ/ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Может я буду переводить?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я подумал может мне переводить?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ (Поляку). Нет никакой необходимости — а вот к директору тебе зайти необходимо.

ОНА. Не понимаю к чему этот разговор?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я бы сейчас с удовольствием понырял — ты когда-нибудь занималась подводным плаванием?

ОНА. Нет — не занималась.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Это несложно — можно научиться — хочешь научиться?

ОНА. Нет — нет пожалуй.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я видел тебя на той встрече — не тем ты занимаешься — надо лежать на пляже и время от времени лезть в воду — в маске и с трубкой — или с аквалангом — надеваешь акваланг и исчезаешь на пару часов.

ОНА. На сколько?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Все зависит от акваланга.

ОНА. Это наверное опасно?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нет — все под контролем — совсем не опасно — могу тебе показать.

ОНА. А маска может слететь?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не может.

ОНА. А если в трубку попадет вода?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нет — там есть специальный клапан.

ОНА. А если что-нибудь понадобится разрезать?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Да — такое бывает.

ОНА. А у ныряльщика есть нож?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Сама понимаешь — можно в сети попасть или запутаться в водорослях.

ОНА. И что — тогда можно не выплыть?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вот как раз для этого и нужен нож.

ОНА. А если кто-нибудь его заберет? Или забудешь его взять?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну тогда всегда найдется кто-нибудь кто тебя подстрахует и даст свой.

ОНА. То есть у того человека тоже должен быть нож?
ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. У каждого должен быть нож — как в кухне.

ОНА. В кухне тоже нужно быть осторожным?
ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Помимо подводного плавания я еще люблю готовить — мог бы всю жизнь только стряпней и заниматься.

ОНА. Но ведь можно обжечься.
ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Надо осторожно.

ОНА. Или огонь в плите погаснет.
ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. В наших плитах есть предохранители.

ОНА. Думаешь в такой плите огонь не может погаснуть?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Может но ничего не случится.

ОНА. А если огонь будет слишком большой?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я всегда слежу чтобы не пригорало.

ОНА. Шторы могут загореться.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. У меня жалюзи.

ОНА. А еще можно поскользнуться и упасть и удариться об стол — желаю тебе не мучиться — как я сейчас.

ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ОТПУСКА, ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТВОЕЙ ЛИЧНОСТИ

РАБОЧИЙ/ ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

РАБОЧИЙ. Это не я — я ничего общего с этим не имею — с этим нападением.

РАБОЧИЙ. У меня они уже почти есть — вернее будут — я отдам вам деньги — с процентами.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не надо.

РАБОЧИЙ. Я отдам — честно.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я сказал — не надо — у меня к тебе просьба.

РАБОЧИЙ. Нет — на это я не согласен — так не делают — так нельзя — я все сделаю — я в полицию пойду.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вот как раз в полицию идти не надо — а надо чтобы ты — когда придет инспекция с вопросами — сказал что меня как раз в тот день не было на заводе — и что защиту никогда никто не снимал и вообще это невозможно сделать.

РАБОЧИЙ. Так возможно ведь.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Нет и никогда не было возможно и все было на месте — понятно?

РАБОЧИЙ. Невозможно.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну и сам понимаешь — когда все утрясется может какой-никакой холодильничек на корпоративном празднике тебе достанется — а к нему рюкзак и еще какие-нибудь сувениры от фирмы сообразим.

РАБОЧИЙ. Я не хожу на корпоративные праздники.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Но шнурок-то для мобильника у тебя есть?

РАБОЧИЙ. Шнурок есть.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну так смотри не потеряй.

ДЛЯ КЛИЕНТОВ БЕСПЛАТНО

СЕСТРА. Каких уроков?

ОНА. Ты же предлагала учить меня итальянскому.

СЕСТРА. Предлагала.

ОНА. Так научишь?

СЕСТРА. Тут парой уроков не обойдешься.

ОНА. Знаю — ну хотя бы основы.

СЕСТРА. А чего это тебе так резко итальянский понадобился? Какие основы?

ОНА. Как нож по-итальянски?

СЕСТРА: Coltello.

ОНА. А сеть?

СЕСТРА. Rete.

ОНА. А огонь?

СЕСТРА. Fuoco.

ОНА. А акваланг?

СЕСТРА. Зачем тебе акваланг?

ОНА. Хочу понырять.

СЕСТРА. Где понырять?

ОНА. В Италии.

СЕСТРА. В какой Италии?

ОНА. Ты же сама говорила что мне нужно куда-нибудь поехать.

СЕСТРА. Но я не думала...

ОНА. Ты там была — вот и я хочу.

СЕСТРА. Я совсем другое дело.

ОНА. Какое другое?

СЕСТРА. Такое другое.

ОНА. Мне тоже захотелось — один из итальянских управляющих подкинул идею — заняться подводным плаванием.

СЕСТРА. Тот с кем ты разговаривала?

ОНА. Ну да поговорили минутку.

СЕСТРА. И ты решила заняться подводным плаванием?

ОНА. Ну я подумала...

СЕСТРА. О чем ты подумала?

ОНА. Я просто представила себе.

СЕСТРА. Тебе что заняться больше нечем?

ОНА. Ты же сама говорила что мне надо уехать — лучше помогла бы мне — адрес дала — где ты работала — а может вместе поедем?

СЕСТРА. Нет.

ОНА. Почему нет — ты же сама меня уговаривала.

СЕСТРА. Нет.

ОНА. Поехали бы вместе — по крайней мере хоть в этом ты бы мне помогла.

СЕСТРА. Только не в Италию.

ОНА. Почему?

СЕСТРА. Не хочу.

ОНА. Я не понимаю почему ты не хочешь.

СЕСТРА. Не понимаешь?

ОНА. Ты бы мне очень помогла — а для меня сейчас это крайне важно.

СЕСТРА. Нет.

ОНА. Отказываешься — ты-то ездила а мне не хочешь помочь — я не могу одна.

СЕСТРА. А ты знаешь как я ездила — что там было я сбежала оттуда
поначалу казалось — что все будет супер — я никому об этом не рассказывала
автобус бесплатный
денег занимать не понадобилось
я так обрадовалась — занять-то не у кого было
а когда мы приехали через 36 часов
перестала радоваться
никакой это был не остров в Адриатическом море
а обычное побережье
и гостиницы там никакой не было
а какие-то хибары и собаки
и люди с этими собаками

когда один парень с которым я сидела в автобусе
сказал что в таких условиях он работать не будет
его избили чтобы другим неповадно было а аптечки там
ни у кого не было

а автобус уже уехал
мы собирали оливки
в пять утра подъем на работу
жара дикая а на море иногда можно было увидеть ко-
рабли

после того как нам три недели не платили
кто-то сбежал и не вернулся
потом кого-то сбросили с лестницы
на кого-то собак натравили
мне казалось будто я в концлагере
я думала — вот ведь во время войны
никто из наших родственников не попал в концлагерь
а я попала

и что это не сейчас происходит а в каком-то другом веке
по ночам я не могла спать — боялась
и до сих пор плохо сплю
работали мы только за еду
а я знала что где-то неподалеку есть пляж
на котором скорее всего загорают туристы
и пьют кофе со льдом и едят оливки
а я нет

и мне так захотелось назад
так захотелось сюда вернуться
чтобы каждое утро вставать и отправляться искать ра-
боту

или даже не искать а просто садиться в трамвай
а потом я села в вонючую машину
и умоляла чтоб меня оттуда увезли
я им заплатила
потом дождалась когда у меня отрастут волосы
и вернулась

а голову я обрила потому что у всех у нас были вши
и сейчас когда я захожу в магазин
то не могу смотреть на оливки — от страха
что мне это снится и я снова там
а сказать правду я не могла
потому что нужно уметь добиваться чего-то в жизни
а если сама не добьешься
то никто за тебя этого не сделает.

ГОСУДАРСТВО ДАСТ ТЕБЕ УДОЧКУ — НА КРЮЧОК ПОПАДЕШЬСЯ САМ

26

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ/УБОРЩИК

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не знаю как тут вообще можно ходить — нужно наконец навести порядок — в конце концов здесь должен быть порядок и он будет — вы ведь неплохо справляетесь — правда?

УБОРЩИК. Правда.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Порядок прежде всего?

УБОРЩИК. Типа того.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Кстати — мне правда понравилось — сначала слева — потом справа и прямой — ты боксер?

УБОРЩИК. Не понял.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Он верно тоже не понял — так как же там было — левой — левой — правой — и прямой? Или правой — правой — левой — прямой — правой — прямой — прямой? Я когда-то занимался боксом — а ты вроде не занимаешься?

УБОРЩИК. —

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Так что Италия—Польша 1:1?

УБОРЩИК. Не понимаю — я порядок навожу а такими вещами не занимаюсь.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Правой — ниже пояса — прямой — а боксер?

УБОРЩИК. —

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Мне-то ты можешь сказать?

УБОРЩИК. Тебе не могу.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну конечно не можешь — у меня охрана — но меня ты бы тоже хотел — а? — только за что?

УБОРЩИК. Мне домой пора — я закончил.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я знаю что ты не понимаешь — и он не понимает — думаешь новый управляющий поймет?

УБОРЩИК. Какой новый управляющий?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Какой-нибудь — новый — слушай но в случае чего я могу на тебя рассчитывать?

УБОРЩИК. На меня?

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. На тебя.

УБОРЩИК. Я просто работаю.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Сам понимаешь — отлично все было сделано — сейчас это совсем другой человек правда же?

УБОРЩИК. —

ИТАЛЬЯНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ладно — подумай хорошенько — я уезжаю — наконец я уезжаю — но потом опять приеду — так что чао — как тут у вас говорят? Попутного ветра в задницу?

**А ПОЛЬША ОПЯТЬ
ПРОИГРАЛА МАТЧ**

27

ОНА/АДВОКАТ

АДВОКАТ. Если вам что-нибудь понадобится — звоните — у меня новый телефон.

ОНА. Я вам не звонила и звонить не собираюсь.

АДВОКАТ. Ну так самое время начать.

ОНА. Как вы могли сказать по радио что я взяла компенсацию?

АДВОКАТ. Я? Я такого не говорила.

ОНА. Я сама слышала — все слышали.

АДВОКАТ. Наверное я оговорилаась.

ОНА. Неправда — я этого так не оставлю — я вам уже говорила — я горы сверну.

АДВОКАТ. У тебя были слишком большие требования — вот и получила.

ОНА. Какие большие?

АДВОКАТ. А такие — мы ничего подписывать не будем — это невозможно!

ОНА. Полно разных способов.

АДВОКАТ. Это я уже слышала — знаешь что? — меня такси ждет.

ОНА. У меня новый адвокат.

АДВОКАТ. Да? Это кто же?

ОНА. С Пётрковской 34.

АДВОКАТ. Кшисек?

ОНА. Нет.

АДВОКАТ. Томек? а может его отец? — так складывается что я с ними знакома — и причем очень близко — к кому ты еще пойдешь — к тому? — знаю — к этому? — тоже — у этого — и у этого отсасывала — а у этого если нужно будет отсосу — потому что он уже пару лет добивается меня ну и какие еще горы ты хочешь свернуть? Я 10 ну 15 минут поработаю у него в ширинке и все проблемы

решены — ты можешь сворачивать горы — а мне достаточно языком поработать — ну что — в газету пойдешь? — я тоже пойду — мы пойдем — и через два дня появится статья что мы самое образцовое предприятие в стране — ну и на чьем месте ты хотела бы оказаться? — я тоже когда-то была на твоём месте.

ОНА. Непохоже.

АДВОКАТ. Некоторые дела делятся больше пяти лет — бывает что и двадцать пять.

ОНА. Так что же мне делать?

АДВОКАТ. Что тебе делать?

ОНА. Вы даже не представляете что это такое.

АДВОКАТ. Да? — тебе наверное кажется что только с тобой такое случилось? а ты слышала про забастовку на шахте «Вуек»? как в шахту милиция ворвалась — даже фильм об этом сняли — и что? — я тоже в трауре была — а отцовские вещи провисели в шкафу почти 10 лет — пока мы квартиру не продали вместе с ними — покупатели к счастью не сообразили что к чему — и вот уже 25 лет никто не знает что случилось — до сих пор никто не знает — когда я ехала из Силезии в Варшаву то уже тогда поняла что все бесполезно — а мать мне сказала — девочка ты теперь можешь все — мы не могли — а ты можешь — зарабатывать деньги — работать за деньги — и я знала что нужно делать — а ты до сих пор не знаешь.

ОНА. Не понимаю о чем вы.

АДВОКАТ. Ну конечно не понимаешь.

ОНА. Не понимаю.

АДВОКАТ. Ну так воспользуйся советом — жизнь это не семь лет проведенных с одним мужиком и полностью ему отданных — все это чушь.

ОНА. Не хочу этого слышать.

АДВОКАТ. Это не средняя школа — хотя ты по-моему и школы-то не закончила — поэтому повторяю — подумай хорошенько — ну что еще ты можешь сделать?

ОНА. Я уже сказала.

АДВОКАТ. Ну — и что ты сейчас станешь делать?

ОНА. Не знаю.

АДВОКАТ. Да ты вообще ничего не знаешь — если бы мне предложили 50 зарплат я бы взяла и жила на них лет десять — да только твоя зарплата всего 50 тысяч — я столько за три месяца зарабатываю — а если и это дело закрою то скорее всего буду столько зарабатывать за два месяца — ты себе это представляешь?

ОНА. Нет — не представляю.

АДВОКАТ. Думаешь — я отступлюсь?

ОНА. —

АДВОКАТ. Чего ради? — я не для того тут столько парилась чтоб в конце отступиться — поэтому я делаю все чтобы считаться хорошим профессионалом — вот и все — мне есть что терять.

ОНА. —

АДВОКАТ. Представляешь что со мной будет если я что-нибудь запорю? — ты себе даже представить не можешь — поэтому лучше постарайся меня понять — такой вот расклад — и я не допущу — чтобы у меня что-то пошло не так.

ОНА. Я тоже не допущу.

АДВОКАТ. И я.

ОНА. Знаю.

АДВОКАТ. Ну тогда у тебя проблема.

ОНА. Значит проблема.

АДВОКАТ. Итак мы все выяснили — да?

ОНА. Посмотрим.

АДВОКАТ. Уверена что ты хотела бы быть на моем месте — я всегда хотела быть на своем месте и так оно и есть и я не допущу чтобы кто-то попытался меня оттуда столкнуть и мешал спокойно возвращаться домой — есть салат и принимать ванну с целебными травами — которую я сейчас и приму.

ОНА. Тебя такси ждет.

АДВОКАТ. Подождет — меня подождет — меня еще многое ждет — а если в тебе за пять лет что-нибудь сломается — или в психушку попадешь потому что не выдержишь? — и ничего интересного с тобой уже не произойдет — ничегошеньки — короче если передумаешь звони — еще не поздно — пока не поздно. А где мое такси?!

КУДА ПОДЕВАЛИСЬ ВСЕ НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ?

28

ДИРЕКТОР/ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

ДИРЕКТОР. Как вы себя чувствуете?

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Хорошо чувствую.

ДИРЕКТОР. Вот видите — а у меня все время на душе кошки скребут.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. В смысле только физически.

ДИРЕКТОР. Послушайте — я должен был ехать отдыхать — заниматься подводным плаванием — для моей работы это очень важно — я фотографирую под водой — а потом когда мы встречаем всей семьей Рождество показываю эти фотографии и всем очень приятно — в этом году похоже приятного будет мало — за столом все переругаются — говорить будет не о чем и будут проблемы.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. —

ДИРЕКТОР. Я себе этого не могу позволить — город себе не может этого позволить — потому что мы создаем рабочие места чтобы люди в городе тоже могли проводить праздники в мирной и спокойной обстановке — а вы себя не проявили — вы несмотря на определенные достижения

не соответствует представлению фирмы о ее работах — мы делаем ставку на диалог — на взаимопонимание — на подарки для детей — на интеграционные курсы и корпоративные праздники — поэтому прошу вас зайти в отдел кадров и написать заявление об уходе — вы обязаны это сделать — да-да — это можно сказать ваш долг перед нами.

ПОЛЬСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Но куда же я пойду?
ДИРЕКТОР. Как куда? На проходную.

СИЛЬНЫЙ ПОЖИРАЕТ СЛАБОГО — ТЫ УЖЕ ВЫБРАЛ СЕБЕ АТЛЕТИЧЕСКИЙ КЛУБ?

29

ОНА/СЕСТРА

ОНА. Я просто не знаю что делать — я уже горы свернула.

СЕСТРА. Не так-то легко свернуть горы.

ОНА. Я хотела только — я слышала что обо мне говорят — и вы обо мне тоже так говорите.

СЕСТРА. Нет — мы не говорим.

ОНА. Я прихожу домой — и все время одна — только рыбки у меня и были — хотела вены себе перерезать — купила собаку.

СЕСТРА. И хочешь ехать с собакой.

ОНА. У Проказницы есть специальная корзинка.

СЕСТРА. Бедное животное.

ОНА. У нее кличка Проказница — она мне постоянно мешает — мне теперь постоянно что-то мешает.

СЕСТРА. И ты в такую холодрыгу с ней поедешь?

ОНА. А недавно мне показалось что на стене сидит муха — потому что она мух ест — собака уставилась на стену и лает а мухи никакой нет — а собака рычит как будто там — как будто там кто-то стоит — но никого не было.

СЕСТРА. Бывает животные реагируют непонятно на что.

ОНА. Рычит а я спрашиваю — чего рычишь.

СЕСТРА. Может она почувствовала что кто-то там все-таки был.

ОНА. А недавно я ехала на машине и ее занесло — так вот на секунду мне показалось что какая-то сила просто удержала руль — и мне ничего не понадобилось делать — я просто ехала — и мне показалось что это он — он мне помогает — мать говорит чтоб я свечи жгла раз в доме привидение завелось — а я не боюсь — как я могу его бояться.

СЕСТРА. Он теперь будет тебя охранять.

ОНА. Хотя бы он.

СЕСТРА. Да — на него ты можешь положиться.

ОНА. Больше ни на кого не могу.

СЕСТРА. Ни на кого.

ОНА. Ни на кого.

СЕСТРА. И впрямь ни на кого.

ОНА. Я же говорю — только он может мне теперь помочь — больше никто не поможет — я встаю — в два раза греваю обед и жду.

30

РАБОЧИЙ/ДИРЕКТОР

ДИРЕКТОР. Мы тут вчера подумали — у нас оказывается нет профсоюза — непонятно почему — мы подготовили бумаги — все необходимое чтобы такой союз основать — у нас в Италии давняя профсоюзная традиция —

так почему бы ее не перенести на польскую почву — понимаете — вы дали нам Папу Римского — ну и мы в том же духе как говорится.

РАБОЧИЙ. Папа Римский и так у вас жил — когда Папой стал.

ДИРЕКТОР. Ну да — но вас-то он всегда первыми приветствовал и потом этот ваш патриотический порыв после его смерти так всех тронул — весь мир плакал вместе с вами.

РАБОЧИЙ. Да — только выходной в день его похорон нас все равно обязали отработать.

ДИРЕКТОР. Я тоже обязан был отработать — все были обязаны — а сейчас ознакомьтесь — и подпишите вот здесь — с людьми поговорите ну а потом мы вместе всё обсудим.

РАБОЧИЙ. Всё?

ДИРЕКТОР. Я слышал — у вас с женой проблемы — так их не будет — вы будете получать совсем другие деньги за ту же работу — теперь будут профсоюзные премии.

РАБОЧИЙ. От кого вы слышали?

ДИРЕКТОР. Люди говорят — а если вы что-нибудь услышите приходите ко мне — расскажете что там говорят и кому конкретно что не нравится — я должен знать что происходит.

КОГДА НЕВИДИМАЯ РУКА РЫНКА СЪЕЗДИТ ТЕБЕ ПО РОЖЕ — ТЫ ЕЕ ДАЖЕ НЕ ЗАМЕТИШЬ

РАБОЧИЙ. Ну и что — думаешь ты все сделал и теперь тебе будет хорошо?

УБОРЩИК. Кончай.

РАБОЧИЙ. Ни хрена ты не сделал — и не сможешь сделать.

УБОРЩИК. Да я ничего и не хотел делать.

РАБОЧИЙ:

ОНА:

Они наняли себе охранников — этого начальника отметелили — получай нового — его тоже отметелишь? Все это неважно а если честно то ты никто с точки зрения этой страны ты сам по себе никто с точки зрения рекламной кампании ты никто с точки зрения страховой компании ты никто с точки зрения экономики ты никто с точки зрения капиталоборота ты так мало значишь что фактически тебя просто нет с точки зрения общественного телевидения ты никто с точки зрения самых крупных городов Польши тебя вообще могло бы не быть да и твоего города тоже с точки зрения ребенка который как раз сейчас рождается абсолютно неважно есть ли

Купи лимонную фанту или литровую кока-колу только не лайт и что-нибудь вкусненькое что-нибудь сладкое например птичье молоко и бумажные полотенца и жидкость для мытья посуды в 22.40 начнется фильм и если он окажется фиговый то у меня есть диски которые я купила вместе с журналами ты смеешься над моими журналами иди и побыстрей возвращайся чтоб наш вечер поскорей начался чтобы мы могли начать вечер и нам уже незачем было вылезать из постели чтоб у нас под рукой было все весь дом.

ты вообще с точки зрения жертв взрыва вообще без разницы есть ли ты для кинозвезды которую ты видел на экране ты не существуешь для звезд футбола за которых ты болеешь ты не имеешь никакого значения ну разве только у тебя задница классная для тех кто много зарабатывает и из-за нехватки времени трахается с кем попало ты тоже ничего не значишь так как трахают они кого попало для экономистов ты значишь меньше чем статистическая погрешность которая и так не принимается во внимание даже для пивзавода где производят твое любимое пиво ни ты сам по себе не имеешь значения ни то что ты тратишь на пиво $1/3$ своей зарплаты потому что как ты сам прекрасно знаешь зарплата у тебя хреновая ну может ты значишь самую малость для кого-то на 44-м этаже небоскреба если зажжешь ночью свет в своей

комнате получится классная панорама города но мы и так будем впредь вкладывать в тебя деньги потому что ты — дешевая рабочая сила а в дешевую рабочую силу всегда выгодно вкладывать деньги это трижды верно стократ верно и найдутся такие которые еще будут благодарны за то что ты приходишь на работу и говоришь здрасьте.

Конец

Томаш Ман

111

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

**ОТЕЦ
МАТЬ
СЕСТРА
СЫН**

МАТЬ. Я больше не хотела иметь детей.

СЕСТРА. Отец постоянно говорил о ребенке.

ОТЕЦ. Сын родился под утро.

МАТЬ. У него были голубые глаза, как у ангела.

СЕСТРА. Мама получила от отца ведро роз.

МАТЬ. Он часто просыпался по ночам.

ОТЕЦ. Не давал нам заснуть.

СЕСТРА. Когда он плакал, я пела ему колыбельные.

МАТЬ. А я включала радио на полную мощность.

ОТЕЦ. На работу я шел совершенно измотанный.

МАТЬ. Он рано научился ползать.

СЕСТРА. Я бросала ему мячик, а он пугался.

МАТЬ. Мы все смеялись.

ОТЕЦ. Я говорил: вырастет футболистом.

СЕСТРА. Однажды мама хотела его покормить.

МАТЬ. Дала ему грудь.

ОТЕЦ. Он сказал: нет.

МАТЬ. У меня пропало молоко.

ОТЕЦ. Он показывал на картинки со святыми на стене.

СЕСТРА. Я снимала ему их.

ОТЕЦ. Он их целовал.

МАТЬ. Стеснялся чужих.

СЕСТРА. Прятался под стол.

ОТЕЦ. Если я пытался его вытащить, плакал.

СЕСТРА. Боялся темноты.

ОТЕЦ. Засыпал только при свете.

МАТЬ. Лампа должна была гореть всю ночь.

СЕСТРА. Танцевал под колядки.

МАТЬ. Я говорила ему, что это нехорошо.

ОТЕЦ. Он обижался.

СЕСТРА. Забивался в угол и не откликался.

МАТЬ. Надо было просить, чтобы он улыбнулся.

ОТЕЦ. Скалил в ответ зубы.

МАТЬ. Любил наблюдать, как я кручусь на кухне.

СЕСТРА. Облился кипятком.

ОТЕЦ. Ошпарил спину.

СЕСТРА. Мама долго спала вместе с ним.

МАТЬ. Он кричал во сне.

ОТЕЦ. Жена сетовала, что я обращаю на него мало внимания.

МАТЬ. Сызмальства сам включал телевизор.

СЕСТРА. Гладил экран и прижимался к нему.

МАТЬ. Стоял, разинув рот.

СЕСТРА. Любил мультфильмы про животных.

ОТЕЦ. Не оторвешь.

СЕСТРА. Однажды укусил маму за руку.

МАТЬ. У меня до сих пор остался след.

ОТЕЦ. Хотел есть самостоятельно.

СЕСТРА. Попросил поставить перед ним тарелочку.

МАТЬ. Размахивал ложкой во все стороны.

СЕСТРА. Пока не попадал в рот.

ОТЕЦ. Если я пытался его накормить, выплевывал.

МАТЬ. Сбрасывал игрушки с полки.

СЕСТРА. И радовался, когда они падали.

МАТЬ. Я не разрешала это делать.

ОТЕЦ. Со злости измазал стену кетчупом.

МАТЬ. Сознался.

Пауза.

СЕСТРА. Он любил гулять по парку.

МАТЬ. Собирал листья.

СЕСТРА. Гонял птиц.

ОТЕЦ. Раздавал детям игрушки.

СЕСТРА. Потом не хотел забирать назад.

МАТЬ. Я кричала на него: что ты делаешь?!

ОТЕЦ. Хотел, чтобы я носил его на руках.

СЕСТРА. Вставал и вытягивал вверх ручки.

ОТЕЦ. Если я отказывался его брать, бил ногой о стену.

МАТЬ. Прижимался ко мне и сосал палец.

СЕСТРА. Однажды сам собой открылся шкаф.

МАТЬ. Он испугался.

ОТЕЦ. Описался.

МАТЬ. Не могли его успокоить.

СЕСТРА. «Буруруру» — так он заклинал духов.

Пауза.

МАТЬ. Однажды мы с мужем занимались любовью.

ОТЕЦ. Он вошел и увидел.

МАТЬ. У него началась истерика.

ОТЕЦ. С тех пор мы стали закрывать дверь на ключ.

МАТЬ. У меня был стресс — боялась, что он войдет.

СЕСТРА. Один раз запер родителей в комнате.

МАТЬ. Не хотел открывать.

ОТЕЦ. Смеялся, когда я высадил дверь.

СЕСТРА. Папа ударил его.

МАТЬ. Я не знала.

СЕСТРА. Родители часто ругались.

ОТЕЦ. Жена не получала удовольствия, когда мы занимались любовью.

МАТЬ. На мне держался весь дом.

ОТЕЦ. Я был членом профсоюза.

МАТЬ. Без конца готовила и убирала.

СЕСТРА. Отца не было целыми днями.

МАТЬ. Муж организовал забастовку.

СЕСТРА. Папу арестовали.

ОТЕЦ. Я беспокоился за семью.

МАТЬ. У него не было времени на сына, не было времени...

СЕСТРА. Мама все время разгадывала кроссворды.

МАТЬ. Его неожиданно выпустили.

СЕСТРА. Мама глаз не могла сомкнуть.

ОТЕЦ. Кто-то должен кормить семью.

СЕСТРА. Он не разрешал включать телевизор.

ОТЕЦ. Красные свиньи!

МАТЬ. Муж все внимание переключил на сына.

ОТЕЦ. Тройка бьет двойку! А туз может быть тузом или единицей.

СЫН. Я научился играть в войну.

ОТЕЦ. Я хотел, чтобы он вырос настоящим мужчиной.

СЫН. Дедушка показывал мне гильзы.

ОТЕЦ. Я заметил, что сыну нравится оружие.

СЕСТРА. В магазине игрушек он играл в солдатики.

ОТЕЦ. Я купил их.

СЕСТРА. Мы мылись вместе.

МАТЬ. Он погружался под воду.

СЕСТРА. Я должна была считать.

ОТЕЦ. Залили квартиру.

МАТЬ. На этом закончились их совместные купания.

ОТЕЦ. Он бросил кубик в зеркало.

МАТЬ. Осколки воткнулись ему в щеку.

СЕСТРА. Я вытаскивала кусочки стекла, а он их у меня вырывал.

МАТЬ. Не хотел меня обнять.

ОТЕЦ. Я купил ему велосипед.

СЕСТРА. Я читала ему перед сном.

МАТЬ. Он знал наизусть всю «Снежную королеву».

СЕСТРА. Закрывал глаза и говорил: титай, титай.

МАТЬ. У него в сердце, наверное, был осколок льда.

Пауза.

ОТЕЦ. Он грыз стаканы.

МАТЬ. Держал стекло во рту и ждал, пока я вытащу.

СЕСТРА. Я боялась, проглотит.

МАТЬ. Специально изводил меня, чтобы я вышла из себя.

СЕСТРА. Когда я спала, гладил меня, чтобы я проснулась.

МАТЬ. Рвал мои газеты с кроссвордами.

ОТЕЦ. В нем росла агрессия.

СЕСТРА. Щекотал меня в костеле, чтобы я взвизгнула.

СЫН. Иногда я донашивал за сестрой брюки, но это все же лучше, чем ничего.

ОТЕЦ. Бросил в унитаз мой бумажник и спустил воду.

СЕСТРА. Папа велел ему лечь на живот.

ОТЕЦ. Я должен был его наказать.

Пауза.

СЕСТРА. Потом папа ушел на балкон и там плакал.

ОТЕЦ. Будешь слушаться?

СЫН. Нет.

СЕСТРА. В детском саду он не любил тихий час.

МАТЬ. Дрался за каждую игрушку.

ОТЕЦ. Я сказал ему, чтобы никогда не давал себя в обиду.

МАТЬ. Я заметила, что во дворе у него появилась подружка.

СЕСТРА. Они вместе собирали каштаны и делали человечков.

МАТЬ. Лепили зверушек из пластилина.

ОТЕЦ. Брали сосиски.

МАТЬ. Изображали, что это микрофоны.

ОТЕЦ. И пели хиты Сопотского фестиваля.

СЕСТРА. Жених и невеста.

МАТЬ. Однажды закрылись в ванной.

ОТЕЦ. Разделись.

СЕСТРА. Сидели на горшках.

МАТЬ. Я запретила ему с ней дружить.

ОТЕЦ. После каникул она переехала в Голландию.

МАТЬ. Сын носил фигурки из пластилина к ее двери.

ОТЕЦ. Она не оставила адрес.

СЕСТРА. Рисовал для нее на асфальте тюльпаны.

СЫН. Когда родители засыпали, я смотрел на луну и звезды.

СЕСТРА. Он тяжело заболел воспалением легких.

МАТЬ. Врач сказал, что это астма.

СЕСТРА. У него в груди будто орган гудел.

ОТЕЦ. Надо было устроить его в санаторий.

МАТЬ. Я сделала это ради его здоровья.

ОТЕЦ. Это было зимой.

СЕСТРА. Маме пришлось оставить его в санатории.

СЫН. Но я не хотел.

ОТЕЦ. Швырнул тарелку о стену.

СЫН. Морковка была черная и горькая.

ОТЕЦ. Жена очень переживала.

СЫН. Шел снег.

СЕСТРА. Он смотрел сквозь покрытое инеем стекло.

СЫН. Мама шла к автобусу.

МАТЬ. Я возвращалась, и слезы замерзли на морозе.

СЫН. Нянечки, наверное, воровали родительские передачи.

ОТЕЦ. Мы каждый день ему звонили.

МАТЬ. Он отвечал только «да» и «нет».

СЫН. По ночам я слышал шаги в коридоре.

Думал, это родители за мной приехали.

СЕСТРА. На День матери он прислал поздравительную открытку.

СЫН. Я сам сочинил стихотворение.

МАТЬ. Сделал семь ошибок.

ОТЕЦ. Как-то все пошли кататься на санках.

СЕСТРА. Воспитательницы не одели его как следует.

ОТЕЦ. Он тяжело заболел.

МАТЬ. Лежал в изоляторе.

СЕСТРА. Не включал свет.

СЫН. На окнах были решетки.

СЕСТРА. Когда выздоровел, не хотел возвращаться к детям.

СЫН. Я показал воспитательнице муху в супе. Она сказала: ешь, а то остынет, ну я и проглотил.

МАТЬ. Мы поехали к нему на Рождество.

СЕСТРА. Он спрятался в шкаф.

СЫН. Мне было хорошо, когда меня никто не видит.

ОТЕЦ. Через год он вернулся домой.

МАТЬ. Я подарила ему мишку.

СЕСТРА. На следующий день он валялся распоротый под кроватью.

ОТЕЦ. Я купил ему мишень... и дротики.

СЕСТРА. Он с закрытыми глазами попадал в десятку.

МАТЬ. Я привезла ему из Венгрии красивое пальтишко.

СЕСТРА. Такой солдатский бушлат с вишенками.

МАТЬ. Он пошел гулять.

ОТЕЦ. Спалил рукав.

СЫН. Сжег вишенки.

МАТЬ. Думала, прибью его.

СЕСТРА. Мама отшлепала его шнуром от утюга.

ОТЕЦ. На отдыхе он стеснялся носить короткие штанишки.

МАТЬ. Йод должен был благотворно подействовать на легкие.

СЕСТРА. Мы поехали на море.

ОТЕЦ. Пошли в тир.

СЕСТРА. Он сбил для меня фарфоровую собачку.

СЫН. Мне понравилось стрелять.

МАТЬ. Он собирал ракушки.

СЕСТРА. Раскладывал их у меня на животе, когда я загорала.

ОТЕЦ. Строил замки из песка.

МАТЬ. Никому не разрешал себе помогать.

ОТЕЦ. Плавать научился быстро.

МАТЬ. Нырjal за янтарем.

СЕСТРА. Приносил мне его и говорил: проглоти.

СЫН. Проглоти на счастье.

ОТЕЦ. Как-то он чуть не утонул.

СЕСТРА. Я увидела зеленую воду и пузырьки воздуха.

ОТЕЦ. Спасатель его вытащил.

СЕСТРА. У мамы была истерика.

ОТЕЦ. Она била его шлепанцами по лицу.

МАТЬ. На следующий день мы уехали.

СЕСТРА. Он больше никогда не заходил в воду.

ОТЕЦ. Я его не заставлял.

Пауза.

МАТЬ. Мог часами смотреть мультфильмы.

СЫН. Особенно если там стреляли.

ОТЕЦ. Прятался за дверью и палил в нас пистонами из пистолета.

МАТЬ. Я спрятала пистолет.

ОТЕЦ. Он сжег ковер.

СЕСТРА. Играл в войну.

СЫН. Я думал, если брошусь на пол и опишусь, меня не накажут.

ОТЕЦ. Солдатики полетели в помойку.

МАТЬ. Ему нравилось мыть посуду после обеда.

ОТЕЦ. Подметал коридор.

МАТЬ. Выносил мусор.

СЕСТРА. Подсматривал за мной, когда я мылась.

МАТЬ. Я его за этим поймала.

ОТЕЦ. Он не сознался.

МАТЬ. Сказал, что только хотел узнать, есть ли кто в ванной.

СЕСТРА. Когда в фильмах целовались, мама просила его закрыть глаза.

СЫН. Меня отдали в школу, где работала мама.

МАТЬ. Ему было трудно сосредоточиться на уроках.

СЫН. Я смотрел на рябину за окном.

ОТЕЦ. Учительница схватила его за волосы.

СЕСТРА. Он выбежал из класса и помчался к маме.

МАТЬ. Не мог перевести дыхание.

СЕСТРА. Весь посинел.

ОТЕЦ. Жена влетела в класс и ударила учительницу.

СЫН. Мама была вынуждена сменить работу.

ОТЕЦ. Он перешел в параллельный класс.

МАТЬ. Учился плохо.

СЕСТРА. Родители этого стыдились.

ОТЕЦ. Из него ничего не выйдет, говорил я.

СЕСТРА. Он жил в своем мире.

МАТЬ. Забывал, что ему задано.

СЫН. Господи! Существоешь ли Ты на самом деле?

МАТЬ. Учительница отправила его на консультацию к психологу.

ОТЕЦ. Он не хотел решать задачи на логическое мышление.

СЕСТРА. У него художественные способности.

ОТЕЦ. Его попросили нарисовать семью.

МАТЬ. Нарисовал дождь.

СЫН. Господи! Помоги мне.

ОТЕЦ. В конце концов взялся за ум.

СЕСТРА. Читал комиксы.

МАТЬ. Все-таки психолог помог.

СЫН. Увидел по телевизору, как солдаты стреляют в людей.

СЕСТРА. Ночью не мог заснуть.

МАТЬ. Кричал.

ОТЕЦ. Разбудил нас.

СЕСТРА. Лицо все в испарине.

МАТЬ. Утром я обнаружила, что он описался.

СЫН. Почему люди убивают друг друга?

ОТЕЦ. Порой это необходимо.

МАТЬ. Он начал ежедневно ходить в костел.

СЕСТРА. Брал меня за руку, и мы вместе шли на службу.

СЫН. Добрый Боженька!

Я Тебя очень люблю.

Хотя знаю, что у меня не всегда получается это доказать.

Прошу у Тебя любви.

Прости меня за все мои грехи, обещаю исправиться.

МАТЬ. Он собирал картинки со святыми и клеивал их в тетрадь.

ОТЕЦ. У него было пять тетрадей по сто страниц.

СЕСТРА. Когда я лежала с сотрясением мозга, он ухаживал за мной.

МАТЬ. Держал ее за руку.

ОТЕЦ. Заваривал сестре чай и даже делал бутерброды.

СЫН. Следил, чтобы она ходила на процедуры.

ОТЕЦ. Мы переехали за город.

МАТЬ. Ему там нравилось.

СЫН. Я смотрел в окно на деревья в лесу.

ОТЕЦ. Часами гулял по лесу.

МАТЬ. Приносил шишки и желуди.

ОТЕЦ. Построил себе шалаш.

СЕСТРА. Любил лазить по деревьям.

МАТЬ. Это его успокаивало.

СЕСТРА. Как-то нашел собаку со сломанной лапой, замотал поврежденное место и отвез пса в ветлечебницу.

СЫН. Не хочу жить с людьми.

ОТЕЦ. Среди деревьев он чувствовал себя в безопасности.

СЕСТРА. В своей комнате он издает дикие крики.

ОТЕЦ. Я записал его в стрелково-охотничий кружок.

СЫН. Лещина — одна из матерей человека. Срубить лещину — преступление: это значит разрушить дом птиц, а детей, птенцов, пчел, белок и кабанов лишит пропитания.

СЕСТРА. Тренер назначил его своим заместителем по хозяйственной части.

ОТЕЦ. У него были ключи от помещений, где хранилось оружие и патроны.

МАТЬ. Он бывал у тренера дома.

ОТЕЦ. Был лучшим стрелком.

СЫН. Тренер ставил меня в пример своему сыну.

СЕСТРА. Без ведома тренера взял ружье.

МАТЬ. Убил оленя.

СЕСТРА. Ему было четырнадцать.

СЫН. Не знаю, почему я это сделал. (Пауза.) Прислушиваюсь к своим мыслям.

ОТЕЦ. Он отпустил длинные волосы.

МАТЬ. Сделал на плече татуировку.

СЕСТРА. Начал петь и писать тексты.

ОТЕЦ. Я купил ему микрофон.

МАТЬ. Они назывались «Утопия».

СЫН. В кармане для друзей горсть леденцов.

Всегда перехожу на красный свет.

Сажу на улице.

Рядом со мной голубой ангел.

Кто изменит меня и что изменит меня?

Смерть в сапогах!!!

Кто изменит меня и что изменит меня?

Смерть в сапогах!!!

ОТЕЦ. Репетировали у нас дома.

МАТЬ. Он приводил странных людей.

ОТЕЦ. Бросил учебу.

МАТЬ. Мы разрешали им играть, пока сами были на работе.

СЕСТРА. Родители пошли на их концерт.

МАТЬ. Он был похож на гориллу.

ОТЕЦ. Как наркоман какой-то.

СЕСТРА. Отец запретил ему играть в группе.

МАТЬ. Ночью я остригла ему волосы.

СЕСТРА. Поджег кровать родителей.

МАТЬ. Спальня выгорела целиком.

ОТЕЦ. Приехала полиция.

СЫН. Я сделал это со злости.

СЕСТРА. Ты что, совсем, что ли?

СЫН. Чего?

МАТЬ. Дело замяли.

ОТЕЦ. Жена решила изгнать из него злых духов.

СЕСТРА. Злые духи: буруруру.

ОТЕЦ. Пригласила домой ксендза.

СЕСТРА. Тот прочитал молитву над его кроватью.

МАТЬ. Сказал, что наш ребенок очень одинок.

СЫН. Никто мне не поможет.

Если я сам себе не помогу.

ОТЕЦ. Обещал исправиться.

СЕСТРА. Он хорошо знал историю.

ОТЕЦ. Представлял школу на олимпиаде.

СЕСТРА. Занял первое место.

МАТЬ. С математикой у него были проблемы.

СЕСТРА. Учительница срывала на нем злость.

ОТЕЦ. На контрольных не спускала с него глаз.

МАТЬ. Прозвал ее алгебраической свиньей.

СЫН. Свинья в квадрате.

ОТЕЦ. Остался на второй год.

СЕСТРА. Совсем пал духом.

СЫН. Хочу изменить свои мысли.

Я во всем вижу зло.

Добрый Боженька!

Спасибо Тебе за Твою любовь.

Ты же знаешь, что для Тебя я все сделаю.

ОТЕЦ. На Пасху мы красили яйца.

МАТЬ. Он на всех нарисовал сердечки.

СЕСТРА. Ночью мы закопали их в саду.

ОТЕЦ. В Чистый понедельник¹ он проснулся первым.

¹ Второй день Пасхи. По польской традиции в этот день люди обливают друг друга водой.

СЕСТРА. Всех нас облил духами.

МАТЬ. Пришлось проветривать весь дом.

ОТЕЦ. Однажды впустил домой Свидетелей Иеговы.

СЕСТРА. Они обещали ему место в раю.

МАТЬ. Неоднократно.

ОТЕЦ. Хотел к ним присоединиться.

СЫН. Я верю в сверхъестественную силу.

ОТЕЦ. Я ударил его.

МАТЬ. Мы верующие.

СЕСТРА. Отец вышел на балкон и там плакал.

ОТЕЦ. Я взял его с собой на бокс.

СЫН. Как раз этот вид спорта я не люблю.

МАТЬ. Они ходили вместе пить пиво.

СЫН. Нет.

СЕСТРА. Мама хотела изгнать из него злых духов.

МАТЬ. Я отрезала у него прядь волос и положила ему под подушку.

ОТЕЦ. Не знаю, что сказать.

СЕСТРА. У него часто болела голова.

ОТЕЦ. Жена хотела, чтобы он учил немецкий.

МАТЬ. Оплатила ему лагерь с изучением немецкого языка.

СЕСТРА. Прислал мне открытку с пейзажем.

ОТЕЦ. Ничего не написал.

МАТЬ. В его группе было столько красивых девушек.

СЫН. Я не бегал за девушками.

ОТЕЦ. Ты же не собирался стать ксендзом?

СЫН. Добрый Боженька!

Не понимаю, почему меня никто не любит.

Я хотел бы, чтобы меня любили все, без исключения.

МАТЬ. Нарисовал в гостиной большой крест.

ОТЕЦ. Написал на стене: «Я заставлю вас плакать».

СЕСТРА. Мама велела это замазать.

МАТЬ. Ударил меня по лицу.

СЕСТРА. Отец снял ремень и начал его бить.

ОТЕЦ. Попросишь прощения у матери?

СЫН. Нет.

СЕСТРА. Папа отвез его в больницу.

МАТЬ. Обнаружили перелом ключицы и двух ребер.

СЕСТРА. Многочисленные ушибы головы.

ОТЕЦ. Я защищал жену.

СЕСТРА. Ты мог его покалечить!

ОТЕЦ. Я не смог сдержаться.

МАТЬ. Каков отец, таков и сын.

Пауза.

СЕСТРА. В доме стало тише.

МАТЬ. Муж начал поздно возвращаться домой.

СЕСТРА. Наверное, завел любовницу.

СЫН. В моей комнате отличное окно.

МАТЬ. Я боялась оставаться с ним одна.

ОТЕЦ. Я видеть его не мог.

МАТЬ. В Сочельник он ни с кем не поделился облаткой.

СЕСТРА. Не хотел простить отца.

СЫН. Мать была мне ближе.

СЕСТРА. На Рождество родители купили ему фотоаппарат.

СЫН. Сестра подарила пленку.

ОТЕЦ. Он убежал с уроков, чтобы фотографировать.

СЕСТРА. Прятался в кустах и подстерегал косулю или кабана.

МАТЬ. В ванной устроил фотолабораторию.

СЕСТРА. Послал фотографии на конкурс.

ОТЕЦ. Два снимка напечатали.

МАТЬ. На одном была я на кухне.

ОТЕЦ. Прекрасная фотография.

СЕСТРА. Он снимал камни в полете.

МАТЬ. Попал в окно.

ОТЕЦ. Пришлось заплатить за стекло.

МАТЬ. Поехал на школьную экскурсию в Освенцим.

ОТЕЦ. Его потрясла логистика концлагерей.

СЕСТРА. Не мог заснуть до утра.

МАТЬ. Мы разговаривали на кухне.

ОТЕЦ. Он сидел в пальто на подоконнике.

МАТЬ. Сказал: у меня не будет детей.

СЫН. Нет более жестокой пытки.

Теряю веру в человечность.

Начинаю панически бояться своих мыслей.

Боже, поговори со мной.

МАТЬ. Он ничего не ел целую неделю.

СЕСТРА. Смотрел в лес.

МАТЬ. Я отвела его к психотерапевту.

СЕСТРА. Отец был против.

ОТЕЦ. Мне пришлось за это платить.

МАТЬ. Врач сказал, что сын ненавидит отца.

СЕСТРА. Папе следует быть с ним помягче.

СЫН. Добрый Боженька, я очень Тебя люблю.

Не буду больше к Тебе обращаться.

Хочу, чтобы Ты пришел ко мне.

МАТЬ. Он вышел из депрессии.

ОТЕЦ. После пяти сессий.

СЕСТРА. Психотерапевт порекомендовал ему играть в футбол.

ОТЕЦ. Я стоял на воротах, а он забивал.

СЕСТРА. Говорил, что не будет бегать за мячом.

СЫН. Я не собака.

СЕСТРА. Я переехала из дома родителей.

ОТЕЦ. Он не хотел ее отпускать.

МАТЬ. Заперся с ней в ванной.

ОТЕЦ. Выбросил ключ.

СЫН. Я люблю тебя.

СЕСТРА. А я ему тогда ничего не ответила.

ОТЕЦ. У него в глазах стояли слезы.

СЕСТРА. Мы поцеловались.

МАТЬ. Он стоял у окна, когда она уезжала.

СЕСТРА. До утра.

МАТЬ. Я хотела изгнать из тебя духов.

ОТЕЦ. Я нашел у него под матрасом стопку порнографических журналов.

СЕСТРА. Маму вырвало.

МАТЬ. Жесткое порно, и больше ничего.

СЫН. Они не имели права прикасаться к моим вещам.

МАТЬ. Не могу поверить, что он смотрел такие мерзости.

СЕСТРА. Ему было сказано все порвать.

МАТЬ. Он этого не сделал.

СЕСТРА. Закрылся у себя.

ОТЕЦ. Повесил на дверь объявление: «Посторонним вход воспрещен».

МАТЬ. Ему ничего не грозит, когда он дома.

СЕСТРА. Начал заниматься карате.

ОТЕЦ. Самооборона превратилась у него в навязчивую идею.

СЫН. Кратчайший путь к сердцу лежит через спину.

СЕСТРА. Если ударить сюда, можно убить.

МАТЬ. Он с кем-то познакомился.

СЕСТРА. Влюбился.

ОТЕЦ. Проводил с ней много времени.

МАТЬ. Она была ему дорога.

ОТЕЦ. Она была старше его.

МАТЬ. Он встречался с ней в тире.

СЫН. Я сказал ей, что на каникулах помогал при забое телят.

МАТЬ. Он хотел ее.

ОТЕЦ. Убегал из дома, чтобы побыть с ней пять минут.

СЕСТРА. Прочитал с ней в парке «Ромео и Джульетту».

МАТЬ. Ему нравилась любовь, у которой нет будущего.

СЫН. Подарил ей дедову гильзу.

ОТЕЦ. Я хотел, чтобы он с ней порвал.

МАТЬ. Благодаря ей у него наконец-то появились друзья.

СЫН. Был один парень, которого хотелось убить.

СЕСТРА. Она сказала ему: мы можем быть только друзьями.

СЫН. Я не сделал этого, потому что... не сделал.

СЕСТРА. Она ушла от него к другому.

МАТЬ. Он тренировал быстроту реакции, ударяя ножом между растопыренными пальцами.

СЕСТРА. Метал нож в игральные карты.

ОТЕЦ. Пробивал трехсантиметровую панель.

СЕСТРА. Тяжело заболел дедушка.

МАТЬ. Мы каждый день ходили в больницу.

СЕСТРА. Он кормил его, мыл, возил в каталке.

СЫН. Мы играли в шахматы.

Дедушка сказал: ты должен знать своего врага.

МАТЬ. Пришла весна.

СЕСТРА. Дедушке захотелось выйти на воздух.

ОТЕЦ. Он надел на него тапки.

МАТЬ. Халат.

СЕСТРА. Умер его лучший друг.

МАТЬ. На похороны он не пришел.

СЫН. Я не раскрывал занавески на окнах.

СЕСТРА. Звонил мне ночью и молчал.

СЫН. Заплатил 111.

МАТЬ. В его школьной парте нашли пистолет.

ОТЕЦ. Отвели к директору.

СЕСТРА. Сказал правду.

МАТЬ. Знал, что его выгонят из школы.

СЕСТРА. Его арестовали.

СЫН. Позвонили отцу.

СЕСТРА. Родители были в шоке.

МАТЬ. Прятал огнестрельное оружие в общественном месте.

СЕСТРА. Папа забрал пистолет домой.

ОТЕЦ. Я сказал — пристрелю.

СЫН. Преступление рождается в голове.

СЕСТРА. Прежде чем начать, он прочтет несколько молитв из молитвенника.

СЫН. Это все, что я мог сделать.

СЕСТРА. Отец будет сидеть на кухне.

МАТЬ. Он подойдет к нему.

ОТЕЦ. Хочешь меня убить?

СЫН. Да.

ОТЕЦ. Дождется мать.

МАТЬ. Я была в городе.

СЫН. Я люблю тебя, мама.

СЕСТРА. Он убьет ее.

МАТЬ. В затылок.

ОТЕЦ. Четыре выстрела.

СЫН. Я только что убил своих родителей.

Плохо соображаю.

ОТЕЦ. В руке будет держать фотоаппарат.

СЕСТРА. Фотографии сделаны за пару минут до смерти.

ОТЕЦ. На полу пятна крови.

МАТЬ. На стене отпечатки рук.

ОТЕЦ. Он захочет ее одеть.

СЕСТРА. У мамы до колен натянута колготка.

ОТЕЦ. Она, видимо, защищалась.

СЕСТРА. У нее ободраны ладони.

ОТЕЦ. Он переставит в доме мебель.

СЕСТРА. Начнет смотреть детские фотографии.

МАТЬ. Перед этим сходит в соседний магазин за продуктами.

ОТЕЦ. Разогреет в микроволновке пиццу.

МАТЬ. Помоеет посуду после еды.

СЕСТРА. Пойдет в лес.

МАТЬ. Всю ночь просидит на дереве ... Дрожа, как за-
травленный заяц...

Пауза.

СЫН. Борьба закончилась.

СЕСТРА. Мама любила жизнь больше всего на свете.

ОТЕЦ. Его глаза прожгли мне дыру в спине.

СЫН. У меня никого не осталось?

ОТЕЦ. Утром он поедет к сестре.

СЕСТРА. Он слушал Nine Inch Nails.

ОТЕЦ. Поедет на моей машине.

МАТЬ. На руке часы с Микки Маусом.

СЕСТРА. Добрался за 20 минут.

ОТЕЦ. Припаркуется в конце улицы.

СЕСТРА. Прошел через теннисные корты.

ОТЕЦ. На лифте не поедет.

МАТЬ. В коридоре никого нет.

Стучит.

СЕСТРА. Стоял в дверях.

СЫН. Не могу покончить с собой.

ОТЕЦ. Достанет пистолет и положит на стол.

МАТЬ. Дочь заваривает ему чай.

СЫН. Я люблю горячее молоко.

МАТЬ. Он ложится на кровать.

СЕСТРА. Я его обняла.

ОТЕЦ. Он заснет.

СЕСТРА. Я его люблю.

ОТЕЦ. Она свяжет ему руки.

СЫН. Мне было бы стыдно смотреть деду в глаза.

СЕСТРА. Когда я вошла с полицейскими в дом родителей, было абсолютно темно.

ОТЕЦ. Жена лежит в коридоре на чердаке.

СЫН. Она оказалась слишком тяжелой, чтобы ее перенести.

ОТЕЦ. В гостиной оперная музыка на полную громкость.

СЕСТРА. В камине горел огонь.

МАТЬ. Патроны валяются на полу.

ОТЕЦ. Мы начали кричать.

СЕСТРА. Мы перекрикиваем музыку.

ОТЕЦ. «Ромео и Джульетта» Прокофьева.

СЕСТРА. Диск работал в режиме повтора.

СЫН. Отец лежит в ванной.

СЕСТРА. Он лежал на спине, прикрытый простыней.

ОТЕЦ. Жена накрыта простыней.

МАТЬ. Он совершил это в нашем доме.

СЫН. У меня не было выбора.

ОТЕЦ. Ты чувствуешь свою вину?

СЫН ...

СЕСТРА. Ты стрелял в родителей?

СЫН. Я должен был.

Я хочу умереть.

Я не знал, что делать.

МАТЬ. Прокурор говорит, что он не достоин жить среди людей.

СЫН. Ты отвернулся от меня.

ОТЕЦ. По-моему, он понимает смысл предъявленного ему обвинения.

СЫН. Речь об убийстве.

МАТЬ. Он не знает, убил ли родителей, или это был только сон.

СЕСТРА. Сказал, что хотел бы, чтобы родители ушли достойно.

СЫН. В нас живет страх чего-то большего.

Хорошо, что у меня нет детей.

МАТЬ. Я ношу его фотографию в кошельке.

СЫН. «И да будут слова сии, которые я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая»¹.

СЕСТРА. Прочитал наизусть.

ОТЕЦ. Ни на минуту не присел, пока шло судебное заседание.

СЫН. Повесьте меня в центре города.

СЕСТРА. Врачи...

МАТЬ. Психические расстройства не обнаружены.

¹ Пятая книга Моисеева, глава 6, 6—7.

СЫН. Скоро я встречу с родителями.
Я не боюсь смерти.
Я видел и испытал больше других.
Я не по своей воле появился на свет.
Если я кому и сочувствую, то только себе.
ОТЕЦ. Пошатнулся.
СЕСТРА. Я поддержала его.
МАТЬ. Под занавес.
ОТЕЦ. Плачет.
СЕСТРА. Неожиданно поднимается.
МАТЬ. Открывает окно.
СЫН. Свежий воздух.
СЕСТРА. Тишина.
МАТЬ. Встает на подоконник.
ОТЕЦ. Прыгает.
СЫН. Лечу.
СЕСТРА. Тишина.

Конец

Дорота Масловская

**ДВОЕ БЕДНЫХ РУМЫН,
ГОВОРЯЩИХ ПО-ПОЛЬСКИ**

Перевод Ирины Лаппо.

© Dorota Maślowska /

by arrangement with Authors' Syndicate Warsaw, 2007

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАРХА } — двое бедных румын, говорящих по-польски
ДЖИНА }

ВОДИТЕЛЬ

ЖЕНЩИНА

ДЕД

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

БАРМЕН

ГАРДЕРОБЩИЦА ХАЛИНА

ВЕСЕК

Мартини росе, мартини бьянко, мартини кашель.

Мартини росе, сейченко, лос трабантос, буэнос-айрес.

Феличита, чинквоченто, сейченко, феллатио.

Мирей матье, кантаре, роми шнайдер, доброе утро.

Он воет, она ему: заткнись. Он: это наша народная румынская песня. Нельзя отрываться от своих корней, детка. Вон, тут еще царапины, они как вцепятся, я на газ, поцарапали мне всю машину. Самый дорогой лак, черный металлик.

Этот странный случай имел место произойти в моей машине, следующей из Варшавы в Тчев...

И вели себя странно, знаете, как они представились... Мы из Румынии, хотите, флаг покажу. Да какой флаг? Какой флаг?

Я им так и сказал: при чем тут колбасные обрезки? Какие, на фиг, колбасные обрезки? Сажай свою подружку в машину, диктуй адрес, и я пришлю тебе колбасных обрезков. Воспользуйся своим единственным шансом, сделай бутерброд себе с подружкой. СВАЛИВАЙ.

Мы с женой остановились у бензоколонки, когда к нам подошли две очень подозрительные личности, в том числе одна из них, женщина, была беременна, прикидываясь говорящими по-польски лицами румынской национальности. Жена проходит курс химиотерапии, одну грудь ей уже отрезали, все время забываю, левую или правую, и...

Но его подружка — такая была подружка, что как вцепилась в дверь, так и не отпустила, даже когда я нажал на газ. А я сказал, о нет, со мной, блин, такие номера не пройдут.

Это отвратительно. Это исключено.

Я сказала нет, потому что не могу взять их в машину, поскольку машина зарегистрирована на фирму, а также из-за бросающейся в глаза клетчатой сумки, из-за которой я не могу их подвезти, на что они ответили...

И странно так смотрела. Выражение лица у нее было точь-в-точь как у заливной рыбы. Муж ответил, что, к сожалению, взять их с собой совершенно невозможно, но они были такие наглые. Когда мы отказали, они стали ужасно плакать и ругаться.

Я сказал: нет. Нет. Потому что нет.

Ну и эта его подружка бух на землю, аккуратно перед машиной, сама виновата. Вот тут разлеглась, ну, говорю: это уж слишком. Давай-ка, стерва, давай, я тебя отутюжу. И еду прямо на нее, вот так. А она бежать. Только пыль столбом. Вот до чего наркота людей доводит.

Заправившись, я пошел расплачиваться, а когда вернулся, мой сын, 10 лет, спросил, бывают ли румыны, говорящие по-польски. Я, конечно, ответил, что нет, потому что он у меня ребенок впечатлительный, да чего там говорить, слегка отстающий в развитии от ровесников, вот и придумывает себе разные небылицы.

Они были вроде бы довольно симпатичные, довольно симпатичные, но когда я увидела состояние их зубной полости, то, ооо, подвозить их я отказалась категорически. Нет, я не говорю, что это скандал или, скажем, недопустимо, но в наше время это вообще не проблема — купить себе даже самую дешевую зубную щетку, да в любом киоске даже есть, и два раза в день почистить зубы, как следует почистить, раз-два-три, и вся недолга. За гигиеной надо следить. Это удовольствие. Аминь.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Зима, бензозаправка, сумерки, в машину ВОДИТЕЛЯ садятся двое бедных румын.

ПАРХА. Жену зовут Джина.

ВОДИТЕЛЬ. А девушка эта тем временем, лет около 20, беременная, ничего не ответила, только сидела, но я с нее ответственности за вину в убийстве не снимаю. В каком убийстве? В моем, гражданин следователь, убийстве, хоть это и выглядит нереально.

ПАРХА. Ты ее так и зови — Джина. Слышь, Джин, а фамилия у тебя какая?

ВОДИТЕЛЬ. На вопрос про фамилию она промолчала, ничего в ответ не ответив, но звали ее Джина, что, скорее всего, является сокращением от Регины, а это уже ниточка, которая легко доведет нас до них обоих, потому что имя редкое, чего я и требую, схватить убийц от имени всех налогоплательщиков, на которых они тоже могут напасть и убить.

ПАРХА. А фамилия у нее никакая. Просто Джина. Красивое имя для такой девушки, можно сказать, и имя, и имя-фамилия, и псевдоним в придачу. Джина девушка хорошая. И не украдет, и не заблует ничего. Клянусь невинным младенцем, которого она носит под сердцем. Такая уж она, жизнь. Мы — бедные честные румыны, говорящие по-польски. Жена беременна, едет к врачу, во Вроцлав, там специалисты, потому что у нее эта сделалась... ну, эта... метастаза, киста, короча, в брюхе у нее

бедлам. И так далее. Вот и давайте поедем туда все вместе, куда там вы едете?

ВОДИТЕЛЬ. Во Вроцлав! Гражданин следователь, а трасса-то на Гданьск!

ПАРХА. Во Вроцлав, но мы не настаиваем. В Гданьске оно, может, и лучше, тоже разные специалисты, море, йод, ракушки, корабли, пусть будет Гданьск, не станем ссориться из-за пустяков.

ВОДИТЕЛЬ. Я им отвечаю, что никуда не еду. Ну, только до Эльблонга. И сразу назад, спокойно отвечаю им всю правду, потому что человек я спокойный.

ПАРХА. Ну, значит, в Эльблонг, все равно куда, а там уж она сама как-нибудь справится. Она всегда сама справляется. Взяла и справилась. Мы румыны, ооо-ооо-ооо, мы народ упрямый. Она вам еще и споет, вот немножко придет в себя и споет, да, Джина? Ты справишься, любимая. Очень симпатичная девушка. Садись поудобнее, вот так, вот, красавица моя ненаглядная, так хорошо? О! Новая заколка для волос? Когда это ты себе купила, сейчас? Не верю. Знаешь, просто прелесть. Это цикорий, что ли, камушки эти?

ВОДИТЕЛЬ. Я толком даже не понял, как это все вышло, в один момент. Мужчина, с которым она была, лицо мне его было откуда-то знакомо, наверняка один из этих известных мафиози, Мясо, или тот, второй, которых по телевизору показывают, а я как раз обернулся, потому что он мне крикнул: осторожно! Румыны на горизонте! — или что-то в этом духе. И я туда посмотрел, а это, ясен перец, был прикол, он мне ее на переднее сиденье посадил, с какими-то манатками, пакетами, я говорю: чивооо?! А он: Джина. Это Джина.

Я почувствовал раздражение, что, согласитесь, гражданин следователь, по-моему, вполне логично. Я говорю: слышь, ты, какая Джина, какая, на фиг, Джина, какое мне дело до твоей жены, какой-то Джины? Так прямо и спросил.

Да по мне пусть хоть рабыня Изаура зовут, забирай ее отсюда немедленно, я спешу, на работу еду, да что тут, етить твою наперекосяк, творится?!

ПАРХА. На самом деле в паспорте у нее написано Пиралгиния, но она всем говорит, чтоб ее звать Джиной. Пиралгиния, Аспириния и Кофеиния — это у нас такие традиционные румынские женские имена. Святая Пиралгиния, у нас в Румынии есть такая святая, защитница пьяных женщин, возвращающихся домой в потемках. Нехило? В жизни всякое бывает. Такие вот женщины, как она. Но она всем говорит, что она Джина, не знаю, что за странный каприз. Только вы ей не говорите Пиралгиния, говорите Джина, надо же понимать чувства великой, вполне возможно, артистки.

ВОДИТЕЛЬ. А мне какое дело! Вон отсюда, румыны шивые, а то я сейчас вызову...

А в это время его беременная подруга, о которой я уже говорил, притворялась, будто не слышит, но у меня там висел освежитель воздуха типа елочка, так она стала ее теребить, скорее всего, незаметно планируя украсть.

А он говорит, чтобы я посмотрел, какая она красивая, а какое мне дело, красивая или некрасивая, я свое знаю, от нее несет пережаренным растительным маслом, какой-то тошнотворной вонью, да отвали ты, говнюк, вместе со своей брюхатой принцессой!

Я никуда не еду.

ПАРХА. А говорили, едете.

ВОДИТЕЛЬ. Да? Ошибся, извини.

Это я с иронией так сказал. Потому что меня эта наглая и совершенно вопреки моим планам ситуация уже начала злить.

ПАРХА. Охренительная штукавина.

ВОДИТЕЛЬ. А говнючка цинично теребит мою елочку, чтоб отвлечь тему разговора.

ДЖИНА. Это покупное или вы сами сделали?

ВОДИТЕЛЬ. Как: сделал? Как: сам сделал? Из ковра вырезал?! Слушай, это продается на каждой заправке, вот здесь, идешь на станцию, и этого добра там до хрена!!! Вы что, с луны свалились?

ПАРХА. Вы только посмотрите, какая она красивая, ооо. Чертовка. Ну, зубы малость подкачали. Но это из-за тяжелой жизни, да, дорогая? Нам в Румынии не до шуток, всю жизнь, можно сказать, одними колбасными обрезками питались, а это для костной ткани — погибель. А еще этим... цирконием. Цикорием. А из сладостей мы больше всего любим «Силу четырех трав», такие леденцы от изжоги.

ВОДИТЕЛЬ. И начинает нести какую-то пургу, как они там в этой Румынии, как они какую-то лебеду ели, осот, сорняки и камни, ну, допустим, но, **ГРАЖДАНИН СЛЕДОВАТЕЛЬ**, а нам после войны что, лучше было, голод, разруха. И **ВООБЩЕ, БЛИН, КАКОЕ МНЕ ДО ВСЕГО ДО ЭТОГО ДЕЛО!** Хватит! Хватит говорить! Я вас все равно не слушаю! Не слушаю я! Не слушаю. *(Драматическим жестом затыкает уши).*

ДЖИНА. Или ванильный сахар в пакетиках. К примеру. Аскорбинку очень-очень редко, очень, только когда мама что-нибудь в ломбард снесет, фамильный хрусталь, к примеру, его у нас завалилось было, потому что мама по всей Румынии полы мыла и ее везде хорошо знали.

ПАРХА. Я, впрочем, не скрываю, два сапога пара, как гласит известная румынская поговорка, сам я тоже по части зубов не очень. Нет, вы не подумайте, зубы у меня в норме, но не без пробелов, вот.

ВОДИТЕЛЬ. И разевает свою пасть, а там коричневые огрызки, прямо как окурки, меня чуть не стошнило, как можно с такими зубами еще... того... размножаться... А девка эта все мою елочку теревит, ну разве можно так себя вести? А элементарная культура где?

ДЖИНА. Боже мой, как бы мне хотелось такую же...

ВОДИТЕЛЬ. А он:

ПАРХА. Ой, ну и возьми себе, у вас же две? Бери, бери, вам ведь не жалко, правда?

ВОДИТЕЛЬ. Нет, вы понимаете? Он ей говорит, бери, бери. Мою собственность! Мою собственную вещь. Чужие люди, я их вижу первый раз в жизни.

ДЖИНА (*пытается повесить елочку себе на шею*). Ох, и куда же мне это повесить?

ПАРХА. Понимаете: она у меня упрямая — жуть. Вот упрется, и все, потому что упрямая. Вы уж ей подарите, сделайте это РАДИ МЕНЯ. У нас в Румынии нету таких елочек, вообще нет таких деревьев, как елочки, только всякие другие. Дубы, клумбы.

ВОДИТЕЛЬ. Клумбы! Вы когда-нибудь слышали о таких деревьях, а? Потому что я — нет! Немедленно освободить территорию машины. И оставить меня в покое. Иначе я вызову соответствующие меры. Девка тоже. Забирай свой живот и вали отсюда, это моя машина, я спешу. И попробовал вытащить ее из машины, да вылазь же ты, сука брюхатая!!! А тут она вдруг как бы проснулась.

ДЖИНА. Что это ты себе позволяешь?!!

ВОДИТЕЛЬ. Схватила в руку сумочку и вот сюда меня ударила, вот прямо сюда, в шейные позвонки позвоночника...

ДЖИНА. Ты, нехороший человек, зачем руки распускать!

ВОДИТЕЛЬ. Где у меня как раз рядом чирь выскочил, что могло привести к необратимым для жизни и смерти последствиям. Я начал кричать: люди! Люди! Помогите! Чтобы позвать на помощь, но они пресекли мои попытки спасения, терроризировали меня, а потом хотели убить.

ПАРХА. Слышь, мужик, ты чего? Белены объелся? Беременную женщину бить будешь, сам во какой здоровенный, не видишь, что она ниже тебя, комплекции хрупкой, у нее же с тобой шансов ноль? Джинуля, ты не волнуйся, сядь поудобнее, сапожки себе расстегни, вот так, мое ты солнышко, знаешь, у тебя козлик из носика торчит. Пред-

ставляете, Джина все время ходит с козюльками в носу. Грязнуля ужасная. Но ужасно милая. Дай-ка я вытащу.

ДЖИНА. Не-е-ет, я сама! Сама!

ПАРХА. Нет, дай я. ДАЙ Я ЕЕ ВЫТАЩУ. Вот и все, видишь?

ВОДИТЕЛЬ. И взял и показывает мне эту ее козюльку, эту отвратительную соплю. А я, понимаете, я очень впечатлителен к таким вещам, я, мне сразу вспомнилось детство, школа и разные такие проказы, когда другие ребята слюной... воск из ушей, это, или перднут и подожгут... Я НЕ ЕДУ! Я НИКУДА НЕ ЕДУ! Я просто сижу в машине! Сижу! И смотрю! Потому что люблю зиму!

ПАРХА. Твое право, да ради бога, сиди, только я сейчас тебя буду вот этим убивать... (*Показывает перочинный ножик.*)

ВОДИТЕЛЬ. Именно тогда и произошла первая угроза моего убийства.

ПАРХА. Буду тебя убивать, хотя мне совсем не хочется, и я совсем не умею, технической подготовки никакой, поэтому может быть гораздо больше, чем как обычно, когда что-то болит. А потом ты отправляешься напрямиком в ад, а я тебе — напутственное слово. И сидишь ты в этом аду, яйца у тебя скворчат, ситуация не фонтан, а ты думаешь: зря я так, ой, зря, все равно ведь ехал в этот Эльблонг, а теперь в полной жопе. Плюс невинный человек из-за тебя за решеткой, то есть я...

ДЖИНА. А такой был бесстрашный, как гимнаст с лонжей. А стоило показать ему ножик для чистки картошки, сразу обосрался.

ПАРХА. Кроме того, ты же не знаешь, что я делал этим ножиком раньше. Может, я им стенки аквариума скреб. А может, говно собачье ломтиками нарезал, а? Или, может, он тупой. Потому что вдруг это мой нож, и я им конверты открываю. С письмами. От родственников из Румынии, а письма они пишут на бересте мочой и калом. И краской для пасхальных яиц. Мои маленькие двоюродные брати-

ки и сестрички умоляют прислать им фантики, Ласло хочет от «Сникерса», а Рухла — от «Марса», а Ракочи — от «Твикса», а вот что касается Чинчинатты, то ей подавай такой картонный подносик из-под картошки фри, ну, ты знаешь какой. А как ты думаешь, я им посылаю? Посылаю. Потому что для них это действительно очень важно, да, очень важно. (*С ножом в руке открывает заднюю дверь, садится в машину.*) Садись, говорю тебе, садись, давай, не пизди, садись, садись, садись. Мы, румыны, народ терпеливый, но любой румын рано или поздно скажет тебе: хва-тит. Поехали.

Сцена вторая

Едут.

ДЖИНА и ПАРХА достают самые дешевые сигареты и начинают в страшной спешке курить, давясь и кашляя, по две сигареты сразу.

ПАРХА. Ну, харэ. Хорошо, что я тебя все-таки не убил. А еще чуть-чуть бы, и всё, Господи, вот завтра бы отходняк был. Типа классно погуляли, все супер-пупер, а я ни с того ни с сего какого-то незнакомого чувака замочил!

Отвратительное чувство. Быстрей, быстрей давай. Надо уважать чужое время, и взаимно. Только не нервничай так. А то вспотеешь, и тебя продует, вот здесь. (*Заботливо массирует спину Водителя.*) «Сейченто». Классная тачка. Скажи, Джина?

ДЖИНА. Летит как стрела, да? Такую машину ничто не остановит.

ПАРХА. Или «дэу чикко». Вот это я понимаю, зверь. Знаете, когда мы в Румынии скажем, что ехали на такой машине, то ого-го. Родственники наш шалаш подожгут от зависти. «Сейченто». Это не машина, это религия. Народ вон на каких драндулетах трясется. О, вон того, блин, обгоняй, я торчу! Болтаешься на дороге как говно в прору-

би, у тебя тачка с такими возможностями, а ты тянешься за ним как дерьмо собачье. Джинуля ща блеванет...

ДЖИНА. Но-но. Я еще не такая пьяная.

ВОДИТЕЛЬ (*похоже, у него сейчас начнется истерика*). Со стороны напавших на меня румын я подвергался постоянным унижениям, они подгоняли меня и заставляли ехать все быстрее вопреки безопасности и правилам движения. Я за рулем с пятнадцати лет. Есть у меня одна привычка: когда на встречной появляется машина, я читаю регистрационные номера, ничего не могу с собой сделать. То же самое знаки: «Гданьск 153 км» и т.п., «Илава» и т.п. Я складываю все цифры, а сумму делю на их количество. С тихой надеждой, что выйдет поровну. Когда поровну, радуюсь. Для меня это доказательство, что где-то там существует вроде как симметрия и порядок самых элементарных мировых структур. Хуже всего, когда поровну не делится.

ПАРХА. Я ботинки сниму, окейос? Перке? Пуэрторикос? Мартини сейченито феллатио?

ВОДИТЕЛЬ. Я молчу. Не отвечаю. Самое главное — не дать убийце себя спровоцировать.

ПАРХА. То, что я сказал по-нашему, по-румынски, значит «мерси вам большое». Давненько я свои вонючки не снимал, оооох. Сейчас как шибанет. Но мы же свои люди, так сказать, в интимном кругу, да? (*Зевает, укладывается спать.*)

ВОДИТЕЛЬ. Я про себя только все время повторял: ничего. Ничего. Ничего-ничего-ничего. Ничего страшного не происходит, может, даже вообще ничего не происходит, может, это даже сон, просто я еще об этом не знаю и только зря переживаю... Но этот сон мне вовсе не снился. А он уже почти заснул, уже почти засыпал, и я надеялся... я подумал...

ПАРХА. Фу, как воняет, Джина, это ты пукнула?

ДЖИНА. Я не пердела, тут уже воняло, когда мы сели.

ПАРХА. То-то и оно. Ну и вонизм. Но это не я.

ДЖИНА. То-то и оно, но факт, что и не я.

ПАРХА. Кто-то навонял, это факт. Но факт, что не я.

ДЖИНА. И факт, что я тоже нет. Если не ты и не я, то уж не знаю кто. Может, кто-то пукнул?

ПАРХА. Ах, поросенок. И ведь сидит себе тихо, как мышка, это ж надо.

ВОДИТЕЛЬ (у него начинается истерика). Чего??? ЭТО НЕ Я!

ДЖИНА. А типа кто?

ПАРХА. ТЫ! ВЫ! Больше никому!

ДЖИНА. Вонючка!

ВОДИТЕЛЬ лихорадочно хватается сотовый, пытается позвонить.

ПАРХА. Ну-ну, и что же ты собираешься делать с этим телефоном, а? Куда это тебе так приспичило звонить, признавайся-ка, не в полицию, надеюсь? Вот, оказывается, что ты за фрукт! Дай-ка сюда телефон, давай, говорю.

Пауза.

Ты за рулем, это же безумно опасно. Я наберу тебе номер, ты диктуй, а я наберу. Ой, голубчики, приезжайте, ради всего святого, быстрее! Женщина беременная! Озябшая! Беспомощная! Сидит в моей машине! Едет со мной, я ее везу! Не знаю, что я делаю! Ой, помогите! Спасите!

ЛЮДИ! Козлы злобные и недоброжелательные. Разве так можно? (Ложится с телефоном и засыпает.)

ВОДИТЕЛЬ. Ну, и тогда он наконец заснул. Я знал, что это мой единственный шанс — заговорить с этой женщиной, она ведь женщина, и поэтому в ней проступали какие-то человеческие черты, женщины ведь не могут быть совсем, изначально злыми, как мужчины, я считаю, что они — основа всего сущего, потому что им надо и ребеночка родить, и не алкоголички они, что и питало во мне надежду, вот я ее и спрашиваю: ты говорить вообще умеешь?

ДЖИНА. Знаешь, я даже училась. Да как-то ничего не вышло. Ну, не мое это.

ПАРХА (*сквозь сон*). Мы всего-навсего бедные честные румыны, говорящие по-польски... Мы приплыли сюда на углерудовозе «Ибупрон»... У нас нет таких елочек. Только другие деревья.

ВОДИТЕЛЬ. Это твой парень, этот?

ДЖИНА. Кто? Этот? Нет. Брат. Двоюродный. То есть что-то типа вроде любовника.

ВОДИТЕЛЬ. Храпит этот твой румын слегка, да?

ПАРХА (*сквозь сон*). Это из-за носовой перегородки.

ДЖИНА. Это из-за перегородки, ему нос сломали в тюрьме. Теперь у него из-за этого страшный комплекс. Ты лучше не говори про его нос вслух, а то он озверевает и нас обоих как бешеных собак прирежет за то, что мы против него тут сговариваемся и обжимаемся.

ПАРХА (*сквозь сон*). Нет, нет, нет, нет, моментик, моментик, что тут происходит?

Пауза.

ВОДИТЕЛЬ (*вытирая лицо носовым платком*). Это от него ребенок?

ДЖИНА. От кого?

ВОДИТЕЛЬ. Ну, ребенок этот.

ДЖИНА. Ребенок мой, при чем тут он?..

ВОДИТЕЛЬ. Ну, забеременела ты от него?

ДЖИНА. Яяя? Аааа эээто... Нееее, нет, еще чего!

ВОДИТЕЛЬ. Не от него?

ДЖИНА. Нет, мы с ним только вчера познакомились, кажется... Да какая разница? Мать моя тоже все время спрашивает, а я ей говорю: это ребенок, просто ребенок, и отвали, ясно? Это мой сын. А то, что он у меня родился, — это, понимаешь, просто так получилось. Мой это ребенок. И ты тут совершенно ни при чем. А она: вот и

займись им, а то ты только куришь, пьешь, спишь с кем попало, а потом просыпаешься в 17.30 и удивляешься, что плохо себя чувствуешь. Делом надо заниматься, возьми пылесос и... А я... ладно, не важно. Вот именно. Хорошо, что ты мне напомнил. (*Вынимает банку с клеем, делает вид, что нюхает.*) Я полностью зависима от этого говна. Честно говоря, мне уже самой не нравится.

ВОДИТЕЛЬ. И это чудовище, эта страшная женщина, я ее даже женщиной называть не хочу, достает из своих сеток, из этого своего хлама банку бутапрена! И смотрит-ся в крышку! Как в зеркальце!

ПАРХА (*сквозь сон*). Джина у нас артистическая натура.

ВОДИТЕЛЬ. А это, эт-то не вре-вредно ребеночку?

ДЖИНА. Ну ты че... Ситуация под контролем. Между прочим, врачи сказали, что мой ребенок уже привык, и, если я брошу, для него это будет стресс еще похуже, чем небольшой кайф по большим праздникам, короче, он там может просто офигеть, лучше малость долбануться, чем у меня будет плохое настроение, а ребенок — в истерике. В небольших количествах это вроде даже полезно, ты б попробовал, ты бы тоже расслабился чуток, а то сидишь тут... О, классно танки едут, война будет.

ВОДИТЕЛЬ. Не-е-ет! Никогда! — крикнул я.

Вонь была ужасная, у меня закружилась голова.

ДЖИНА. Знаешь что?

Хуже всего, бля, что мир хочет превратить человека в тряпку, которая встанет по стойке «смирно» и на все вопросы будет отвечать «так точно», в прохожего, послушно переходящего через улицу. В пассажира, бля, трамвая, висящего на подножке с вот таким лицом, о! Гладким и ровным, как жопа, чтоб глазу не за что было зацепиться. Вообще без лица. В такого, как ты. В человека-сардельку.

Я не хочу быть такой. (*В ужасе.*) Эй, тебя как зовут, оглянись! Оглянись! И скажи мне одну вещь.

ВОДИТЕЛЬ. Что? Что случилось?

ДЖИНА. Скажи мне что-нибудь, но так, чтобы она не видела, понял? Нет! Нет, не надо, не оглядывайся! Там моя мать... это она сидит сзади? Только ответь, а то я не хочу оглядываться. Брюнетка, пожилая.

ВОДИТЕЛЬ. Не-е-ет! Это твой парень, тот, что с тобой! Брат твой! Двоюродный.

ДЖИНА. Эта сучка за мной следит. Понимаешь, я вчера просрала все алименты, и она теперь точно хочет меня убить, я бы не удивилась, если б она влезла сюда за нами, я должна все время быть начеку, ни на секунду нельзя оглянуться, а то она появляется и говорит мне: иди работать, убери за собой, это твой сын.

ВОДИТЕЛЬ. Но кто? Он?! (*Показывает на Парху.*)

ДЖИНА. Мой сын? Тебе че? Совсем отбило? Мне плохо. Кажется, я рожаяю. Звони доктору Хаусу.

ВОДИТЕЛЬ (*чуть не плача*). Как? Твой братец забрал у меня телефон!

ДЖИНА. Спокойствие, только спокойствие, раз такое дело, я могу и потерпеть. Хи-хи. Ну ты и пересрал, я торчу.

Едут.

ВОДИТЕЛЬ. Это не шутки, ты что. Жена, когда рожала, были разные осложнения, анальное отверстие в клочки... Мочевой пузырь поврежден, бедная натерпе...

ПАРХА (*уже проснулся*). У нее нету анального отверстия.

ВОДИТЕЛЬ. Конечно, конечно... я ничего такого не имел в виду...

ПАРХА. У Джины нет анального отверстия, она не из таких.

ДЖИНА. Заткнул зяпу, хорошо? Ты спал, вот и спи, и не вмешивайся в культурный разговор.

ПАРХА. Сама заткнись, ты, и не тебе мне указывать, если он тебя оскорбляет...

ДЖИНА. Хрен моржовый. Блядь. Говно.

ПАРХА. Сама говно. Какашка. Писька. Пиписька.

ВОДИТЕЛЬ (*на грани нервного срыва*). Перестаньте... РАДИ БОГА... Люди... Зачем же друг друга так оскорблять, обзывать?! Скандальить! Стыда у вас нет! Женщина называется, ты ведь беременна, нюхаешь бутапрен, материшься, воняешь в машине, а ребенок-то все слышит и видит! Он в животе у матери все запоминает! А потом при гостях тебе как выдаст! Первое слово он такое скажет! Ради Бога...

ПАРХА. Слыхала, шлюха? Вы уж ее простите, успокойтесь, это ж глупая румынка, темная, необразованная женщина, всю жизнь проработала на фабрике обезьян и собак, вести себя на людях не умеет. Гляди, что ты натворила! Человека чуть удар не хватил, когда услышал, как ты выражаешься.

ДЖИНА. Сам не лучше!

ПАРХА. Нет, я как раз ска...

ДЖИНА. Нет, нет, нет. Нет, и еще раз нет.

ПАРХА. Да! А вот и да!

ВОДИТЕЛЬ (*разразившись рыданиями, останавливает машину*). Стоп! Умоляю... Совесть у вас... Я не еду! Не еду! Не хочу, забирайте... Машина ваша... Я вам ее отдаю! Я выхожу... Пойду пешком... Хочется пройтись, тут такой лес, есть там одно местечко — в самый раз для меня, найду себе какой-нибудь старый корень, построю в нем дом... Сам выстругаю тарелки, ложки, вешалки, эти... музыкальные инструменты...

ПАРХА. Нет-нет-нет, дорогой, это исключено, перестань рыдать, успокойся, быстро успокоился, у нас тоже сроки, мы тоже спешим успеть вовремя.

ДЖИНА. Нет, наоборот, дай ему выплакаться, пусть человек поплачет, выплачется.

ПАРХА. Нет уж, и нечего его защищать.

ДЖИНА. Поплачь, поплачь себе, это тебя очистит. У меня, например, когда было, ну, как его, воспаление мочевого пузыря, знаете, что это такое, я места себе не

находила, все время хотелось писать. Бегу, лечу! По ногам течет! Спринт, общерумынские соревнования по бегу женщин с циститом! Откидываю щеколду! Уже вся описалась! Сажусь на трон и торжественно выпускаю три горячие капельки, а ощущение такое, будто меня кто-то вяжет на спицах. Ну, понимаете. Шьет мой труп на швейной машинке. Что-то типа оргазма. Только еще хуже.

ВОДИТЕЛЬ (*не переставая плакать*). Гражданин следователь, то, что я жив, исключительно моя заслуга, моей железной выдержки и самообладания, которые не позволили им меня спровоцировать, потому что фактически все это время я не реагировал на попытки лишить меня здравого смысла, теперь у меня уже не осталось на этот счет никаких сомнений... И тут я увидел машину дорожной полиции, которая стояла на обочине, какое-то время я даже боялся, что это мираж, что эти... которым на руку, чтобы я свихнулся и сошел с ума, что это они полицейских подставили, сговорились против меня, чтобы те там стояли и меня спровоцировали, науськали, чтоб потом с меня посмеяться, поязвить...

ПАРХА. Твою мать, суки, видишь, до чего ты, бля, довел?? Нет, старик, это не по-товарищески, это ж просто кошмар какой-то — то, что ты сейчас делаешь.

ВОДИТЕЛЬ. И тогда, сам не знаю как, это были доли секунды, хотя бандиты меня запугивали и пытались свалить все на меня, вызвать чувство вины и ответственности за появление этого патруля и склонить к дальнейшему продолжению движения, мне удалось съехать на обочину, съехать как раз по направлению к этому патрулю...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы что вытворяете? Почему остановились?

ВОДИТЕЛЬ. Я превысил скорость, сержант, господин генерал, арестуйте меня, я... я там... вам не видно, там... там такая горочка, а я с нее на полном газу, превысил скорость, сбил кого-то, вам отсюда не видно, но я во всем

признаюсь, даже больше того, я хочу, чтоб меня немедленно арестовали и добровольно наказали по всей строгости закона, арестуйте меня, это моя единственная просьба, подробности расскажу потом...

ПАРХА. Папаааа... Папа, вернитесь в машину, папаа...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Че такое? О чем речь? Что-то случилось?

ПАРХА. Все в полнейшем порядке. Мы бедные честные румыны, говорящие по-польски, у папы Альцгеймер, у нас в Румынии это просто эпидемия, даже ехать с ним страшно. С тех пор как вышел из концлагеря, просто другой человек, все время вспоминает плохие, страшные сны, окопы...

ВОДИТЕЛЬ. Я не записал номеров этих двух полицейских, но, думаю, их нетрудно вычислить. Один невысокий такой, второй повыше и блондин. Я считаю, что их должны отстранить от служебных обязанностей за отказ прийти на помощь похищенному лицу, вплоть до оказания содействия бандитам и убийцам, уверовав в их подлую ложь, якобы я был в окопах и потерял свою личность.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Пархе*). Да, но угрожает ли это безопасности дорожного движения? Вот в чем проблема.

ПАРХА. О, господин генерал, я именно это и имел в виду. Мы в Эльблонг правильно едем, в смысле, в нужную сторону? А то папа что-то совсем запутался, мы с сестрой в этих краях совершенно не ориентируемся, а очень спешим на паром, который как раз направляется в Румынию, точнее это углерудовоз такой, паром «Ибупром», может, слышали?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В Эльблонге ж нет моря.

ПАРХА. Ну конечно. Он ведь по озеру плавает. По Эльблонгскому озеру.

ВОДИТЕЛЬ. Углерудовоз «Ибупром». Прозвучало такое название. Его тоже проверьте, может, они все еще на борту.

Сцена третья

Едут дальше. ВОДИТЕЛЬ ведет машину, истерически всхлипывая и судорожно сжимая руль.

ПАРХА. ПРЕКРАТИ ВЫТЬ!

ДЖИНА. Оставь его в покое...

ПАРХА. Если он не прекратит, я сам щас завою.

ДЖИНА. Отстань от него, пусть выплачется, это помогает.

ПАРХА. Нет, Джинуля, я в таких условиях сейчас не выдержу, это выше моей выдержки, когда кто-то закатывает такую истерику.

ВОДИТЕЛЬ. Бледное, как вытертый медяк, зимнее солнце давно закатилось за горизонт. Ветер гонял по шоссе трупки раздавленных собак и животных. В дешевых придорожных барах на ветру развевались прошлогодние рекламные мороженого, поблекшие от плотоядных детских взглядов. Я видел тьму. Я прикоснулся к ней.

ПАРХА. Слышь, мужик. Мы тебе очень благодарны за то, что предложил нас подвезти, мы давно не встречались с такой доброжелательностью со стороны чужого в сумме человека, которого ничто, в общем, не заставляло вот так, от чистого сердца, взять и помочь нам в тяжелый для нас момент, а он, однако, захотел и помог, а человеческая сердечность и доброжелательность так много для нас значат... *(Начинает копаться в пакетах.)* Мы уже будем собираться. Отсюда до парома рукой подать. Твое предложение подвезти нас, то, что ты сам, без всякого принуждения, по доброте души так страшно нам помог... Благодаря тебе мы, может, уже скоро опять будем на родине. Румын не бросает слов на ветер, такой у нас девиз. Поэтому мы хотели бы отблагодарить тебя за твою доброту и сердечность.

ВОДИТЕЛЬ с недоверием смотрит на ПАРХУ, который вынимает из пакета пачки денег и еще разные вещи.

Я — Волшебник Изумрудного Города. Я приехал сюда из сказки инкогнито, чтобы проверить, хорошо ли ведут себя люди и совершают ли хорошие поступки. Получи в награду пять тысяч вот в этих кучках. Раз, два, четыре, пять. И мой плеер mp3 в придачу. Плюс три евры. И солнечные очки, хотя нет, они мне завтра еще пригодятся. Ты знаешь, как этим пользоваться. Вот тут переключатель около наушников. Качаешь из Интернета разную музыку. Сливаешь все сюда, тут пятьсот тысяч песен помещается. Там, впрочем, пару дисков я закачал, но не уверен, что тебе понравятся. Надо бы подумать об этом раньше, если б знал, я бы скачал тебе этих, ну, знаешь, этих, Мечислава Фогга, Марылю Родович, юмора всякого, сатира там, эстрада.

Ну, так мы пошли. Давай, Джина, одевайся. Это настоящие деньги, не на принтере отпечатанные. Купишь себе на них чего-нибудь клевое. Термомикс. Рекомендуем. У нас с Джиной в Румынии есть такой, стоящее дело. Сам печет хлеб. Джина идет утром в поле, собирает зерновые. Потом мы замешиваем это в термомиксе, и хлебешек готов. Свеженький, никаких тебе пищевых добавок вроде E 1939 и E 1968, вот это, я понимаю, УДОВОЛЬСТВИЕ.

ДЖИНА. Эй, ты что, спятил? Я устала, как загнанная кляча, это ж какие-то дебри, какие-то ежевичные заросли.

ПАРХА. Пошли.

Они уходят.

ВОДИТЕЛЬ. И вот под конец, гражданин следователь, и произошло, собственно, самое страшное. Он приставил мне к горлу нож и потребовал деньги и ключи, а она целилась в меня из вынутого из сумочки пистолета, скорее всего предварительно сняв с предохранителя. Они хотели убить меня и обокрасть. Требовали драгоценности, разную

бижутерию, бытовую технику, а конкретнее, домогались термомикса, каковым я не располагал и не располагаю, имелся он только у моей тещи, с которой я не поддерживаю контактов, уж не знаю, как они об этом узнали. Откуда? Мне кажется, они, должно быть, заранее за мной следили, на протяжении многих лет, у меня давно уже появились кое-какие подозрения, что за мной наблюдают. После чего они скрылись в лесу без единого слова, даже не поблагодарив, не оставив мне в знак благодарности никаких денег, ни ломаного гроша. И я хочу, чтобы в протокол занесли, что, если их задержат, на что я надеюсь, я смогу еще раз посмотреть им в глаза. Но простить не смогу. Не смогу. Не захочу. Нет, никогда. Вы записали? Не смогу. Вот и хорошо.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Вечер. ДЖИНА и ПАРХА идут по шоссе в состоянии психофизиологического транса и плачут.

ПАРХА. Пожалуйста. Пожалуйста. Ну, пожалуйста. Не цепляйся за меня, когда идешь, меня от этого колбасит. За что? За что?

Как это — я дал ему пять тысяч и плеер мп3?! Как — дал? Да еще кому? Этому чокнутому водиле? Нет, ты так не шути. Отдал? Задарма? Да ведь он ненормальный, он же псих! И ты мне ничего не сказала, не спросила, зачем я это делаю. Я сказал, что я — Волшебник Изумрудного Города? Какой волшебник? Может, это ты ему сказала? Ну не я же!

Точно, помню, я чувствовал себя волшебником, но это же не повод ни с того ни с сего сразу что-то ему давать.

И ты мне позволила, ничего не сказала и позволила, чтобы я ему вот так вот их отдал??! Пять тысяч??? Ты что, дура??? Думаешь, мне их что, Дед Мороз под елочку положил? Да я их кровавым потом зарабатывал. И сам это отдал? Может, продал? Может, я ему их продал? Нет, бред какой-то. Бред. Бред.

Где этот пакет? Сорри, Джина. И что это вообще за имя, ничего лучше ты не могла придумать? Вы что, индейцы? Перуанцы? Регина? А фамилия у тебя Сальве? (*Поет.*) *Salve, Regina...*¹ Сорри, ха-ха. Вот за что себя люблю, так это за то, что даже в полной, бля, жизненной просрации, на дне дна, чувство юмора из меня все равно бьет фонтаном.

Нет, нет, нет. Давай успокоимся и поговорим серьезно, все это ненужные эмоции, просто надо кое-что выяснить. Значит, так, была тусовка, факт, мы нехило закинулись. Насколько я понимаю, именно там мы и познакомились. Нет, наркотики все-таки вредная штука, отвал башки. Ничего не помню, можно мне втюхать что угодно. Но откуда у меня вообще взялись пять тысяч? Снял со счета??? Ага.

Это исключено, невозможно. Если бы я их снимал, то помнил бы. И отдал ему? Всё? И ты мне позволила это сделать? И даже десятки не осталось??! Поищи-ка в пакете, наверняка они там, я должен выпить кофе, привести себя в порядок, принять душ. Дай мне какое-нибудь зеркальце, что ли, у меня завтра в восемь съемки. А этот плеер мп3, с ним что? Его я тоже отдал? Исключено. У меня там было всё. Все любимые песни. А телефон у меня где? Как это — у тебя нет? Посмотри там, в сетке. Должен быть. И документы. Как — нету?! Как — нету?! Давай сюда. Должны быть.

А может, это ты спиздила, а? Нет, ну, не обижайся, я просто так спросил, я же тебя не знаю, вижу первый раз в жизни, я теперь никому уже не доверяю. Мне завтра к

¹ «Славься, царица» (*лат.*) — церковный гимн.

восьми на работу, съемки у меня в восемь утра, понимаешь? Ты понимаешь, что это значит? В восемь у меня съемки, и если я, бля, там не появлюсь, это, бля, кончится плачевно. Катастрофой. Не могу поверить. Ты-то вообще работаешь где-нибудь? Ты понимаешь, что это значит?

ДЖИНА. Нет.

ПАРХА. Тогда откуда взяла деньги на это классное развлечение, а? Может, тоже я тебе дал?

ДЖИНА. Не знаю, я в банкомате взяла.

ПАРХА. А они туда с неба спустились и тебя ждали?

ДЖИНА. Не-е-ет, наверно, это были алименты.

ПАРХА. Какие еще алименты?

ДЖИНА. Ну, пошла я в банкомат, думала, там нет ничего, честное слово. А там пятьсот злотых. Ну, наверно, алименты, я так думаю. Короче, купила себе кебаб и еще кое-что, а потом эта тусовка...

ПАРХА. Эй, погоди, что за алименты? На ребенка?

ДЖИНА. Ну, на ребенка.

ПАРХА. А что ты сделала с ребенком?

ДЖИНА. С каким ребенком?

ПАРХА. Откуда я знаю, с каким, ну, с этим, со своим, ты же говорила, у тебя есть ребенок, насколько я помню.

ДЖИНА. А, да, точно...

ПАРХА. Точно! Точно! У тебя есть ребенок.

ДЖИНА. Я его где-то оставила. Подожди. А, так я же его в садик отвела, наверно... нет?

ПАРХА. Когда это?

ДЖИНА. Ну, не знаю. С утра.

ПАРХА. Как это с утра? С какого утра?

ДЖИНА. А, да, действительно.

ПАРХА. Вот именно.

ДЖИНА. Позавчера, наверно. То есть нет, наверно, вчера, это было вчера, да? Не сегодня же.

ПАРХА. Ну и что? Он там что, остался? Ха-ха.

ДЖИНА. Слушай, у тебя попить чего-нибудь есть?

ПАРХА. Только не нервничай, перестань себя накручивать. Я просто так спрашиваю, меня это вообще не колыхнет, слышишь, я тебя первый раз в жизни вижу.

ДЖИНА. Не знаю, откуда мне вообще знать. Может, моя мать забрала. Она его иногда забирает, когда я не могу.

ПАРХА. Тогда ой.

ДЖИНА. Не задавай мне таких вопросов, на которые я теперь все равно не могу ничего поделывать.

ПАРХА. Вот тут ты права.

ДЖИНА. Главное, чтоб он не скучал. Включаешь ему мультики, и он играет уже сам, сам проводит время.

ПАРХА (*начинает орать*). Вот именно! Вот именно! Сам проводит время! А пять тысяч коту под хвост! И это факт! Всё, бля, всё! Завязываю с тусовками, с наркотиками, с охренительными маскарадами, которые заканчиваются так, что я, бля, какому-то засраному деду-неврастенику дарю пять тысяч. И просыпаюсь одетый в кардиган из секунд-хенда, который сняли с трупа в семьдесят втором, офигеть как весело, восемь часов подряд притворяюсь говорящим по-польски румыном и рассказываю про вредные последствия питания колбасными обрезками, но вдруг оказывается, что я — говорящий по-польски поляк, обыкновенный долбаный поляк, которого ломает, который проснулся с бодунища среди чиста поля на каких-то пастбищах, в ежевичных зарослях, в каком-то Мухосранске на границе с Казахстаном, в казахском, провонявшем молью кардигане, с зубами, которые я так расписал фломастером, что и не смоешь теперь. И, бля, у меня завтра в восемь съемки, потому что, бля, так получилось, что в любимом и популярном в народе сериале я играю ксендза Гжегожа. Ксендз Гжегож. Как всегда в прекрасной форме. (*Пауза.*) Наркотики эти все-таки ужасно вредная штука. Мы... хочу тебя спросить об одной вещи, это для меня очень важно. Может, конечно, прозвучать глупо, ты уж прости. Скажи, я... ну это... то есть... может, мы с тобой сексом занимались? Я только так спрашиваю.

Сцена вторая

Бар «Цимес», БАРМЕНША и ГАРДЕРОБЩИЦА ХАЛИНА смотрят телевизор. С улицы доносятся приближающиеся вопли, отголоски схватки. Входят взмокшие, явно не в себе ДЖИНА и ПАРХА, оба на грани безумия.

БАРМЕНША. Мы себе смотрим, вдруг слышу, крики какие-то, мочилово, я тогда говорю, что там такое, мандавошки от придорожных шлюх сбежали и орут благим матом? И пошла поглядеть. А тут как раз открывается дверь и в полном составе входит команда из двух психов, не знаю уж, пьяные или обкуренные, или из дурки удрали, с какими-то сетками, пакетами, вваливаются сюда, ну, а графиня эта так еще и с пузом поперек себя шире. И входят сюда, вот так вот.

Вам чего?

ДЖИНА. Кипятку и побольше. Я рожаю. А эта пусть простыни рвет.

БАРМЕНША. И показывает мне на Халинку. Эта! И сумочкой типа обмахивается. Я говорю: такого блюда — кипяток — у нас нет. Кофе, чай — пожалуйста, есть еще свекольник, картошка фри. Овсяное печенье. Вон все написано.

ДЖИНА. Тогда печенье.

ПАРХА. Нет-нет-нет, она пошутила! Все не так. Все не так, как я планировал. Это исключено. Извините... можно тебя на минутку?

Смотри туда. Держи это. Отвернись, и смотри туда, и держи крепко, и чтоб ни звука, я сам все скажу, а ты стой тут, и смотри туда, и не двигайся.

Вы уж нас извините, пожалуйста, за ее неуравновешенное поведение. Моя знакомая немного того, понимаете, ломка и все такое, она и не беременна вовсе, так, подушку себе туда засунула, вот, ха-ха-ха. А ну, кончай лыбиться, это уже давно не смешно. Психопатка, наркоманка

чертова. Колеса эти все же сносят крышу, вы уж ее извините.

Не обращайтесь, пожалуйста, внимания, просто кое-что произошло, и я немного не в себе. Извините, не подскажите, что это за город такой красивый, где мы находимся?

БАРМЕНША. Что за город и где они находятся! Он меня спрашивает! Оструда.

ГАРДЕРОБЩИЦА. Это Оструда.

ПАРХА. Ах, Оструда, до чего красивый город. А это больше как: на юг, на север или на восток? А то у меня совершенно вылетело из головы.

БАРМЕНША. Это смотря как посмотреть.

ПАРХА. Ага.

Действительно, смотря как посмотреть. Факт.

Понимаете, такая вот неприятная ситуация, мы здесь оказались случайно, не по своей вине, сами мы из Варшавы, заблудились, ну просто...

БАРМЕНША. Ага, дак и я с Варшавы. Халинка вона тоже. Мы тут все с Варшавы. А сюда на святки приехали. На санях покататься. Только-только вернулись.

ПАРХА. Ну, вот видите. Сани — это замечательно. Еду, еду в чистом поле, колокольчик динь-динь-динь... как сказал поэт, великий поэт.

Однако к делу, дорогие дамы, шутки шутками, а между тем со мной случился случай совершенно непонятный, не знаю, как и объяснить, как все произошло, собственно говоря, это может показаться невероятным. Одним словом, по невыясненным причинам я оказался здесь, завтра мне к восьми на работу, но, к сожалению, у меня нет с собой телефона. А мне надо позвонить.

То есть, в общем и целом, ситуация такая: не знаю, как это доказать, но я не такой, каким кажусь. Я совсем другой, а это шутка, маскарад, ряженые, и, представляете, все это плохо кончилось, плохо. Я ведь актер, играю ксендза Гжегожа в сериале, вы, конечно, помните, ксендз Гжегож,

вот-вот-вот, да, это я. Я еще вот что спросить хотел: сколько сейчас времени?

БАРМЕНША. Ой, вы знаете, у нас тут тоже маскарад. Она вот переодетая принцесса Диана, а я — Барбара Картленд. Двадцать два ноль-ноль, как показывают прилагаемые к делу часы.

ПАРХА. Двадцать два ноль-ноль. Исключено. Я не успею выспаться перед съемками. Мне нужно позвонить. Это, бля, какой-то дурдом. Джина, да сделай же что-нибудь, твою мать. Скажи им. Скажи им, кто я такой. Ты же знаешь.

ДЖИНА. Две порции бигоса, пожалуйста.

ПАРХА. НЕЕЕЕЕТ!

ГАРДЕРОБЩИЦА. Ве-е-сек!

ПАРХА. Не-ет, стоп, зачем нам тут Весек! Кто он вообще такой, этот Весек, ей-богу, вы, я вижу, совсем не понимаете, в какой я оказался ситуации, что мне ваш Весек, на что он мне сдался? Лююююди! Люди. Бога ради. Я — ксендз Гжегож. Помогите же человеку, мне же, бля, завтра к восьми на работу.

БАРМЕНША. Да ты че, прям с восьми бутылки собираешь?

ДЖИНА. Вот такой мы, румыны, упрямый народ.

ПАРХА. Заткнись, я тебя умоляю, молчи и ничего не говори. Отвернись. Отвернись. Отвернись вон в тот угол. Ты ребенка в садике оставила, вот стань вон там и спокойно обдумай, может так мать поступать или она не мать. Она ребенка в садике оставила. Три дня назад. Алименты просрала. Люля-кебабы себе покупает. Психопатка, воще, наркоманка.

БАРМЕНША. Как-как она сказала? Типа они румыны какие-то! Славненько.

ДЖИНА. Но моя мать точно его забрала, точно.

БАРМЕНША. Телефонная карта — пятнадцать золотых семьдесят грошей. Самая дешевая.

ПАРХА. Но у меня нет!

БАРМЕНША. Пятнадцать семьдесят.

ПАРХА. Женщина, но мне же только одно слово сказать! Мне ж только крикнуть: спасите, бля!

БАРМЕНША. Ве-е-слав!! Иди сюда! Тут у мужика проблемы.

ПАРХА. ДАЙТЕ МНЕ ПОЗВОНИТЬ! ОДИН ЗВОНОК! БЛЯ! ОДИН ЗВОНОК! ЭТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ГРОШЕЙ!

БАРМЕНША. Восемьдесят грошей оно да, но самая дешевая карта — пятнадцать семьдесят. Я не знаю, что вы за фрукт, ксендз не ксендз, Гжегож не Гжегож, а карта стоит столько-то и столько-то, и это деньги, и не будет мне тут первый попавшийся псих звонить куда ему вздумается. Верно я говорю, да, Халинка? И тут пришел Весек.

ВЕСЕК. Какие проблемы?

БАРМЕНША. Знакомься. Это ксендз Гжегож. Со своей монашкой-женой. И ребеночком, типа мальчик, поющий в церковном хоре. Хи-хи.

ВЕСЕК. Так, какие проблемы?

ПАРХА. Здравствуйте, очень, очень приятно, понимаете ли, Веслав, тут такое дело, просто мне необходимо позвонить, и эти милые дамы, они мне разрешили, только вот хотят, чтобы я на всякий случай спросил еще у вас...

ВЕСЕК. Ты чё зяпу разинул?

ПАРХА. Я не разевал, я просто...

ВЕСЕК. Ты чё зяпу разинул?

БАРМЕНША. Слышь, этот проходимец нам тут целый час лапшу вешает, какой он крутой, столичный актер, а сам карту телефонную купить не может. Самую дешевую даже, жалко ему, видите ли, да наркоманы это какие-то. И морда лица вроде знакомая. Да это он у меня яйца из курятника ворует, попался, голубчик!

ПАРХА. Нет, вы не поняли, я... Я вас проклинаяю! Проклинаю! Проклятие, бля! Чтоб у вас микроволновка, бля, взорвалась, и всё вместе с ней.

Сцена третья

ПАРХА. Да тут хуже, чем в Румынии. Дурной сон о том, чего и во сне не увидишь.

Да это же просто поэзия. Я говорю стихами.

ДЖИНА. А, и еще насчет ребенка. Мать моя ведь наверняка забрала его из садика. Когда это было? Подожди... позавчера. В четверг. Я отвела его в садик. Это я точно помню, потому что он вопил как недорезанный, вот так: ыыыыыыыыыыыы. Клянусь. Вот только забрала ли я его? Не знаешь? Я ничего не говорила на тему, что его забирала?

ПАРХА. погоди, дай сосредоточиться, я теперь о другом думаю.

ДЖИНА. Ну так вспомни, говорила я что-нибудь?

ПАРХА. Не знаю, дорогая, в четверг мы еще не были знакомы.

ДЖИНА. Факт, это факт, вот именно, думаю, она должна была забрать, потому что всегда его забирает, когда я не могу, к примеру. Ты прав. Именно так и было. Именно так. Вот так стоял и выл. Ыыыы. Как ты думаешь? Да, так оно и было. Разве что она решила мне отомстить и его не забрала.

ПАРХА. А ключи от дома у него в случае чего есть?

ДЖИНА. Есть.

ПАРХА. Ну тогда он наверняка пошел домой.

ДЖИНА. Да? (Пауза.) Нет у него ключей, ему четыре года, идиот.

ПАРХА. Вот только не идиот, пардон, мадам, но мы не настолько близко знакомы. Хотя... может, ты и права: как я мог отдать первому встречному пять тысяч?! Нет, исключено, это исключено. Пять тысяч, ты представляешь, сколько это денег? Некоторые за такие бабки собственное говно бы съели, да на них можно участок купить, с домом, с забором, виллу в Белостоке.

ДЖИНА. Вообще-то, я даже не уверена, что его туда отвела. Вполне возможно, что, может, он у матери остался. Очень даже не исключено. Играет себе в суперменов и строит кубики «Лего», он умеет себя занять.

ПАРХА. Все, хватит долдонить не в тему, кончай, у меня завтра в восемь утра съемки, и это теперь самое важное, что мы должны сделать.

ДЖИНА. Не буду я никуда звонить, отвали от меня, понял? И даже не уговаривай, не буду я ей звонить, чтобы она мне что сказала? Я сама могу это себе сказать. Она меня с говном смешает. Я вчера все алименты профукала. Она этого так не оставит. Посадит конверты клеить.

Сцена четвертая

Ночь, поле, ЖЕНЩИНА 40—50 лет с размазанным макияжем останавливает машину, выходит, открывает багажник, вынимает бутылку водки, пьет и прячет ее обратно. В это время к машине бегут, теряя обувь, двое бедных румын и бросаются на капот.

ПАРХА (*с умилением*). Варшавские номера... Вы в Варшаву?

ЖЕНЩИНА. Ффшаву.

ПАРХА. О несравненная! Ты чудо природы, венец создания, я звал тебя, и ты пришла. Скажите, поклянитесь, что вы не плод моего воображения! Чудо. Чудеса бывают. До Варшавы отсюда сколько километров?

ЖЕНЩИНА. Чче?

ПАРХА. До Варшавы сколько километров?

ЖЕНЩИНА. Ссо.

ПАРХА. Сто!! Сто!! Я знал. Сто километров — это ж вот столько, это ж если коту как следует ногой под зад наподдать, он запросто долетит. Мы спасены! Блаженны нищие духом! Госпожа профессор! Царица! Вы такая красивая.

Мы едем с вами! Мы едем с вами! Как тут тепло! Как хорошо! Мы нормальные люди! Это мы только так выглядим. Пожалуйста. Мы будем вести себя культурно! Мы не будем пукать!

ЖЕНЩИНА. Пжлста. Вы мне псланы небом. Эт не моя мшина. Эт «вектра». Суда нажимаешь, суда нажимаешь и ггово.

ПАРХА. А моя спутница, в случае чего, тоже может поехать с нами?

ЖЕНЩИНА. Мне по барабану.

ПАРХА. Давай, Джина, садись, тебя, в случае чего, тоже берут, можешь ехать, я договорился. Я за тебя поручился. Она НЕ ВОНЯЕТ. Это только с виду она такая.

Едут.

Ну так как? Как жизнь молодая? Погода, однако, в этом году не ахти, зима выдалась неурожайная просто до ужаса...

Тишина.

ЖЕНЩИНА. Факт. Пгода. Двление. Супфер.

Тишина.

ПАРХА. А вы, я вижу, водите с размахом, честно говоря, просто лихо... А немножко прямее, ну, по одной линии, нельзя?

ЖЕНЩИНА. Эээ там... Просто, исли там чче-то насречу бует ехать, вы мне сразу ччесно скажите. Я линзы сняла и куа-то суда плжила, но боле-мене ище вижу. Кое-чче. Ну, так чче? Вы куда еете? Ссуденты? Вы студенты, а где ущичись? Не боись, я не пяная, ниче не боись, я еду.

ПАРХА. Мы не студенты, мы говорящие по-польски румыны, лесбиянки, педики, евреи, работаем в рекламном

агентстве, как я уже говорил, вы ж понимаете, о чем я, мы в Израиль едем, сажать деревья, и ни одна сволочь не подвезет даже на сантиметр, я ведь ксендз Гжегож из сериала, еду на съемки, к восьми, мне еще поспать надо, чтобы завтра быть в форме, душ принять.

ЖЕНЩИНА. А может, у вас прва есть, у ково-то свас?

ПАРХА. Ну, честно говоря, не совсем. Разве что у нее, но вряд ли. Осторожно!.. Блин, бабища, ты как ведешь?

ЖЕНЩИНА. Ну, раз у вас нет, филия вы тода тут? Я дмала, есть и птому вы самой едете. Гвна кпна.

Нееее, нормалек, не боись, едем как нада. Бог дал, Бог взял, нет проблем... Или я вас научу, вот тут ссыпление, тут коробка пердач и вперед. Или нет, сама буду вести... Это мшина, это тачка, это ссё в кредит... Нормалёк, ссё под котролем. Бля, я вам скажу. Я вам скажу, скажу вам. Вы такие щисливые, молодые, эта мшина стоила куччу бабок, за такую куччу бабок ничё плохого быть не можжит.

ДЖИНА. Сорри, я стесняюсь спросить, а пожрать у вас случайно ничего не найдется?

ЖЕНЩИНА. Блин, Венгрия, Румыния, Турция, да, я зна, обалденно крсивая ссрана. Ссе говорят Румыния, срач, гавно, фекалии, ислам, дети жрут гавно прямо с тру.. с тро... зземли, эта, диктатура или ччё, люди камни едят, а ведь чудесная ссрана с виноградом и фруктами, и тризмом, я туда ездим с мужем на лыжи. Класс. Хрошо вам там, ктайся себе на лыжах, ни вещей, ни бгажа, ни кредитов, ни денег, ктайся в свое удовольссие, свобонны от этого вечного пожрать, посрать и так без кнца, вы пнятия не имее-те, какое это ссе дерьмо.

ДЖИНА. Знаете, иногда мы находим разные вещи в мусорке, народ выбрасывает теперь такие хорошие вещи, курицы прямо целые, сосиски. В мусорку. Я иногда, когда мусор выбрасываю, меня прямо подмывает, чтобы ну, это, понимаешь. Чтобы, когда мусор выбрасываю, мешок с мусором чтобы не спешить выбрасывать.

ЖЕНЩИНА. Ыясно, выбрасвают, мусрки — отличн вешци, я сма кда-то абжжур ншла, модерн, все вимание обращща.

Тишина.

ДЖИНА. Вот и чудненько. А ссать хочется.

ЖЕНЩИНА. Ччѐ? А, мжешь пписать, где хошшш. Это мужа мшина, мне ссѐ ранно, даже пръятно. Аддю.

Пауза. **ЖЕНЩИНА** ведет машину зигзагами, румынам становится страшно.

ПАРХА. Графиня, эй, эй, эй. Знаете, прекрасно едем, приятно с вами поболтать, но, слышь, может, возьми кофейку какого выпей, мы были б очень признательны, а?

ЖЕНЩИНА. Ччѐ? Ты мне, дрогуша, не указвай, ччѐ мне делать, взяла я вас йсклюоисельно птомушшо думала, у вас есть права. Вашши претенсиии неумессы. (*Продолжают ехать зигзагами.*)

ПАРХА. Потому что, однако, углерудовоз «Ибупром», который должен отвезти нас кое-куда, в том числе в Израиль, скоро отчалит... У меня завтра в восемь утра съемка, а вы этими зигзагами страшно удлиняете путь, а нам бы хотелось не столько даже остаться в живых, сколько просто... Моя спутница пару дней назад оставила ребенка в детском садике. Скорее всего он до сих пор там сидит и играет в кубики.

ДЖИНА. И на фига ты мне напомнил, козел? Чтобы я опять вспомнила??

ПАРХА. Сидит там один. Без спокойнойночималыши, без шапки, в несвежих трусах, просто трагедия. Мы мчимся его спасать. Если не вернемся, ей мать такую выволочку устроит, что ого-го.

ДЖИНА. Козел. Хрен сраный.

ЖЕНЩИНА. Да кака я прфессор, слыште, нее, я прос-
сая шенщина, мда, факт, я и сма чувсвую, што малость
набрлась, и признаю, да, набрлась как ссиння, но тут ить
нет никакого смысла выхдить, тут дикая польская приро-
да, болота. Оот появится другой пиззаж, типа, бензоклон-
ка, какие-то люди, тода выдете, а тут мне совесть не пзвля-
ет вас высаить. (*Вынимает из-под ног бутылку, пьет и
хочет пустить по кругу.*) Между перой и торой перерыв-
чик небошой.

ПАРХА. Слышь, бабень, ты что, совсем? Какой пере-
рывчик?! Это, бля, что такое, ты давай соберись, бля, по-
тому что я сейчас за себя не ручаюсь, я, старый румын,
который много, бля, повидал на своем веку! Где мы вооб-
ще находимся? В Беловежской пуще? Остановись. Говорю
тебе: остановись.

ЖЕНЩИНА (*останавливается так, что визжат коле-
са, вокруг лес и ни одного огонька, ни одного звука*). Пжлста.
Извольте выти в лес. Останоффка по требванию. Надо
было сразу скзать. Завтра или кода пришлите эсэмэс, как
тут нащет грибов.

Ха-ха-ха-ха.

Едут дальше, ЖЕНЩИНА пьет из горла.

Пждите мнутку, у меня ччё-то звнит. (*Достает мо-
бильник.*) Ну. Нуу. Нууу. И типа ччё. И типа ччё. Неее, я
не пьяная. Еду. С друзьями, есси хошь знать, как вас звут,
эй вы?

ПАРХА. Ласло Шойом. А ее Регина. По фамилии
Сальве.

ЖЕНЩИНА (*в телефон*). Регина и Шоймес, мои друз-
зя. Не, я не спятила. Они ошнь симпатишные, открытые
такие, классные млодые люди, не, нет, я не пьяная, с ччё ты
взял? Жжешь меня уже третий час? Не, нет, я не пьяная.
А кто это там сзади разгваривает сзади тебя? Никто? Это
она? Ну, зачем же прятацца, просто деушка зашла поиг-

рать на компьютере, а ты часами разгвариваешь по тсифону, вот ей и скушшо, сиит там груссная и голая, ей холонно, скушшо и холонно, иди к ней, обогрей. Неее, нет, я не пьяная, ни грамма, ну раззи чуть-чуть, ну, оошем да. Не знаю я, где я, нет тут никаких этих, этихеток, чессо гворя. Зато есть поле, можно скаать даже лес, ссучя и черника, можт, это Норвегия? Я скоро буду, вы там по-быс-сренькому, и мне чче-нибудь поессь ссарите. Типа обед. Пусь подгорит, и персолите его как следует. Чтоб подгорело. И было персолено. Ну, так, как я люблю. И если не разобьюсь, то кода вернусь, буду, наерно, оччень голонная. Покедова. Адю.

ПАРХА. Ты слышала, Джина? Мы скоро будем. Уже недалеко. Я успею на съемку. Дайте-ка телефончик, мне позвонить нужно.

ЖЕНЩИНА. Куа лапы суешь? Я звиняюсь за мужа. Он оччень перживает, что я расхерачу ему эту машину. Ппрекрасно его поймаю. Любовница уже на месте, должн был быть романтиццкий вечер, она уроки сразу поссе школы ссделала, памперс быссренько сменила и сразу пришла, пнимае, о чем речь, это настояссая любовь, она у него в мобиле Михал называется. А он ходит как бешеный от окна к окну с мягким концом, гворит ей: посиди пока тут, любимая, ногти себе постриги, ссори, и стоит у этого окна, обсераясь от страха, что ща приедет его «вектра», сппрва одно колесо, птом второе, а капот я принесу в пакете.

Ха-ха-ха.

ААААААААААА!!!

Авария, машина в темноте во что-то врубается.

ЖЕНЩИНА в крови лежит на подушке безопасности, румыны не пострадали, перед капотом лежит кабан.

ПАРХА (*возмущенно*). Ну вот что это такое? Что это такое?

ЖЕНЩИНА (*теряя сознание*). Еж.

ПАРХА. Еж... Еж! Я тебе сейчас покажу ежа.

Э, мадам, ээй, подъем. Твою мать, наша дама откинула копыта. Во она нас подставила, не, ну серьезно, в чистом поле, в глухомани, нет, это несерьезно.

ДЖИНА. Ну так окажи ей первую помощь.

ПАРХА. Я? Думаешь, это типа просто, раз, два. Мне некогда, я спешу. Ничего же ей, наверно, не сделается, да?

ДЖИНА. Ты уверен?

ПАРХА. Она жива? Жива. А это главное. Остальное приложится, справится как-нибудь, обаяния у нее, согласись, хоть отбавляй. И эти усики. Очень пикантно.

ДЖИНА. Может, ты и прав, это уже не имеет значения. Так что мы делаем?

ПАРХА. Ты ее телефон где-нибудь видишь? Я должен позвонить, что, наверно, все же опоздаю на съемку.

ДЖИНА. Кажется, гикнулся.

ПАРХА. Ты чё?! Это исключено. *(Выбрасывает раздавленный телефон, шарит у Женщины в ногах, выуживает бутылку водки, жадно пьет.)* Хочешь глоток? Немножко осталось. Мне до усрачки нельзя, мне завтра надо быть в форме.

Давай возьмем у нее хоть часы. Отличные у тебя часики, дорогуша, «сейко», брюлики сейчас в моде, не обижайся на меня, но я в отчаянии. Пятнадцать минут первого. Не может быть, она, наверно, не переставила на зимнее время. То есть сейчас около одиннадцати, то есть я еще, может быть, успею. *(Надевает часы, тянется к сумочке женщины.)* О, сумочка, может, у нее бабки есть, мне надо купить карту. На, лучше ты тут поройся, я морально брезгую, я в жизни ничего не украл. Ну, если не считать нескольких эпизодов в детском садике. Или нет, давай сюда, я погляжу, тебе нельзя доверять, ты психическая и наркоманка к тому же.

Жвачка — берем, потом поделимся. Противозачаточные таблетки — какая гадость! — хочешь?

ДЖИНА. Возьми себе от моего имени.

ПАРХА. Да ладно, бери, от них глюки классные.

ДЖИНА. Отвали, козел. Жри сам, твой генетический фонд надо категорически ограничить.

ПАРХА. Чего там, бери. Пригодится. Ладно, ладно, я пошутил, эта сука все равно половину слопала. Вот ведь, старая, пьяная бабища, а туда же, ну-ну. Какая гадость.

ДЖИНА. Слышь, ты, давай уже заткнись, идиот, долбоеб, а ну положил сумочку на место, а если она умерла и это труп, оставь сумочку трупа в покое...

ПАРХА. А что, может, она не трахается, может, она это от прыщей принимает? Да? Успокойся. Косметику, помаду, краски и тени для век, это я беру для тебя, однозначно. Тебе пригодится, уж поверь мне, ты не видишь, как выглядишь, а я вижу. Не хочешь, я кому-нибудь другому отдам. Подожди, может, у нее есть второй телефон. Кошелек! Тридцать злотых. ТРИДЦАТЬ ЗЛОТЫХ! Куча бабла! ПопадетсЯ какая заправка, купим себе ПРОКЛАДКИ. (Женщине.) Ты, зараза. Все пропила. Ну, погоди.

Сцена пятая

Ломка. Они выходят из машины и бредут куда глаза глядят в темноту.

ПАРХА. Ни отца, ни матери, наконец мы одни в полном значении этого слова. Нет, я с ума сойду. Пьяная баба нас везет, врезается в кабана, это ведь в натуре кабан был, прямо из лесу. Мог на нас напасть. Нет, какие же все-таки люди безответственные, она ведь могла нас убить. Кошмар какой-то эти люди. Мне необходимо позвонить, не то будет жуткий скандал.

ДЖИНА. Заткнись же ты наконец, заткнись наконец, заткнись. Об одном прошу.

ПАРХА. Ладно, ладно, сама заткнись. Я тебя ненавижу. Я всегда ненавижу девушек, с которыми переспал без

любви, это гадость, гадость, секс без любви — порнуха, вставил-вынул.

ДЖИНА. Чё? Чё ты сказал? Я с тобой не трахалась, я уже говорила. Не трахалась.

ПАРХА. А с какой стати я должен тебе поверить, ну с какой, какие у меня основания? Детка, у тебя ведь полная амнезия, насколько я понимаю, ты то помнишь, то не помнишь, Бог дал, Бог взял, откуда тебе знать, переспала ты со мной или нет, если я сам этого не знаю, умоляю, не смей меня. Я подозреваю, что мы переспали, потому что у меня ломка и, скорее всего, именно из-за этого, именно из-за этого, я по ломке чувствую. Ненавижу механический, производственный, чисто физиологический секс с чужими бабами, которые не вызывают во мне даже презрения, только чудовищную, бездонную пустоту, чужое тело рядом, которое с таким же успехом могло быть тушей животного, чужое тело без лица, раз-два, раз-два, и когда потом все уже кончено, лежишь себе. Лежишь. Дышишь. Твое дыхание как мчащиеся мимо машины, как воюющие сирены, как сгушающиеся тени. Все это просто смешно. Слюна и сперма высыхают как дождь. Это же соки любви, соки любви. Слюна! Сперма! Белок куриного яйца! И вода с крахмалом!

ДЖИНА. Я с тобой не трахалась, точно не трахалась, точно, я тебе говорила, это исключено.

ПАРХА. Вот то-то и оно, что да! Ты воспользовалась моим состоянием и беззащитностью!

Идут молча.

(Не выдерживает.) Хорошая из тебя мать, нечего сказать. Ребенка оставила недолго думая, вообще молчи, я себе даже представить не могу, блин, ребенок один в саду день и ночь, даже уборщицы уже ушли, сторож ушел, а он там сидит в луже мочи и вжикает машинками, ну а что ему делать, что ему, блин, еще делать, ну что. Все игрушки над

ним смеются. О'кей, о'кей. Спокуха, если меня заносит, ты мне просто скажи.

Пауза, они идут, машин нет.

ПАРХА. Сорри, я не могу так, молча. А то уснем. И замерзнем. Мне холодно. Я сейчас рехнусь от холода. И как они когда-то в этих лесах могли выдержать.

ДЖИНА. Возьми ляг.

ПАРХА. Очень смешно. Ооо-очень смешно.

ДЖИНА. А мне типа не холодно, да? Холодно, как у черта в жопе.

ПАРХА. И что, хочешь, чтобы я отдал тебе свою куртку? Не дождешься. Хотя вполне вероятно, что за каких-то пятнадцать минут я заслужил бы себе вечную жизнь. Ты могла бы выступить свидетелем, когда меня будут причислять к лику святых. (Пауза.) Думаешь, мы помрем? Сейчас? Вот так сразу?

ДЖИНА. Да.

Пауза.

ПАРХА. Какая безнадега, как низко я пал.

А ведь что-то мне подсказывало: завяжи с колесами, кончай жрать эту гадость, вам, наркоманам, по фигу, для вас это трудовые будни, а нормальному человеку и вправду очень вредно. И вот, пожалуйста, кто-то мне говорит: классная тусовка с маскарадом под лозунгом «грязь, вонь и триппер», Зоська тебя приглашает, записывай адрес. Я переодеваюсь, стараюсь, зубы себе фломастером изукрасил, шмотки какие-то вонючие нашел, таксист отказался меня везти. Прихожу. Знакомлюсь с телкой, не будем показывать пальцем, но это была ТЫ, милый вечер, дискотека, меня угостили чем-то новеньким, и вдруг, бля, откуда-то выскакивает эта Румыния! Я румын! Куда-то еду! Раздаю деньги! Я, почтенный ксендз Гжегож, духовное

лицо. Это ты меня подначила. На фига ты мне напомнила! Я теперь только зря разнервничался и все вспомнил. Опоздать на съемки — да. Умереть — да. Но не так же. Это какая-то паранойя.

Честно говоря, все-таки подсознательно я опасаясь, что не достоин вечной жизни. То есть Бог, конечно, знает, что теоретически я был — лучше или хуже, — но хороший, и в этом смысле я в порядке, но ведь обязательно выскочат церковники со своими догмами, исповедями, причастиями и постами и меня уделают. Меня, ксендза Гжегожа, уделают.

ДЖИНА. Господи, ты существуешь: я вижу какой-то свет.

ПАРХА. Не может быть. Это невозможно.

ДЖИНА. Кажется, это какой-то дом.

ПАРХА. Дом! Мы спасены! Тепло! Чай, не говоря уже про еду! Чистая постель! Я позвоню на студию, что немножко опоздаю, но точно приеду.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

ПАРХА и ДЖИНА стоят в чистом поле перед дверью неогороженного дома и стучат в нее что есть мочи.

ПАРХА. Помогите! Спасите! Аллё! Спасите! Открывайте, вашу мать!

Наконец внутри начинают раздаваться звуки, там открывают разные замки, задвижки, защелки, все новые и новые, и из дверей высовывается голова заросшего ДЕДА.

ДЕД. Это вы?

ПАРХА. Да, это мы. Собственной персоной.

ДЕД. Вы одни?

ПАРХА. Конечно, одни.

ДЕД (*снимает цепочку*). Вы уверены?

ДЖИНА. Да, это мы.

ДЕД. Заходите, только быстро.

Дом ДЕДА, который собирает мусор: везде набросано, две ванны, обувь, весь мусор мира вдоль стен, работающий телевизор.

ДЕД. (*Присматривается к ним.*) Ксендз Гжегож? Он самый!

ПАРХА. Да, это я, я тот актер, именно...

ДЕД. Что за гости — незваные-негаданные. Ночью, поздней ночью порой! Ксендз Гжегож! Дождался-таки, дождался я, ксендз меня навестил-проведал. Для меня это честь — большая радость. А эта женщина-девушка, она кто?

ПАРХА. Приятельница-знакомая.

ДЕД. Анжелика?

ПАРХА. Да, бывшая проститутка, наркоманка, ты понимаешь, сын мой. Я ее пригрел-приголубил.

ДЕД. А сутана где?

ПАРХА. Какая сутана?

ДЕД. Холодно-зябко в сутане-то, да? По яйцам дует. Вот ты в цивильном и пришел.

ПАРХА. Хватит уже, дедушка. А то меня в краску бросило. Найдется у вас что-нибудь пожевать? Попить чего-нибудь горяченького? Одубел я совсем, дед. И моя спутница тоже.

ДЕД. А вот как раз и нету, как раз и нету, я-то считал-рассчитывал, что наоборот, что это ксендз мне поможет, поесть принесет. Я ведь выйти не могу.

ПАРХА. Как это? Почему?

ДЕД. Лучше и не спрашивайте, ни к чему вам это знать-ведать. Я только за порог, а они приходят-приходят. Я себе иду-шагаю и слышу шур-шур, явились, открывают зам-

ки и трогают, трогают. Приходят и трогают. Вот так вот. Не могу я выйти, сразу возвращаться приходится.

ПАРХА. Телефон у вас есть?

ДЕД. Куды там! Был. Но они звонили. (*Залазит на кровать.*) Вот следы. Вот тут трогают. Вот тут. Вон они, следы, где трогали. Приходят-приходят и трогают. Не могу ни на минуту-секунду выйти, ни на минуту, сразу приходят. И трогают.

ПАРХА. Сууу-упер.

ДЖИНА. Можно, мы у вас переночуем? Мы с ног с копыт от усталости валимся. Пешком из Казахстана-Узбекистана пришли. Нам только переночевать, и больше мы вам голову морочить не будем.

ДЕД. Переспать-переночевать. Кажется-мерещится... Ксендзу Гжегожу завсегда рады. Но будьте осторожны. Они не спят. Будьте осторожны. Ну, разве что, как заметят-приметят, что это ты, ксендз Гжегож, то и присмирят.

Сцена вторая

ПАРХА и ДЖИНА лежат на кровати, накрывшись тряпьем, смотрят на часы, жуют жвачку в вызывающей клаустрофобию, заваленной хламом комнатушке, где за стеной булькает туалет. ДЖИНА вертит в руках какую-то веревку.

ПАРХА. Ну? Ну? Ну?

Ты таки добилась своего. Вот она, твоя тусовка, твой маскарад под лозунгом «нищета, крысы и болезни», а я потерял пять штук и работу. Веселись, народ! Может, сыграем в города?

ДЖИНА. В города.

ПАРХА. Не повторяй за мной. Я не успею на съемки, я сильно в этом сомневаюсь. Они там будут ждать, будут звонить, будет скандал, с работы меня погонят, это точно,

и возьмут какого-нибудь дебила, а зрителям сообщат, что ксендзу Гжегожу после пожара сделали пластическую операцию и теперь он выглядит совершенно иначе! Кошмар! Мне пиздец!

ДЖИНА. Просто пиздец.

ПАРХА. Где моя мобила? Где я ее оставил? Может, это ты ее слямзила? Нет. Подумай лучше о своем ребенке. Оставить ребенка в детском саду — это большое моральное достижение. Лучше бы ты его вообще не рожала. Как его зовут-то? Мальчик, да?

Тишина.

Ну, не молчи, а то я засну. А ночью придет дедуля с ломом и подумает, что мы явились к нему все трогать, и нас замочит. Я не буду спать, буду сторожить, но вот вопрос: почему это я должен не спать, а не ты? Почему я должен за все быть в ответе? Кто ты вообще такая? В смысле по профессии? Где работаешь?

ДЖИНА. Я — художественная натура.

ПАРХА. Ооо-оо. Я как чувствовал. Ну, а еще что делаешь? Конкретно?

ДЖИНА. Да так.

То да се.

ПАРХА. Вот именно.

ДЖИНА. Счета какие-то выписывала...

ПАРХА. Я непременно должен позвонить своей агентше, иначе мне несдобровать.

ДЖИНА. Мать меня устроила. Но я приходила туда с бодуна, циферки у меня в глазах троились, труба, какие-то столбики, рядки, колонки, вокруг сидели какие-то тет-ки в говенных блузках, вязали крючком и под меня подкапывались. Я на сто процентов уверена, что после работы они оставались и делали себе флюорографию на ксероксе, а потом рассматривали свои сиськи.

Ага. Еще я работала летом в киоске. Жарила колбаски, картошку, представь себе, один квадратный метр, я и сто пятьдесят литров кипящего прогорклого подсолнечного масла, как сыр в масле, можно сказать, ха-ха, каталась. Но всегда умудрялась как-то схимичить, на каких-нибудь десять злотых, ДЕСЯТЬ ЗЛОТЫХ, и вечером отправлялась в бар, вся из себя гордая, выпить пива, и сидела там с красной, как вяленое мясо, мордой, а масло капало у меня с волос на стол, а моя мать говорила: ну, наконец, наконец-то, наконец хоть что-то, наконец.

ПАРХА. Да, хреново. Ты должна за себя взяться, найти какое-нибудь занятие. Разве что у тебя на самом деле нет никаких талантов.

ДЖИНА. Вот так я и живу, выйду из дому и хожу, понимаешь, да, хожу куда ни попадя, тусуюсь, в основном трахаюсь с разными козлами типа тебя, хотя мне совсем не хочется, просто иду с ними, потому что хочу просто спокойно поспать, чтоб никто не драл глотку прямо над ухом, когда я проснусь с бодуна, а мы, знаешь, живем в однокомнатной квартире, семнадцать метров, когда тебе прямо в ухо кто-нибудь саданет чайником или кастрюлей по плите, с бодуна это не шутки, ты умираешь, а ребенок тебе в кровать припрет игрушечное пианино и давай наяривать «в траве сидел кузнечик», «сорока-белобока кашку варила», а они думают, я с ними пошла, потому что мечтаю трахнуться в семнадцати позах, типа секс моей жизни, и хоть ты тресни, даже если у них висит и трепещет на ветру, им надо хоть раз вставить и вынуть, иначе нет, нет, нет, не считается. А утром одно и то же: о господи, где твоя одежда, ты, наверно, очень спешишь, я ведь тоже опаздываю, ты что, все еще пьешь чай? Ладно. Если хочешь, я дам тебе с собой термос!

Ха-ха-ха. Ха-ха-ха. А я уже в трамвае, уже еду, тук-тук, тук-тук. Карабкаюсь по лестнице, открываю дверь. Ты где была?! Посмотри! Ты что творишь? Это твой ребенок!

Мама-мама! А у Коперника кто отец?

Ты лучше скажи мне, кто *его* отец, его, ну???

Бог, а кто же еще?

Он целый день играл в супермена! А потом обоссался. Извини, но я включаю пылесос.

Мама, сорока-белобока кашку варила!!! Сорока-белобока кашку варила!!! Этому дала, этому дала, а этому ничего не дала!! И фррр... улетела. Мама! Мама!

А, эта, тоже блядища еще та, я читала.

Нет, ты лучше послушай, как он научился играть гимн на пианино! Нет, ты послушай! Все куплеты! И шиворот-навыворот! Иди, принеси свое пианино и сыграй маме. Не там, дурачок.

А ты, ну что у тебя за вид? У тебя что, дома нет? На помойке ночевала?

ПАРХА. Ууу, солнышко, тут я тебе уже ничем не могу помочь. Нехорошо, что ты так себя ведешь, очень даже плохо, надо с этим кончать, надо найти себе порядочного парня, который не будет относиться к тебе как к шлюхе. А ты на СПИД проверялась? Надо бы. Нет, серьезно, найди себе парня, который тебя полюбит, а даже если и нет, то нельзя же совсем уж махнуть на себя рукой. Может, это у тебя какой-то подсознательный комплекс, который возник из-за плохих отношений с отцом.

ДЖИНА. Бог нам отец.

ПАРХА. Вот лично я...

ДЖИНА. Слышь, одолжи пятьсот злотых, а?

ПАРХА. Я??? Тебе???

ДЖИНА. У меня очень некрасивый ребенок. На какую женщину ни погляди, у всех нормальные дети, почему у меня нет нормального ребенка, почему мой такой страшенький?

ПАРХА. Я ненавижу случайный секс с бабами, для которых я — ксендз Гжегож, и им кажется, что, переспав со мной, они оправдывают свое существование, как же, я переспала с ксендзом Гжегожем, это вам не хухры-мухры, тра-ля-ля, девчонки, я переспала с ксендзом Гжегожем, это было нечто, я думала, ошалеею.

ДЖИНА. Я не могу туда вернуться. Она меня заживо сожрет.

ПАРХА. Ненавижу, а хуже всего, что они всегда придумывают разные штучки, чтоб затянуть меня в постель, пошли, у нас классные альбомы, у нас классные коллекции филателистических марок, у нас разные чаи с вкусовыми добавками, ну, пошли, эта полочка из ИКЕИ, а здесь у нас то, а здесь это, КЛАССНО?

ДЖИНА. Писать хочу. *(Идет в туалет.)*

ПАРХА. Здесь у нас то, а здесь это, а тут сиськи, ты не обращай внимания. Это тут, это там, а это наши колготки, мы их вон туда закинем, вот так, а ты, когда играешь этого или того, тебе кого больше нравится играть, я все думаю: кого, интересно, а вот тут, видишь, шрам, ужасный, просто ужасный шрам, и ничего ведь не поделаешь. Ну вот, ты пока погляди, здесь то, а там это, а я пойду приму душ. Ну все, я уже искупалась, и как, классно, правда? Ну, и что теперь? Прямо в одежде заснул, ты что, рехнулся? Пошли, покажу тебе, где будешь спать, если честно, я тоже тут буду спать, с тобой, не веришь? Смотри. Я и ты, ты и я, и я, и ксендз Гжегож, знаешь, это чистая случайность, что я сейчас работаю простой официанткой в кафетерии «Кофе», простой продавщицей газет в киоске около университета, это же абсурд, что я просто обыкновенная, на самом-то деле я вовсе не такая уж обыкновенная, а даже наоборот, раз ты тут и я с тобой знакома.

А я лежу как потасканная шлюха на развалинах своей жизни.

Думаю, выключил ли я утюг.

Думаю, на каком трамвае можно отсюда уехать.

Что за долбаная Румыния вокруг. Что за одиночество.

О, ты уже кончил, это даже к лучшему, я ужасно довольна и вообще. Теперь спать. О, я уже проснулась, ты уже уходишь? Но куда? Сейчас придут девчонки на тебя поглядеть! Они говорят, что мы ужасно, ужасно подходим друг дружке! И что такая девушка, как я!.. И говорят, что если ты с таким, то!..

А я еду, еду на трамвае. Без отца. Без матери. Наконец совершенно один-одинешек.

А теперь еще, бя, меня выгнали с работы, нет, бя, выгонят через три часа. Все, я никто и звать меня никак. Мне пиздец. (*В очередном приступе эйфории подходит к дверям туалета.*) Джина! Джина? Эй.

Я понял, в чем твоя проблема по жизни, вот только что вдруг понял, это ужасно просто.

ДЖИНА (*пытается завязать петлю на шее*). Чего?

ПАРХА. Только не обижайся. В твоей жизни нет любви! Это же элементарно! Просто тебя никто не любит! Никто тебя не любит, и потому ты такая несчастная, потому ты трахаешься со всеми подряд без любви, а это ничего тебе не дает, только пустоту. Самое главное в жизни — любовь, кто-то, кто не скажет тебе с утра: катись-ка ты... Джина? Тебя спасет любовь.

Эй, эй-эй, чего ты там делаешь?

Моешься? А зачем?

Выходи, я не хочу здесь сидеть один, я боюсь. Сама ушла в туалет, а меня оставила одного.

Я за тобой не подсматриваю.

Зачем ты моешься?

Я с тобой трахаться все равно не собираюсь, можешь хоть кипятком стерилизоваться.

Джина, эй!

Я пошутил, идиотка.

Блядь, открыла дверь, я сказал.

Открой дверь! (*Дергает за ручку, открывает дверь.*)

Внутри висит повесившаяся ДЖИНА.

Ну, и что ты сделала?! Зачем ты это сделала?!

Нет, ну как так можно?! Это что за дела? Это что за дела? А ну слезай быстро.

АААА!

ДЖИНА. Ну, повесилась я, повесилась.

ПАРХА. Ну и виси на хер, я отсюда сваливаю.

ДЖИНА. Ты не можешь, бля, оставить меня здесь одну.

ПАРХА. Даже не проси, я сваливаю.

А что дальше? Вот я и пишу, что там было дальше: ПАРХА выбегает, а ДЖИНА перерезает веревку перочинным ножиком и бежит за ним, по дороге они отталкивают перепуганного дедульку в кальсонах: благословите вас Бог, а мы спешим на свой паром!

По снегу подплывает углерудовоз «Ибупром», они вбегают на палубу, где их радостно приветствует румынский экипаж и пассажиры: наконец-то, наконец! Они раздают рекламные проспекты и фантики от конфет, а все целуют им руки. Грандиозный бал выпускников курсов социальной опеки. Участники едят кору и землю, в руках у них старые слувшиеся воздушные шары, все поют душещипательные румынские песни. Официант говорит Пархе: господин Булат, для нас это большая честь. Специально для вас и вашей жены мы приготовили один целый сладкий перец с начинкой из колбасных обрезков! Не угодно ли отведать?

ПАРХА. Конечно, но сначала мне надо помыть руки, я с дороги. *(Входит в туалет. А там висит Джина.)*

Марек Модзелевский

КОРОНАЦИЯ

Перевод Ирины Киселевой.
© by Marek Modzelewski

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАЦЕК
КОРОЛЬ
ЖЕНЩИНА
ЖЕНА
МАТЬ
ОТЕЦ
БОГНА
ШЛЮХА
ПАЦИЕНТКА
КОРЕШ

На сцене кровать, на которой занимаются любовью ШЛЮХА и МАЦЕК.
Рядом с кроватью сидит КОРОЛЬ.

КОРОЛЬ (*небольшая пауза, Мацеку*). Ну, как? Тебе хорошо? Отлично. Люблю, когда тебе хорошо. Мне тогда тоже хорошо... И мне нравится это смешное выражение у тебя на лице... На моей маске: правда, ты тогда прикольно выглядишь... Моя оболочка. Моя связь с миром. Мой... Нет. (*Обращается к зрителям.*) О нас не скажешь, что мы друзья. Вместе живем, и все. Мы практически незнакомы и с трудом переносим друг друга. Просто мы обречены быть вместе и только поэтому еще не поубивали друг друга. (*Спустя минуту, Мацеку.*) Ты бы только этим и занимался, да? Вообще ты не так уж плох. Я серьезно. Они сами так говорят. А они знают, что говорят. Посмотри, эта тоже довольна. С чего бы она стала притворяться? Просто ты ее удовлетворил. По крайней мере, не облажался. Главное — не облажаться. Понятное дело, не всегда получается супер. Главное, не опуститься ниже определенного уровня. (*Пауза.*) Надо признать, есть у тебя пара комплексов. А кто не комплексует? Сколько мужиков комплексуют по этому поводу. Это нормально. И неважно, что тебе в прошлом месяце стукнуло тридцать. Это не зависит от возраста. Каждый нормальный мужик должен быть супер в постели. Особенно в твоей ситуации... вот только без паники! Многие мужики изменяют женам. Это нормально, как... Как соловей, поющий при свете луны. В общем, пора тебе привыкнуть. (*Пауза.*) Слышишь, ты? Я знаю, второй раз всегда дольше, но мне это уже начинает надоедать.

Пара на кровати утихает; МАЦЕК и ШЛЮХА, обессиленные, ложатся рядом.

ШЛЮХА. Ну ты даешь! Совсем меня замучил.

МАЦЕК. Seriously?

ШЛЮХА. У меня все болит.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Видишь? Ведь умеешь же.

МАЦЕК. Что, правда было классно?

КОРОЛЬ. Только не ной!

ШЛЮХА. Правда.

МАЦЕК. Ты, наверное, это всем говоришь.

ШЛЮХА. Ох, какой ты чувствительный!

МАЦЕК. Ладно, извини. Молчу.

ШЛЮХА. Говори, говори. Что дальше будем делать?

Еще есть пятнадцать минут.

МАЦЕК. Может, еще разок?

КОРОЛЬ. Ну, старик! Ты меня удивляешь.

ШЛЮХА. У тебя еще остались силы? Ничего себе же-ребец! Ладно. Только это будет стоить еще сто злотых.

КОРОЛЬ (*Шлюхе*). Ууу... Как нехорошо!

МАЦЕК. А говорила, что тебе классно.

ШЛЮХА. Обещаю, что как только заплатишь, мне будет офигенно.

МАЦЕК. Ладно, тогда поговорим.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Тебе сотни жалко?

ШЛЮХА. Никогда не понимала, зачем такие мужики, как ты, сюда приходят? Тебе сколько лет?

МАЦЕК. Тридцать.

ШЛЮХА. И не жалко тебе денег? Ведь ты бы мог каждый день иметь новую бабу.

КОРОЛЬ (*Шлюхе, раздраженно*). Даже не говори мне об этом!

МАЦЕК. Я женат.

ШЛЮХА. А! А где обручальное кольцо?

МАЦЕК. Я его снял перед тем, как сюда войти.

КОРОЛЬ (*цинично*). Вот это называется мужик с принципами!

ШЛЮХА. Как правило, сюда женатые и приходят.

МАЦЕК. Да?

КОРОЛЬ. Как будто ты не знал!

ШЛЮХА. Семьдесят процентов. Все просто: платишь, уходишь. Никаких обязательств.

МАЦЕК. Мне кажется, так честнее, чем... чем иметь любовницу.

КОРОЛЬ улыбается.

ШЛЮХА. Вы давно женаты?

МАЦЕК. Пять лет.

ШЛЮХА. Давно. Рановато женился.

МАЦЕК. Ну, не знаю.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). А что, разве не так?

ШЛЮХА. Нужда заставила?

МАЦЕК. Нет. Я сам хотел.

ШЛЮХА. Дети есть?

МАЦЕК. Еще нет... Но мы об этом подумываем.

КОРОЛЬ (*с иронией*). Серьезно? Ты мне никогда не говорил.

ШЛЮХА. Вам нужен ребенок. Это очень сближает.

КОРОЛЬ (*Шлюхе*). Только, зая, давай без семейной психологии.

ШЛЮХА. Ты часто изменяешь жене?

КОРОЛЬ. По полной.

МАЦЕК. Стараюсь как можно реже.

ШЛЮХА. А вообще ты ее любишь?

МАЦЕК. Да.

КОРОЛЬ. Вот-те на. Какая неожиданность!

МАЦЕК. Она очень классная...

КОРОЛЬ. Начинается.

ШЛЮХА. Тогда почему ты ей изменяешь?

МАЦЕК (*смущенный*). Я не знаю...

КОРОЛЬ. Знаешь, знаешь.

ШЛЮХА. Что, плохо в постели?

МАЦЕК. Нет. Не в этом дело...

КОРОЛЬ. А в чем?

МАЦЕК. Как-то не можем подстроиться...

КОРОЛЬ. Я тебя умоляю!

МАЦЕК (*пауза*). Она правда замечательная женщина...

КОРОЛЬ. Прекрати!

МАЦЕК. Я не знаю. Может, я виноват... (*Смотрит на часы.*) Мне пора собираться. (*Садится, надевает лежащие рядом с кроватью трусы.*) А знаешь, что ты очень красивая?

КОРОЛЬ. Да ей по фиг.

ШЛЮХА. А ты очень милый.

МАЦЕК. У тебя есть парень?

КОРОЛЬ. Бля! Я так и знал, что этим кончится.

ШЛЮХА. Каждый день по несколько.

МАЦЕК. Блин, если бы я не был женат...

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Не смейся людей!

ШЛЮХА. Я вижу, ты веришь в любовь с первого оргазма.

МАЦЕК (*хохочет*). Неплохо. (*Пауза.*) Можно к тебе еще как-нибудь прийти?

ШЛЮХА. В любое время.

На сцене появляется ЖЕНА, ШЛЮХА остается лежать в кровати.

ЖЕНА. Привет!

МАЦЕК. Привет! Как дела?

ЖЕНА. Нормально.

МАЦЕК. Хорошо выглядишь.

ЖЕНА. Где ты был так долго?

МАЦЕК. Были кое-какие дела.

ЖЕНА. Ты же говорил, что вернешься пораньше и мы вместе поедem в магазин.

МАЦЕК. О черт! Забыл. Извини. Давай завтра.

ЖЕНА. Но мы же договаривались, что сегодня.

МАЦЕК. Прости. Из головы вылетело. Поедем завтра. Обещаю.

ЖЕНА. Завтра у тебя дежурство.

МАЦЕК. Блин, точно... Ну, тогда послезавтра. Прости, я правда забыл. Неужели так важно, когда мы поедem в магазин: сегодня или через два дня?

ЖЕНА. Для тебя все неважно.

МАЦЕК. Но ведь мы не умрем с голода.

ЖЕНА. Не в этом дело! Мы ведь договорились. Надо было хотя бы позвонить.

МАЦЕК. Ты права. Прости.

ЖЕНА. Ты посмотри, что в квартире! Стиральный порошок закончился, мыло, мешки для мусора...

МАЦЕК (*потеряв терпение*). Хорошо! Давай поедем сейчас.

ЖЕНА. Сейчас уже поздно.

МАЦЕК. Еще только семь.

ЖЕНА. У меня нет времени.

МАЦЕК. Почему?

ЖЕНА. Я должна собраться на работу. Я тоже работаю. Кроме того, надо прибраться, постирать...

МАЦЕК. Так у тебя же нет стирального порошка.

ЖЕНА. Не цепляйся к словам, пожалуйста.

МАЦЕК. Я не цепляюсь. Просто мне интересно, как ты будешь стирать без порошка?

ЖЕНА. Одолжу у соседей. (*Начинает крутиться по комнате, подходит к кровати и собирает раскиданную по полу одежду.*) Пожалуйста, будь добр, убирай за собой вещи. (*Бросает Мацеку одежду.*)

МАЦЕК (*спустя минуту, одеваясь*). Что у тебя на работе?

ЖЕНА. Нормально.

МАЦЕК. Может, сходим куда-нибудь вечером?

ЖЕНА. Я же сказала, у меня нет времени.

МАЦЕК. Да брось ты все! Давай куда-нибудь сходим.

ЖЕНА. Ну, конечно! Самое простое — все бросить. У тебя никогда не бывает проблем, правда? Мацек! Тебе тридцать лет!

МАЦЕК и КОРОЛЬ (*вместе*). Я знаю, сколько мне лет.

ЖЕНА. Отлично. А то мне иногда кажется, что не знаешь.

МАЦЕК, расстроенный, подходит к шкафчику, достает оттуда фотоаппарат, надевает куртку. ЖЕНА наблюдает за ним.

ЖЕНА. Мацек, я к тебе обращаюсь.

МАЦЕК. Что?

ЖЕНА. Ты куда-то собираешься?

МАЦЕК. Да.

ЖЕНА. Ммм... Значит, мы уже поговорили?

МАЦЕК. Мне так показалось.

ЖЕНА. Отлично. *(Подходит к стоящей где-то на сцене корзине с грязным бельем, высыпает его на пол и начинает сортировать.)*

МАЦЕК колеблется, не зная, что ему делать

МАЦЕК *(после паузы)*. Звонил Яцек. Они вроде собираются устроить мою выставку.

КОРОЛЬ *(Мацеку)*. Что, испугался?

ЖЕНА. Какую выставку?

МАЦЕК. Я же тебе рассказывал.

ЖЕНА. Не знаю, о чем ты.

МАЦЕК *(нервно)*. Я же тебе показывал фотографии... Те, которые сделал в Лодзи!

ЖЕНА. А! Вспомнила! Не надо на меня кричать.

МАЦЕК. Я на тебя не кричу.

ЖЕНА. Нет, кричишь. *(Пауза.)* Супер!

МАЦЕК. Что супер?

ЖЕНА. Что они устроят твою выставку.

МАЦЕК. А!.. Да. Посмотрим, что из этого выйдет. Пока что нечему радоваться. *(Пауза.)* А тебе понравились фотографии?

ЖЕНА. Я невнимательно их смотрела. Некогда было. *(Пауза.)* А что с газетой?

МАЦЕК. С какой газетой?.. А! Ничего. Я, бля, сорвался, когда последний раз с ними разговаривал. Сначала говорят, чтоб я принес фотографии, а потом оказывается, что их никто не смотрел...

ЖЕНА. Можно не материться?

МАЦЕК (*сбитый с толку*). Прости.

ЖЕНА. Я просила тебя не материться при мне. Я этого не люблю.

МАЦЕК. Я не матерюсь...

ЖЕНА. Материшься.

МАЦЕК. Я просто свободно выражаюсь.

ЖЕНА. Тогда не выражайся свободно, если обязательно надо материться.

КОРОЛЬ. Ушам не верю, может, я обкурился?

МАЦЕК. Мне кажется, ты немного преувеличиваешь.

ЖЕНА. Ну конечно! Последнее слово всегда должно оставаться за тобой! Признаться, что я права, ты не можешь.

КОРОЛЬ (*спустя минуту, в зал*). Это моя жена. Не знаю, что вам о ней сказать... На самом деле я даже не знаю, что о ней думать.

ЖЕНА. И что с газетой?

МАЦЕК. Ничего. Я же сказал.

КОРОЛЬ (*показывая на Мацека*). Я-то знаю. Это он не знает.

ЖЕНА. А! Обиделся, да? Не понравилось то, что я сказала?

КОРОЛЬ. Он боится о ней думать.

МАЦЕК не отвечает.

ЖЕНА. Мацек, я к тебе обращаюсь.

МАЦЕК. Что?

ЖЕНА. Почему ты обиделся?

МАЦЕК. Я не обиделся.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Боишься, да?

ЖЕНА. Тогда почему ты молчишь?

МАЦЕК. Пойду немного поснимаю.

ЖЕНА (*после паузы*). Для тебя только это важно, да?

КОРОЛЬ (*в зал*). Ему кажется, что она все понимает...

МАЦЕК. Беата, успокойся!

ЖЕНА. А что? Это же правда! Все свободное время ты проводишь где угодно, только не дома.

МАЦЕК. Но ведь это мое самое любимое занятие. Ты же знаешь.

КОРОЛЬ (*в зал*). ...потому что она не выслеживает, куда он ходит.

МАЦЕК. Может, ты поняла бы меня, если б у тебя самой было хобби.

ЖЕНА. Не сваливай с больной головы на здоровую!

МАЦЕК. Я не сваливаю.

ЖЕНА. Сваливаешь. Ты постоянно это делаешь. Какое сейчас имеет значение, есть у меня хобби или нет?

МАЦЕК. Может, тогда бы ты ко мне не цеплялась?

ЖЕНА. Это я цепляюсь? Значит, я во всем виновата, да? Потому что у меня нет хобби? А ты не думал, что мое хобби — это дом.

КОРОЛЬ (*в зал*). Всем хвастается, что она прекрасная хозяйка...

МАЦЕК. О'кей.

ЖЕНА. Что о'кей?

МАЦЕК. Тогда не жалуйся!

ЖЕНА. Я не жалуясь.

МАЦЕК. Жалуешься.

ЖЕНА. Не жалуясь.

КОРОЛЬ (*в зал*). ...и вообще все отлично.

ЖЕНА (*после паузы*). Знаешь что? Ты ужасный эгоист! Я в жизни не встречала такого эгоиста. Важно только то, чего хочешь ты. И тебя вообще не волнует, чего хочу я. Тебя это совершенно не касается... Мацек!

МАЦЕК. Что?

ЖЕНА. Ты намерен со мной поговорить?

МАЦЕК. О чем?

ЖЕНА. О нас с тобой.

КОРОЛЬ. Начинается.

МАЦЕК. Но мы же разговариваем.

ЖЕНА. И это ты называешь разговором?.. Почему мы не можем сесть и спокойно поговорить?

КОРОЛЬ. Как я это ненавижу!

МАЦЕК (*садится*). Хорошо, давай поговорим.

КОРОЛЬ. Я с ней не умею разговаривать.

МАЦЕК. Я тебя слушаю.

ЖЕНА. Что?

МАЦЕК. Ну, я тебя слушаю.

ЖЕНА. Не разговаривай со мной таким тоном.

МАЦЕК. Каким тоном?

ЖЕНА. Таким.

КОРОЛЬ (*с издевкой, Мацеку*). Не разговаривай с ней таким тоном.

МАЦЕК. Каким тоном, Беата? Я нормально разговариваю. Я слушаю тебя.

ЖЕНА (*помолчав*). Это все, что ты можешь мне сказать?

МАЦЕК. Но ты же хотела поговорить.

ЖЕНА. Ага! Я хотела. Ты, значит, не хочешь.

МАЦЕК. О, Господи! Беата, я тоже хочу.

КОРОЛЬ. Я рехнусь. Точно.

МАЦЕК. Я для этого специально остался! О чем ты хочешь поговорить?

ЖЕНА. Ни о чем. Иди, делай свои фотографии! (*Выходит.*)

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ну, видишь, сразу надо было уйти.

Входит ПАЦИЕНТКА.

ПАЦИЕНТКА. Ой, больно!.. Больно! Доктор, очень больно!

МАЦЕК (*после паузы*). Что у вас болит?

ПАЦИЕНТКА. Живот! Боже, как мне больно! (*Ложится на кровать.*)

МАЦЕК. Давно болит?

ПАЦИЕНТКА. Три дня уже.

МАЦЕК. И вы только сейчас вызвали неотложку?

КОРОЛЬ (*в бешенстве*). Третий час ночи!

ПАЦИЕНТКА. Ой, больно! Доктор, мне ужасно больно!

КОРОЛЬ. Как я ненавижу эту работу! Честное слово! Ненавижу!

МАЦЕК. Где болит?

ПАЦИЕНТКА Здесь!.. О! И здесь!.. И здесь!

КОРОЛЬ. Болела у нее башка и жопы два вершка.

МАЦЕК. Вы разделись?

ПАЦИЕНТКА. А как не раздеться, я же жду врача?!
(Внезапно хватая стоящий под кроватью таз и блюет в него.)

КОРОЛЬ (Мацеку). Не понимаю, на фигу ты стал врачом?

МАЦЕК. Ну, хорошо. Расскажите мне поподробнее о своих болях.

ПАЦИЕНТКА. А что тут рассказывать. Болит, и все.

КОРОЛЬ. На хрен ты вообще поступал в этот гребаный медицинский?.. Тебя никто не заставлял. То, что отец — врач...

МАЦЕК. И все-таки, какого характера боль?

КОРОЛЬ. Не перебивай меня! Ты должен был после первого семестра бросить.

ПАЦИЕНТКА. Я же говорю. Очень сильно болит.

КОРОЛЬ. Надо было меня слушать.

ПАЦИЕНТКА. Так болит, доктор... как будто глисты внутренности жрут.

КОРОЛЬ. Блин, я не выдержу!

МАЦЕК. Вы что, издеваетесь надо мной? Какие глисты?

ПАЦИЕНТКА. Обычные. Внутри.

КОРОЛЬ. Дура старая!

МАЦЕК. Температура была?

ПАЦИЕНТКА. Не знаю. Я поставила градусник...

МАЦЕК. Куда?

ПАЦИЕНТКА показывает на ягодицы.

В вашем возрасте термометр ставят под мышку.

ПАЦИЕНТКА. Боже мой, как больно! Доктор, я, наверное, умираю.

МАЦЕК. Не бойтесь. Так просто не умирают.

ПАЦИЕНТКА. Убейте меня! Убейте!

МАЦЕК. Перестаньте кричать!

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Вместо того чтобы делать фотографии, ездешь по каким-то хазам и осматриваешь вонючих баб.

МАЦЕК. Может, вы что-то не то съели? Вы выпивали?

На сцену выходит КОРЕШ.

КОРЕШ. Ничего она не пила. Обожралась, а запивать не стала. Если бы пила, живот бы у нее не болел. Ничего с ней не случится. На, мать, выпей! (*Достает из буфета бутылку водки, подходит к кровати и помогает Пациентке выпить.*)

МАЦЕК. Пётрек!

КОРОЛЬ. Блин, Пётрек! Я его не узнал!

КОРЕШ (*смотрит на Мацека равнодушно*). А ты что здесь делаешь?

МАЦЕК. Приехал к родителям.

КОРОЛЬ (*зрителям*). Мой корешок с детства... Классный парень! Странноватый, но мне нравился.

ПАЦИЕНТКА (*радостно*). Мацек, голубчик!

МАЦЕК (*Пациентке*). Пани Крыся!.. Вы отлично выглядите!

КОРОЛЬ. Боже, ее я тоже не узнал.

МАЦЕК. Как здоровье?

ПАЦИЕНТКА. Не очень, Мацек, не очень. Желудок замучил... колики... и камни в почках откуда-то взялись... А ты-то как живешь, голубчик?

МАЦЕК. Спасибо, потихоньку.

КОРЕШ. Пей, ма. (*Снова помогает ей выпить.*) Сейчас выпьет и уснет.

КОРОЛЬ (*смотрит на Кореша*). Класный был пацан! Пофигист, все ему было до балды. К учебе его никогда не тянуло. Но баб, наверное, перетрахал кучу.

КОРЕШ. Давно я тебя здесь не видел. Часто приезжаешь?

МАЦЕК. Раз в две-три недели.

КОРЕШ. Мог бы иногда, блин, и друга навестить.

МАЦЕК. Ты же знаешь, как оно бывает. Заскочу на минутку, посижу с родителями и сразу назад.

ПАЦИЕНТКА (*поддавая*). Оставь его в покое, сынок! У него нет времени. Доктор наш любимый! В Варшаве работает! Радость моя...

МАЦЕК из вежливости улыбается.

КОРОЛЬ. Ненавижу я это.

КОРЕШ. Пей, мать.

МАЦЕК (*пауза*). А ты как?

КОРЕШ. Никак. А ты?

МАЦЕК. Ничего особенного.

КОРЕШ. Ну вот и пообщались.

МАЦЕК. Да.

КОРОЛЬ (*Мацеку, с сарказмом*). Расскажи какой-нибудь анекдот.

ПАЦИЕНТКА. Я всегда тебе говорила, сынок, бери пример с Мацека! Учись! Иди в институт!

КОРОЛЬ. Эта еще прицепилась.

КОРЕШ (*более решительно*). Мать, пей! (*После паузы, Мацеку.*) А как там в большом мире?

МАЦЕК. То же, что и везде.

КОРЕШ. Как карьера?

МАЦЕК. Ты что! Какая карьера!

КОРОЛЬ (*Мацеку*). А интересно, что он о тебе думает?

МАЦЕК. Работаю на «скорой».

КОРЕШ. Ладно, ладно. Не прибедняйся. Наверное, ты как всегда — Number One.

КОРОЛЬ. Ну, конечно! Лучше всех попадает иголкой в задницу с пяти метров.

МАЦЕК. В гробу я видел эту карьеру.

КОРЕШ. С каких это пор?

МАЦЕК. Всегда.

ПАЦИЕНТКА (*все больше пьянея, Корешу*). Если бы ты брал пример с Мацека, жил бы сейчас в Варшаве, женился бы.

КОРОЛЬ. Вполне возможно. Беда не приходит одна.

ПАЦИЕНТКА (*Мацеку*). Пётрусь вообще не хочет жениться. К моему сожалению. (*Шепотом.*) Педик он, что ли?

КОРЕШ (*резко*). Мать, пей!

МАЦЕК (*после паузы, Корешу*). Я же говорю, достала меня эта работа. Иногда так хочется послать все на хер.

КОРЕШ (*с удовлетворением*). Нехило (*Пауза.*) Ты! А че это ты так некрасиво выражаешься?

КОРОЛЬ (*Мацеку*). По-моему, он тебя не очень...

МАЦЕК. Некрасиво? Ты что, охренел? (*Пауза.*) Ты че, все время тут сидишь?

КОРЕШ. А что мне делать? Я здесь родился, здесь и подохну.

МАЦЕК. Уезжай! Что тебя здесь держит? Семьи нет, ты — свободный человек.

КОРОЛЬ. Ты хотел бы оказаться на его месте, а?

КОРЕШ. Бабок нет. Работу найти не могу Глухомань гребаная. (*Показывая на Пациентку.*) Здесь только одним можно заниматься.

МАЦЕК. А я люблю сюда приезжать. Тишина, покой... Можно по-человечески отдохнуть.

КОРОЛЬ. Ля... ля... тополя.

КОРЕШ. Ну... Покоя здесь до хера. А ты попробуй вернуться и немного здесь пожить.

МАЦЕК. Да я уже думал об этом.

КОРОЛЬ. Ну, сейчас ты явно перегибаешь.

ПАЦИЕНТКА (*совершенно пьяная*). Мацек, голубчик! Золотко ты наше сладкое! Наша гордость! Доктор-красавчик ты наш!

КОРОЛЬ. Я ее сейчас урою.

КОРЕШ. Мама, пей!

ПАЦИЕНТКА. Красота моя несказанная! В Варшаву уехал... Я тебе говорила, Пётрусь, бери пример с Мацека. Он всегда был такой послушный... Сынок мой любимый! К родителям приезжает.

КОРЕШ. Мама, пей.

ПАЦИЕНТКА. И жена у него красавица. Чудо просто... и детки, наверное, скоро пойдут.

КОРОЛЬ (*иронично*). Тройня! Надо только разок трахнуть.

КОРЕШ (*кричит*). Заткнись и пей! (*После паузы, Мацеку.*) Хорошо тебе говорить! Сидишь в Варшаве. Устроился. Женился. Предки тебе квартиру купили, тачку. А говоришь, работа достала. (*Подходит к Мацеку, треплет по щеке.*) Разбаловали тебя.

МАЦЕК неловко сопротивляется.

КОРОЛЬ (*Корешу*). Ты, отъебись!

ПАЦИЕНТКА в кровати начинает храпеть.

КОРЕШ (*подходит к кровати*). Ну вот и все прошло. Видишь, какой ты врач? (*Пауза.*) Недавно ксендз про тебя спрашивал.

МАЦЕК. Ксендз?

КОРЕШ. Спрашивал, не видел ли я тебя, что нового.

МАЦЕК. А ты что, прислуживаешь в костеле? Или выпить к ксендзу заходишь?

КОРЕШ. Я участвую в выборах органов самоуправления.

МАЦЕК. Что?

КОРОЛЬ. У него крыша поехала.

МАЦЕК. Старик, зачем?

КОРЕШ. Что-то ведь в жизни надо делать? Хорошо тебе говорить. Может, ты, блин, проголосуешь за друга? Или забыл, как сам был служкой в костеле?

МАЦЕК. Да ты че, когда это было!

ПАЦИЕНТКА (*проснувшись*). Никто так красиво не пел псалмы, как наш Мацек.

КОРЕШ. Слышал?

ПАЦИЕНТКА. Мы все думали, что он ксендзом станет.

КОРЕШ. Ты многих разочаровал. Так хотя бы сейчас не проколись! Ксендз на тебя очень рассчитывает. Ты его любимчик. Я с ним за тебя знаешь сколько молился.

КОРОЛЬ (*иронично*). Жаль, что ты не знаешь его любимую молитву.

ПАЦИЕНТКА. Мацек! А ты регулярно ходишь на исповедь?

КОРОЛЬ. Регулярно он ходит по бабам.

ПАЦИЕНТКА и КОРЕШ уходят.

ЖЕНЩИНА. Иди ко мне, Мацек!

МАЦЕК какое-то время смотрит на ЖЕНЩИНУ, лежащую на кровати.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Эй, не слышишь?

ЖЕНЩИНА. Иди ко мне. Я по тебе соскучилась.

КОРОЛЬ. Сколько тебя уговаривать?

МАЦЕК и КОРОЛЬ подходят к кровати; МАЦЕК и ЖЕНЩИНА начинают заниматься любовью.

КОРОЛЬ. Да... Да... Ты мечтал о ней. Ни с кем тебе не было так хорошо. Это не то, что шлюхи. Или тягомотина с женой.... Это, брат, настоящий секс, с землетрясением в конце... В жизни ничего подобного не было... Бери ее, она вся твоя... Делай с ней, что хочешь... Сделай ей глиссандо... Сделай ей фруллато... Смотри, какое у нее красивое

лицо, когда ей хорошо... Ангел... Просто ангел... (*В восхищении.*) О, Боже... Господи... Что она творит...

Через некоторое время МАЦЕК и ЖЕНЩИНА, уставшие, ложатся рядом.

КОРОЛЬ (*мечтательно*). О, Господи!

ЖЕНЩИНА (*Мацеку*). Ты потрясающий.

МАЦЕК. Правда?

КОРОЛЬ (*в зал*). Ты что, парень?!

МАЦЕК. Это ты потрясающая.

ЖЕНЩИНА (*пауза*). Кто бы мог подумать! У меня роман с Мацеком Боровецким.

МАЦЕК. Это что, нереально?

ЖЕНЩИНА. В школе ты не обращал на меня внимания.

МАЦЕК. Ты очень изменилась.

КОРОЛЬ. Неузнаваемо.

ЖЕНЩИНА. Знаю. Я была серой мышкой. Зато ты был всегда в центре внимания, Мацек Боровецкий.

МАЦЕК. Знаешь, что? Мне как-то странно слышать свою фамилию. У тебя никогда такого не бывало?.. Как будто это чужая фамилия, не моя. А я... я вообще не осознаю себя самостоятельной личностью.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Тогда слушай меня.

МАЦЕК. Прикольно, правда? Особенно с тех пор, как мне стукнуло тридцать.

ЖЕНЩИНА. Первые признаки зрелости?

МАЦЕК. Ну!

КОРОЛЬ. Может, и со мной когда-нибудь так поговоришь?

МАЦЕК. Мне тридцать, а я до сих пор не знаю, кто я.

КОРОЛЬ. Знаешь, знаешь.

МАЦЕК. Не знаю. Правда. (*Пауза.*) Я всегда делал то, чего от меня хотели другие. Я всю жизнь все делал правильно.

ЖЕНЩИНА (*кокетливо*). Ну, сейчас ты не все делаешь правильно. (*Берет с тарелки, стоящей рядом, что-то съестное (лучше всего какой-нибудь фрукт) и кормит Мацека.*) На! (*Шутливо его дразнит.*)

МАЦЕК. Ну дай...

КОРОЛЬ (*Мацеку, с иронией*). А я думал, ты не любишь есть в кровати.

Наконец МАЦЕК съедает фрукт.

КОРОЛЬ. Ням-ням... Вкусно...

МАЦЕК и ЖЕНЩИНА целуются.

МАЦЕК (*пауза*). Сколько мы не виделись?

ЖЕНЩИНА. Лет десять?

КОРОЛЬ. Куда ты смотрел?

МАЦЕК. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Примерно.

МАЦЕК. Ты — такая красавица. Так чудесно улыбаешься. Такая... жизнерадостная.

ЖЕНЩИНА (*кокетливо*). А я была в тебя влюблена.

МАЦЕК. Да ладно!

ЖЕНЩИНА. И не только я. Знаешь, сколько девчонок по тебе сохло?

МАЦЕК. Ты что!

ЖЕНЩИНА. Половина школы.

КОРОЛЬ. Почему я, блин, узнаю об этом только сейчас.

МАЦЕК. Серьезно?.. Жаль, что я этого не знал.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ты мог бы их всех...

ЖЕНЩИНА. Что: ты бы их всех?..

МАЦЕК. Ты что! За кого ты меня принимаешь?!

Все трое смеются.

МАЦЕК. Как ты думаешь, мы случайно встретились?

ЖЕНЩИНА. Не знаю... Может, и нет. Какое это имеет значение? Утром расстанемся. Ты вернешься к жене...

Долгая пауза; КОРОЛЬ встает с кровати, отходит на несколько шагов.

ЖЕНЩИНА. Что ты ей скажешь, когда она спросит, где ты был?

МАЦЕК. Скажу, что был у родителей.

ЖЕНЩИНА. Она поверит?

МАЦЕК. Я всегда так говорю.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Они всегда тебя покрывают.

ЖЕНЩИНА. Ты правда ее любишь?

МАЦЕК (*пауза*). Наверное...

КОРОЛЬ. Скажи честно!

ЖЕНЩИНА. Но ты с ней несчастлив.

МАЦЕК. Я не знаю...

КОРОЛЬ. Правду говори!

МАЦЕК (*пауза*). У нас ничего не получается в постели.

КОРОЛЬ. Вот!

ЖЕНЩИНА. Почему?

МАЦЕК делает постную мину.

КОРОЛЬ. Почему?

ЖЕНЩИНА. Давно?

МАЦЕК. С самого начала.

ЖЕНЩИНА. Тогда зачем вы поженились?

КОРОЛЬ. Хороший вопрос.

МАЦЕК. Я не знал. Мы не спали до свадьбы. Беата считала, что это грех.

ЖЕНЩИНА. А долго вы встречались?

МАЦЕК. Пять лет.

ЖЕНЩИНА. И целых пять лет... ничего?

МАЦЕК. Ничего.

КОРОЛЬ. Даже кончик не обмакнул.

ЖЕНЩИНА. Вы не жили вместе?

МАЦЕК. Нет. Она училась в другом городе. *(Пауза.)* После института мы сразу поженились. Я не был уверен, что это то самое, но был влюблен. Знал, что мы и так будем вместе. Думал, в этом году или в следующем, не имеет значения... Кроме того, мне нужен был секс. У меня уже крышу сносило.

ЖЕНЩИНА. Ты не спал с другими девушками?

МАЦЕК. Нет.

КОРОЛЬ. Девственник хренов.

ЖЕНЩИНА. Ничего себе! Мацек, может, основать твой фан-клуб?

КОРОЛЬ. Мне — пятьдесят процентов выручки от продажи футболок.

ЖЕНЩИНА. И что было потом?

КОРОЛЬ. Как что? Трагедия.

МАЦЕК. Первые несколько месяцев после свадьбы мы не занимались любовью. У Беаты постоянно что-то болело, что-то мешало... Я даже не помню первого раза. Скорее всего, кошмар. *(Пауза.)* В общем, все время ужас. Мы редко занимаемся сексом. Она всегда в эти моменты так напрягается... Как будто ее заставляют. *(Пауза.)* Зачем я тебе это рассказываю?

ЖЕНЩИНА. А почему нет? Говори!

КОРОЛЬ *(Мацеку)*. Ну, рассказывай! Выговорись хоть раз!

МАЦЕК. Да что рассказывать... чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что вся моя жизнь идет наперекосяк.

ЖЕНЩИНА. Да ты что?

МАЦЕК. Может, потому, что меня растили одни женщины. Мать, сестра и бабушка.

ЖЕНЩИНА. Тебя баловали?

МАЦЕК. Еще как! Они считали, что я самый красивый, самый умный ребенок в мире. Я много времени проводил с матерью и рассказывал ей обо всем. У меня не было от нее секретов. Отца практически не помню. Как будто его и не было. Он не вмешивался в мое воспитание. Помню, что я

его боялся... Нет, не боялся. Но не любил, когда он был дома. Он всегда много кричал. Все знал лучше всех. Всех воспитывал... Много работал. Деньги зарабатывал. Иногда пил... Не часто, но уж если начинал, то пил несколько дней. Скандалов вроде не устраивал, никогда меня не бил... Станный человек. Очень талантливый... Иногда мне кажется, что он не воспринимал меня как мужчину. Как будто забил на меня. Я даже не могу сказать, что я чувствую по отношению к нему... Боже, как бы я хотел повернуть время назад. Я бы столько всего сделал по-другому.

ЖЕНЩИНА. Тебе всего тридцать лет. У тебя еще все впереди.

МАЦЕК. Ты правда так думаешь?

ЖЕНЩИНА. Да. Только слушай себя.

КОРОЛЬ (Мацеку). Ну и что ты на это скажешь?

Долгая пауза.

ЖЕНЩИНА. Иди ко мне.

МАЦЕК (прижимается к Женщине). Мне так хорошо с тобой.

ЖЕНЩИНА. Мне с тобой тоже. Жаль, что мы не встретились раньше.

На сцену входит ЖЕНА.

ЖЕНА. Где ты был так долго?

МАЦЕК. У родителей. *(Встает, надевает трусы, подходит к Жене и целует ее.)*

ЖЕНЩИНА остается в кровати.

МАЦЕК. А что? Что-то случилось?

ЖЕНА. Нет. Только жаль, что мне пришлось самой им позвонить...

МАЦЕК. Ты им звонила?

ЖЕНА. Да. Я думала, с тобой что-то случилось.

МАЦЕК. И что?

ЖЕНА. Ничего. Ты уехал как раз перед моим звонком...

Я не знала, что ты сегодня собирался к родителям.

МАЦЕК. А я разве тебе не говорил?

ЖЕНА. Нет.

МАЦЕК. Прости. Я был уверен, что сказал.

ЖЕНА. Не говорил. (*Пауза.*) Я звонила тебе. Мобильный был выключен.

МАЦЕК. Разрядился. Извини.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Не извиняйся.

МАЦЕК. Тебе привет.

КОРОЛЬ (*с иронией*). И куча поцелуев.

Долгая пауза.

ЖЕНА. Я приготовила ужин и ждала тебя.

МАЦЕК. Я перекусил по дороге.

КОРОЛЬ (*глядя на Женщину в кровати*). Поистине лакомый кусочек.

Долгая пауза.

ЖЕНА. Я забрала твои фотографии. Положила на стол.

МАЦЕК. Спасибо. Сколько заплатила?

ЖЕНА. Почти пятьдесят злотых.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Сейчас же отдай ей деньги.

МАЦЕК (*Жене*). Ты их смотрела? Удачные?

ЖЕНА. Не было времени.

КОРОЛЬ. Как обычно.

Долгая пауза.

ЖЕНА. Я иду спать.

КОРОЛЬ. Спокойной ночи.

МАЦЕК не реагирует.

ЖЕНА. Завтра надо съездить в магазин.

МАЦЕК. Да, я помню.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Долго ты еще будешь тянуть?

ЖЕНА (*пауза*). Я иду спать...

КОРОЛЬ. Что еще должно произойти? Все же и так понятно, блин. Ты что, не видишь?

МАЦЕК. Вижу.

ЖЕНА. Ты сегодня опять ляжешь поздно?

МАЦЕК. Что?

ЖЕНА. Почему ты всегда ложишься, когда я уже сплю?

КОРОЛЬ. Скажи ей!

МАЦЕК. Нет.

ЖЕНА. Как это нет? Уже давно так.

МАЦЕК. Я долго смотрю телевизор.

ЖЕНА. С меня хватит.

МАЦЕК. Прости.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Не извиняйся!

МАЦЕК. Хорошо.

ЖЕНА. С меня хватит, слышишь?

МАЦЕК. Слышу.

ЖЕНА. Мацек, нам надо поговорить.

МАЦЕК. Хорошо.

КОРОЛЬ. Умоляю тебя, сделай что-нибудь, иначе мы оба дурканем.

МАЦЕК. Попозже.

ЖЕНА. Нет, сейчас.

МАЦЕК. О'кей.

Долгая пауза.

МАЦЕК. Я слушаю.

ЖЕНА. Мацек, ты вообще знаешь, что мне надо?

КОРОЛЬ. Начинается.

ЖЕНА. Ты знаешь, чего я хочу?

МАЦЕК. Знаю.

ЖЕНА. Чего?

МАЦЕК. Чтобы мы проводили больше времени вместе...

ЖЕНА. Чтобы мы разговаривали.

МАЦЕК. Знаю.

ЖЕНА. И что?

КОРОЛЬ (*жене*). Но ведь вы же, ё-моё, разговариваете.

МАЦЕК. Мы же разговариваем.

ЖЕНА. Мало. Мне этого недостаточно. Мацек, ты живешь в своем мире. Ты отгораживаешься от меня.

КОРОЛЬ (*жене, с иронией*). Он просто пытается выжить, дорогая.

ЖЕНА. Ты не подпускаешь меня к себе. Я не знаю, о чем ты думаешь. (*Пауза.*) Мацек, я так больше не могу. Мне нужна чуткость, тепло...

КОРОЛЬ. Так он же, блин, старается!

МАЦЕК (*пауза*). Почему мы так редко занимаемся любовью?

КОРОЛЬ. Наконец-то!

ЖЕНА. Вот именно!

КОРОЛЬ. Вот именно!

МАЦЕК. Вот именно!

ЖЕНА. Вот именно!

КОРОЛЬ. Вот именно!

ЖЕНА. Мы очень далеки друг от друга. Неужели ты не понимаешь?.. Мацек, как ты себе это представляешь? Два человека живут вместе только для того, чтобы спать в одной постели? (*Пауза.*) Мацек, почему ты никогда не разговариваешь со мной, как с другими?

МАЦЕК. Это как?

ЖЕНА. Не шутишь, не придуриваешься.

КОРОЛЬ (*с иронией*). С тобой сложно шутить, дорогая. Юмор надо понимать.

ЖЕНА. Когда ты последний раз пришел за мной на работу? Или приготовил для меня ужин? Когда мы в последний раз ходили гулять?

МАЦЕК. Но ведь не было такого, чтобы мы часто занимались любовью. Ты прекрасно это знаешь. Почему?.. Почему у нас никогда не было так, как у других?

ЖЕНА. То есть как?

МАЦЕК. Почему мы никогда не сходили друг от друга с ума? Даже вначале? Почему мы не занимались любовью где ни попадя?

ЖЕНА. Мацек! Вначале было тяжело. Я знаю. Но ведь сейчас все нормально.

КОРОЛЬ. Да куда там.

МАЦЕК. Нормально — это когда люди в нашем возрасте не вылезают из постели.

ЖЕНА. Просто ты от меня отдаляешься. Я... Мне очень часто хочется, но ты ложишься, когда я уже сплю...

МАЦЕК. Почему ты никогда не брала в рот?.. Брезгуешь?

ЖЕНА. Нет! Не брезгую! Просто... Просто я не люблю этого! Неужели так трудно понять? (*После паузы.*) Мацек, с меня хватит. Знаешь, мне иногда кажется, что ты уничтожил все, что во мне было хорошего. Я даже не знаю... Не знаю даже, хочу ли я от тебя ребенка. (*Уходит.*)

МАЦЕК. Беата!

КОРОЛЬ. Успокойся!

Тишина, МАЦЕК сидит на кровати.

КОРОЛЬ (*пауза*). На сей раз она перегнула палку. На фига она это сказала... Отлично! Ты тоже не хочешь от нее ребенка. Хочешь?.. Вот именно. Только при одной мысли об этом у тебя мурашки бежали по телу. Только ты боялся в этом признаться.

МАЦЕК (*Женщине*). Как ты думаешь, что было бы, если бы мы встретились раньше?

ЖЕНЩИНА. Не знаю. Наверное, у нас было бы двое детей и мы были бы счастливы.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). От этого не убежишь.

ЖЕНЩИНА. Мы бы жили у моря. Ты бы делал свои фотографии. А я бы тебе позировала голая, на пляже. А потом мы бы ездили в Париж и Венецию на твои выставки.

КОРОЛЬ (*Мацек*). Все, ты влип. Вот оно.

ЖЕНЩИНА. Если хочешь, можем поехать на выходные к моим знакомым на озера.

МАЦЕК. Давай.

ЖЕНЩИНА. У них конюшня. Они разводят лошадей. Ты когда-нибудь ездил верхом?

МАЦЕК. Нет.

ЖЕНЩИНА. Ммммм....

МАЦЕК. А ты?

ЖЕНЩИНА. Я езжу с двенадцати лет.

МАЦЕК. Правда?

ЖЕНЩИНА. Обожаю это. Больше всего на свете.

КОРОЛЬ. Боже мой!

МАЦЕК (*после паузы*). И мы могли бы верхом проскакать по пляжу?

ЖЕНЩИНА. Конечно. Утром, на рассвете.

ЖЕНЩИНА и МАЦЕК целуются; на сцену входит МАТЬ.

МАТЬ (*возбужденно*). Мацек, Мацек, Богна приезжает.

МАЦЕК (*застигнутый врасплох*). Что?

МАТЬ. Богна приезжает!

КОРОЛЬ. Богна?

МАЦЕК. Ты шутишь?

МАТЬ. Честное слово. Она утром звонила. Прилетает в следующий четверг.

КОРОЛЬ. О, блин!

МАЦЕК. Так внезапно?

МАТЬ. Знакомый помог ей получить какое-то разрешение... Она объясняла, но я не все поняла. Говорила, что звонила тебе, но никто не ответил.

КОРОЛЬ (*зрителям*). Ее не было тринадцать лет.

МАЦЕК. А надолго?

МАТЬ. На неделю.

МАЦЕК. Всего на неделю?

МАТЬ. Дольше она не может.

МАЦЕК. Это бессмысленно... Она одна или с Кши-секом?

МАТЬ. По-моему, одна. Они боятся, что Кшисека на-зад не впустят.

КОРОЛЬ (*смотрит на Женщину*). Ни фиги себе... И как раз сейчас.

МАЦЕК. Боже! Мама, прямо не верится.

КОРОЛЬ. Я соскучился по ней.

МАТЬ. Я тоже.

КОРОЛЬ. Если вообще можно скучать по тому, кого так давно не видел.

МАТЬ. Надо будет все как-то распланировать.

КОРОЛЬ. Я уже привык, что ее нет.

МАЦЕК. Наверное, все захотят с ней увидеться.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Интересно, каково это: встретить-ся с сестрой через тринадцать лет?

МАЦЕК садится на стул.

МАТЬ. Господи, Боже мой!

МАЦЕК. Что, мама?

КОРОЛЬ (*зрителям*). Ага! Прошу прощения. Это моя мать.

МАТЬ. Ничего... Боюсь немного.

КОРОЛЬ. Столько всего происходит, что я забыл вам ее представить.

МАЦЕК. Чего ты боишься?

МАТЬ. Столько лет... Вдруг не о чем будет говорить.

МАЦЕК. Ну ты что, мам! Как это — не о чем?

МАТЬ. Ведь она уже совсем другой человек. Они там живут в совершенно другом мире.

МАЦЕК. Ну и что?

КОРОЛЬ (*Мацеку*). А то, что вы друг о друге абсолютно ничего не знаете.

МАТЬ. Тринадцать лет. Столько времени.

МАЦЕК. Ты думаешь, Богна сильно изменилась? Ведь вы же все время общаетесь по телефону.

МАТЬ. По телефону, разве это общение... Как дела? Как ты себя чувствуешь?

КОРОЛЬ. How are you?

МАЦЕК. Мама, не волнуйся! Все будет хорошо. Вот увидишь. Где отец?

МАТЬ. У себя в комнате... Пьет.

КОРОЛЬ. Блин.

МАЦЕК. Давно?

МАТЬ. Позавчера начал. *(Пауза.)* Жалко мне его. Сил моих нет, но ведь это больной человек.

КОРОЛЬ *(с иронией)*. Понятно.

МАТЬ. У него вечно какие-то проблемы. То его обманывают. То не платят. И так с прошлого раза долго продержался... Может, зайдешь к нему на минутку?

КОРОЛЬ. Уже бегу.

МАЦЕК *(раздраженный)*. Мама, перестань! Зачем я к нему пойду?

МАТЬ. Поговоришь с ним немного!

КОРОЛЬ. Интересно, о чем.

МАТЬ. Он ждал тебя.

МАЦЕК. Он хоть протрезвеет до приезда Богны?

МАТЬ. Ну конечно! Что ты! Знаешь, как он обрадовался? Даже расплакался, бедный.

МАЦЕК. Жалко, что Богна прилетает на такое короткое время. Думаешь, она захочет куда-нибудь поехать?

МАТЬ. Наверное, на денек-другой в Варшаву. А вообще, не знаю. *(Пауза.)* Надо будет устроить какой-то ужин. Пригласить всех сразу. Когда вам удобнее?

МАЦЕК. Нам?

МАТЬ. Вам с Беаткой.

МАЦЕК не отвечает.

МАТЬ. Подумайте и скажите.

МАЦЕК продолжает молчать.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Скажи сейчас!

МАЦЕК (*Королю*). Я не знаю...

КОРОЛЬ. Нет смысла откладывать.

МАЦЕК. Бессмысленно...

КОРОЛЬ. Ну, давай!

МАЦЕК (*пауза*). Мама... Я хочу тебе что-то сказать...

(*Снова долго молчит.*)

МАТЬ. Я слушаю.

КОРОЛЬ. Ну, говори же!

МАЦЕК. Я ушел от Беаты.

МАТЬ. О, Господи!

КОРОЛЬ. Спокойно. Самое худшее позади.

МАТЬ. Сын, о чем ты говоришь?

МАЦЕК. Мне надоело... Я так больше не могу.

КОРОЛЬ. Я и не верил, что ты когда-нибудь это скажешь.

МАТЬ. Боже мой! Почему? Что случилось?

МАЦЕК. Я должен, мама. И если сейчас этого не сделаю, то чокнусь. Никогда себе не прошу.

МАТЬ начинает плакать.

КОРОЛЬ. Вот видишь? Вроде пронесло.

МАЦЕК. Прости, мам. Но я ничего не могу поделать.

МАТЬ. Я знала. Я знала. Недавно разговаривала с отцом... О, Господи! Господи! (*Пауза.*) Но это так неожиданно. Ведь ты никогда раньше ничего не говорил.

МАЦЕК. Это произошло внезапно. Как будто пелена с глаз упала. Как будто это был долгий дурной сон.

МАТЬ. Может, это на время? Может, что случилось? Ведь ты совсем недавно сам говорил, какая Беата чуткая и понимающая.

КОРОЛЬ. Мало ли что говорил.

МАЦЕК. Нет, мама, это не на время.

МАТЬ. Откуда ты знаешь?

МАЦЕК. Просто знаю.

МАТЬ (*пауза*). А ведь я тебе говорила: сынок, подумай!

КОРОЛЬ. Говорила. Это факт.

МАТЬ. Зачем тебе нужен был этот брак?

МАЦЕК. Мама, перестань. Что теперь вспоминать?
Случилось и случилось.

МАТЬ. Все видели, что эта девушка не для тебя. Но ты ничего не хотел слушать. Всякий, кто осмеливался это сказать, сразу становился твоим лютым врагом.

КОРОЛЬ. О боже!

МАЦЕК (*нервно*). Ты права, мама, я был дурак. Признаю. Так что, теперь я должен мучиться до конца жизни?

МАТЬ (*после паузы, уже спокойнее*). А что Беата?

МАЦЕК. Я еще ничего ей не говорил.

МАТЬ. А она не догадывается?

МАЦЕК. По-моему, нет.

МАТЬ. И вот так, ни с того ни с сего, хочешь ей сказать, что ты ее бросаешь?

КОРОЛЬ. Ну... Да.

МАЦЕК молчит.

МАТЬ. И вы даже не поругались?

МАЦЕК. Поругались. Но не по этому поводу. Это только расставило все точки над *i*.

МАТЬ. Ради бога, сын, подумай хорошенько!

КОРОЛЬ (*Матери*). Только не уговаривай меня лучше подумать.

МАТЬ. Ты ведь уже не ребенок! Тебе тридцать лет!

МАЦЕК и КОРОЛЬ. Знаю.

МАЦЕК. Не надо мне об этом напоминать.

МАТЬ. Ты встретил другую женщину?

МАЦЕК. Нет...

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ты себя обманываешь или ее?

МАЦЕК смотрит на лежащую в кровати ЖЕНЩИНУ.

МАЦЕК. Нет... Правда.

МАТЬ. Не ври! Я слишком стара для этого. Здесь за километр пахнет женщиной.

КОРОЛЬ. Соврать не получится.

МАЦЕК. Тут другое, мам.

МАТЬ. Сын, что ты вытворяешь?

МАЦЕК. Я не уйду к другой женщине. Клянусь!

КОРОЛЬ. Трепло!

МАЦЕК (*Королю*). Заткнись. (*Матери*.) Да, я познакомился с одной женщиной... Собственно, встретил. Неважно. Мама, я это делаю для себя. Поверь мне!

МАТЬ. Ты с ней переспал?

КОРОЛЬ. Естественно.

МАЦЕК. Эта женщина раскрыла мне глаза. Благодаря ей я взглянул правде в лицо.

МАТЬ. Какой правде?

МАЦЕК. Что я все время обманывал себя, будто все в порядке.

МАТЬ. И ты внезапно пришел к такому выводу? После пяти лет брака?

МАЦЕК. Наверное, раньше я боялся себе в этом признаться.

МАТЬ. Кто эта женщина?

МАЦЕК. Неважно.

МАТЬ. Как это неважно?

КОРОЛЬ. Ты ведь хочешь ей сказать.

МАЦЕК. Придет время, и ты с ней познакомишься.

МАТЬ. Господи...

ЖЕНЩИНА в кровати улыбается МАЦЕКУ.

ЖЕНЩИНА. Почему ты на меня так смотришь?

МАЦЕК (*Женщине*). Я люблю тебя... Не смейся. Это правда. Я хочу быть с тобой.

КОРОЛЬ. Может, не все сразу, а?

МАЦЕК. Никогда ни в чем я не был так уверен.

ЖЕНЩИНА. Сначала ты должен кое-что закончить.

МАЦЕК. Я знаю. Ты меня любишь?.. Скажи, ты любишь меня?

МАТЬ. Только не вздумай говорить Беате.

МАЦЕК (*Матери*). Почему?

МАТЬ. О таких вещах не говорят. Для женщины это унижительно.

МАЦЕК. Может, так было бы честнее.

КОРОЛЬ. Не может быть, а точно.

МАТЬ. Сын, не смей меня! Послушай мать хотя бы на этот раз. Запомни, нет худшего врага, чем униженная женщина. О таких вещах она помнит до конца жизни. Если вдруг ты захочешь к ней вернуться, это всегда будет стоять между вами. Только если ты решился на развод... Но тогда тем более нельзя ничего говорить.

МАЦЕК. Пока я только хочу уйти. Немного пожить один.

КОРОЛЬ. Зачем ты, блин, себя обманываешь?

МАТЬ (*пауза*). Будь с ней деликатен. Как-то подготовь ее.

КОРОЛЬ (*Матери*). Разве можно к этому подготовить?

МАТЬ. Это будет для нее как гром среди ясного неба.

МАЦЕК. Знаю. Но по-другому не могу.

МАТЬ. О, Господи! За что мне все это? И как раз сейчас!

МАЦЕК. Я не подгадывал специально.

МАТЬ (*пауза*). А ты не хотел бы попробовать пойти вместе с ней к психологу, ведь есть же специалисты...

КОРОЛЬ (*с иронией*). Может, еще к ксендзу?

МАЦЕК. Мама, это ничего не даст. Ты не понимаешь? Это не временный кризис. Наш брак был обречен с самого начала.

КОРОЛЬ. Не понимаю я эту женщину.

МАЦЕК. Чего ты добиваешься? С одной стороны, ты говоришь, что эта девушка не для меня, а с другой, устраиваешь мне скандал.

МАТЬ. Потому что нельзя относиться к человеку как к собаке.

КОРОЛЬ. Что она несет?

МАЦЕК. Я ни к кому не отношусь как к собаке! Пойми, Беата тоже со мной несчастна. Она мне это сказала. Она сказала, что я уничтожил все, что в ней было хорошего.

МАТЬ. Я давно замечала, что у вас что-то не складывается. Слава богу, что еще нет ребенка.

КОРОЛЬ. Все-таки Бог есть.

МАТЬ. А куда ты переезжаешь?

МАЦЕК. Не знаю. Что-нибудь сниму.

МАТЬ. Как это снимешь? Что снимешь?

МАЦЕК. Квартиру или комнату. То, что люди обычно снимают.

МАТЬ. Да ты что, сын! О чем ты говоришь? Какую комнату? Где?

МАЦЕК. Я не знаю, мама. В Варшаве. Посмотрю на следующей неделе.

МАТЬ. Значит, мы с отцом покупали тебе квартиру, чтобы ты сейчас где-то что-то снимал?

КОРОЛЬ. Боже, как меня достают такие разговоры.

МАЦЕК. А что мне делать? Выгнать из квартиры Беату?

МАТЬ. Не кричи!

МАЦЕК. Я не кричу.

МАТЬ (*после паузы*). А где ты будешь питаться? Надо же где-то обедать.

МАЦЕК. Мама, я не ребенок. Как-нибудь разберусь.

МАТЬ. Боже мой! Я этого не вынесу! Вот что бывает, когда дети не слушают родителей.

КОРОЛЬ. Твою мать!

МАТЬ. Что с тобой происходит, сын? Я тебя не узнаю. Ты был таким хорошим ребенком.

КОРОЛЬ. Может, слишком хорошим.

МАТЬ. Я бы в жизни не подумала...

МАЦЕК. Наверстываю упущенное.

ОТЕЦ. Ну где вы все? Богна приехала.

БОГНА. Здравствуйте!

КОРОЛЬ. Богна!

МАТЬ. Доченька!

МАТЬ и ДОЧЬ бросаются друг к другу в объятия.

БОГНА. Привет, мама!

КОРОЛЬ. Господи! Откуда она взялась?

МАТЬ. Господи! Откуда ты взялась? Ведь ты должна была прилететь в четверг.

БОГНА. А прилетела сегодня.

ОТЕЦ (*Матери*). Прилетела сегодня. Ты же видишь.

БОГНА. Вы не рады? Господи, человек летит через полмира, через океан...

МАТЬ. Ну, конечно, рады. Доченька моя! Ну и сюрприз ты нам устроила.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Боже, у меня сейчас сердце выскочит.

ОТЕЦ (*Матери*). Ты знаешь, она из аэропорта взяла такси.

КОРОЛЬ. Такси?

МАТЬ. Надо было позвонить. Кто-нибудь бы тебя встретил.

КОРОЛЬ. Я бы приехал.

БОГНА. Я не успела. Знаете, что я сделала, чтобы успеть на самолет?

МАТЬ начинает плакать, у БОГНЫ тоже слезы на глазах.

ОТЕЦ. Ну и чего вы плачете, а? (*Матери*.) Приготовь ей что-нибудь поесть! Она же голодная.

КОРОЛЬ (*Отцу*). Сам приготовь!

МАЦЕК. Оставь их в покое, папа!

ОТЕЦ (*Мацеку, как будто только что его заметив*). Что?.. А, привет, сынок!

КОРОЛЬ (*Отцу*). Не называй меня сынком!

МАЦЕК (*сдержанно*). Привет, папа!

ОТЕЦ подходит к МАЦЕКУ и здоровается с ним.

ОТЕЦ. Ну вот. Наконец приехала.

МАЦЕК. Да.

БОГНА. Отлично выглядишь, мама.

МАТЬ (*улыбаясь сквозь слезы*). Какое там. Старуха.

БОГНА. Перестань! Что ты говоришь! Волосы, вижу, покрасила.

МАТЬ. Я даже не причесалась.

ОТЕЦ. Отведу я тебя в парикмахерскую, только не ной!

КОРОЛЬ (*зрителям*). Прошу прощения, что никого не представил, — и так понятно, в чем дело.

МАТЬ. Ты такая красавица, доченька!

ОТЕЦ. А чего ты хотела? Светская дама! (*Подходит к Богне, обнимает ее и целует.*) Хорошо, что ты приехала, дочка.

К БОГНЕ подходит МАЦЕК.

КОРОЛЬ (*Мацеку*) Твоя очередь.

МАЦЕК. Привет, систер!

БОГНА и МАЦЕК обнимаются.

БОГНА (*обнимая Мацека*). Братик мой!

КОРОЛЬ (*пауза*). Странное чувство...

БОГНА (*пауза*). Как я по тебе соскучилась.

МАЦЕК. И я по тебе.

ОТЕЦ (*в стороне, плачущей Матери*). Халина, ради Бога, прекрати.

МАТЬ. Отстань!

ОТЕЦ (*Матери*). Как ты себя ведешь?

МАТЬ. Посмотри на себя!

ОТЕЦ (*повышенным тоном*). В чем дело, а?.. В чем дело?
БОГНА (*ласково*). Папа!.. Дайте нам поздороваться.
КОРОЛЬ (*Отцу*). Идиот!

ОТЕЦ отходит в сторону, БОГНА внимательно смотрит на МАЦЕКА.

БОГНА. Боже, братик мой! Это ты?

КОРОЛЬ. Она не изменилась...

МАЦЕК. Что поделаешь!

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Это ты изменился.

БОГНА (*Матери*). Это мой малыш?

МАТЬ. Он сильно изменился.

КОРОЛЬ. Малыш немного расшалился.

БОГНА (*глядит Мацека по щеке*). Господи, когда я уезжала, лицо у тебя было нежное-нежное.

ОТЕЦ. Когда ты уезжала, он был пацаном. А сейчас доктор.

БОГНА (*Матери*). Я всем там рассказываю, что мой младший брат стал врачом.

ОТЕЦ. Доктор хренов.

БОГНА (*Отцу*). Гордишься им, да?

КОРОЛЬ. Меня сейчас стошнит.

ОТЕЦ. Пока что он притворяется, что работает на «скорой помощи».

МАТЬ. Казик!

КОРОЛЬ (*Отцу*). Ты, как всегда, любезен!

ОТЕЦ (*Матери*). А что? Что, не работает? Ведь работает. Только вместо уколов фотографирует пациентов.

БОГНА. Папа!

ОТЕЦ (*Богне*). После Нового года я, может, что-нибудь для него придумаю.

КОРОЛЬ (*взбешенный*). Спасибо большое! (*Мацеку*.) Если ты согласишься, то будешь самым последним козлом в мире.

БОГНА (*Мацеку*). Мое солнышко! (*Снова его целует*.) Ты так изменился, братик!

МАЦЕК. Время бежит, систер.

КОРОЛЬ. Вот кто себя странно чувствует.

БОГНА (*все время глядя на брата*). Обалдеть можно!

МАТЬ. Богна!

ОТЕЦ. Может, и изменился, но точно не поумнел.

КОРОЛЬ (*Отцу*). Очень смешно!

ОТЕЦ. Я тебе говорю, доченька, твой брат чем старше становится, тем глупее. (*Матери.*) Правда, Боровецкая?

МАТЬ. Правда.

ОТЕЦ. Что?

МАТЬ. Я говорю, правда.

ОТЕЦ подходит к МАЦЕКУ и дергает его за волосы. МАЦЕК уклоняется.

КОРОЛЬ. Не прикасайся ко мне.

ОТЕЦ (*Богне*). Представь себе, он у нас художник!

БОГНА. Я слышала.

ОТЕЦ. И что ты думаешь! Бегает все время со своим аппаратом и шелкает.

БОГНА (*Мацеку*). Братик, а я ведь никогда в жизни не видела твоих фотографий.

ОТЕЦ. Мы хотели с матерью, чтобы он нам сделал фотографию, ну знаешь, такую, над кроватью... Так он сказал, что у него заело что-то в фотоаппарате.

КОРОЛЬ. Как и у тебя.

БОГНА. Ты должен мне все показать.

МАЦЕК. О'кей.

БОГНА. А ты, кстати, свинья, — почему никогда мне ничего не присылал?!

ОТЕЦ. Тебе, может, и покажет. А с нами уже еле разговаривает.

МАТЬ (*Отцу*). Оставь его в покое.

ОТЕЦ (*Матери*). Чего тебе надо?

МАЦЕК (*шутливо*). Видишь, систер! Уже еле разговариваю.

БОГНА (*тоже шутливо*). Бедненький! Стареешь, братик. Тридцатник стукнул.

МАЦЕК. Ага.

БОГНА. Прости, брат! Ужасно хотела приехать к тебе на день рождения. Думала, сумею.

МАЦЕК. Да ладно, систер. Я уже привык к тому, что тебя нет в самые главные моменты моей жизни.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ты имеешь в виду эту позорную свадьбу?

БОГНА. Ничего, мы свое возьмем, братик. Вот увидишь.

ОТЕЦ (*в стороне, Матери*). Ну и чего ты на меня злишься?

МАТЬ. Я не злюсь.

ОТЕЦ. Как это не злишься? Бесишься, я же вижу. Улыбнись! Ну чего ты устраиваешь представление?

МАТЬ. Я не устраиваю никаких представлений! Чего ты прицепился?

ОТЕЦ. У тебя такое выражение, будто тебе кто-то в карман насрал. Не бойся, не обижу я твоего сыночка.

МАТЬ. Он такой же мой, как и твой.

КОРОЛЬ (*с иронией*). Как я это обожаю!

БОГНА (*Мацеку, с улыбкой*). Все как в былые времена!

ОТЕЦ (*Мацеку*). Слушай, а может, тебе радиологом стать? Будешь делать снимки сколько захочешь.

МАТЬ. Казик, перестань! Прошу тебя!

ОТЕЦ сжимает зубы.

БОГНА. О Боже!.. А тут кое-что изменилось.

МАТЬ (*Богне*). Не хочешь посмотреть свою комнату?

ОТЕЦ (*Матери*). Что?

МАТЬ. Я говорю, пусть посмотрит свою комнату.

ОТЕЦ. Какую комнату? Здесь уже нет ее комнаты. (*Богне*). Мать заняла твою комнату. Целыми днями там сидит. Уж поверь мне. И спит там.

МАТЬ. С тобой, что ли, спать? (*Богне.*) Отец жутко храпит.

БОГНА (*изображая негодование*). Вот так! Уже меня и выселили.

ОТЕЦ. А что ты думаешь!

МАТЬ. Не беспокойся, доченька. Это всегда будет твоя комната.

КОРОЛЬ (*у Богны в комнате*). Постоянно об этом талдычат.

МАТЬ. Как будет время, перебери свои старые вещи.

БОГНА. Какие вещи?

МАТЬ. Одежду, книги.

БОГНА. Что-то еще осталось?

МАТЬ. Я ничего не выбрасывала.

МАЦЕК. Только я немного порылся в твоих книгах.

ОТЕЦ. Он все их позабирал.

БОГНА (*изображая негодование*). Свинство! Стоит только ненадолго отлучиться...

ОТЕЦ. А что ты думаешь!

МАЦЕК (*Богне*). Принести тебе что-нибудь попить?

БОГНА. Попозже. Сначала приму душ.

ОТЕЦ (*Мацеку*). Можешь мне сделать чай, сынок?

МАЦЕК (*резко*). Щас.

БОГНА (*Матери*). Дадите мне полотенце? Я, кажется, не взяла.

МАТЬ. Ну что за вопрос?

ОТЕЦ (*в стороне, Мацеку*). Прости, сын. Не обижайся на меня. Но... Раз уж так случилось...

КОРОЛЬ. Твою мать!

Входит КОРЕШ.

МАТЬ (*Отцу*). Казик, Пётрусь пришел.

ОТЕЦ. А, Пётрусь! И где ты таскался, балбес?

КОРОЛЬ. А этому что здесь надо?

КОРЕШ. Я был в костеле.

ОТЕЦ. В костеле... Видали такого! (*Вытаскивает из кармана кошелек и дает Корешу деньги.*) Держи. Сбегай в магазин. Купи водку, вино, какой-нибудь сок...

КОРОЛЬ. Минуту. Вы что задумали?

ОТЕЦ. Только не стой в очереди и быстрее возвращайся, бестолочь! Ну...

БОГНА (*недоверчиво*). Это Пётрек?

КОРЕШ подходит к БОГНЕ.

КОРЕШ. Здравствуй! (*Целует ей руку.*)

БОГНА. Здравствуй!

КОРОЛЬ. В чем дело, я спрашиваю?

ОТЕЦ. Ну иди уже! А то магазин закроется. И сдачу мне принеси!

КОРЕШ выходит.

МАЦЕК (*Отцу*). А он что здесь делает?

МАТЬ (*Богне*). А как там Кшись?

ОТЕЦ (*как будто не услышав вопроса Мацека*). Ну-ну, интересно узнать.

БОГНА. Мы колебались до последней минуты. Кшисек очень боялся. И в конце концов решили, что не стоит рисковать.

КОРОЛЬ (*показывая на Мацека*). Мне кажется, вопрос остался без ответа.

МАТЬ (*Богне*). А что с вашим пребыванием там? Что-нибудь выяснилось?

БОГНА. Мы надеемся, до июня все прояснится.

МАТЬ. Дай Бог! Позвони ему! Наверное, он волнуется.

ОТЕЦ. Оставь ее. Пусть немного отдохнет.

БОГНА. Сейчас позвоню.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Никто тебя здесь не слушает, старик.

ОТЕЦ. А ты знаешь, какой спектакль тогда мать устроила в посольстве? Сначала принялась рыдать, потом начала врать консулу...

БОГНА. Правда, мама?

МАТЬ. Я испугалась, что больше тебя не увижу.

БОГНА подходит к матери и обнимает ее.

БОГНА. Ну все, мама... Я здесь, ты же видишь.

МАТЬ (*сквозь слезы*). Я же говорю, доченька, одни проблемы...

ОТЕЦ начинает растирать грудь, тяжело дышит.

КОРОЛЬ. А с этим что такое?

МАЦЕК. Ты что, папа, плохо себя чувствуешь?

ОТЕЦ. Нет, все нормально.

МАТЬ. Я не знаю, почему нам не дали визы.

ОТЕЦ (*Матери*). Наверное, ты смахивала на террористку.

МАЦЕК (*Отцу, встревоженно*). Точно все в порядке?

ОТЕЦ. Да, да...

БОГНА. Я разговаривала с приятелем, у него есть знакомый в посольстве в Варшаве. Попробуйте снова подать заявление, может, на этот раз получится.

КОРОЛЬ. И сейчас точно будет задан вопрос...

БОГНА (*Мацеку*). А ты, братик, когда наконец ко мне приедешь?

МАЦЕК. Я думаю об этом, систер. Все время.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ага!

БОГНА. Мог бы, по крайней мере, пока сделать себе визу.

КОРОЛЬ. Он никогда всерьез об этом не думал.

ОТЕЦ (*тон его изменился, похоже, он испытывает боль*). Да мы ему все время талдычим. Но ведь он упрям, как осел.

КОРОЛЬ (*Отцу*). Отцепись от меня наконец!

БОГНА. И тебе не стыдно? За столько лет не навещить сестру. Ко всем моим знакомым постоянно кто-то приезжает. А ты? Кстати, а почему ты не хотел ко мне приехать?

МАЦЕК. Я хотел.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Признайся, что был на нее зол.

МАЦЕК. Серьезно.

БОГНА. И что?

МАЦЕК. Да как-то не получилось.

КОРОЛЬ. Собиралась уехать на год, два... А пропала на целую вечность.

БОГНА. Ну если не меня, то хотя бы мир увидел.

МАЦЕК. Спокойно. Еще успеем, систер. Вот увидишь.

ОТЕЦ (*говорит так, как будто боль улеглась*). Ой, глупости. Да не слушай ты его! Не мог поехать, потому что как же он здесь свою Беатку оставит?

КОРОЛЬ. Поаккуратнее!

ОТЕЦ (*Матери*). Ты помнишь, что мы ему говорили?..

Помнишь?

МАТЬ. Помню.

ОТЕЦ. Вот здесь, в этой комнате, говорили... Поезжай. На месяц. На две недели... (*Матери.*) Ты помнишь?

БОГНА (*Мацеку*). А где твоя Беата?

ОТЕЦ. Вот именно. Где она?

БОГНА. Не могу дождаться, когда познакомлюсь со своей невесткой.

МАЦЕК. Беата в Варшаве.

ОТЕЦ. Тогда позвони ей! Пусть приедет!

МАЦЕК. Не знаю, сможет ли она... (*Богне.*) Мы не знали, что ты приедешь.

БОГНА. Неужели она не захочет познакомиться со своей золовкой?

ОТЕЦ. Езжай за ней! (*Снова достает из кошелька деньги и протягивает Мацеку.*) На, возьми на бензин.

МАЦЕК (*резко*). У меня есть деньги.

ОТЕЦ сжимает зубы.

МАЦЕК (*Богне*). Я попозже ей позвоню. Сейчас она на работе.

ОТЕЦ. Позвони на мобильный.

МАЦЕК. У Беаты нет мобильного телефона.

МАТЬ начинает плакать.

БОГНА. Мама, что случилось? Почему ты плачешь?

ОТЕЦ. Халина, ради Бога! Ну что ты опять начинаешь?

Входят ПАЦИЕНТКА и КОРЕШ с полным пакетом покупок.

ПАЦИЕНТКА (*подбегает к Богне и начинает ее целовать*). Доченька моя сладенькая! Любовь моя расчудесная! Наконец-то приехала!

БОГНА (*растерявшись*). Здравствуйте, пани Кристина.

ОТЕЦ (*Матери*). Халина, приготовь что-нибудь поесть, в конце концов! Не видишь, у нас гости?!

ПАЦИЕНТКА (*Матери*). Я как только узнала, сразу примчалась. (*Богне*.) Ты замечательно выглядишь, доченька!

БОГНА. Вы тоже, пани Кристина.

ПАЦИЕНТКА. О, Господи! А ты видела моего Пётрека?

БОГНА. Видела, видела.

ПАЦИЕНТКА. Вырос, правда?

БОГНА. Я его не узнала.

ПАЦИЕНТКА. Время летит, да? Ой, доченька, моя красавица!.. (*Матери*.) А ты почему плачешь, милая?

ОТЕЦ. Халина, кончай устраивать спектакль!

ПАЦИЕНТКА. Расчувствовалась, бедненькая. Столько лет доченьку свою не видела! Ничего удивительного.

ОТЕЦ. Пётрек, что ты там купил?.. Все есть?

КОРЕШ. Все.

ОТЕЦ. Ну... хорошо. А сдача?

КОРЕШ. Все потратил... Еще и свою десятку доложил.

ОТЕЦ. Эх ты, балбес... Ну, проходите, пани Кристина. Сейчас Боровецкая что-нибудь приготовит. Закусим, выпьем.

ПАЦИЕНТКА. Конечно, выпьем, доктор, за здоровье нашей доченьки. Такое событие. Обязательно надо выпить.

ОТЕЦ (*Мацеку*). А ты поезжай за своей Беатой! Если хочешь, возьми мою машину.

КОРОЛЬ. Отстань от меня.

МАЦЕК не отвечает.

ОТЕЦ. Ты что, оглох? Я тебе говорю.

МАЦЕК. Оставь меня в покое.

ОТЕЦ. Ты что?..

МАЦЕК. Я сказал, оставь меня, наконец, в покое!

ОТЕЦ сжимает зубы.

КОРОЛЬ. Ну!

МАЦЕК переходит на другой конец сцены, за ним идет КОРОЛЬ, остальные едят-пьют в глубине сцены; после паузы к МАЦЕКУ подходит БОГНА.

БОГНА. Мацек, как ты разговариваешь с отцом?

МАЦЕК. Как?

БОГНА. Грубо.

КОРОЛЬ (*Мацеку, с иронией*). Грубый ты парень. Постыдился бы!

МАЦЕК. Тебе показалось.

БОГНА. Ты не слышишь себя, братик.

КОРОЛЬ. Ты не слышишь себя... Братик!

МАЦЕК. Да ладно, перестань. Я просто не выношу, когда он пьет.

БОГНА. Знаю. Я тоже этого не люблю.

КОРОЛЬ. А что ты можешь об этом знать?

БОГНА. Он — больной человек. Ты же не ребенок, Мацек. Так нельзя.

КОРОЛЬ. Хрена два!

МАЦЕК. Я знаю, что я не ребенок.

БОГНА. Тогда постарайся понять его и не ругайся с ним.

КОРОЛЬ (*Богне*). Что он должен понять? А его кто поймет?

БОГНА. Я знаю, какой он. Понимаю, вам тяжело найти с ним общий язык. Но ведь он тебя на самом деле очень любит.

КОРОЛЬ. Фигня!

БОГНА. Боже! Мацек, посмотри на него. Как он постарел. Это уже не тот отец. Сильный, энергичный... Я его помню совершенно другим. Я в шоке. Мама тоже... Такие морщины под глазами. И руки такие неухоженные. Мацек, ты должен сейчас за ними присматривать.

КОРОЛЬ (*Богне*). Что?

БОГНА. Ты знаешь, как я по ним скучаю. Я их не видела тринадцать лет.

МАЦЕК. Богна, но...

БОГНА. Что?.. Скажешь, это был мой выбор? Я знаю. Я не жалею. Просто прошу тебя хорошо к ним относиться. Меня здесь нет. По воле судьбы ответственность падает на тебя.

КОРОЛЬ. Охренительно ясно поставлен вопрос.

МАЦЕК. А что ты так вдруг о них забеспокоилась?

БОГНА. Не поняла.

МАЦЕК. У меня такое впечатление, что до сих пор тебя это не особенно волновало.

БОГНА. Что меня не волновало? Мацек, о чем ты?

МАЦЕК. А ты знаешь, что тут творилось все эти годы, когда тебя не было?

БОГНА. Знаю.

МАЦЕК. Да? Ты знаешь, в каком отчаянии были родители?

КОРОЛЬ (*Мацеку*). А ты нет?

МАЦЕК. Знаешь, что мне однажды сказала мать? Что ты ее обманула... Потому что сказала, что уезжаешь на год или два. А потом все время говорила, что вернешься через полгода, через год. И они все время надеялись... А потом смирились с мыслью, что ты не вернешься. Хотя ты так и не сказала им об этом прямо.

БОГНА. Мацек, ты думаешь, мне было легко?

МАЦЕК. Не знаю. Не в этом дело. (*Пауза.*) Богна... Ты сделала свой выбор. Помнишь, что ты мне сказала пару лет назад по телефону? Что ты счастлива, потому что можешь жить, как хочешь, и никто тебе не указывает. А сейчас я намерен жить так, как я хочу... Может, на какое-то время мне придется уехать от родителей. Может, поеду за границу, может, брошу медицину. Не знаю. Я хочу фотографировать.

БОГНА. Но ты же фотографируешь.

МАЦЕК. Не так. Я хочу этим заняться серьезно. Я хочу посвятить себя этому.

БОГНА. А на что ты будешь жить?

КОРОЛЬ (*с иронией*). На что я буду жить...

МАЦЕК. Пока не знаю. Потом буду думать.

БОГНА. Отлично. Желаю удачи.

МАЦЕК (*пауза*). Знаешь что, систер? Нам будет трудно с тобой договориться, если ты все время будешь ко мне относиться, как к младшему брату, которого надо водить за руку.

БОГНА. Я вовсе так к тебе не отношусь. Только не думай, что я стану прыгать от радости, потому что ты ведешь себя как ребенок.

МАЦЕК. О'кей. Я этого от тебя и не жду.

БОГНА. Пойду к ним.

МАЦЕК (*после паузы*). Почему ты приехала именно сейчас?

БОГНА. Не знаю... Почувствовала, что должна приехать.

КОРОЛЬ (*Богне, с иронией*). Сон приснился?

БОГНА. А еще я была недавно у врача. Он нащупал у меня в правой груди уплотнение. Сказал, что надо обследоваться. Я бы хотела это сделать здесь. Почему-то я не доверяю тамошним врачам. Здесь я себя чувствую увереннее. Кроме того, там все намного дороже. Я хотела тебя попросить, чтобы ты мне помог.

МАЦЕК. Понятно... Без вопросов.

БОГНА. Надеюсь, ничего серьезного.

МАЦЕК. По-любому. Увидишь, все будет хорошо.

БОГНА отходит вглубь сцены, а к МАЦЕКУ подходит КОРЕШ.

КОРЕШ (*Мацеку*). Родственники — это отстой, правда?

МАЦЕК. Что?

КОРЕШ. Даже на фотографиях не всегда хорошо получаются.

КОРОЛЬ (*Корешу*). Отвали!

МАЦЕК. Чего тебе надо?

КОРЕШ. Ничего. Классная телка — твоя сестра.

КОРОЛЬ. Еще одно такое слово, и я тебе врежу!

МАЦЕК. Знаю. Ну и что?

КОРЕШ. Если вдруг заскучает, могу взять над ней шефство.

КОРОЛЬ. Забудь.

МАЦЕК. Не нужно. Обойдемся.

КОРЕШ. Как хочешь. Мое дело предложить.

МАЦЕК. А что ты здесь, собственно, делаешь?

КОРЕШ. Ничего... Стригу вам траву во дворе, бассейн чищу... Всякое такое. Я слышал, ты с женой разводишься?

КОРОЛЬ. Ой, не могу.

КОРЕШ. Дела, значит, не очень. Но знаешь, старик, все бабы — бляди.

МАЦЕК и КОРОЛЬ бросаются на КОРЕША и начинают его бить; на сцену входит ЖЕНА.

ЖЕНА (*Мацеку*). Но почему? Я хочу знать, почему? Я имею на это право.

МАЦЕК. Я тебе уже говорил. Мы очень разные.

ЖЕНА. Это не повод.

КОРОЛЬ. Очень даже повод!

ЖЕНА (*после паузы*). Мацек, ради Бога, это же нормально, что мы отличаемся друг от друга. Все люди разные.

МАЦЕК. Но мы с разных планет. Ты сама не видишь? У нас все разное. Нет ничего, что бы нас объединяло.

ЖЕНА. Это ты так считаешь. Почему ты не хочешь дать нам шанс? Ведь мы можем это обсудить. Поработать над этим. На этом и основан брак.

КОРОЛЬ (*Жене*). Ты мне будешь рассказывать, на чем основан брак!

ЖЕНА. А ты после первой ссоры заявляешь, что уходишь.

МАЦЕК. Это ничего не даст, Беата.

ЖЕНА. Откуда ты знаешь?

МАЦЕК. Знаю. Это ни к чему не приведет.

ЖЕНА. Просто ты не хочешь.

КОРОЛЬ. Да. Не хочу.

ЖЕНА (*после паузы*). Боже, ты — чудовище!

МАЦЕК. Хорошо. Я — чудовище.

ЖЕНА. У тебя появилась другая женщина?

МАЦЕК смотрит на ЖЕНЩИНУ в кровати.

КОРОЛЬ. Да.

МАЦЕК. Нет.

КОРОЛЬ. Ты врешь.

МАЦЕК (*Королю*). Знаю.

ЖЕНА. У тебя кто-то есть?

КОРОЛЬ. Конечно, есть.

МАЦЕК. Нет у меня никого...

ЖЕНА. Признайся!

МАЦЕК. Правда, у меня никого нет.

ЖЕНА. Я тебе не верю.

КОРОЛЬ. И правильно.

ЖЕНА. Ты мне изменяешь. У тебя есть другая женщина. Я это чувствую.

МАЦЕК. Беата, дело совсем не в этом.

КОРОЛЬ и ЖЕНА. А в чем?

МАЦЕК. Я тебе уже говорил. Мы очень разные...

ЖЕНА. И ты это так внезапно понял? Тебя вдруг осе-
нило? После пяти лет брака.

КОРОЛЬ. Хорошо, что не после сорока.

ЖЕНА. Когда ты перестал меня любить? Давно?

МАЦЕК. Не знаю. Год назад... Может, полтора...

ЖЕНА. И ты только сейчас мне об этом говоришь?

КОРОЛЬ. Господи, совсем достала.

МАЦЕК (*после паузы*). Беата, давай не будем ругаться. Расстанемся, как нормальные люди. Так будет лучше для нас обоих. Ведь ты тоже со мной несчастна. Ты мне сама это сказала.

ЖЕНА. Господи, да я в сердцах сказала. Ты меня довел. Кроме того, у меня тогда были месячные.

КОРОЛЬ. Господи, какая она жалкая. Как всегда.

МАЦЕК. Ты соображаешь, что говоришь? Таких вещей не говорят из-за того, что идут месячные.

ЖЕНА. А ты откуда знаешь?

МАЦЕК. Прости, но разговаривать с тобой бесполезно.

ЖЕНА. Понятно. Очень удобная позиция. Теперь, естественно, во всем виновата я.

МАЦЕК. Никто не виноват — ни ты, ни я. Просто у нас не получилось. Беата, мне не все равно, что будет с тобой. Я хочу тебе помочь. Может, когда-нибудь мы сумеем стать друзьями.

КОРОЛЬ (*Мацеку*). Ты рехнулся?

ЖЕНА. Друзьями? Ты мне жизнь поломал.

КОРОЛЬ (*Жене*). И ты мне.

ЖЕНА. Что мне делать? Ты же клятву давал перед Богом, что будешь со мной до самой смерти. Ты врал!

МАЦЕК. То, как мы пять лет живем, вот это ложь. Ты сама знаешь.

ЖЕНА. Я так тебя любила.

МАЦЕК. На самом деле ты никогда меня не любила, Беата.

ЖЕНА. Почему? Потому что не захотела взять в рот, да?

КОРОЛЬ. Да.

МАЦЕК. Беата, прекрати!

ЖЕНА. Ты трус. Жалкий трус и подонок! Я тебя ненавижу! (*Уходит.*)

КОРОЛЬ. Ну... Не так уж и плохо все прошло.

С кровати встает ЖЕНЩИНА, одевается.

МАЦЕК. Что ты делаешь?

ЖЕНЩИНА. Я должна идти.

КОРОЛЬ. Почему?

К МАЦЕКУ подходит МАТЬ.

МАТЬ. Мацек! Отцу плохо.

МАЦЕК. Иду.

МАТЬ. Мацек...

МАЦЕК и КОРОЛЬ. Уже иду!

МАЦЕК (*Женщине*). Что случилось?

ЖЕНЩИНА. Ничего.

МАЦЕК. Когда мы увидимся?

ЖЕНЩИНА. Не знаю... Давай лучше простимся.

МАЦЕК и КОРОЛЬ в недоумении.

КОРОЛЬ. Простимся?

МАЦЕК. Как это... простимся?

ЖЕНЩИНА. Я уезжаю.

МАЦЕК. Куда?

ЖЕНЩИНА. В Берлин.

МАЦЕК. Зачем?

ЖЕНЩИНА. На учебу в аспирантуру.

МАЦЕК. На учебу?.. Ты мне ничего не говорила.

ЖЕНЩИНА. Не знала, получится ли.

МАЦЕК. Когда ты уезжаешь?

ЖЕНЩИНА. Поезд сегодня вечером.

КОРОЛЬ. Офигеть!

МАЦЕК. Я тебя провожу.

ЖЕНЩИНА. Не надо.

МАЦЕК. На сколько ты уезжаешь?

ЖЕНЩИНА. На три года...

Пауза.

МАЦЕК (*со все большим страхом в голосе*). Когда к тебе можно будет приехать?

ЖЕНЩИНА. Ты хочешь ко мне приехать?

МАЦЕК. Конечно. Ты уже знаешь, где будешь жить? Знаешь адрес?

ЖЕНЩИНА. Я буду жить у своего жениха.

МАЦЕК и КОРОЛЬ. У кого?

ЖЕНЩИНА. Мы недавно помирились.

МАЦЕК. Я думал, что...

ЖЕНЩИНА. Мы вместе уже семь лет. Просто так не расстанешься.

КОРОЛЬ. Просто так не расстанешься...

Пауза.

ЖЕНЩИНА. А как у тебя дела?

МАЦЕК (*в прострации*). Неважно.

ЖЕНЩИНА. Ты ушел от жены?

МАЦЕК. Да.

ЖЕНЩИНА. Не жалеешь?

КОРОЛЬ. Нет.

МАЦЕК (*после паузы*). Нет.

ЖЕНЩИНА. Это хорошо. Я напишу тебе. (*Уходит.*)

КОРОЛЬ (*после паузы Мацеку*). Боишься?

МАЦЕК. Боюсь...

КОРОЛЬ. Ты никогда в жизни так не боялся.

МАЦЕК. Я никогда в жизни так не боялся.

К МАЦЕКУ подходит ОТЕЦ.

ОТЕЦ (*расстроенный*). Что ты творишь?

МАЦЕК и КОРОЛЬ (*недоумевая*). Что?

ОТЕЦ. Мацек, черт возьми... Что ты творишь?

МАЦЕК. Ничего.

ОТЕЦ. Как это ничего?.. Как это ничего?.. Сын... Мацек, черт...

КОРОЛЬ (*Отцу*). Чего тебе надо?

ОТЕЦ. Не будь пацаном!

КОРОЛЬ (*Отцу*). Опять двадцать пять...

ОТЕЦ. Сколько тебе лет?

КОРОЛЬ (*вызывающе*). Нарываешься? Ну, давай!

ОТЕЦ. Тебе, черт возьми, тридцать лет.

МАЦЕК. Я знаю.

ОТЕЦ. Если знаешь, то начни, в конце концов, думать головой.

КОРОЛЬ (*далее Отцу*). Ну, давай! Что, боишься?

ОТЕЦ. Какая-то баба заморочила тебе голову, а ты... Как пацан. Разум потерял. О чем ты думаешь?.. Или тебе кажется, что у нас с матерью всегда все было замечательно?

КОРОЛЬ. Ты только это хотел мне сказать?

ОТЕЦ. Я что тебе говорю? Чтобы ты сидел целыми днями дома с Беатой? Разве я это тебе толкую?.. Только, черт возьми... Нельзя терять голову из-за первой попавшейся лахудры.

МАЦЕК (*резко*). Она не первая попавшаяся...

ОТЕЦ. Сын! Если бы я себя вел, как ты... Я в твоём возрасте уже имел специальность и двоих детей. И знал, чего хочу в жизни.

МАЦЕК. Я тоже знаю, чего хочу в жизни. Только это моя жизнь. И я не обязан хотеть того же, что и ты.

ОТЕЦ. Мацек, будь мужчиной, черт возьми!

МАЦЕК. А ты относись ко мне, как к мужчине!

ОТЕЦ. А как я к тебе отношусь?

МАЦЕК. Как к ребенку.

ОТЕЦ. Чушь!

МАЦЕК. Ты всю жизнь относишься ко мне как к ребенку. Хуже, чем к ребенку.

ОТЕЦ. Ты еще заплачь.

МАЦЕК. У тебя никогда не было для меня времени. Тебя самого никогда не было.

ОТЕЦ. Я работал, чтобы вы были сыты.

МАЦЕК. Что бы я ни делал, все было не так. Ты вечно меня критиковал. Я постоянно боялся сделать что-нибудь не так, чтобы ты меня сразу не охаял... Иногда я при тебе чувствовал себя, как будто... как будто я девочка. Такая маленькая, никчемная.

ОТЕЦ. Мацек, послушай! Я тебе еще раз говорю... (*Внезапно хватается за грудь и падает.*)

МАЦЕК (*испуганный*). Папа... папа... что с тобой? Папа... папа, где болит? Папа, едем в больницу...

ОТЕЦ. Мацек...

МАЦЕК. Папа...

Подбегают МАТЬ и БОГНА.

МАТЬ (*плача*). Господи... Казик...

БОГНА. Папа... (*Мацеку*.) Спаси его!

МАЦЕК (*Матери*). Есть нитроглицерин?.. Мама!

МАТЬ плачет.

БОГНА. Папа...

МАЦЕК (*Богне*). Вызывай «скорую»!

МАТЬ. Боже мой...

КОРОЛЬ (*Мацек*). Ты должен сделать ему искусственное дыхание. Ты же врач! (*После паузы.*) Мне противно прикасаться к его губам... Как будто надо его поцеловать... Какие у него гнилые зубы... И эти волосы в носу...

МАЦЕК начинает делать ОТЦУ массаж сердца.

КОРОЛЬ. Он такой смешной, когда лежит... Такой... Такой, блин... как кукла. Боже, какая идиотская ситуация. Я сейчас не выдержу, расхохочусь.

МАЦЕК прерывает массаж, долгая пауза, тишина, потом вместе с КОРОЛЕМ кладет ОТЦА на кровать.

КОРОЛЬ (*после паузы*). Надо позвонить в похоронное бюро... И заняться формальностями... Мать можешь взять к себе... Пока, чтобы не была одна... Ты должен наконец уйти с работы, именно сейчас, из принципа. У тебя где-то был телефон той девушки. Помнишь? Блондинка. Она тебе понравилась. Да и ты ей тоже. Я видел. Ничего. Все как-нибудь устроится. Богна уедет. Все будет хорошо, вот увидишь. Только спокойно... Именно сейчас начинается настоящая жизнь. Все королевство — твое.

Затемнение.

Конец

Иоанна Овсянко

ТИРАМИСУ

Перевод Елены Верниковской.
© by Joanna Owsianko

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДИРЕКТОР,	30 лет, блузка Benetton, костюм Chanel, туфли Max Mara, белье Calvin Klein, сумка Folli Follie
МЕНЕДЖЕР,	27 лет, брюки Esprit, блузка Zara, ремень Dior, туфли Bata, сумка Mango, белье Dim.
БУХГАЛТЕР,	28 лет, пиджак и юбка Royal Collection, водолазка Promod, туфли Gino Rossi, сумка Batyski, белье Triumph.
АККАУНТ,	25 лет, блузка Mango, брюки Diesel, туфли Pollini, трусы Schiesser, сумка Zara
БАЙЕР,	26 лет, блузка Vero Moda, брюки Simple, сумка Witcher, белье Victoria's Secret, туфли Ryiko.
МЕДИАПЛАНЕР,	24 года, капри Tatum, блузка H&M, туфли Ecco, сумка Cottonfield, белье Intimissimi.
КРЕАТОР,	26 лет, блузка Zara, юбка Prada, туфли Gucci, сумка Burberry, белье Palmers.

Сцена первая

ДИРЕКТОР. Hi everybody! Меня зовут Валентина, но уже несколько лет все называют меня Юлия. Сменить имя на работе ничего не стоит. Валентина, Валька, Валюха звучит по-деревенски. Не лучше, чем корова. Ненавижу это имя. Зато в Юлии чувствуется класс. Это имя sophisticated.

Я никогда не мечтала стать учителем, врачом, философом или домохозяйкой. Хотела быть кем-то. Вырваться из этой дыры. В школе я всегда училась на «отлично». Была the best. На экономический в университет поступила не с лучшим результатом, но в первую пятерку попала. Что ж, не все должно получаться. Я чувствовала, что начинается новая жизнь. Конечно, у меня были друзья, но определенного круга. Я не водилась с троечниками и четверочниками. Такие люди мне были не интересны. Мне нужен был трамплин. Вот в чем был point, а его могли дать только соответствующие знакомства. Не будем скрывать, такова life. Не я это придумала.

В первую же неделю я сообразила, что нужно читать газеты. Как все здесь. У нас в городке такое не читают. Там люди не знают, what is important, да откуда им знать? Взять, к примеру, моего отца. Или мать. Почтальон и служащая. Они счастливы, что нажили машину. Печальный случай. Живут в этом городишке, в захолустье, и даже за границей не были. Да что там за граница, они не в состоянии сменить 20-метровую однушку на квартиру побольше. У меня там ничего не было, даже собственной комнаты. Ненавижу туда приезжать. Fuck it.

Пока училась, встречалась с парнями, но они были какие-то... странные. С ними и поговорить не о чем. До му-

зыки и стихов мне дела не было. Голова шла кругом: необходимость делать карьеру, новые рубежи, большие деньги, корпорации. Уже на пятом курсе я начала работать. Шаг за шагом карабкалась вверх. Сначала была ассистентом президента, потом поднималась все выше и выше. Должности — не предел мечтаний, зато фирма западная. Перспективы, future. Прошло несколько лет, и вот у меня есть все. Руководящий пост, муж, ребенок. Everything. Мне можно только позавидовать. Я быстро сумела совместить приятное с полезным. You know. Я не дура. Познакомилась с несколькими влиятельными людьми и быстро пошла в гору. Как в мечтах. В прошлом году получила премию «Самая яркая карьера десятилетия» в отрасли. Банкеты, дорогие гостиницы, хорошее вино, high life. Я даже не подозревала, что работа может приносить удовольствие. И тут не замешан секс, хотя, конечно, без него не обходится, я не говорю, что он мне не нужен. В конце концов, я тоже человек — но только во вторую очередь. Я трахалась с властью, положением, кучей денег, а не с мужиками. Вот в чем был мой challenge. Я достигла, чего хотела. Я — ДИРЕКТОР в одном из крупнейших рекламных агентств.

Еще у меня есть муж и годовалый ребенок. Идеальная жизнь — работа, дом, лучше не придумаешь. Все мне завидуют. С Марком мы познакомились на одном банкете. Он музыкант. Очень способный и признанный, хотя в последнее время ему не везет. На днях наткнулась на визитку одного давнего знакомого. Он помог мне пробиться. Be on the top. Может, вдвоем придумаем какой-нибудь выход. Попасть на обложку журнала «Gala». Ха-ха-ха. Думаю, имеет смысл. А пока я нашла мужу другое занятие — нянчит нашу дочурку, занимается хозяйством, по крайней мере, без дела не болтается. Возится с пленками и стряпней, выходит только в магазин. Прошел год, а мне уже не о чем с ним поговорить. О рецептах приготовления телячьих отбивных, новом детском питании, составе стирального порошка? С одной стороны, жаловаться нечего, воз-

вращаюсь вымотанная после 12-часового рабочего дня, дома чистота, полы блестят, на столе цветы, все постирано, выглажено. Мила выкупана, остается только поцеловать ее перед сном. Это меня устраивает, я профессионал, и дома, и на работе требую полной отдачи. Работа должна быть выполнена безукоризненно, малейшие промашки не допускаются, и муж мой пока выдерживает этот экзамен. Но, с другой стороны, наша сексуальная жизнь, увы, сошла на нет. Марк постоянно уставший, у него болит голова, желания нет, я понимаю, Мила часто плачет, просыпается по ночам, выспаться совсем не получается, но мне нужен секс. Если бы не банкеты, то уж и не знаю... А Мила, моя дочурка, красавица. Просто гениальная. Невроятно, чтобы годовалый ребенок уже показывал буквы пальчиком, а как она поет, как ходит, как танцует, как говорит «мама».

Сцена вторая

КРЕАТОР. Привет.

ДИРЕКТОР. Привет.

КРЕАТОР. Как уик-энд?

ДИРЕКТОР. Супер. Были на озерах.

МЕНЕДЖЕР. В горы не поехали?

ДИРЕКТОР. Хотели заехать к старикам.

МЕДИАПЛАНЕР. Жалко, что Виктор был на тренинге. Мы могли бы к вам заскочить.

ДИРЕКТОР. Я всех вас как-нибудь приглашу. Вилла, лес, собственное озеро. Старики занялись Милой, а мы могли побыть вдвоем. Ходили за реку, Марк собирал мне цветы. Как молодожены.

КРЕАТОР. А я в уик-энд получила новые Kenzo.

БУХГАЛТЕР. От Жан-Пьера?

КРЕАТОР. Первые во всей стране.

МЕНЕДЖЕР. Дай понюхать.

БУХГАЛТЕР. Роза.

КРЕАТОР. Гибискус.

МЕДИАПЛАНЕР. Корица в ноте «сердца».

ДИРЕКТОР. Ваниль.

БАЙЕР. И перец.

МЕНЕДЖЕР. Основная нота. Мускус.

КРЕАТОР. Необычные.

МЕДИАПЛАНЕР. А ко мне приехал Виктор! Посреди ночи! Телепатия. .

КРЕАТОР. За столько километров?

МЕДИАПЛАНЕР. Только чтобы меня поцеловать.

ДИРЕКТОР. Он же не умеет водить.

МЕДИАПЛАНЕР. А такси на что?

КРЕАТОР. Выбросил кучу бабок.

МЕДИАПЛАНЕР. И возвращался на такси. Добирался три часа, чтобы побыть со мной два. Вот это любовь.

БАЙЕР. А я в субботу спорила с Алексом, кто кого больше любит. Вот такие у нас проблемы после семи лет знакомства. Он говорит, что любит меня больше бас-гитары, я — что больше шоколада, и так далее. Вдруг заявил, будто нет ничего, что он любил бы больше меня, встал посреди улицы на колени и спросил, хочу ли я стать его женой.

БУХГАЛТЕР. Да ты что?

БАЙЕР. Да. *(Показывает кольцо.)*

БУХГАЛТЕР. Красивое.

КРЕАТОР. Белое золото.

ДИРЕКТОР. Платина.

КРЕАТОР. Бриллиант.

ДИРЕКТОР. Цирконий.

МЕДИАПЛАНЕР. Символ внутреннего сияния.

БУХГАЛТЕР. Мы должны с ним познакомиться.

БАЙЕР. Познакомитесь на свадьбе.

ДИРЕКТОР. Когда?

БАЙЕР. Хотим как можно быстрее.

МЕНЕДЖЕР. Скоро тусовка. Девичник.

БАЙЕР. Может, у тебя?

ДИРЕКТОР. Без проблем. Все поместимся. Семь комнат и три ванны.

МЕНЕДЖЕР. А у меня все та же дилемма. Не знаю, которого выбрать.

МЕДИАПЛАНЕР. В пятницу ты больше благоволила к Петру.

МЕНЕДЖЕР. А в субботу пошла с Артуром на вечеринку, и снова полное раздвоение личности.

БУХГАЛТЕР. Бери Петра. Супер зарабатывает.

МЕНЕДЖЕР. Паршиво одевается.

ДИРЕКТОР. А вот и наша звезда.

АККАУНТ. Сорри.

ДИРЕКТОР. Что еще за сорри?

АККАУНТ. Прошу прощения.

ДИРЕКТОР. Я знаю английский. 10 минут опоздания. В этом месяце останешься без премии. В правилах ясно написано. Выглядишь, как после хорошего траха.

АККАУНТ. В точку.

ДИРЕКТОР. Тогда ясно. С которым?

АККАУНТ. С тем, из чата.

БУХГАЛТЕР. Не страшно было?

АККАУНТ. Я тебя умоляю, он мне перед этим фотку прислал.

МЕДИАПЛАНЕР. Ничего перец?

АККАУНТ. Галстук, лэптоп, в бумажнике фотография дочки и жены. В восемь вечера звонок: мол, еще зарабатывает на хлеб. Ужин, крутой бар и наконец гостиница. Дверь не успела закрыться — зверь. Думала, он меня заедит.

ДИРЕКТОР. Сколько оргазмов?

АККАУНТ. Три, дикие, как Тарзан и Джейн в джунглях. Даже портье утром косо на нас смотрел.

БАЙЕР. Продолжение следует?

АККАУНТ. Еще бы!

ДИРЕКТОР. А у меня в лесу целая серия, один за другим, даже эхо прокатилось. Последний самый слабый, зато пять. А у тебя?

МЕНЕДЖЕР. Одна ночь, два бара, два клуба, четыре оргазма. Два сортирно-барных и два пристенно-клубных.

БАЙЕР. Плачешь?

КРЕАТОР. От счастья. Два.

АККАУНТ. Наконец-то, после двух недель воздержания.

КРЕАТОР. Первый от волнения, второй — до судорог.

БАЙЕР. И у меня два. Даже соседи начали долбить в стену. Орала, как в «Кармен» Моцарта.

МЕДИАПЛАНЕР. А я пережила что-то сверхъестественное. Мы были одним целым. Сначала почувствовала дрожь, потом спазмы, а под конец потеряла сознание.

ДИРЕКТОР. Сколько?

МЕДИАПЛАНЕР. Один. Необыкновенный.

ДИРЕКТОР. А у тебя?

БУХГАЛТЕР. У меня?

ДИРЕКТОР. У тебя.

БУХГАЛТЕР. Тоже один.

БАЙЕР. Какой?

БУХГАЛТЕР. Тихий, костельный.

АККАУНТ. В костёле?

БУХГАЛТЕР. Приехал Дитер, и мы пошли на службу. Молитва, мы держимся за руки, и так нас разобрало, что в голове один секс. Все вышли, свет погас, а мы в исповедальню, и там... Только раз, поскольку начиналась следующая служба.

ВСЕ. Вау!

ДИРЕКТОР. Но один.

МЕНЕДЖЕР. Ты выиграла. Опять.

АККАУНТ. Респект.

ДИРЕКТОР. Ладно. За работу. Двадцать минут десятого.

КРЕАТОР. Может, стоит попробовать этот метод — держаться за руки?

АККАУНТ. Похоже, работает.

Сцена третья

БУХГАЛТЕР. Я девственница. Двадцать восемь лет. Засиделась, знаю. Недавно в «Cosmo» прочитала, что 59% пар занимаются сексом на первом свидании. А я нет. Я храню невинность для мужа. Когда-то у меня был жених, мы даже планировали обвенчаться. Познакомились во время паломничества и встречались целый год. Держались за руки и целовались. Ничего больше. Терпеливо ждали свадьбы. Назначили дату через два года, но Богдан — так его звали — неделей позже сказал мне, что сомневается и разрывает помолвку. Я была в шоке. Сказал, что должен все еще раз обдумать и что я первой узнаю о его решении. Прошло уже восемь месяцев, а он молчит. Иногда меня зло берет, но я говорю себе, что так захотел Бог. Значит, он не был мне на роду написан.

Я с пяти лет живу в столице. У меня собственная квартира с коллекцией кактусов. Виды самые разные. Апорокактус, долговечный эхинопсис, маммилярия с розовыми цветочками, вчера желтым расцвела пародия. Такое разноцветье сейчас. Все цветы расставлены рядком, потому что я люблю порядок. Все должно быть, как Господь наказал. Чашки стоят ушками только влево, авторучки в подставке — только вверх колпачками. Будь то стол, пальто, костюм или берет, неважно, я готова заплатить подороже, но вещи должны служить долго. Одежду похуже ношу дома, получше — на работу и в костел.

Каждую неделю езжу домой, к мамочке. С подругами встречаюсь редко. Моя лучшая подруга — мама. Приезжаю к ней на все выходные, мы вместе готовим еду. Обед должен быть плотным, чтобы наестся. На первое суп, на вто-

рое картошка с мясом и под конец десерт, а потом на пару смотрим сериалы, болтаем, смеемся, плачем. Так и проводим время.

Еще я молюсь. Мне есть о чем. Я знаю одного ксендза. Его зовут Павел. Мы знакомы с лица. Вместе ходили после занятий есть пончики, а потом на встречи общины. Я была его единственной подругой. Других не было. А потом он почувствовал призвание и пошел в семинарию. Говорил что-то о любви к Богу, к ближнему. Не испытывал того, что я. Я ему ничего не сказала. Ведь добиваться должен мужчина, а что взять с ксендза? Сейчас? Сейчас тем более. Сейчас, особенно после того, как ушел Богдан, когда я приезжаю домой, мы опять часто встречаемся и подолгу разговариваем. О нас, о жизни, о Боге, о людях.

Я верю в Бога. Глубоко. Последние две недели я не ездила к маме. А как только поехала, на следующий же день пошла в костел. Скучала по нему. Увидела его в алтаре, но он словно был повсюду. Передо мной, за мной, рядом, в моей голове. Я встала на колени. Сложила руки и стала молиться. Молилась, чтобы быть с ним, чтобы почувствовать его в себе. Ничто больше не имело значения. Только я и он. Словно мир не существовал. Не было никого, кроме нас. Он взял его в руки и — вперед. Ко мне. Приблизился медленно, степенно. Взглянул на меня, мягко улыбнулся. А я вся внутри дрожала. Напряженная, как струна, полная любви. Я столько ждала. Вся его. Готовая, чистая, верная. А он шел ко мне с ним в руках. Я шептала только «Отче наш», так как не верила, что это происходит на самом деле, что вот оно. Так сильно я скучала. И боялась. Боялась его принять. Он встал передо мной. Высокий, мужественный, знакомый и теплый. Я подняла взгляд и посмотрела наверх. Видела только черные пуговицы сутаны. Как лестница на небеса. Он держал его в руках на высоте моих губ. Мой хлеб, моя жизнь, моя святыня. Я закрыла глаза, а он вложил мне его в рот. Даже голова закружилась, когда я почувствовала этот знакомый вкус,

тепло, перетекающее из горла в сердце. Павел произнес: «Тело Христово». «Аминь», — ответила я, и он пошел дальше.

Потом я вернулась домой и долго пылесосила. Столько было во мне радости. Мужа я, конечно, ищу, но это не может быть первый встречный. Он должен быть красивый, рост минимум метр восемьдесят, глаза голубые, умный, образованный, со степенью по экономике и психологии, чтобы разбирался в чувствах и меня понимал, иностранец, лучше всего немец, богатый, но при этом скромный, с чувством юмора, без вредных привычек, свободный и верующий в Бога. Остальное, правда, неважно. Совершенно неважно.

Сцена четвертая

ДИРЕКТОР. Значит, так. Я говорила с клиентом, кампания стартует неделей раньше. Почему он звонил мне, а не тебе? (*Аккаунту.*) Это ты у нас аккаунт. Стратегия должна быть готова сегодня, контракт — до конца недели. (*Аккаунту и Менеджеру.*) От этого зависит будущее агентства. И ваше тоже. Это именно та кампания, тот бюджет, тот момент. Сегодня. Не вчера, не завтра, сегодня. Это наш шанс. Один на миллион. Здесь не жребий решает и не случай, решаете только вы. Не я, родители или подружки. Вы — лучшие, иначе бы здесь не работали. Тут нет места посредственностям. Вы — первое поколение, которое работает много, но за реальные бабки. Вы можете жить иначе: делать карьеру, двигаться к вершине, иметь всё. Это вы составляете средний класс. Вы формируете потребности, исполняете мечты потребителей, это благодаря вам люди хотят иметь и покупать. Возьмите этот шанс в свои руки. Не упустите его. Будут специальные премии. 1% от бюджета. За работу!

АККАУНТ. Сегодня?

ДИРЕКТОР. Вы сможете. Я на встречу. Буду на мобильном. (*Выходит.*)

МЕНЕДЖЕР. Что уставились? За работу! Займись заказчиком.

АККАУНТ (*в мобильный*). Здравствуйте, господин президент, звонили в выходные? Спасибо, отлично, а у вас? Ясно, тогда ждем новый бриф. Через пять минут. ОК. Счастливо! (*Всем.*) Провели research, увеличивают объем производства.

КРЕАТОР. Еще? Никто не станет покупать это дерьмо.

МЕНЕДЖЕР. Не твоя проблема.

БАЙЕР. Какая share?

АККАУНТ. 15%. Как со временем на телевидении?

МЕДИАПЛАНЕР. Попадаем в максимальный клаттер. Брейки будут забиты. Подавай так: предпраздничное время, рейтинги растут.

АККАУНТ. Не вопрос.

МЕНЕДЖЕР. Проверь время по сетке вещания и AGB (это понятно?), чтобы факап не вышел.

МЕДИАПЛАНЕР (*по мобильному*). Привет, Майя, передвигаем кампанию на неделю назад. Есть еще хорошее время? Плохо. Мне надо как минимум 50% прайм-тайма. Что? Получила ли я духи? Откуда ты знаешь, что это мои любимые? Спасибо. Хорошо, жду. А то мы сменим канал. Пока. (*Аккаунту.*) Таргет?

АККАУНТ. Женщины, 20—40.

БАЙЕР. Бюджет?

АККАУНТ. Три лимона. Плюс резерв 500 тысяч.

МЕНЕДЖЕР. Лэйаут.

АККАУНТ (*по мобильному*). Добрый день, господин президент, вы получили лэйауты? И как? Черный? Мы хотим привлечь потребителей свежестью, а не элегантностью. ОК, значит, три поправки, хэдлайн, адверториал и копи. До свидания. (*Всем.*) Этот кретин думает, что разрекламирует гель для душа, как машину.

МЕНЕДЖЕР. Копирайтер.

КРЕАТОР (*по мобильному*). Мне нужен копи для спота через час. Это не моя проблема. У тебя было два дня. Нет, надо только подробнее о составе. Допиши что-нибудь об этих чертовых водорослях, и я засуну их ему в задницу. Пока-пока.

МЕНЕДЖЕР. Пресса. Получится поставить раньше?

БАЙЕР (*по мобильному*). Роман? Запускаем кампанию, передвигаем первый флайт на неделю. Хочу кавер или первую половину. Как это номер закрыт? Откройте. Мы ведь можем 70 тысяч отдать вашим конкурентам. Так проверь. В таче.

МЕНЕДЖЕР. Дизайнер.

КРЕАТОР (*по мобильному*). Ну привет, у нашего лю-бимчика есть пожелания. Хэдлайн и лого крупнее, больше света на продукт. Дааа, больше выпятить. Знаю, что идиотизм. Ладно, получит то, что хочет. Жду. Через час? Пока.

МЕНЕДЖЕР. Счета.

БУХГАЛТЕР (*по мобильному*). Ну что, подготовил счета? Со сроком оплаты послезавтра? Как это нет? Какое мне дело, что у тебя дедлайны? Нет, не через полчаса, немедленно.

КРЕАТОР (*по мобильному*). Это опять я. Предложение об увлажнении — удаляй на хер. Пока.

МЕНЕДЖЕР. Президент.

АККАУНТ (*по мобильному*). Господин президент... А, совещание, понятно. Я только хотела сказать, что все под контролем. К концу дня пришлю флоучарт с новой стратегией. Я все время на мобильном. Всего хорошего.

МЕНЕДЖЕР. Чего еще не хватает?

КРЕАТОР. Утверждение спота и лэйаута.

БАЙЕР. Кампания в прессе.

БУХГАЛТЕР. Предоплаты.

МЕДИАПЛАНЕР. Телевидение.

АККАУНТ. Утверждение стратегии.

МЕНЕДЖЕР. За работу. Вы должны вылизать ему задницу. Премии будут.

МЕДИАПЛАНЕР (*по мобильному*). Ну как? 50% прайма? Ты гигант. Сериалы и телевикторины дала? Как это нет? Подруга, еще раз повторяю: сериалы. Се-ри-а-лы. Должны быть. Добавь, плиз, это дерьмо, и пошли по домам. (*Менеджеру.*) Прайм.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Прайм-тайм.

БУХГАЛТЕР (*по мобильному*). Будьте добры начальника отдела. Здравствуйте. Мы вчера сделали перевод, почему он до сих пор не дошел? Проплата в общей сложности на миллион. И что с того, что положены три дня? Это не копейки, а мы не мелкий клиент. Кажется, мы друг друга не понимаем. Не завтра. Сегодня. Спасибо. (*Менеджеру.*) Переводы.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Переводы.

КРЕАТОР (*по мобильному*). Приветствую, господин президент. Как впечатления? Вы это имели в виду? Супер. Отправляем на цветопробу. Как копи для спота? ОК, перезвоню через полчаса. На связи. (*Менеджеру.*) Лэйаут.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Лэйаут.

БАЙЕР (*по мобильному*). Привет. Что? Никакой доплаты. Бюджет закрыт. Слушай, Си-Пи-Пи у вас должна быть конкурентной. Клиент не может увеличивать расходы. По рукам? Тогда согласуй с шефом. Неделю на Кубе? Нам презентуете? Вот это да! Будешь сегодня на вечеринке TVN? Вечером поболтаем. See ya (*Менеджеру.*) Пресса и Куба.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Пресса и Куба.

АККАУНТ (*по мобильному*). Получили флочарт, господин президент? Что не понятно? Охват кампании 90%. 720 GRP. Телевидение — это идеальное СМИ. Наибольший охват при самой низкой стоимости контакта. Это лонч-кампания, мы должны сформировать имидж. Пресса в качестве дополнения. Понятно. Счастливо! (*Менеджеру.*) Стратегия.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Стратегия.

БУХГАЛТЕР (*по мобильному*). Кэшфлоу готов? Выслан? Срок оплаты — послезавтра? (*Менеджеру.*) Кэшфлоу.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Кэшфлоу.

МЕДИАПЛАНЕР (*по мобильному*). Майя, ну что там? О, фак! Отлично! (*Менеджеру.*) Сериалы.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Сериалы.

БАЙЕР (*по мобильному*). Привет! Ну как? Си-Пи-Пи 1.200? (*Менеджеру.*) Си-Пи-Пи.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Си-Пи-Пи.

КРЕАТОР (*по мобильному*). Господин президент, я по поводу копи для спота. То, что хотели? Чудесно. Конечно, очень хороший гель для душа. Точно будет пользоваться успехом. Всего хорошего! (*Менеджеру.*) Всё.

МЕНЕДЖЕР (*всем*). Всё.

Входит ДИРЕКТОР.

ДИРЕКТОР (*всем*). Как успехи?

МЕНЕДЖЕР. Все done.

ДИРЕКТОР. Но. (*По мобильному.*) Добрый день, господин президент. Приветствую. Конечно, отличные. На вас работают лучшие люди. Звоню по поводу нашего контракта. Может, поужинаем и спокойно поговорим о комиссионных? Разумеется. Завтра вечером в восемь. До встречи! (*Всем.*) По домам, крошки. Уже почти ночь.

МЕНЕДЖЕР. По каким домам? Сегодня туса TVN.

Сцена пятая

КРЕАТОР. Самое главное — это антрé. У меня всегда отличный антрé. Я за этим слежу. Иначе вообще незачем выходить в свет. В пятницу была на приеме. Пришли, разумеется, все, но только у меня был антрé. Они поняли, что это я. Я вошла, представилась, и все сразу обратили на

меня внимание. В обществе надо знать французский. Не хочу показаться нескромной, но блистала именно я. Именно я была звездой. Аркадиус разработал специально для меня платье из джерси с кружевными вставками. Я выглядела божественно. Банкеты, мировые премьеры, выезды за границу. Это моя жизнь. С особой сентиментальностью я отношусь к Франции. Париж — столица моды. Я знаю все коллекции prêt-à-porter, Versace, Dior, из поляков обожаю Аркадиуса. Он сейчас самый тренди.

Шопинг! Это моя жизнь! Недавно у Gucci нашла сапожки из последней коллекции. С суперскидкой. 2800. Не меньше чем делать покупки я люблю поесть, но, к сожалению, сижу на диете Аткинса. Это такая нью-йоркская революция. Я сбросила уже 4 килограмма. Всем рекомендую. Сахар. Смерть. Рис. Белая смерть. Йогурт. Яблоки. Макароны. Смерть. Есть можно только салат, лучше всего руколу или полевой, морковь и сыры, сыры только французские. Бедный Жан-Пьер тоже должен следить за тем, что ест. В 40 лет обмен веществ уже не такой быстрый. Он дипломат и знает всех. Швейцария, Лондон, Лос-Анджелес. Весь мир нам открыт. Месяц назад он сделал мне сюрприз — мы поехали в Альпы кататься на лыжах. Было чудесно, а поскольку я не катаюсь, провела уик-энд в SPA. Вернулась как заново рожденная. Он себе катался, а я в SPA. Конечно, мне бы очень хотелось поехать с палатками на Балтику, я даже об этом подумываю, но там ведь не походишь на шпильках. Ох, да какая Балтика? Сейчас ездят на Маврикий, в Альпы! В самолет — обязательно увлажняющую сыворотку. Одну для лица и вторую для кожи вокруг глаз. Самая лучшая от Chanel. И термальную водуспрей. Обязательно. Все-таки изменение давления и кондиционированный воздух высушивают кожу. Теперь ездят только туда. Майорка, Ибица уже прошлый век.

В последний раз договорились с Жан-Пьером, что в этот уик-энд он приедет ко мне. Сначала мы пошли в парикмахерскую. Боже, какой мне сделали массаж головы.

Заплатила, конечно, целое состояние. Впрочем, все равно платила не я. Вечером пошли в обычный бар, так, ради экзотики. Я была в новой блузке от Versace. Жан-Пьер, ничего не скажу, тоже выглядел отлично. Все было ОК, пока он не заказал Дом Периньон. Выпил чуть ли не целиком, а потом виски — первый, второй, третий, седьмой, десятый. Я уже сбилась со счета. Он был таким жалким, шатался, бормотал, что меня любит. Как я тогда его ненавидела. Весь следующий день он страдал от похмелья, и мы ссорились, на что пойти в кино. Я сказала, что раз он не хочет смотреть то, что хочу я, то я вообще никуда не пойду. Так разнервничалась, что голова разболелась. Правда болела. О постели и речи быть не могло, даже поцеловать его не было сил. А Жан-Пьер, этот ужасный эгоист, заорал, что хватит с него моих капризов, что он не желает меня больше видеть. Встал, собрался и ушел.

Я вдруг осталась одна, не с кем было даже поговорить. Села на пол, совершенно не представляя, что делать. Кто мне теперь оплатит счета? Кто повезет за границу? Сидела перед зеркалом, посмотрела на себя и вдруг заплакала. Выйти из дома и побежать за ним, умолять, чтоб не уезжал? Нет! Что делать? Позвонила подруге, но она не могла разговаривать, позвонила другой — выключен мобильный. Позвонила маме, но она была на приеме и сказала, что перезвонит через пару часов. Я запаниковала: кто еще остался? Никого? Набрала «папа». Поднял трубку. «Привет, пап, можешь говорить?» Не мог, черт подери, в сотый, тысячный, миллионный раз, уже и считать не хочется, не мог. Как всегда пьяный, бормотал, что меня любит. Доченька. Я не выдержала этой тишины в доме. Что делать? Смотреть телевизор? Скучища. Убираться? Я не умею, кроме того, маникюр. Может, выпить? Виски. «Я тебя люблю». Нет. Нет. Нет! Вылила остатки в раковину и посмотрела на себя в зеркало. Поняла, что надо делать. Только туфли надела — и в машину. Мчалась 120 в час, четыре раза проехала на красный, кое-как припарковалась, бегом

через улицу и — в магазин. Увидела эти полки, краски, сотни нарядов, корзины с бельем, ряды туфель, вешалки с юбками, блузками, платки, джинсы и только тогда успокоилась. Нравилось все. Набирала охапками и шла в примерочную, а продавщицы только меняли размеры и фасоны. Сначала блузки всех цветов, потом белье кружевное и спортивное, юбки, чулки, армейские ботинки, шпильки, сапожки, брюки клеш, дудочки, облегающие платья, длинные или со шнуровкой!!! Смотрели на меня, как на королеву. Спокойно вернулась домой, оделась, встала перед зеркалом и увидела сильную, зрелую женщину. А этот кретин пусть жалеет. Скатертью дорожка. На самом деле, мне на него плевать. Найду кого-нибудь еще. Не так уж он и хорош, у него ведь даже не стоял. Стыдобища, такая фитюлька — никакого удовольствия. Две минуты или вообще никак. И эти его «прости, любимая, может, в следующий раз?» или «тебе хорошо было?». К тому же 40 лет, живот торчит. О, putain! Куда я смотрела? Найду себе другого, он будет королем секса и, наконец, доставит мне наслаждение на мировом уровне. Когда-то были любовники, а сейчас что? По крайней мере, могли довести до оргазма. А мне еще ни разу не повезло.

Сцена шестая

Входит АККАУНТ.

ДИРЕКТОР. Подписал?

АККАУНТ. Нет.

ДИРЕКТОР. Шутишь? Он вчера все проглотил.

АККАУНТ. Обсуждает что-то с юристом. Позвонит.

ДИРЕКТОР. Когда?

АККАУНТ. Не сказал.

МЕНЕДЖЕР. Ты хочешь сказать, мы вкалывали зря?

АККАУНТ. Да подпишет.

МЕНЕДЖЕР. Поблагодарите коллегу за премию.

ДИРЕКТОР. Клиенту надо угодить, профессионально его удовлетворить. А ты что? Не знаешь, как с мужиками дела делаются?

АККАУНТ. Знаю.

ДИРЕКТОР. Что знаешь?

АККАУНТ. Как стать его второй половинкой. Full service. Элегантный прикид или брюки на бедрах без белья. Пожалуйста. Поболтать о политике или машинах. Пожалуйста. Что угодно. Я хожу по тем же барам, удивительным образом люблю то, что и он. Пиво, виски, футбол, автогонки. Достаточно немного почитать, а этот дебил уже думает, что второй такой не найдет во всем мире. Вечером он пьет пиво и хочет поговорить — я тоже, он танцует — я тоже, ложится на меня — пожалуйста.

КРЕАТОР. Где вы были вчера?

АККАУНТ. В кино.

БУХГАЛТЕР. На чем?

АККАУНТ. На стрелялке.

БУХГАЛТЕР. Такой мужчина предпочитает сериалы.

КРЕАТОР. Ничего подобного.

БУХГАЛТЕР. Главное — надежность. Надо пригласить его домой. Полы натерты, нигде ни пылинки, камин разожжен. Как позвонит, двери настезь, на входе тапочки, газета, а на столе обед. На первое бульон, на второе отбивная, на десерт творожный пирог. Потом пульт для телевизора, и довольно.

КРЕАТОР. У нее нет камина.

АККАУНТ. Какой мужик приходит поесть?

МЕДИАПЛАНЕР. Какая отбивная? Такому мужчине нужна другая реальность. Тайский салон, массаж, масла, благовония. Ты в одних бусах, руки на груди, поклоны, танец живота и шепчешь на ухо: «Мой вира. Супта сарванга сукха камасутра».

ДИРЕКТОР. Он знает только английский.

МЕДИАПЛАНЕР. Но «камасутра» поймет.

МЕНЕДЖЕР. Минутку. Это романтик. На встречах non stop eye contact. Он мечтает об истинном чувстве, а не стрелялке.

АККАУНТ. Да? Интересно, зачем он тогда пошел?

МЕНЕДЖЕР. Отправляешься с ним прогуляться, ночь, падают звезды, платье, распущенные волосы, ресницы долу, вы держитесь за руки, прижались друг к другу, а ты ему прямо в глаза: «О чем задумался, дорогой?»

БАЙЕР. Скорее буфер-contact.

МЕНЕДЖЕР. Ну-ка, ну-ка.

БАЙЕР. Он эротоман. Стратегия Лолиты. Лес, трава, солнце, ты в мини, блузка со спадающей бретелькой, два хвостика, блестящие губы, надуваешь большие розовые пузыри, лежишь на одеяле и нехотя: «У меня шнурок развязался. Хочешь подтянуть гольфы?»

КРЕАТОР. Это было тренди в прошлом сезоне.

МЕНЕДЖЕР. И поездки за город тоже.

БАЙЕР. Чувак тоскует по молодости. Напомни ему ее, и он придет снова. Договор в руках и отвали, красавчик.

ДИРЕКТОР (*звонит телефон*). Звонок. Не он.

БАЙЕР. Классическая тактика переговоров. Это было на последнем тренинге.

ДИРЕКТОР. Ничего ты не знаешь о жизни. Такому мужчине нужна женщина, а не ребенок. Белье с заклепками, черные сапоги до колен, красные ногти, кнут в руке и все идет, как по маслу. Выпрямляешься, волосы распущены, и за морду его, на поводок и приказывай: «На колени, ползи, моли о пощаде, сукин сын». И хлыстом по спине. Раз за разом.

КРЕАТОР. Он не жертва, а завоеватель.

ДИРЕКТОР. На работе.

КРЕАТОР. А дома, постой, в снятом им номере люкс, красные шторы, ложе, застеленное шелком, на полу шкуры, на тебе ничего, кроме Chanel № 5, умоляешь: «Возьми меня, мой лев. Съешь меня всю». В мгновение ока он — царь зверей, а ты его овечка. Пусть грызет, кусает, носит

в зубах, таскает по полу. А под утро продолжай сладко мурлыкать: «смени министра финансов, перенеси войну на неделю, а то в Париже показы, купи мне остров на день рождения, подпиши договор, мой лев».

АККАУНТ. Я тебя умоляю. Он помрет со смеху.

КРЕАТОР. Но перед этим подпишет.

ДИРЕКТОР (*звонит телефон*). Звонок. Приветствую, господин президент, да, понятно, спасибо, до свидания. (*Аккаунту, через минуту.*) Есть!

Сцена седьмая

МЕНЕДЖЕР. В первый раз я влюбилась в девушку, когда мне было четырнадцать У нее были черные вьющиеся волосы и голубые глаза. Это было в воскресенье. Я курила с ребятами во дворе за мусорным контейнером. Она пришла туда с двоюродной сестрой, моей подружкой по дому. Они выбрасывали мусор. Ее звали Софья. Она приехала с родителями на обед. Тогда я впервые в жизни влюбилась с первого взгляда. Я никогда больше ее не видела, но помню до сих пор. И то, как у меня сводило в животе. Со второй Софьей я познакомилась на первом курсе. Мы попали вместе в английскую группу. Она была блондинкой, с веснушками на носу и самыми длинными в мире ногами. Я подошла к ней первой и попросила конспекты предыдущих лекций. Она дала, потом мы подружались. Перезванивались, вместе готовились к занятиям, ходили на вечеринки. Один раз ради смеха пошли в гей-клуб. Это была ее идея. И там ради смеха поцеловались. Это тоже была ее идея. Я ответила на ее поцелуй серьезно, а она повезла меня к себе. Мы ни о чем не разговаривали, только всю дорогу держались за руки. У нее дома мы занимались любовью в ванной, при погашенном свете и зажженных свечах, слушали Коэна, плескались, целовались, дотрагивались до груди, губ, ступней, тела. Она была

потрясающая. Потом мы легли в кровать и заснули, обнявшись. Мы никогда не говорили о том, что произошло. Может, напрасно. Знаю, что какое-то время назад она вышла замуж. Странно, но ни один мужчина не смог удовлетворить меня так, как она. Только с ней я чувствовала себя женщиной. Мне нравилось мое тело, грудь, бедра, лицо, накрашенные глаза и ногти. Только с ней. С мужчиной за всю жизнь я переспала только дважды. Первый раз, чтобы потерять девственность. Все уже с ней расстались, и я не хотела отличаться. Готова была сделать все, только чтоб никто ни о чем не догадался. Это было с моим одноклассником, мы выпили несколько бутылок пива, я расставила ноги... в общем, как-то пережила.

Самое страшное — все эти тети, дяди, моя мама, семейные сборища, когда родственники спрашивают, есть ли у меня парень, когда я выйду замуж. Что я должна им сказать? Что? Проще — чтобы отстали — соврать, что я меняю парней как перчатки. Однажды сказала в шутку, что я лесбиянка и у меня есть девушка. Никто мне не поверил, начали смеяться, а дядья сказали, что если она такая же красивая, как я, то они с удовольствием с ней познакомятся.

Уже сама не знаю, может, я ненормальная? Девушки на работе столько говорят о мужчинах, что все время с ними спят, им так хорошо и вообще что мужики — супер, а мне не катит. Пару месяцев назад решила, что переломлю себя, что... Я не знаю, как цепляют мужчин, поэтому взяла пример с наших девиц с работы. Пошла в клуб, заговорила с вроде как приятным чуваком, неким Яном, он оказался приезжим. Немного поболтали, потанцевали и обменялись телефонами. Весь следующий день на связи, часами в чате, нон стоп по мобиле. Эсэмэска за эсэмэской, договорились, что он приедет ко мне на следующий уик-энд. Конечно, оговорили, что не будем увлекаться, никаких чувств, только притворимся, что влюблены. Я приняла ванну, ждала. Он приехал ближе к полуночи с бутылкой текилы и пакетом лимонов. Мы немного выпили — и в

койку. И тут началось. Если посчитать: накануне он лег спать около десяти, проснулся в шесть утра, это восемь часов. Потом работал до четырех, стартовал ко мне около пяти, ехал, ехал и ехал на машине больше шести часов. Мы начали трахаться во втором часу, то есть, как ни крути, а двадцать три часа он не мылся. Я внушила себе, что у меня нет предрассудков и мне очень нравится оральный секс, и так, как наши девицы, взяла пенис в рот. И сразу почувствовала этот запах, — так что отпрянула. И больше уже не могла. Боже, как мне стало нехорошо, а он только спросил, почему мне не нравится «французская любовь». Я ничего не ответила, только сглотнула слюну. Потом мы трахнулись. К счастью, не пришлось долго ждать, пока он кончит. И укатил к чертям в свой Мухосранск.

Потом я пошла к гинекологу — контрольный визит, и оказалось, что я больна. Решила узнать, что со мной произошло, и полезла в Интернет, вбила в поисковик это название — кандида или как-то так — и прочитала, что это самый распространенный симптом зараженных ВИЧ. Я посмотрела на себя, и меня аж в дрожь бросило. Словно что-то во мне жило. Бродило по всему организму. Какие-то паразиты. Каждый раз, когда я принимала ванну и прикасалась к своему телу, я представляла себе, как ВИЧ пожирает меня изнутри. Месяц выжидала, прежде чем сдала анализы. Никогда в жизни я так не боялась смерти, но оказалась чистой. Вроде обычная молочница, а я чуть не умерла со страху.

Сцена восьмая

МЕДИАПЛАНЕР. Слушайте, девчонки. Вы не поверите. Я вчера ходила к гадалке. Боже, что за волшебная женщина. Она разблокировала мою седьмую чакру и сказала, что у меня исключительная душа. У нее тысячелетняя карма, а последнее мое воплощение — Дженис Джоплин.

Миллионы дисков, обложки журналов, интервью, фанаты, автографы. На концертах тысячи мужиков, они любят меня, изнемогают от желания, а я курю трубку и часами по мобильному. И увлажняющие кремы на лицо, много крема, испокон веков у меня сухая кожа.

БУХГАЛТЕР. Так хорошо тебе было? Прямо до самоубийства?

МЕДИАПЛАНЕР. Какая жизнь, такая и смерть. 27 лет и золотой укол. Самый сильный приход. Сегодня мужчины спят на моей могиле, приносят цветы, поют песни. Умирать, не жить.

АККАУНТ. Ты — Дженис Джоплин? А я Мата Хари. Божественная фигура, 90—60—90. Генералы, дипломаты, бизнесмены корчатся от вожделения. В подарок — машины, информация, карьеры, семьи, мобильники. Сотни мужчин, и я одна. 30-й день рождения, торт, свечи, я у стены с ай-подом в ушах, а передо мной десять взбешенных любовников, расстрельный взвод с винтовками, я танцую, а они даже не дрогнули. Продолжаю танцевать, а они все равно стоят столбом. Стреляли и плакали.

БАЙЕР. Мата Хари? А я была Анной Карениной, женой Льва Толстого.

ДИРЕКТОР. Я недавно тебя читала.

БАЙЕР. Обо мне. Муза и ее писатель. Я путешествую. Лондон, Берлин, Римская империя. И трачу деньги. Он зарабатывает, а я все спускаю на клуббинг, платья, муфты, шубы из шиншиллы. Super trendy life. Старик злится, а любовники мне non stop звонят, шлют эсэмэски. Все, кроме одного. У нас случился коротенький романчик, который так меня подкосил, что я бросилась под поезд.

МЕНЕДЖЕР. Могла сама позвонить.

БАЙЕР. Была вне зоны доступа. Черт с ним. Зато остальные... Я смотрю, а на похоронах мужчины плачут, бьются в истерике, бросаются на могилу, а Лев пишет. 25 лет, а каждое поколение обо мне читает.

КРЕАТОР. О маркизе Помпадур тоже. Настоящая королева Франции. Сотни шкафов, платьев, пальто, тонны духов! Вокруг меня сто модельеров, звоню Людовичеку на мобилу, прогулка по Парижу, потом на тачке в Версаль, там портрет Моны Лизы, ну вы знаете какой, той, с выпученными глазами, и на тачке обратно во дворец, целое состояние потратил на эти тачки и на балы по вечерам.

ДИРЕКТОР. Как в раю.

КРЕАТОР. 19 лет. Смотрю, а этот идиот завел младше меня, а меня сразу — на смерть. Да что там! Я в новом платье от Dior, голова под гильотиной, как на ложе, а тут демонстрация — мужчины с транспарантами «Освободить мадам». Так и началась Французская революция.

БАЙЕР. Самая приятная смерть. Ничего не болит.

КРЕАТОР. Точно. Ничего не болело.

БУХГАЛТЕР. Помпадур?! А я была Жанной Д'Арк. Самая известная девственница в мире.

АККАУНТ. Мои поздравления.

БУХГАЛТЕР. Предводительница мужчин, огромная power, за мною в бой идут миллионы. По первому знаку. Два полка солдат, приказы по мобильному и поход на Париж. За свободу женщин! Первая в мире в брюках, в мартинсах, на коне, никакой косметики, химии, все только натуральное. Прекрасная, безукоризненная, идеальная кожа.

КРЕАТОР. Без кремов с фитогормонами? Сухая, как пергамент.

БУХГАЛТЕР. Только на костре. Глюки, в голове голова: «надень юбку», надеваю, а мужчины меня за руки и к дереву. Горю, а они кричат благим матом, рвут на себе одежды, словно обезумели.

МЕНЕДЖЕР. Женщины! Перед вами Че Гевара. Трехдневная щетина, отряды боевиков, кожаный плащ, сигара. Иду по лесу, шумно, душно, сеть то и дело пропадает, негде зарядить мобильный, кончается тоник для лица. Но женщины любят мятежников, все ко мне в очередь.

МЕДИАПЛАНЕР. Типичный мужик.

МЕНЕДЖЕР. Мы в постели, а тут предательство, нас окружили, перестрелка. Сто на одного. Даю серию из калаша, до последнего патрона, а последний себе в лоб. Быстрая жизнь, быстрая смерть. Всего 29 лет, а женщины до сих пор носят мою фотографию на груди.

ДИРЕКТОР. А на меня мужчины смотрят в фильмах «Клеопатра». Я в ванной — подарок Цезаря, часами с ним по мобильному, рядом козы, а внизу на коленях бог солнца и все мужчины. Восхищены, бьют поклоны, вздыхают. А я перед зеркалом, натуральную косметику на лицо, 22 года и ни одной морщинки, и такая холеная иду по лепесткам роз к Цезарю и умираю.

БАЙЕР. Да ты что?

ДИРЕКТОР. Иду, а тут покушение, змея из укрытия, и кусает, кидаю Цезарю эсэмэску «спасай», он — на коня, через пять минут подхватывает своими сильными руками, высасывает яд, но я уже dead. Чуть не обезумел от горя, порезал вены, истек кровью. Жесть.

БАЙЕР. Сколько вам сейчас лет? Мне 25. Как и Анне Карениной.

КРЕАТОР. Мне тоже.

АККАУНТ. 23.

МЕДИАПЛАНЕР. Мне два.

БУХГАЛТЕР. 26.

МЕНЕДЖЕР. Мне тоже 25.

ДИРЕКТОР. 28. Исполнилось.

КРЕАТОР. А не дашь.

Сцена девятая

МЕДИАПЛАНЕР. Бориса я себе выдумала, вымечтала, выколдовала. Есть такая китайская ворожба, которая материализует любовь. При полной луне надо пойти на реку и бросить в воду апельсин, приговаривая при этом имя

любимого. Я бросала «на самую большую в жизни любовь». Через три дня пошла на вечеринку и познакомилась с Борисом. Меня словно громом ударило. Брюнет, высокий, красивый, просто идеал, мы сидели рядом и понимали друг друга без слов. Кожей. Так бывает, наверное, у кармических душ, которые встречаются в следующем воплощении. Мы виделись почти ежедневно и могли разговаривать или молчать часами. Еще мы вместе занимались йогой, она помогла мне обрести внутреннее равновесие. Я чувствовала в себе энергию инь и ян. Мы не ели мяса и выводили токсины. Наконец-то я была спокойна и влюблена. До этого меня все раздражало. С ним было по-другому. В постели вроде все ОК, однако же что-то не так. Мне самой приходилось его провоцировать, завлекать, раздеваться. Хотя что плоть, она неважна, преходяща, значение имеет лишь внутренний мир.

Я как раз купила квартиру, и мы вместе ее обустроили по фэн-шуй. Я расставила свечи по четырем углам и в центре, зажгла их и сразу почувствовала энергию ци. Это было волшебное переживание. Столовую мы покрасили в оранжевый — символ счастья. Любой другой цвет — убийство для союза. В уголке любви повесила нашу фотографию, чтобы упрочить союз. Борис переехал ко мне, и я наконец успокоилась. Утром мы занимались йогой, на завтрак ели легкие йогурты, чернослив, на обед сою, ростки, ужинать уже не садились, так как вечером снова йога. Полная гармония. И вдруг через полгода я узнала об этом гребаном преподавателе английского. Как же я взбеленилась. «Но я его люблю». Не верю, что нас ничего не связывало. Ведь нас соединил космос. Он все уничтожил. Этот чертов пидор, учитель английского. Никто не должен об этом узнать. Тема — табу.

Я долго не могла восстановить равновесие. Просто потеряла веру в любовь. Не могла смотреть на апельсины, нервировала меня эта долбаная энергия ци, и, что самое страшное, я не могла перестать его любить. Слово «жен-

щина» приводило меня в бешенство. Странно, почему не «мужчина». Я смотрела на себя и чувствовала, что во мне что-то умерло. Я была телом без души. Как мешок. Мне надо было узнать, кто я. Я выкинула все из дома, купила коврик, статую Будды и стала практиковать дзэн. Вставала в 5 утра, 108 поклонов, в 5.30 повседневные песнопения, по воскресеньям — специальные, а в 6.15 сидячая медитация. Но даже чертовы мантры не вытеснили этого гомика из моей головы. Я все больше теряла силы. Пока однажды не попробовала стимуляторы и сразу начала жить на полную катушку. Фонтанировала энергией и снова чувствовала себя счастливой. Влюбилась в амфетамин. Только раз испугалась, когда после грамма нормально заснула. Что-то шло не так. Утром приняла немного больше и почувствовала, что задыхаюсь, проваливаюсь в себя. Выпорхнула из тела, оно осталось на полу, за секунду перед глазами пронеслась вся моя жизнь, даже этот чертов пидор, и я полетела вверх. В рай. Но меня не пустили. Золотая энергия приказала мне вернуться, сказала, что не сейчас.

Но как жить? Я решила: «никакой халтуры». И пошла к профессиональной гадалке. Боже, что за волшебная женщина. Она видела мою голубую ауру, составила мне потрясающий гороскоп. Карты сказали, что самый главный мужчина моей жизни близко. И еще: важно то, что приснится мне этой ночью. Боже, я так нервничала, что не могла уснуть. И приснился мне Виктор с работы, из компьютерного отдела. Совершенно не понимала, что к чему, но решила пойти навстречу своему счастью. Дома в уголке любви поставила две свечи, двух дельфинчиков, два цветка — по два, чтобы пара, и стала ждать. Через две недели произошло чудо. На корпоративной вечеринке Виктор, немного подвыпив, подошел ко мне и сказал, что я прекрасна и он хотел бы заняться со мной любовью. Я снова почувствовала магию. Я уже была открыта, готова к исполнению предсказания. Нам хорошо вместе. У Виктора небольшие запросы. Он вполне образован — програм-

мист, но простой. Все что ему нужно — кусок мяса, футбол, пиво и секс. Много секса. В сущности, это неплохо. У него почти нет недостатков, вот если бы еще работал поменьше... Я готова встречаться каждый день, а у него без конца презентации, командировки, тренинги. Мы уже два месяца вместе, он, правда, чудесный, но мне его как-то мало. Ужасно по нему скучаю. В этот уик-энд договорились поехать ловить форель, но Виктор, черт подери, разумеется, снова уехал в командировку. У меня уже не было сил с ним ругаться. Прождала его весь день, должен был вернуться в восемь, но опоздал на три часа. Вообще не брал мобильный, я разозлилась, но приехал с подарком. Купил мне новую блузку в цветочек и капри. Красивые, только немного не в моем стиле, я предпочитаю клеш.

Сцена десятая

КРЕАТОР. Смотрите! Новая!

БАЙЕР. Bugberry!

ДИРЕКТОР. Сколько отдала?

КРЕАТОР. Штуку.

ДИРЕКТОР. Подделка. Настоящая дороже.

АККАУНТ. Вчера по телевизору говорили, что 70% населения носят подделки.

КРЕАТОР. Прямо из магазина. Оригинальный лейбл.

АККАУНТ. А остальные 30% пускают пыль в глаза. С лейблами носят только то, что на виду. Сумки, куртки, блузки, а под этим — весь мировой мусор. Корея. Тайвань. Китай.

КРЕАТОР. Не может быть.

АККАУНТ. Последние исследования. Только 1% оригинала, остальное — фальшак на фальшаке.

МЕНЕДЖЕР. У меня нет.

КРЕАТОР. Никаких подделок.

МЕДИАПЛАНЕР. И у меня.

БАЙЕР. Все натуральное. Первое попавшееся. Сумка от Witchен.

ДИРЕКТОР. Folli Follie

МЕНЕДЖЕР. Моя Mango.

БУХГАЛТЕР. Batuski.

МЕДИАПЛАНЕР. Cottonfield. Фирменная.

КРЕАТОР. Твоя?

АККАУНТ. Родная. Из Zara.

КРЕАТОР. Поехали! Туфли Gucci. Лейбл не врет.

Начинают раздеваться.

ДИРЕКТОР. Max Mara

МЕНЕДЖЕР. Bata. Ну где он? (*Ищет лейбл.*) Вот.

МЕДИАПЛАНЕР. Ессо.

АККАУНТ. Мои Pollini.

МЕНЕДЖЕР. Это Pollini?

АККАУНТ. Смотри. Лейбл.

БАЙЕР. Ryiko. Имеется свидетель. Ты со мной покупала.

МЕНЕДЖЕР. Правда.

БУХГАЛТЕР. Gino Rossi.

КРЕАТОР. Дальше. Низ. Prada

ДИРЕКТОР. Chanel. С последних показов. Не подделашь.

МЕНЕДЖЕР. Ремень от Diog. Четыре сотни. Доказательство. Чек. Espirit.

АККАУНТ. Diesel.

МЕДИАПЛАНЕР. Tatum.

КРЕАТОР. Странно.

МЕДИАПЛАНЕР. Посмотри внимательно.

БАЙЕР. Simple.

БУХГАЛТЕР. Royal Collection.

КРЕАТОР. Zara

МЕДИАПЛАНЕР. Нам.

АККАУНТ. Mango.

БУХГАЛТЕР. Promod. Осторожней. Порвешь.

БАЙЕР. Vero Moda
ДИРЕКТОР. Benetton.
МЕНЕДЖЕР. Zara Трусы Dim.
ДИРЕКТОР. Calvin Klein.
БАЙЕР. Victoria's Secret.
БУХГАЛТЕР. Triumph.
АККАУНТ. Schiesser.
МЕДИАПЛАНЕР. Intimissimi.
КРЕАТОР. Palmers. Я настоящая.
БАЙЕР. Я тоже.
МЕНЕДЖЕР. И я.
ДИРЕКТОР. Я тоже.
АККАУНТ. И я.

Тишина.

БАЙЕР. Глупо.
МЕДИАПЛАНЕР. Странно.
БУХГАЛТЕР. Холодно.
КРЕАТОР. Надо одеться.

Все одеваются, не спеша выходят.

МЕНЕДЖЕР. Застегнуть тебе платье?
БАЙЕР. Я сама.

Сцена одиннадцатая

АККАУНТ. Мне 25 лет и 99 мужиков на счету. Нет ничего проще, чем подцепить какого-нибудь перца. На них действует все. Проводишь ли языком по губам, накручиваешь волосы на палец, носишь мини или танцуешь диско. Простой путь к удовольствию, кстати, нет лучше секса, чем с женатым, особенно с тридцатилетним, ответственным, спокойным чужим мужем. Эти словно с цепи срываются. Рычат, грызут, кусают, бросаются на тебя, ра-

дуются каждой кости, лапятся и хранят верность любовнице. Я сама их выбираю, сама имею и сама бросаю. Они как свежее мясо и свежая кровь на шабаш.

Я всегда любила секс. В лицее никогда не была святошей, была нормальной. С несколькими перепихнулась на вечеринках, кое с кем встречалась, некоторых даже любила. Одного сильно. Мне было тогда 20, Давиду 25, я сразу поняла, что буду с ним. Женщины это знают. Мы познакомились на тусовке и ушли оттуда вместе, по уши влюбленные. Давид сначала говорил, что очень меня любит, хочет быть со мной, дарил маргаритки. Это был самый счастливый год. Мы должны были быть вместе до конца жизни. Боже, как мы занимались любовью! Феромоны летали в воздухе, искры сыпались. Мы трахались в кровати, на балконе, на окне, на столе, на табурете, под табуретом, на полу, на потолке, у стены, перед зеркалом, на улице, в лифте, на траве, в бассейне, в ванной, на дискотеке, танцуя, стоя, лежа, сидя. Везде!!! Никто ко мне не прикасался так, как он. Не знаю, как так вышло, но я залетела. Просто свечки не подействовали. Думала, теперь все будет просто, на год возьму академку, и будет у нас семья. Я правда этого хотела. Приготовила ужин и ждала его с тестом на беременность и пинетками. А он сказал, что я его подставила, что больше мне не доверяет и после этого не может со мной оставаться. Бросил мне деньги и вышел. Я слова сказать была не в состоянии. Почему? Ведь нам было так хорошо вместе! А он нас бросил! Меня и нашего ребенка. Одних, напуганных, опереться не на кого. Боже, как я хотела, чтобы у меня случился выкидыш, чтобы не было этой беременности. Но она была. Родители бы меня, наверное, убили. Я не знала, ни как родить этого ребенка, ни как от него избавиться. С каждым днем становилось все хуже, так как я все больше его любила. А было нельзя...

Теперь есть разные способы прерывания беременности, современные. Не надо раздвигать ноги на гинекологическом кресле, достаточно принять таблетку. В час икс

я почувствовала укол в сердце, из-за аритмии, а потом боль в животе. Пошла в туалет, спустила воду, и все позади. Только я знаю, чего мне стоило справиться с собой. Подавить страх, унять боль, заполнить пустоту и избавиться от чувства вины. И ненависти к самой себе, к Давиду, ко всему миру, к Богу, за то, что мне что-то дал и отнял. С тех пор я перестала чувствовать, словно залезла под панцирь, и никому больше не позволяла себя обижать. Никому.

Я хорошо знаю, что это — быть опустошенной и ничего не чувствовать. Знаю, как разрывают угрызения совести и боль. Шар, наполненный ничем. Меня не было, не было моего ребенка, ничего уже не было. Я ходила по улицам, смотрела на младенцев в колясках и представляла себе, каким был бы мой. Это была девочка. Знаю, женщины это знают. И знаю, что уже никогда не буду иметь детей. Это мое наказание. Но ведь существует Бог. Может, он простит? Он все может. Не помню, когда я в последний раз была в костеле. Подошла к первой же исповедальне. Плакала, каялась, просила. Ксендз сказал, что я совершила плотский, смертельный грех, что несу ответственность за убийство, а епитимьей мне будет вся жизнь. Не простил. Ничего не поделаешь. Я вышла и уже не плакала. Сказала себе «нет». Больше никто на свете меня не обидит. И никакой Бог не лишит меня удовольствий.

Теперь я не страдаю, не нуждаюсь ни в чьей любви. Никто мне не будет указывать, как жить и что чувствовать. Нет Бога, нет ада, есть только я. Кто-то ради удовольствия готовит обеды, а я получаю удовольствие оттого, что каждый день трахаюсь. Я их не люблю. Не стоит. Какой в этом смысл? Пусть мечтают обо мне. Все равно ничего не получают. Смысл в жизни только один: свобода и независимость. Иногда мне кажется, что я ничего не ощущаю, кроме ненависти и оргазма. А зачем что-то еще, к чему тут любовь? А если вдобавок по ходу дела получается разбить какую-нибудь счастливую парочку, то что еще нужно для счастья?

Сцена двенадцатая

МЕНЕДЖЕР (*по мобильному*). Привет, дорогая! И как? Бросила ее? Правда? Супер. Не переживай. Все образуется. Я с тобой. Самое главное, что мы уезжаем.

ДИРЕКТОР. Я не ослышалась?

АККАУНТ. Что?

МЕНЕДЖЕР (*по мобильному*). Позвоню вечером. Пока.

БАЙЕР. О чем песнь?

МЕНЕДЖЕР. Слушайте! Подруга уволилась с работы.

ДИРЕКТОР. И ты с ней?

МЕНЕДЖЕР. Ну что ты.

ДИРЕКТОР. Я ведь слышала, что вы вдвоем уезжаете.

МЕНЕДЖЕР. В отпуск. В Африку. План такой. Сначала Египет, потом Заир и ЮАР. Собираемся через месяц.

ДИРЕКТОР. Ты это с кем-то согласовала?

МЕНЕДЖЕР. Как раз сейчас хотела.

ДИРЕКТОР. Через месяц у нас новый проект.

МЕНЕДЖЕР. У нас всегда новый проект. Я год не отдыхала. Хочу уехать.

КРЕАТОР. Я тоже хочу.

МЕНЕДЖЕР. Они справятся.

БУХГАЛТЕР. А я не была в отпуске два года.

АККАУНТ. Все так. Я тоже.

КРЕАТОР. А Мадрид?

АККАУНТ. Только три дня. По работе.

БАЙЕР. Забиваю две последние недели июля.

МЕДИАПЛАНЕР. А я начало сентября.

АККАУНТ. Я — начало августа.

ДИРЕКТОР. Тихо. Никто не поедет без моего согласия.

МЕНЕДЖЕР. Мы это обсуждали.

ДИРЕКТОР. Менеджер команды! Африка! Сначала работа, потом удовольствия. Все хотят уехать.

МЕДИАПЛАНЕР. Я в Индию, медитации, лотос, другой мир.

БАЙЕР. Месяц автостопом по стране с каким-нибудь гитаристом. И ни до чего нет дела.

ДИРЕКТОР. Максимум неделя отпуска.

БАЙЕР. Знаю.

КРЕАТОР. Вообще отсюда уехать. Навсегда. Лучше всего с богатым итальянцем, в Рим, вилла, соседи — звезды первой величины.

БУХГАЛТЕР. Если уж на то пошло — настоящий дом. От бабушки, старый, с садом, куры, свиньи, овцы.

МЕНЕДЖЕР. Или в гостиницах.

ДИРЕКТОР. Что в гостиницах?

МЕНЕДЖЕР. Дом. Неважно где, главное — какой.

БУХГАЛТЕР. Ты ненормальная? А семья, муж?

МЕДИАПЛАНЕР. Самая большая в жизни любовь!

АККАУНТ. И венчание в костеле в белом платье. Не с каким-нибудь женатым, сексоголиком, бисексуалом, гомосексуалистом, эротоманом, трансвеститом. С нормальным.

БАЙЕР. Только без венчания. Total независимости и любовь до конца life.

АККАУНТ. И дети. Дочурка.

КРЕАТОР. Двое! Близнецы! Чтобы фигуру не испортить.

МЕДИАПЛАНЕР. Что вы несете! Минимум пятерых. А в старости камин, кресло-качалка, сигарета, полный дом людей и ноль одиночества.

БУХГАЛТЕР. Быть активной! Каждый день готовить, убирать, полоть до упаду. И так здоровенькой дожить до ста.

КРЕАТОР. Быть вечно молодой. Маски, кремы-лифтинги тройного действия, 100 лет, а выглядеть на 80.

МЕНЕДЖЕР. Вы что думаете, я не хочу жить нормально, иметь ребенка, дом, партнера, с которым не надо притворяться, узнавать людей и мир, а не пахать по 12 часов в день?

ДИРЕКТОР. А думаешь, я ни о чем не мечтаю? Я тоже хочу быть счастливой. Я, Мила и Марк, собственный остров, пальмы, дом на океане, прислуга, вторая беременность, и третья, и четвертая, а по вечерам прогулки с палочкой, еле иду, и спокойная старость.

МЕДИАПЛАНЕР. Достаточно захотеть. Само исполнится.

МЕНЕДЖЕР. Только расплачусь по кредитам.

БУХГАЛТЕР. Дело времени.

ДИРЕКТОР. Пока не исполнится сорок, заработать столько, чтобы потом вообще ничего не делать.

АККАУНТ. На машину. Два года.

КРЕАТОР. А у меня всего полтора.

МЕНЕДЖЕР. В будущем году выпустят новый «Aven-sis».

ДИРЕКТОР. Еще на три года.

БУХГАЛТЕР. Мебель на кухню и в спальню. Еще год.

КРЕАТОР. Психоаналитик. Годы.

ДИРЕКТОР. Земля и дом. Семь лет.

МЕДИАПЛАНЕР. Участок. Три года. Дом на нем построить. Еще десять.

МЕНЕДЖЕР. Поездка в Чили.

БАЙЕР. Участок у моря и дом. Вроде по случаю, но в общей сложности 5 лет.

КРЕАТОР. Телевизор, холодильник, посудомоечная машина. К счастью, только полгода.

МЕНЕДЖЕР. В следующем году на Занзибар. Когда все остальное?

БАЙЕР. Учеба 10 000 за семестр.

КРЕАТОР. Дебет 50 000.

БАЙЕР. У меня 22 000.

АККАУНТ. Чудом выплатила в прошлом месяце.

МЕНЕДЖЕР. У меня только 20 000, но потребительский кредит еще столько же.

АККАУНТ. На квартиру на 15 лет.

МЕДИАПЛАНЕР. У меня на 17.

БУХГАЛТЕР. У меня на 20.

МЕДИАПЛАНЕР. Погоди. У меня к тебе вопрос. Ты спишь с моим Виктором?

АККАУНТ. Что?

МЕДИАПЛАНЕР. Спрашиваю, ты спишь с Виктором?

АККАУНТ. С чего это тебе в голову пришло?

МЕДИАПЛАНЕР. Вижу. Мы знакомы с лица, скажи правду. Спишь с ним или нет?

АККАУНТ. Нет. Богом клянусь, что нет.

Сцена тринадцатая

БАЙЕР. Я очень люблю папу, может, даже больше, чем маму. Я его любимая доченька, а он мой лучший друг. Иногда он меня немного раздражает, и я ссорюсь с ним, но кто с кем не ссорится?! Особенно раздражает, когда он приходит ко мне без предупреждения и под пустяковым предлогом. Сегодня, например, придумал, что ему прислали какое-то уведомление. Но я-то знаю — это он меня проверяет. Неважно, дома я или нет, принимаю ванну, хожу голой или как раз завтракаю с парнем. Я чувствую себя так, будто он влезает на мою территорию в грязных сапожищах. Без стука, открывает дверь своим ключом. Иногда мне хочется его за это убить, за доброту эту, за эту улыбку на лице. Приходит и елейно спрашивает, что слышно, что делала, почему не беру трубку. Это моя жизнь, черт подери, мое время, мой мобильный. В такие минуты я его ненавижу. Я ведь замечаю, как он осматривает квартиру, меня, а потом тут же говорит, что оказался поблизости случайно или что это ради моего блага, от любви, что он просто за меня беспокоится. Я ему верю, с чего бы ему врать. Тогда эти мысли уходят. Они меня пугают, потому что в последнее время все чаще возвращаются, теснятся в голове, толкаются, не дают спать, думать, болят, кричат, давят на мозг, кружат и разрывают череп.

Боже, нет! Я вообще не знаю, что тогда со мной происходит.

А так в принципе я его люблю. Купил мне квартиру, обставил, взял специально кредит, заплатил за лучшее образование, звонит мне каждый день, покупает украшения, в последний раз — кольцо с цирконием, цветы на день рождения и именины, иногда даже без повода. Однажды принес в подарок прекрасное белье — такое красивое, красное с черными кружевами, и подчеркнул, что я не имею права показываться в нем ни одному мужчине. Что оно только для меня, что это наша сладкая тайна. Даже мама об этом не знает. Странно немного, но, в конце концов, он мой папа. В уик-энды водит меня в кино, театр, в кафе, на самом деле он заменяет мне всех парней. То есть не заменяет, но у меня, по крайней мере, есть такой заместитель. Относится ко мне как к настоящей даме — пропускает вперед, подает пальто, покупает все, что захочу, — любые шмотки, косметику, поездки. Я его маленькая принцесса. Хотя порой чувствую себя как вещь, его собственность. А мама так каждый день. Бедная. Иногда я его люблю, а иногда только боюсь и делаю вид, что люблю. Меня немного раздражает, что в 26 лет я вынуждена перед ним отчитываться, куда и с кем иду. С одной стороны, у меня есть все, с другой — ничего, никакого выбора.

Расходимся, в частности, по поводу парней. Папа самый главный, он это знает, но ведь я не выйду за него замуж. Моему папе нравятся респектабельные, солидные, воспитанные, вежливые, культурные, лучше всего в костюме, а что поделаешь, если я влюбляюсь в рок-музыкантов? Круче всех басисты, они самые мрачные, загадочные. С одним таким я потеряла девственность. Мне было 17, мы с подружкой поехали якобы к ее тете в деревню помогать на сенокосе, а на самом деле рванули на море. Там познакомились с компанией из десятка длинноволосых парней и чуть не обалдели от счастья. Колесили с ними автостопом по всей стране, пили вино, пели у костра, купались нагишом в море. Это были лучшие каникулы в моей жиз-

ни. Вернулась домой, по уши влюбленная, представила Алекса отцу — якобы познакомилась с ним в этой деревне, в поле. Алекс меня обнимал, целовал и вообще вел себя раскованно. У моего старика желваки заходили, но волю он себе дал, разумеется, потом, когда Алекс ушел, при нем-то была сама любезность: «не хотите ли чаю, коньяку». Начал орать: «Здесь я решаю, с кем тебе встречаться, сюда не будет приходить всякий сброд. Только через мой труп». Когда я сказала, что все равно сделаю так, как хочу, ударил меня по лицу с такой силой, что я упала. Тут я впервые почувствовала, что он меня уничтожает и я хочу его за это убить. А Алекс? Алекс не понимал, что я не могу поехать с ним в концертный тур, что я должна возвращаться с тусовки не позднее часа ночи, а не через два дня. И нашел себе другую, такую, которая была всегда свободна.

Кажется, больше всего самоубийств происходит по утрам в понедельник, а у меня по понедельникам нет сил даже умереть. Не хочется встать на подоконник и открыть окно. Солнце так слепит, выключите его. Папа. Я как-то уже так стояла. Тогда, после Алекса, перед выпускными. Из-за папы, папочки, ревнивого сукина сына. Ничего мне не хотелось: любить, ненавидеть, плакать, а больше всего — жить. Хотелось только смотреть вниз. С высоты десятого этажа. И еще полететь. Лететь, парить, взмывать ввысь, к солнцу, облакам, расправить крылья, раскрыть ладони и быть свободной. Кажется, человек умирает еще в полете от разрыва сердца. Падает трупом на землю. И уже ничего не чувствует, даже падения, ничего у него уже не болит.

Сцена четырнадцатая

АККАУНТ. Мне приснился сон. Я стояла на шоссе, ведущем в небо.

БУХГАЛТЕР. Мне ничего не снилось. Абсолютная пустота.

КРЕАТОР. Я видела во сне себя. Себя.

БАЙЕР. Бодрящая свежесть утра, я с парнем на лугу.

МЕДИАПЛАНЕР. Мне снился прејскурант жизни.

ДИРЕКТОР. Кровать.

МЕНЕДЖЕР. Детский сад.

АККАУНТ. Вокруг толпа людей, все проходили мимо меня, толкали, осмеивали, показывали пальцем. Мне хотелось провалиться сквозь землю, скрыться от них, бежать, но я не могла сдвинуться с места. Ноги налиты свинцом. Они смеялись, а кроссовки кричали «Не дай себя оставить».

КРЕАТОР. У меня были только глаза, язык и сердце. Странно, да? Все происходило у меня дома. Я стояла перед шкафом и выбирала новую кожу, самую безупречную, шелковистую модель. Укрепляющую, увлажняющую, антицеллюлитную, лимфодренажную, против растяжек. Примерила их тысячу и одну, но все было не то.

БАЙЕР. Мы лежали на траве, грелись на солнце и слушали утреннее шоу — музыку, с которой легко. Вуе вуе монотонность. За секунду небо затянуло тучами, и сверху посыпались камни. Легче, чем летний дождь, нежнее, чем поцелуй.

МЕДИАПЛАНЕР. Блузка по кредитной карте 300, сапоги 800, отпуск 4000, машина 70 000, квартира 250 000. Воспоминания, страсть, проведенные вместе минуты, противоречивые чувства — бесценны. Я открыла кошелек и вынула монетку. На свою беду.

ДИРЕКТОР. Кровать king-size. Сто квадратных метров. Вокруг голые стены. Я лежала на ней одна и дрожала, я не ела уже месяц. И пришел ко мне холодильник, открыл дверь и сказал: «Съешь, сколько сможешь». Заглядываю туда, а там пусто.

МЕНЕДЖЕР. Все дети были красиво одеты, у них было много игрушек, сладостей и мобильных телефонов. Они жевали жвачку и кричали: «Коля любит! Оля любит! Все

любят. И Сережа тоже». А я стояла в рваном платье, в углу и плакала, потому что меня никто не любил.

БУХГАЛТЕР. Нет, снилось. Аромат счастья. Флакон духов больше меня. На этикетке написано: «Это твой шанс, не упусти его». Я сделала глубокий вдох, испытала блаженство, прикрыла глаза и улыбнулась миру. Сто литров блестящих возможностей. Запас на всю жизнь.

АККАУНТ. «Не дай себя остановить. Just do it.». Я разозлилась, сняла кроссовки и босиком побежала на стоянку. Села в машину, завела двигатель, дала задний ход, поехала и вдруг почувствовала себя самой женственной и умной на свете. Я воскресла, ведь жизнь прекрасна.

КРЕАТОР. Я взяла самую дорогую кожу, просто супер. Надела ее и стала собой. Волосы заблестели, губы в два раза увеличились в объеме, ресницы стали в три раза длиннее, морщинки исчезли на 80%. Я во всей красе, как новая. Идеальная фигура. Безупречный вкус. Ведь я этого достойна.

БАЙЕР. Парень вытащил меня из-под груды камней, поставил на ноги и дал подпорки. Две палки. У меня все болело. Я не могла идти. Небо снова нахмурилось, и посыпались болеутоляющие, обезболивающие хлопья снега. Перед использованием я ознакомилась с инструкцией, откинула голову и открыла рот. Действовали быстро и эффективно. Направленное действие против боли.

МЕДИАПЛАНЕР. Я вошла в банк, в новое отделение. Мужчина в костюме сказал: «Нам доверяют свои желания». — «Дайте кредит на жизнь». — «Пожалуйста». До утра я ходила по магазинам и за все, что хотела, платила кредиткой.

ДИРЕКТОР. Под утро кто-то позвонил в дверь. Я сползла с кровати. Это был лемур с посылкой от мужчины. На карточке он написал: «Не тормози. Тирамисни!» Остановись, мгновенье, ты прекрасно. Не кончайся.

МЕНЕДЖЕР. Мне снился телевизор. 24 часа в сутки показывали одну меня по всем каналам. У меня был самый

высокий рейтинг, я была VIP. Пошла на вечеринку мертвецов и в полночь получила эсэмэс: «Бери от жизни все». Тут зазвонил будильник, я проснулась и, как обычно, пошла на работу.

Конец

Варшава, 2004

СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ СЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ МИРА РЕКЛАМЫ

AGB — компания, занимающаяся исследованием телевизионных рейтингов.

GRP (Gross Rating Point — *англ.*) — сумма рейтингов всех выходов рекламных сообщений в рамках данной рекламной кампании.

Research (*англ.*) — исследования рынка.

Share (*англ.*) — процентная доля на рынке.

Адверториал (*англ. advertorial*) — платная текстовая реклама в прессе.

Аккаунт (*англ. account*) — осуществляет контакт с клиентами, обслуживает и реализует с финансовой стороны рекламную кампанию.

Байер (*англ. media buyer*) — покупает рекламное время и рекламные площади для клиентов издательского дома или агентства.

Брейк (*англ. break*) — рекламный блок.

Бриф (*англ. brief*) — документ, содержащий упорядоченный список целей и задач рекламной кампании.

Дедлайн (*англ. deadline*) — крайний срок.

Кавер (*англ. cover*) — обложка.

Клаттер (*англ. clutter*) — рекламный шум.

Копи (*англ. copy*) — текст рекламы.

Копирайтер (*англ. copywriter*) — придумывает тексты рекламы, рекламные слоганы и девизы.

Креатор (*англ. creator*), или креативный директор, — отвечает за концепцию и визуальный образ рекламного проекта.

Лэйаут (*англ.* layout) — макет.

Медиапланер (*англ.* media planner) — отвечает за планирование и бюджет рекламной кампании.

Прайм тайм (*англ.* prime time) — время наиболее высоких рейтингов.

Рейтинг (*англ.* rating) — процент целевой аудитории, который увидит конкретный рекламный выпуск.

Си-Пи-Пи (*англ.* CPP, Cost Per Point) — стоимость одной демонстрации рекламы одному проценту целевой аудитории.

Таргет (*англ.* target) — целевая аудитория.

Флайт (*англ.* flight) — этап рекламной кампании.

Флоучарт (*англ.* flowchart) — графическая презентация плана рекламной или маркетинговой деятельности компании.

Хэдлиин (*англ.* headline) — заголовок или слоган.

Марек Прухневский

ЛЮЦИНА И ЕЕ ДЕТИ

Перевод Ольги Катречко.
© by Marek Pruchniewski

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЮЦИНА, тридцать лет

ЯЦЕК, тридцать с небольшим, немного старше Люцины

РОДИТЕЛИ ЯЦЕКА:

БАБКА, шестьдесят лет

ДЕД, шестьдесят три года

ДЕТИ ЛЮЦИНЫ:

КАСЯ, девять лет

ВОЙТЕК, семь лет

ПЁТРЕК, пять лет

1-Я ЖЕНЩИНА, за пятьдесят

2-Я ЖЕНЩИНА, около пятидесяти

ОЛЯ, около сорока, одинокая, разведенная

СВЯЩЕННИК (КСЕНДЗ), около сорока

КОВАЛЬСКАЯ, ровесница Бабки

АЛТАРНИК (МИНИСТРАНТ)

Сцена 1

Двор перед домом. ЛЮЦИНА развешивает белье на веревке, натянутой через двор. Ветрено и холодно. ЛЮЦИНА вешает три курточки от спортивных костюмов. Все одного цвета, только разного размера. От самой большой до самой маленькой. Оставляет свободное место на веревке и вешает штаны. Затем три футболки, снова пустое место и дальше развешивает нательное белье. Наконец заканчивает, садится на колду, пытается закурить. Спички одна за другой гаснут от порывов ветра.

Ненадолго выглядывает солнце. ЛЮЦИНА прикрывает глаза.

Сцена 2

Кухня. Кафельная печь. Буфет шестидесятых годов. У окна стол. В окно видны двор и дорога. За столом сидит БАБКА. ЛЮЦИНА возвращается с пустым тазом.

БАБКА. Быть дождю. Вчера надо было стирать.

ЛЮЦИНА. Вчера я не могла.

БАБКА. Не могла... Да не хотелось тебе...

ЛЮЦИНА. Я была на собрании в школе...

БАБКА. Могла б сказать, кто-нибудь сходил бы.

ЛЮЦИНА. Это мои дети.

БАБКА. Твои сопляки... Все время бегают и кричат. Слышишь? Бегают и кричат... *(Замечает белье.)* Да что ты сделала с этим бельем?

ЛЮЦИНА. А в чем дело, мама?

БАБКА. Не мать я тебе. Сколько раз повторять. Сколько? Не нужна мне была невестка... Слышишь, что я говорю?

ЛЮЦИНА молчит.

БАБКА. Ну как ты повесила белье? Не могла, что ли, по порядку, чтобы все рядом?.. Ну что это? Чего ты стоишь?

Входит ДЕД, разминувшись с ЛЮЦИНОЙ.

ДЕД. Что случилось?

БАБКА. Ленивая корова... Погляди, что она сделала... Белье даже не умеет повесить... Глянь, как развесила. Ты чего здесь ходишь?

ДЕД. Есть хочу.

БАБКА. Нет еще ничего, она белье вешала.

ДЕД. Ты постоянно на нее кричишь.

БАБКА. Ничего другого она не заслуживает. Забыл уже, как все было?.. Старый склеротик... Забыл все? Забыл?

ДЕД. Помню я все...

БАБКА. Хрен ты помнишь... Да ты не помнишь, что ел на завтрак... Ну?.. Вспомни...

ДЕД молчит.

БАБКА. Ну вот... Даже это не помнишь. Даже это...

Сцена 3

Ночь. Второй этаж дома. ЛЮЦИНА не спит. В соседней комнате спят дети. Отзвук открывающейся входной двери. Возвращается ЯЦЕК. Входит в комнату на втором этаже.

ЯЦЕК. Спишь?

ЛЮЦИНА. Нет.

ЯЦЕК. Я не успел на автобус.

ЛЮЦИНА. Ты никогда не успеваешь.

ЯЦЕК. Сюда ничего не шло.

ЛЮЦИНА. Никогда не идет.

ЯЦЕК. Чего это ты?

ЛЮЦИНА. Ничего. Приготовлю что-нибудь поесть.

ЯЦЕК. Я не голоден.

ЛЮЦИНА. Ты ел и пил.

ЯЦЕК. Самую малость... *(Обнимает ее.)*

ЛЮЦИНА. Ты что? Детей разбудишь. Перестань...
День сегодня плохой...

ЯЦЕК. Ты всегда так говоришь. Всегда одно и то же...
Я же знаю, чего ты хочешь.

ЛЮЦИНА. Пусти.

ЯЦЕК. Знаю.

Сцена 4

Утро. ЯЦЕК еще в постели. ЛЮЦИНА проветривает комнату.

ЯЦЕК *(укрывается)*. Холодно... Закрой.

ЛЮЦИНА. Нам надо...

ЯЦЕК. Закрой. Я есть хочу.

ЛЮЦИНА. Сейчас...

ЯЦЕК. Где они?

ЛЮЦИНА. Они? Почему ты не скажешь «дети»?

ЯЦЕК. А я как говорю?

ЛЮЦИНА. Скажи. Ну, скажи. Где наши дети?

ЯЦЕК. Я и спрашиваю. Где они? *(Пауза.)*

ЛЮЦИНА. Кася и Войтек в школе... А Петрусь играет
рядом в комнате.

БАБКА *(кричит снизу)*. Яцек, я знаю, что ты приехал...
Что ты там делаешь?

ЛЮЦИНА. Нам надо поговорить...

ЯЦЕК. Поговорить? Мы же говорим.

БАБКА. Яцусь, поди-ка сюда, к маме... Я тебя жду.
Яцек.

ЛЮЦИНА. Пожалуйста...

ЯЦЕК. Что тебе надо? (*Матери.*) Сейчас приду... Опять ты за свое?

БАБКА. Сколько мне ждать?

ЛЮЦИНА. Ну, иди, может, она тебе скажет, что наконец-то решила...

ЯЦЕК. Опять ты... (*Идет к матери.*) Я сейчас вернусь.

Сцена 5

ЖЕНЩИНЫ возле статуи Богоматери с младенцем, гребут граблями, наводят порядок. Быстрым шагом проходит ЛЮЦИНА, ведет, скорее тянет за руку ПЁТРЕКА. ПЁТРЕК постоянно оборачивается и смотрит на ЖЕНЩИН возле статуи.

ЛЮЦИНА. Добрый день. (*Быстро проходит мимо женщин, опустив голову.*)

2-Я ЖЕНЩИНА. Слава Иисусу...

1-Я ЖЕНЩИНА. Ведь живут совсем рядом, и никому нет дела... Цветы не поменяют. Сорняки не вырвут.

КОВАЛЬСКАЯ. Не припомню, чтобы из них кто-нибудь пришел в храм на майские богослужения¹...

2-Я ЖЕНЩИНА. Она как-то приходила...

1-Я ЖЕНЩИНА. Да когда это было? Только в самом начале, как поселилась у них.

КОВАЛЬСКАЯ. И не диво... Неизвестно даже, венчались ли старики?..

2-Я ЖЕНЩИНА. Она, кажется, уже раз убежала.

1-Я ЖЕНЩИНА. Если б только раз. Собаке в конуре живется лучше, чем ей у них. Даже страшно говорить. Поверьте.

2-Я ЖЕНЩИНА. А может, все это пустое? Мало ли чего люди болтают...

¹ Речь идет о майских богослужениях, посвященных исключительно Богородице.

1-Я ЖЕНЩИНА. Дай Бог, чтоб так было...
КОВАЛЬСКАЯ. Понапрасну говорить не станут.

Сцена 6

ЛЮЦИНА и ЯЦЕК одни в комнате.

ЯЦЕК. Да в чем, собственно, дело? В чем?

ЛЮЦИНА. Каждый день, с утра до вечера... как...

ЯЦЕК. Она старая и больная. Где уж ей работать.

ЛЮЦИНА. Я всю работу по дому делаю. Убираю, стираю, готовлю на всех... Целый день по хозяйству... Если надо, иду в поле...

ЯЦЕК. Да в чем дело?

ЛЮЦИНА. Мы можем жить одни.

ЯЦЕК. Одни?

ЛЮЦИНА. Я могу пойти работать. Нельзя сидеть здесь и ждать, пока она смилостивится.

ЯЦЕК. О чем ты говоришь? Ты — на работу? На какую работу? Где она работа... не видишь, что творится, нет никакой работы. Нет.

ЛЮЦИНА. Ведь я могу...

ЯЦЕК. Прекрати. Здесь наш дом.

ЛЮЦИНА. Это дом твоей матери.

ЯЦЕК. Другого у нас нет.

ЛЮЦИНА. Но он может быть...

ЯЦЕК. Ты сама не понимаешь, что говоришь... Скажи: как, где? Ну, скажи...

ЛЮЦИНА. Как-нибудь справимся. Яцек...

ЯЦЕК. Нет, ты не понимаешь, что говоришь... Понятия не имеешь, о чем говоришь. Слышишь... ни малейшего... (Пауза.)

ЛЮЦИНА. Ты не дал мне денег. Надо купить Войтеку ботинки.

ЯЦЕК У матери есть...

ЛЮЦИНА. Ты ей отдал?.. Наши деньги?

ЯЦЕК. Мои деньги.

ЛЮЦИНА. И я должна теперь... чтобы хоть что-то купить...

ЯЦЕК. Да в чем, черт побери, дело? Мы живем вместе.

ЛЮЦИНА. Именно в этом... Именно об этом я и говорю. Сколько ты собираешься ждать? Сколько?..

ЯЦЕК. Я жду своего часа, слышишь: своего часа. (*Помолчав минуту.*) Было у тебя когда-нибудь что-то лучше?.. Ну, было? Напомнить тебе?.. Хочешь? Забыла уже? Может, в приюте тебе было лучше? Ну, вспомни.

ЛЮЦИНА. Отстань.

ЯЦЕК. Ты первая начала.

Сцена 7

ДЕД и БАБКА. В кухне.

БАБКА. Ты чего сидишь?

ДЕД. Хорошо мне, вот и сажу.

БАБКА. Всю жизнь так сидишь...

ДЕД. Муха какая тебя, что ли, укусила?

БАБКА. Укусила... Подай сахар...

Дед подает.

ДЕД. Сколько ты сахара кладешь?

БАБКА. Не тебе небось. Сколько хочю, столько кладу.

ДЕД. Могла бы...

БАБКА. Что?

ДЕД. Немного и мне положить...

БАБКА. Ну что ты несешь, старый хрыч?

ДЕД. Да я так только.

БАБКА. Думаешь, я не вижу... как ты пялишься на ее задницу...

ДЕД. Это ты черт-те что несешь.

БАБКА. Делом займись... Огород надо вскопать.

ДЕД. Это его работа, он молодой...

БАБКА. С каких это пор стало его работой?

ДЕД. Сейчас вот и стало.

БАБКА. У него своя работа.

ДЕД. Лежать кверху брюхом...

БАБКА. Целый месяц его не было. Ишачил с утра до ночи. На эту прорву дармоедов.

ДЕД. Значит, хотел.

БАБКА. Ты совсем сдурел.

ДЕД. Я знаю, что говорю.

БАБКА. Иди-ка ты лучше отсюда. Копай... Ступай, по-хорошему тебе говорю.

Сцена 8

БАБКА и ЯЦЕК. В кухне.

БАБКА. Ты чего так рано поднялся?

ЯЦЕК. Мы едем в город.

БАБКА. Это кто же?

ЯЦЕК. Я... Люцина...

БАБКА. Ты что говоришь? Не успел вернуться... Отдохни маленько...

ЯЦЕК. Отдохну... отдохну днем... Дай денег, нам надо кое-что купить.

БАБКА. Что купить?

ЯЦЕК. Что надо...

БАБКА. Вздумал тратить деньги на ее прихоти?... Забыл, как вы жили в городе? Ей никогда не хватало... Никогда.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Все спускала... Уже не помнишь, чем тебя кормила?! Ломаного гроша не дам на ее прихоти.

ЯЦЕК. Это не...

БАБКА. Гроша не дам... Я свое слово сказала!

Сцена 9

Ночь. ЛЮЦИНА не спит. Слышны отголоски со двора. Возвращается ЯЦЕК. Пьяный. ЛЮЦИНА в панике начинает одеваться. Осторожно спускается в кухню, хочет выйти из дома. Но в кухне ЯЦЕК.

ЯЦЕК. Ждешь... Ждешь меня...

ЛЮЦИНА. Ты напился. Ты пьяный.

ЯЦЕК. Я тоже жду... *(Хочет подойти к ней, но мешая стол.)* Не веришь?

ЛЮЦИНА. Ты пьяный.

ЯЦЕК. Ну выпил чуток... *(Набрасывается на Люцину.)*

ЛЮЦИНА увертывается, обежав стол. Какое-то время они бегают вокруг стола. ЛЮЦИНА отчаянно защищается. В конце концов оказывается в объятиях ЯЦЕКА.

ЯЦЕК. Теперь чувствуешь?

ЛЮЦИНА. Отпусти... Яцек. Нет... слышишь?! Нельзя нам!..

ЯЦЕК. Тихо...

ЛЮЦИНА. Слышишь, нельзя...

ЯЦЕК. Да заткнись ты наконец! *(Ударяет Люцину, а потом грубо насилует.)*

Сцена 10

Утро. ЯЦЕК готовится к отъезду.

ЯЦЕК. Ну, чего ты?

ЛЮЦИНА подает ему рубашку.

ЯЦЕК. Ну, скажи что-нибудь... Скажи... Слышишь?! Ты чего? Язык проглотила? Говори же. *(Трясет молчащую Люцину.)* Отвечай. Ну!

ЛЮЦИНА. Твои руки были нежные и теплые. От тебя не несло перегаром и болью. Я помню, как ты обнял меня... первый раз. Дрожащими руками... Словно не знал, что делать... Взял меня сюда... и... *(Замолкает.)*

ЯЦЕК. О чем ты? Ну, о чем? Ты же знаешь, я как выпью... Дурной становлюсь. Знаешь ведь. Совсем теряю рассудок...

ЛЮЦИНА. Ты меня обманул.

ЯЦЕК. Не понимаешь, почему?

ЛЮЦИНА. Слышишь? Обманул.

ЯЦЕК. Заткнись. Да заткнись ты наконец.

Сцена 11

Квартира ОЛИ. ЛЮЦИНА стоит у окна и курит.

ОЛЯ. Боже, как ты выглядишь. Покажи... Фингал страх какой. Почему... ты с ним живешь?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Брось его... брось их всех. Можешь ведь начать все сначала... Ты молодая... Посмотри, посмотри на себя. *(Тянет ее к зеркалу.)* Глянь, посмотри на себя. Приведи себя в порядок... Сделай что-нибудь с волосами... Видишь? Возьми детей... Ты слышишь, что я тебе говорю?

ЛЮЦИНА. Не могу.

ОЛЯ. Не можешь? Чего ты не можешь? Ради бога, чего ты не можешь? Ты можешь... Люцина... Я дам тебе адрес... она занимается разводами... Хорошая баба. Деловая, нормальная. Ну...

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Она мне помогла. Берет недорого... Если понадобится, я тебе дам займы... Люцина... Сама видишь... *(Отбрасывает у нее со лба волосы.)* Ты только погляди.

ЛЮЦИНА смотрит на свое отражение в зеркале.

ОЛЯ. Видишь? Господь милостивый, сколько людей начинает все сначала. Во всех газетах об этом пишут. (*Садится рядом с Люциной, смотрит на себя в зеркало.*)

Сцена 12

Кухня. Дети носятся сломя голову. ПЁТРЕК гоняется за ВОЙТЕКОМ вокруг стола. Потом они меняются ролями.

ЛЮЦИНА. Перестаньте... слышите?

Дети по-прежнему бегают как угорелые.

Уймитесь... (*Пытается поймать Пётрека.*) Идемте на чердак за бельем.

Дети бегут за ЛЮЦИНОЙ на чердак, носятся между простынями.

ЛЮЦИНА. Прекратите же наконец...

ПЁТРЕК. Он меня поймает... Он сейчас меня поймает...

Один из мальчиков хватается за простыню и прячется за ЛЮЦИНУ. Бегая вокруг нее, обматывает ЛЮЦИНУ простыней. Запутавшись в простыне, она не может устоять на ногах, приседает.

ЛЮЦИНА. Вы все испачкаете... Перестаньте.

Мальчики видят в сложившейся ситуации новый повод для игры. Со смехом заматывают всю ЛЮЦИНУ простыней. ЛЮЦИНА не сопротивляется и дает себя полностью обмотать, становясь похожей на белый кокон. Очередные витки простыни закрывают ее лицо и всю голову. Какое-то время она стоит неподвижно. Мальчики перестают бегать и кричать.

ПЁТРЕК. Ты что наделал?
ВОЙТЕК. Я?

Вдруг ЛЮЦИНА, зашевелившись, начинает их пугать. Они снова хотят.

Сцена 13

ЛЮЦИНА одна в кухне, настороженно оглядывается вокруг и прислушивается. Наконец снимает телефонную трубку, достает бумажку, набирает номер.

ЛЮЦИНА. Пани адвокат... это Люцина Зберская... Я звоню вам по рекомендации Оли Новиш...

АДВОКАТ. Да, она меня предупреждала... Ну так что... будем разводиться?

ЛЮЦИНА. Я бы хотела... *(Во время всего разговора она стоит и нервно озирается по сторонам.)*

АДВОКАТ. Пьет и бьет?

ЛЮЦИНА. Да.

АДВОКАТ. Результаты экспертизы?

ЛЮЦИНА. Что?

АДВОКАТ. У вас есть справка от врача о нанесенных телесных повреждениях?

ЛЮЦИНА. Нет.

АДВОКАТ. Вы вызывали полицию?

ЛЮЦИНА. Нет.

АДВОКАТ. Они бы все равно не приехали... Да, но что-то нам надо иметь. Он отдает вам деньги?

ЛЮЦИНА. Отдает... своей матери.

АДВОКАТ. Сколько у вас детей?

ЛЮЦИНА. Трое...

АДВОКАТ. Хорошо... но что-то нам надо иметь. Справку от врача, свидетелей, что угодно.

ЛЮЦИНА молчит.

АДВОКАТ. Вы должны что-нибудь раздобыть. И тогда приходите в консультацию... Мы сядем и напишем заявление. Все будет хорошо.

ЛЮЦИНА молчит.

АДВОКАТ. Значит, договорились...

ЛЮЦИНА. Да. Большое спасибо... До свидания. (*Кладет трубку.*)

Входит со двора ПЁТРЕК, руки у него перепачканы краской.

ПЁТРЕК. Куда мы пойдем?

ЛЮЦИНА. На кого ты похож!

ПЁТРЕК. Мы красили с дедушкой.

ЛЮЦИНА. Без кисти?

ПЁТРЕК. Ну, скажи!

ЛЮЦИНА. Ты сейчас здесь что-нибудь запачкаешь.

ПЁТРЕК. Мы пойдем куда-нибудь?

ЛЮЦИНА. Может быть.

ПЁТРЕК. Куда?

ЛЮЦИНА. Что куда?

ПЁТРЕК. Куда пойдем?

ЛЮЦИНА. Не знаю. Поди к колонке и вымой руки.

ПЁТРЕК. Не получится...

ЛЮЦИНА. Что не получится?

ПЁТРЕК. Это масляная краска... Дедушка сказал, надо вытереть.

ЛЮЦИНА. Тогда вытри.

ПЁТРЕК. Мы вместе поедем? Не так, как в последний раз. Ты никого не оставишь?

ЛЮЦИНА молчит.

ПЁТРЕК. Ну, обещай.

ЛЮЦИНА. Ты сейчас что-нибудь испачкаешь.

ПЁТРЕК. Обещай.

ЛЮЦИНА. Не слышишь, что я тебе говорю?

ПЁТРЕК. Обещай.

ЛЮЦИНА. Обещаю.

ПЁТРЕК. Возьмешь меня, Войтека и... Касю. Ну...

ЛЮЦИНА. Я же обещала. Поди и вымой наконец руки.

Сцена 14

ЛЮЦИНА у печи. БАБКА ест, сидит спиной к ЛЮЦИНЕ.

БАБКА. Ну что ты все вертишься перед глазами? Сядь же наконец. Поесть спокойно нельзя... Как собака вокруг кости.

ЛЮЦИНА садится. БАБКА ест.

БАБКА. Чего ты ждешь?

ЛЮЦИНА. Я не голодная.

БАБКА. Чего ты такая серая... краше в гроб кладут. Давай ешь. Ну... Похоже, тебя сейчас вырвет... А ну-ка, погляди на меня. Посмотри мне в глаза. (*Почти силой поворачивает ей голову.*) Опять? (*Пауза.*) Сука ненасытная! Опять понесла. О чем только, корова, ты думаешь? Сколько мне этих сопляков здесь будет бегать... Сколько? Ну, скажи, сколько?

ЛЮЦИНА. Я говорила...

БАБКА. Говорила... что говорила?!

ЛЮЦИНА. Я говорила, что нельзя... Он не послушал... Он никогда не слушает.

БАБКА. Ты уже сказала кому-нибудь? Протрепалась? Отвечай.

ЛЮЦИНА. Нет.

БАБКА. Никому?

ЛЮЦИНА. Никому.

БАБКА. Помни, ни слова. Никому. Чтоб никто не заметил... Как будто ничего нет. А ну покажи. (*Поднимает блузку Люцины.*) Носи одежду пошире... Слышишь, что я тебе говорю? Надо затянуть бинтом. (*Достает из шкафчика бинт*). А ну, подойди ближе. (*Начинает ее обматывать*).

ЛЮЦИНА. Убери руки!

БАБКА. Ты это нарочно... хочешь, чтобы он надорвался, вкалывая на твоих выродков. Этого хочешь... И чтоб никто не узнал! Запомни. Никто. Чего расселась? А ну... Чтоб глаза мои тебя не видели.

ЛЮЦИНА уходит.

Чертова сука.

Сцена 15

ЛЮЦИНА бежит по дороге в лес. Устав, садится на освещенной солнцем укромной полянке. Слышно пение птиц. Она ложится на землю. Щекой прижимается к земле, лежит так некоторое время. Потом встает, трогает рукой живот. Скидывает с плечей бретельки, задирает блузку, разматывает бинт. Блузка опадает на живот, не стянутый бинтом. ЛЮЦИНА кладет на живот руку. Замирает. Вдруг слышится треск сломанной ветки на противоположной стороне поляны. ЛЮЦИНА, резко одернув блузку, хватается за бинт. В панике прячется в густых кустах, прислушивается. Пытается обмотать бинтом живот.

Снова замирает, снова прислушивается. Затем продолжает обматываться бинтом. Закончив, одергивает блузку. Быстро уходит.

Сцена 16

Приходский храм. Перед костелом рабочие что-то ремонтируют. Главная дверь в храм широко открыта. ЛЮЦИНА стоит у колонны. С левой стороны — исповедальня. Пустая. На подушечке лежит требник и епитрахиль. Из ризницы выходят две женщины, ставят цветы на алтарь. Они замечают ЛЮЦИНУ, смотрят в ее сторону. ЛЮЦИНА отступает к выходу и чуть не налетает на ксендза.

ЛЮЦИНА. Слава Иисусу.

КСЕНДЗ. Во веки веков. Вы исповедоваться?

ЛЮЦИНА растерялась, не знает, что сказать.

КСЕНДЗ. Через четверть часа... Вы... Я знаю. Вы живете рядом с Богородицею... трое детей...

Девочка и два мальчика.

ЛЮЦИНА. Да.

КСЕНДЗ. Я сейчас подойду. Вы уже подписали?

ЛЮЦИНА. Что?

КСЕНДЗ. Протест против убийства нерожденных детей. Там на столике возле хоров лежит петиция. Через пятнадцать минут буду в исповедальне. *(Направляется к рабочим.)*

ЛЮЦИНА какое-то время стоит в замешательстве. Затем преклоняет колени, поднимается и выходит. КСЕНДЗ перед костелом показывает что-то рабочим. Видит уходящую ЛЮЦИНУ.

КСЕНДЗ. Постойте... *(Люцина не слышит. Ксендз замечает, что рабочие сделали что-то неправильно.)* Это не так должно было быть... Я же говорил.

Сцена 17

ПЁТРЕК и ВОЙТЕК в углу двора. Пытаются поймать котенка.

ВОЙТЕК. Ну, держи... Убежал.

ПЁТРЕК. Вон он сидит...

ВОЙТЕК. Подожди.

ПЁТРЕК. Я его поймаю.

ВОЙТЕК. Не надо.

ПЁТРЕК. Поймаю.

ВОЙТЕК. Стой на месте... Попался. Вот он. Держи.

ПЁТРЕК. Я же держу.

ВОЙТЕК. Давай резинку.

ПЁТРЕК ищет резинку.

ВОЙТЕК. Куда ты ее засунул?

ПЁТРЕК. Вот она.

ВОЙТЕК. Ну же. Давай.

ПЁТРЕК. Я...

ВОЙТЕК. Держи. (*Надевает черную резинку котенку на шею.*) Никто не догадается... Видишь, ничего не заметно. (*Приглаживает шерсть в том месте, где у котенка на шее резинка.*)

ПЁТРЕК. И что теперь?

ВОЙТЕК. Ничего.

ПЁТРЕК. Ничего?

ВОЙТЕК. Сперва ничего. Потом он перестанет есть... отощает...

ПЁТРЕК. А потом?

ВОЙТЕК. Сдохнет.

ПЁТРЕК. Сдохнет?..

КАСЯ. Что вы там делаете?

ВОЙТЕК. Не твое дело...

КАСЯ. Пётрек, что вы делаете?

ПЁТРЕК. Войтек...

ВОЙТЕК. Заткнись.

КАСЯ. Что Войтек?

ВОЙТЕК. Не твое дело.

КАСЯ. Пётрек... что там у вас?.. Покажи... Ну же.

ПЁТРЕК. Котенок.

КАСЯ. Вы спятили... Что вы хотели с ним сделать?

ПЁТРЕК. Это он.

ВОЙТЕК. Что он? Ты сам хотел...

КАСЯ. Что вы ему сделали? Дай его... Ну же. Чего ждете?

ПЁТРЕК подает котенка КАСЕ.

ПЁТРЕК. Войтек надел на него...

ВОЙТЕК. Кретин.

ПЁТРЕК. Сам ты...

КАСЯ. Что надел?!

ПЁТРЕК. Резинку...

КАСЯ. Что?

ПЁТРЕК. Резинку на шею... чтобы он постепенно сдох.
(Ищет резинку на шее у котенка.)

КАСЯ. Вы совсем сдурели... Идиоты. Идите домой. Я все расскажу маме.

ВОЙТЕК. Ябеда.

КАСЯ. Дебил.

Сцена 18

ЛЮЦИНА в ванной комнате. Вытирается полотенцем. Смотрит на свое отражение в зеркале. Затем берет бинт. Начинает обматывать живот.

Открывается дверь, входит свекровь.

БАБКА. Туже... слышишь: туже. (Стягивает бинт вокруг живота Люцины. Затем уходит.)

ЛЮЦИНА стоит неподвижно, смотрит в зеркало, одевается и выходит.

Сцена 19

Две ЖЕНЩИНЫ возле статуи Богоматери с младенцем. Меняют цветы, гребут граблями вокруг и т.д.

2-Я ЖЕНЩИНА (*ставя под статуей свежие цветы*).
Давно я ее не видела...

1-Я ЖЕНЩИНА. Кого?

2-Я ЖЕНЩИНА. Люцину... (*Кивает на дом.*)

КОВАЛЬСКАЯ. Не любит показываться людям на глаза... Избегает, сторонится, ходит задворками. Совсем запуганная...

1-Я ЖЕНЩИНА. Они там все такие... не того... вот и она свихнулась.

КОВАЛЬСКАЯ. Можно подумать, у них там черт поселился.

2-Я ЖЕНЩИНА. Болтовня...

1-Я ЖЕНЩИНА. Только не говорите, что не знаете, о чем речь...

2-Я ЖЕНЩИНА. Пустое...

1-Я ЖЕНЩИНА. Вы же знаете...

2-Я ЖЕНЩИНА. Что знаю? Ничего я не знаю... Ничего. Знаю, что цветы совсем завяли.

1-Я ЖЕНЩИНА. Просто не хотите знать...

2-Я ЖЕНЩИНА. Что знать?

КОВАЛЬСКАЯ. То, что Люцина снова брюхатая.

2-Я ЖЕНЩИНА. Ну и что в этом плохого?

КОВАЛЬСКАЯ. А то, что вроде есть ребенок, а завтра его уже нет. То-то она сейчас живот не выставляет напоказ...

Сцена 20

В квартире ОЛИ.

ОЛЯ. Ты беременна... и чтоб никто об этом не узнал? Господи, что ты говоришь?

ЛЮЦИНА. Никто. Слышишь?

ОЛЯ. Никто?

ЛЮЦИНА. Никто.

ОЛЯ. Как... как ты это себе представляешь?

ЛЮЦИНА поднимает блузку. Показывает бинт. ОЛЯ смотрит потрясенная. Потом дотрагивается до стянутого на животе бинта.

ОЛЯ. Боже, почему?..

ЛЮЦИНА. Не спрашивай... Слышишь? Ни о чем не спрашивай. Умоляю. Никому ни слова.

ОЛЯ. Люцина...

ЛЮЦИНА. Никому.

ОЛЯ. Но...

ЛЮЦИНА (*опускает блузку*). Она...

ОЛЯ. Она? Свекровь?..

ЛЮЦИНА. Мне надо было кому-нибудь сказать.

ОЛЯ. Люцина...

ЛЮЦИНА быстро выходит. ОЛЯ остается одна.

Я приеду.

Сцена 21

ЯЦЕК, БАБКА и ДЕД в кухне за столом.

БАБКА. Чего так сидишь?

ДЕД. Может, по маленькой? А, Яцек...

БАБКА. С утра уже нейметя?

ДЕД. Может, да, а может, нет... Какое тебе, баба, дело?

БАБКА. Ты на мои пьешь, старый алкаш.

ДЕД. С родным сыном нельзя выпить?

БАБКА. Вот как теперь заговорил... Забыл, как было? Забыл?

ДЕД. Как было, так было.

БАБКА. Да ты, как только увидел брюхо, так и не просыхал. А я должна была горбатиться и на ребенка, и на тебя. Если бы не вытащила тебя тогда из-под забора... Водка и чахотка тебя бы скосили... Разве не так было? Скажи: не так? Ты жив, потому что я не хотела, чтобы он был сиротой.

ДЕД. Что было, то было.

ЯЦЕК. Ну чего вы?

БАБКА. Пей, пей на здоровье...

Через минуту.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Что?

ЯЦЕК. Когда...

БАБКА. Что когда?

ЯЦЕК. Когда...

БАБКА. Ты чего заикаешься?

ЯЦЕК. Ну, когда, все это... Ну, на меня... перепишешь, ты говорила...

БАБКА. А чего ты так торопишься? Не суетись, всему свое время...

ЯЦЕК. Папа?..

ДЕД молчит.

ЯЦЕК. Так... было бы лучше.

БАБКА. Лучше? Для кого?

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Может, для нее лучше... а?

ЯЦЕК. Я говорю о себе...

БАБКА. Ты же знаешь, я тебя в обиду не дам.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Знаешь?

ЯЦЕК. Знаю... но...

БАБКА. Не спеши... (*Мужу.*) Отлипни от этой печки...

ДЕД. Да не разжигается... (*Из печи валит дым.*) (*Яцеку.*)

Все будет как надо. Увидишь.

ЯЦЕК. Когда? Ну, когда? Ведь все по-твоему... Все деньги тебе отдаю, ничего себе не оставляю, даже на сигареты...

БАБКА. На пиво-то оставляешь... Плохо тебе? Здесь спишь, здесь ешь.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. А что? Ей хочешь отдавать? И это все... тоже, да?

Сцена 22

БАБКА сидит за столом, КОВАЛЬСКАЯ стоит в дверях.

БАБКА. Чего стоишь? Садись. Выпьешь кофе?

КОВАЛЬСКАЯ. Пожалуй. Почему бы и нет.

БАБКА. Давно к нам не заглядывала.

КОВАЛЬСКАЯ. Да как-то так... Сама знаешь, как оно бывает...

БАБКА (*варит кофе*). Знаю, знаю... По-разному. (*Через минуту.*) Ну, чего, говори...

КОВАЛЬСКАЯ. А, старые делишки... (*Оглядывается.*) Ты одна?

БАБКА. Как видишь.

КОВАЛЬСКАЯ. Сноха в больнице?

БАБКА. В какой больнице? В какой больнице? Она же не больная... У кого нынче есть деньги на больницу?

КОВАЛЬСКАЯ. Дома, что ли, будет?..

БАБКА. Помилуй бог, ты о чем?..

КОВАЛЬСКАЯ. Я просто так спрашиваю.

БАБКА. Ты это куда клонишь?

КОВАЛЬСКАЯ. Я? Люди толкуют.

БАБКА. Что толкуют?

КОВАЛЬСКАЯ. Ну, что Люцина снова...

БАБКА. Что — Люцина?

КОВАЛЬСКАЯ. Беременна.

БАБКА. Бредни... Чего только люди не выдумают. Им бы только языками молотъ.

КОВАЛЬСКАЯ. Выдумывают, не выдумывают... Вроде бы видели.

БАБКА. Что видели?

КОВАЛЬСКАЯ. Люцину с животом.

БАБКА. Они видели, а я не видела?

КОВАЛЬСКАЯ. Так говорят.

БАБКА. И где они это чудо видели?

КОВАЛЬСКАЯ. Вроде бы в лесу.

БАБКА. В лесу. Боже ты мой. До чего же люди глупые. И подлые. Кому же это привиделось?

КОВАЛЬСКАЯ. Кто-то как будто бы видел.

БАБКА. Кто-то...

КОВАЛЬСКАЯ. Откуда мне знать кто, говорю только то, что слышала. Знаешь ведь, люди какие... Говорят, так уже когда-то было... а потом ничего...

БАБКА. Скажи ты людям... мол, беда на каждого может свалиться. Так уж теперь повелось на свете... Даже в завтрашнем дне нельзя быть уверенным. Может, дать тебе к кофе пирожка?

КОВАЛЬСКАЯ. Не надо, не хлопочи...

БАБКА. Какие там хлопоты... (*Режет пирог.*) Хлопоты у других могут быть... Никогда неизвестно, что на кого свалится. Никогда. Возьми... Дрожжевой.

Сцена 23

БАБКА и ЛЮЦИНА в кухне.

БАБКА. Видели тебя.

ЛЮЦИНА молчит.

БАБКА. В лесу... видели. У дороги...

ЛЮЦИНА. Не помню, когда я была в лесу.

БАБКА. Была... Видели...

ЛЮЦИНА. Ну и что?

БАБКА. Видели тебя с животом.

ЛЮЦИНА молчит.

БАБКА. Слышишь? Видел тебя кто-то с твоим чертовым разбухшим пузом!

ЛЮЦИНА. Не может быть.

БАБКА. Однако ж.

В окно видны играющие во дворе ВОЙТЕК и ПЁТРЕК.

Сколько я тебе говорила? Только покажись еще раз кому-нибудь на глаза. Слышишь? Хоть один раз. Чертова корова.

Возвращается ДЕД.

ДЕД. Что тут опять?

БАБКА. Красуется на людях, будто у нее есть чем гордиться...

ДЕД. А может, есть...

БАБКА. Как бы не так... А ты чего? Кишка кишке кукиш кажет?

Сцена 24

ЛЮЦИНА, скорчившись, сидит у печи. Входит ДЕД.

ДЕД. Что такое? Что случилось? А, мать?

БАБКА. Что случилось? Началось, черт подери...

ДЕД. Что началось?

БАБКА. Началось. Не здесь, а то все загадишь... А ну, быстро в ванную... *(Ведет Люцину в ванную.)*

ДЕД. Что происходит?

БАБКА. Заткнись же ты наконец... а что должно происходить? Ничего. Ничего не происходит. Никого сюда не пускай... Понял? Никого. Только тихо. *(Люцине.)* И чтоб не скулила.

Сцена 25

ЛЮЦИНА, обессиленная, стоит, прислонив голову к стене ванной. Входит БАБКА.

БАБКА. Послед вышел?

ЛЮЦИНА не отвечает.

БАБКА. Ты слышишь?

ЛЮЦИНА кивает.

БАБКА. Иди. Убраться надо.

ЛЮЦИНА. Где он?..

БАБКА. Нет и не было.

ЛЮЦИНА. Я хочу посмотреть.

БАБКА. Он был уже мертвый.

ЛЮЦИНА. Я слышала...

БАБКА. Мертвый был. И ничего ты не слышала... Ничего.

ЛЮЦИНА. Пожалуйста.

БАБКА. Иди.

ЛЮЦИНА. Я посмотрю...

БАБКА. Я же сказала.

ЛЮЦИНА. Я только разок взгляну.

БАБКА. На падаль посмотреть захотелось?

Сцена 26

Ночь. ЯЦЕК возвращается домой. В кухне темно, только из коридора пробивается полоска света. ЯЦЕК пересекает кухню, подходит к лестнице. Из темноты доносится голос его матери.

БАБКА. Постой. *(Включает свет.)*

ЯЦЕК. Что ты здесь делаешь?

БАБКА. Тебя жду.

ЯЦЕК. Уже поздно.

БАБКА. Ты всегда так возвращаешься.

ЯЦЕК. Случилось что-нибудь?

БАБКА. А что могло случиться?

ЯЦЕК. Я пойду наверх.

БАБКА. Остайся.

ЯЦЕК. Но... Что случилось?

БАБКА. Ничего не случилось. Сядь.

ЯЦЕК. Я сижу.

БАБКА. Сегодня будешь спать здесь.

ЯЦЕК. Но...

БАБКА. Ты слышал? Она плохо себя чувствует... Ей нужен покой. Здесь будешь спать, на лавке. Ты небось голодный?

ЯЦЕК. Я ел.

БАБКА. Наверное, какое-нибудь дерьмо в забегаловке? *(Ставит на стол тарелку.)* Чего так уставился?

ЯЦЕК. Тут, на лбу...

БАБКА. Что?

ЯЦЕК. Пятнышко... как будто царапинка...

БАБКА. Веткой, наверное. Умойся, есть теплая вода. *(Вытирает лоб.)* Ну иди же.

ЯЦЕК идет в ванную. Сразу входит ДЕД.

ДЕД. Приехал?

БАБКА. Приехал. Чего так уставился?

ДЕД. Тут, на виске... красное...

БАБКА. Так вытри, чего ждешь?

ДЕД. Не оттирается. (*Трет все сильней.*)

БАБКА. Хватит!

ДЕД. Никак не оттиралось.

БАБКА. Испугался? Думал, так и останется? Так ты подумал?

ДЕД. Отстань от меня. Слышишь?

Сцена 27

Ночь. ЯЦЕК лежит на лавке в кухне. Не спит. Курит. Открывается дверь.
Шаркая ногами, входит БАБКА.

БАБКА. Дымишь, вместо того чтобы спать. (*Садится на табурет.*) Глаз не могу сомкнуть... Ноги ломит, будто вот-вот отвалятся... Целый день крутишься...

ЯЦЕК (*встает*). Дай-ка я натру мазью...

БАБКА. Сперва помыть надо... Вода еще есть.

ЯЦЕК наливает воду в таз, ставит его на пол. Опускает ноги матери в воду. На ступнях видны шрамы от ожогов. ЯЦЕК заботливо моет ей ноги.

ЯЦЕК. Ты никогда не рассказывала ...

БАБКА. О чем?

ЯЦЕК. Ну... Как это произошло...

БАБКА. Пожар был. Ты же знаешь. О чем тут рассказывать... только зло берет... (*Вынимает ногу из таза.*)

ЯЦЕК ее вытирает.

Мать спала внизу... Как убитая. Намаялась за день. Дым меня разбудил... Вся хата была в дыму. Я слышала, как мать колотит кулаками в дверь. Всюду огонь и этот вонючий дым... Дверь, проклятая, не хотела открываться.

Я ее дергала... Она будто разбухла от огня... Потом мать перестала... колотить. Я не могла сдвинуться с места... меня как парализовало. Убежала в последнюю минуту... когда обрушилась крыша. Сама не знаю как... Уже сквозь огонь... Она осталась... Осталась там. Тогда-то я их и обожгла... Вот здесь... пришлось пересадить кожу...

ЯЦЕК вытирает вторую ногу матери.

Теперь смажь. Осторожно.

ЯЦЕК втирает мазь.

Они стояли вокруг дома... как у костра. Вся деревня. Смотрели... Смотрели на огонь... Выпучили свои зенки... Стояли... как скотина, привязанная к кольям... Я помню каждое лицо. Каждое. Никто задницей не пошевелил. Никто. Я бежала на обгорелых ногах... Не чувствовала боли... Только потом. (*Помолчав.*) Загаси огонь в печи.

ЯЦЕК. Он давно погас.

БАБКА. Я сказала...

Входит заспанный ДЕД.

ДЕД. Свет жжете ночью... Случилось что-нибудь?

БАБКА. Ничего не случилось... Кроме того, что у тебя мочевого пузырь переполнен... Старый пропойца.

ДЕД. А ведь переполнен. (*Входит в ванную.*)

БАБКА. Его я тоже помню.

Сцена 28

ЖЕНЩИНЫ возле фигуры Богоматери.

2-Я ЖЕНЩИНА. Что это вы там высматриваете?

1-Я ЖЕНЩИНА. Смотрю, не сушатся ли пеленки...

2-Я ЖЕНЩИНА. Чего?

1-Я ЖЕНЩИНА. Пеленки...

КОВАЛЬСКАЯ. Пора вроде бы. Может, не закопали...

2-Я ЖЕНЩИНА. Боже праведный...

1-Я ЖЕНЩИНА. Вы думаете, что?..

КОВАЛЬСКАЯ. Либо да, либо нет.

Пауза.

2-Я ЖЕНЩИНА. А если... Если нет этого ребенка... если не надо сушить пеленки... то?..

КОВАЛЬСКАЯ. То понятно.

2-Я ЖЕНЩИНА. Но ведь... Не может этого быть. Надо кому-нибудь сказать, что-нибудь сделать...

1-Я ЖЕНЩИНА. Как будто это просто... Сказать... что и кому? Вы видели? Полиция, суд... Боже праведный.

КОВАЛЬСКАЯ. Надо иметь доказательства или самому засвидетельствовать. Никто ничего не видел, не слышал.

1-Я ЖЕНЩИНА. Каждый живет как хочет. Я вас не принуждаю.

2-Я ЖЕНЩИНА. Но...

1-Я ЖЕНЩИНА. Я вам очень советую...

Сцена 29

БАБКА и ДЕД сидят за столом. ЛЮЦИНА ставит на стол еду.

ЛЮЦИНА. Что вы с ним сделали?

БАБКА и ДЕД молчат.

Яма, вода?

ДЕД. О чем это она?

БАБКА. Бредит. В последний раз не была такой любопытной... И нечего печалиться. Радуйся, что все позади. Нет и не было. Запомни наконец.

ЛЮЦИНА. Я...

БАБКА. Что — ты?

ЛЮЦИНА. У меня есть...

БАБКА. Ничего у тебя нет. Слышишь? Никогда не было и нет.

ЛЮЦИНА. Есть. У меня молоко...

БАБКА. Не знаешь, что делать? Сцеживай и давай собаке. Только так, чтобы никто не видел.

Сцена 30

Утро. ЛЮЦИНА идет с ПЁТРЕКОМ по тротуару вдоль дороги. Со стороны храма приближаются КСЕНДЗ и МИНИСТРАНТ. КСЕНДЗ несет миро для больного. МИНИСТРАНТ звонит в колокольчик. ЛЮЦИНА и ПЁТРЕК опускаются на колени. КСЕНДЗ улыбается ПЁТРЕКУ. ЛЮЦИНА стоит, понунив голову. ПЁТРЕК смотрит вслед уходящим КСЕНДЗУ и МИНИСТРАНТУ.

ПЁТРЕК. Мама... Мама... они уже ушли

ЛЮЦИНА встает, они идут дальше.

Сцена 31

В комнате на втором этаже. ОЛЯ и ЛЮЦИНА одни.

ОЛЯ. Родила?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Ты родила?

ЛЮЦИНА кивает.

ОЛЯ. Дома?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Мальчик или девочка?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Не знаешь?

ЛЮЦИНА. Нет.

ОЛЯ. Где ребенок? Что с ним?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Что случилось с твоим ребенком?

ЛЮЦИНА. Она взяла его...

ОЛЯ. Взяла? Свекровь? Куда?

ЛЮЦИНА. Не знаю.

ОЛЯ. Не знаешь?

ЛЮЦИНА. Она сказала, он был мертвый...

ОЛЯ. Мертвый?..

ЛЮЦИНА (*через минуту*). Я слышала...

ОЛЯ. Что?

ЛЮЦИНА. Слышала его голос.

ОЛЯ. Что она с ним сделала?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Люцина?

ЛЮЦИНА. Не знаю.

ОЛЯ. Не знаешь... Не знаешь, что она с ним сделала?

Ты позволила, чтобы она... она его...

ЛЮЦИНА. Я родила...

ОЛЯ. Господи. Это же был ребенок. Невинный и беззащитный. Слышишь?!

ЛЮЦИНА. Я родила!..

Сцена 32

ЯЦЕК, БАБКА и ДЕД. ЯЦЕК подвыпивший.

ЯЦЕК. Она...

БАБКА. Чего она?

ЯЦЕК. Хочет...

БАБКА. Что хочет?

ЯЦЕК. Забрать хочет... забрать детей и уйти... Она мне так сказала... Возьму детей и уйду.

ДЕД. Еще алименты заставит тебя платить.

БАБКА. Куда она может уйти? Ну, куда? В приют? Даже родная мать от нее отказалась.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Никуда она не уйдет. Никуда. Куда такая недоделанная может пойти... Ну, куда? Куда ей идти с этими сопляками? Никому она не нужна. Никому. Только тебя она окрутила.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Своей голой задницей. Только это у нее и было. Пришла голехоньякая. В чем мать родила.

ЯЦЕК. Прекрати. (*Через минуту.*) А если все-таки... Что тогда?

БАБКА. Тогда...

ЯЦЕК. Ну, что тогда?

БАБКА. Тогда пересчитаем ее детей.

ЯЦЕК. Боже, мама...

БАБКА. Ничего ты не понимаешь... Это же ради тебя... Чтобы тебе легче жилось на свете...

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА (*мужу*). Дай-ка еще немного для успокоения...

ДЕД наливает водки.

Ну... дорогой мой... Слабый ты, Яцусь... Ты как тонкий росточек... только наступишь, и он уже не поднимется.

ЯЦЕК. Мама, скажите мне только одно... Только одно...

БАБКА. Что, мой маленький...

ЯЦЕК. Что... что из нее вышло?

БАБКА. Выбрось из головы...

ЯЦЕК. Но...

БАБКА. Сынок... Зачем тебе это знать? Зачем? Ничего не понимаешь? Ничего.

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Подумай... подумай только... Ну? Что могло из нее выйти?

ЯЦЕК. Мама...

БАБКА. Налей. Что из такой сучьей утробы могло выйти?

ЯЦЕК (*встает*). Мама?.. Не говори так.

БАБКА. Сам подумай. Садись.

ЯЦЕК стоит.

Садись. Ты куда?

ЯЦЕК. Плохо мне... Плохо...

Сцена 33

ЛЮЦИНА стоит одна под навесом дровяного сарая. Сцеживает молоко в какую-то посудину. Потом относит собаке. Быстро проходит через грязный двор и возвращается в дом. В кухню вбегают стайка ребятишек.

Прячутся под стол, потом вылезают и выбегают из дома.

БАБКА. Тише! Скажи им что-нибудь. Ты слышишь, что я говорю?

ЛЮЦИНА. Слышу.

БАБКА. Тогда открой рот и скажи им что-нибудь.

ЛЮЦИНА. А где им играть?

БАБКА. Это... это игра?

ЛЮЦИНА. Войтек, Кася, за уроки. Пётрек — и ты марш наверх.

ПЁТРЕК. Нам ничего не задано...

ЛЮЦИНА. Что я сказала.

БАБКА. Сразу надо было так. У меня голова раскалывается. Ты это назло мне. У тебя-то ничего не болит... У тебя никогда ничего не болело. Никогда. Но погоди, увидишь еще. Придет твой черед...

Сцена 34

БАБКА и ДЕД в кухне.

БАБКА. Чего сидишь? Не видишь, что она взяла сопляков и пошла на автобус? Ну... Бери и иди... покажи ей. Пусть знает, что оставляет.

ДЕД одевается и уходит.

Сцена 35

ЛЮЦИНА сидит на скамейке. Появляется ДЕД. В пальто и с портфелем. Садится рядом. Какое-то время они сидят молча.

ДЕД. Хочешь уйти?

ЛЮЦИНА молчит.

ДЕД. Таскаешь Яцека по судам...

ЛЮЦИНА молчит.

ДЕД. Что будет с детьми?

ЛЮЦИНА. Это мои дети. Они останутся со мной.

ДЕД. Суд решит.

ЛЮЦИНА. Это мои дети.

ДЕД. Суд про всех твоих детей не знает. *(Ставит портфель на скамейку.)*

ЛЮЦИНА *(смотрит на портфель)*. Что это?

ДЕД. Не узнаешь? Твое...

ЛЮЦИНА. Мое... *(Смотрит, онемев, на портфель.)*

ДЕД. Косточки точно бумажные... Остальное все как... пергамент.

Звук приближающегося автобуса. ЛЮЦИНА не отрывает взгляда от портфеля. ДЕД встает и уходит с портфелем до того, как автобус останавливается. ЛЮЦИНА сидит неподвижно.

ВОЙТЕК. Мы не едем? Мама...

Звук уезжающего автобуса.

Сцена 36

ЛЮЦИНА и ЯЦЕК. Одни в комнате.

ЯЦЕК. Ты слышишь, что я тебе говорю?

ЛЮЦИНА молчит.

ЯЦЕК. Скажи...

ЛЮЦИНА. Хочешь знать? Правда хочешь знать? Она не сказала тебе? Не сказала сыночку...

ЯЦЕК молчит.

ЛЮЦИНА. Ты же знаешь. Должен знать. Ничего не было. Ничего. Ничего.

ЯЦЕК. Скажи...

ЛЮЦИНА. А если это была просто падаль... Что могло получиться из такого семени? Ну скажи? Что?

ЯЦЕК. Заткнись! Ни слова больше. Ни слова.

Сцена 37

ЛЮЦИНА стоит за домом, прислонившись к стене. Выглядывает из-за угла, проверяет, не видит ли ее кто-нибудь. Быстро входит в сарай, осматривается. Начинает что-то искать. Сначала спокойно, потом все сильнее нервничая. Заглядывает повсюду, отодвигает инструменты. Не может найти того, что ищет. Действует все более беспорядочно. Открывается дверь. Это ДЕД. Какое-то время они смотрят друг другу в глаза.

ДЕД. Не найдешь. Никогда не найдешь.

ЛЮЦИНА. Отдай...

ДЕД молчит.

ЛЮЦИНА. Пожалуйста. Отдай мне их.

ДЕД идет к двери.

Отдай.

ДЕД. Не могу.

ЛЮЦИНА. Отдай... Умоляю...

Сцена 38

В квартире ОЛИ. ОЛЯ и ЛЮЦИНА. Одни в комнате.

ОЛЯ. Я дала тебе телефон адвоката... Ты должна была пойти в полицию, к врачу, получить судебно-медицинское заключение... Хоть что-нибудь... Я же сказала, что дам показания. Люцина... Ты могла уйти... Тогда... Ничего этого не было бы.

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Ты позволила... Позволила ей...

ЛЮЦИНА. Ты не понимаешь...

ОЛЯ. Ты могла... Могла бы их отдать... Столько супружеских пар...

ЛЮЦИНА. Ты ничего не понимаешь.

ОЛЯ. Ты родила... Маленький, невинный...

ЛЮЦИНА. Он был мертвый.

ОЛЯ. Ты слышала его голос.

ЛЮЦИНА (*через минуту*). Я ничего, ничего не могла сделать... Ничего. Может быть, в первый раз, но не сейчас...

ОЛЯ. В первый раз?... О чем ты говоришь?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Уже так было? Люцина? Уже когда-то так было? Ты уже когда-то это делала? (*Вдруг ударяет Люцину.*) Как ты могла?! (*Трясет Люцину. Внезапно быстро обнимает ее и прижимает к себе.*) Извини... боже... Ты не понимаешь... как это... Извини. Боже...

Люцина!..

Сцена 39

Ночь. ЯЦЕК возвращается пьяный.

ЯЦЕК. Где ты, птенчик? Ждешь... Затаился в гнездышке. А ну-ка, покажи... Покажи свои перышки...

ЛЮЦИНА сначала изо всех сил сопротивляется. Хочет выбраться из кровати. Они борются. Вдруг ЛЮЦИНА сдается. Перестает сопротивляться. Уступает.

Сцена 40

ЛЮЦИНА сидит, скорчившись, в углу на табуретке у ОЛИ.

ОЛЯ. Покажи... вся кожа содрана. Стало еще хуже?

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Хуже, я вижу.

Пауза.

ЛЮЦИНА. Я должна уехать.

ОЛЯ. Одна?

ЛЮЦИНА. Должна.

ОЛЯ. А дети?

ЛЮЦИНА. Я не могу больше ждать. Ты не понимаешь... Не могу.

Пауза.

ОЛЯ. Люцина...

ЛЮЦИНА. Помоги мне. Пожалуйста.

ОЛЯ. Останься. Останься здесь. Есть комната... Все необходимое...

Сцена 41

Кухня в квартире ОЛИ. ЛЮЦИНА чистит картошку. ОЛЯ закуривает.

ОЛЯ. Хочешь?

ЛЮЦИНА мотает головой.

ОЛЯ. Хорошие. Последние деньги на них трачу. Ну...

ЛЮЦИНА (*берет сигарету*). Спасибо. (*Возвращается к своему занятию.*)

ОЛЯ. Прервись на минутку. А то не почувствуешь вкуса.

ЛЮЦИНА садится за стол. Затагивается.

Ну как?

ЛЮЦИНА. Хорошие.

ОЛЯ. Я все собираюсь бросить... (*Пауза.*) А ты?

ЛЮЦИНА. Я пробовала.

ОЛЯ. Но меня обязательно что-нибудь выведет из себя и... покупаю такие, которые мне не по карману.

ЛЮЦИНА (*затагивается*). Все приятнее.

ОЛЯ. Вот видишь... Ты курила, когда была беременна?.. Сейчас столько об этом говорят... по телевизору, в газетах... Аж противно.

ЛЮЦИНА. С Касей нёт... Только с Войтеком, Пётреком и... (*Пауза.*) Да, с Войтеком и Пётреком уже курила... (*Внезапно гасит сигарету.*) Совсем забыла. Мне надо... (*Хочет уйти.*)

ОЛЯ ее обнимает.

ОЛЯ. Все хорошо...

Сцена 42

За столом КАСЯ, ВОЙТЕК и ПЁТРЕК. Они что-то едят. БАБКА поднимается по лестнице вверх.

БАБКА. Поесть и убрать. Только как следует, чтобы ни крошки на столе не осталось.

Звонит телефон. КАСЯ быстро встает, хочет снять трубку.

БАБКА. Не трогай, я возьму. Тебе говорят?

КАСЯ (*снимает трубку*). Да, слушаю... Мама, где ты? Мама... (*Смотрит на Бабку*.) Мама, заberi нас отсюда... Слышишь? Мама... Хорошо... хорошо... Здоровы... все. Сейчас позову мальчиков.

ВОЙТЕК бросается к трубке.

ВОЙТЕК. Мама... это я... Мама... вернись... (*Весь трясется и начинает плакать*.) Хорошо. Да, учусь... Да... Хорошо... Передаю Пётреку. (*Протягивает трубку Пётреку, но Пётрек не двигается с места*.)

ВОЙТЕК. На... Чего ты ждёшь?

ПЁТРЕК. Я не хочу.

ВОЙТЕК. Ну...

ПЁТРЕК. Я же сказал.

ВОЙТЕК насильно всовывает ПЁТРЕКУ в руку телефонную трубку.

ВОЙТЕК. Говори... (*Прижимает рукой трубку к уху Пётрека*.) Ну, говори...

ПЁТРЕК какое-то время стоит с трубкой у уха. Слушает, что говорит ЛЮЦИНА. Без слов бросает трубку.

ВОЙТЕК. Что он сделал?

КАСЯ. Пётрек...

ВОЙТЕК. Что ты сделал, идиот?.. (*Бьет Пётрека по голове*.) Кретин.

КАСЯ. Отстань от него.

ПЁТРЕК убегает.

БАБКА. А ну прекратить. Я сказала... убрать и марш наверх. (*Касе*.) Ты еще меня попомнишь.

КАСЯ. Мама нас заберет.

Сцена 43

ЛЮЦИНА и ОЛЯ. Комната ЛЮЦИНЫ в квартире ОЛИ.

ОЛЯ. Что такое?

ЛЮЦИНА. Я не могу... Не могу так больше...

ОЛЯ. Это только начало... у тебя есть, где жить, есть работа. Разведешься... забереешь детей к себе... А пока пиши им, звони... Все образуется...

ЛЮЦИНА. Я постоянно слышу их плач, тихий, иногда чуть погромче... Слышу, четко...

ОЛЯ. Что ты говоришь?

ЛЮЦИНА. Они кричат, нет им покоя...

ОЛЯ. Я разговаривала с Касей, она не жаловалась...

ЛЮЦИНА. Они где-то их прячут. Я уверена. Я искала, но не нашла. Они как... Их надо забрать... Им холодно. Они там... Слышишь?

ОЛЯ. Слышу.

ЛЮЦИНА. Скажи Пётреку... он не хочет со мной говорить... Не хочет... Скажи, что пока я не могу вернуться, что... увидимся позже... Скажи... ему...

Сцена 44

Комната ЛЮЦИНЫ. ЛЮЦИНА лежит на тахте лицом к стене. На табуретке возле тахты тарелка с едой.

Сцена 45

Вечер. ЛЮЦИНА одна в комнате. Так же, как и прежде, тарелка стоит нетронутая. ЛЮЦИНА сидит на тахте, у нее расстегнута блузка. Открывается дверь, входит ОЛЯ.

ОЛЯ. Ты опять ничего не ела... Люцина... Ты должна есть. Слышишь? *(Замечает расстегнутую блузку и обнаженную грудь Люцины.)*

ЛЮЦИНА молчит.

ОЛЯ. Что ты делаешь?

ЛЮЦИНА. Они голодные. Им холодно. Я должна их накормить.

ОЛЯ (*встает на колени перед Люциной, застегивает ей блузку*). Ты голодная. Ты ничего не ела. Приму ванну... я приготовлю что-нибудь горячее. (*Идет в ванную комнату.*)

Слышится звук льющейся воды. ЛЮЦИНА одевается и уходит.

Сцена 46

Ночь. ЛЮЦИНА открывает дверь овина, входит внутрь.

ЛЮЦИНА. Я знаю, что вы здесь. Вы уже не одни... Слышите? Я с вами. (*Пауза.*) Теперь мы будем вместе. Нам будет хорошо и тепло. (*Разгребает солому. Укладывается. Сгребает солому к себе. Прижимает.*) Никто нас не разлучит... Никто. (*Зажигает спичку. Секунду смотрит на пламя. Потом спокойно закрывает глаза.*)

Сцена 47

Комната стариков. Ночь. БАБКА спит на кровати рядом с пьяным мужем. Просыпается, открывает глаза. Видит на стене пляшущие отблески света от горящего овина. С лестницы доносятся голоса. Это ЯЦЕК ведет вниз детей. БАБКА, оторопев, смотрит в окно.

БАБКА. Подождли...

ЯЦЕК. Мама, будите отца.

За окном горящий овин.

БАБКА. Подождли.
ЯЦЕК. Мама!

Сцена 48

ЯЦЕК с детьми после похорон. ЯЦЕК и дети в темных костюмах. ЯЦЕК и ПЁТРЕК стоят на краю пепелища, КАСЯ и ВОЙТЕК ближе к дому. ПЁТРЕК ковыряется палкой в черной земле. ЯЦЕК смотрит на остатки овина. У него начинает подрагивать подбородок. Все сильнее. Он не может сдержать дрожь.

Сцена 49

Пасмурный, дождливый день. Люди собираются возле статуи Богоматери.

2-Я ЖЕНЩИНА. Что за погода... Не помню уже, когда видела солнце.

1-Я ЖЕНЩИНА. Как погасили пожар, дождь все идет и идет.

2-Я ЖЕНЩИНА. Пусть идет... пусть все смоем... До самой земли.

1-Я ЖЕНЩИНА. До сих пор стоит запах гари. После дождя еще хуже.

2-Я ЖЕНЩИНА. На пепелище кроме тела Люцины нашли еще останки двух младенцев...

КОВАЛЬСКАЯ. Известно было, что они где-то их хранят...

2-Я ЖЕНЩИНА. Боже милостивый, что было известно?..

КОВАЛЬСКАЯ. Мало того, что тех убила... так и этих, живых, оставила на произвол судьбы...

2-Я ЖЕНЩИНА. И даже если... она не сама это сделала...

1-Я ЖЕНЩИНА. Кому знать, как было на самом деле?

2-Я ЖЕНЩИНА. Люцина хотела развестись? Убежала?.. Ездил к адвокату... Ездил, да?

КОВАЛЬСКАЯ. Развод — это раздел имущества, земли, всего. Поэтому они хранили эти мумии. Приперли Люцину к стенке.

1-Я ЖЕНЩИНА. Ну и вышло по-ихнему. Ее дети, ее кровь.

КОВАЛЬСКАЯ. Даже после смерти она от этого не отречется.

2-Я ЖЕНЩИНА. Боже праведный.

КСЕНДЗ. Почему мне никто не сказал?

Все молчат.

Павел Саля

ТЕПЕРЬ МЫ БУДЕМ ХОРОШИМИ

Ни одно существо не может яв-
ляться частью Бога, и в то же
время это существо непременно
является частью дьявола.

Ангелус Силезиус

Театральная пьеса в трех актах

Перевод Ирины Киселевой.

© by Paweł Sala

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФОНАРЬ, 13 лет, рыжеволосый.

НАЦИСТ, 17 лет, бритый наголо, хорош собой.

ПАХАН, 19 лет, коренастый.

КЕРМИТ, 15 лет, бледный.

УТЮГ, 12 лет, тучный.

ТЕЛКА, 15 лет, длинноволосый, очень красивый.

МЕЛКИЙ, 8 лет, маленький, нахальный.

КАБЕЛЬ, 13 лет, очень худой, заморыш.

БРАТ КАМИЛЬ, настоятель, пожилой, традиционалист.

БРАТ ПАВЕЛ, молодой монах, идеалист.

БРАТ ФЕЛИКС, среднего возраста, одухотворенный.

БРАТ ХОНОРИЙ, молодой, основательный, спортивного вида.

ЧИХОЛИНА, с большой грудью, примерно 40 лет, внешность вызывающая.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

МАТЬ КАБЕЛЯ.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ.

АКТ I

Сцена 1

На одном конце сцены монах в белой рясе неопределенного ордена, на другом — мужчина в черной полицейской форме. В глубине длинноволосое рыжее существо в джинсах примерно 13 лет. Стоит, повернувшись ко всем спиной и не обращая внимания на то, что ему говорят. В руках у него кубик Рубика или любая другая игрушка, помогающая убить время, на запястьях наручники. Время от времени искоса поглядывает на разговаривающих.

БРАТ ПАВЕЛ (*шепотом*). Но ведь здесь одни мальчишки...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну да.

БРАТ украдкой показывает на рыжего.

БРАТ ПАВЕЛ. Мы не можем принять девочку, вы знаете, что тут начнется... У нас и без того проблемы.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это мальчик.

БРАТ ПАВЕЛ. Тссс... Что?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У него писюн как у всех, можете проверить.

БРАТ ПАВЕЛ. Что вы! Такие вещи надо деликатно, можно травмировать...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Этому уже никакая травма не страшна...

БРАТ ПАВЕЛ. Когда формируется личность, надо проявлять особую деликатность.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В его случае я сильно сомневаюсь.

БРАТ ПАВЕЛ. Сомневаетесь?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Если хотите, чтоб я забрал его обратно...

БРАТ ПАВЕЛ. Нет. Пусть остается.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Может, вы все-таки посмотрите его документы, прежде чем...

БРАТ ПАВЕЛ. Зачем?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Чтобы хотя бы знать, что...

БРАТ ПАВЕЛ смотрит на паренька. Тот на мгновение прерывает игру и разглядывает монаха, как будто только что его заметил.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. ...что это за фрукт.

БРАТ ПАВЕЛ. Фрукт? У нас здесь только такие.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да? *(Внимательно смотрит на парнишку, который снова увлекся игрой. Время от времени тот поправляет впивающиеся в запястья наручники.)* Я думаю, такого экземпляра в вашей коллекции нет.

БРАТ ПАВЕЛ. Хорошо, давайте конверт и оставляйте парнишку, без... *(показывает на наручники)* без этого, разумеется.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что, снять?

БРАТ ПАВЕЛ. Да. Пожалуйста.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Но суд по делам несовершеннолетних...

БРАТ ПАВЕЛ. Я знаю, пожалуйста, снимите.

Парень прерывает игру и издали смотрит на БРАТА ПАВЛА со все большим интересом, однако по-прежнему делает вид, будто все, что творится вокруг, его не интересует.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы все-таки загляните в конверт, там есть снимки...

БРАТ ПАВЕЛ. Снимки?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну да... материалы следствия... полная документация.

БРАТ ПАВЕЛ подходит к конвоиру, достает из конверта бумаги, среди бумаг есть и фотографии. Не глядя на них, шепчет.

БРАТ ПАВЕЛ. Хотите меня напугать?

В этот момент взгляд монаха падает на один снимок. На его лице появляется выражение ужаса, но он быстро берет себя в руки. Перебирает снимки, нехотя их просматривает, делая вид, что они не производят на него никакого впечатления. Но это не так, и он пытается скрыть, что ошеломлен. Парень на секунду прерывает игру и смотрит на монаха с довольным видом.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я только хотел вас предупредить.

БРАТ ПАВЕЛ прячет снимки в конверт.

БРАТ ПАВЕЛ. Что ж, спасибо, вы уже это сделали.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну и что скажете?

БРАТ ПАВЕЛ. Неприятно...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Неприятно? Вы сказали «неприятно»? *(Его явно раздражает отсутствие возмущенной реакции.)*

БРАТ ПАВЕЛ. Так, может, ему сразу в лоб пальнуть? У вас есть пистолет? *(Подходит к полицейскому, протягивает руку, точно хочет достать у него из кобуры пистолет.)*

Парень удивленно смотрит на монаха, но не реагирует. Монах, дотронувшись до пистолета, резким движением приставляет палец парню к виску и делает вид, будто нажимает на курок. Парень уклоняется, словно на самом деле испугался выстрела.

БРАТ ПАВЕЛ. Паф! И все.

ФОНАРЬ. Классный прикол! Прицельтесь-ка еще разок.

В приемный покой входит пожилой монах в рясе, БРАТ КАМИЛЬ. Здоровается за руку с конвоиром.

БРАТ КАМИЛЬ. Пожалуйста, извините, брат Павел у нас еще молодой, его иногда заносит... (*Брату Павлу.*) То, что мы сделали только что, непедагогично, нам это понятно?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это я виноват, прошу прощения... мне кажется, содержать вот таких вот типов в тепличных условиях... ммм... больно жирно. И вообще не совсем справедливо.

БРАТ КАМИЛЬ. Ваши чувства понятны, но мы должны смотреть на это и с другой перспективы...

БРАТ ПАВЕЛ. Это не нам решать. (*Подходит к конвою, отводит его в сторону и шепчет ему на ухо.*) А вы знаете, что у нас здесь есть парень, который перерезал горло собственному отцу? Просто взял нож, подошел ночью... и вот так... (*Показывает на своем горле.*) Раз, и готово!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*выпучив глаза*). Что?

БРАТ ПАВЕЛ. У нас богатая коллекция: вымогательство, кражи, нападения — обычное дело. Но есть и более интересные экземпляры. Один, например, размозжил человеку голову металлическим огнетушителем.

БРАТ КАМИЛЬ. Спасибо, что привезли мальчика, надемся, он здесь приживется...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Возможно... только я бы посоветовал вам поставить решетки на окна...

БРАТ КАМИЛЬ. Вы один?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, «воронок» с водителем стоит у монастыря.

БРАТ КАМИЛЬ. Может, выпьете кофе? Оба...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, нет, спасибо... (*Брату Павлу.*) Какая-то у вас здесь странная атмосфера...

БРАТ КАМИЛЬ. В таком случае спасибо, и с Богом!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Бог в помощь! (*Выходит.*)

Сцена 2

Спальня, везде кровати. Когда рыжий входит в спальню, ребята как раз устраивают кому-то темную. Некоторые не участвуют в этом, а только наблюдают со стороны. Внезапно все поворачиваются. НАЦИСТ закрывает глаза.

НАЦИСТ. Блин, прямо по глазам. Кто включил фонарь?

Все гогочут, глядя на рыжего.

КЕРМИТ. Потушите свечку!

БРАТ ПАВЕЛ. Это новенький, Пшемыслав. Зовите его Пшемек!

ВСЕ. Фонарь! Фонарь! Фонарь!

НАЦИСТ. Брат Павел, погасите свет!

Монах осматривается, ничего не понимая. Гасит свет и выходит. В этот момент зажигается множество фонариков, направленных на огненную шевелюру ФОНАРЯ. ФОНАРЬ заслоняет глаза рукой.

ФОНАРЬ. Чего надо? Отъебитесь!

КЕРМИТ. Интересно, как отреагирует Черный? Мне кажется, он не любит слишком яркий свет...

ФОНАРЬ. Какой Черный?

КЕРМИТ. Ша! Чувачок, бля, не знает, кто такой Черный... Черный Чел, ха, ха, ха...

НАЦИСТ. Наш местный Шварценеггер.

ФОНАРЬ. Пиздишь...

КЕРМИТ. Ну-ка, Утюг, поди сюда... покажи новенькому, что тебе сделал Черный...

Подходит неприметный, худенький мальчишка, немного испуганный. Останавливается перед КЕРМИТОМ, не зная, что делать.

КЕРМИТ (*показывает*). Повернись! (*Задирает рубаху на спине Утюга.*)

Лучи фонариков направлены на его спину. **ФОНАРЬ** с явным неудовольствием смотрит на красные шрамы в форме утюга. Их несколько, явно видны следы ожогов, еще не совсем заживших. **ФОНАРЬ** садится на кровать.

ФОНАРЬ. Бля, это что такое?

КЕРМИТ. Видишь, Черный может все. Так что ты поаккуратнее.

НАЦИСТ. Спроси Мелкого, он тебе еще кое-что расскажет.

ФОНАРЬ. А мне насрать!

НАЦИСТ. О'кей. Только чтоб потом не было...

ФОНАРЬ садится на свободную кровать. Рядом кровать **МЕЛКОГО** — худенького восьмилетнего мальчика. Тот мгновенно срывается с места и подбегает к **ФОНАРЮ**.

МЕЛКИЙ. Ты, друг, пошел отсюда.

ФОНАРЬ. Почему?

МЕЛКИЙ. По кочану! Там твоя шконка! (*Показывает на кровать у окна, рядом дверь в туалет.*)

НАЦИСТ. Ты что? Глухой?

ФОНАРЬ нехотя встает. Видит вокруг злые лица. Садится на кровать у окна. Окно открыто, на нем нет решеток. Рядом на кровати сидит **КЕРМИТ**. Долгое время царит молчание. Когда все отворачиваются, **ФОНАРЬ** спрашивает.

ФОНАРЬ (*шепотом*). А кто этот ваш Черный?

КЕРМИТ (*шепотом*). Тихо, потом узнаешь.

Гаснут фонарики, зажигается свет. **ФОНАРЬ** оглядывается, замечает открытое окно.

ФОНАРЬ. Во, блин, приколот!

НАЦИСТ. Что?

ФОНАРЬ. Вид классный, а где решетка?

КЕРМИТ. Если хочешь, можешь свалить прямо сейчас... *(Подходит к окну, открывает его как можно шире.)*

Все подходят и окружают их. Смотрят на **ФОНАРЯ**, как бы ожидая его реакции. **ФОНАРЬ** смотрит то на окно, то на ребят вокруг, оценивает ситуацию. Они подходят ближе, как бы намереваясь вытолкнуть его в окно. **ФОНАРЬ** начинает нервно вертеться на месте.

ФОНАРЬ. Ну... нет... Вы чего, парни, расслабьтесь. Вы мне нравитесь.

НАЦИСТ. Нравимся...

КЕРМИТ. Пиздит.

МЕЛКИЙ. Посмотрим, понравится ли он Черному.

Все расходятся, комментируя.

УТЮГ. Пусть только попробует, Арнольд ему ноги из жопы повырывает.

МЕЛКИЙ. Да, он бы его точно...

КАБЕЛЬ. По-любому поймает и ноги переломает...

УТЮГ. А как же иначе... за побег...

МЕЛКИЙ. Или, бля, так отмочит, что тот не встанет.

КАБЕЛЬ *(Мелкому, шепотом).* Знаешь, что Пахан придумал? Только тихо, ша...

МЕЛКИЙ. Ну...

КАБЕЛЬ. Помнишь, решетка из железных прутьев пропала...

МЕЛКИЙ. Кто-то ее спиздил на металлолом...

КАБЕЛЬ. На металлолом? Будешь проходить мимо окна, раскрой глаза... В кустах под самым окном...

МЕЛКИЙ. Врешь!

КАБЕЛЬ. Он закопал... Не полностью, немного торчит, но ни фига не видно...

МЕЛКИЙ. Чего ты гонишь... а этот хотел свалить...

КАБЕЛЬ. Новенький — это новенький, а ты никогда не прыгай из этого окна, если не хочешь откинуть копыта.

МЕЛКИЙ. С чего бы это?

КАБЕЛЬ. Не дошло? Прыгаешь вниз — и все твои кишки остаются на решетке.

МЕЛКИЙ. Гонишь...

КАБЕЛЬ. Не веришь, прыгай.

МЕЛКИЙ. Отвали!

ФОНАРЬ делает вид, что увлечен кубиком Рубика. Он лежит на свободной кровати и собирает кубик. Возможно, **КАБЕЛЬ** говорит это специально, чтобы **ФОНАРЬ** услышал.

Сцена 3

БРАТ ФЕЛИКС ведет занятие по религии. Он читает отрывки из раскрытой книги и комментирует их. За партами сидят подростки из Центра перевоспитания. Создается впечатление, что они слушают, но главное для них — достать новенького. Кто-то заплетает ему косички, кто-то дергает его за волосы, стреляет в него из резинки и т.д.

БРАТ ФЕЛИКС (*проникновенно*). Если бы не было темноты, человек не понимал бы своей испорченности, а если бы не было света, не было бы и надежды на выздоровление.

Пауза.

МЕЛКИЙ. Можно сказать?

БРАТ ФЕЛИКС. Что случилось?

МЕЛКИЙ. Ужасно режет глаза!

Взрыв хохота.

БРАТ ФЕЛИКС. Пустяки! Сосредоточьтесь на том, что действительно важно! Если не сумеете отличать важные вещи от глупостей, вы пропали!

НАЦИСТ. Мы и так пропали.

БРАТ ФЕЛИКС. А вот здесь ты ошибаешься! Знаешь, почему?

НАЦИСТ качает головой.

БРАТ ФЕЛИКС. Потому что Бог любит каждого из вас. *(Снова открывает книгу и читает.)* Вот почему не только верно, но и полезно для нас, что Бог частично скрыт, а частично открыт: для человека одинаково небезопасно как познание Бога без осознания собственного убожества, так и осознание собственного убожества без познания Бога. *(Закрывает книгу и всматривается в лица сидящих за партами учеников.)*

Никто ничего не понял, ничего до них не дошло. Все придуриваются и хохочут, нагибаясь и прячась друг у друга за спинами. Затемнение.

Сцена 4

ФОНАРЬ сидит на стуле с ножницами в руке и отрезает свои длинные волосы. Входит КАБЕЛЬ.

КАБЕЛЬ. Что делаешь?

ФОНАРЬ. Я больше не слушаю металл.

КАБЕЛЬ. А что ты слушаешь?

ФОНАРЬ. Диско-поло, ха!

КАБЕЛЬ. Охуел? Такой отстой!

ФОНАРЬ. А чё, нельзя? Говно — ну и пусть...

КАБЕЛЬ. Пидарасный музон просто.

ФОНАРЬ. А ты?

КАБЕЛЬ (*поет*). Ты — Бог на небе, ха, ха, представь это себе, себе!..

ФОНАРЬ. А эти? Ну... святоши? Слышали?

КАБЕЛЬ. Конечно.

ФОНАРЬ. И что говорят?

КАБЕЛЬ. А чё, нельзя? Мы, в конце концов, свободные люди. И живем в свободной стране. В принципе они ничего, нормальные ребята, только странные...

ФОНАРЬ. Странные?

КАБЕЛЬ. Все время только о Боге... Постоянно одно и то же: Бог то, Бог сё! А кто он такой?

ФОНАРЬ. Кто?

КАБЕЛЬ. Ты видел его когда-нибудь? Он к тебе приходил?

ФОНАРЬ пожимает плечами.

ФОНАРЬ. Ты чё? Ко мне?

КАБЕЛЬ наблюдает, как ФОНАРЬ мучается с ножницами, чтобы обрезать ровно. У него ничего не получается.

КАБЕЛЬ. Давай, подровняю.

ФОНАРЬ. Нет... Вдруг кто-нибудь войдет.

КАБЕЛЬ. Ну и что?

ФОНАРЬ. Не хочу, чтоб меня, бля, снова в чем-то заподозрили...

КАБЕЛЬ. В чем?

ФОНАРЬ. Что я педрила.

КАБЕЛЬ. Знаешь, как говорят? Иди лесом. (*Берет ножницы и подравнивает волосы, но у него это получается еще хуже.*) Ты мог из этого дреды сделать.

ФОНАРЬ. Хочешь, чтобы меня лысые замочили?

КАБЕЛЬ. Здесь нет лысых.

ФОНАРЬ. А Нацист?

КАБЕЛЬ. Да понты одни...

ФОНАРЬ. А железо под окном — правда?

КАБЕЛЬ утвердительно кивает.

ФОНАРЬ. Кто-то уже напоролся?

КАБЕЛЬ. Ты должен был стать первым.

ФОНАРЬ. Спасибо, что предупредил... Я бы точно прыгнул, если б не ты...

КАБЕЛЬ. Да ладно... Сочтемся... По опыту знаю, поводов до хера будет! (*Закончил стрижку.*) Вроде все. (*Смотрит внимательно на Фонаря. Морщит нос.*) Блядь! Не получилось.

ФОНАРЬ ощупывает остатки волос на голове.

ФОНАРЬ. Я фигею, чего ты мне тут настриг?

КАБЕЛЬ. У брата Павла есть машинка, сходи к нему.

Сцена 5

ФОНАРЬ сидит на кровати. Смотрится в маленькое зеркальце. Рядом на своей кровати КЕРМИТ.

ФОНАРЬ. А Кабель — что за кликуха? По кабелям, что ли, спец?

КЕРМИТ. Да уж спец, все виды знал, все сечения...

ФОНАРЬ. А, электрик?

КЕРМИТ. Лучше всего такой, трехжильный — от этого ему больше всего досталось. Посмотри. (*Показывает фотографии.*)

ФОНАРЬ смотрит, на лице у него появляется гримаса отвращения.

ФОНАРЬ. Вешался?

КЕРМИТ. Нет, это его предок. Повесил когда-то сына в сортире...

ФОНАРЬ. В сортире? Охренеть. А что, предок на кабельном заводе работал?

КЕРМИТ. Тссс... не парься, на фига... Я спиздил эти фотки у монахов, им они уже ни к чему... А нам еще могут пригодиться.

ФОНАРЬ. Ну да, повесим над кроватью. (*Еще раз просматривает фотографии.*) Ну и месиво. У чувака лица нет.

КЕРМИТ. Видел? А сейчас есть...

ФОНАРЬ. Это тоже он?

КЕРМИТ. Ну, нехило он его кабелями, а?

ФОНАРЬ. Б-о-о-о-же! На фига ты мне это показываешь?

КЕРМИТ. А ты что думал... откуда Утюг-то? Сам видел.

ФОНАРЬ. Так это же его этот... Арнольд.

КЕРМИТ. А Телка, как думаешь, почему он сюда попал?.. Здесь все стуканутые, только братья — святые!

Затемнение.

Сцена 6

БРАТ ПАВЕЛ ведет урок. Постоянно кто-нибудь поднимает руку, БРАТ ПАВЕЛ дает ученикам слово. Они задают вопросы, а он старается на них ответить.

МЕЛКИЙ. А гладить циклопа?

БРАТ ПАВЕЛ. Не понял.

КЕРМИТ. Ну, гонять лысого — тоже грех?

БРАТ ПАВЕЛ. Грех.

ПАХАН. А порево?

БРАТ ПАВЕЛ. Я не знаю, что ты понимаешь под словом «порево», но, по-видимому, да.

ТЕЛКА. А кореша обокрасть тоже грех?

БРАТ ПАВЕЛ. Тоже.

НАЦИСТ. А если случайно кого-нибудь пырнуть?

БРАТ ПАВЕЛ. Случайно?

НАЦИСТ. Ну, например, в автобусе?

КЕРМИТ. Или в подземном переходе, или в подъезде?

БРАТ ПАВЕЛ. Тоже.

УТЮГ. Тогда все грех?

БРАТ ПАВЕЛ. Не все.

КЕРМИТ. А целка может мне... того?..

БРАТ ПАВЕЛ. Не может!

МЕЛКИЙ. А что можно с ней делать?

БРАТ ПАВЕЛ. Ничего... Ну, то есть не совсем... Много вещей можно...

ВСЕ (*ржут*). Ха-ха-ха!

КЕРМИТ. Палку бросить?

БРАТ ПАВЕЛ. Нельзя...

НАЦИСТ. А чтоб в рот взяла?

БРАТ ПАВЕЛ. Ни в коем случае!

МЕЛКИЙ. Тогда все грех.

БРАТ ПАВЕЛ. Не все.

ТЕЛКА. А если кинуть лоха на сотню или больше... на штуку, две... Это же не очень большой грех? Чувак же мог потерять или по доброте отдать.

БРАТ ПАВЕЛ. Я уже сказал, это большой грех.

ПАХАН. Блядь, ну ничего нельзя.

БРАТ ПАВЕЛ. Это тоже грех.

ПАХАН. Что? Уже даже говорить нельзя?

БРАТ ПАВЕЛ. Говорить можно, даже нужно! Но выражаться нельзя.

КЕРМИТ. Эээ, а как тогда жить? Это же нереально.

НАЦИСТ. Тогда лучше зарезаться.

БРАТ ПАВЕЛ. А это самый большой грех.

ПАХАН. Ебнуться можно — даже помереть нельзя! Лучше уж быть неверующим, поменьше будет проблем.

БРАТ ПАВЕЛ. Неверующие, знаешь, где гниют? Как тебя вертухай... того, а тут ты — как у Христа за пазухой.

Затемнение.

Сцена 7

ФОНАРЬ сидит в келье **БРАТА ПАВЛА**. На потолке висит лампа и освещает его рыжую голову. На плечах **ФОНАРЯ** полотенце. **БРАТ ПАВЕЛ** включает машинку для стрижки волос.

БРАТ ПАВЕЛ. Под ноль или как?

ФОНАРЬ. А спасти ничего нельзя?

БРАТ ПАВЕЛ. Станешь скинхедом и будешь иметь полный респект у остальных.

ФОНАРЬ. Мне по хер!

БРАТ ПАВЕЛ. Поаккуратнее выражайся, это Божье место.

ФОНАРЬ. Правда?

БРАТ ПАВЕЛ. А ты не видишь? *(Указывает на крест, висящий на стене, с распятым на нем Христом.)* Будешь выглядеть адекватно тому, что натворил.

ФОНАРЬ. Что?

БРАТ ПАВЕЛ. Я видел фотографии. Полный отчет о преступлении.

ФОНАРЬ. Я не хотел. Так получилось...

БРАТ ПАВЕЛ. Не пизди!

ФОНАРЬ с удивлением смотрит на **БРАТА ПАВЛА**.

ФОНАРЬ. Вы что? Здесь же Бог... *(Взглядом указывает на крест.)*

БРАТ ПАВЕЛ. Вот именно! И поэтому не ври!

ФОНАРЬ. Я не вру. Я правда не знал этого чувака, но если мне девчонка сказала, что с ним надо что-то сделать, то что я мог?

БРАТ ПАВЕЛ. Надо было ей сказать...

ФОНАРЬ. Он ее ударил, надо было ему ответить, ведь женщин не бьют, верно?

БРАТ ПАВЕЛ. Если она дура, то, может быть, заслужила?

ФОНАРЬ. Это была девчонка друга.

БРАТ ПАВЕЛ. Ну и что?

ФОНАРЬ. Он пришел ко мне и сказал, что чувак ударил его девушку и что надо его оттырить.

БРАТ ПАВЕЛ. Оттырить значит пару синяков поставить, и все. *(Состригает остатки торчащих волос. Рыжие клочья падают на пол, повторяет задумчиво, с иронией.)* Оттырить... оттырить. *(Смотрит на рыжего парня, который теперь, с бритым черепом, выглядит еще более юным и невинным.)*

ФОНАРЬ. Я лично к этому чуваку ничего не имел, но есть же какие-то правила, скажете, нет?

БРАТ ПАВЕЛ. Да, есть еще какие-то правила в мире, а самых главных — десять. Это так просто. Одно их них — не убий!

ФОНАРЬ. Да не хотел я его убивать. Нож был так, для понта, я всегда его с собой носил, парни мне завидовали. Уважали. Я даже одолжил его таким двоим, братьям. Это их девушка, Анжелика. Не знаю которого, может, обоих...

БРАТ ПАВЕЛ. И надо тебе было ножом... из-за какой-то девчонки с сомнительной репутацией...

ФОНАРЬ. Я вроде нехило его пырнул. На ноже был след, лезвие чуть не целиком вошло. Мягкий он очень, что ли, был, не знаю. Вечером мы еще фильм посмотрели на видео, потом поиграли на компе. У кореша есть клевая игра, но кто-то пришел и сказал, что тот коньки отбросил. Бля, надо было смываться, все же видели, как я его пырнул.

БРАТ ПАВЕЛ. Ну да, ведь есть же какие-то правила...

ФОНАРЬ. Кореша сказали, что могила — ни слова, а эта овца... нельзя бабам верить. Бля... все из-за нее, на

фига она с этим козлом связалась? Ну а я теперь получаюсь в каком виде? Двинулся в сторону Згожельца. Думал, как-нибудь через границу просочусь, а там, в Европе, — свобода. Где-нибудь зашифруюсь.

БРАТ ПАВЕЛ. И далеко бы ты удрал? Может, в Ливию или в Афганистан, там даже таких, как ты, любят...

ФОНАРЬ. Кто-то меня спалил. Может, и коза эта... знать бы хоть, как она выглядит. Может, и не стоило?

БРАТ ПАВЕЛ. Стоило. Сидишь теперь тут, как у Христа за пазухой. Койка, жратва, все есть. Где ты лучше найдешь?

ФОНАРЬ. Чего вы меня все время подьебываете?

БРАТ ПАВЕЛ. Не выражайся, Господь... *(Показывает на крест на стене.)*

Сцена 8

Урок религии. **БРАТ ФЕЛИКС** читает «Цветочки» Франциска Ассизского. Его никто не слушает, все вертятся, толкают друг друга. Время от времени брат замолкает и смотрит на ребят, те на минуту успокаиваются и сидят смирно. Один только **НАЦИСТ** как-то необычно возбужден и все больше заводится.

БРАТ ФЕЛИКС. Святой Франциск отвечал: «Когда мы придем в обитель Святой Марии дельи Анджели, промокшие под дождем и трясущиеся от холода, покрытые грязью и обессилевшие от голода, когда мы постучимся в ворота, придет злой привратник и спросит нас, кто мы такие...

НАЦИСТ *(что-то шепчет про себя)*. В пизду эти цветочки!

БРАТ ФЕЛИКС делает вид, что не слышит.

БРАТ ФЕЛИКС. ...если мы скажем ему: “Мы двое братьев”, он ответит сердито: “Вы говорите неправду. Вы про-

сто самозванцы, пришедшие, чтобы обмануть мир, и украсть милостыню у нищих. Уходите, я сказал!”»

НАЦИСТ становится все более агрессивным. Начинает кричать.

НАЦИСТ. Достали меня эти хреновы цветочки! Тошнит...

БРАТ ФЕЛИКС (*прерывает чтение и смотрит невозмутимо на класс. Когда становится более-менее тихо, продолжает*). «...если после этого он откажется открыть нам и оставит нас снаружи, беззащитных перед снегом и дождем, страдающих от холода и голода, в ночи, — тогда, если мы примем такую несправедливость, такую жестокость и такое оскорбление с терпением, без досады и ворчания, смиренно и милостиво, понимая, что привратник на самом деле знает нас...»

НАЦИСТ вскакивает. Бьет кулаком по столу. Видно, что ему хочется кого-нибудь ударить. Текст, который читает БРАТ ФЕЛИКС, выводит его из себя.

НАЦИСТ. Меня тошнит от этих блядских цветочков! Затаптать все, и конец! Блядь, взять косу, и жак!

БРАТ терпеливо ждет, давая НАЦИСТУ выпустить пар, после чего читает дальше.

БРАТ ФЕЛИКС. «...и что это по воле Бога он так говорит против нас, напиши, о Брат Лев, это есть совершенная радость... И если, побуждаемые холодом и голодом, мы постучимся вновь, позовем привратника, умоляя его со слезами открыть нам и дать приют ради любви к Богу...»

В какой-то момент в классе воцаряется тишина, слышно только БРАТА ФЕЛИКСА и НАЦИСТА.

НАЦИСТ. А на хуй эти цветки вообще? На хуй!

БРАТ ФЕЛИКС прерывает чтение, смотрит на разъяренного и мечущегося **НАЦИСТА**. Не реагирует на его слова. Когда тот садится, продолжает читать дальше.

БРАТ ФЕЛИКС. «...и если он выйдет еще более рассерженный, чем раньше, восклицая: “Упрямые негодники, я разберусь с ними, как они того заслуживают” — и, взяв узловатую палку, схватит нас за капюшоны, повалит на землю, вывалит нас в снегу и будет бить нас и ранить сучками палки...»

НАЦИСТ перебивает монаха, подходит к нему и кричит прямо в лицо. Кажется, он вот-вот его ударит. **БРАТ ФЕЛИКС**, похоже, готов дать сдачи. Но драки не происходит.

НАЦИСТ. Мозги мне ебут, и все! *(Отворачивается, стоит у окна, словно раздумывая, прыгнуть или нет.)*

БРАТ ФЕЛИКС с наигранным спокойствием продолжает читать.

БРАТ ФЕЛИКС. «...если мы снесем все эти несправедливости с терпением и радостью, думая о страданиях нашего Благословенного Господа, которые мы разделим с ним из любви к Нему, напиши, о Брат Лев...»

НАЦИСТ поворачивается и направляется в сторону двери.

НАЦИСТ. Иду блевать!

БРАТ ФЕЛИКС. «...это, наконец, и есть совершенная радость».

НАЦИСТ хлопает дверью. В классе царит гробовая тишина.

Сцена 9

Будуар ЧИХОЛИНЫ. КЕРМИТ стоит в дверях, он только что вошел.

ЧИХОЛИНА — вызывающе одетая сорокалетняя женщина с большим бюстом. КЕРМИТ смущен.

ЧИХОЛИНА. Так это ты девственник?

КЕРМИТ. Не понял?

ЧИХОЛИНА. Ну, ты спал когда-нибудь с женщиной или только сам себя?..

КЕРМИТ, смутившись, поворачивается боком, стараясь не смотреть ей в лицо. Она встает и подходит к нему.

КЕРМИТ. Ну, о таком не говорят...

Она берет его за подбородок и смотрит ему в глаза. Он вырывается.

ЧИХОЛИНА. У меня обо всем говорят, как на исповеди.

КЕРМИТ вырывается и отворачивается, как будто хочет убежать.

КЕРМИТ. Во дает, прям как у монахов...

Она хватает его за рукав, тянет за собой.

ЧИХОЛИНА. У меня не выражаться, понял? Ты знаешь, кто я?

КЕРМИТ. Мммм...

ЧИХОЛИНА. Ну, кто я?

КЕРМИТ. Ну, знаю.

ЧИХОЛИНА. Если знаешь, скажи.

КЕРМИТ робко смотрит на нее.

КЕРМИТ. Ну, блядь...

ЧИХОЛИНА хватает КЕРМИТА и бросает на кровать.

ЧИХОЛИНА. Не смей выражаться!

КЕРМИТ. А че такое?

ЧИХОЛИНА. А ничего! Скидывай все!

КЕРМИТ. Как это?..

ЧИХОЛИНА. Я что, непонятно говорю? Раздевайся!

КЕРМИТ. Но я только...

ЧИХОЛИНА. Ты зачем пришел? Наверное, не поговорить.

КЕРМИТ. Как раз поговорить.

ЧИХОЛИНА. Говорить можешь там, с монахами, а у меня надо работать... За дело!

КЕРМИТ. Я только хотел узнать, как это бывает... Кореша мне столько о вас рассказывали...

ЧИХОЛИНА. Кореша? Какие кореша?

КЕРМИТ. Ну, Пахан, например...

ЧИХОЛИНА. Вроде мужики, а языками мелют, как бабы, ха, ха! Ну, целка, вперед!

КЕРМИТ. Я не целка!

ЧИХОЛИНА. Нет? Ну это мы сейчас узнаем. (*Выключает свет.*)

На сцене видны только темные силуэты. Слышна какая-то душещипательная мелодия. Потом ее сменяет «Ты тоже Бог, пойми ты это...»

АКТ II

Сцена 10

БРАТ ФЕЛИКС входит в спальню, неся в руках стопку глянцевого журналов. На всех обложках обнаженные женщины с огромной грудью.

БРАТ ФЕЛИКС. Кто это сюда принес?

ВСЕ. Это не наше.

БРАТ ФЕЛИКС. Откуда здесь взялась порнография?

КАБЕЛЬ. Порно? Здесь? Не может быть!

БРАТ ФЕЛИКС. А это что? *(Показывает журналы.)*

Все бросаются вперед.

ПАХАН. Можно?

КЕРМИТ. Мне тоже!

МЕЛКИЙ. И мне!

ТЕЛКА. Можно посмотреть?

ПАХАН удивленно смотрит на ТЕЛКУ.

ПАХАН. Ты?

БРАТ ФЕЛИКС. Вот именно.

Все расхватывают журналы. Листают, ржут.

КЕРМИТ. Это художественные журналы.

ПАХАН. По искусству...

БРАТ ФЕЛИКС отбирает у них журналы и прячет в рукаве рясы.

БРАТ ФЕЛИКС. Это искусство? Это?

ПАХАН. Еще какое.

ВСЕ *(ржут)*. Искусство любви!

КЕРМИТ. Вот кто дышит полной грудью!

МЕЛКИЙ *(писклявым голосом)*. У них и на чем сидеть есть!

БРАТ ФЕЛИКС. Тихооооо!

ФОНАРЬ. ...Козлы!

БРАТ ФЕЛИКС. Я этого не говорил. *(Смотрит на ребят, переводя взгляд с одного лица на другое.)*

Тишина. В спальню входит БРАТ КАМИЛЬ. В этот момент из рукава БРАТА ФЕЛИКСА выпадают порножурналы. БРАТ КАМИЛЬ смотрит на пол, наклоняется и поднимает один из них.

БРАТ ФЕЛИКС (*стусевавшись*). Еще раз спрашиваю: откуда это здесь взялось?

КАБЕЛЬ. Из киоска. Не видели? Тут рядом, в газетном киоске этого навалом, только бабла нет...

БРАТ ФЕЛИКС. В киоске, здесь, рядом?

ПАХАН. Да, газеты и журналы, свежая пресса.

БРАТ КАМИЛЬ. Нам придется обратить на это внимание.

КЕРМИТ. Нам тоже.

МЕЛКИЙ. Только где взять бабло?..

Затемнение.

Сцена 11

Все сидят в классе за партами. БРАТ ХОНОРИЙ забрасывает мяч в корзину.

БРАТ ХОНОРИЙ. Мы создадим харцерский отряд.

ВСЕ. Урааааааааа!

БРАТ ХОНОРИЙ. Вы получите форму.

ПАХАН. Наконец-то нормальные шмотки.

МЕЛКИЙ. Военную?

БРАТ ХОНОРИЙ. Какую захотите... Скорее, харцерскую.

НАЦИСТ. Лучше военную...

МЕЛКИЙ. Как у десантников!

БРАТ ХОНОРИЙ. Тихо! Спокойно! Надо придумать название.

Минуту царит тишина. Все смотрят друг на друга.

БРАТ ХОНОРИЙ. Ну, как мы себя назовем?

ВСЕ (*хором*). Отморозки!
БРАТ ХОНОРИЙ. Нет! Так нельзя...
КЕРМИТ. Но ведь нас так зовут.
БРАТ ХОНОРИЙ. Ладно, оставим это. Начинаем урок.

МЕЛКИЙ хочет что-то сказать. Он поднимает руку. БРАТ ХОНОРИЙ жестом дает ему слово.

МЕЛКИЙ. А стволы какие-нибудь нам дадут?
БРАТ ХОНОРИЙ. Стволы?
ПАХАН. Пушки.
БРАТ ХОНОРИЙ. Зачем?
НАЦИСТ. Как зачем? Без оружия чего мы стоим?
БРАТ ХОНОРИЙ. А с кем вы собираетесь воевать?
КЕРМИТ. А если кто заступит дорогу...
УТЮГ. С бандюками!
МЕЛКИЙ. С Черным Челом!
БРАТ ХОНОРИЙ. Может, со злом?

Все удивленно смотрят на БРАТА ХОНОРИЯ, будто ждали чего-то другого.

БРАТ ХОНОРИЙ. Большинство из вас уже держали в руках оружие... (*Оглядывает гордые лица пацанов.*) И это плохо кончилось... Может, достаточно?

ВСЕ (*с явным недовольством*). Ээээээээ!

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто-нибудь из вас знает, когда мы получили независимость?

НАЦИСТ. Чего?

БРАТ ХОНОРИЙ. Независимость.

ПАХАН. Видал я эту независимость!

БРАТ ХОНОРИЙ. Что значит видал? Ты знаешь, что такое независимость?

ПАХАН пожимает плечами.

НАЦИСТ. Кермит знает!

БРАТ ХОНОРИЙ. Тогда пусть скажет.

КЕРМИТ. Независимость — это когда человек не сидит...

БРАТ ХОНОРИЙ. А ты?

НАЦИСТ. Он не сидел, а его предок — да.

БРАТ ХОНОРИЙ. Ты о себе говори!

НАЦИСТ. Мой предок тоже сидел. Так что нам от этой независимости...

ФОНАРЬ. Вот именно, нам от этого...

УТЮГ. Вообще, мы тут при чем?

КАБЕЛЬ. Вот именно, нам-то что от этого?

БРАТ ХОНОРИЙ открывает томик поэзии Мицкевича. Читает стихотворение о независимости, при этом жестикулирует, из-под рукава у него выглядывают шикарные часы. **МЕЛКИЙ** водит взглядом за рукой монаха, тычет в бок **ТЕЛКУ**.

МЕЛКИЙ (*шепотом*). Смотри, часы! Золотые.

ТЕЛКА (*шепотом*). А разве монахам можно носить золото?

МЕЛКИЙ. Э, наверное, лажа какая-нибудь, а не золото.

ТЕЛКА. У этого золотые.

МЕЛКИЙ. Откуда ты знаешь?

ТЕЛКА. Спорим?

МЕЛКИЙ. Ну откуда?

УТЮГ. Слушай, кореш, Телка в этом сечет, он работал на рынке... У него в ассортименте и не такое было.

МЕЛКИЙ. Правда?

ТЕЛКА. Я мог бы когда-нибудь открыть ювелирный магазин.

Сцена 12

БРАТ ФЕЛИКС тащит под мышкой альбомы по искусству и репродукции.

БРАТ ФЕЛИКС. Сегодня я покажу вам разные изображения красивых женщин. Мы посмотрим, как их представляли известные художники. Для начала изображение Мадонны.

ВСЕ. Ууууууу!

БРАТ ФЕЛИКС. Я так понимаю, это возглас одобрения. Может, кто-то хочет сказать что-нибудь на эту тему?

ВСЕ. Какую тему?

БРАТ ФЕЛИКС. Сегодняшнюю.

УТЮГ. Речь идет о...

БРАТ ФЕЛИКС. Да, да...

УТЮГ. О Мадонне.

ТЕЛКА (*подсказывает*). Ну, о певице, короче.

БРАТ ФЕЛИКС. Певице?

ТЕЛКА. Вы что, не знаете? Как это у нее?..

МЕЛКИЙ (*напевает*). Justify my love...

БРАТ ФЕЛИКС. Кто-нибудь знает еще какую-нибудь Мадонну?

ТЕЛКА. А есть еще?

БРАТ ФЕЛИКС. Да. Но она не поет.

ВСЕ. Ээээээ.

БРАТ ФЕЛИКС достает одну из репродукций и показывает всем.

БРАТ ФЕЛИКС. Хватит придуриваться. Смотрите, о ком идет речь.

ВСЕ. Аааааааа.

БРАТ ФЕЛИКС. Согласитесь, она очень красивая. Нарисовал ее Микеланджело.

Пока БРАТ ФЕЛИКС рассказывает о живописи, КАБЕЛЬ рассказывает о видеоклипе с Мадонной.

КАБЕЛЬ. ...она сначала с чемоданом... идет... идет... длинный коридор, а с боков бабы, переодетые в мужиков, и какой-то черномазый, извивается как змей, точно хочет

какую-то бабцу снять... ну, а эта идет с чемоданом, а в чемодане все ее шмотки, потому что на ней почти ничего... А как мужика увидит, присядет на корточки, ноги раскопачит и чешется, а мужик идет себе, и ничего...

МЕЛКИЙ. Как — ничего?

КАБЕЛЬ. Ну, ничего. А потом она входит в такую комнату, ну, типа борделя.

МЕЛКИЙ. Чего?

КАБЕЛЬ. Ну, агентство «Досуг». Что, никогда не был?

УТЮГ. Как у Чичолины?

КАБЕЛЬ. Ну, не совсем. Короче, она туда входит, там стоит огромная шконка, все готово для этого, ну, понял...

МЕЛКИЙ. Кто входит?

КАБЕЛЬ. Ну, та баба с чемоданом и с этим, как его, с каким-то ёбарем...

УТЮГ. И что?

КАБЕЛЬ. Что они могли делать?

МЕЛКИЙ. Ну, не знаю.

КАБЕЛЬ. Ты что, не знаешь, что может баба сделать такому фраеру?.. Не выводите меня.

МЕЛКИЙ. Мне же 8 лет... я еще не успел, пока меня не замели, а ты?

УТЮГ. Я успел.

МЕЛКИЙ. А ты?

КАБЕЛЬ. Надо тебя к Чичолине отвести, она тебе все расскажет, а может, и...

МЕЛКИЙ. Возьмешь меня как-нибудь?

КАБЕЛЬ. А что я с этого буду иметь?

МЕЛКИЙ. А чего бы ты хотел?

КАБЕЛЬ озирается, смотрит на БРАТА ФЕЛИКСА, видит на руке у него детские пластмассовые часы. КАБЕЛЬ смотрит на часы, недоумевая.

После паузы.

КАБЕЛЬ. Знаешь... я бы хотел... часы... помнишь? Брат Хонорий... харцерский отряд и все эти прибамбасы...

МЕЛКИЙ. А может, эти хочешь? (*Показывает на пластмассовые часы Брата Феликса.*)

КАБЕЛЬ. Охуел? Те золотые!

МЕЛКИЙ. Заметано. У меня — как в банке.

БРАТ ФЕЛИКС. Перестаньте разговаривать. (*Показывает картину.*) Этот образ, созданный Боттичелли, считается самым прекрасным изображением женщины. Если захотите, я дам вам репродукции, и вы сможете их у себя повесить.

ТЕЛКА. Я хочу.

БРАТ ФЕЛИКС. Это Венера. Вы знаете, как она родилась?

УТЮГ. Так же, как и мы.

БРАТ ФЕЛИКС. Ну и как же?

УТЮГ. Не хватило резинок!

ПАХАН. Ее аист принес.

НАЦИСТ. Нашли в капусте.

БРАТ ФЕЛИКС. Нет! Она восстала из пены морской.

НАЦИСТ (*Пахану*). Ничего не пойму: он серьезно или прикалывается?

БРАТ ФЕЛИКС (*Телке*). Возьми. Можешь повесить ее у себя над кроватью.

ТЕЛКА забирает репродукцию у БРАТА ФЕЛИКСА и вешает ее на стену над своей кроватью.

Затемнение.

Сцена 13

У ЧИХОЛИНЫ. На ней халатик с оборками. Она расставляет стаканы с чаем. На кровати сидят трое пацанов, руки на коленях, тихие и спокойные.

ЧИХОЛИНА. Ну, что там у вас? Говорите!

КАБЕЛЬ. А у вас как дела?

ЧИХОЛИНА. Лучше не бывает. А у вас?

НАЦИСТ. Да вот, малолетку привели.

ЧИХОЛИНА. У меня нет леденцов.

НАЦИСТ. Он никогда еще... ну, вы понимаете...

КАБЕЛЬ. Целка.

ЧИХОЛИНА поворачивается и внимательно смотрит на ребят.

ЧИХОЛИНА. Только он, что ли?

КАБЕЛЬ опускает глаза. Подтягивает кверху левый рукав и украдкой смотрит на часы. Это часы БРАТА ФЕЛИКСА.

НАЦИСТ. Может, расскажете ему, откуда дети берутся?

ЧИХОЛИНА. А может, еще и показать?

КАБЕЛЬ с гордостью демонстрирует часы. НАЦИСТ кивает и поднимает вверх большой палец.

КАБЕЛЬ. Мммм.

ЧИХОЛИНА. Вот когда монахи возьмут меня на работу воспитательницей, тогда и расскажу. А за бесплатно ничего не будет.

НАЦИСТ. А вы можете мне...

ЧИХОЛИНА. Что?

НАЦИСТ. Ну, частные уроки...

ЧИХОЛИНА. Да ты знаешь, сколько у меня урок стоит? Перед вами специалистка высокого класса. *(Смотрит на Нациста.)*

Он опускает глаза.

ЧИХОЛИНА. Кончайте о сексе. Расскажите что-нибудь про настоящую жизнь.

МЕЛКИЙ. Ээээ, какая там жизнь...

ЧИХОЛИНА. А сидел бы ты щас в тюрьге — вот это была бы жизнь, да?

НАЦИСТ. Этот еще мелкий, а за этим вот (*показывает на Кабеля*) предки приехали, хотят домой забрать.

ЧИХОЛИНА. Так радуйся, малыш. Нигде не будет лучше, чем у мамы!

МЕЛКИЙ. А он не хочет.

ЧИХОЛИНА. Ты что, рехнулся? С монахами будешь жить всю жизнь?

КАБЕЛЬ. Лучше это, чем...

ЧИХОЛИНА. Чем угол в семье? Да они же вспомнили о ребенке. Лучше поздно, чем никогда.

НАЦИСТ хватает КАБЕЛЯ за руку. Тянет к себе, а потом задирает ему рубаху на спине.

НАЦИСТ. Покажи. (*Показывает спину Кабеля, всю в рубцах и шрамах.*) Вот как они его любят!

ЧИХОЛИНА смотрит на исполосованную шрамами спину мальчика.

ЧИХОЛИНА. Что это? (*Прикасается к шрамам, а потом обнимает Кабеля.*) Ту сволочь, которая это сделала, я бы за яйца подвесила.

КАБЕЛЬ (*плачет*). Это отец...

Взволнованная ЧИХОЛИНА притягивает к себе КАБЕЛЯ, прижимает к своей большой груди. НАЦИСТ и МЕЛКИЙ сидят на кровати и наблюдают за КАБЕЛЕМ. Тот все сильнее прижимается к пышному бюсту ЧИХОЛИНЫ. Кореша кивают одобрительно, мол, так держать. Потом видят, что КАБЕЛЬ подмигивает им и улыбается довольный. НАЦИСТ и МЕЛКИЙ стучаются ладонями.

Затемнение.

Сцена 14

Трапезная. БРАТ КАМИЛЬ сидит за столом, на котором лежат документы КАБЕЛЯ.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Мы имеем право.

БРАТ КАМИЛЬ. А разве вас не лишили родительских прав?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. За что это?

Сидящий рядом БРАТ ПАВЕЛ достает фотографии.

БРАТ ПАВЕЛ. За это!

МАТЬ КАБЕЛЯ. Но ведь это не доказано.

БРАТ ПАВЕЛ. Но вы-то точно знаете, кто это сделал?
(Пристально смотрит в лицо матери. Однако она кажется невозмутимой.)

МАТЬ КАБЕЛЯ. Мальчик шустрый, сам покалечился.

БРАТ ПАВЕЛ. И сам потерял сознание.

МАТЬ КАБЕЛЯ. Так врачи сказали.

БРАТ ПАВЕЛ. И основание черепа тоже разбил... себе сам.

МАТЬ КАБЕЛЯ. Не знаю, я в этом не разбираюсь.

БРАТ КАМИЛЬ. А зачем вы его забираете?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Он наш сын.

БРАТ КАМИЛЬ. Это мы знаем.

МАТЬ КАБЕЛЯ. Его место — дома.

БРАТ КАМИЛЬ. А если он не хочет возвращаться?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Мы имеем право забрать его, и все.

БРАТ ПАВЕЛ. Ваш сын исчез, мы его ищем...

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Как это? Слиял? Говорил я, надо его в нормальное место, с решетками.

БРАТ КАМИЛЬ оглядывает трапезную. На стене висит крест. Он смотрит на него.

БРАТ КАМИЛЬ. А здесь место ненормальное.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Парень должен знать порядок, а не так...

БРАТ ПАВЕЛ (*иронично*). Дисциплина должна быть.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Твердая рука еще никому не вредила.

БРАТ ПАВЕЛ все время иронизирует. ОТЕЦ КАБЕЛЯ этого не понимает, но МАТЬ что-то подозревает. Она внимательно наблюдает за БРАТОМ ПАВЛОМ и своим мужем.

БРАТ ПАВЕЛ. Отец должен быть главным, да?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Иногда парню надо напомнить, где его место.

БРАТ ПАВЕЛ. Лучше пусть собственный отец приложит, чем кто-то чужой.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Вот именно.

МАТЬ нетерпеливо дергает мужа за рукав.

МАТЬ КАБЕЛЯ (*шепчет мужу*). Успокойся!

В этот момент в трапезную входит запыхавшийся БРАТ ХОНОРИЙ.

БРАТ ХОНОРИЙ. Пропал! Мы не знаем, где он.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Как это?

МАТЬ КАБЕЛЯ. Сбежал?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Надо звонить в полицию.

БРАТ КАМИЛЬ. Это уже наше дело.

Затемнение.

Сцена 15

Спальня, на стене висит репродукция Боттичелли, Венере пририсованы мужские гениталии, а внизу надпись: Телка — пидор.

ТЕЛКА включает магнитофон с хаус-музыкой и начинает дрыгаться. Все лежат на кроватях. КЕРМИТ встает и подходит к ТЕЛКЕ. Тащит за руку, как будто хочет с ним танцевать. ТЕЛКА вырывает руку и поворачивается к КЕРМИТУ задом. Делает вид, что не замечает его. Все с кровати следят за ними.

ПАХАН. Кермит, трахни Телку... Смотри, как завелась.

КЕРМИТ. А как?

ПАХАН. Как? Нормально, как баб трахают.

НАЦИСТ. Черный бы знал, как это делается...

ТЕЛКА, испугавшись, ретируется. Забивается в угол кровати и закрывается руками. Между тем ребята становятся все смелее, все агрессивнее, подзуживают друг друга. ФОНАРЬ наблюдает за происходящим издали: как новенький, он лежит в стороне от всех.

КЕРМИТ. Трахни Телку, чё такого?

ПАХАН. Ну, давай!

НАЦИСТ. Можно, я первый?

ПАХАН. Дайте Мелкому, он небось еще ни одной палки не кинул. (*Мелкому.*) Ты — целка?

МЕЛКИЙ краснеет, смутившись.

НАЦИСТ. Мелкий — целка! Мелкий — целка!

МЕЛКИЙ. Ну и что? Я готов.

ПАХАН. Ладно, пусть малышня покажет, что может...

КЕРМИТ. Если есть чем! Ха, ха, ха...

Все хохочут. МЕЛКИЙ, который младше ТЕЛКИ, подбегает к его кровати и набрасывается на него. ТЕЛКА сопротивляется.

ПАХАН. Ты, Мелкий, не так... с Телкой надо ласково... они это любят.

МЕЛКИЙ. Ну и чего делать? Телка не хочет...

ПАХАН. С женщинами надо уметь обращаться.

МЕЛКИЙ по-прежнему пристаёт к ТЕЛКЕ. Тот его отталкивает, в какой-то момент МЕЛКИЙ расстегивает штаны, спускает трусы. Все покатываются со смеху. ФОНАРЬ наблюдает за этим издали, потом шепчет КАБЕЛЮ, который лежит на соседней кровати.

ФОНАРЬ. Сделай что-нибудь.

КАБЕЛЬ. Что?

ФОНАРЬ. Кончай этот цирк, ты же можешь.

КАБЕЛЬ. Чтобы я кайф сломал?

ФОНАРЬ. Мне это не в кайф.

НАЦИСТ (*кричит*). Ну, давай! Арни бы знал, что с баб-цой надо делать.

Все обступают ТЕЛКУ, начинают хватать его за руки, тащат на середину спальни. ФОНАРЬ, не выдержав, кричит.

ФОНАРЬ. А Черный — педик?

КЕРМИТ. Что?

ФОНАРЬ. Я спрашиваю: Арнольд — педик?

НАЦИСТ. Нет, а чё?

ФОНАРЬ. Он бы пацана не трогал.

ПАХАН. Какого пацана?

ФОНАРЬ. Этого.

КЕРМИТ. Да ведь это Телка.

ФОНАРЬ. Телка — пацан.

КЕРМИТ. Отъебись, понял?

ФОНАРЬ. Телка — пацан. Ты же не хочешь стать педиком?

НАЦИСТ. Телка — это Телка.

ФОНАРЬ. Так он же пацан.

КАБЕЛЬ. Ты, Телка, покажи им свой конец, чтоб от тебя отвяли!

НАЦИСТ. Блядь, вы чё? Бабу защищаете? Может, она у вас берет?

ФОНАРЬ. Черный бы этого не сделал.

КАБЕЛЬ. Черный — не педик...

ФОНАРЬ. Телка, покажи ты им, пусть отъебутся!

ФОНАРЬ не выдерживает, подбегает к лежащему на полу перепуганному парнишке и тормошит его. Тянет за брючины, штаны сползают, пацаны замирают, выгаражив глаза. **ТЕЛКА** совершенно сбит с толку. Ему страшно, он больше не защищается. Все стоят язык проглотив.

НАЦИСТ. О бля, точно есть!

КЕРМИТ. А мы думали — баба.

МЕЛКИЙ (*плачет*). Вот подстава!

В этот момент звенит звонок, словно бы призывая всех к порядку. **МЕЛКИЙ** застегивает штаны, вытирает рукавом слезы. **ТЕЛКА** встает с пола, застегивается.

КАБЕЛЬ. Пошли молиться.

МЕЛКИЙ. Блеть хочется.

ПАХАН подходит к **ТЕЛКЕ** и дружески похлопывает его по спине, как будто ничего не произошло.

ПАХАН. Че ты паришься? Ничего же не случилось.

ТЕЛКА недоверчиво смотрит на него.

ПАХАН. Ты думал, эти, ну, того?..

ТЕЛКА утвердительно кивает.

ПАХАН. Пацаны хотели оторваться...

НАЦИСТ. Тоска такая, крыша может поехать.

ПАХАН. Оторваться — милое дело.

ТЕЛКА. Так засунь себе гранату в жопу!

НАЦИСТ подходит к ТЕЛКЕ и похлопывает его по щеке.

КЕРМИТ. Знаешь что, Телка, мы за тебя помолимся.

Все ржут. В спальню входит БРАТ ХОНОРИЙ.

БРАТ ХОНОРИЙ. Ребята, время молитвы. Сбор в часовне через 5 минут. И прошу вас, во время молитвы не разговариваем. Выдержим хотя бы 10 минут, хорошо?

ВСЕ. Так точно, брат Хонорий!

Затемнение.

Сцена 16

Часовня, аскетичное убранство. Все стоят на коленях перед деревянным крестом с белоснежным гипсовым распятием. Впереди, слегка сутулясь, стоит на коленях БРАТ ХОНОРИЙ.

БРАТ ХОНОРИЙ. Слава в вышних Господу, теперь мы будем хорошими и честными, укрепи нас в нашем решении, аминь.

КАБЕЛЬ. ...теперь мы будем хорошими...

ВСЕ. ...хорошими и честными, помоги нам, Господи, и укрепи нас в нашем решении...

ПАХАН. Аминь.

БРАТ ХОНОРИЙ. Пресвятая Богородица, будь нашей заступницей у Сына Твоего. Радуйся, Мария, полная благодати; с тобою Господь.

КАБЕЛЬ. Благословенна ты в женах...

ВСЕ. ...и благословен плод чрева твоего Иисус.

БРАТ ХОНОРИЙ. Святая Мария, Матерь Бога, молись за нас, грешных, даже и в час...

КАБЕЛЬ. ...и в час смерти нашей...

БРАТ ХОНОРИЙ. Теперь мы будем хорошими!
ВСЕ. Теперь мы будем хорошими! Аминь!

Все поднимаются с колен.

Затемнение.

Сцена 17

Все сидят тесной кучкой. Возможно, это то же место, где они только что молились. В центре **ПАХАН**, который отдает указания. Он говорит, понизив голос, чтобы не услышал никто из посторонних. **ФОНАРЬ** стоит в стороне, он ведь новенький.

ПАХАН. Слушайте, пацаны, надо залезть в дом навороченного итальянца и забрать ребенка.

НАЦИСТ. Навороченного? Это как?

ПАХАН. Получится примерно по 5 кусков на рыло.

КЕРМИТ. Ни хера себе, сколько бабла!

ПАХАН. Не спеши, все надо обмозговать. Ты, Утюг, получишь бабки и купишь маски и перчатки.

УТЮГ. О'кей. Будет сделано.

ПАХАН. Перед делом получите пушки...

КАБЕЛЬ. Ураааааа!

ПАХАН. Липу.

НАЦИСТ. Липу?

ПАХАН. А на хрен нам нужны настоящие? В четырехлетнюю мелочь будешь стрелять?

ФОНАРЬ (*иронизирует*). Можно еще маманю замочить.

ПАХАН. А ты, блядь, не встрейвай.

УТЮГ. А где вы этого пацана хотите держать? Здесь?

НАЦИСТ. У меня на прицеле один подвал.

УТЮГ (*издевательски*). Прикольнo, на куче угля, с крысами...

КЕРМИТ. Он прав, если ребенок заболит или еще чего похуже, бабло мимо носа пролетит.

ПАХАН (*Фонарю, агрессивно*). Тебе что-то не нравится?

ФОНАРЬ. А если у итальянца есть охрана или собаки, ротвейлеры, тогда что? Будете в них из своих концов стрелять, пиф-паф?

ПАХАН. Не пизди. За день до этого мы все разведаем, чтоб облома не вышло.

КЕРМИТ. Можно я?

ПАХАН. Я беру малыша, он меньше в глаза бросается. (*Кермиту.*) Ну а ты чего можешь?

КЕРМИТ. Мы уже такое проворачивали с пацанами с нашего двора, почистили один магазин.

УТЮГ. Рыбный, что ли?

КЕРМИТ (*стусевавшись*). Да нет, оптовый.

УТЮГ. Пивной ларек небось? (*Всем.*) Так ужрались, что их всех тут же и повязали.

КЕРМИТ. Утюг, ты что, блядь, пиздишь? Получить хочешь? (*Подскакивает к Утюгу, но Пахан разводит их.*)

ПАХАН. Классно, если б дверь открыла его баба. Итальянец подозрительный, надо будет его сразу связать. Утюг, купишь еще скотч, только хороший.

УТЮГ. Скотч — самое оно.

ПАХАН. И ни к чему там не прикасаться. Связать родителей, рты им заклеить, чтоб не выли, и забрать мобилы на всякий. И за детеночком аккуратненько наверх.

НАЦИСТ. Говоришь, итальянец на бабле сидит?

ПАХАН. Ну, сидит, это метафора такая.

НАЦИСТ. Мета... блядь, что? То есть не лежит?

ПАХАН. Он лавэ в банке держит. Надо его заставить, чтоб все снял, только и делов. Забираешь сумку, и все.

ФОНАРЬ. Ты забыл о пацанчике.

ПАХАН. Ты чего приебываешься, новенький?

КЕРМИТ. Фонарь будет его нянчить!

ПАХАН. Нет! Блядь, если ему не нравится, пусть уебывает, больше бабла выйдет на рыло.

ФОНАРЬ. Я свою часть пожертвовал бы на часовню святого Франциска.

КЕРМИТ. Пиздишь?

ФОНАРЬ. А ты?

КЕРМИТ. Ну, не знаю... Музыкальный центр куплю.

КАБЕЛЬ. А я сваливаю.

ФОНАРЬ. Куда?

КАБЕЛЬ. В... Англию, или в Ирландию, или в Мексику, там меня предок не найдет.

НАЦИСТ. Утюг поедет в санаторий худеть.

УТЮГ. Да я себе столько жратвы куплю...

ПАХАН. Пацана продадим за границу, будут еще бабки... Можно монахам сколько-нибудь подкинуть, пусть радуются, они ничего ребята.

ФОНАРЬ. Про Телку забыли.

НАЦИСТ. Телке дадим на новое платье! Ха, ха, ха!

Затемнение.

Сцена 18

Келья **БРАТА ПАВЛА.** **БРАТ** просматривает учебники, готовясь к завтрашним занятиям. Посреди кельи робко стоит **ТЕЛКА.**

БРАТ ПАВЕЛ. Ну что у тебя?

ТЕЛКА. Брат Павел, что значит спасенный?

БРАТ ПАВЕЛ перестает писать. Внимательно смотрит на **ТЕЛКУ.**

БРАТ ПАВЕЛ. С чего вдруг такой серьезный вопрос?

ТЕЛКА. Я хочу знать...

БРАТ ПАВЕЛ. Встречаешься с Господом лицом к лицу и можешь на Него смотреть.

ТЕЛКА. В небе?

БРАТ ПАВЕЛ. Можешь назвать это раем или Божьим домом.

ТЕЛКА. И у меня тоже есть шанс?

БРАТ ПАВЕЛ. Милосердие Божье безгранично.

ТЕЛКА. Но я... вы знаете, я плохой.

БРАТ ПАВЕЛ. Все мы грешны.

ТЕЛКА. Но не так, как я, я больше.

БРАТ ПАВЕЛ. Мне кажется, ты никого не убивал.

ТЕЛКА отрицательно качает головой.

БРАТ ПАВЕЛ. Ну, видишь? Ты не перерезал никому горло, не проламывал никому голову огнетушителем, не поджигал товарища...

ТЕЛКА. Я думал, я хуже всех.

БРАТ ПАВЕЛ. Почему?

ТЕЛКА. Мне все это говорили.

БРАТ ПАВЕЛ. Все?

ТЕЛКА. Ну, несколько пацанов.

БРАТ ПАВЕЛ. Несколько — это еще не все. Может, им хотелось, чтобы кто-то был еще хуже них. И выпало на тебя.

ТЕЛКА. Значит, у меня есть шанс?

БРАТ ПАВЕЛ. У всех есть шанс, и у тебя точно есть.

ТЕЛКА. Значит, я могу быть спасен?

БРАТ ПАВЕЛ. Ну, конечно!

ТЕЛКА. А как?

БРАТ ПАВЕЛ. Ну, ты должен выполнить некоторые условия...

Затемнение.

Сцена 19

В спальне внезапно зажигается свет. Влетает запыхавшийся БРАТ ХОНОРИЙ. Все вскакивают с кроватей. БРАТ идет к кровати ФОНАРЯ.

ФОНАРЬ лежит, съжившись, весь в крови. БРАТ хватает его за руку.
Тот не реагирует.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто это сделал? (*Смотрит на окружающих его ребят.*)

ФОНАРЬ лежит неподвижно. Молчит. Все смотрят на ФОНАРЯ и БРАТА ХОНОРИЯ. Тишина.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто это сделал? (*Наклоняется к Фонарю.*)

Тот открывает глаза. У него все лицо в крови.

БРАТ ХОНОРИЙ. Скажи, кто это сделал. Мы с ним разберемся.

ФОНАРЬ пробует улыбнуться.

БРАТ ХОНОРИЙ. Если ты будешь укрывать зло, мы никогда с ним не справимся.

ФОНАРЬ. Интересно, а что вы ему сделаете?

БРАТ ХОНОРИЙ. Оно будет наказано.

ФОНАРЬ смотрит на него с ненавистью. Столпившиеся вокруг ребята не сводят с ФОНАРЯ глаз.

БРАТ ХОНОРИЙ. Ну, скажи, кто это сделал?

ФОНАРЬ. Черный.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто это такой?

ФОНАРЬ. Черный Чел — Шварценеггер.

БРАТ ХОНОРИЙ. Шутишь?

ФОНАРЬ отрицательно качает головой.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто из них? (*Испытующе смотрит на окружающих.*)

Их лица непроницаемы, не выражают ни жалости, ни сочувствия. БРАТ поворачивается к ФОНАРЮ и смотрит на его окровавленное лицо.

ФОНАРЬ отрицательно качает головой.

БРАТ ХОНОРИЙ. Здесь такого нет.

ФОНАРЬ. Есть.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто?

ФОНАРЬ. Есть. Он везде.

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто?

ФОНАРЬ. Его все боятся. И вам бы надо.

В этот момент появляется БРАТ КАМИЛЬ.

БРАТ КАМИЛЬ. Что случилось?

БРАТ ХОНОРИЙ. Кто-то порезал его лезвием...

БРАТ КАМИЛЬ. Опять?

БРАТ ХОНОРИЙ. Что значит опять?

Затемнение.

АКТ III

Сцена 20

Трапезная. За столом сидят четверо монахов. В центре на стуле — побритый наголо НАЦИСТ, 17 лет, состояние здоровья хорошее, психическое состояние в норме. Братья просматривают его бумаги, задают краткие вопросы.

БРАТ КАМИЛЬ. Ты сбежал из Пщинской колонии, да?

НАЦИСТ утвердительно кивает.

БРАТ КАМИЛЬ. Это тогда случилось?

НАЦИСТ. Тогда еще нет.

БРАТ КАМИЛЬ. А когда?

НАЦИСТ. Позже... гораздо позже...

БРАТ ХОНОРИЙ. Но зачем?

НАЦИСТ. Не знаю... я чувствовал, что должен ее убить.

Я не видел другого выхода.

БРАТ КАМИЛЬ. Ты хорошо ее знал?

НАЦИСТ. Магду?

Братья молчат, сверля взглядами парня. Тот ежится под их взглядами.

НАЦИСТ. Я жил с ней в одной комнате, а ее мать жила в другой. Она не сказала мне, что ей только четырнадцать, выглядела старше. Ее мать работала в библиотеке и никогда не лезла в наши дела.

БРАТ ПАВЕЛ. Вы жили вместе под одной крышей? Как одна семья?

НАЦИСТ. Ну нет. Мать у Магды была иногда очень, ну, такая, добрая. Лучше всего было в праздники. Супер, как в семье.

БРАТ ФЕЛИКС. Вы ходили в костел? Молились?

Вопрос очень удивляет НАЦИСТА.

НАЦИСТ. Да вы что? Мы?

Братья молча смотрят на него. Он продолжает.

НАЦИСТ. Ну, мать ее, наверное, ходила в костел, потому что пропадала иногда, наверное, в костеле была.

БРАТ КАМИЛЬ. И что дальше?

НАЦИСТ. После Нового года Магда меня взбесила. Ну, короче, оказалось, что у нее вши.

БРАТ ФЕЛИКС. Что, что?

НАЦИСТ. Вши, ну, такая хрень в волосах.

БРАТ ПАВЕЛ. Где она их подцепила? (*Молчание.*) От тебя?

НАЦИСТ. Может быть, но я побрился наголо, а она не захотела. Мыла волосы керосином, денатуратом, так, блин, воняло. Я на стену лез.

Братья просматривают документацию, шокирующие снимки, пробуют смотреть на них отстраненно. Однако **БРАТ ПАВЕЛ** не выдерживает.

Один из снимков он разглядывает более внимательно.

НАЦИСТ. Она стала огрызаться.

БРАТ ПАВЕЛ. У нее были татуировки?

НАЦИСТ. На плече я ей когда-то выжег сигаретой знак, что она меня любит.

БРАТ ПАВЕЛ. А эти шрамы?

БРАТ ФЕЛИКС. Что?

БРАТ ПАВЕЛ. Ее чем-то порезали.

БРАТ ФЕЛИКС морщится.

НАЦИСТ. Мы друг дружку резали... ну, как бы по любви...

БРАТ КАМИЛЬ. Сильная была любовь.

БРАТ ХОНОРИЙ. Тогда почему ты ее убил?

НАЦИСТ. Я же говорю, она стала меня бесить. Я прямо отвращение чувствовал... надо было что-то делать.

БРАТ ХОНОРИЙ. Поэтому ты решил ее убить.

НАЦИСТ. Я не один, с друзьями. Мы ее били, а потом, когда она уже лежала опухшая и ничего не говорила, я ее спросил, какую смерть она выбирает: повесить ее, отравить, на кусочки порезать, сжечь или утопить?

БРАТ ПАВЕЛ. Вы хотели ее сжечь живьем?

БРАТ ФЕЛИКС встает, поворачивается ко всем спиной и хочет выйти. Остальные молчат. Сидят минуту неподвижно, как бы ожидая чего-то.

БРАТ ФЕЛИКС (*шепотом*). Достаточно!

НАЦИСТ. Не рассказывать?

БРАТ КАМИЛЬ. Нет. Рассказывай!

НАЦИСТ. Я ей советовал, чтоб выбрала петлю, а она уперлась, чтоб отравили. Повесить — раз плюнуть, легко, быстро и не больно.

БРАТ ПАВЕЛ. Вы решили ее отравить?

НАЦИСТ. Она сама так захотела. Мы ей вылили все лекарства в глотку, но ее через минуту вырвало. Я разозлился, потому что она все загадила! Сказал ей умыться, но она не могла...

БРАТ ПАВЕЛ. Вы же ее перед этим избили до потери сознания?

НАЦИСТ. Ну да.

БРАТ ПАВЕЛ. Так откуда же ей взять силы?

НАЦИСТ смотрит на ПАВЛА, как бы не понимая вопроса.

НАЦИСТ. Не было у нее сил. Я помог ей одеться. Потом мы отвели ее на кладбище.

БРАТ ХОНОРИЙ. Хотели ее там убить?

НАЦИСТ. По дороге кто-то сказал, что она, может быть, исправится, но ей нельзя было верить на слово. А если не исправится?

Братья смотрят на НАЦИСТА, они уже не в состоянии задавать вопросы.

НАЦИСТ. Я выбрал дерево, пацаны помогли ее поднять, я перебросил веревку через ветку. Они тянули с другой стороны. Она начала хрипеть. Я отпустил веревку, подумал, что она на меня блеванет. Она так висела несколько минут, а когда мы ее опустили на землю, она еще дышала. У нее были судороги.

БРАТ ФЕЛИКС все время ходит по трапезной. Он подходит к НАЦИСТУ, смотрит ему в лицо, словно стараясь что-то отыскать, потом отворачивается и отходит.

НАЦИСТ. Ну, надо было что-то делать. Я вынул из сумки нож и два раза черкнул по горлу.

БРАТ ФЕЛИКС. Ты понимаешь, что говоришь? Понимаешь значение слов, которые ты произносишь?

Братья смотрят на **БРАТА ФЕЛИКСА**, потом на **НАЦИСТА**, который не понимает, чего тот от него хочет.

НАЦИСТ. Нууу... мы ждали, пока она совсем умрет. Молились: Господи, возьми ее к себе и прости ей всё. Потом я сказал пацанам, чтоб они нашли свободную могилу, но все было занято. Поэтому мы ее спрятали под мусором.

БРАТ ФЕЛИКС стоит лицом к братьям. Смотрит на них пронизывающим взглядом, повторяя одно и то же.

БРАТ ФЕЛИКС. Молились!.. Молились!.. Молились...

БРАТ ПАВЕЛ. У него все психологические тесты в норме, исследования специалистов тоже ничего не выявили.

БРАТ ФЕЛИКС. В норме.

БРАТ ХОНОРИЙ. А когда все закончилось, что вы делали дальше?

НАЦИСТ. Домой пошли чай пить, потому что поздно уже было.

Затемнение.

Сцена 21

Монахи одни. **БРАТ ФЕЛИКС** в шоке от услышанного. Он не знает, что делать дальше.

БРАТ ФЕЛИКС. Что мы, собственно говоря, делаем?

БРАТ КАМИЛЬ. Делаем, что можем.

БРАТ ФЕЛИКС. То есть...

БРАТ ФЕЛИКС снимает рясу. Аккуратно складывает. Остальные братья молча наблюдают за ним.

БРАТ ФЕЛИКС. Мы ничего не можем.

БРАТ КАМИЛЬ. А ты бы хотел одними молитвами уничтожить все зло?

БРАТ ФЕЛИКС. Молитва может помочь тому, кто молится.

БРАТ ПАВЕЛ. Да, правда.

БРАТ ФЕЛИКС. Их язык — не для молитвы. Они говорят на совершенно другом языке.

БРАТ КАМИЛЬ. Дело не в языке... (*тише*) а в сердце.

БРАТ ПАВЕЛ. Но понимаем ли мы их? Это настоящая Вавилонская башня!

БРАТ ФЕЛИКС. А что здесь понимать? Какую ты выбираешь смерть?

БРАТ ПАВЕЛ. Что?

БРАТ ФЕЛИКС. Что мне с тобой сделать: отравить, сжечь, четвертовать?!

БРАТ ХОНОРИЙ. Перестаньте, братья!

БРАТ ФЕЛИКС. Ты с ними по-людски, а ведь они подонки!

БРАТ ХОНОРИЙ. Может, как раз в этом принципиальная разница, которую надо понять?

БРАТ ФЕЛИКС. А что здесь понимать? Они находятся за стеной, которую нам ничем не прошибить!

БРАТ КАМИЛЬ. Я понимаю ваше нетерпение, может, брат Феликс хотел бы все сразу, а здесь надо потихоньку, шаг за шагом...

БРАТ ФЕЛИКС. Если появится надежда, что мы к чему-нибудь придем.

БРАТ КАМИЛЬ. Ты что, передумал?

БРАТ ФЕЛИКС. Передумал?

БРАТ КАМИЛЬ. Ну, снял рясу, то есть хочешь уйти?

БРАТ ФЕЛИКС. Я? Куда мне идти?

БРАТ КАМИЛЬ. Ну, не знаю, ты можешь отказаться от служения Господу, снять рясу, жениться, стать антиклерикалом, все возможно, ты — свободный человек.

БРАТ ФЕЛИКС. Свобода имеет свои границы.

БРАТ КАМИЛЬ. Ну видишь, и если они это поймут — они спасены.

БРАТ ФЕЛИКС. А если нет?

БРАТ ПАВЕЛ. Если мы от них отвернемся, кто тогда?

БРАТ ХОНОРИЙ. Вот именно, кто?

БРАТ ПАВЕЛ. Сокрушаться о бренности значит сокрушаться о том, что вечно...

БРАТ КАМИЛЬ. Поэтому нельзя! Нам нельзя!

В этот момент в дверях появляется ТЕЛКА. Его лицо в крови. Братья, увидев окровавленного парня, как по команде, бросаются к нему.

БРАТ КАМИЛЬ. Началось!

БРАТ ХОНОРИЙ. Что это? Что здесь происходит?

БРАТ ФЕЛИКС. Всё, нам конец!

БРАТ ПАВЕЛ (*спрашивает у Телки*). Что случилось? Кто это сделал?

ТЕЛКА (*плачет*). Он меня порезал...

БРАТ ПАВЕЛ. Кто тебя порезал?

БРАТ ФЕЛИКС. Никто им уже не поможет... всех заберут... закроют центр... это конец.

БРАТ ПАВЕЛ. Братья, надо ему помочь, вызвать врача! (*Телке*.) Кто это сделал, скажи?

ТЕЛКА. Черный...

БРАТ ПАВЕЛ. Какой Черный? Кто это?

ТЕЛКА. Черный Чел. Он приходит ночью и это делает.

БРАТ ПАВЕЛ. Надо его поймать, позвонить в полицию или...

БРАТ КАМИЛЬ оттаскивает БРАТА ПАВЛА в сторону. Тем временем БРАТ ХОНОРИЙ уже перевязывает искалеченного парня.

БРАТ КАМИЛЬ. Мальчика надо перевязать и положить в отдельной келье. А с остальным разберемся утром.

БРАТ ХОНОРИЙ. Раны неглубокие. Заживут, и следа не останется!

БРАТ ПАВЕЛ. Так или иначе, надо провести следствие, так этого оставлять нельзя.

БРАТ КАМИЛЬ. Завтра устроим охоту на Черного. А сейчас мы идем молиться. Это все.

БРАТ ФЕЛИКС. После такого трудно найти слова для молитвы.

Затемнение.

Сцена 22

У ЧИХОЛИНЫ. Она полураздета. БРАТЬЯ ХОНОРИЙ и ПАВЕЛ стоят посреди ее комнаты.

ЧИХОЛИНА. Я не готова к такому визиту. Прошу прощения, но я должна что-то на себя накинуть... *(Скрывается за ширмой и начинает переодеваться. Братья ее не видят, но зрителям она видна. Переодеваясь, она разговаривает с монахами через ширму.)* Такие гости не каждый день приходят, значит, надо хорошо выглядеть.

Братья, явно смущенные, стоят на месте и озираются.

БРАТ ПАВЕЛ. Простите, что мы нарушили ваш распорядок...

ЧИХОЛИНА. А, какой там распорядок, постоянно одно и то же...

БРАТ ХОНОРИЙ. Монотонная работа?

ЧИХОЛИНА. Любая работа монотонная, главное — не погрязнуть в рутине.

БРАТ ПАВЕЛ. Мы только на минутку.

ЧИХОЛИНА выходит из-за ширмы, она прилично, по ее понятиям, одета, однако главной деталью ее наряда остается большое декольте.

ЧИХОЛИНА. Я так понимаю, что вы не останетесь, как все прочие...

БРАТ ХОНОРИЙ. Может, я начну...

ЧИХОЛИНА. Они что-то натворили?

БРАТ ПАВЕЛ. Кто?

ЧИХОЛИНА. Пацаны. Ваши подопечные.

БРАТ ХОНОРИЙ. Вот именно. Мы знаем, что они к вам ходят...

ЧИХОЛИНА. Приходят как к педагогу.

БРАТ ПАВЕЛ. Мы ни на что не намекаем, то, что они здесь делают, это наверняка служебная тайна.

ЧИХОЛИНА. Да, я должна молчать. Профессиональная этика.

БРАТ ХОНОРИЙ. Но ситуация исключительная, несколько ребят искалечены, кто-то нападает на них, а они его покрывают.

ЧИХОЛИНА. Может, бояться сказать?

БРАТ ПАВЕЛ. Они говорят, что это Черный.

БРАТ ХОНОРИЙ. Черный Чел — Шварценеггер.

ЧИХОЛИНА. И что? Вы его поймали?

БРАТ ХОНОРИЙ. В том-то и штука.

БРАТ ПАВЕЛ. Боюсь, что это выдумка...

ЧИХОЛИНА. Врут?

БРАТ ХОНОРИЙ. Вы его знаете?

ЧИХОЛИНА. Шварценеггера?

БРАТ ПАВЕЛ. Черного?

ЧИХОЛИНА пристально смотрит на братьев.

ЧИХОЛИНА. Но это же вы боретесь со злом, а я... я сама плохая...

БРАТ ХОНОРИЙ. Не надо преувеличивать...

БРАТ ПАВЕЛ. Вы не такая уж и плохая.

ЧИХОЛИНА. Как? Вы хотите сказать, что даете мне шанс?

БРАТ ПАВЕЛ. Какой шанс?

ЧИХОЛИНА. Встать на вашу сторону?

БРАТ ПАВЕЛ. Шанс есть всегда.

ЧИХОЛИНА. Я должна стать главным свидетелем, и за это вы отпустите мне?..

БРАТ ПАВЕЛ. Мы должны его найти...

ЧИХОЛИНА. Кого?

БРАТ ХОНОРИЙ. Черного.

БРАТ ПАВЕЛ. Черный их терроризирует. Мы должны его поймать.

ЧИХОЛИНА. А того, кто вас терроризирует? А того, кто меня терроризирует... всех вам удастся поймать?

БРАТ ХОНОРИЙ. Мы должны его найти, иначе нам конец.

ЧИХОЛИНА. Бойтесь...

БРАТ ХОНОРИЙ. Можно и так сказать, хотя нам нельзя произносить это вслух.

ЧИХОЛИНА молчит, размышляя над чем-то, задумчиво улыбается.

После паузы.

ЧИХОЛИНА. А может, это страх?

БРАТ ПАВЕЛ. Что?

ЧИХОЛИНА. Если Черный так опасен...

БРАТ ПАВЕЛ. Вы хотите сказать...

ЧИХОЛИНА. Да, это может быть страх.

БРАТ ХОНОРИЙ. А мы думали, вы слышали что-нибудь и подскажите нам, возможно, это один из них.

ЧИХОЛИНА. Один из этих мальчишек?

БРАТ ПАВЕЛ. Это опасные преступники.

ЧИХОЛИНА. Смотря для кого опасные и где... Для меня они обыкновенные мальчишки, все могли бы быть моими детьми.

Затемнение.

Сцена 23

В спальню мальчиков входит **БРАТ КАМИЛЬ** с родителями **КАБЕЛЯ**.

КАБЕЛЬ лежит на кровати, отвернувшись от света.

БРАТ КАМИЛЬ. Вот его кровать.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Э, Мариуш, что с тобой?

Мальчик не реагирует. Он лежит, повернувшись ко всем спиной. Остальные сидят на своих кроватях и наблюдают за развитием событий.

БРАТ КАМИЛЬ. Не поздороваяешься с родителями? Они столько проехали...

Мальчик не реагирует.

МАТЬ КАБЕЛЯ. Не собрался еще? Ты должен был собраться, мы же звонили, что приедем, ты должен был быть готов, теперь из-за тебя мы опоздаем на поезд.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ (*матери*). Перестань. Он сейчас соберется.

МЕЛКИЙ. Кабель не поедет!

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Чего? Кто?

МЕЛКИЙ. Он.

БРАТ КАМИЛЬ. Ребята, не могли бы вы выйти отсюда... Оставьте Мариуша с родителями.

Никто не двигается с места. Все сидят на кроватях, как будто не к ним обращаются. **МЕЛКИЙ**, видя реакцию остальных, смеется.

МЕЛКИЙ. Он мне сказал утром, что никуда не поедет.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Ну, это мы еще посмотрим.

МАТЬ КАБЕЛЯ (*Мелкому*). А ты, я вижу, маленький, но уж больно шустрый. Лучше не вмешивайся.

БРАТ КАМИЛЬ. Ребята, я попросил, чтобы вы оставили нас одних.

Никто из ребят не реагирует. Отец **КАБЕЛЯ** хватается сына за плечо и трясет.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Я что, непонятно сказал?

КАБЕЛЬ. Отстаньте от меня!

МАТЬ КАБЕЛЯ. Заговорил наконец. (*Кабелю.*) Ну ты и упрямый.

Отец хватается **КАБЕЛЯ** за рубашку и тащит. Глядя на это, встает **НАЦИСТ**. Подходит к отцу **КАБЕЛЯ**.

НАЦИСТ. Он вам ответил, что, неясно?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Отвали!

НАЦИСТ. Что? А ну, повтори!

МАТЬ КАБЕЛЯ (*Нацисту*). Не вмешивайся, это не твое дело.

НАЦИСТ. Почему?

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Потому!

БРАТ КАМИЛЬ видит нарастающее напряжение. Подходит к ним, пытается их развести.

БРАТ КАМИЛЬ. Может, оставим мальчика. Дадим ему время подумать...

ОТЕЦ КАБЕЛЯ дергает сына за одежду.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Ты что, засранец, выделяешься? Думаешь, главное всех, что ли?

НАЦИСТ толкает **ОТЦА КАБЕЛЯ**, тот падает на соседнюю кровать рядом с **МЕЛКИМ**.

МЕЛКИЙ. Еще чего! Педофилов не хватало на моей шконке!

БРАТ КАМИЛЬ. Успокойтесь!

МАТЬ КАБЕЛЯ. Ну и бардак!

БРАТ КАМИЛЬ. Попрошу выбирать слова.

МАТЬ КАБЕЛЯ (*мужу*). Пойдем, Леон, позвоним в полицию, приедут — и дело с концом.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Значит, не хочешь домой, ублюдок, ладно, мы тебе устроим.

БРАТ КАМИЛЬ. Вы не можете его забрать насильно.

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. А кто нам запретит?

БРАТ КАМИЛЬ. Мы передадим дело в суд, у нас есть свидетели. (*Показывает на ребят, которые наблюдают за происходящим.*)

ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Эти подонки?

МАТЬ КАБЕЛЯ. Идем, что ты с этими бандюками разговариваешь, пошли!

Затемнение.

Сцена 24

БРАТ ХОНОРИЙ собрал ребят для беседы. Монах сидит на столе, ряса подвернута до колен, из-под нее видны джинсы.

БРАТ ХОНОРИЙ. У Святого Августина, отца Церкви, был внебрачный ребенок.

Ребята в шоке.

КЕРМИТ. Да? Неправда! Вы нам лапшу вешаете!

БРАТ ХОНОРИЙ. Нет! Честное слово. Я говорю правду. А святая Мария Магдалена отдавалась за деньги...

ПАХАН. Ээээ, это какая-то лажа. Вы прикалываетесь...

БРАТ ХОНОРИЙ. Да нет! Правда. А святой Павел преследовал первых последователей Христа... Был такой святой Стефан, так Павел приказал забросать его камнями насмерть...

КЕРМИТ (Пахану). Это как ты... Помнишь кореша, которого ты кирпичом замочил.

ПАХАН. Нереально, чтоб такой святой...

БРАТ ХОНОРИЙ. Ну нет, это не так, как Пахан... Впрочем, он тогда не был святым, и звали его Савл.

Все смотрят на него с недоверием.

БРАТ ХОНОРИЙ. А сколько пап римских не знали латыни.

УТЮГ. Чё, правда?

БРАТ ХОНОРИЙ. Ей-богу. Могу принести вам книги.

ВСЕ. Нееееет! Мы верим.

БРАТ ХОНОРИЙ. Только не говорите отцу Камиллю, он с этим не согласен... ему всегда тяжело это слышать.

ВСЕ. Урааааа! Мы святые!

БРАТ ХОНОРИЙ. Тихо, тихо... Не так сразу! Надо сначала кое-что изменить.

В этот момент в спальню входят двое полицейских, а за ними ОТЕЦ КАБЕЛЯ и БРАТ КАМИЛЬ. КАБЕЛЬ, увидев их, вскакивает с кровати.

Озирается, как будто ищет, куда убежать.

БРАТ КАМИЛЬ (*бормочет*). Мне очень жаль! Тебе придется ехать с родителями, они имеют право забрать тебя.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ 2. Это который?
ОТЕЦ КАБЕЛЯ. Вот этот сопляк.

Полицейские направляются к КАБЕЛЮ. КАБЕЛЬ бросает взгляд на окно. На лицах ребят напряжение. КАБЕЛЬ, видя приближающихся полицейских, вскакивает на подоконник и прыгает вниз.

ФОНАРЬ. Нееет!!!

Все подбегают к окну, высовываются наружу. БРАТ ХОНОРИЙ выглядывает вместе с ребятами. Увидев страшное зрелище, отворачивается.

БРАТ ХОНОРИЙ (*шепчет*). Господи, Боже мой...

Затемнение.

Конец

Анджей Сарамонович

ТЕСТОСТЕРОН

Перевод Ирины Киселевой.
© By Andrzej Saramonowicz

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРНЕЛЬ, 30 лет, жених, орнитолог
СТАВРОС, 54 года, отец жениха
ЯНИС, 30 лет, брат жениха, юрист
ЧЕРВЬ, 31 год, друг жениха, микробиолог
ТИТУС, 33 года, официант
ТРЕТИН, 29 лет, копирайтер
ФИСТАХ, 34 года, перкуссионист

АКТ ПЕРВЫЙ

В помещении стоят сервированные столы. На них — вазы с фруктами, блюда с закусками, бутылки с водкой и напитками. Рядом на небольшом подиуме музыкальные инструменты: ударная установка, синтезатор, гитары, — а также микрофоны и звукоусилители.

Быстро входит ТИТУС, официант. На нем черные брюки, белый пиджак и бабочка. На голове — наушники от плеера. Он держит большой поднос со столовыми приборами. Пританцовывая, подходит к столу. Раскладывает приборы возле тарелок. Он все время двигается в такт музыке и подпевает. Внезапно одна ложка выскальзывает у него из рук и падает на пол.

ТИТУС. Черт!..

ТИТУС так удивлен, что останавливается и снимает наушники. С ненавистью смотрит на ложку. Пауза.

ТИТУС (*ложке*). Ну и чего ты лежишь?.. Цистит хочешь заработать?.. Вставай! (*Смотрит на ложку.*) Тебя что, просить надо? Ты этого хочешь? (*Ложка лежит неподвижно, что вызывает раздражение Титуса.*) Ну и лежи себе... Мне по фиг, понятно?.. (*Он опять надевает наушники и, покачиваясь, продолжает раскладывать приборы. Однако лежащая ложка не дает ему покоя. Титус снимает наушники и снова подходит к ложке.*) Только не думай, что я тебя буду упрашивать... (*Ложка молчит.*) Ну ладно... Я тебе помогу, если ты меня попросишь... (*Ложка молчит.*) Да пошла ты... Ладно, подниму, я не такой козел, каким ты меня хочешь выставить... (*Наклоняется, чтобы поднять ложку, и в этот момент все приборы, лежащие на подносе, падают на пол.*) Чтоб вас! (*Становится на колени. Рвется в лежащих на полу при-*

борах, поднимает то одно, то другое, внимательно осматривает и откладывает в сторону. Наконец поднимает ложку. Титус смотрит ложке «прямо в лицо».) Вот так бывает всегда, когда хочешь сделать добро!.. (Бросает ложку, которая летит на подиум с инструментами. Сидит, беспомощно глядя на разбросанные приборы. С упрёком в сторону ложки.) Нет чтобы извиниться... Только это ваше долбаное молчание... (Встает, подходит к подиуму, ищет ложку среди инструментов.) И не думай, что этим молчанием ты заставишь меня почувствовать свою вину... Все никак не научитесь, что, если есть проблема, о ней надо говорить... Надо... Надо... (Внезапно выпрямляясь.) А иди ты в жопу... Лежи себе там... Молчи... Только оставь меня в покое!.. (Отворачивается. Уже собирается уйти, как вдруг его внимание привлекает гитара. Он берет ее. Неуверенно оглядывается вокруг. Никого нет. Включает гитару. Играет. Слышны простые аккорды. Начинает петь.)

Когда я увидел ее впервые / девушку из июльского сна / ветер ласкал ее пряди золотые / в белом платье была она... *(Перестает петь. Довольный собой, улыбается. Откладывает гитару, подходит к микрофону. Еще раз оглядывается, проверяя, не видит ли его кто-нибудь. Никого нет. Неожиданно Титус расстегивает белый пиджак, снимает его и выворачивает наизнанку. У пиджака блестящая подкладка пунцового цвета. Титус надевает пиджак блестящей стороной наверх, хватая микрофон и становится в позу Элвиса Пресли.)*

В эту минуту за дверь слышатся громкий шум и голоса. ТИТУС застывает на месте. Дверь со страшным грохотом открывается. В зал вваливаются двое мужчин в элегантных, но слегка помятых и кое-где порванных костюмах: СТАВРОС и ФИСТАХ. Они тащат по земле избитого ТРЕТИНА, у которого течет кровь из носа. За ними входит сильно перепуганный ЧЕРВЬ. ТИТУС, увидев это, бросается к ним, выворачивая пиджак на лицевую сторону.

ТИТУС *(ничего не понимая, Ставросу)*. Что вы так рано?.. Говорили же в семь...

СТАВРОС. Заткнись!

ТИТУС (*глядя на лежащего Третина*). Рановато сегодня началось... Обычно такое у нас под конец бывает...

СТАВРОС. Заткнись и закрой дверь!

ТИТУС неуверенно поглядывает на него.

СТАВРОС. Ну сколько раз тебе повторять? Дебил, что ли?

ТИТУС. Ладно, ладно... Только без оскорблений...

ТИТУС идет и закрывает дверь на замок. Хочет подойти к СТАВРОСУ, но тот, не глядя на него, рукой подает знак, чтобы он вышел. ТИТУС неприязненно смотрит на СТАВРОСА и выходит, что-то бормоча себе под нос.

ЧЕРВЬ (*наклоняясь над Третином*). Я вот думаю, а не поступили ли мы несколько опрометчиво...

СТАВРОС (*агрессивно*). Это ты говоришь, ты, кореш Корнеля?.. Его кореш? И ты, блин, говоришь: опрометчиво?..

ЧЕРВЬ замолкает.

СТАВРОС (*Фистаху*). Нас вроде никто не знакомил... (*Подавая руку.*) Ставрос...

ФИСТАХ (*подавая руку*). Фистах...

СТАВРОС. Спасибо тебе, Фистах, за помощь... (*Червяю.*) Что с Корнелем?

ЧЕРВЬ. Не знаю... Такая толчая была... Все прыгали друг по дружке...

СТАВРОС (*презрительно глядя на Червя*). На войне я бы с тобой в разведку не пошел...

ЧЕРВЬ. Я...

СТАВРОС. Что ты?

ЧЕРВЬ. «Непригоден к строевой службе»... Если бы война, я б по-любому...

СТАВРОС (*игнорируя Червя, Фистаху*). Круто было, Фистах... Ты видел, какая заваруха началась?.. Я не уверен, что сам бы справился... (*Показывая на Третину.*) Вроде такой сморчок, а как держался!.. Только когда ты ему на спину запрыгнул, упал... А потом уже просто... Каблуком, каблуком... (*Смотрит на ботинки.*) Блин... Полдня начищал, а уже тусклые... (*Третину.*) Твое счастье, что не развалились... Ты знаешь, козел, сколько я за них заплатил?..

ТРЕТИН (*напуганный*). Извините, я все могу объяснить...

СТАВРОС (*резко*). Рот закрой!

ТРЕТИН. Нет, в самом деле... Это какое-то ужасное недоразумение!

СТАВРОС. Ну конечно! Ржать надо мной и моей семьей — ужасное недоразумение, козлиная!..

ТРЕТИН. Я ничего не имею против вашей семьи...

СТАВРОС. Чё, нормального языка не понимаешь?! Я сказал... блядь! Заткнись!

ЧЕРВЬ (*Третину*). Вы лучше и правда заткнитесь, раз Ставрос настаивает...

ФИСТАХ (*Ставросу*). Корнель упал... Кажется, его кто-то ударил большой свечой... этой... ну как ее там?..

ТРЕТИН. Пасхальной...

СТАВРОС (*в ярости*). Что я тебе, блядь, сказал?!

ТРЕТИН замолкает.

ФИСТАХ. Да, пасхальной свечой... А потом я потерял его из виду, потому что по нему все ходили... вроде его вынес такой лысый...

СТАВРОС (*с гордостью*). Янис!.. Моя кровь!..

ЧЕРВЬ наклоняется к ТРЕТИНУ и подает ему носовой платок. СТАВРОС подсакивает к нему и вырывает платок.

СТАВРОС. А ты чего?

ЧЕРВЬ. Ну... Ведь кровь же... Я хотел...

СТАВРОС. Это же не война!

ЧЕРВЬ. Вот именно...

СТАВРОС (*подчеркнуто*). Это не война, поэтому мы не обязаны соблюдать долбаную женеvскую конвенцию... Крыса он, а не пленный!.. Ему вообще ничего не положено... (*Хочет.*) Если только отравы... (*Осматривается.*) Кстати, насчет отравы... Может, нам принять по маленькой?..

ФИСТАХ. Ээээээ!..

СТАВРОС подходит к ФИСТАХУ и вопросительно смотрит на него.

ФИСТАХ. Если только по маленькой, я пас...

СТАВРОС. И это мне в тебе нравится, молодой человек! (*Червяю.*) «Непригодный к строевой», ты, конечно, тоже дернешь?..

ЧЕРВЬ. Я бы предпочел вино...

СТАВРОС (*презрительно*). Это тебе не вечеринка у педиков!..

ЧЕРВЬ замолкает. ФИСТАХ подходит к столу. Наливает в стаканы водку. Когда протягивает стакан СТАВРОСУ, тот отказывается.

СТАВРОС. Нет, нет, нет!

ФИСТАХ (*удивленно поглядывает на стаканы*). Что, много?

СТАВРОС. В конце концов, у нас праздник! Мы что, должны сами себя обслуживать? (*Оглядывается.*) А куда делся этот козел? (*Громко.*) Официант! (*Ждет минуту, а потом кричит еще громче.*) Официант!!!

Открывается служебная дверь. Входит ТИТУС. На голове у него наушники.

ТИТУС. Что-нибудь желаете?

СТАВРОС подходит к нему.

СТАВРОС. Вот именно! (*Снимает наушники с головы Титуса.*) Давай работай, иначе будет скандал!..

ЧЕРВЬ (*Титусу*). Извините, а где здесь клозет?

ТИТУС. За дверью налево... потом по ступенькам вниз... потом направо... потом направо... потом направо...

ФИСТАХ. Заело...

ТИТУС (*объясняет*). Да нет, там действительно надо три раза направо... Потом по ступенькам вверх... во дворик... пройти через дворик, а там вторая дверь слева, и все... Нет, нет... Третья слева... Вторая дверь — это женский туалет...

Все удивленно смотрят на него.

СТАВРОС. Что это, бля, такое? Дорога в нужник или схема прохода в ставку Гитлера?

ТИТУС (*сконфуженный*). Нет, но... Вообще-то, у нас... как раз сегодня туалет... того...

СТАВРОС (*изумленный*). Я ослышался, да?..

ЧЕРВЬ. Боюсь, я не найду...

ФИСТАХ. Возьми такси...

ТИТУС (*с готовностью Червю*). Я вас провожу...

СТАВРОС. Куда?! Водку наливай!.. (*Червю.*) Мобила есть? (*Червь кивает.*) Если потеряешься, звони...

ЧЕРВЬ неуверенно смотрит на ТИТУСА, но тот только разводит руками, показывая, что не в состоянии ему помочь. ЧЕРВЬ уходит, ТИТУС подходит к столу и наливает водку в рюмки. Когда он поворачивается, держа поднос с рюмками, СТАВРОС недовольно смотрит на него.

СТАВРОС. Это тебе не детский утренник!.. Наливай как мужикам! В стаканы!

ТИТУС озадаченно смотрит на полные стаканы. Берет один из них, нюхает. Кривится.

ТИТУС. Но здесь уже есть водка...

СТАВРОС (*агрессивно*). Тогда вылей ее обратно в бутылку, а потом налей снова... Я снял зал с полным обслуживанием, а не с самообслуживанием!..

ТИТУС переливает водку из стаканов в бутылку, а потом снова разливает по стаканам.

СТАВРОС (*Фистаху, наблюдая за Титусом*). Нет, быть официантом — полный отстой... Только педикам такое может нравиться... Ты давно знаешь Корнеля?

ФИСТАХ. Я вообще его не знаю... (*Видит удивленный взгляд Ставроца.*) Я гость со стороны Алисы...

СТАВРОС (*с ненавистью*). Сука!.. Гребаная сука!.. (*Заметив растерянный взгляд Фистаха.*) Но ты, Фистах, вроде неплохой парень... (*Титусу, показывая на стаканы.*) Почему только два?

ТИТУС (*удивленно*). Но вас только двое...

СТАВРОС. Ослеп? (*Показывая на лежащего Третина.*) А крыса? Он что, собака?

ТИТУС и ФИСТАХ удивленно смотрят на СТАВРОСА.

СТАВРОС. Вы чего?.. Я, может, и бываю строг, но я не чудовище...

ТРЕТИН (*робко*). Я не хочу водки...

СТАВРОС. А кого здесь интересует, чего ты хочешь? (*Титусу.*) Себе тоже налей...

ТИТУС благодарно кивает головой и бежит к ТРЕТИНУ с водкой. ТРЕТИН протестует, но ТИТУС, не желая иметь проблем, вынуждает его взять стакан. Возвращается к столу. Наливает себе. Тем временем ФИ-

СТАХ садится за стол, берет тарелку, накладывает на нее целую гору еды.

Начинает есть.

СТАВРОС (*расхаживая со стаканом*). В жизни каждого мужчины наступает такой момент, когда его сын женится...

ФИСТАХ (*с полным ртом*). А если у него дочь?

СТАВРОС с укором смотрит на ФИСТАХА.

ФИСТАХ (*извиняясь, машет вилкой*). Сорри...

СТАВРОС. Обычно в такие моменты произносится тост, прославляющий красоту невестки... Но жизнь не всегда напоминает сериал «Любовь как любовь». Поэтому сегодня нам не остается ничего другого, как сказать: Господа! Пусть сдохнут все неверные суки!.. (*Залпом выпивает водку, ставит стакан на стол и делает несколько шагов вперед, наступает на разбросанные столовые приборы, теряет равновесие и с грохотом падает на пол.*)

Все застывают. ФИСТАХ привстает из-за стола, чтобы увидеть СТАВРОСА. СТАВРОС тем временем поднимается, держа в руках несколько ложек, и грозно направляет их на ТИТУСА.

СТАВРОС (*Титусу, сквозь зубы*). Что это... бля... такое?

ТИТУС (*испуганно*). Ну, это потому... потому что вы пришли так рано...

В этот момент открывается дверь служебного хода, и, охая, входит ЧЕРВЬ. Его костюм и руки в ярко-красных пятнах. Все с удивлением смотрят на него.

ФИСТАХ (*проглатывая очередной кусок*). Что с тобой? Кровью мочишься?

ЧЕРВЬ (*плаксиво*). В кране была краска...

ТИТУС. Господи... Вы не туда зашли...

ЧЕРВЬ. Я шел по плану...

ТИТУС (*объясняет всем*). Он, наверное, зашел в кладовку... Брат нашего шефа — художник... Ну, знаете... Перформансы и всякое такое... Он держит там свои инсталляции... «Кран Балладины»... Вы, наверное, открыли «Кран Балладины»...

ЧЕРВЬ (*плаксиво*). Я шел по плану... Через дворик, потом третья дверь слева...

ТИТУС. Справа! Я говорил: справа! (*Умолкает и смотрит на всех.*)

Все недвусмысленно смотрят на него.

ТИТУС (*неуверенно*). Я сказал... слева?

ФИСТАХ, ЧЕРВЬ, даже лежащий ТРЕТИН утвердительно кивают. СТАВРОС медленно подходит к ТИТУСУ и смотрит ему прямо в глаза.

СТАВРОС (*сквозь зубы*). Сегодня особый день в моей жизни...

ТИТУС (*тихо*). Свадьба сына?..

СТАВРОС. Я сейчас не об этом... Сегодня особый день, потому что я встретил самого большого в своей жизни дебила ... А мне уже пятьдесят четыре года... Этот дебил... (*Показывает на Третина.*) ...лежит там... Но ты... Ты, парень, круче Шумахера... Бьешь все рекорды...

ТИТУС. Просто у меня сегодня неудачный день...

СТАВРОС. Неудачный день был у твоей матери, когда она встретила твоего отца... Который, по-видимому, только-только слез с дерева...

ТИТУС (*холодно*). Не знаю... У меня не было отца...

СТАВРОС. Тогда сходи в зоопарк... Вы по-любому друг друга узнаете... (*Смотрит с усмешкой на Титуса, а потом начинает изображать обезьяну.*)

ТИТУС смотрит на него с нарастающей яростью.

ТИТУС (*сдерживая ярость*). Да пошел ты... Клоун!

СТАВРОС (*иронически улыбаясь*). Ну! Наконец хоть какой-то человеческий рефлекс!

Разъяренный ТИТУС хватается СТАВРОСА за лацканы пиджака и притягивает к себе. СТАВРОС пытается вырваться, но ТИТУС, хотя и ниже ростом, сильнее. Он крепко держит СТАВРОСА.

ТИТУС. Еще одно слово, и я тебе башку проломлю!

СТАВРОС (*теряя уверенность в себе*). Послушай...

ТИТУС. Заткнись, понял! Я не шучу!

СТАВРОС замолкает. Он смотрит на ФИСТАХА и ЧЕРВЯ в поисках поддержки, но оба делают вид, будто их это не касается. ФИСТАХ ест.

ТРЕТИН. Он реально не шутит...

Все, пораженные тем, что ТРЕТИН заговорил, уставились на него. ТРЕТИН тем временем встает, отряхивается и гнется из стороны в сторону, распрямляя позвоночник.

СТАВРОС (*Титус по-прежнему его держит*). Кто тебе разрешил встать, крыса?

ТРЕТИН. Отцепись! Сколько можно лежать на твердом! Задница болит как не знаю что! (*Делает несколько шагов и останавливается в «безопасном» месте — за Титусом.*)

Он на самом деле не шутит... Ссора — наиболее частая причина убийств в мире... Когда-то в одном из американских штатов провели анализ убийств за десятилетний период... И что оказалось?.. 41% убийств произошел из-за того, что жертва словесно оскорбляла убийцу, а в 34%

случаев не слушалась его, подрывая тем самым его авторитет... Советую это учесть...

Все так поражены, что ТИТУС даже отпускает СТАВРОСА и смотрит на ТРЕТИНА. ТРЕТИН подходит к столу, берет с блюда свернутый ломтик ветчины, кладет его в рот и, жуя, продолжает.

ТРЕТИН. Чаше всего убийство — вовсе не одностороннее нападение на ничего не подозревающую жертву... Это скорее эффект динамического обмена между атакующим, то есть в данном случае официантом... (*Титусу.*) А, собственно, как вас зовут?..

ТИТУС (*сбитый с толку*). Титус...

ТРЕТИН (*протягивая ему руку*). Очень приятно... Себастьян Третин...

ТИТУС. Кретин?

ТРЕТИН (*подчеркнуто выразительно*). Тре-тин... Тре-тин... У моей семьи французские корни... Так о чем я?..

ФИСТАХ. Об убийстве...

ТРЕТИН. А, да... Итак, вполне возможно, что в этом зале убийство будет именно результатом обмена... динамического, повторяю, обмена между атакующим, то есть Титусом... и жертвой, то есть... (*Ставросу.*) ...в данном случае вами, и last but not least¹ — свидетелями происшествия, то есть (*показывает на Фистаха и Червя.*) ...нами... Цель виновника очевидна: не потерять лицо... иначе говоря, сохранить репутацию, которую жертва поставила под сомнение своими грубыми замечаниями по поводу уважаемых родителей Титуса... В присутствии... подчеркиваю... свидетелей...

Все, разинув рты, смотрят на ТРЕТИНА.

¹⁷ Последнее по счету, но не по важности (*англ.*).

СТАВРОС (*пораженный*). Что это, люди?.. Какой-то долбанный канал «Дискавери»?

Воцаряется тишина. Все смотрят на ТРЕТИНА, спокойно доедающего ломтик ветчины. Наконец ФИСТАХ встает и выходит из-за стола. Подходит к ТРЕТИНУ, который смотрит на него с явным испугом.

ФИСТАХ (*протягивая руку*). Фистах.

ТРЕТИН (*вздыхая с облегчением*). Третин... Себастьян Третин...

СТАВРОС удивленно наблюдает за происходящим. ФИСТАХ возвращается на место и ест. В это время ЧЕРВЬ, демонстративно взглянув на СТАВРОСА, подходит к ТРЕТИНУ и протягивает ему для приветствия испачканную краской руку.

ЧЕРВЬ. Магистр Миськевич... Можешь называть меня Червь...

ТРЕТИН (*осторожно пожимая ему руку*). Очень приятно... Третин...(Показывая на платок, выглядывающий из кармана Червя.) Разрешите?..

ЧЕРВЬ утвердительно кивает. ТРЕТИН берет платок и, стоя за ТИТУСОМ и глядя с вызовом на СТАВРОСА, вытирает лицо. Он не замечает, что платок весь в красной краске, и размазывает ее по лицу.

ТРЕТИН (*отдавая платок и не спуская глаз со Ставро-са*). Спасибо...

СТАВРОС (*обескураженный*). Что это? Что, бля, с вами такое?.. Если кто-то в этом зале и имеет право на убийство с целью сохранения репутации, так это мой сын!!! Которого, по причине отсутствия, представляю я! Это его лицо и... что особенно неприятно... его яйца... были выставлены на посмешище перед Богом и людьми!.. Нет худшего преступления! Даже за кражу лошади платили головой, а за это...

Раздается стук в дверь. СТАВРОС замолкает. Видно, как кто-то дергает ручку двери, а потом снова стучится.

ТИТУС (*Ставроосу*). Спокуха... Там заперто!

Стук в дверь усиливается и переходит в грохот.

СТАВРОС (*в сторону двери*). Сегодня закрыто!

Стук усиливается.

СТАВРОС (*в сторону двери*). Пошли на хер! Я сказал: закрыто!!!

ЯНИС (*из-за двери*). Папа!.. Это я!.. Януш!

СТАВРОС (*обрадовавшись*). Янис! Слава богу! (*Титусу*.) Ну-ка мигом... Вы бы не могли открыть?

ТИТУС идет и открывает дверь. Входят: ЯНИС, с большим конвертом и пиджаком КОРНЕЛЯ, и КОРНЕЛЬ, в очках, с забинтованной головой и закатанным рукавом рубашки. КОРНЕЛЬ держит стойку с капельницей, в другую его руку введен внутривенный катетер. Увидев это, ЧЕРВЬ подбегает к столу, берет стул и ставит его в центре зала. КОРНЕЛЬ тяжело опускается на стул, ставит рядом с собой стойку с капельницей. Голову роняет на грудь. СТАВРОС бросается к нему.

СТАВРОС (*Корнелю, с тревогой*). Корнель, сынок...

КОРНЕЛЬ не реагирует.

СТАВРОС (*Янису*). Что с ним?

ЯНИС, ничего не говоря, подает СТАВРОСУ конверт. СТАВРОС вынимает оттуда рентгеновский снимок черепа. Внимательно изучает его, потом подходит к ТРЕТИНУ и дает ему снимок.

СТАВРОС (*обвиняюще*). Ну как? Доволен?

Пораженный ТРЕТИН рассматривает снимок и делает вид, что ничего не понимает. К нему подходит ФИСТАХ, который опять встал из-за стола. Он забирает у ТРЕТИНА снимок и начинает его рассматривать.

СТАВРОС (*Янису, испуганно*). И что теперь?

ЯНИС. Да ничего... Под конец только потерял сознание... Его хотели отправить на обследование, но он отказался... К счастью, привезли чувака, на которого наехал трамвай... Началась суматоха. «Где нога?.. Где нога?..» Тут мы и слиняли... Есть что выпить?.. Запарился...

Вокруг ФИСТАХА собрался «консилиум»: ЧЕРВЬ, ТИТУС и ТРЕТИН. Они рассматривают снимок, указывают на что-то пальцами, совещаются. СТАВРОС замечает это, подходит к ним и вырывает снимок. Они виновато отворачиваются.

СТАВРОС (*Титусу, язвительно*). Не откажите в любезности, дайте моему сыну что-нибудь выпить.

ТИТУС бежит к столу и наливает водку в стакан.

СТАВРОС (*наклонившись над Корнелем*). Ты что-нибудь выпьешь, сынок?

КОРНЕЛЬ (*не поднимая головы и показывая пальцем на капельницу*). Так я же пью...

ТИТУС подбегает к ЯНИСУ и подает ему стакан. ЯНИС залпом выпивает. Застывает, вытаращив глаза, кашляет и задыхается.

ЯНИС (*хрипло, Титусу*). Туалет?.. Где туалет?..

ТИТУС (*перепугавшись*). За дверью налево... потом по ступенькам вниз... потом направо... потом направо... потом направо...

Задыхающийся ЯНИС недоуменно смотрит на ТИТУСА, потом в отчаянии машет рукой и выбегает. ТИТУС, перехватив яростный взгляд СТАВРОСА, бежит вслед за ним. ФИСТАХ возвращается на свое место.

ТРЕТИН. Мне кажется, со стороны господина Корнеля это было по меньшей мере легкомысленно... Удары по голове... особенно по затылочной части... могут вызвать опасные гематомы... Конечно, пасхальная свеча сделана из мягкого материала... то есть воска... но все-таки увесистая... Я уже не говорю о более тяжелых предметах...

Во время этой тирады КОРНЕЛЬ медленно поднимает голову и с удивлением смотрит на ТРЕТИНА. Потихоньку встает.

КОРНЕЛЬ (*Ставроосу*). Что он здесь делает, папа?..

СТАВРОС собирается все объяснить, но в этот момент КОРНЕЛЬ взрывается.

КОРНЕЛЬ (*Третину*). А ты... блядь!.. Ты что здесь делаешь?!.. Ну уж нет!.. Я тебя в пыль сотру, покемон гребаный!

Прежде чем кто-либо успеваеет отреагировать, КОРНЕЛЬ бросается на ТРЕТИНА. Он бьет его ногой иогревает стойкой с капельницей, вырвав трубку катетера. ТРЕТИН уворачивается. ФИСТАХ наблюдает за происходящим из-за стола, не переставая есть. ЧЕРВЬ хочет вмешаться, но СТАВРОС его останавливает.

СТАВРОС (*Червю*). Правда должна взять верх...

КОРНЕЛЬ все время лупит ТРЕТИНА стойкой с капельницей.

КОРНЕЛЬ (*кричит*). Ты хотел мне жизнь поломать, да?.. Но она моя!.. Моя, понял?..

ТРЕТИН (*лежа и стараясь увернуться от ударов*). Я знаю, что ваша... Я этого не отрицаю!.. Я только прошу: дайте мне все объяснить!..

КОРНЕЛЬ. Ничего я тебе не дам!.. Я тебя кастрирую, мудила!..

ТРЕТИН. Зря вы так!.. Я вашу Алису сегодня увидел впервые в жизни! То есть... лично... А раньше только по телевизору!..

КОРНЕЛЬ (*тяжело дыша*). Я тебе яйца оторву!

ТРЕТИН. Вы уже это говорили!..

ЧЕРВЬ (*Ставроосу*). Он прав... Корнель уже это говорил...

КОРНЕЛЬ (*тяжело дыша*). Я тебе хер оторву, на хер!

СТАВРОС (*Корнелю — укоризненно*). Сын, ты и вправду повторяешься...

КОРНЕЛЬ, дыша все тяжелее, отсутствующим взглядом смотрит на СТАВРОСА.

КОРНЕЛЬ. Папа...

СТАВРОС. Да, сынок?

КОРНЕЛЬ. Мне плохо... (*Пошатнувшись, падает на пол.*)

Неожиданно гаснет свет. На несколько секунд сцена погружается в темноту. Слышны оглушительные звуки рок-музыки. Через минуту музыка прекращается так же внезапно, как и началась.

После затемнения.

В центре сцены лежит КОРНЕЛЬ. Ноги у него высоко подняты; их держит ЧЕРВЬ. Рядом с ЧЕРВЕМ стоят ФИСТАХ и ТРЕТИН. Оба рассматривают рентгеновский снимок, который держит ФИСТАХ. Тихо комментируют его. У головы КОРНЕЛЯ стоит на коленях СТАВРОС и гладит сына по лицу.

СТАВРОС. Корнель?.. Корнелик?.. Ну будь мужчиной...

Открывается дверь. Вбегает ТИТУС, держа на подносе кружку. Встает на колени рядом со СТАВРОСОМ.

ТИТУС. Мята... Только что заварил... Должна подействовать...

СТАВРОС. Остыла?

ТИТУС утвердительно кивает.

СТАВРОС (*с благодарностью*). Спасибо, Титус...

СТАВРОС приподнимает КОРНЕЛЮ голову и вливает ему отвар в рот.

КОРНЕЛЬ выплевывает мяту и стонет.

ТИТУС. Слабый организм.

СТАВРОС. Чувствительный... Весь в меня... (*Титусу.*)

А как там Янис?.. Полегчало ему?

ТИТУС. Да где там... Фонтан за фонтаном.

ЧЕРВЬ (*показывая на Корнеля*). Надо ему дать по морде...

СТАВРОС. Как бы я тебе сейчас не дал... Лежачего не бьют...

ФИСТАХ. Червь прав... Надо дать ему пару раз, а то будет так лежать невесть сколько...

ТИТУС (*поддерживая Фистаха*). Еще яйца застудит.

СТАВРОС. Собственного сына бить по лицу?.. Без причины?.. Как-то неудобно... (*Фистаху.*) Может, вы?..

ФИСТАХ. У меня рука тяжелая... А здесь... как я вижу... слабый организм...

СТАВРОС (*подчеркнуто*). Чувствительный!

ТРЕТИН (*робко*). Может, я попробую?

СТАВРОС. Еще чего!.. Отыграться захотел? Когда человек лежит без сознания!..

ФИСТАХ. Тогда, может, Титус?

ТИТУС. Ну... надо, так надо... (*Вопросительно смотрит на Ставроса.*)

СТАВРОС некоторое время колеблется.

СТАВРОС (*Титусу*). Только осторожно...

ТИТУС наклоняется над КОРНЕЛЕМ. Легонько шлепает его по щеке. Потом опять. КОРНЕЛЬ не реагирует. ТИТУС ударяет его еще несколько раз, сильнее.

КОРНЕЛЬ (*улыбаясь в бреду*). Любимая?.. Любимая, это ты?..

Все удивленно переглядываются. ТИТУС опять бьет КОРНЕЛЯ по щеке.

КОРНЕЛЬ (*улыбаясь*). Алиса?.. Алиса... Сисечки мои, попка... Еще немножко... Да, как я люблю, ты знаешь...

У всех от удивления отвисают челюсти. ФИСТАХ смотрит на ЧЕРВЯ и протяжно свистит.

ЧЕРВЬ (*Фистаху*). Я его с этой стороны не знал...

СТАВРОС (*встревоженный, Корнелю*). Корнель! Корнель!.. Это я, твой отец!.. С тобой отец говорит!

КОРНЕЛЬ (*продолжая бредить*). Алиса... Сделай еще разок... пожалей своего непослушного котеночка...

СТАВРОС. Корнель! (*Изо всей силы бьет Корнеля по лицу.*)

КОРНЕЛЬ. Папа?!!!

ЧЕРВЬ. Ну наконец!..

ЧЕРВЬ неожиданно бросает ноги КОРНЕЛЯ на пол. КОРНЕЛЬ садится как заводной.

КОРНЕЛЬ (*учительским тоном*). Мнение, будто положение на правом боку во время полового акта способствует появлению потомка мужского пола, привело к тому, что французские аристократы удаляли себе левое яичко...

ФИСТАХ. Крыша поехала...

КОРНЕЛЬ (*тем же тоном*). Чем выше уровень тестостерона в крови петуха, тем больше и ярче у него гребень и сережки. Однако уровень тестостерона влияет также на восприимчивость к инфекциям, поскольку снижает сопротивляемость организма...

Пораженный СТАВРОС, пытаясь как-то объяснить поведение сына, поднимает с пола кружку и нюхает ее. Это замечает ТИТУС.

ТИТУС (*обиженно, Ставросу*). Ну что вы... Мята... Свежезаваренная....

КОРНЕЛЬ (*тем же тоном*). Негативное влияние стероидных гормонов на иммунную систему приводит к тому, что мужчины более восприимчивы к болезням, чем женщины. И продолжительность жизни намного больше... прошу внимания... например, у кастратов...

ТРЕТИН (*удивленный*). Что это он все время про кастрацию?.. Хобби у него, что ли, такое?..

ФИСТАХ (*хватаясь за голову*). Ну, труба!.. (*Подходит к столу, садится и снова накладывает себе на тарелку гору еды. Начинает есть.*)

ЧЕРВЬ. Небось думает, он на лекции...

ТИТУС смотрит на ЧЕРВЯ с недоумением.

ЧЕРВЬ. Корнель преподает на биофаке в нашем университете... Он — специалист по птичкам...

ТИТУС (*хохочет*). Как и все мы... Время от времени...

ЧЕРВЬ. Он — орнитолог!.. Выдающийся!

СТАВРОС (*с гордостью*). Моя кровь...

ЧЕРВЬ. Я имею удовольствие работать вместе с ним...

ТИТУС. И вы тоже... по птичкам?..

ЧЕРВЬ (*отрицательно качает головой*). Я — микробиолог...

ТИТУС подходит к ЧЕРВЮ и встает перед ним. Он намного ниже ростом, поэтому вынужден заирать голову.

ТИТУС. Как-то не похожи вы на микро... биолога...

ФИСТАХ (*сам себе, не переставая жевать*). Ну, труба!..

Я фигею!..

КОРНЕЛЬ. Алиса!!!

СТАВРОС. Слава богу! Приходит в себя!

ТРЕТИН и ЧЕРВЬ наклоняются над КОРНЕЛЕМ.

ТРЕТИН. Корнель!.. Корнель!.. Вы меня узнаете?

КОРНЕЛЬ внимательно смотрит на ТРЕТИНА.

КОРНЕЛЬ (*удивленный*). Это опять ты, покемон?.. Я ведь тебя убил...

ТРЕТИН (*ласково улыбаясь*). Нет, нет... Еще до того как меня убить, вы потеряли сознание...

КОРНЕЛЬ. Что?

ТРЕТИН (*по слогам*). Соз-на-ни-е... (*Успокаивающе.*)
Все уже в порядке...

КОРНЕЛЬ. В порядке?.. Какой, на хрен, порядок?.. (*Показывая пальцем на Червя, наклонившегося над ним рядом с Третином.*) Опять ты трешься возле моей Алисы?

ЧЕРВЬ (*обескураженный*). Я — не твоя Алиса... Я — Червь, слышишь?.. Червь!..

КОРНЕЛЬ (*улыбаясь*). Червь...

ЧЕРВЬ (*обрадованный*). Он меня узнал...

КОРНЕЛЬ (*улыбка на его лице сменяется гримасой*). Значит, и ты трахаешь мою жену? (*Грустно.*) Червь, Брут ты гребаный...

ЧЕРВЬ (*удивленный*). Ты чего, Корнель?

КОРНЕЛЬ с трудом поднимается. Оглядывается вокруг.

КОРНЕЛЬ. Вы все ее порете, да?.. (*С грозным видом поочередно указывает на всех пальцем.*) Все!.. Вы, гребанные похотливые дельфины!

ТИТУС. Какие еще... дельфины?

ЧЕРВЬ (*объясняет*). Самцы дельфинов действуют в группе. Окружают самку, вынуждают ее отделиться от стада, а потом сношаются с ней по очереди...

ТРЕТИН. Прямо как менеджеры в моем рекламном агентстве...

ФИСТАХ (*за столом, удивленно качая головой*). Ну, труба!

СТАВРОС (*пытаясь остановить вертящегося на месте Корнеля*). Сынок!.. Успокойся!.. Ты среди друзей!..

КОРНЕЛЬ. Друзей?.. (*Хватая Ставроса за лацканы пиджака, с отчаянием.*) Мою жену немцы трахают!..

СТАВРОС (*удивленно*). Ну сынок!..

ТИТУС (*Червю*). Какие еще немцы?

ЧЕРВЬ (*разводит руками*). Я — микробиолог...

ТРЕТИН (*объясняя всем*). Моя семья родом из Франции, а не из Германии...

СТАВРОС (*объясняя всем*). Это все из-за пасхальной свечи... По затылку...

КОРНЕЛЬ (*срывая с головы повязку и бросая ее на пол*). Алиса моя, ты опозорена!.. Утробу твою оросило дьявольское семя!

ТИТУС (*удивленный*). Утробу? Он вообще знает, как выглядит половой акт?

ФИСТАХ (*за столом, наливая себе водку*). Труба!..

СТАВРОС (*объясняя всем*). Я же говорю, это из-за пасхальной свечи... Как-никак увесистая...

КОРНЕЛЬ (*вознося руки в романтическом жесте*). Жена!!!

ЯНИС (*громко*). Какая жена? Какая жена?.. Она тебе не жена!

ЯНИС входит так неожиданно, что все замолкают. Даже Корнель удивленно на него смотрит. ЯНИС подходит ближе, расхристанный, весь в красных пятнах, галстук развязан. Он вытирается бумажным полотенцем.

ЯНИС (*удивленно*). В кране была краска...

КОРНЕЛЬ (*обескураженно*). Как это... не жена?

ЯНИС (*продолжая вытираться*). В правовом и сакраментальном смысле обряд недействителен, поскольку Алиса не сказала: да! Кроме того, акт бракосочетания вообще не состоялся...

КОРНЕЛЬ. Может, у тебя и не состоялся, ты, импотент греческий!

ЯНИС (*укоризненно*). Я правду говорю, брат...

КОРНЕЛЬ (*протестуя, как ребенок*). Я тебе не брат!..

СТАВРОС. Как это не брат?.. Корнель!.. (*Добродушно*.)

Янис — твой брат, так же как я — твой отец...

КОРНЕЛЬ (*решительно*). Ты мне не отец!

СТАВРОС (*удивленно*). Как это?

КОРНЕЛЬ. Ты мне не отец!.. Я тебя увольняю!

ФИСТАХ (*недоуменно качая головой*). Вот, блин, труба!..

СТАВРОС (*Фистаху*). Что труба? Что труба? Вы не увиливайте, лучше бы посоветовали что-нибудь!

ФИСТАХ (*несколько удивленный*). Ну, если вы настаиваете... (*Встает из-за стола, вытирая рот салфеткой*.)

ТИТУС (*Червь*). Но дельфинами вы меня удивили... Смышленные рыбки...

ЧЕРВЬ. Это млекопитающие, Титус... Млекопитающие...

Неожиданно свет гаснет. На несколько секунд сцена погружается в полную темноту. Слышны оглушающие звуки рок-музыки. Через минуту музыка прекращается так же внезапно, как началась.

После затемнения.

В центре сцены стоит стул. На нем сидит КОРНЕЛЬ. Вокруг него все остальные. У КОРНЕЛЯ голова запрокинута вверх. У носа он держит носовой платок, весь в крови. ТИТУС стоит рядом с сахарницей в руках и кормит КОРНЕЛЯ сахаром. Около стула стойка с капельницей.

КОРНЕЛЬ (*повелительно*). Еще!

ТИТУС дает ему ложечку сахара.

КОРНЕЛЬ. Еще!

ТИТУС выгребает сахар из сахарницы и кормит КОРНЕЛЯ.

КОРНЕЛЬ. Еще!

ТИТУС (*беспомощно*). Сахар закончился...

ЯНИС. Тогда, может, печенье... У нас здесь есть что-нибудь?..

СТАВРОС. А может, капельницу снова поставить? (*Пробует ввести Корнелю в руку катетер.*)

КОРНЕЛЬ внезапно вскакивает.

КОРНЕЛЬ. Ты что, отец?.. С ума сошел? Хочешь меня искалечить?!

СТАВРОС застывает. Все смотрят на КОРНЕЛЯ.

КОРНЕЛЬ. Мне уже лучше! (*Смотрит на платок.*) О, Господи!.. Сколько крови я потерял...

ЧЕРВЬ (*забирая у него платок*). Нет, нет... Это «Кран Балладины»...

ФИСТАХ (*Корнелю — озабоченно*). Прости, что я тебя так... Больно было?..

КОРНЕЛЬ. Нет, нет... Очень профессионально... (*Всем присутствующим.*) Господа! Предлагаю всем сесть... (*Титусу.*) Не могли бы вы налить нам?

КОРНЕЛЬ показывает на стол. Все подходят к столу и садятся. ТИТУС наливает водку в стаканы и рюмки. КОРНЕЛЬ показывает жестом, чтобы и он сел. ТИТУС садится с краю. КОРНЕЛЬ встает.

КОРНЕЛЬ. Господа! Я должен извиниться перед вами... Из того, что вы рассказываете, я делаю вывод, что меня немного занесло.

СТАВРОС. Успокойся, сынок... Быковать — для мужика нормально.

КОРНЕЛЬ. Однако же человек — не скотина, должен владеть собой...

Присутствующие протестуют, перекрикивая друг друга, спешат сообщить, что они вовсе не так восприняли поведение жениха, но КОРНЕЛЬ успокаивает их, стуча ложкой по бутылке.

КОРНЕЛЬ. Единственное, что меня оправдывает, это состояние необычайного возбуждения. Моя сегодняшняя женитьба... и особенно ее необычный финал... плюс удар, который я получил по затылочной части твердым предметом...

СТАВРОС. Пасхальной свечой... Восковой...

КОРНЕЛЬ (*с укором посмотрев на Ставроса*). В любом случае тяжелой свечой... вызвали у меня сильный стресс, который, в свою очередь, привел к большой потере сахара в организме... Это, собственно, и стало причиной бредовых видений, во время которых... как я с прискорбием узнаю... я оскорбил кое-кого из присутствующих...

Присутствующие протестуют. Они не чувствуют себя оскорбленными. КОРНЕЛЬ снова стучит ложкой.

КОРНЕЛЬ. Нет, нет, господа... Моя вина бесспорна... Ведь это моя свадьба, а вы — мои гости... Поэтому я прошу разрешения произнести тост. За здоровье моих гостей!

КОРНЕЛЬ выпивает. Остальные тоже. Он садится. Воцаряется тишина, которую никто не решается нарушить. В конце концов медленно и неуверенно встает ТРЕТИН.

ТРЕТИН (*неуверенно*). Корнель... Господа... Мне кажется, наступил момент, когда и я должен кое-что сказать... То, что я сегодня пережил... Я уже не говорю о том, что господин Фистах...

ФИСТАХ. Просто Фистах...

ТРЕТИН. ...что Фистах прыгнул мне на спину... а у меня сколиоз из-за болезни Шейермана—Мау, которую я перенес в детстве... (*Фистах морщится.*) ...и о том, что господин Ставрос меня пинал и таскал за волосы... (*Ставрос морщится.*) ...и даже о том, что господин... господин Корнель... ударил меня стойкой в брюшную полость... (*Корнель морщится.*) Я все это понимаю... Эмоции... Хочу, однако, выразить свое недоумение по поводу того, что вы считаете меня виновником... Я лично скорее считаю себя жертвой... Жертвой невыясненного недоразумения...

ЧЕРВЬ. Минутку, минутку... Алиса сказала священнику, что не может выйти замуж за Корнеля, потому что любит вас...

СТАВРОС (*мгновенно всплыв*). Сука долбаная!

КОРНЕЛЬ (*резко*). Папа! Ты говоришь о моей жене!

ЯНИС. Она тебе не жена...

КОРНЕЛЬ низко опускает голову.

ТРЕТИН. Но ведь она не говорила, что любит меня!

СТАВРОС. Как это не говорила... Священник спросил: «Хочешь ли ты взять в мужья Корнеля»?.. А эта сука...

КОРНЕЛЬ. Папа, я тебя просил!

СТАВРОС. А Алиса сказала, что нет, что она только вас...

ЯНИС (*подтверждая*). И даже указала на вас пальцем...

СТАВРОС. И подошла к вам...

КОРНЕЛЬ (*вдруг вскакивает, с ненавистью в голосе*). И начала тебя целовать, покемон гребаный!!!

Все удивленно смотрят на КОРНЕЛЯ. КОРНЕЛЬ, сникнув, садится.

КОРНЕЛЬ (*просительно*). Извините... Флэшбэк... Это, скорее всего, флэшбэк... (*Титусу*.) В сахарнице что-нибудь осталось?..

ТИТУС подает КОРНЕЛЮ сахарницу. КОРНЕЛЬ садится, выскребает из нее остатки сахара.

ТРЕТИН. Господа, вы не о том говорите. Действительно, к моему великому удивлению, она начала страстно меня целовать, засовывая язык, кстати, аж по самые миндалины...

ЯНИС (*прерывая его, строго*). Простите... Нельзя ли избавить нас от таких подробностей?! Мой брат...

КОРНЕЛЬ (*спокойно*). Да нет... Я сахар ем...

ТИТУС (*Червью*). А у меня миндалины удалены...

ТРЕТИН. Но я был удивлен не меньше вас! И все-таки настаиваю на том, что Алиса не лично обо мне говорила. Вот доказательство... (*Достает из кармана диктофон и триумфально поднимает его вверх*.) Вся церемония записана!

ЧЕРВЬ (*удивленный*). Вы записывали венчание?

ТРЕТИН (*с гордостью*). Да!

СТАВРОС. Вы шпион?

ТРЕТИН. Я журналист... Собственно, я не... но на венчание Корнеля и Алисы я попал... можно сказать... по долгу службы... Меня направила редакция «Viva!»... Вам, конечно, известно, что «Viva!» особенно интересуется свадьбами известных лиц. А так как Алиса — популярная и любимая певица...

СТАВРОС. Вот сука!.. (*Корнелю*.) Прости, сынок...

КОРНЕЛЬ разводит руками, показывая на сахарницу.

ЯНИС. Ну... Тогда давайте послушаем вашу «правдивую» версию...

ТРЕТИН ставит диктофон на стол и включает. Все наклоняются к нему. Слушают. Из диктофона слышно какое-то хрипение.

СТАВРОС (*нетерпеливо*). Ну нет, бульканье какое-то!

ФИСТАХ (*Третину*). Басы, блин, все глушат.

ТРЕТИН. Не знаю, я не разбираюсь... (*Показывая на диктофон.*) Это жены...

ЯНИС (*удивленный*). У вас есть жена?

ТРЕТИН. Да. Уже полтора года.

СТАВРОС. Не верю.

ТРЕТИН достаёт из кармана паспорт. Показывает его СТАВРОСУ. Все тоже хотят посмотреть, но СТАВРОС не даёт.

СТАВРОС (*удивленный*). Действительно...

ТРЕТИН (*наклоняясь и показывая другую страницу в паспорте*). И дочка... (*С гордостью.*) Вот, здесь... Вот запись... Видите?.. Это моя Зузя... Зузанна Чеслава... Это в честь матери жены... (*Достаёт фотографии.*) Вот, пожалуйста... моя Зузя...

СТАВРОС и остальные начинают с интересом рассматривать фотографии.

ТРЕТИН. Вот, с бабушкой... А тут с женой на озере...

ЧЕРВЬ и ТИТУС улыбаются. СТАВРОС тоже смотрит с умилением.

СТАВРОС. Это на озере Вигры?..

ТРЕТИН. Нет, это Мамры... Мамры...

ЯНИС (*заинтересовавшись, тепло*). А у меня сынок... Пётрусь... Месяц и семь дней...

СТАВРОС (*радостно*). Моя кровь!..

ТРЕТИН (*гордо*). А моей Зузьке уже восемь месяцев...

ЯНИС. Ммм... Уже большая... Еще сиську сосет или уже из бутылочки?..

ФИСТАХ (*удивленно прислушиваясь*). Труба...

ТИТУС. Кстати, у нас ведь здесь тоже бутылки, может, выпьем?

СТАВРОС. Золотые слова, Титус... Золотые слова...

ТИТУС наливает.

ЯНИС. Так что там с записью? Надо бы все же послушать! Справедливости ради...

СТАВРОС (*поднимая стакан*). Минутку!.. Еще успеем... Не забывайте о традициях... Господа!.. (*Вставая*.) За здоровье жениха!

Все встают. Пьют. Садятся. КОРНЕЛЬ кивком благодарит за тост.

ЯНИС (*закусывая водку колбасой, Третину*). Я вот думаю, знаете... Вы говорите: жена... Говорите: ребенок... Вы производите впечатление счастливого человека... Однако жену моего брата целовали...

КОРНЕЛЬ. Она не моя жена!

ТРЕТИН. Давайте придерживаться фактов. Это она меня целовала, а не я ее!

КОРНЕЛЬ. Вот сука!

СТАВРОС улыбается КОРНЕЛЮ.

ФИСТАХ. Давайте наконец выясним, как было на самом деле! Пусть кто-нибудь приставит диктофон к уху, спокойно прослушает и нам расскажет! А то просто труба какая-то!

СТАВРОС (*беря диктофон*). О'кей...

ТРЕТИН. О нет! Я протестую! Вы заинтересованная сторона! Пусть слушает магистр Миськевич!

СТАВРОС (*сбитый с толку*). Кто?

КОРНЕЛЬ. Червь, папа... Он — магистр Миськевич...

ЧЕРВЬ встает и кланяется СТАВРОСУ.

ЧЕРВЬ. Магистр Миськевич.

СТАВРОС. Так ведь он тоже заинтересованная сторона!

ЧЕРВЬ (*удивленно*). Я? (*Разочарованно*.) Ну вот, сейчас вы ко мне начнете цепляться...

СТАВРОС. Речь идет о том, что... (*Ищет аргументов*.) ...что... Ведь вы тоже там были! И поэтому у вас субъективный взгляд на вещи... Пусть послушает кто-нибудь, кто... (*Неожиданно замолкает*.)

Все выжидающе смотрят на него. Он смотрит на ТИТУСА.

ТИТУС (*застигнутый врасплох*). Я?

Все утвердительно кивают. ТИТУС берет диктофон. Прикладывает его к уху. Слышно хрипение. Лицо ТИТУСА становится напряженным.

ТИТУС. Совсем неразборчиво...

ЧЕРВЬ (*с укором*). Понятно, что неразборчиво!.. Сосредоточьтесь!

ТИТУС продолжает слушать. Из диктофона по-прежнему доносится хрипение.

ТИТУС (*медленно*). Священник говорит: Корнель, хочешь ли ты Алису...

СТАВРОС (*нетерпеливо*). Дальше! Дальше!

Хрипение.

ТИТУС. Корнель говорит: да...

КОРНЕЛЬ (*сердито*). Я знаю, что я сказал! Дальше!

Хрипение.

ТИТУС. Говорит: Алиса...
ВСЕ. Дальше!

Хрипение.

ТИТУС. Вот, кажется!.. Алиса говорит... (*Медленно повторяет.*) Было бы грехом... выйти замуж за человека, которого... не... не... которого не любишь...

КОРНЕЛЬ опускает голову и тянется за сахарницей. Пальцем выскребает остатки сахара.

ТИТУС (*продолжая слушать*). Самое главное — быть верным любви...

ФИСТАХ. Вот сука...

ТИТУС (*продолжая слушать*). Верным любви... моим перцем...

ЯНИС (*удивленно*). Каким еще перцем?

ТИТУС (*сбитый с толку*). Я должен еще раз, страшно шумит...

Хрипение. ТИТУС внимательно слушает, и его лицо освещается улыбкой облегчения.

ТИТУС. Понял! Не моим перцем, а мое сердце!.. (*Торжественно.*) Мое сердце принадлежит другому!

КОРНЕЛЬ (*сердито, Титусу*). Тебе смешно?

ТИТУС. Нет, вообще... Я радуюсь, что расслышал... Ужасный шум... Из-за басов, наверное...

ФИСТАХ (*недоверчиво крутя головой*). Блядища...

ТРЕТИН (*уверенно*). Ну вот, сами видите! Она сказала «другому»! Она не сказала «мое сердце принадлежит Себастьяну Третину»!

СТАВРОС (*раздраженно*). Нет!.. Никакой это не аргумент!..

ТРЕТИН (*удивленный*). Как — не аргумент?

ЯНИС. Отец прав. То, что она не назвала вашу фамилию, не значит, что речь шла не о вас. Каждый юрист вам это скажет!

ТРЕТИН (*несколько испуганно*). Какой еще... юрист?

СТАВРОС. Например, Янис... Янис — юрист... (*С гордостью.*) Моя кровь!

ЯНИС. Папа, я же просил. Не Янис, а Януш... Меня зовут Януш...

СТАВРОС. Я тебя назвал Янисом...

ЯНИС. Когда надо было пойти меня зарегистрировать, мать не могла тебя найти целую неделю!

СТАВРОС. Я отмечал твое рождение...

ЯНИС. В результате она пошла сама... Злая как тысяча чертей... И поэтому я — Януш...

СТАВРОС. Для меня ты всегда будешь Янисом... Как твой дед, а мой — отец... (*Третьину.*) А ваша линия защиты провалилась!..

ФИСТАХ (*решительно ставя стакан на стол*). Не провалилась!

Все ошарашенно смотрят на ФИСТАХА.

ФИСТАХ (*Корнелю*). В утешение могу сказать, что не только вас кинули! Третьина тоже!.. Да и меня!..

СТАВРОС (*пораженный*). Вас? Неужели и вас что-то объединяло с этой... с Алисой?

ФИСТАХ. Ага! Два года!

Удивленное выражение на лицах присутствующих.

ЧЕРВЬ. Ситуация, похоже, еще больше накаляется...

ТИТУС. Может, я налью?

СТАВРОС. Попозже! (*Разозлившись.*) Сейчас окажется, что из нас семерых только я ее не трахал!

КОРНЕЛЬ. Купить тебе за это цветы?

ФИСТАХ (*Ставросу, разочарованно*). По-вашему, дружеских отношений, кроме сексуальных, между женщиной и мужчиной не бывает?

СТАВРОС. А что, бывают?

ЯНИС. Ну... Мать и сын...

ТРЕТИН. Бабушка и внук...

ЧЕРВЬ (*грустно*). Я и моя бывшая невеста... (*Видя удивленные взгляды.*) Хотя это, вообще-то, плохой пример... Потому что я этого хотел...

СТАВРОС. Тоже мне примеры!.. Мать с сыном!.. А Эдип?

ТИТУС. Так это же в Греции... У них там крышняк срывало по полной...

СТАВРОС (*злой, Титусу*). Кончай про Грецию, слышь... Я — грек и не позволю себя оскорблять!.. Что какой-то там официант может знать о нашей богатой культуре!.. Ну и где эта долбаная водка?

ТИТУС. Вы же сказали не наливать...

СТАВРОС. А теперь говорю наливать!

ТИТУС встает и наливает водку в стаканы.

СТАВРОС (*Фистаху*). Ну слушаем, слушаем...

ФИСТАХ встает и в процессе рассказа ходит по залу.

ФИСТАХ. Вы, наверное, знаете, я — перкуссионист... Начинал в «Дефлорации»... но мне трэш как-то не очень... примитивная музыка... поэтому я перешел в другую группу, «Псы святого Франциска», с которыми записал два диска...

ТИТУС (*Фистаху, с восторгом*). Ваш первый диск — супер... Особенно третья песня... (*Поет.*) «А я захожу в нее как нож, по мне стекают струи крови...» (*Видя удивление остальных.*) Офигенный музон...

ФИСТАХ. Спасибо... Мне тоже нравится... Но я с ними разошелся... у нас были разные взгляды... и я перешел в «Леди панк»... Но ненадолго... Вообще не срослось... А потом...

СТАВРОС. Минуту! Это что?.. История восхождения на музыкальный Олимп?.. Вы хотели про Алису... эту, бля, суку... рассказать!..

ФИСТАХ. Я и рассказываю... Потом я начал играть с Алисой... «Алиса и Живчики», так мы назывались... Живчики — это типа сперматозоиды ...

СТАВРОС (*хватаясь за голову*). «Алиса и Живчики»... (*Корнелю*.) Где ты ее откопал, сынок?..

КОРНЕЛЬ (*грустно*). На телевидении.

ФИСТАХ. Два года ничего... Тишина... Спрос на рынке упал, труба просто... И вот зимой мы подписали контракт со студией «ВМД»... Нам только сказали название сменить ... Что, типа, публика не купит... поменяли, короче, на «Алиса и Гусары»...

ЯНИС. Гусары? Кто вас слушает? Ветеранские вдовы?

ФИСТАХ. Нет... Ну, типа, сейчас молодежь корни свои ищет...

ТИТУС (*с иронией*). Чтобы косяки из них забивать?..

ФИСТАХ. Мы нашли студию, чтоб записать диск... Записали... А два месяца назад менеджер сказал, что нам не хватает пиара...

ТИТУС. Чего?

ЧЕРВЬ. Шума вокруг... события какого-нибудь... это по-английски...

ФИСТАХ. Во-во... Лучше всего — скандала... Сейчас уже мало записать хороший музон... Нужен локомотив, который все потянет... Что-то, что привлечет внимание... (*Бросая взгляд на Корнеля*.) Сейчас-то я понимаю, что это все было для пиара...

Все в изумлении смотрят на ФИСТАХА.

ЯНИС. Вы шутите?

ФИСТАХ. Да нет... Я во все это не вникал, я же артист... Для меня главное — играть, а купит это кто-нибудь или нет, меня вообще не колышет... Но Алису так несло... как араба на курс пилотажа... «Я должна что-то придумать! Я должна что-то придумать!» И придумала... Корнеля...

СТАВРОС. Но зачем этой... суке... понадобился простой орнитолог!

ТРЕТИН. Ну, не такой уж простой... Несколько месяцев назад Корнель стал самым популярным орнитологом в стране!

КОРНЕЛЬ (*небрежно*). Случайно...

ТРЕТИН. Насколько я знаю, вы познакомились с Алисой в ток-шоу «Мужчина и женщина»... А туда случайно не приглашают...

КОРНЕЛЬ (*вскакивая*). Нет! Никогда в это не поверю! Она не такая!..

ФИСТАХ. Тогда почему ее здесь нет?

Тишина. **КОРНЕЛЬ** тяжело опускается на стул.

ТИТУС (*вставая, робко*). Извиняюсь... Мне кажется, надо выяснить все досконально... Мы, к сожалению, топчемся на месте... (*Садится.*)

СТАВРОС. Тоже мне совет... А конкретнее?

ТИТУС. Для начала, может, пусть Корнель расскажет, как он вообще познакомился с Алисой...

КОРНЕЛЬ. Оставьте меня в покое... Что я — на исповеди?..

СТАВРОС. Ну почему же, сынок... Это неплохая мысль... Досконально разделаем суку под орех...

КОРНЕЛЬ озирается. Все смотрят на него выжидающе.

КОРНЕЛЬ. Я получил стипендию в Австралии... «Гнездовые повадки страусов»...

СТАВРОС. Не так, сынок... Встань! И четко...

КОРНЕЛЬ с трудом встает. Начинает медленно рассказывать.

КОРНЕЛЬ. Я так и говорю... Получил стипендию в Австралии... «Гнездовые повадки страусов»... На три месяца, гарантированная публикация... Прилетел в Сидней... взял такси... вышел на... Был кто-нибудь из вас в Сиднее?.. *(Видит, что все отрицательно качают головами.)* Ну, тогда не буду объяснять, смысла нет... В общем, там, ну, не в самом центре, есть такая большая площадь... Иду, смотрю, а там группа аборигенов играет... Странно, почему-то знакомая музыка... Ну, значит, стою слушаю... А один из них... такой темнолицый... ну, настоящий абориген... подходит ко мне, смотрит на чемодан и спрашивает: Польша? Оказалось, они все говорят по-польски, аборигены эти!.. Пригласили меня на пиво...

ТРЕТИН. Очень интересно, но имеет ли это отношение к нашей теме?

КОРНЕЛЬ. К сожалению, да... Проснулся я на пляже... Ни чемодана, ни денег, ни паспорта... Расхотелось мне заниматься этими долбаными страусами... Пошел в посольство... А там суматоха, толпа, охрана... Оказалось, как раз прилетел премьер с визитом...

ТИТУС. Какой премьер?

КОРНЕЛЬ. Как — какой премьер? Наш... Ну я и подумал: «Это мой единственный шанс, в худшем случае — меня пристрелят...» Я к нему и говорю: мол, так и так... А он мне — что попозже, потому что у него встреча на высшем уровне... Я думал, он меня отфутболил, но нет... Вечером прислал за мной телохранителя, мол, я могу вернуться домой с ними правительственным самолетом... Ну и вернулся...

СТАВРОС. Сынок, покороче...

КОРНЕЛЬ. Я и так коротко! Это все важно! В самолете премьер подсаживается ко мне и спрашивает, что и как. А я ему говорю, что хочу защитить диссертацию... стипендия... страусы... Только не сказал, что всего пару дней как

прилетел... А он — что переговоры в Австралии ни хрена не дали, что он устал и вообще не знает, что сказать этим гиенам-журналистам в аэропорту... Ну то есть ляля-тополя, как обычно в дороге...

ЯНИС (*поторапливая*). Давай дальше, брат...

КОРНЕЛЬ. Приземляемся в Варшаве... на него налетают журналисты и давай: «Господин премьер, как прошел визит? Что удалось сделать?» А он вдруг — что он гордится достижениями польской науки, которая хорошо зарекомендовала себя за рубежом. И тянет меня к микрофонам...

ТИТУС. Охренеть, вот это череп!..

КОРНЕЛЬ. Я не мог отвязаться... Одно интервью, второе... Ну а потом уже меня пригласили на это ток-шоу... (*Замолкает и садится.*)

ТРЕТИН (*Ставросу*). А вы говорили, простой орнитолог!

ФИСТАХ. Именно это Алисе и надо было! Известный интеллектуал и поп-звезда. Тут оно и началось!

КОРНЕЛЬ. Не верю!

ФИСТАХ. А фотографии в желтой прессе?

КОРНЕЛЬ (*раздраженно*). Ну и что? Уже и сфотографироваться нельзя?

ЯНИС. Я тебя предупреждал, чтоб ты был поосторожнее!.. Предупреждал как брат и как юрист... Помнишь фотосессию, когда вы были загримированы под Мэрилин Монро и Артура Миллера... Зачем тебе это понадобилось?

КОРНЕЛЬ. Алиса очень хотела!..

ФИСТАХ. Пиар... Пиар...

КОРНЕЛЬ. Да кончайте вы со своим пиаром. «Пиар, пиар!» У вас получается какая-то теория заговора!.. Есть еще любовь, о чем вы, кажется, не имеете понятия!

ФИСТАХ. Какая любовь, Корнель, вы что?.. Что она сказала в костеле? «Главное быть верным любви». И тут же «Мое сердце принадлежит другому...»

КОРНЕЛЬ (*в отчаянии*). Хорошо, хватит... хорошо! Меня не любит! Но любит другого! Это тоже любовь!

ФИСТАХ. К сожалению, нет... Все гораздо хуже... «Главное — быть верным любви» — хит из нашего альбома... Хит, который должен попасть в хит-парады. А «Мое сердце принадлежит другому» — это название альбома. Вот такой расклад.

СТАВРОС (*пораженный*). Так эта сука?..

ФИСТАХ. Получается так... Завтра утром все газеты опишут сегодняшний скандал и процитируют то, что сказала Алиса... А через три дня диск поступит в продажу... Так сегодня делается карьера...

Все сидят подавленные. КОРНЕЛЬ что-то хрипит, потом хрип переходит в пронзительный крик.

КОРНЕЛЬ. Убью!.. Убью!..

Неожиданно гаснет свет. Слышны оглушительные звуки рок-музыки.
Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Все молча едят борщ. В центре стола сидят рядом КОРНЕЛЬ и ЧЕРВЬ.
У ЧЕРВЯ забинтованная голова.

КОРНЕЛЬ (*Червя после долгой паузы*). Злишься на меня?

ЧЕРВЬ. Да нет. Все в порядке...

Снова пауза. Все едят.

КОРНЕЛЬ. Я должен был выплеснуть эмоции... Ты был ближе всех...

ЧЕРВЬ. Ничего, ничего... Все в порядке...

Снова пауза. Все едят.

КОРНЕЛЬ. Причины чисто онтологического и гормонального характера...

ЧЕРВЬ. Я понимаю, Корнель... Все нормально...

Звонит мобильник. Все, кроме ТИТУСА, одновременно достают мобильные телефоны.

ЯНИС. Это мой!

Все прячут мобильники. ЯНИС отвечает.

ЯНИС (*в телефон, сладким голосом*). Я только что хотел тебе позвонить, дорогая... Что?.. Все в порядке... Гуляем... А как малыш?.. Покакал?.. Нет?.. (*Встревоженно.*) Ромашку ему завари... Сразу пучить перестанет... Ну, он должен срыгивать, для такого возраста это нормально... Что?.. Тихо?... (*Оглядывается.*) Совсем не тихо!.. (*Дает знак присутствующим, призывая их говорить.*)

Раздается покашливание, нарочито громкие фразы.

ЯНИС (*в телефон*). Отлично веселимся... Фотографии?.. Какие фотографии?.. А, свадебные?.. Замечательные!.. (*Берет со стола рентгеновский снимок и подносит к свету — виден череп.*) Особенно Корнель здорово вышел... Что?.. Почему нет музыки?.. Да музыканты как раз едят... Едят, говорю... Но сейчас опять начнут играть! (*Подбегает к сидящим за столом и жестом просит, чтобы они взяли инструменты и начали играть.*)

Те неохотно встают. ФИСТАХ садится за ударные, ТИТУС берет гитару, ЧЕРВЬ — бас-гитару, а ТРЕТИН подходит к синтезатору. О чем-то между собой договариваются и наконец начинают играть. ЯНИС в это время не перестает убеждать жену, что свадьба идет полным ходом.

ЯНИС (*в телефон*). Ты слышишь?.. Уже играют... Ну ладно, пока, танцы начинаются...

ЯНИС подбегает к КОРНЕЛЮ, хватает его и начинает с ним кружиться по залу. КОРНЕЛЬ сопротивляется, но вырваться не может. К микрофону подбегает СТАВРОС. Начинает петь песню из репертуара ансамбля «Червоны гитары»: «Небо над моей родиной». Раззадорившиеся ТИТУС и ЧЕРВЬ подхватывают припев. Они не замечают, что ЯНИС уже закончил разговор и пробует их остановить. Он машет им и кричит, но они его не слышат.

ЯНИС. Блин! Хватит! Хватит!

Они прекращают, несколько раздосадованные.

ЧЕРВЬ. Почему хватит?..

ЯНИС. Я уже закончил!

СТАВРОС. Но у нас неплохо получалось, сын!..

Остальные дружно кивают в знак согласия.

ЯНИС. Но ведь мы здесь не затем, чтоб... бля... петь!

ФИСТАХ. А почему бы нет? Ведь свадьба же...

СТАВРОС. Вот именно! (*Машет рукой.*)

Все снова начинают играть и петь.

ЯНИС (*в ярости*). Стоп! Блядь! Стоп!

Раздражение ЯНИСА так велико, что они перестают играть.

ЯНИС (*приказным тоном*). Музыканты! Перерыв на жратву!

СТАВРОС, ТРЕТИН, ФИСТАХ и ТИТУС, недовольные, сходят с эстрады и садятся за стол. Молчание. ЯНИС чувствует себя неловко.

ЯНИС (*продвигая «музыкантам» блюдо с закусками*). Колбаски?..

Все, надувшись, отрицательно качают головами.

ФИСТАХ (*Янису*). Я вас не понимаю... Вы же сами просили играть...

ЯНИС. Для правдоподобия... Откуда я знал, что вы сразу начнете косить под «Роллинг Стоунз»...

ТРЕТИН. Интересно, зачем вообще вам понадобилась эта мистификация?..

ЯНИС. Я не хотел жену расстраивать... Она и так взъерилась, что ей надо остаться дома с ребенком... А если бы еще узнала, что случилось... Да чего там говорить...

ТРЕТИН. Но ведь она все равно узнает... Вы что, завтра купите все газеты?

ЯНИС (*неуверенно*). Ну... Ну... (*Смущенно*.) Я немного стрессанулся...

ФИСТАХ. Труба.

СТАВРОС (*с иронией*). Мой сын очень боится свою жену...

ЯНИС. Я не боюсь! Только... Она... Она...

КОРНЕЛЬ (*неожиданно*). Стерва, вот она кто!

ЯНИС. У нее нервы... Она легко раздражается!

КОРНЕЛЬ (*саркастически, Янису*). Раздражается!.. Тоже мне... Да она больная на голову! (*Всем*.) Недельку назад выскочила из машины и оставила его с ребенком на перекрестке!.. Только потому, что он не сказал, что у нее на колготках петля поехала... На них тогда чуть грузовик не налетел!

ЯНИС (*небрежно*). Позавчера я забрал у нее права и теперь сам буду водить машину!

КОРНЕЛЬ. А как она нас в дом не впустила на твой день рождения? Видите ли, оказалось, что муж Карпинской больше тебя зарабатывает. (*Всем*.) Да она буйнопомешанная! Реально больная!

ЯНИС (*злобно*). Ты лучше к своей жене цепляйся!

КОРНЕЛЬ (*торжествующе улыбаясь*). У меня нет жены... Ты сам сказал...

ТИТУС (*громко*). Все они бляди!

Все присутствующие смотрят на ТИТУСА.

ЯНИС (*вскидываясь*). Подбирай слова... козел! Моя жена — не блядь!

ТИТУС (*чувствуя, что переборщил*). Может, ваша жена и нет... Не знаю, не знаю... Но остальных знаю — и знаю, что все они бляди!..

ТРЕТИН. Моя жена тоже нет...

ТИТУС. Хорошо! Кроме жен Яниса и Третина!..

ФИСТАХ. И моей матери...

ТИТУС. О'кей! Кроме наших жен и матерей, все бабы — бляди!

ЧЕРВЬ. Моя тетка нет.

Все удивленно смотрят на ЧЕРВЯ.

ЧЕРВЬ. Она — монашка... Не думаете же вы, что... (*Видя, что он их не убедил.*) Кроме того, она страшная как не знаю кто...

СТАВРОС (*взяв бутылку в руки*). Давайте выпьем... Расслабимся...

Все согласно кивают. Ставрос наливает.

СТАВРОС (*поднимая стакан*). За наше здоровье!

Все чокаются и выпивают. Закусывают колбасой и хлебом.

ТРЕТИН. К сожалению, господа, то, что уважаемый Титус с хамской прямоотой, присущей его интеллектуальной природе, назвал блядством... а я бы сформулировал как женский промискуитет, частично находит отражение в реальной жизни... Да... Хоть и нелегко это признать, и, как я уже говорил, я люблю свою жену и доверяю ей, од-

нако факты — упрямая вещь... А факты... подтвержденные научными исследованиями... говорят, что система ценностей женщин отличается от нашей и допускает поведение, которое в некоторых случаях может определяться понятием «блядь»...

СТАВРОС. А вы не могли бы... попроще?

ТРЕТИН. Как еще проще? Все абсолютно просто... Мужской способ восприятия женщин, быть может, и незатейливый, но в своей незатейливости честный... Каждый самец воспринимает самку как сексуальный объект...

ТИТУС. То есть... хочет ее раскупорить?

ТРЕТИН (*сбитый с толку*). Если вам нравится такое определение, пожалуйста...

ТИТУС (*размечтавшись и даже встав*). Ой, нравится... Меня иногда так разбирает, что я любой вставил бы электрод... Помню случай с одной официанткой из Вроцлава... Потому что я сам из Вроцлава, конкретнее, из-под Вроцлава... Красавицей сучка не была, но у нее были такие...

КОРНЕЛЬ громко кашляет. ТИТУС замолкает и вопросительно смотрит на него.

КОРНЕЛЬ (*укоряюще*). Третин нам кое-что сейчас рассказывал...

Пристыженный ТИТУС садится. КОРНЕЛЬ жестом просит ТРЕТИНА продолжать.

ТРЕТИН (*кивком благодарит Корнеля*). Каждый самец, повторяю, рассматривает самку как сексуальный объект... Это все упрощает. Когда мы вступаем в сексуальные отношения... или, как сказал бы господин Титус, раскупориваем нашу избранницу...

ТИТУС (*с энтузиазмом, на мгновение срываясь с места*). Нанизывая как шашлычок!

ТРЕТИН. Именно так... Единственный наш мотив — стремление удовлетворить вожделение... Следовательно,

по отношению к ее женской сущности... ее человеческой природе, реализующейся, кстати, на физиологическом уровне, мы честны... В то же время мотивы, по которым женщины вступают в физические отношения, намного сложнее...

ЯНИС. А конкретнее?

ТРЕТИН. Кто-нибудь из вас занимался сексом для того, чтобы улучшить свое социальное или служебное положение?

Все смотрят на ТРЕТИНА как на идиота и отрицательно качают головами.

ТРЕТИН. То-то и оно! Зато женщины придают огромное значение финансовым вопросам!.. Они могут заниматься сексом с тем, кто вообще не привлекает их физически, но имеет определенный статус. Кто богат, популярен или обладает властью... Так показали исследования всех мировых культур!

СТАВРОС (*немного сбитый с толку*). Так значит... Они только по расчету с нами... того-этого?..

ТРЕТИН. Да, но завуалированно! Это целая игра со сложными правилами...

ТИТУС (*не соглашаясь*). Сложными? Скажете тоже! Если меня какая-нибудь телка заводит, я к ней сразу подваливаю... смотрю ей прямо в глаза... ну, знаете, так, по мужски... (*Вскакивает и показывает, как он смотрит женщинам в глаза.*) ...Так на нее смотрю, что она уже знает... она уже чувствует... и у нее там мокро становится... и я тогда... низким голосом... вот так... (*Наклоняется к Червью и говорит басом.*) ...Пойдем, милая... Я тебе заправлю полный бак под завязку...

Ошарашенный ЧЕРВЬ смотрит на ТИТУСА. Все остальные тоже.

КОРНЕЛЬ (*неуверенно*). И что? Наверное, сразу получаете по морде?

ТИТУС. Да вы что! Я получаю то, что хочу!.. Потом она сама меня просит... чтоб еще...

СТАВРОС (*смотрит на Титуса с воодушевлением*). Так и есть, господа! Это правда!.. Я тоже всегда так делал, и они всегда давали! (*Титусу*.) Bravo, парень! Так держать!

ЯНИС (*Ставросу — пораженный*). Как это — всегда так делал?.. Хочешь сказать, ты моей матери говорил, что ты ей... полный бак заправишь?

СТАВРОС (*смутившись*). Ну нет... Твоей матери я как раз этого не говорил.

КОРНЕЛЬ. Тогда, может, моей?

СТАВРОС (*еще больше смутившись*). Да нет, твоей тоже нет... Но, парни, вы уже достаточно взрослые, чтоб догадаться, что ваш отец всегда пользовался большим успехом...

ЯНИС. Догадаться?.. Хватит строить из себя... Сколько мать из-за тебя плакала!.. Ночами, когда ты не приходил домой!.. Я сам умирал от страха, боялся, что с тобой что-то случилось... Спать не мог!.. И слышал, как она плачет в подушку!..

СТАВРОС (*пристыженный*). Да ладно, сын!.. Это все в прошлом...

ЯНИС. Боже, как я радовался, когда она не выдержала и тебя под зад ногой!.. Столько лет тебе отдала!.. Никакой своей жизни! И наконец...

СТАВРОС. Янис!

ЯНИС (*холодно*). Януш!.. Меня зовут Януш!

СТАВРОС. Януш, прошу тебя! Перестань!

ФИСТАХ. Нет, нет!.. Это интересно... Пусть говорит...

ЯНИС (*всем*). Мое восемнадцатилетие мать решила отпраздновать в ресторане... Ну, знаете, жратва, там, торт, шампанское... Так вот, она встала тост произнести и говорит: «Сынок, ты уже взрослый, у тебя своя жизнь, и моя миссия на этом закончилась. Я тебя буду всегда любить, но я тоже человек. Я ухожу...» И ушла... К нормальному,

классному мужику... На десять лет моложе, но любит ее безумно... Они счастливы... Ездят вместе по всему свету... Он ее на руках носит...

СТАВРОС. Януш! Януш! Хватит!

ЯНИС (*Ставросу*). Поэтому я не буду таким, как ты! Даже если моя жена буйнопомешанная!

КОРНЕЛЬ (*Янису, мягко*). Ну, может, не так уж и буйно... Иногда она даже очень ничего...

ТИТУС (*Янису и Корнелю*). Я правильно понял? У вас разные матери?

КОРНЕЛЬ (*утвердительно кивает*). Ммм... Вы же сами слышали... Наш отец всегда пользовался большим успехом...

СТАВРОС (*Корнелю*). Теперь ты на меня решил накачать?..

КОРНЕЛЬ. Отец много ездил по стране... И везде оставлял свой след... Когда моя мать поняла, что беременна, она приехала к нему... И оказалось, что она — не та единственная и желанная... Вернулась домой и сказала, что больше не хочет его видеть... Никогда...

ЯНИС. А моя мать, которая в это же время забеременела, потребовала, чтоб он на ней женился... Мол, ребенок должен иметь отца...

КОРНЕЛЬ. Мы родились в один день. Мы — редкий пример близнецов, у которых разные матери...

ФИСТАХ. Я фигею! Вот труба!

ТРЕТИН (*Ставросу*). У меня слов нет ... Ну вы даете!..

КОРНЕЛЬ. Я отца увидел, только когда мне исполнилось восемнадцать... Вдруг взял и появился...

СТАВРОС. Потому что понял, как важна семья!

КОРНЕЛЬ и ЯНИС прыскают и иронически качают головами.

ЯНИС. Вот поэтому, когда я слышу, как отец советует обращаться с женщинами, меня смех берет... (*Ставросу*.) Ты... папочка... вообще не умеешь разговаривать с женщинами!

СТАВРОС. Смотрите-ка, нашелся тут... (*Сомневаясь.*) А ты умеешь?

ЯНИС. Я умею.

СТАВРОС. Да? Интересно. Тогда давай проведем небольшой эксперимент. Я буду женщиной, а ты муж... ты будешь самим собой. Посмотрим, как ты справишься.

ЯНИС неуверенно поглядывает на присутствующих, которые жестами просят его согласиться.

ЯНИС. Согласен...

Довольный СТАВРОС выходит на середину.

СТАВРОС. Представь себе такую ситуацию, сын... Мы просыпаемся... всю ночь мы трахались, как кролики. Ты меня жарил так, что я орал как оглашенный! Аж соседи стучали в стены! А сейчас утро, и мы одеваемся... (*Видит удивленное лицо Яниса.*) Что?.. Что-то не так?..

ЯНИС. Да нет, только... Только мне трудно представить... папа... что я тебя трахаю, а ты орешь как оглашенный...

СТАВРОС (*с сомнением*). Ну, может, ты прав... Не уверен, что у тебя бы это получилось... Ты явно унаследовал не мой темперамент ...

ЯНИС. Я хотел сказать...

СТАВРОС (*перебивая*). Неважно!... Я сижу на кровати, ты завязываешь галстук... Через несколько минут мы идем на работу. Что ты говоришь?

ЯНИС неуверенно смотрит на СТАВРОСА. Видно, что он не знает, что сказать. Посматривает на остальных, которые жестами его подбадривают. Янис встает и подходит к СТАВРОСУ.

ЯНИС (*Ставросу, неуверенно*). Ну что, дорогая?.. Пойдем вечером в кино?

СТАВРОС (*не глядя на Яниса, сухо*). Нет.

ЯНИС (*озабоченный*). Почему? Тогда в театр? (*Улыбается.*) Или, может, сходим поужинаем?

СТАВРОС (*холодно смотрит на Яниса*). Я не хочу с тобой больше встречаться. Это был последний раз.

ЯНИС (*ошарашенный*). Что???

СТАВРОС. С тобой я задыхаюсь... Ты меня подавляешь... Мне нужен воздух...

ЯНИС ошарашен. Он смотрит на остальных, те разводят руками, показывая, что они не знают, что сказать.

ЯНИС (*озабоченный*). Что за бред! Ты чего? Я тебя обидел?

СТАВРОС (*безразлично*). Идем... Я опоздаю на работу... Ты меня подбросишь?

ЯНИС (*продолжает недоумевать*). У тебя посткоитальная депрессия, что ли?

ЯНИС смотрит на остальных, те жестами показывают, что реплика была удачная. Жестами подбадривают его, он смелеет и впервые улыбается. Улыбка на лице ЯНИСА исчезает, когда он замечает в глазах СТАВРОСА разочарование.

СТАВРОС. А больше тебе ничего не приходит в голову?.. Типичный мужик... Хорошо, я поеду одна... (*Направляясь к выходу.*) Пока!

ЯНИС ничего не понимает. Он пытается остановить СТАВРОСА.

ЯНИС. Стой... Подожди... Я люблю тебя...

СТАВРОС прыскает со смеху. ЯНИС бессильно опускает руки и подходит к остальным. СТАВРОС торжествующе смотрит на него.

ЯНИС (*всем*). Ну и что мне делать?

ТРЕТИН (*горячо*). Вы должны ее как-то переубедить!
ЧЕРВЬ (*возбужденно*). Ведь вы ее на самом деле любите!!!

ЯНИС подбегает к СТАВРОСУ.

ЯНИС (*Ставросу, явно взволнованный*). Но я тебя правда люблю!!!

СТАВРОС (*холодно*). Не ломай трагедию... Будь мужчиной хоть раз...

ЯНИС (*у него в глазах слезы*). Не делай этого... После всего, что мы вместе пережили... (*Плачет.*)

СТАВРОС подходит к нему. Вытирает ему слезы. Тепло улыбается.

ЯНИС улыбается в ответ. Улыбка на лице СТАВРОСА исчезает.

СТАВРОС. Я потрясена, дорогой... Очень удачное шоу...

ЯНИС (*в отчаянии*). Я не играю! Я на самом деле тебя люблю! И не хочу тебя потерять!

СТАВРОС (*поглядывая на брюки*). Черт, где это я так испачкалась? (*Смотрит на Яниса.*) Ну так что?.. Подвезешь меня или мне ехать на автобусе?..

ЯНИС молчит. Он действительно потрясен. Заметно, что это расставание выше его сил.

СТАВРОС (*пренебрежительно*). Да, от тебя этого можно было ожидать... Даже расстаться достойно не можешь... (*Бросает на Яниса презрительный взгляд и уходит.*)

ЯНИС садится на стул. Остальные медленно подходят к нему.

ЯНИС (*тоном человека, повергнутого в отчаяние*). Но почему?.. Еще несколько часов назад она говорила, что я для нее — всё!..

Остальные похлопывают ЯНИСА по плечу. КОРНЕЛЬ подает ему стакан с водкой. ЯНИС залпом выпивает. ТРЕТИН протягивает ломтик ветчины. Все молчат. Они еще не пришли в себя.

ФИСТАХ (*задумчиво*). Бля, ну что за суки...

ЧЕРВЬ. И мы еще должны за это платить...

ТИТУС. Я не плачу!

ТРЕТИН. Платите, платите... Даже сами того не замечая...

ТИТУС (*решительно*). Я не плачу за секс!

КОРНЕЛЬ. Минуту, минуту... Вот вы им о заправке говорите... это вы как, прямо сразу? На улице?

ТИТУС. Ну почему на улице!.. Сперва надо почву подготовить... Я приглашаю ее в кино или в кафе...

КОРНЕЛЬ. И кто платит за это кино?

ТРЕТИН (*с улыбкой*). И за кафе?..

ТИТУС молчит, не зная, что сказать. Он видит ироничные взгляды остальных. Только ФИСТАХ и ЯНИС сидят насупившись. ФИСТАХ, кажется, вообще не слышит разговора. Он что-то бормочет себе под нос, качает головой, на лице проступает раздражение.

ТИТУС (*пытаясь настоять на своем*). Зато я отлично оттягиваюсь!

ТРЕТИН. И она тоже! Только даром!

ТИТУС (*обозлившись*). Блин... С вами вообще невозможно разговаривать!

ФИСТАХ (*вскакивая*). Нет, нет, нет, нет, нет!!! (*Показывая пальцем в сторону двери, за которой исчез Ставрос.*) Я так ее любил!.. Я на ней жениться хотел!.. А она просто взяла и ушла из моей жизни, как из сортира вышла!

Все удивленно смотрят на ФИСТАХА. ФИСТАХ тяжело дышит и все время с осуждением показывает на дверь.

ЯНИС (*очнувшись*). Успокойтесь, Фистах... Это был мой отец... Игра такая...

ФИСТАХ. Знаю, что игра, не дурак... Только для вас это игра, а для меня чистая правда... (*Чуть не плача.*) Я пережил что-то вроде... (*Замолкает, его лицо судорожно подергивается. Видно, что он вот-вот расплачется.*)

КОРНЕЛЬ. Сахару ему!.. Немедленно сахару!..

ТИТУС (*срываясь с места и хватая сахарницу*). Нет ничего! Вы все сожрали!

ФИСТАХ. Какой, на хер, сахар!.. Водки!..

ЧЕРВЬ наливает водку в стакан и подает **ФИСТАХУ**. Тот залпом выпивает.

ФИСТАХ (*после сильного выдоха*). Когда-то я выступал с одним чуваком, ну, он теперь в «Ноевом ковчеге» главный...

ТИТУС (*удивленно*). Вы и с ним играли?

ФИСТАХ. Да, было такое... Христианский рок... Единение, молитва, Библия под подушкой, все дела... Тогда в городе Пила я познакомился с девушкой... Из христианской общины... Боже, как меня тогда цепануло... Вы не поверите, что можно влюбиться так, чтобы дать себе зарок: никакого траха!.. Конец! Вся твоя энергия переходит в порсячий восторг.

ТИТУС. Никакого? Даже потискаться?

ФИСТАХ. По нулям!.. Целый год, представляете... А я спал с ней бок о бок почти каждую ночь!

ЯНИС (*удивленно*). Как это? Вы же сказали, что она жила в Пиле...

ФИСТАХ. Да... Бля, я когда сейчас вспоминаю, сам себе не верю! Вы представьте только! Например, у меня концерт в Санокке! Концерт заканчивается... ребята в гостиницу... а я в машину, и вперед!.. Шпарю через всю Польшу, чтоб в пять утра лечь рядом с ней! А утром снова в тачку и на другой конец страны, потому что мы там выступаем!

ТИТУС. Я фигею! Вот приколы!

ФИСТАХ. Во-во! За год сменил три тачки — все разбил вдрызг!.. Причем все были быстрые, иначе я бы не успевал... Чудо, что вообще жив остался!

ТИТУС (*недоверчиво качая головой*). И что, ни одного перепахива?

ФИСТАХ. Нет! Только невинные поцелуйчики... Что это за пытка была, люди!.. Я лежу рядом с ней, чувствую ее тепло... запах... член гудит как вентилятор... но я ничего... держусь... после свадьбы!.. после свадьбы!

ЯНИС. Снимаю шляпу...

ФИСТАХ. А сколько я ей подарков купил! Она только звонила: «Дорогой, мне нужны сапожки...»... Или: «Знаешь, я видела такое классное платьице в “Коттонфилде”...»... Ну, я раз!.. за платьицем — и в машину... Я уже не говорю обо всяком барахле в квартиру, мебель, коврики, вазочки и хрен знает что еще! Думал про себя: мать твою, Господи! Я не хочу жить в сраной Пиле, но если такова Твоя воля, о'кей!

КОРНЕЛЬ (*с любопытством*). И что? Почему же вы там не живете?

ФИСТАХ. Почему?.. Почему?.. Был у нас концерт в Ольштыне... Кончили играть, я... как обычно... в тачку и в путь... С дороги звоню, что уже еду, а она: «Чудесно, дорогой, я тебя люблю!» Ну, я еще сильнее по газам, чтоб быстрее, чтоб уже быть с нею... Вхожу... лыбу давлю... и в коридоре натыкаюсь на чемоданы... «Чьи это?» — спрашиваю и дальше улыбаюсь, а она: «Твои». — «Мои? А зачем?» — «Ты уезжаешь». Я думал, ослышался, и говорю: «Не шути так, солнышко. Ведь ты же полчаса назад говорила, что любишь меня». — «Я врала...»

КОРНЕЛЬ (*пораженный*). И все? И ничего больше? Почему? Что случилось?

ФИСТАХ. Ничего. Только: «Я врала...» Я возвращался из этой Пилы как труп... Останавливался, блевал на обо-

чине... снова ехал... опять блевал... Кошмар... А утром в Варшаве звонит журналистка из «Лизы» и говорит, что хочет сделать репортаж о жизни обращенного рок-музыканта....

ЯНИС. Вы ей отказали?

ФИСТАХ. Нет... Сказал, пусть приходит... Входит, вся такая пахнувшая, в короткой юбке, сиськи стянуты лифчиком, ну, знаете... Сразу понятно, слаба на передок... Это всегда видно, они рот раскрывают и вроде что-то говорят, но только для того, чтобы губы язычком облизать... Она включает магнитофон, а я ей: «Хочешь интервью? Тогда — на колени». И расстегиваю брюки... «Бери!..» А она: «Ты что?» А я: «Что-что? Бери давай!» — и встаю перед ней...

ЯНИС. Вы, наверное, были в жутком шоке!.. Ведь она же могла вас в прессе с грязью смешать...

ФИСТАХ. Куда там!.. Взяла!.. И потом еще несколько раз приходила... Что я с ней вытворял!.. Йога по сравнению с этим фигня... Вот так закончилась моя история с христианским роком...

ТРЕТИН (*с нескрываемым интересом*). Вы говорите, она из «Лизы» была?.. Моя жена там работала... Должна ее знать...

ФИСТАХ. Знает, наверное... Это же небольшая редакция вроде?..

ТРЕТИН хочет еще что-то спросить, но внезапно открывается дверь, и входит довольный собой СТАВРОС.

СТАВРОС. Ну что, ребята? Неплохо я вам изобразил психодраму?

КОРНЕЛЬ (*пренебрежительно*). Успокойся, папа!.. После того, что нам рассказал Фистах, твоя история — детский сад...

СТАВРОС (*сбитый с толку*). А что такое?.. (*Садится, но никто не обращает на него внимания.*)

ФИСТАХ (*с грустью*). А позже я узнал, что в Пиле ее имели все, кто хотел... На моих ковриках...

Все задумываются.

ЧЕРВЬ (*прерывая молчание*). Дааааа... В биологии такое поведение широко известно... Неоднократно замечено, что самки шимпанзе сексуально провоцируют самца только для того, чтобы украсть у него мясо...

СТАВРОС (*с сомнением*). Минуту, Червь... Обезьяны — это обезьяны, а люди — это люди...

ЧЕРВЬ. О нет!.. Вы не представляете, насколько мало у нас различий... Знаете ли вы, что в генетическом смысле... между нами и шимпанзе более близкое родство, чем между шимпанзе и гориллой?

СТАВРОС (*хохоча*). Это, может быть, в вашем случае! Потому что в моем точно нет!

ЧЕРВЬ. А вот вы как раз лучший тому пример!

СТАВРОС. Я? А по морде вы давно ни от кого не получали?

ЯНИС. Отец, перестань из себя Шварценеггера корчить... Дай человеку сказать...

СТАВРОС замолкает. **ЧЕРВЬ** смотрит на собравшихся, те просят его продолжать.

ЧЕРВЬ (*сядась поудобнее*). Прежде всего следует признать, что люди — такой же продукт эволюции, как, например... плесень...

СТАВРОС (*соболезнующе*). Сначала обезьяны, теперь плесень... По-моему, ему надо лечиться...

Собравшиеся одергивают **СТАВРОСА** и показывают **ЧЕРВЮ**, чтобы тот продолжал.

ЧЕРВЬ. А целью всех живых существ является размножение... Передача своего генетического материала после-

дующим поколениям... Присутствие Корнеля и Яниса... а также известные нам подробности их рождения... бесспорно указывают на то, что... (*Ставросу*.) вы также подвержены действию этого закона...

СТАВРОС. Но я их вообще не хотел!..

КОРНЕЛЬ. Спасибо, отец...

СТАВРОС. Простите, ребята, но я просто хотел хорошо развлечься...

ЧЕРВЬ. Инстинкт... Могучая сила, которая управляет нашими осознанными желаниями...

СТАВРОС. Какой там инстинкт? Вы сами слышали, что я не был хорошим отцом!

КОРНЕЛЬ (*Ставросу*). Не в этом дело! Речь не об отцовском инстинкте, а о стремлении размножаться! Женщина, папа, для мужчины является средством передачи его генов следующему поколению...

ЧЕРВЬ. Вот именно... Впрочем, и мужчина для женщины — источник важной субстанции... спермы, которая превращает ее яйцеклетки в зародыши...

ТИТУС (*испуганно*). Я фигею! Они воруют у нас сперму, а мы потом еще должны им за это платить!..

ЧЕРВЬ. Это другой вопрос... Женщина действительно гораздо больше заинтересована в том, чтобы привязать к себе конкретного мужчину, но это вытекает из асимметрии полов в процессе производства на свет потомства...

ТИТУС. Из чего?

ЧЕРВЬ. Женщина, независимо от того, сколько у нее любовников, рождает ровно столько детей, сколько может... Поэтому ее цель — найти того единственного, кто ей поможет в воспитании, обеспечит едой, зарабатывает, защитит... В то же время мужчина всегда может увеличить свой репродукционный потенциал благодаря романам...

КОРНЕЛЬ (*Ставросу*). Просто мужчины так устроены, что используют каждую возможность, чтобы нарушить супружескую верность, папа...

СТАВРОС (*Корнелю*). Я знаю, сынок!..

КОРНЕЛЬ. Вот именно... Что тебе рассказывать...

ФИСТАХ (*Червь*). Вы не преувеличиваете роль инстинкта размножения? Например, гомики друг дружку шворят и так, и эдак, а детей у них не получается...

ЧЕРВЬ. Мужчины-гомосексуалисты действительно вступают в разнообразные сексуальные связи, но, скажем, лесбиянки предпочитают постоянные моногамные союзы... И те и другие живут по правилам своего пола, только проявляют бóльшую экстремальность...

ФИСТАХ. Это значит, инстинкт тот же, только векторы перепутались?

ЧЕРВЬ. Точно!.. Инстинкт размножения — могучая сила!.. Например, лосось во время нереста может умереть от голода!.. Потому что везде, где размножение и выживание вступают в конфликт, верх всегда одерживает размножение!..

ТИТУС (*с энтузиазмом*). Это как у меня! Стоит только кинуть палку, напроочь забываю о еде!

СТАВРОС (*пораженный*). Я в шоке... Мне пятьдесят четыре года, и я всегда думал, что это я решаю, с кем переспать!

ЧЕРВЬ. С кем — да. Но зачем — это решаете не вы...

СТАВРОС. А кто, баба?..

ЧЕРВЬ (*качая головой*). Нет... Тестостерон...

СТАВРОС. Тесто... что?

КОРНЕЛЬ (*Ставроосу*). Тестостерон, папа... Очень древнее химическое соединение, которое в неизменной форме присутствует у большинства позвоночных... Это он делает нас мужчинами...

ЧЕРВЬ. Мужской гормон... Это он заставляет нас гоняться за женщинами начиная с периода созревания и до конца жизни... Это из-за него все мы — потенциальные насильники и убийцы...

СТАВРОС (*удивленный*). И вы тоже?

ЧЕРВЬ (*немного смущен*). Я стараюсь себя сдерживать... Как и мы все, надеюсь...

ЧЕРВЬ обводит взглядом собравшихся. Все не слишком уверенно выражают свое согласие.

ЯНИС (*Червя*). Вы хотите сказать, что, когда один мужик убивает другого или соблазняет какую-нибудь бабу, он поступает согласно своей природе?

КОРНЕЛЬ (*Янису*). К сожалению, да, брат... Мужчины по сути своей жестоки, а некоторые их инстинкты весьма неприятны...

ЧЕРВЬ. Тестостерон в такой степени детерминирует агрессивность, что среди птиц с инвертированными половыми функциями самки имеют его в крови больше, чем самцы!

СТАВРОС. Ничего не понимаю... Какие еще инвертированные?.. Самцы, что ли, рожают?..

КОРНЕЛЬ. Нет, папа... У австралийских казуаров, которых я когда-то изучал, именно самки — агрессивный пол. Большие, метровые, когти по семь сантиметров... они даже могут разорвать динго... и постоянно дерутся между собой... Лягаются как бешеные...

СТАВРОС. Но зачем?

КОРНЕЛЬ. Победившая самка совокупляется со столькими самцами, скольких сможет найти... А потом каждого оставляет высидывать яйца...

ФИСТАХ. Труба! Я фигею!

ЧЕРВЬ. Впрочем, у людей все то же самое... Исследования показали, что женщины с более высоким уровнем тестостерона более активны в половой жизни... Кроме того, они менее депрессивны, испытывают большее удовольствие во время близости с мужчиной и легче вступают в сексуальные отношения...

СТАВРОС (*внезапно заинтересовавшись*). Что вы говорите?.. И где можно найти таких чудесниц?..

ТИТУС (*пораженный*). То есть... То есть они всю жизнь пиздят, что мы плохо себя ведем... а мы ничего не можем

поделать, потому что нами управляет какой-то гребаный гормон... и вдобавок у них самих больше этого, как его там...

КОРНЕЛЬ. Тестостерона...

ТИТУС ...Вот именно... стало быть, ведут они себя так же, как мы?

ЧЕРВЬ утвердительно кивает.

ТИТУС. Теперь до меня дошло!.. (*Качая головой.*) Вот суки лживые!..

ЧЕРВЬ. Мало того: нашу агрессию вызывает прежде всего существование женщин!.. В биологии это общеизвестный факт. Самцы приматов... впрочем, как и мы... агрессивны по своей природе, поскольку это нравится самкам или позволяет победить других самцов в борьбе за самку.

ТРЕТИН. Итак, вывод простой!.. Если бы не было женщин, мужчины не убивали бы друг друга!

ТИТУС. Э, вот тут вы преувеличиваете!.. Мужики всегда найдут повод, чтобы друг друга отметелить!

ТРЕТИН (*решительно*). Нет!

ТИТУС (*решительно*). Да.

ТРЕТИН (*резко*). Нет!

ТИТУС (*еще резче*). Да!

Пауза.

ТРЕТИН (*спокойно*). И все-таки нет... Представим себе, что в мире нет женщин. Какой бы вы нашли предлог, чтобы меня убить?

ТИТУС удивленно смотрит на ТРЕТИНА. Он ищет ответ, но безуспешно.

ТРЕТИН (*торжествующе улыбаясь*). Вот видите...

ТИТУС. Я бы мог отобрать у вас мобильник!..

ТРЕТИН. А зачем вам мой мобильник?

ТИТУС. Ну, звонил бы каким-нибудь телкам... Или там... «секс по телефону»...

ТРЕТИН. Баб нет! Мы же договорились...

ТИТУС (*сбитый с толку*). Ну... Ну тогда я позвонил бы Фистаху!

ФИСТАХ поддакивает: он бы охотно поговорил с ТИТУСОМ.

ТРЕТИН. И о чем бы вы говорили?

ТИТУС. Как это о чем? О ба... (*Замолкает.*)

ФИСТАХ. Ну, например, о футболе...

ТИТУС. Вот именно! О футболе!..

ТРЕТИН. Футбола бы не было...

ТИТУС (*удивленный*). Как это не было бы?

ТРЕТИН. А для кого играют футболисты?

ТИТУС. Ну, для болельщиков!

ТРЕТИН (*кривясь*). Ээээ... Вы в этом уверены?

СТАВРОС. Ради славы!

ЯНИС. Ради денег!

ТРЕТИН. А зачем им слава? Зачем им деньги?

ТИТУС. Чтобы покупать крутые тачки!

ТРЕТИН. А зачем им эти крутые тачки?

ТИТУС. Чтобы... Чтобы...

ТРЕТИН (*улыбаясь*). Вот именно!.. Это все понты для баб!.. Круг замкнулся!

ФИСТАХ (*пораженный*). Я фигею! Ну, труба!

СТАВРОС (*недоверчиво качая головой*). Вот суки, а! Вынудили нас придумать футбол, а когда человек хочет посмотреть Кубок УЕФА, переключают на сериал!..

ТРЕТИН сидит, гордый как павлин, довольный, что озадачил ТИТУСА.

ФИСТАХ (*Третину*). Неплохо ты это разложил, па-рень...

ТРЕТИН (*Фистаху*). Соображаю кое-что, а?.. Кстати... Я все время думаю, Фистах, вы...

ФИСТАХ. Можно на ты...

ТРЕТИН. Я все думаю, как звали эту твою журналистку... Моя жена должна ее знать... Когда я ей расскажу, лопнет от смеха... Ты помнишь, как ее звали?

ФИСТАХ (*немного удивлен*). Помню...

ТРЕТИН (*поощрительно*). Ну...

ФИСТАХ. При всех?.. Как-то неудобно...

ТРЕТИН. Тогда мне на ухо...

ФИСТАХ смотрит на ТРЕТИНА с удивлением, но тот уже заранее расплылся в довольной улыбке, и у ФИСТАХА не хватает духа ему отказать.

Он наклоняется и шепчет ТРЕТИНУ на ухо.

Неожиданно гаснет свет. На несколько секунд сцена погружается в полную темноту. Слышна громкая рок-музыка. Через минуту музыка обрывается так же внезапно, как началась.

После затемнения.

На сцене только ТИТУС, КОРНЕЛЬ и ЧЕРВЬ. ТИТУС пытается навести порядок на столе. Он переставляет тарелки и бутылки, насыпает сахар в сахарницу. Поднимает с пола столовые приборы и откладывает в сторону. КОРНЕЛЬ наблюдает за ним. ЧЕРВЬ уронил голову на стол. Похоже, он спит. Настроение у всех тоскливое и угнетенное — это чувствуется. Наконец КОРНЕЛЬ перестает наблюдать за ТИТУСОМ, переводит взгляд на ЧЕРВЯ, подходит и наклоняется к нему.

КОРНЕЛЬ (*Червя*). Ты спишь?

ЧЕРВЬ (*поднимая голову*). Нет... задумался...

КОРНЕЛЬ (*цитируя Фистаха*). «Труба, труба»... вот и накаркал...

ЧЕРВЬ. Да я не о том... У меня не жизнь, а просто жопа, Корнель...

КОРНЕЛЬ (*удивленный*). У тебя?.. Ты же у нас лучше всех!.. Еще год-другой, и станешь профессором!..

ЧЕРВЬ (*пренебрежительно машет рукой*). У меня с женщинами ничего не получается...

КОРНЕЛЬ. А у меня получается?.. Сам видишь!

ЧЕРВЬ. Помнишь, у нас на кафедре была такая Шлёнская?

КОРНЕЛЬ. Помню ли я?.. Блин, самый красивый препод в истории факультета... И всегда такая... очаровательно печальная... Люпо регулярно дрович на ее занятиях, так она его заводила!..

ТИТУС с интересом прислушивается.

ЧЕРВЬ (*ностальгически*). Мне всегда нравились печальные... наверное, в женщинах меня привлекали собственные слабости...

КОРНЕЛЬ (*немного удивленный*). Ты тоже дрович?

ЧЕРВЬ. Нужды не было. Я же с ней спал...

КОРНЕЛЬ (*пораженный*). Ты???

ЧЕРВЬ. Я сам в это не верю... Не знаю, почему она выбрала именно меня... Могла ведь иметь любого.

КОРНЕЛЬ. Все говорили, что доцент Планктон ее трахает!

ЧЕРВЬ. У нее было широкое сердце... Для нас с Планктоном обоих хватило места...

КОРНЕЛЬ. Твою мать, Червь! И ты только сейчас мне это рассказываешь?!

ЧЕРВЬ. Я ее обожал... В постели она мне читала учебник биологии Вилли. В оригинале...

КОРНЕЛЬ (*с восхищением*). Ну, ну...

ЧЕРВЬ. И как-то за завтраком вдруг говорит: «Послушай, мы больше не можем быть вместе». У меня было впечатление, что это кино, поэтому я и ответил как в кино: «Хорошо, если ты этого хочешь...» И ушел...

ТИТУС. Правильно! Вы правильно сделали! Нечего!

ЧЕРВЬ. Только вечером я почувствовал, как во мне зреет что-то страшное и требует выхода...

ТИТУС (*с надеждой*). Отшворили эту суку?

ЧЕРВЬ (*отрицательно качая головой*). Купил бутылку и пошел в город!

ТИТУС. Bravo! Мужской поступок!

ЧЕРВЬ. Только вместе с бутылкой накупил еще кучу успокоительного.

КОРНЕЛЬ (*пораженный*). Пиздишь?

ЧЕРВЬ (*отрицательно качая головой*). Целую кучу таблеток... стал запивать... но много пить я никогда не мог, потому что сразу начинаю блевать и блюю без остановки... короче, выбросил недопитую бутылку, позвонил ей... сказал, что не хочу жить без нее... Она велела ждать ее в телефонной будке... Что она сейчас приедет...

КОРНЕЛЬ (*с надеждой*). Приехала?

ЧЕРВЬ. Не знаю... Я ушел...

ТИТУС. А что потом?

ЧЕРВЬ. Потом на меня напала такая срачка, что я... прямо под кустом, пока кто-то не вызвал полицию... Я дал деру... Проснулся утром в какой-то подворотне... Куртка вся в известке, наверное, стены вытирал... «Ой, блядь... так бы грязным и умер!» — подумал... Притащился домой и два дня спал как убитый...

КОРНЕЛЬ. А она что?

ЧЕРВЬ. Она встречалась со мной еще три месяца... Но потом сказала, что это не имеет смысла...

ТИТУС. Вернулась к этому... Гондону?

КОРНЕЛЬ. Планктону...

ЧЕРВЬ. Нет... И с ним она рассталась тогда же... Ее стало злить, что у Планктона есть жена...

КОРНЕЛЬ. Ничего не понимаю...

ЧЕРВЬ. Все очень просто... В ее жизни освободилось место для мужчины, а в этой роли она меня вообще не видела... потому что я... на самом деле... какой я мужчина...

ТИТУС (*утешительно*). Да бросьте вы... Одна телка погоды не делает...

ЧЕРВЬ. Хорошо вам говорить... Вы с такой легкостью сходите с женщинами...

ТИТУС (*мрачно*). Ну да... И за эту легкость теперь должен расплачиваться... (*Наливает себе водки, пьет.*) Высмотрел я тут одну классную бабцу... Она приходила сюда

с подругами... я сразу хотел ее на пику, но не тот момент был... она как раз со своим парнем расставалась...

КОРНЕЛЬ (*удивленный*). А я думал, это лучший момент для измены... Кризис в отношениях...

ТИТУС. Да куда там!.. Самый плохой!.. Им тогда не трахаться хочется, а поплакать в жилетку... Ну, потом они помирились, и она начала со мной встречаться... А теперь у меня проблема...

КОРНЕЛЬ. Совесть мучает?

ТИТУС (*смотрит на Фистахя как на идиота*). Мучает, но другое... Сегодня утром она позвонила и сказала, что у нее задержка...

ЧЕРВЬ (*утешительно*). Это еще ничего не значит. Биология цикла...

ТИТУС (*перебивая его*). Но у нее уже пятьдесят пять дней задержка!

ЧЕРВЬ. Аaaa... Тогда у вас действительно проблема...

КОРНЕЛЬ. Может, это ребенок того парня?

ТИТУС. Того уже давно нет!.. Он узнал о нас и сразу ее бросил!

Многозначительная пауза. КОРНЕЛЬ берет бутылку и наливает.

КОРНЕЛЬ. Да... В таком случае выпьем... (*Поднимая стакан.*) За новое Божье творение!

Выпивают.

ЧЕРВЬ (*Титусу*). А вы не могли бы научить меня парочке ваших приемов? Ну, этих... помните, вы говорили, что любая баба — ваша? У меня с этим как-то не очень.

ТИТУС (*Червью*). Всегда пожалуйста... (*Вставая.*) Я буду бабой... Вы должны убедить меня, что имеет смысл с вами перепихнуться...

ЧЕРВЬ (*неуверенно, кланяясь*). Здравствуйте... Магистр Миськевич...

ТИТУС (*нетерпеливо машет рукой*). Да нет! Не так... все это она уже знает!.. Она только и ждет сигнала, чтобы раздеться!.. Ну, давайте!..

ЧЕРВЬ смотрит на КОРНЕЛЯ в поисках поддержки. КОРНЕЛЬ поощряет его жестами.

ЧЕРВЬ (*робко, Титусу*). Знаешь... Знаешь... Знаешь...

ТИТУС (*в нетерпении*). Конечно, знает, раз сидит у вас в квартире!.. Она только и ждет, чтобы вы начали бить копытом!

ЧЕРВЬ (*Титусу, стараясь говорить непринужденно*). Ты читала, что пишет Мария Янион о ритуале перехода?

ТИТУС (*хватаясь за голову*). Боже, Червь! Она сейчас повесится от скуки!

ЧЕРВЬ (*сдаваясь*). Ну, тогда я не знаю...

ТИТУС. Смотрите и учитесь! (*Становится напротив Корнеля. Наливает водку в рюмки. Поднимает свою рюмку и жестом показывает Корнелю, чтоб тот поднял свою. Чокаясь.*) Дзынь! (*Так смотрит на Корнеля, что тому становится неуютно. Неожиданно накрывает ладонью его руку.*)

КОРНЕЛЬ вздрагивает.

ТИТУС (*низким голосом*) Ну?

КОРНЕЛЬ (*смущенно, «по-женски»*). Что?

ТИТУС (*продолжает низким голосом*). Я знаю, что ты чувствуешь... Я чувствую то же самое... Главное в жизни — такие мгновения... И это мгновение принадлежит нам... Ты не пожалеешь, обещаю тебе... Идем, я тебе такого зубра покажу — все внутри запоет... (*Титус встает, оставляя Корнеля и Червя в состоянии шока. Явно довольный собою.*) Вот как это делается!

ЧЕРВЬ (*пораженный*). И я должен все это сказать?

ТИТУС. Ну!

ЧЕРВЬ (*в шоке*). И про зубра тоже?

ТИТУС. Обязательно. Они все говорят, что их раздражает примитив, но втихаря каждая мечтает встретить такого бычару, который ее вывернет наизнанку! (*Червяю.*) Ну, давайте!..

ЧЕРВЬ подходит к КОРНЕЛЮ. Смотрит на него неуверенно. Поспешно наливает водку и, не дожидаясь реакции КОРНЕЛЯ, чокается с ним.

ЧЕРВЬ (*неуверенно*). Дзынь!

КОРНЕЛЬ с интересом смотрит на него.

ЧЕРВЬ (*Корнелю, смущенно*). Я знаю, что ты чувствуешь... Я чувствую то же... (*Замолкает.*)

ТИТУС. Ну, дальше!

ЧЕРВЬ старается, но не может выдать из себя ни слова.

ЧЕРВЬ (*Титусу, жалобно*). Вы знаете, я когда-то писал работу о зубрах... Боюсь, в моем представлении они не являются носителями сексуального начала...

ТИТУС (*рассердившись*). Ладно вам... Это только пример! Можно придумать что-нибудь другое!.. Хоть про амёб!

Служебная дверь с грохотом открывается. Вбегает СТАВРОС.

СТАВРОС (*кричит*). Господи, как он его отметелил! Вроде худосочный сморчок, а таких надавал пиздюлей!

КОРНЕЛЬ (*Ставроосу*). Очнулся уже?

СТАВРОС (*утвердительно кивает*). Кровь на пиджаке застирывает... (*Осматриваясь.*) А наш Тайсон где?

КОРНЕЛЬ. Помчался домой жену убивать...

ТИТУС. А Янис за ним, чтоб его остановить...

СТАВРОС (*сидясь и наливая себе водки, Корнелю*). Твое здоровье, сынок! Это лучшая свадьба, на которой я побывал! (*Пьет и недоверчиво качает головой.*) С другой стороны, ну и что?.. Ведь она же тогда еще не была его женой! Они даже знакомы не были!..

ТИТУС. Какое это имеет значение? Мужик всегда ревнует к чему ни попадя! К тому, что сейчас, и к тому, что было раньше! Ко второму даже больше, потому что никак не может на это повлиять!

СТАВРОС (*внимательно смотрит на Титуса*). Ты, парень, в самую точку попал...

ЧЕРВЬ. Это правда! И более того, мужчины испытывают ревность, даже если только представляют себе, что их бабу кто-то пользуется!

СТАВРОС (*с сомнением*). Ну, это вы заливаете!

КОРНЕЛЬ. Ничуть, папа! Когда-то проводились опыты с мужчинами... Уже само предположение, что их женщины могли спать с другим, приводило их в бешенство! Они потели, лицо искажалось, сердце стучало как молот...

ЧЕРВЬ. Да! А гориллы убивают самку, которую подготавливают в измене!

СТАВРОС. Вы опять об обезьянах...

ЧЕРВЬ. А вы все еще настаиваете, что мы — исключение!.. Нет! Не исключение! Человек существует два миллиона лет и все это время жил в согласии с природой. Цивилизация насчитывает всего десять тысяч лет... по самым грубым подсчетам...

КОРНЕЛЬ. Это примерно пять секунд из целых суток человечества, папа... За пять секунд измениться невозможно...

Открывается служебная дверь. Входит ФИСТАХ. На нем мокрый пиджак с пятнами крови, на носу большой лейкопластырь. Все взоры устремляются на него. ФИСТАХ садится.

ФИСТАХ. Ну и разделал он меня! Сильный, как горилла... (*Трогает пластырь на носу.*) Точно сломал...

ЧЕРВЬ и КОРНЕЛЬ торжествующе смотрят на СТАВРОСА.

ТИТУС (*Фистаху*). Водки?

ФИСТАХ (*качая отрицательно головой*). Сахару...

ТИТУС подает ФИСТАХУ сахарницу. Тот ложечкой ест сахар.

СТАВРОС (*утешительно*). Со сломанным носом вы будете выглядеть еще мужественнее... Девицы обоссутся...

ЧЕРВЬ. Нет, нет... Форма носа очень важна...

ФИСТАХ (*с грустью в голосе, Червяю*). Спасибо, парень... Умеешь, блин, поддержать человека...

Все смотрят на ЧЕРВЯ с осуждением.

ЧЕРВЬ (*растерянно*). Я только... только в биологическом смысле...

СТАВРОС (*раздраженно*). А другие смыслы вам неизвестны, господин микробиолог?

ЧЕРВЬ (*пристыженно*). Простите...

ФИСТАХ (*Червяю*). А почему... важна?

ЧЕРВЬ (*смущенно*). Да нет, забудьте...

ФИСТАХ. А я хочу знать!

КОРНЕЛЬ. Я думаю, Червь хотел сказать, что у женщин... хотя они и придают гораздо меньшее значение красоте, чем мужчины... тем не менее у них есть определенный образец привлекательности... И каждое отклонение от образца они считают недостатком...

СТАВРОС. Но сломанный нос — это мужественно!

КОРНЕЛЬ. Если бы женщины так это воспринимали, у всех у нас носы были бы сломаны уже с рождения, папа!

ЧЕРВЬ. К сожалению... Если самка признает какую-то черту привлекательной, самцы стараются всячески ее подчеркивать. Иногда даже в ущерб собственной безопасности!

КОРНЕЛЬ. Возьмем, к примеру, павлина... Вы думаете, ему легко рассекать с таким огромным хвостом? Более

того, это небезопасно, так как уменьшает обороноспособность в случае нападения хищника. Но он вынужден его таскать, потому что самки хотят сношаться только с тем самцом, у которого самый длинный хвост! И все кучей с радостью подставляют ему задницы! А самцам с более короткими хвостами остается только прочить...

ЧЕРВЬ. Что в павлиньем случае очень трудно...

ТИТУС (*пораженный*). Бедняги...

КОРНЕЛЬ. В погоне за пышно украшенными самцами самки доходят до идиотизма. Мы когда-то проводили эксперименты. Ножницами обрезали у некоторых самцов хвостовые перья и приклеивали их другим. Так эти, с приклеенными хвостами, были нарасхват! Все хотели с ними совокупляться! А на тех, с обрезанными, ни одна не посмотрела... Хотя в общем они были сильнее и здоровее!..

ЧЕРВЬ. Сильнее и здоровее!..

ТИТУС. Так они дуры!

КОРНЕЛЬ. Да, я как раз об этом и говорю! Оказалось, что самки становятся особенно привередливыми, когда в игру вступают совершенно ничтожные, несущественные детали.

ФИСТАХ (*грустно*). Как мой нос, да?..

ТИТУС (*недоверчиво*). И женщины точно такие же? Это правда?

ЧЕРВЬ. Какой объем двигателя в ваших машинах? (*Все удивленно смотрят на него.*) Ну?

ТИТУС. У меня нет машины...

СТАВРОС. Два с половиной литра с турбо-дизелем.

ФИСТАХ. Шестицилиндровый, три литра...

КОРНЕЛЬ. Два литра, 180 лошадей...

ЧЕРВЬ. И зачем это вам?.. Ведь по городу ограничение скорости до пятидесяти... (*Показывает на часы Ставроса.*) Сколько вы за них отдали?

СТАВРОС. Штуку евро...

ЧЕРВЬ. Круто! Лучше показывают время, чем такие... скажем, за пятьсот?

СТАВРОС не знает, что ответить. ЧЕРВЬ улыбается.

ЧЕРВЬ. Покажите мобильники!

КОРНЕЛЬ, СТАВРОС и ФИСТАХ медленно вытаскивают свои мобильники и кладут на стол перед ЧЕРВЕМ.

ЧЕРВЬ (*осматривая мобильники*). Самые дорогие...

СТАВРОС (*задумчиво*). Может, в этом что-то и есть... Я помню когда-то... ой, это уже давно было... в шестьдесят восьмом или девятом... нет, все-таки восьмом... У нас были съемки с Ольбрыхским под Вроцлавом... Я, вообще-то, в кино работаю... Собралась куча народу... И была там очень красивая девушка... Ольбрыхский все с ней заговаривал, а она ноль эмоций... И вдруг я вижу, она на меня поглядывает... А я тогда был в таком прикиде, ого-го!.. Джинсы... из Англии мне кореш привез... куртка лётная... ну, супер просто...

ТИТУС (*заинтригованный*). Где это было?

СТАВРОС. Я же говорю, под Вроцлавом... В Бжеге Дольном...

ТИТУС (*обрадованно*). Я из Бжега! (*Встает, берет бутылку и наливает всем водку.*)

СТАВРОС. Ну, тогда вы знаете, какие там отличные места для съемок... Я с ней заговорил, а она мне: «Классные у тебя джинсы». Я ей на это: «А у тебя косы...» И так слово за слово... (*Мечтательно.*) Это была самая красивая девушка из всех, с которыми я спал... Много раз хотел туда вернуться, но все как-то не получалось...

ФИСТАХ. Сейчас бы вы ее уже не узнали...

СТАВРОС. Узнал бы!.. У нее была такая родинка... (*Показывает.*) Вот здесь, на шее...

У ТИТУСА падает из рук бутылка. Он с кулаками набрасывается на СТАВРОСА. СТАВРОС со стоном падает на пол. Остальные перегляды-

ваются, ничего не понимая. Наконец ТИТУС распрямляется и отворачивается.

ТИТУС (*взволнованно*). Мать никогда ничего не хотела мне говорить... Дядя рассказал... она была в выпускном классе... девятнадцать лет... когда приехали киношники... Она пошла посмотреть... Как и все... Тогда и познакомилась с одним типом из группы... Потом они уехали, а она... (*Замолкает.*)

Во время рассказа ТИТУСА СТАВРОС медленно встает и удивленно смотрит на ТИТУСА. ТИТУС замолкает, а СТАВРОС еще долго на него смотрит.

СТАВРОС (*изумленно*). Ты?

ТИТУС. Ты?

Пауза. ФИСТАХ и КОРНЕЛЬ смотрят на них с изумлением. На лице СТАВРОСА в конце концов появляется улыбка.

СТАВРОС (*взволнованный, широко раскрывая объятия*). Дай я тебя обниму!..

ТИТУС неуверенно приближается, СТАВРОС хватается за него и обнимает.

СТАВРОС (*Корнелю, радостно*). Корнель! У тебя брат нашелся!

КОРНЕЛЬ (*Фистаху, в шоке*). Осталось что-нибудь еще в сахарнице?

ФИСТАХ подает КОРНЕЛЮ сахарницу. КОРНЕЛЬ ест. Тем временем СТАВРОС снова хватается за ТИТУСА, поднимает его и, радуясь, кружит. Внезапно опускает его и падает перед ним на колени. Он тяжело дышит и, шаря рукой, ищет что-то на полу. Все с ужасом смотрят на него.

ФИСТАХ (*взволнованно*). Сердце не выдержало!

КОРНЕЛЬ и ФИСТАХ вскакивают из-за стола.

СТАВРОС (*резко*). Стойте!

КОРНЕЛЬ и ФИСТАХ останавливаются.

СТАВРОС. Линза!.. У меня контактная линза выпала!

КОРНЕЛЬ (*удивленно*). Ты носишь линзы?

СТАВРОС (*неохотно*). Ношу, ношу...

КОРНЕЛЬ. И ты... с того момента, как мы познакомились... имел наглость смеяться над тем, что я ношу очки?!

СТАВРОС (*шаря по полу*). Успокойся, сын... Лучше помоги искать...

КОРНЕЛЬ (*в бешенстве*). Да пошел ты на хер! (*Подбегает к Ставросу и начинает топтать пол около него. В бешенстве*). Ты знаешь... блядь!.. сколько у меня из-за этого было комплексов? Козел!

ТИТУС (*робко, Корнелю*). Я тоже ношу линзы...

СТАВРОС (*улыбаясь, Корнелю*). Вот видишь! Моя кровь...

Внезапно с грохотом открывается дверь. Входят пьяные ЯНИС и ТРЕТИН. Останавливаются, с изумлением глядя на стоящего на коленях СТАВРОСА.

ТРЕТИН (*с удивлением показывая на Ставроса*). Его тоже я отделал?

ЯНИС (*подходя к Корнелю*). Что, отцу плохо?

КОРНЕЛЬ (*еще не остыв*). Ты знал, что у него контактные линзы?

ЯНИС (*разводя руками*). Конечно, знал... У меня тоже... Дефекты зрения передаются по наследству... Но чтобы за это бить?..

КОРНЕЛЬ. Никто его пальцем не тронул! Хотя и надо бы... Представь себе, господин официант... как только что выяснилось... наш брат!

ЯНИС удивленно смотрит на ТИТУСА. ТИТУС робко кивает. СТАВРОС тоже.

ЯНИС (*равнодушно*). Вот и замечательно... (*Титусу*.) Можешь, брателло, налить мне и моему дружбану?

ТИТУС подбегает к столу и наливает водку в стаканы.

ФИСТАХ. Вот труба! Я фигею!

ТРЕТИН (*Фистаху, задиристо*). А ты помолчи! Я с тобой еще не разобрался!

ФИСТАХ (*Третину, объясняя*) Я же не знал...

ТРЕТИН (*раздраженно*). Не обращай ко мне... козел!.. Как ща дам по яйцам, они у тебя съезжатся до нуля, будешь мудями звенеть.

ЧЕРВЬ. Как правило, величину яичек определяет не число совокуплений, а число соперников, с которыми приходится конкурировать...

ТРЕТИН (*удивленный*). Что?

ЧЕРВЬ. Я только говорю, что чем полигамнее самки, тем у самца больше яички... У шимпанзе, например, огромные яйца, а у горилл... хотя они и сами большие... яички маленькие... А все потому, что самки шимпанзе дают направо и налево, а самки горилл — верные...

ТРЕТИН (*агрессивно*). Ты... блядь!.. на меня намекаешь! На меня?!

ЧЕРВЬ (*испуганно*). Да ни на кого я не намекаю... Только...

ТРЕТИН. Ладно! Давай проверим! Посмотрим, у кого здесь самые большие яйца!

Все удивленно смотрят на ТРЕТИНА. Он выходит в центр.

ТРЕТИН. Что, зассали? Ну?.. Кто со мной померяется?

Все неуверенно переглядываются.

КОРНЕЛЬ (*всем*). Успокойтесь! Он ужрался в умат!.. Несет черт знает что!..

ТРЕТИН. Я вызываю вас на поединок! Кто поднимет перчатку и снимет штаны? (*Говоря это, растягивает брюки, они падают на пол. Он гордо смотрит вокруг.*) У вас вообще есть яйца? Будет чем меряться?

Собравшиеся переглядываются. Медленно выходят на середину, растягивая брюки.

СТАВРОС (*все еще на коленях*) Эй, ребята! Вы бы лучше помогли мне линзу найти!

Все встают в круг. Неожиданно гаснет свет. На несколько секунд сцена погружается в полную темноту. Слышна громкая рок-музыка. Через минуту она прекращается так же внезапно, как началась.

После затемнения.

Все стоят в кругу со спущенными брюками. Смотрят друг на друга. Свет снова гаснет. Слышна музыка. Через минуту она прекращается так же внезапно, как началась.

После затемнения.

В одном углу спят ЯНИС и ТРЕТИН. На краю стола меряются силой рук ЧЕРВЬ и КОРНЕЛЬ. ФИСТАХ сидит за барабанами и тихонько играет щеточками. В центре на двух стульях сидят СТАВРОС и ТИТУС.

ТИТУС в подавленном состоянии.

СТАВРОС (*утешая*). Сынок, не бери в голову! Ты сам слышал! Величина яичек еще ничего не решает...

ТИТУС (*грустно*). Ты правда грек?

СТАВРОС. Да... Мой отец удрал в Польшу в конце сороковых... Он был коммунистом...

ТИТУС. Какой он был?

СТАВРОС (*грустно*). Не знаю... Он меня оставил в детском доме и отправился строить новый мир...

ТИТУС. А ты был когда-нибудь в Греции?

СТАВРОС. В начале девяностых прожил там два года... Но как-то... Знаешь, жарковато там... И соленых огурцов нет...

ТИТУС (*неуверенно*). И я тоже... грек?

СТАВРОС. Ну конечно! (*Обнимая его.*) У нас Сократ... Гомер... Фидий... На фиг нам большие яйца!..

СТАВРОС ласково улыбается. ТИТУС тоже.

ТИТУС (*качая головой*). Тяжело быть мужиком, отец...

СТАВРОС. И ты это мне говоришь, сын?..

ФИСТАХ громко ударяет в тарелку. Занавес закрывается.

АКТ ТРЕТИЙ

Прошло три месяца.

На сцене только элегантно одетый ТРЕТИН. В руках у него цветы, завернутые в бумагу. Он смотрит на часы, оглядывается вокруг. Ожидание затягивается, поэтому ТРЕТИН подходит к столу, чтобы налить себе соку. Он задевает поднос со столовыми приборами, который с грохотом падает на пол. В этот момент дверь открывается, и входит ЧЕРВЬ, тоже с цветами. Заметив ТРЕТИНА, подходит к нему. Он, на удивление, «растлаблен».

ЧЕРВЬ (*крепко пожав руку Третины*). Место встречи, а! (*Удивленно.*) Ты один?

ТРЕТИН (*скривившись от пожатия Червя*). Да...

ЧЕРВЬ бросает на стол цветы и с интересом смотрит на ТРЕТИНА.

ЧЕРВЬ. Ну что? Дернем по одной?

ТРЕТИН колеблется.

ЧЕРВЬ. Ну!.. Так и будем пялиться друг на друга?.. (*Наливает водку в стаканы. Один подает Третьину, другой берет сам.*) За жениха!

Оба выпивают. Закусывают колбасой.

ЧЕРВЬ. Как у тебя дела?.. В порядке?..

ТРЕТИН (*уклончиво*). Нормально... А у тебя?

ЧЕРВЬ (*радостно*). Отлично!

Оба садятся. Заметно, что каждый хочет что-то еще сказать, но разговор не клеится. ТРЕТИН стучит пальцами по столу и смотрит в потолок. ЧЕРВЬ подходит к музыкальным инструментам. Напевая «Свадебный марш» Мендельсона, в такт выстукивает ритм на барабане. Открывается дверь, входит КОРНЕЛЬ, в руках у него большая коробка с подарком.

Он ставит ее на пол. Осматривается.

КОРНЕЛЬ (*здороваясь с Третином и Червем, удивленно*).
Никого нет?

ЧЕРВЬ (*по-прежнему расслабленный*). Мы здесь.

КОРНЕЛЬ. Ты знаешь, о чем я... Где жених?

ЧЕРВЬ (*иронично*). Может, испугался?

КОРНЕЛЬ. Да ты что... Он?!

Из-за двери доносятся мужские голоса.

КОРНЕЛЬ. О, вот и он...

Службная дверь открывается. Входят СТАВРОС и ЯНИС.

СТАВРОС (*Янису*). Хорошо, что туалет уже отремонтирован... А то бегать через этот долбаный дворик...

СТАВРОС и ЯНИС замечают остальных. СТАВРОС осматривается.

СТАВРОС (*Корнелю, удивленно*). Ты один? Ты же должен был вместе с ним приехать...

КОРНЕЛЬ (*Ставроосу и Янису*). Я?.. Это вы должны были его забрать!

ЯНИС. Мы? Мы здесь должны были за всем проследить!..

ЧЕРВЬ (*Третину, забавляясь*). А я что говорил? Испугался!..

СТАВРОС (*Червю*). Это если б его фамилия была Миськевич! Он ничего не боится! Моя кровь!

ТРЕТИН. А должен бы...

ЯНИС. Чего?..

СТАВРОС с вызовом смотрит на ТРЕТИНА.

ТРЕТИН. Я вчера читал в газете... (*Делает многозначительную паузу.*) Из анонимных анкет, заполненных женщинами, следует, что отцами десяти процентов детей являются не мужья, а совершенно другие мужчины!..

ЯНИС (*обеспокоенный*). Что вы имеете в виду?

ТРЕТИН. Да ничего я не имею в виду... Я просто подумал, что если он тоже это прочитал, то мог испугаться...

СТАВРОС. Третин! Не надо отыгрываться за собственные неудачи, хорошо?

ТРЕТИН. Какие неудачи?

СТАВРОС. Мы все знаем какие.

ТРЕТИН. Мы с женой давно все выяснили... Этот факт для нас уже не имеет значения...

СТАВРОС. Тогда почему она сама не пришла, а только вас прислала с этим диктофоном, а? (*С сомнением.*) Не

имеет значения... А с Фистахом она не захотела встречаться...

ТРЕТИН молчит.

ЧЕРВЬ. К сожалению, господа, правда жестока: муж, как правило, не является для жены лучшим из мужчин, потому что... по статистике... шансы найти того единственного, самого лучшего, ничтожны... Ценность мужа в том, что он моногамен и моет посуду... Но почему женщина должна ценить его гены?

ТРЕТИН, заинтересовавшись, снова садится. Все остальные смотрят на ЧЕРВЯ с изумлением.

СТАВРОС (*удивленно*). Что за бред?

ЧЕРВЬ. Я только говорю, что замечания Третины не лишены смысла... Мы все знаем, что женщины иногда изменяют мужьям... Бывает, они заводят роман даже тогда, когда вроде бы и счастливы в браке...

ТРЕТИН (*оживляясь*). Именно об этом я и говорил!.. По данным исследований, 70% женщин, состоящих в браке более пяти лет, изменяли мужу... Хотя все подчеркивали ценность моногамии!..

ЯНИС. Но он только женится!

ЧЕРВЬ. Потому что в животике растет ребеночек! Но чей?.. (*На лице у него появляется драматическое выражение.*) Вот в чем вопрос!

СТАВРОС (*Червя, сердито*). Поаккуратнее!.. То, что у вас самые большие из всех нас яйца, не значит, что вы можете оскорблять мою семью!..

ЧЕРВЬ (*удовлетворенный упомянутым фактом*). Да я никого и не оскорбляю... Я говорю как есть... Спросите Корнеля... (*Корнелю.*) Ну-ка, расскажи им про овсянку!..

КОРНЕЛЬ (*неохотно*). Да ладно... Зачем?..

СТАВРОС. Нет, говори, сынок!.. Если надо будет, я ему морду набью!..

КОРНЕЛЬ. Овсянка — это птица, папа... Такая голубая, красивая... Производит впечатление верной и моногамной, но, когда произвели генетические исследования, оказалось, что сорок процентов ее птенцов — байстриюки...

ЯНИС (*пораженный*). Сорок процентов?.. Трындец!

ЧЕРВЬ. Ты им о ласточках еще расскажи...

ЯНИС (*в шоке, Корнелю*). И ласточки тоже?

КОРНЕЛЬ (*подтверждая, отрешенно*). Один птенец из трех, так сказать, внебрачный.

ЯНИС (*с отчаянием*). Боже, так что же делать? Как защищаться?

ЧЕРВЬ (*с готовностью*). Трахаться! Постоянно трахаться!

ЯНИС. Но зачем? Раз они и так всегда найдут оказию на стороне...

ЧЕРВЬ (*по-прежнему с готовностью*). Тем более трахаться! (*Видя удивленное лицо Яниса.*) Это самый главный элемент мужской самообороны! Единственный шанс, чтобы не лохануться!

ЯНИС. Но ведь на работу тоже надо ходить!

ЧЕРВЬ. То-то и оно! Надо подстраховаться! У мужчины выделяется большое количество очень специфических сперматозоидов... Эдаких камикадзе... Они предназначены не для оплодотворения, а для кое-чего более важного... Они блокируют путь сперматозоидам потенциального соперника!

ЯНИС (*с надеждой*). И этого достаточно?

ЧЕРВЬ. У самцов некоторых стрекоз так устроен член, что они могут им устранять сперматозоиды предшественника...

Все смотрят на свои гениталии.

СТАВРОС. А чего-нибудь попроще нет?

ЧЕРВЬ разводит руками.

СТАВРОС. Тоже мне совет... А любовь?

Все ошарашенно смотрят на СТАВРОСА.

КОРНЕЛЬ. Ты что, отец?.. Прикалываешься?

СТАВРОС (*сердито*). Ни капельки! Есть еще любовь! А вместе с ней и верность!.. Уважение!..

ТРЕТИН. Любовь является частью сексуальных притязаний на партнера как свою собственность!

СТАВРОС (*небрежно*). Во загнул! (*Патетически.*) Любовь — это... Любовь — это химия... Это что-то не поддающееся определению!..

ТРЕТИН. Химия-то как раз и поддается...

ЧЕРВЬ. Более чем... Любовь возникает в результате того, что в организме вырабатывается большое количество фенилэтиламина....

СТАВРОС. Чего?

КОРНЕЛЬ. Фенилэтиламина... Он смешивается с другими нейропептидами и действует как амфетамин, приводя мозг в состояние сверхактивности!

ЧЕРВЬ. Вот и вся ваша любовь!..

СТАВРОС (*пораженный*). Что за бред! Любовь — вечна!

КОРНЕЛЬ. Потому что место фенилэтиламина занимают эндорфины...

ЧЕРВЬ. ...природный наркотик...

КОРНЕЛЬ. ...которые успокаивают разум и уменьшают боль. А вместе с ними появляются тепло и привязанность...

СТАВРОС садится на стул. Он раздавлен.

СТАВРОС. Я должен выпить... (*Берет бутылку, наливают водку в стакан, выпивает.*)

ЯНИС, также в шоке, подходит к ТРЕТИНУ.

ЯНИС. Так сколько вы говорите?.. Семьдесят процентов замужних изменяют?

ТРЕТИН. Это по данным исследований...

ЯНИС (*показывает на зрителей*). То есть если бы вот там сидели... женщины и мужчины... Они пришли вместе... Довольные... И семьдесят процентов женщин, которые пришли с мужчинами под ручку, спят с кем-то еще, когда их мужья не видят... С коллегой по работе... Или с однокурсником... Или с соседом... Или в командировке... Или с почтальоном... Или с лучшим другом собственного мужа...

Во время монолога ЯНИСА все присутствующие подходят ближе к зрителям и внимательно смотрят на них.

ТРЕТИН. Нехило, а?

Внезапно двери открываются. Входят ТИТУС и ФИСТАХ. ТИТУС в элегантном черном костюме. Видя всех у края сцены, ТИТУС и ФИСТАХ застывают в недоумении.

ТИТУС. Что случилось? Что это с вами?

Все мгновенно расходятся по сцене. Вид у всех очень смущенный.

СТАВРОС (*с наигранным оживлением, Титусу*). Что ты так долго, сынок?

ФИСТАХ. Это я виноват! Я забыл обручальные кольца! Пришлось вернуться! (*Смущенно.*) А знаете, меня эта свадьба так трогает...

ТИТУС (*смеется*). Ничего себе свидетеля я выбрал, а? (*Остальным.*) О чем базарили?..

Все молчат.

ЯНИС. А, так, знаешь... Немного о природе...

ТИТУС (*продолжая смеяться*). Знаю я эти ваши разговоры о природе... Опять о бабах, да?..

СТАВРОС (*Титусу*). Главное — любовь, сынок! С ней все будет легко! С тех пор, как я живу с твоей матерью, я обо всем этом думаю совершенно по-другому!

ТИТУС (*перестав улыбаться, серьезно*). А я все равно немного стрессуюсь, пап... Как только подумаю, что уже всё... Что шлагбаум... И...

СТАВРОС. А кто тебе сказал, что шлагбаум?..

ЯНИС. Только жене уделяй побольше внимания... почаще ее... того, и все будет в порядке!

ТИТУС (*улыбаясь*). Ну, с этим у меня проблем нет!

СТАВРОС. Когда есть жена, другие женщины сами начинают липнуть, сынок... (*Смотрит на часы.*) Ну, пошли... В костел опоздаем...

Все собираются идти. Берут цветы, подарки, чистят обувь.

ЧЕРВЬ (*вытирая туфли*). Дарвин говорил, что самцы, которые лучше всех поют, быстрее других выют гнезда. И это точно! Но он не сказал, почему эти самцы продолжают петь еще долго после того, как найдут жену. (*Титусу.*) Знаете, почему?

ТИТУС качает головой.

ЧЕРВЬ (*подмигнув Титусу*). Потому, что, хотя у них и есть жены, их пение постоянно притягивает к ним новых любовниц...

ФИСТАХ. Теперь понятно, почему Хулио Иглесиас поет и поет...

КОРНЕЛЬ. Ну, идем... (*Оглядываясь вокруг.*) Папа, ты что?.. Сам же минуту назад нас подгонял...

Все смотрят на СТАВРОСА, который стоит у микрофона.

СТАВРОС (*во включенный микрофон*). Вы тут о пении говорите... А я подумал...

ЯНИС (*нетерпеливо*). Мы же опоздаем, папа!..

СТАВРОС. Успеем... (*Заманчиво.*) Ну что?.. На счастье?.. Титус, для тебя...

Остальные медлят. ТРЕТИН становится за синтезатор, ФИСТАХ — за ударную установку, ЯНИС берет гитару, а ЧЕРВЬ — бас-гитару. КОРНЕЛЬ становится рядом со СТАВРОСОМ перед микрофоном. ТИТУС садится у стола.

КОРНЕЛЬ (*в микрофон*). Для дорогого Титуса, официанта, блудного брата и жениха...

ТИТУС машет рукой, он хочет что-то сказать. КОРНЕЛЬ умолкает.

ТИТУС. Скажите мне... Только серьезно... Это правда, что женщина и мужчина — две половинки яблока?

КОРНЕЛЬ (*в микрофон*). Нет, это бананы и яблоки в одном мешке!

СТАВРОС (*в микрофон*). Да хрен с ними, сынок! Если их перемешать, то на вкус очень даже неплохо получается! (*Остальным.*) Поехали! Три, четыре!

Они начинают играть. СТАВРОС и КОРНЕЛЬ запевают песню о любви. Через минуту все подхватывают.

Во время пения занавес закрывается.

Конец

Анджей Стасюк

НОЧЬ

Славянско-германский медицинский трагифарс

Перевод Марины Курганской.
© by Andrzej Stasiuk, 2005

Это не пьеса, это сборник текстов для пения и декламации. Все, что написано — кроме заголовков, — должно произноситься на сцене, все входит в текст.

Нет здесь и четко обозначенных действующих лиц, кроме Души, мертвого Вора и Ювелира. Я понятия не имею, сколько должно быть врачей, сколько женщин, сколько бабок в хоре, сколько воров — приятелей убитого. Для меня они — голоса во мраке, во мраке ночи. Пропоют свое и замолкают. Еще должны кудахтать куры и выть собаки. Так мне это слышится.

Анджей Стасюк

ХОР

Они брали солидный тяжелый автомобиль и въезжали в магазин сквозь витрину.

Забирали золото, серебро, бриллианты и возвращались в свои полудикие города на Востоке. «Гляньте! Гляньте! Уже едут!» Так кричали девушки, которые ждали их, ждали духóв, юбок с блестками и обитых кожей сидений в угнанных автомобилях.

И только потом их чуяли цепные псы, псы, стерегущие полудикие города на Востоке.

Здесь они оставляли машины открытыми посреди улиц и площадей и уходили к девушкам, в черное небытие ночи.

Но утром оживал страх. Поэтому они выскальзывали за дверь незаметно, возвращались к своим машинам и принимались колесить по улицам восточных городов. Как древние кочевники — сбившись в стаю, постоянно в движении, всегда начеку.

Стосковавшиеся по вещам бедняки — для них собственность всегда была чужой и никогда своей собственной.

Они развлекаются, сжигая бензин. Описывают круги — трусливо, не отъезжая далеко, чтобы не терять друг друга из вида. Подражают тому, что увидели в телевизионных передачах, которые доходят сюда со всех концов света, в эти их восточные города с домами, похожими на ветхие шатры.

Они привозят с Запада бриллианты, потому что ничего другого там нет. Пригоняют автомобили, потому что Востоку от Запада больше ничего не нужно.

Автомобили доживают свой век в песках Монголии.

«Мерседес» счастлив — он должен наращивать производство. «Ауди» тоже счастливо, и BMW тоже, потому что на модели X5 ездит сын цыганского барона всей Молдавии.

Но больше всех счастлив «Мерседес», ведь остовы его машин, как чешуя, покрывают прекрасное тело Албании.

Они угоняли солидный тяжелый автомобиль и въезжали в магазин сквозь витрину.

Брали золото и серебро и возвращались в свои сонные города на Востоке.

Однажды из окна высунулся хозяин и застрелил одного из них.

Они не верили своим глазам. Ведь вещей, бриллиантов и автомобилей было столько, что те казались ничьими, брошенными, лишними, никому не нужными, почти что общими.

Потом, в темноте, сбившись в кучу и вслушиваясь в собственное дыхание, они шептали:

Смотри-ка, выстрелил...

Смотри-ка, смог убить...

Такого не забывают...
Чему их учили в школе...
Растили щенка от рождения...
А потом взяли да и убили...
И после содрали с него шкуру...
Если бы им не велели, они бы не убили...
А когда им велят, они сделают что угодно...
Они ничего не делают для души?..
Для души они слушают приказы...
А этому кто велел?..
Этот по велению долга...
Наверняка где-то было написано, что ему можно...
Или что он даже обязан...
Надо — значит, надо, куда деваться...
Такого не забывают...
Впитывают с молоком матери...
И потом это в крови до конца жизни ...

Что-то теперь с нами будет?..
Куда нам теперь податься?..
Откуда взять брильянты?..
Откуда — автомобили?..
Поедем к русским...
У них нет автомобилей...
Есть, но мало, и стерегут их...
Русский убьет на месте...
От русского жди чего угодно...
Бывает, ему просто лень...
А не лень — убьет со скуки...
Или развлечения ради...
Или скажет, чтобы шли подальше...
Он считает, что всё можно...
Что ни сделай, всё едино...
По-любому, как было, так и будет...
Получится, как всегда получалось...

Поэтому у них так мало своих автомобилей...
Поэтому краденых им нужно много...
Для них краденый лучше своего родного...
Да, свои у них ни к черту...
Ломаются с ходу...
Хотя они пытались...
Хотя передирали...
Хотя делали точно такие, только хуже...
Там ломается все — знай заводи снова...
Они думают, это что-то изменит...
Да...

А вот в русского тот стрелять бы не решился...
Русских они боятся...
Больше всего на свете...
Такого не забывают...
Отдали бы им все машины...
Увидят угнанный «мерс» в Москве и рады...
Или «бумер» в Петербурге...
О-о-о, русский украл! — восклицают...
На колени встать готовы...
Если б русский им велел, сами б отдали ...
Кое-кто из них хотел бы походить на русских...
Да куда им...
Русским быть трудно...
Вот они и злятся...
Им кажется, они могут все на свете...
Но как русские они быть не способны...
Это надо умудриться — хотеть быть русским...
Им кажется, что русский всё может...
Что для него нет запретов...
Так им кажется...
Ведь русские, когда к ним пришли, делали что хотели...
Такого не забывают...
Они тоже хотели бы делать что хотят, да боятся...
Русский сделает, что захочет, и они ему всегда про-
щают...

А как они тогда пришли к нам, только убивали...

Наших женщин они не хотели...

Стеснялись?..

Нет, удерживало чувство долга и отвращенье...

Был приказ — со скотом не совокупляться...

А вот когда русские пришли к ним, то делали с их женщинами то и это...

Сношались и убивали?..

Это же русские...

У них можно и то и это...

И стали они завидовать русским, и завидуют до сих пор, да...

Ведь такого не забывают...

Вот что шепчут они в темноте, отъехав на безопасное расстояние. Они прислушиваются к лаю собак в своих городах, и чужой страх служит им утешением. Девушки ждут их в темноте дверных проемов, но они проходят мимо, бросая на ходу: «Идите спать, курвы. Сегодня мы пьем одни за смерть убитого».

Потом выбирают темный-темный дом и берут грязную-грязную скатерть.

Ибо хотят почувствовать настоящее горе. Бросают свои машины, не выключив мотора.

Чтобы ждали их, как верные псы, и чтобы сгорал бензин, потому что и автомобили должны почувствовать горе.

Они пьют водку и запивают пивом. Пьют теплую водку и запивают прогорклым пивом.

Грызут и глотают стекло. Так они представляют себе траур, потому что не в силах поверить в смерть.

Мы не знали, что там можно сгинуть...

Почему нас не предупредили...

Незаметно, чтобы там умирали...

Ни-ни, никакой смерти...

Одна только обеспеченная жизнь...

Все начиналось от самой границы...
Даже старики смотрелись живо...
Розово-румяно...
Безмятежно...
Некоторые даже жирно...
Вокруг одни живые...
Умирают ведь только у нас...
Тогда воют собаки...
А там собаки сидят тихо...

Теперь бриллианты могут лежать себе спокойно.
И владельцы машин пусть отойдут от окон.
Собственники — переведут дух.
Этой ночью ничего не случится. Пусть вся страна отды-
хает.

Ей ничто не угрожает, ибо они оплакивают смерть, в которую не в силах поверить. Смерть для воров не существует.

Они ее не увидят, смерть придёт в их город в запаянном гробу. И они станут прикладывать к нему ухо, прислушиваться, принюхиваться и стучать по серебристой крышке.

Глянь, гладкая какая...
Полированная будто...
Ничего через нее не слышно...
Будто ничего там нету...
Ничего не случилось...
Ничем не воняет...
Всё как раньше...
Блестит, как новый «мерин» ...
Нет, не как «мерин» —
Блестит... как у кобеля яйца...
Нет, как алюминиевое «ауди»...
Шикарные похороны...
Интересно, его положили голым?..
И целым? Его зашили потом ниткой?..

Когда «потом»?..

После того, как разрезали, чтобы проверить...

Может, он ненормальный, раз ворует...

Ну конечно, потом зашили...

Русские бы не стали...

Они и резать бы не стали — русского воровством не удивишь...

Итак, он возвращается героем. Запакованный столь надежно, что собаки не почуют смерти.

Они почуют лишь страх живых, запах холодного пота и завоюют, потому что, когда человек боится, собака боится еще сильнее и припадает к стопам господина. Он возвращается пустой внутри, а значит, уже без страха. Из него вынули всё, и неизвестно, положили ли обратно. Он с Востока, так что могли и не положить. Эти, на Востоке, по-прежнему верят в гадание по внутренностям. Наверно, не положили — чтоб не потакать суевериям или чтоб нельзя было узнать судьбу. Он возвращается героем. Возвращается как святой. Не воняет. Девки останутся без дела, пока пацаны будут пить на серебряной алюминиевой крышке гроба вместо стола.

Взамен девок придут матери и бабки, ибо те ничего не боятся. Даже смерти не боятся, ведь они родились на Востоке.

Не надо ребятам туда ездить...

А куда же...

Здесь пускай ездят! Как Господь судил нам...

Здесь покатаются и сразу назад, потому что бензин на исходе...

Чистая правда... Там у них никогда не кончается...

Они ни разу не говорили, чтобы там он у них кончался...

Там его всегда хоть залейся. А сюда вернутся — сразу в баке пусто...

И приходят просить у бабки, потому как им не на что кататься ...

Я не даю...

Потому что дура! Останутся — и так и будут гонять
взад-вперед! Так и будут без конца занимать!

Та-а-а-а-а, для мужиков это хуже смерти...

Боже правый, ездили бы к русским...

Если б к русским ездили, как к этим, ни один бы на-
зад не вернулся...

Я помню русских...

О, Боже... Как вчера всё было...

Пришли — курицу им давай...

Ну, мы ощипать хотели ...

А они прямо в перьях сунули в кастрюлю...

Да-да! Пришлось объяснять, что надо сначала заре-
зать...

Что они, курицы не видали?..

Видали, да только им обратно на войну не терпелось ...

Да, помню... у них на каждой руке по две пары часов
было...

Это от спешки...

По восемь на каждого...

Перья всплывали наверх...

Я хотела дать им соль, но они отказались...

Сказали, времени нету, надо скорей *na zapad*.

Ах, эти старые добрые времена, их помнишь, как ни-
какие другие. Жизнь делится на «до них» и «после». Кто
помнит, как было, тот мудрый. Самые мудрые — женщи-
ны в черных платках и черных платьях. Они пережили
мужчин, жили без них, и ничего — оказалось, не страшно.
Женщина, которая видела, как закапывают ее мужа или
сына, становится отчасти мужчиной. Это старо, как мир,
и время над этим не властно. Женщина, способная убить
курицу, меньше нуждается в мужчине и меньше боится
смерти. Наверно, они носят черные платья, чтобы на них
не было видно следов куриной крови.

А тех, других, помните...
Как вчера всё было...
Начищенные голенища...
Манжеты...
Стрелки на брюках...
Санитария и гигиена...
Здоровались...
Перечницу им подавай...
Помню одного...
Я тоже помню!..
И я!..
Их псы отказывались брать корм...
Словно и не голодные были...
Собаки всегда голодные...
Так они что, притворялись?..
Собаки притворяться не умеют ...
Они могли их выдрессировать, чтоб притворялись...
Я испугалась, когда бросила ихнему псу, а он отвернулся...
Будто больной был...
Да не был он больной, по собаке сразу видно...
Да, больных собак они не держали...
Это у русских были больные...
И они их ели?..
Такого не помню...
А что еще ты помнишь?..
Красивых мужчин в начищенных сапогах...
Один выстрелил в мою маму, но у нее раньше ноги подкосились, и остались только следы от пуль на стене, а он пошел себе...
Дурак, что ли, был — подумал: убил?..
Когда убивал, не сомневался, что убьет, вот и пошел себе...
Да, они всегда были самоуверенные...
Им в голову не приходило, что можно промахнуться...
Что можно выйти в неначищенных сапогах...
Что обувь можно не чистить...

Что можно выйти в начищенных сапогах и не дойти...
Поскольку нет ничего важнее гигиены...

И чистоты...

Да...

Когда выпал снег и вода замерзла, они сразу грязными стали...

Стали похожи на русских...

И меньше уже убивали...

Из соображений гигиены...

Одно дело зарыть трупы летом, и совсем другое — зимой...

И у «тигров» гусеницы замерзают...

Что?..

Ах, ничего... Так тогда в утешение говорили ...

И точно, когда не могли помыться, никуда уже не годились...

Да, и тогда начинали воровать кур...

От них воняло, и они начинали бояться...

Помытый был герой...

А слегка провоняет — и сразу трус...

Грязный становился слабым...

Грязный не мог даже как следует стрельнуть ...

Не помывшись, не могли попасть в ребенка...

Да... Помню — еле во взрослого попадали...

Что ты еще помнишь?..

Еще двух вещей они боялись...

Каких?..

Леса и болезней...

В лес носу не совали, и в дом, где больной, не заходили ...

Да, ты права, убегали...

Если надо было войти в лес, они сперва его поджигали...

Если убивали больного, то не заходя в дом...

Верили в микробов...

В леших и упырей...

Ну что ты... В них только мы верим...

Они тоже верили и сперва поджигали...

Они что, думали — леший сгорит?.. Это ж глупо...

Глупо. Но они не могли иначе. Они думали, духи горят, как мясо...

В детстве им не объяснили...

Некому было...

Они ведь думали, что всё знают...

А потом, голубушка, они стали похожи на русских...

И перец у них кончился, и соли не стало...

Да, моя милая, и курицы-то украсть не могли толком...

Гонялись, гонялись, пробовали подстрелить, но в птицу труднее попасть, чем в ребенка...

Даже жалко их было... Воды попросят, мы выносили...

Некоторые пытались квитанцию нам всучить...

Странные были времена...

Жалко их было...

Бедные, думали, что духи горят...

И соль у них кончилась...

И перец...

Аминь...

Они впитывают в себя слова матерей, как когда-то их молоко. Вместе с молоком они вобрали память, она засела у них в костях. Все прошлое, что кружит у матерей в крови, живет и в их телах как древний эпос.

Вместо того чтобы угонять машины, мы могли бы сначала съедать их собак...

Тогда бы нас не за тех приняли...

Приняли бы просто за пожирателей собак...

Тогда мы бы гребли брильянты лопатой...

А они — как и не заметили ничего...

Видели бы в нас пожирателей собак...

Собакоедов в «ауди» и «мерсах»...

Псожирателей в золотых цепурах...

Да, я входил бы в магазин и брал все самое дорогое...

А они будто и не замечают...

Они бы видели только собачатину у нас в животах...

Кто знает...

Что — кто знает?..

Кто знает, вдруг бы они даже приняли нас за русских...

Точно, за русских, которым всё можно...

Можно жрать их собак и ездить на их машинах...

А как они узнают русских?..

Они узнают русских по своему страху...

По тому, что хотели бы быть, как русские, и по тому, что никогда не будут...

ДУЭТ: ТЕЛО — ДУША

Тесно мне тут и душно, и скучно, и глухо. Пейте за мою душу. Я хочу слышать, как стучит стакан о металлическую крышку гроба и как вы малолетку посылаете в темноту за водкой. Я хочу слышать, как вы грызете стекло и как обсуждаете девок. Утром меня закопают в землю. Я уже чувствую, как у меня растут ногти, и хочу в последний раз услышать звуки жизни. У меня сквозная дыра в теле. Через нее входит холод и остается уже навечно. А вы тут рассказываете о русских, вместо того чтобы привести девок к моему гробу и я услышал их смех. Плевать мне на русских. Я не видел лица того, кто меня убил, потому что он стрелял мне в спину. Но я не в обиде. Ведь я пришел ночью, когда он спал, и это не был рыцарский поединок. Теперь я труп и не знаю, где у меня душа, не знаю, была ли она вообще. В моем теле дыра от пули навывлет, через которую заползает холод. Приведите девок и врубите музыку в своих тачках, потому что мне страшно быть трупом.

Ты и есть труп, а я — твоя душа, и теперь ты сгниешь. Это тебе наказание за то, что был дураком. За то, что думал, будто состоишь из одного тела, которое тебя спасет в любой переделке и из полного дерьма вынесет целым и невредимым. Ты был кретином и думал, что твое тело —

нечто вроде «ауди» или «бумера». Я — душа и побольше твоего понимаю.

Приведите девок! Не хочу подыхать тут как труп!

Я — твоя душа, а ты давно уже умер, так что не ори. Теперь начнешь разлагаться. Что-то вроде ржавчины станет тебя сжирать. Короче, попадешь в Чистилище. Ты помнишь хоть что-нибудь из школьных уроков религии? Рай, Чистилище, Ад? «Что касается некоторых менее тяжелых прегрешений, надо думать, что до суда существует очистительный огонь» — так, по крайней мере, утверждает Григорий Великий в своих «Диалогах»¹, раздел четвертый, строка тридцать девятая.

И пусть из больших сабвуферов несется музыка, похожая на биение сердца...

Ты идиот. Мне неприятно тебе это говорить, поскольку я твоя душа, но мы, души, не можем лгать и молчать не можем. Ты идиот, ибо позволил себя убить, тыря швабское дерьмо. И поэтому будешь теперь ржаветь в Чистилище, как металлолом на свалке. Я уволена. Правда, я была твоей душой, но ты не хотел меня слушать.

Никогда я тебя, Душа, не слышал...

Потому что ты слушал свои сраные сабвуферы. И те, впрочем, краденые.

Я думал, это ритм сердца... А сердце почти что душа.

Кажется, сердце у тебя вынули, когда проверяли, что там внутри.

¹ «Диалоги» («Dialogorum Libri»), написанные в форме бесед с дьяконом Петром, содержат духовное и нравственное учение папы Григория.

Вынули, но ведь, наверное, положили обратно...

А я б не была так уверена.

Они всё делают по уму.

Вот именно: зачем труп сердце? Ну, неважно — я хотела сказать, что сердце у тебя вынули, а меня — почему-то нет. В этом разница. Так что не надо меня путать с дерьмовым звуком сабвуферов. Если бы ты их не слушал, услышал бы меня.

А что ты мне говорила, моя Душа, когда я тебя не слушал? Сейчас тихо, и у нас много времени. Скажи мне теперь.

Поздно, да и не тихо вовсе. Твои дружки привели подружек и пооткрывали дверцы в автомобилях, чтобы звук летел в глубь ночи.

Но я ничего не слышу...

Ну что ж. Без меня внутри ты глух, как труп. А жаль, ведь в конце концов все это в твою честь.

Они там, и с подружками? В мою честь?

Да. Ты герой, потому что жирный шваб стрéльнул тебе в жопу.

Для души ты странновато выражаешься.

Я же не «вообще душа», а твоя.

Вот именно... Не могла бы ты на минутку в меня вернуться?..

Что?

Ну, ненадолго... чтобы я мог услышать, как они там врубают музыку в мою честь...

Да ведь если я в тебя вернусь, ты воскреснешь! И что? Будешь слушать сабвуферы, принимая их за свое сердце? И после смерти останешься таким же дураком, как раньше? Будешь сидеть здесь со столетними бабками и привязанными во дворе собаками. И выходить из дома лишь затем, чтобы поправить телевизионную антенну, когда она собьется и перестанет принимать волны, на которых «мерсы» и «бумеры» живут вечно, не ржавея и возбуждая алчность даже в далеком Улан-Баторе?

В Улан-Баторе, скорей, какая-нибудь «тойота-лэндкрузер»... ну, знаешь, «легенда Японии», «надежность», и легче перегонять через Китай или через русских.

Как душа я не слишком-то в этом разбираюсь. Мне казалось, что только немецкие чего-то стоят. Все-таки за прошедшие годы я успела немного привыкнуть к твоим мыслям.

Ну, потому что это правда. Но оттуда далековато. Монголия — это Монголия. К тому же там нет дорог. Русский «УАЗ» — норма, а «крузер» или «патрол» — мечта. А кроме того, мне кажется, Душа моя, что граница, где заканчивается восхищение немецкой техникой, более или менее совпадает с границей, где остановили вермахт. Русские обожают миф о «мерсе» не меньше, чем миф о России как сверхдержаве.

Смотри-ка — всего два дня, как умер, а уже начинаешь мыслить шире. История, политика...

Знаешь, Душа моя, я боюсь скуки... Как подумаю, что мне осталось только лежать, и думать, и разлагаться, и так до самого конца, то есть бесконечно, и что уже ни-ни, никаких удовольствий, никаких сабвуферов и восхищенных девичьих взглядов, никаких друзей...

Перестань, а то я расчувствуюсь и заплачу. Хотя, кажется, без тебя это как бы невыполнимо. Как говорится, ты «унес слезы с собой в могилу»... а при жизни не давал слабины.

Хватит издеваться. Мне и правда тяжело. Если б ты на минутку вернулась...

Ты, пройдоха медоточивый! Когда я была на месте, то была тебе не нужна, ты меня не слышал, на хрен была не нужна, это я-то! Собственная, единственная, неповторимая, бессмертная душа! А теперь желаешь воскреснуть, чтобы девок клеить? Как бы не так! Покаяние, покаяние и еще раз покаяние!

Какое покаяние? Ведь я ни в чем не виноват. Мне пальнули в спину... К тому же из-за стрельбы мы ничего не взяли. Мы только хотели украсть. За это не убивают. Это не fair!

Еще как fair, в высшей степени fair. Ты любил деньги, бриллианты, дезодоранты и немецкую автомобильную промышленность больше собственной жизни...

Но ведь все любят...

Не стоит преувеличивать. Ты сам упоминал монголов.

Душа моя, да ведь они вообще ни о чем понятия не имеют. Что монгол знает о любви, что он может знать о

черной «Х-пятой»? Цыганский барон всей Молдавии и тот лучше в этом разбирается. Он ездит на «пятерке» к чукчам торговать теплым бельем, и ему приходится спать с их женщинами, потому что тамошние законы гостеприимства святы.

Ты знаком с цыганским бароном из Молдавии?

Ты забыла? Мы познакомились в Литве. Когда перегоняли «мерс». Но тот был не краденый, упаси бог. У албанцев по случаю купили.

Знаешь, кое-какие факты нашей общей жизни от меня, кажется, ускользнули. Время от времени меня клонило в сон. Особенно во время этих переездов с Запада на Восток и обратно.

Ну да, для женщин это, наверное, скучно.

А ты бы, конечно, хотел, чтобы душа была мужиком. Вы бы тогда воровали и гоняли на машинах с чистой совестью. И он, этот твой, прошу прощения, «душ», любил бы автомобили так же, как ты, так же жаждал бы обладать ими, со всеми их кожаными сиденьями, литыми дисками и что там у них еще. И тогда вы достигли бы бессмертия, потому что твой «душ» ни за что бы тебя не покинул. Так бы вы и колесили целую вечность.

Моя собственная душа насмехается надо мной...

Потому что ты ей изменил.

Я только делал то, что и все: желал и удовлетворял свои желания. У нас, ты же знаешь, даже у собак цепи короче, чем нужно, — из соображений экономии. А по-

том я приехал к этим и увидел, что желание обладать — не грех, наоборот, у кого нет такого желания — тот просто, извини меня, недоделанный. Да, я крал, но тем самым освобождал место для новых бриллиантов и автомобилей, благодаря мне на свет появлялись новые «бумеры» и «ауди», благодаря мне процветали амстердамские гранильные мастерские, а черные братья спускались все глубже под землю в копиях Претории и Конго. Я давал работу полицейским, журналистам, страховым агентам, не говоря уж о психоаналитиках, которым приходилось месяцами утешать пострадавших. Ведь лишиться «ауди ТТ» — почти то же, что потерять близкого человека. А подумай о другой стороне медали — о наших сонных городах на Востоке, где благодаря мне оседали эти чудеса техники. Подумай о Кишиневе и подумай о Тарту, подумай о внезапно пробудившихся желаниях. Конъюнктура начинается в голове. Они мне орден должны дать: и Bayerische Motoren Werke, и Mercedes-Benz AG, и Adam Opel, — хотя последнего мы как раз старались избегать, он не пользовался спросом даже у русских. И правительство Бундесреспублики тоже должно дать мне орден. Ну, не правительство, так на худой конец МИД, ведь если у них там и есть что-то стоящее, так это «гольф» — «тройка» или «четверка», лучше черная и с тонированными стеклами. Благодаря этим моделям вся молодая братва оказалась на колесах, в результате чего узнала о существовании других стран. Раньше они думали, что есть только Россия. Лишь увидев «гольф», они поверили, что есть и Германия... А ты, Душа моя, говоришь об измене, обвиняешь меня в эгоизме, считаешь говнюком, в то время как я являюсь воплощением, пардон, являлся воплощением панъевропейских и общемировых идей... Представь, что я просто-напросто краденый автомобиль, который ты перегоняешь от одной границы до другой.

Я была права. Твоя душа должна была быть парнем.

ХОР ЖЕНЩИН

Не хотят, чтобы мы были с ними.

Боятся при нас плакать.

Хотят плакать одни.

Они думают, что идет война и женщины лишние.

Для них все сводится к войне. Они как дети — хотят, чтобы им всё было позволено.

Или как педики. Война — изобретение пидоров. Чтобы никогда не расставаться. Жить и умереть вместе.

Воровать и попасться.

Позволить себя убить.

Из принципа, бескорыстно. Ведь если тебя убьют, ты ничего с этого не поимеешь.

Все поставить на кон и все потерять.

Типа им не больно и надо.

Привозят нам дезодоранты и трусики, типа к нам нельзя с пустыми руками.

Себе никогда ничего не покупают.

Думают, нам надо что-то дать.

А не дашь, мы не будем ждать.

В смысле — будем ждать другого. У которого дезодоранты и трусики лучше.

Они всегда считают себя хуже.

Что кто-то другой лучше.

Поэтому так поступают.

Отдают все даром.

Чтобы ими восхищались, думали, они лучше.

Разбивают вдребезги и бросают.

Чтобы другие видели.

Потом им приходится ехать за новыми.

Да, воровать все равно что воевать.

Они никогда не берут с собой женщин.

Воровство — изобретение педерастов.

Они в восторге сами от себя.

И от своих машин.

Машина ничего не хочет.

Машина для них как собака.

Смотрит на них, глаз не сводит.

Так же, как и они на нее.

Они отдадут тебе брильянты, но автомобиль — ни за что.

Лучше разобьют, потом обольют бензином и подожгут.

Если у них украсть машину, они убить готовы.

Да, и автомобили, и они сами — изобретение педерас-тов.

Женщине они скажут «ты, курва», а «бэхе» — никогда.

Лишь в машине они не чувствуют себя хуже всех.

Да, на машине каждый лучше всех, и вот тут-то их и подмывает разбиться насмерть.

Когда-нибудь так и случится.

ОПЕРАЦИОННАЯ. ВРАЧИ И ТЕЛО

Вон он какой здоровенный, старый и жирный — нам нелегко придется. Надо будет туда добраться раньше, чем он совсем остынет.

Сейчас он вполне еще теплый. Наверное, из-за своего сала. Бывает, сало убивает, а бывает, помогает выжить.

В странном мы теперь живем мире.

Когда-то жир был что надо. Каждый хотел быть толстым. Это означало достаток и уважение ближних.

Теперь так только у дикарей. Где-нибудь на Юге или на Востоке.

Я читал в газете, что этот имел немало. Практически он имел всё.

Ну, коли уж ему хватило на такую операцию, то действительно...

Четырехэтажный дом, шесть автомобилей и ювелирный магазин.

Писали, что он стрелял с третьего этажа.

На четвертый, наверно, уже не мог подняться.

Да, так оно и бывает: когда у тебя наконец появляется четвертый этаж, то уже нет сил на него подняться.

Он по-прежнему теплый... Даже вроде бы стал теплее?

Ну нет, уважаемые коллеги, у трупа не может подскочить температура. Труп остывает.

Вдруг он живой...

Труп? Коллеги, мы же немецкие врачи!

Ну, если и не живой, то все равно жить будет. Откуда донор?

Двадцать четыре года, худощавый, с развитой мускулатурой, высокий блондин, вполне ничего себе...

Откуда?..

С Востока. Угонщик автомобилей.

Braveheart¹.

¹ Храброе сердце (*англ.*) — вероятно, отсылка к снятому в 1995 г. режиссером Мелом Гибсоном фильму, изобилующему жестокими сценами убийства. Прозвище «Храброе сердце» носил главный герой фильма.

Наверное, молдаванин. Оттуда в последнее время больше всего предложений. Каждый второй что-нибудь продает. У каждого второго шрамы спереди или сзади. Смотрится неважно, потому что режут осторожно, а зашивают кое-как.

Хорошо еще, что зашивают. Могли бы и так оставить. Вы же знаете, как там у них. Никакого уважения к человеческой жизни. Главное для них деньги. Если у кого-то осталась только одна почка, он уже не котируется на рынке.

Нет, он не молдаванин. Там нет автомобильных воров. Страна живет за счет экспорта органов своих граждан. В основном к нам, но и американцы берут кое-что.

Ах, бедные, бедные славяне. Вынуждены продавать поджелудочные железы и печень, чтобы сохранить свою самобытную культуру и загадочный язык. Интересно, всегда ли так было...

Молдаване не славяне. Конечно, внешне они очень похожи, но их язык относится к романской группе.

Ну, без дураков! Говорят по-французски и позволяют вырезать себе желчный пузырь на продажу?!

Уважаемые коллеги, приступим, иначе он у нас и вправду остынет. Донор с Востока, из Польши.

О, господи!

Что?

О, господи!

Что?

О, господи!

Что случилось?

Он шевельнулся...

Ну скажешь тоже...

Шевельнулся и продолжает шевелиться...

Он не имеет права!

Он втянул воздух...

А теперь выдохнул...

Он мертвый, но живой...

Ну нет, это уже какая-то Румыния...

Он пытается что-то сказать...

... какая-то Трансильвания...

Я не хочу, не хочу, не хочу такое сердце. Я всё слышал.

Блин...

Не должен был, потому что умер, но я слышал. От такого даже мертвый встанет.

Офигеть, вот это номер...

Учтите, я все слышу.

Извините...

Я хочу другое.

Исключено. Вы сейчас остынете, и мы даже с этим опоздаем.

Командир, это хорошее сердце. Я бы сам в вашем возрасте хотел бы иметь такое.

Braveheart!

Вот именно!

А немецкого у вас нет?

Это сложно. Раньше времени никто своего не уступит.

Шведского?

Увы...

Английского, голландского либо, на худой конец, французского или итальянского?

Нам очень жаль. Сейчас всё это поступает с Востока. Вам не холодно?

Нет. Даже как будто жарко. Наверное, от страха. Или от злости. Конечно, я претставился, но как вспомню то утро, совершенно не чувствую себя мертвым, а вроде бы просто лежу и не сплю. Вижу, как они двумя этажами ниже посягают на мою собственность. Да что там посягают! Она уже у них! Они уже вошли и хватают все, что нажито честным, добросовестным трудом! Везде на полу стекло, и слышно, как они продолжают его бить, как разбивают все, что под руку попадет. Я видел это глазами души, видел осколки стекла вперемешку с бриллиантами... Жестоко, невыноси-

мо... Этот страх, что все перемешается и потом уже никогда не удастся отделить одно от другого, стекло от камней, богатство от того, что не имеет цены, красоту от тлена. У меня слезы застилали глаза, и я не целился. Просто пальнул в ту сторону. Права собственности священны. Так нас учили...

Чем больше он говорит, тем больше разогревается...

Тем он живее...

В конце концов встанет и пойдет...

Мы так не договаривались...

Дадим ему наркоз и сделаем свое дело...

Он выговорится и сам заснет...

Да, человека иногда тянет поговорить с другим человеком...

...И мы верили, и будем на этом стоять¹. Я ни в кого специально не целился. Я целился вообще, целился во всех тех, кто нарушает порядок! Если кому-то нужны бриллианты, он должен их купить. Или отправиться за ними в алмазные копи. В смысле позаботиться о покупке собственных копей, и тогда незачем будет зариться на чужое. Надо работать, приумножать богатство, а остальное приложится. Там, где нет собственности, ничего нет! Там люди едят из одной миски, как собаки! Так было и есть на Востоке. Там ничего нет, нет собственности, вот они и едут сюда, чтобы отбирать нашу и потом делать вид, что

¹ Отсылка к знаменитому изречению Мартина Лютера «На этом стою и буду стоять».

она их. Я ни в кого не целился, я целился вообще, во имя принципов, и вовсе не угрызения совести не дают мне спать спокойно... в смысле спокойно не жить...

Я делаю ему укол. Надоело...

Неизвестно, подействует ли.

С чего бы ему не подействовать?

Потому что все это очень странно... сверхъестественно...

В медицинском учреждении?

...Сам не знаю... Моя бабка родом с Востока...

А вы тут еще ко мне с этим чертовым польским сердцем!!! Всю жизнь человек платит налоги, делает отчисления, страховые взносы — и вот на тебе... Как я буду выглядеть, как посмотрю людям в глаза... Я, который дал клятву, что ноги моей не будет даже в Гэдээр. Да кто он вообще такой?!

В смысле кто?

Этот трансплантат.

Донор?

Да. Донор.

... Он был... был... был...

Он был студентом!

... Да, студентом...

И что он, интересно, изучал?

...Он изучал... он изучал...

Он изучал германистику!

...Точно, германистику...

А, хорошо, очень хорошо. Там все должны изучать германистику. Жаль, что они раньше этого не делали, очень жаль. Ах, если бы им был доступен Гёте, коммунизм бы не привился. Теперь уже поздно, придется начинать сначала. Если бы они вовремя познакомились с Шиллером, мне не пришлось бы палить наугад. Да, изучение германистики на Востоке приведет к тому, что на наших улицах станет спокойнее. И снова, как когда-то, можно будет оставлять машины открытыми, с ключами в замке зажигания. А как выглядит этот донор?!

Молодой.

Худощавый.

Двадцать четыре года.

Не пил.

Не курил.

Холост.

С развитой мускулатурой.

Стройный.

Блондин, разумеется.

Щетина густая, но брился ежедневно.

Каждый день менял трусы.

Руки мыл двенадцать раз, а зубы чистил после каждого приема пищи.

Ну, насчет рук вы, скорей всего, немного приукрасили, но, с другой стороны, кто знает, какие там у них руки. Там дети ползают на четвереньках гораздо дольше, чем у нас. Такова, к сожалению, статистика, и я сам видел по телевизору. Уже большие, ходили на четвереньках по кругу...

Наверно, они играли...

Наверно. Но у них, вы сами, господа, знаете, игры не похожи на наши, там не разберешь. Как бы то ни было, германист — еще не немец.

Я бы, однако, хотел напомнить, что это ваше тепло не будет сохраняться вечно, и сейчас не время капризничать. Говорю вам как врач, который в ответе за вашу жизнь. Сердце — это сердце, и попрошу не воротить нос.

Да, когда они без сознания, лучше работается...

А когда мертвые, еще лучше...

Золотые слова, — одно удовольствие...

Ну хорошо — германист. Но ведь... кто его знает. Кем, например, были его родители? Кем была его мать? А бабушка, а дед... То, что мы знаем о его чистых трусах, — только часть правды. А вдруг его отец был лодырем? А мать — плохой хозяйкой? Дед — мотом, а бабушка легкого поведения, тогда что? Наш германист мог преодолевать в себе свое прошлое силой воли, самодисциплиной, работой над

собой, но почему теперь я должен это расхлебывать? Я, порядочный человек из хорошей семьи?

Ну надо же, он думает, что в результате трансплантации заразится чужим прошлым... сделайте ему какой-нибудь укол... прямо не знаю... пусть им займется анестезиолог, а потом пересадим ему сердце бобра или нутрии...

И тогда он всё бросит и станет плотником или лесорубом...

Или сердце немецкой овчарки...

Станет ночным сторожем...

Ах, давайте вошьем ему турецкое сердце, и пусть исполняет танец живота...

Или чешское ему пересадим...

Или македонское...

Герцеговинско-боснийское...

Сербско-черногорское...

Словацко-словенское...

Латвийско-литовское...

Эстонско-румынское...

Венгерско-молдавское...

Украинско-албанское...

Давайте вошьем белорусское...

Болгарское — пусть блеет, как овца...

Уважаемые господа хирурги, я просто боюсь. Нелегко быть ювелиром. Все может обесцениться в один миг. Я боюсь смерти, но боюсь и восточного сердца. Там до сих пор печатают странные деньги с портретами неизвестных древних варваров. Их короли, поэты и композиторы похожи на татаромонголов. Дети до четырнадцати лет ходят на четвереньках. Боюсь, как бы я после этой операции не раздал все нажитое, что у меня еще осталось. Или того хуже — растранижил на женщин, спиртное либо гулянки со случайными знакомыми. Да, господа хирурги, я испытываю настоящий страх, такой, как в детстве, когда рассказывали страшные сказки; я боюсь, как в детстве под одеялом, когда сон всё не приходит, боюсь и сам не знаю, откуда берется этот страх, но, скорее всего, он приходит, как всегда, с Востока, и поэтому я сказал себе, что ноги моей не будет даже в Гэдээр...

Мы должны вшить вам бесстрашное сердце.

Но где такое сейчас найдешь?

Можно бы поискать у русских, но, к сожалению, время не терпит...

Если бы не это, можно бы и у китайских товарищей...

Тсс... тсс... кажется, уснул...

Спит?

Да.

Тогда за работу!

Даже не знаю...

Чего ты не знаешь?

Ну ведь теперь получается, что мы действуем вопреки воле пациента.

Может, он ничего потом не вспомнит.

А если вспомнит?

И что? Велит вырезать?

Даже не знаю... Мир стал какой-то странный... Сам не знаю...

ХОР

Да, мир стал какой-то странный.

На Восток потоком идут автомобили и бриллианты, на Запад — легкие и почки.

Автомобили часто бывают краденые, а органы иногда путешествуют в полном комплекте, вместе с обладателем.

Особенно женские. Женские тела обычно не разуккомплектовывают.

Их нелегально вывозят целыми. Кому нужна разрезанная женщина, даже если ее потом красиво сшили?

Поистине — никому.

Свое и то не отобьешь. Поистине женщина не машина.

Ее невозможно разобрать и собрать. Женщина должна быть в комплекте.

Мужчины из Молдавии посылают свои тела по частям. Одну часть в Лондон, другую — в Париж, третью — в Цюрих, четвертую — во Франкфурт-на-Майне. И таким образом весь человек оказывается в тех местах, где всегда мечтал побывать, поскольку зеленые холмы Молдавии не удовлетворяли его запросы.

Да, странный стал мир.

Ах, даже можно себе представить, как его тело собирается где-нибудь за круглым столом. Говорит по-французски, по-немецки или по-английски, ведет важные переговоры, например на продовольственной ярмарке в Кёльне.

Не то чтобы это происходило сплошь и рядом, но случай вполне вероятный.

Тело встречает само себя, чует свой запах и слышит свои звуки. Части тянутся одна к другой, и господа или дамы, сидящие за столом, чувствуют необъяснимую взаимную симпатию. Словно когда-то разлученные и теперь чудом отыскавшиеся братья и сестры.

Печень, почка, легкое, поджелудочная железа.

Все изнашивается, все надо менять. Спустить старую грязную кровь и залить новую, как масло в автомобиль, как тосол.

Женщины — другое дело. Женщин заменяют целиком. Они приходят в негодность быстрее, чем части тела. Печень работает пятьдесят лет. Женщина — три, четыре, пять, и ей уже требуется замена.

Да, мир стал какой-то странный.

Он стремится к равновесию.

Восток нуждается в вещах, а Запад — в свежей крови.

«Бумеры» за мясо.

«Ауди» за гипофиз.

«Гольф» за тонкий кишечник.

«Пассат» за толстый.

«Поло» за поджелудочную железу.

За «поло» — поджелудочную?

За поджелудочную — максимум «лупо».

«Лупо» за поджелудочную?!

За «лупо» от силы — полное переливание крови!

Переливание за подержанный «гольф-тройку», а не за нулёвый «лупо»!!!

Или за подержанную «корсу»! Да и то с тремя дверцами и бензиновым двигателем один и две десятых!

Да за такую — шиш, а не переливание! Пересадку ушной раковины!

А как это — «полное переливание»? Всю кровь забирают? Ничего не оставляют?

Наверное, немного оставляют. Или подливают, чтобы донор не высох.

И всё за «корсу» с маленьким устаревшим бензиновым двигателем...

Или за что-нибудь похуже...

А что может быть хуже?

Например, французские.

О, Господи! Вот фуфло! До чего же нужно дойти, что чувствовать в душе, чтобы за «твинго» отдать селезенку...

Или другие какие части за итальянское «уно»...

Да за «уно» разве что дырку в заднице...

Вещи, вещи, вещи текут в изголодавшиеся по ним города на Востоке.

Даже тамошние собаки уже едят искусственный корм из пластиковых мисок с надписью Sharp.

Вещи плывут как облака, плывут вместе с массажи воздуха, плывут на Восток.

Здесь люди издревле, глядя в небо, гадали, не будет ли завтра дождя, который может погубить урожай на полях.

Сегодня они высматривают стиральные машины и холодильники, белые, как облака. Высматривают полотеры, наряды, постельное белье и занавески, подобные ангельским крыльям.

Потому что здесь привыкли всматриваться в даль. Потому что сюда всё приходит издалека.

Потому что нужно терпеливо ждать. Так, как испокон веку ждали солнца или дождя.

Давайте же будем петь нашу песню, чтобы оттянуть конец, чтобы ожидание никогда не кончалось. Здесь, когда кончается ожидание, не остается уже ничего.

А в другую сторону, господа, идет потоком мясо и кровь.

Только мясо и кровь, потому что все остальное имеется на месте.

На месте нет лишь бессмертия, и его приходится импортировать.

Обложив льдом, в жидком азоте или в натуральном виде.

Здесь автозаводы, там плантации тел, то на то и выходит, это похоже на давно утраченную, канувшую в Лету гармонию, Золотой век, когда для каждого было место под солнцем и каждый получал то, чего жаждал.

О, да! Я помню! Лев спал вместе с ягненком!

Волк питался травой! А человек — плодами Древа жизни!

Так было, и так будет, когда наступит конец времен, как заповедано!

Исполнение желаний! Бессмертие!

Через двадцать, пятнадцать, десять лет у каждого китаец будет свой автомобиль!

Аллилуйя!

А у каждого немца — по морозильнику, полному запчастей!

Боже правый! Китайские ногти, волосы, сфинктеры и все, чего душе угодно. *Ex oriente lux!*

Несметное множество и непобедимая плодовитость!

Все, как Иов, будут отходить, насытившись прожитыми днями!

Полный морозильник сердец! А туда — подержанные «рено», трехлетние «опели», и вот уже яко на небеси и на земли!

Осанна, Осанна, Осанна!!!

ДУЭТ: ТЕЛО И ДУША

Ты была права, Душенька. Зашьют мое сердце в этом жирдяе. Теперь я, кажется, все это вижу, вижу сверху. Будто лечу на самолете и смотрю в окно.

¹ Свет с Востока (*лат.*).

Ты же никогда не летал.

Нет. Некуда было и неоткуда. Ты сама видела.

Да. Там, где бы следовало быть аэродрому, по ночам грызлись собаки.

Да.

С таким сердцем, как у тебя, надо было красть самолеты и потом кому-нибудь их толкать. Например, русским. Они, по слухам, всё берут.

И ты, Душа, говоришь мне это?

Сердце вынули, одна только я у тебя и осталась. Хотела тебя утешить.

А вот войти в меня не хочешь.

Знаешь, есть принципы...

Знаю, знаю... Глянь, уже пересаживают... Сейчас зашьют, и привет.

Он снова будет жить...

Мне бабка говорила, что с ними бесполезно — все равно ихний верх будет.

И твое сердце вместе с ним.

И я должен этим утешаться? Да пусть бы его лучше со мной закопали. Или собак голодных накормили. Украли сердце...

Ты крал бриллианты. Нет вещи дороже.

Сердце дороже.

Ах, ты рассуждаешь, как славянин. И лицемер. Ты ему, как и мне, не много уделял времени. К тому же сигареты, кофе, водка, амфет, кокс...

Душа моя, но оно ведь тоже нуждалось в развлечениях. Сердце — это не душа. Оно все-таки как бы тело... Ну и к тому же я вроде не слишком его надорвал, раз его взяли.

Я имею в виду чувства.

Молодой был, чувств у меня было навалом, и я не мог ни на чем остановиться.

Прекрасно сказано. Не мог ни на чем остановиться, и отсюда десятки проб и ошибок. Или сотни, не знаю, ведь я позволяла себе иногда покемарить со скуки.

Извини, но как раз начали зашивать... Ну, точно рубашку какую. Потом отсоединят от него трубки, приборы, экраны, и он встанет и вернется в свой четырехэтажный дом любоваться на свои бриллианты... Извини, но не каждый день видишь, как собственное сердце исчезает в чужом теле...

Думаешь, когда он увидит эти бриллианты, сердце у него забьется так же, как у тебя, когда ты на них смотрел?

Лучше не надо, в его-то возрасте может не выдержать. Еще, не дай Бог, в нем что-нибудь лопнет. Один раз он почти умер, теперь нужно себя беречь. Ты должна поговорить с его душой...

Переживаешь за него? Он же выстрелил тебе в спину.

Я за свое сердце переживаю!.. А кроме того, знаешь, после смерти человек начинает смотреть на вещи объективнее. Я бы тоже выстрелил в сукиного сына, который захотел у меня что-то отнять.

Что же, к примеру? У тебя почти всё было краденое.

Да ведь то, что я украл, уже мое! Вот только не надо, Душа моя! Объективность объективностью, а здравый рассудок не покидает даже трупа. Потому он и называется рассудком...

Ну ладно, ладно... Сейчас действительно уже поздно то учить тебя морали. Надеюсь, душа этого господина сумеет лучше справиться с твоим сердцем.

Ты правда думаешь, что мое сердце в этом борове останется хоть отчасти моим?..

Хочешь сказать, он примется нелегально перегонять через границу автомобиля в Баку или Одессу, балуясь по дороге амфетом или коксом, не чувствуя ни страха перед русскими, ни уважения к ним, и будет колотить витрины где-нибудь в Детмольде или другом каком Брауншвейке, чтобы набить себе карманы бриллиантами и часами от десяти тысяч и выше, а потом заживет у себя на Востоке, в городе, где собаки воют на пустырях, смахивающих на аэродромы, поселится на пятом этаже панельного дома вместе с матерью и бабкой... Нет, я мало в это верю. Чересчур экстравагантная картина даже для славянской души, романтически признающей примат сердца над разумом... При всем уважении... Он не поедет в Баку...

А я бы хотел, чтобы типа ездил. Мне это нравилось... Тысяча пятьсот километров за сутки... Мы брали в дорогу целые пачки десятидолларовых бумажек для русских га-

ишников, чтобы не приставали... И пистолет, на всякий случай. За границей становишься осторожным...

И все же вряд ли... Не в Тбилиси... От силы в Гэдээр, в какой-нибудь Болтенхаген, а там как увидит на пляже лица пенсионеров из Ростока, так и подумает, что он в Москве. В смысле приключений я бы не особенно на него рассчитывала.

Жаль мне моего сердца, Душа моя...

Я понимаю. Но не расстраивайся. Скоро все закончится. Скоро ты совсем умрешь и уже ничего не будешь чувствовать. Ничего.

А ты?

Я? Я бессмертна. Я буду каяться. Буду блуждать. Раз не сумела уберечь тебя от греха, то буду блуждать по свету и смотреть, как другие развлекаются, пускаются во все тяжкие, крадут бриллианты, автомобили, покоряют женщин, я же, лишенная тела и органов чувств, буду, так сказать, лишь бессильным свидетелем.

Уж лучше быть полным трупом, чем бессильным свидетелем...

Наверное, ты прав.

Ты будешь навещать мое сердце?

Даю слово.

Черт, это похоже на прощание перед вечной разлукой. Черт, я сейчас заплачу, Душа моя...

Не хотелось бы быть невежливым, но, сдаётся мне, что ты гонишь, сынок. То есть темнишь. А ведь ты государственный служащий и не должен врать, поскольку тебя наняли на деньги налогоплательщиков...

Служащий?.. На деньги налогоплательщиков?.. Да за деньги налогоплательщиков мы можем максимум сделать промывание желудка, а не такое...

Какое?

Никакое, никакого, я к коллеге обратился, что, конечно, в высшей степени...

Что-то для охранников уж больно вы зашуганные.

Для охранников...

Да, для охры.

Не так я себе это представлял. Мне казалось, если есть преступление, то есть и наказание. Наручники, террор, преследования, псы без намордников, прессование, а у вас почему-то такой вид, будто у каждого совесть нечиста.

А это она у вас должна быть нечиста, так ведь?

То-то и оно!

А почему, собственно?

...В том-то и загвоздка... Собственно, где-то глубоко во мне засело ощущение, что я торопился жить и хотел умереть молодым, но все прегрешения, которые мне приходят в голову, довольно абстрактные. Короче, я точно знаю, что должен сидеть, но не знаю, за что именно. Просто у меня

такое чувство, что я должен сгнить в тюрьге и горжусь этим.

Черт... Кто бы мог подумать...

Ха! К тому же мне охота разнести вашу тюрьгу к едрене фене, чтобы камня на камне не осталось! Собственными руками! Спалить!

Ничего себе... Какие-то Балканы в миниатюре у нас дома... Что за идиот сказал, будто это просто мышца... Будто пересадить ее — то же самое, что почку...

И любоваться на пламя, и даже если меня на коленях будут умолять, чтобы я нассал в огонь, взять и не нассать!

Позвольте вам напомнить, что вы в немецкой клинике... пардон... тюрьме...

Е...ть их всех! Е...ть немцев! Сукины дети! Почти что все смахивают на пидоров. А бабы похожи на мужиков, хоть сейчас на войну! Тут только черные еще смотрятся более-менее. Остальные постоянно в кого-то рядятся, кто в итальянских безработных, кто в американских бандитов — не страна, а какой-то театр трансвеститов... Да, еще желтые. Эти держат фасон. Что ни говори, а я ни разу не видел на улице желтого в каком-нибудь дурацком прикиде. Нет, они маскарад не устраивают. Таскают на горбу свои валторны с виолончелями, реализуя перспективные планы. Только мой народ, будто люмпены какие-то, норовит выдать себя за непонятно кого. Ну точно как русские, как поляки, как гэдээровцы! Ходят в спортивных костюмах с отливом, пьют пиво из банок и кидают их куда ни попадя! Скоро своего от русского не отличишь! Мое сердце этого не выдержит и лопнет, ведь оно помнит и другие

времена. Я должен был родиться желтым. Или наоборот — черным. Но не повезло! И мне ничего не остается, как заделаться узником совести и податься на нары, чтоб потом подпалить эту вашу тюрягу ... и любоваться...

... и не насрать...

... вы читаете мои мысли, молодой человек, пусть горит как можно дольше...

... наша страна, должно быть, вас страшно достала...

Что нам, черт возьми, с ним делать?

Ведь его нельзя сейчас выпускать.

Нам повезло: он и сам того же мнения.

Все у него перемешалось.

Славянское сердце и германский разум...

Искренность, эмоциональность и критический склад ума...

С одной стороны — поджечь, а с другой — гражданская ответственность за будущее страны...

Родные подадут на нас в суд...

Они привезли нам ювелира...

А назад получают какого-то Бакунина...

Слава богу, что еще по-польски не заговорил...

А черт его знает, на каком он думает...

К счастью, мысли подслушать невозможно...

Мы должны его усыпить...

С какой целью?..

Пусть себе поспит... пусть проспится, вдруг это пройдет...

Действительно, как проспится...

Да-да, надо дать ему немного времени...

Потому что, если подумать, хоть сердце у него и польское, зато кровь немецкая, и как только она разойдется по самым дальним уголкам, вплоть до головы, в смысле до мозга, все должно прийти в норму...

Господа! Мы же врачи! Кровь может иметь Rh плюс, Rh минус, быть первой, второй, третьей группы, но кровь не имеет национальности...

Вот именно... скорее всего так... а иначе получается какая-то дикость дремучая...

Но, с другой стороны, вы ведь сами невооруженным глазом видите: произошла странная, преудивительная и внезапная метаморфоза, явившаяся следствием пересадки обыкновенной, казалось бы, мышцы...

Давайте подбросим его психиатрам...

Прекрасная идея, жаль, невыполнимая. Тем более что он не с ума сошел, а просто несколько изменил мировоззрение...

Аминь. То есть ничего не остается, как сделать укол и положить на целебное воздействие сна ...

На всякий случай приготовьтесь — вдруг понадобится его держать...

Лучше б я работал врачом в Кишиневе...

ХОР

Хор должен быть мудрее всех, потому что хор — он ниоткуда.

Участники хора — старики и старухи, которые уже однажды умерли.

Участники хора — духи, которые немало повидали на своем веку.

И еще — тела, которые немало почувствовали.

Я б хотел, чтобы хор был мудрее своей песни.

Жизнь слишком сложна, чтобы доверить ее персонажам пьесы.

Персонажи умирают, сходят с ума или пропадают.

Кто станет ждать мертвого похитителя автомобилей и бриллиантов?

Кто — старика, которого лишило разума чужое сердце?

Собаки в далеком городе на Востоке.

Они узнают запах хозяина даже сквозь плотно закрытую крышку гроба.

И старухи ждут, для которых он навсегда останется ребенком.

Но кто же будет ждать богача, который презирает богатство?

Кто — толстосума, который раздаст свое добро?

Дни становятся короче и короче, и все дольше придется сидеть при свете.

Собаки, свернувшись в клубок, будут пережидать холода.

Запад ничем не отличается от Востока перед лицом смерти и безумия.

Во всяком случае, так должно быть. Остывают моторы автомобилей, и меркнет блеск бриллиантов.

Именно об этом во все века поет хор свою песню.

О том, что происходит, когда действующие лица покидают сцену.

О том, что в конце наступает холод и меркнет самый яркий блеск.

О том, что кончается бензин и останавливаются часы за десять тысяч евро.

О том, что изобилие Запада никогда не утолит жажды Востока.

О том, что покой Востока никогда не избавит Запад от страха.

О том, что собаки чувят смерть хозяина за тысячу километров и воют.

Старухи в черных платках тоже ее чувствуют и плачут.

Об этом поет хор. О том, что когда не станет старых женщин в платках, мы все будем умирать как собаки. И хора тоже не станет, ему будет не для кого петь.

Потому что — при всем уважении к животным — собакам не нужна песня. Собаки знают, кто они.

Собакам не нужен хор.

Зато люди и герои пьес нуждаются в нем испокон веку.

Они слушают его, и слушают, и слушают, и слушают, и слушают, и наслушаться не могут.

Потому что песни о помешательстве, нищете и смерти — самые любимые.

Песнь об угоне «мерседеса».

Песнь о врожденном воровском инстинкте.

Песнь о том, что они никогда не моются.

Песнь о том, что только и знают что моются.

Песнь о кацапах, песнь о швабах, песнь о полячишках.
Песнь о том, что они боятся переходить на красный.
Песнь о том, что не боятся.

Песнь о том, что они не умирают, даже выпив три литра спирта.

Песнь о том, что их призвание — убийства и порядок.

Песнь о том, что они должны жить в рабстве. И о том, что вообще не должны жить.

И о том, что у них черное небо, и о том, что у ихних баб поперек, и о том, что их псы натасканы убивать, и наоборот, о том, что псы там подышают с голоду на коротких цепях, и о том, что в чужой стране хорошо проводить отпуск, воевать или работать, но жить там все равно что медленно умирать — это если тебя сразу не прикончат! И не ограбят вдобавок!

Да что там ограбят! Выпотрошат с ходу!

Обманут при расчете!

Насильно женят на пидоре!

Обяжут жениться на лесбиянке!

Отравят своей едой!

После шестидесяти погонят на эвтаназию!

После семидесяти заставят просить милостыню перед костелом!

Принудят заниматься сексом с детьми!

Каждый день ходить на мессу!

Ну тут уж вы всехватили...

Мы только хор, мы поем песни, чтобы успокоить смятенные души, ищущие ответа.

Мы лишь ответ, содержащийся в вопросе.

Мы лишь бредни, позволяющие вам заснуть спокойно.

Несмотря на то что кончается бензин, остывают моторы автомобилей, меркнет блеск украденных бриллиантов и останавливаются часы.

Бредни, которые позволяют вам жить после пробуждения.

**БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА. НОЧЬ.
КРОВАТЬ. НА СЦЕНЕ ДВОЕ. ОДИН ЛЕЖИТ,
ДРУГОЙ СИДИТ РЯДОМ**

Проснитесь... Проснитесь... Прошу вас, проснитесь... Я не могу громко говорить, вдруг кто-нибудь услышит и придет, а мне нельзя здесь находиться. Ну проснитесь же... У меня мало времени. Вы меня слышите?..

...Кто это? Что это?.. Никого нет... Сейчас ночь, никого и не должно быть, а я сплю... Кто это?.. Что это?.. Кто тут шепчет?.. Тихонько, как шепчет страх?.. Но ведь мне надо спать, здесь строгие порядки и сейчас ночь... Я должен спать...

Но вы уже проснулись. И это я. Я пришел, потому что моя душа ненадолго в меня вернулась. Вы знаете, я и не подозревал, что она у меня есть. Смешно, да?

Да. Я вас слышу... Но это как бы озвученный сон. Вы кто?

Как бы вам сказать...

Говорите прямо.

Я путешественник. Вернее, был им... теперь уж и сам не знаю. Путешествую на автомобилях и перевожу разные вещи. Чаще всего с Запада на Восток.

У вас есть любимая марка?

Что?

Марка автомобиля. И модель.

А, извините... Наверное, семисотый «BMW»... Так, по крайней мере, я думал раньше. То есть своего у меня никогда не было, но иногда я на нем ездил... А сейчас уж и не знаю... А у вас?

«Мерседес», парень. Класса S... Но не знаю, может, сменю его... Я теперь чувствую себя как будто моложе... Как только выйду отсюда, куплю себе красную «корветту»... Глупо, правда? Буду в ней как старый сивый лох...

Ну почему...

Да потому. Но мне насрать!.. Извините... Надо вести себя потише. Ведь все спят... Вы... ты, парень, однако же, не из этих...

В смысле?..

Ну, этих, которые тут спят, вы не отсюда...

Нет.

Вы лично ко мне пришли?

Да.

А зачем?

Я пришел вас навестить, у вас мое сердце.

...

Там... в груди...

...

...Его пересадили ...

Кажется, до меня начинает доходить... Я спугал клинику с тюрьмой...

Да, малость...

А! Ты тот самый студент-германист! Ты мой донор!
«Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.

...

Однако я при этом всё
Был и остался дураком.

...

В магистрах, в докторам хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет»¹.
Ну как? Нравится тебе?

Это?

Это Гёте!

Красиво... но я его, к сожалению, не знаю...

На лекциях ворон считал.

¹ Иоганн Вольфганг Гете, «Фауст», перевод Бориса Пастернака.

По правде, я даже не ходил.

Да я тоже учился так себе.

В вашем возрасте это уже незаметно.

Ах, если б ты видел, каким я был в молодости! Представь, я мог цитировать по памяти Гейне... Хотя он тогда был строго-настрого запрещен...

Поздравляю... Но и его я как-то упустил...

Тогда скажи, чем ты занимался.

Я угонял машины.

Господи боже мой... Будь добр, повтори...

Я угонял машины...

В школе?

Сначала только после уроков. А потом уже с самого утра...

Господи боже! Господи... Мое сердце... я не переживу... мое сердце... Что я несу... Не может же быть, чтобы я умер от разрыва сердца лишь из-за того, что это его сердце, и чтобы мое сердце не выдержало, узнав, что оно его сердце... Чувшь какая... прямо самоубийство какое-то... Ты правду говоришь?

В моем положении я не имею права соврать, если б и захотел. За этим следит моя собственная душа. Сказала, чуть что не так, только я захочу вильнуть, она тут же меня покинет.

Сердце... душа... И это немецкая клиника? Ты какие крал?

В основном... в основном немецкие...

Ага! То-то! И вот что я скажу тебе, сынок: и правильно делал! Ты парень с головой! Да что тут говорить. Молодец! Если бы ты угонял французские, мне с тобой было бы не о чем разговаривать. Боже правый! Чтоб у меня в груди билось сердце похитителя «пежо»!..

...Двести шестого...

Точно... Или...

...«Ситроена саксо»...

С языка у меня сорвал! Я бы сторел со стыда. Перед самим собой. Да...

Раз или два пользовался, было дело, но только как средством передвижения. Потом мы их сразу бросали с ключами в замке зажигания... Ну, понимаете, берешь только чтобы подъехать туда, где стоит какой-нибудь семисотый или, на худой конец, «пассат»...

Я тобой горжусь. Чувствую, как у меня сердце радуется... Какая, в сущности, разница — сделать филологический анализ Гёте или дёрнуть «BMW», несмотря на все его чудесные средства защиты...

Ну, знаете... все-таки... Мне кажется, пересадка оказала определенное влияние на то, что ваш ... Гёте и «мерседес G»... как бы перемешались у вас в голове...

Ничего страшного, парень, это все ерунда ... Вот если бы я Хайдеггера перепутал с «хёндаём»... Кроме того, я

чувствую, как горячит меня твой юный пульс, чувствую, что мог бы встать и делать то же, что недавно делал ты: грешить, а то и совершить преступление из любви к немецкой автомобильной промышленности!

Мне бы не хотелось, чтобы мое сердце сгнило в тюрьме по вашей милости... Может, оно было и не самое умное, но и не такое уж плохое...

...Наверное, меня немного занесло... А вот кстати... извини, как тебе без него?

Как-то пустовато внутри.

Ты говорил, у тебя там еще душа.

Да, но душа — это, кажется, другое. Моя бабка никогда не молилась за сердце деда, только за его душу, вроде бы душа была все же чуть-чуть важнее...

И благодаря ей ты сейчас жив? Без сердца?

Вроде да. Во всяком случае, она так утверждает.

Да, вы, славяне, всегда были странные... Разговариваете с духами, пардон, с душами, точно какие-нибудь индейцы или цыгане, с душами, с духами предков... А потом вас губит любовь к немецкому автопрому...

Я и американский люблю, но трудно получить визу. Да и что там делать с краденной машиной? В лучшем случае перегнать в Мексику. А вообще-то, возвращаясь к теме, — откуда вы знаете, что души нет и что она не отзовется, если вы, прошу прощения, кого-нибудь кинете, — может, она постоянно к вам взывает, да вы ее не слышите? Ну?

Ах, молодость... романтическая, и порывистая, и бескомпромиссная... Я сам таким был...

Тоже автомобили?

Тогда было другое время. Автомобилей было немного, но большие дела делались не только в автомобильной промышленности. Например, авиация. Взять хоть «Ю-87».

Что?

Sturzkampfflugzeug, еще стучит так...

А... Да, знаю, бабушка часто их вспоминала...

Тот звук, верно? Тот звук...

Да, точно... Что это было?

Гений, гений немецких конструкторов! Под крыльями мы прикрепляли пищалки, вроде тех, что в органе, и когда самолет пикировал, они звучали почти как Вагнер!

Да, как орган... орган в костеле, да, бабка рассказывала, что все крестились каждый раз, как на мессе, потому что «юнкеры» были намного хуже, чем «мессершмиты 109». Сто девятое только стреляли. Четыре пулемета калибра 7.92, однако послабее будут, чем три плюс тыща кило бомб плюс, как вы сказали, этот Вагнер...

Да-а-а-а. Но «Эм сто девятый» — это массовое производство, целые серии удачных моделей... Если мне память не изменяет, свыше тридцати тысяч машин. Очень удачная конструкция, легко поддающаяся модернизации. Как «гольф» — первая модель, двойка, тройка, четверка...

Во всяком случае, бабка вспоминала, что, когда летел «Эм», достаточно было спрятаться, чтоб тебя нельзя было разглядеть, а когда «юнкерс» пикировал мордой вниз, то пощады не жди...

Что еще она вспоминала?..

Что вы были щеголи.

А еще что?

Как развевались белые кашне, когда вы ехали на своих «фольксвагенах-кюбелях». Бабка никогда раньше не видела белых кашне...

Это мы, наверное, ехали на Восток. Туда, где вечные снега, и кашне должны были служить маскировкой...

Вы сидели, расправив плечи, а они развевались на ветру... это она запомнила...

А что еще?

Да много, много чего, но я невнимательно слушал, теперь жалею. Не слушал, потому что мысли крутились вокруг угона автомобилей. Наверное, если бы я ее послушал, все сложилось бы по-другому...

Жалко... Я бы хотел, чтоб у меня были воспоминания... Кое-что я помню, но не уверен, было ли это на самом деле.

Тут гость начинает медленно укладываться рядом с лежащим на постели. Лежащий отодвигается, давая ему место. К концу оба лежат, прижавшись друг к другу.

А потом бабка говорила, что, когда вы уже возвращались с Востока, щегольство с вас соскочило.

Ну что ж...

Кур крали.

О, нет! Кур крали русские!

Бабка говорила, сначала вы крали, а русские уже потом — тех, что остались.

В голове не укладывается... кур...

Разница была в том, что русские варили с перьями, а вы ощипывали.

Вот, все-таки...

В смысле приказывали ощипывать бабке, тыча в нее пистолетом...

Я сожалею, но ты должен понять: русские были уже близко...

...Поэтому бабушка вас простила. Даже жалела вас. Такие щеголи в ту сторону, говорила, а в обратную будто бездомные какие...

Золотые слова, золотые слова, ужасно неприятно, совершенно не по плану...

...Но русских она тоже жалела. Говорила им: это есть кура. У куры есть перья, и сначала их треба вырвать. Но они ее даже не слушали, торопились очень. Забирали курицу, шли на Запад и прямо на марше передавали ее из рук в руки. Потом приходили другие, и еще, и еще...

...И еще, и еще, они выныривали из-за горизонта, и нам начинало казаться, что они бессмертны, что в их ря-

дах никто не падает, наоборот, встают всё новые, и кое-кто из наших сходил от этого с ума...

...А когда кончались наручные часы, они забирали настенные, с кукушкой и маятником, и несли на спине, как вещмешки, и шли вслед за вами...

...Мы чувствовали их дыхание в ледяном воздухе. Оно отдавало сырым куриным мясом.

...И луком — так говорила бабушка...

...Ворованным, заметь, луком...

...Скорее всего...

...Их грузовики «ГАЗ шестьдесят семь Б» гнались за нашими «фольксвагенами-кюбелями»...

...У первых от силы двадцать пять лошадиных сил, а у вторых пятьдесят четыре...

...Но не забывай про вес! Вес! У русского «ГАЗа» тысяча двести двадцать килограммов, а у нашего едва шестьсот тридцать...

...Ну и еще объем! У «ГАЗа» двигатель почти три с половиной литра! Бензиновый!..

...Да, чистая правда: к энергетическим ресурсам они относились точно так же, как и к людским...

...Ведь «ГАЗ» сжигает столько же, сколько эти их космические корабли...

Я могу немного подвинуться.

Не надо, так хорошо.

А одеяло? Нормально?

Нормально. Тепло.

Да, лето на дворе.

Середина лета, скоро начнет светать.

Будет день.

Нам надо поспать, пока он не наступил.

Да. Надо.

Конец

Магда Фертач

АБСЕНТ

Подлинная жизнь отсутствует.
Мы пребываем вне мира
Артюре Рембо. «Одно лето в аду»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КАРОЛИНА,	супер
МАТЬ,	не супер
ОТЕЦ,	не супер
ПОЧТИ МУЖ,	почти супер
РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ,	супер
ХРОМОЙ ПЕС,	супер

АКТ ПЕРВЫЙ

Крематорий. КАРОЛИНА мертва. Она покончила с собой в день собственной свадьбы.

Сцена первая

ПОЧТИ МУЖ.

ПОЧТИ МУЖ. Мать твою, ну я влип. Трындец. Дала прикурить, сука. Вылетела девочка в трубу... Фьють. Бесит. Ясно? Ничего удивительного, что я сорвался. Не привык к такому... Потому меня и выбесило. Я себя не контролировал. Вообще. Понимаешь? Ждал внизу. «Уже иду...» Так? Кто это сказал? Идиот... Пусть ждет. Так ведь? Я что, похож на тех, кто любит погорячее? А? Похож? Дождь шел. Возле машины — огромная лужа. Я припарковался около дыры в асфальте. Зол был... повсюду вода... И сколько можно ждать? Захлопнул дверцу машины. Резко. Обычно я так не делаю. Не хлопаю дверцей... Но звук раздался странный, как будто кто-то запустил медузой в стену. Неплохой получился звук. Такое чпок...чпок. Два бита. Я не врубился. Что-то упало на заднее стекло. Лил дождь. Это могло быть огромное птичье говно, дождь лягушек... Не знаю... Что угодно. Насыпал себе кокса. Меня трясло. Обычно я так не делаю... Чувствовал: что-то не так. Удивлена? Да, я чувствовал: что-то не так. Но подумал, что ты сейчас спустишься, и все будет о'кей. Девочка что надо. Она справится. Втянул порошок. На правой руке на большом пальце у меня была размазана кровь. Улыбка. Легкая, какую видно только с очень близкого расстояния... пони-

маешь, да? Парень смотрит на некий предмет, принадлежащий его кошечке, и делает так (*показывает*). И мы уже знаем, что с ним происходит, и даже если в следующей сцене он начнет ее бить, нам будет ясно, что он ее любит. Я облизал палец. Я правда тепло о тебе подумал. Слышишь? Увидел в зеркальце. Нечто. Лежало на заднем стекле. Какой-то поганый кусок чего-то. Я взбесился. Понимаешь, тачка была только что из мойки. Сверкала, как новенькая. Все как положено. Автоматическая мойка. Обработка воском. Воздушные шарики, ленточки... Какие-то говенные погремушки на бампере... Клево, да?.. Ты меня переоценила, солнышко. Но красиво... Яркий заводной гиппопотам. Размахивающий лапами. От одной стенки ванны до другой. Ванна, сука... а не морской волк. Понимаешь? Я влип. Влип. Знаешь, что это было? Ты знаешь. Кусок мяса. Человеческого мяса. Понимаешь? Какой-то долбаный жалкий *ошметок* невесты. Остановись мгновение, а? Пойду на улицу и маме назло отморожу себе уши — вот тогда узнаете. И это называется «погорячее»? Да? А ты, дурак, живи с этим. Мы ведь заключили договор? Ты знал. Я не знал!!! Даже не сразу тебе поверил. Прикалывается, подумал. Ну и пусть прикалывается. Я готов участвовать. Если делать, то по-большому... Можно запихать в себя кучу разного дерьма, а потом просто отряхнуться и пойти, да? Отряхнуться и пойти... Я помню, как впервые закурил косячок... маленький еще был. Одиннадцатилетний пацан. Блевал, как кот. Делал вид, будто мне понравилось. Со временем блевать перестал. Начинает нравиться, потом втягиваешься. И наконец начинаешь ловить кайф. Play, любимая. Play. (*Включает кассету с записью Каролины.*)

Запись КАРОЛИНЫ.

Ты удобно сидишь? Плачешь? Наверное, нет... Ты уже знаешь, что произошло. Я еще не знаю... По-разному бывает. Правда? Ты думаешь, это большой облом, да? Вооб-

ще-то, я рассчитывала, что тебе понравится. Уверена, ты досмотришь до конца. Конец будет потрясающий. Только не выключай. Обещаешь? Боже, как серьезно это звучит. Идиотически. Я сваяла дурака. Все это ни к чему... *(Выключает камеру, потом снова включает.)* У нас еще два дня. Целых два дня. Я не могу спать. Наверное, ты не заметил. Тебя беспокоили мои мешки под глазами. Конечно, это некрасиво. Выглядишь, как мои клиентки. Так ты сказал. Хреново... С самого рождения нам хреново. Когда мы рождаемся, получаем котомку с жизнью. Это как сумка с запасом еды. Каждый день продуктов становится меньше. Моя сумка лопнула в момент рождения. Жизнь причиняет боль. Дефицит серотонина? Возможно...

Сцена вторая

КАРОЛИНА и МАТЬ.

МАТЬ. Доченька моя. Доченька. Ох, какой тут сквозняк устроили. Вставай, я тебя забираю. Домой. Домой, девочка. Отец очень хотел прийти, но ты знаешь — он работает и работает. И еще наслушался этих глупостей. Ну, что ты сама и все такое. Я ему говорила, чтобы не слушал, что люди болтают. А он мне — такой стыд и так далее.

Знаю, дорогая, ты бы нас не опозорила. Нужно закончить церемонию. Извиниться перед гостями. Еду я убрала на холод, так что ничего не испортится. Платье отстираем, красное не годится для свадьбы. Я говорила, что это плохая идея. Свадьба осенью. Погода все время меняется. Не угадаешь с этой погодой. И дождь пошел. Я была права. Ну, вставай. Пусти-ка, я уверена, что бьется. Ну! *(Прижимается головой к сердцу Каролины.)*

КАРОЛИНА. С другой стороны, мама.

МАТЬ. А ты опять за свое. Как с другой? С левой.

КАРОЛИНА. С правой, мама. С правой.

МАТЬ. С левой, милая. С левой.

КАРОЛИНА. Когда я родилась, ты не хотела верить. И сейчас, спустя столько лет, не веришь.

МАТЬ. У тебя слабое сердце. Знаю. Ты болела. Долго болела.

КАРОЛИНА. Не веришь.

МАТЬ. Так не бывает. Не бывает.

КАРОЛИНА. У твоей дочери — именно так.

МАТЬ. Если ты вобьешь себе что-то в голову, тебя не переубедить. Как твой отец говорит: ослица.

КАРОЛИНА. Отец много чего говорил. Не кричал. Даже когда надорвал мне ухо, он не кричал.

МАТЬ. Ну, насчет уха ты выдумываешь. Где-то во дворе свалилась с турника и рассказываешь небылицы. Вот тут шрам. Почти незаметный. Волосами закроешь. Так тебе даже лучше. Чтобы волосы на лицо. Дай я тебя причешу.

КАРОЛИНА. Ты меня так причесывала.

МАТЬ. У тебя красивые волосы. Здоровые.

КАРОЛИНА. Я лежала в ванне.

МАТЬ. Лань. Прекрасная лань.

КАРОЛИНА. Ты смотрела на мои округлившиеся груди и сказала, что я красива, как лань. И чтобы я берегла свою красоту.

МАТЬ. Я так сказала?

КАРОЛИНА. Я вернулась с каникул. Призналась, что лишилась невинности. Не знаю, зачем я тебе об этом сказала. Думала, будет как в семейном фильме. Мы часто такие смотрели. Мать обнимала дочь и говорила ласковые слова. А потом они вместе покупали контрацептивы. Я хотела, чтобы так было.

МАТЬ. Американские фильмы хорошие. Я всегда плачу. Всегда плачу. Это потому, что на английском.

КАРОЛИНА. Ты дала мне пощечину.

МАТЬ. Так делают в фильмах.

КАРОЛИНА. Было больно.

МАТЬ. А кто теперь тебя захочет?! Даже хромой пес не позарится!

КАРОЛИНА. Был кое-кто, кто хотел.

МАТЬ. Такой тощий, оборванец.

КАРОЛИНА. Мы сидели, закрывшись в комнате, а ты готовила нам бутерброды. Входила без стука. Хотела застать нас врасплох. Зачем? Ты думала когда-нибудь о том, что было бы, если бы ты нас застукала? Мои раздвинутые ноги и его голый зад. Зачем, скажи? Ты думала: моя дочь — настоящая шлюха.

МАТЬ. Я готовила бутерброды. С сыром и помидорами. Немного соли.

КАРОЛИНА. А ты? Ты любила отца?

МАТЬ. Конечно! Любила. Стирала ему столько лет, готовила. Боже, чего я ему только не готовила. Прием на шестьдесят персон. Все в той крохотной кухоньке. Но я справлялась. Заливное из рыбы, свинина со сливами, запеченная картошка, горящее мороженое. Когда был на диете — отварная рыба, овощи, черный хлеб.

КАРОЛИНА. Я нашла твои письма.

МАТЬ. Какие письма?

КАРОЛИНА. В шкафу под одеждой. Старые письма, перетянутые красной лентой.

МАТЬ. Они ничего не значат.

КАРОЛИНА. Кто тебе их писал? Не отец.

МАТЬ. Прыщавый... Он писал мне стихи. Смешно, я забыла об этом.

КАРОЛИНА. «Я сохну от тоски, считаю дни, как твои родинки. День цеплялся за ночь, словно мои пальцы...»

МАТЬ. «... Лепившие тебя заново... И если бы ты не сбежала...»

КАРОЛИНА. И если бы ты не сбежала...

МАТЬ. Глупости! Лепившие... Ерунда какая-то.

КАРОЛИНА. Ерунда.

МАТЬ. Я отца любила, с отцом жила, отцу рубашки гладила.

КАРОЛИНА. У тебя есть родинки?

МАТЬ. Кажется, есть несколько.

КАРОЛИНА. Я не знаю твоего тела. Если бы нужно было тебя нарисовать, я бы изобразила тебя в коричневой юбке и бежевой блузке. Так я рисовала тебя в детском саду. Больше ничего не знаю.

МАТЬ. А что, я должна была голой расхаживать по дому?

КАРОЛИНА. Ты боялась, что я увижу глаза отца. Он уже на тебя так не смотрел. Тебе нечего было бояться... Ляг рядом. Иди сюда.

МАТЬ. Когда я в последний раз так лежала... Столько беготни. Как белка в колесе.

КАРОЛИНА. У тебя родинка точно там же, где у меня. Под левой сиськой. Раз, два...

МАТЬ. Тридцать четыре... Но сейчас новые появляются. Другие. Больные. На руках. Вот тут, смотри, их много.

КАРОЛИНА. У тебя красивое тело.

МАТЬ. Старое.

КАРОЛИНА. Но красивое. Груды довольно упругие. Я тебя не слишком изуродовала.

МАТЬ. Ты все время сиську сосала... Не орала, как другие дети. Болезненная была. Со слабым сердцем. Спокойная такая. Комочек.

КАРОЛИНА. Ничего не помню. Да и как помнить, если тебя никогда не было рядом.

МАТЬ. Все время на ногах. Столько беготни, дел. А ты не жаловалась.

КАРОЛИНА. Ты осталась одна, мама. Папа есть, но его как будто нет.

МАТЬ. Он есть. Есть. Я рубашки глажу, готовлю. О боже, как давно ко мне никто так не прикасался. Помасируй еще.

КАРОЛИНА. Тут?

МАТЬ. Правее.

КАРОЛИНА. Ты осталась одна. Я не помогу тебе в старости.

МАТЬ. Массируй, массируй, девочка.

КАРОЛИНА. Наверное, это из-за сердца с правой стороны.

МАТЬ. Опять за свое. Ты опять за свое... Как хорошо. У отца пальцы не такие нежные.

КАРОЛИНА. Почему ты от него не ушла?

МАТЬ. Все, что я делала, делала для тебя.

КАРОЛИНА. Не стоило. Видишь, это не окупилось. Я все равно не осталась бы с тобой. Отдала бы тебя в дом престарелых. Грустно, правда? Иди уже и дай мне уйти.

МАТЬ. Не останавливайся. Массируй. Не уходи.

КАРОЛИНА. Слишком поздно, мама.

МАТЬ. Ты посчитала? Посчитала родинки.

КАРОЛИНА. Сорок восемь.

Сцена третья

МАТЬ и ОТЕЦ.

МАТЬ. Что будем делать? Ведь это позор.

ОТЕЦ. Это твоя дочь. Позор. Дикарка. Такую свинью нам подложила.

МАТЬ. Придумай что-нибудь.

ОТЕЦ. Выпишем свидетельство. Авария.

МАТЬ. Так нужно. Так будет хорошо.

ОТЕЦ. Сердце у нее было слабое. Не будет проблем. Сердечный приступ или что-то в этом роде.

МАТЬ. Ну да, эмоции. Правдоподобно — сердечный приступ в такой день.

ОТЕЦ. Я поговорю с врачом. Благодарность и все такое. Я это улажу. Наш дом, наши обычаи.

МАТЬ. I love you.

Сцена четвертая

КАРОЛИНА, МАТЬ, ОТЕЦ.

КАРОЛИНА. Палы-выры папа! Палы-выры мама!

ОТЕЦ. Попалась.

МАТЬ. Я не хочу. Ты опять пил.

ОТЕЦ. У меня очень ответственная работа. Мне нужно расслабляться. Я пью, потому что тогда лучше соображаю.

МАТЬ. Убери руки!

ОТЕЦ. Красавица моя!

МАТЬ. Не трогай меня. Я сегодня не могу.

ОТЕЦ. Ты никогда не можешь.

МАТЬ. Я глажу рубашки.

КАРОЛИНА. Мама, позволь ему, иначе я не рожусь.

ОТЕЦ. Она дело говорит. Покажи сиськи.

КАРОЛИНА. Люди на таких ответственных постах говорят «грудь», папа.

ОТЕЦ. У нее выросли сиськи. Сиськи — это сиськи.

МАТЬ. Племенной бык!

КАРОЛИНА. Начнет бодаться!

МАТЬ. О боже! И что нам делать?

ОТЕЦ. Залетела?

МАТЬ. Залетела. Говорила: мне нельзя.

КАРОЛИНА. Ты родишь меня, мама.

ОТЕЦ. Мы поженимся. Я куплю тебе новое платье.

КАРОЛИНА. Мы будем жить в городе.

ОТЕЦ. Все устаканится.

КАРОЛИНА. Будет хорошо, мама...

МАТЬ. Тихо... Смотри, какая она маленькая в этой кровати.

ОТЕЦ. Страшно бледная.

МАТЬ. Какая-то холодная.

ОТЕЦ. Оттуда дует.

МАТЬ. Глаза закрывает.

ОТЕЦ. Спит?

МАТЬ. Засыпает...

Сцена пятая

Запись КАРОЛИНЫ.

Вчера я пошла сдавать кровь. Ты знаешь, как я этого боюсь. Теряю сознание от одной мысли об игле, воткнутой в вену. Пол-литра крови. Она будет течь в чьем-то теле. Жизнь... Я очень боюсь, ты знаешь. Чертовски. Ведь если я умру, то, наверно, вместе со мной умрет все, что я делала...

Я вызываю жалость, да? Ну и пусть. Не могу преодолеть боль, не могу есть, не могу отдаваться, не могу рано вставать. Это тело меня подставило. Не выполняет основных функций. Поэтому лучше от него избавиться. Ты меня видишь, правда? Я страдаю от того, что слишком хорошо видна. Я — чистой воды декорация.

Однажды, когда ты спал, мне захотелось откусить кусочек твоего уха. Может, тогда я что-то почувствовала бы... Ты проснулся, чтобы отлить. Я не успела насладиться ощущением такой близости... Расстройство личности? Возможно.

Ты еще там? Надеюсь, я тебя не загрузила. Я обещала тебе, что будет круто, но это потом... Пока я застыла без движения. Двигается всё, что рядом. Очень быстро. Я чувствую, как начинаю разлагаться. Изнутри. Гнию. Поэто-

му мне необходима очищающая сила огня. Помни! Ты обещал.

Сцена шестая

КАРОЛИНА и РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Сюрприз!

КАРОЛИНА. Ты меня напугал.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Не вовремя.

КАРОЛИНА. Я знала, что ты появишься.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Как я выгляжу?

КАРОЛИНА. Как настоящий мужчина.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Хорошо пошит?

КАРОЛИНА. На тебе сидит отлично.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. А сзади?

КАРОЛИНА. Идеально.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Завтра мой великий день.

КАРОЛИНА. Завтра твой великий день.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Первый рейс.

КАРОЛИНА. Первый полет.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Важный экзамен.

КАРОЛИНА. Первая работа.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Первая женщина.

КАРОЛИНА. Не женщина. Еще не женщина.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Еще не женщина... У меня получится?

КАРОЛИНА. Все будет... красиво.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ (*протягивает ей руку*). А что тут, видишь?

КАРОЛИНА. Я не умею читать по руке.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Постарайся. Для меня...

КАРОЛИНА. Ты будешь не такой, как все. Лучше.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. А линия жизни?

КАРОЛИНА. Я не знаю, какая из них...

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Может, ее нет?

КАРОЛИНА. Есть... Знаешь, хорошо, что ты существуешь.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Ты струсила...

КАРОЛИНА. Я не люблю детей.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Меня бы ты полюбила. У меня твои глаза.

КАРОЛИНА. Зеленые?

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Зеленые. Приятный, теплый зеленый оттенок.

КАРОЛИНА. Ты забрал их у меня.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Ты забрала их у меня...

КАРОЛИНА. Тихо...

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. У меня твои губы.

КАРОЛИНА. Отдай...

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Ну конечно... Отдай!

КАРОЛИНА. Иди уже.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Не пойду.

КАРОЛИНА. Уходи! Пожалуйста...

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Перестань меня звать.

КАРОЛИНА. Ты сам возвращаешься.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Если бы ты меня родила, забыла бы обо мне. Отпусти меня.

КАРОЛИНА. Я заберу тебя с собой в печь.

Сцена седьмая

КАРОЛИНА и ОТЕЦ.

ОТЕЦ. Ослица.

КАРОЛИНА. This is my father.

ОТЕЦ. Прости! И маму тоже прости. Всех нужно простить.

КАРОЛИНА. Я не оправдала ваши надежды. Все труды кошке под хвост.

ОТЕЦ. Хорошо, я громко прошу прощения. Слышишь?

КАРОЛИНА. Где моя милая дочка?

ОТЕЦ. Отпечатков моих рук не видно.

КАРОЛИНА. Ты слепил меня из собственных слабостей.

ОТЕЦ. Избалованный единственный ребенок... Да... Надежды не оправдались.

КАРОЛИНА. Ты, если прикасаешься, только ранишь. Иначе не умеешь.

ОТЕЦ. Разочарование. И все. Мне больше нечего сказать.

КАРОЛИНА. Не уходи! Потанцуем, папа! Помнишь? Ты брал меня на приемы.

ОТЕЦ. Мы веселились. В приличном обществе. Только важные люди.

КАРОЛИНА. Все самое лучшее.

ОТЕЦ. Для тебя.

КАРОЛИНА. Лишь бы подальше от нее.

ОТЕЦ. Я был гордый. А с матерью — стыдно.

КАРОЛИНА. Она не знает иностранных языков.

ОТЕЦ. Она говорит «ложить».

КАРОЛИНА. Не бреет ноги.

ОТЕЦ. У нее воняет изо рта.

КАРОЛИНА. Она не закрывает дверь в ванную.

ОТЕЦ. У нее в доме не было туалета. Все в доме ссали в ведро в сенях.

КАРОЛИНА. Я помню бабушку. У нее были длинные волосы. Белые.

ОТЕЦ. Ее мать. Бедолага. Стыда не оберешься. Я пробовал договориться, чтобы ей поставили зубные протезы, но не успел.

КАРОЛИНА. Она приезжала только на праздники. Шепелявя, пела «Христос родился». Мы не пели колядок.

ОТЕЦ. Наш дом, наши обычаи.

КАРОЛИНА. Твои обычаи... Ты помнишь мишку? Со значком «Солидарность». Ты хранил его в ящике. Я не знала, что это значит. Положила мишку под елку. Получила по заднице перед первой звездой.

ОТЕЦ. Нельзя копать в ящиках родителей.

КАРОЛИНА. Ты сажал его на видное место, когда приходил один Дядя. Прятал в ящик, когда приходил другой Дядя.

ОТЕЦ. Очень опасный МИШКА.

КАРОЛИНА. Я хотела его получить от Деда Мороза, потому что он был твой.

ОТЕЦ. Всеу свое время.

КАРОЛИНА. Бабушка умерла не в свое время.

ОТЕЦ. Ты маленькая была. Не помнишь.

КАРОЛИНА. Мама плакала. Говорила, что без священника — не похороны. Ты ее напоил водкой и уложил в постель. Мы спали все вместе. Я между вами. Благодарил бабушку за то, что она умерла. Я была счастлива. Думала: мой папа — настоящий волшебник. Ты гладил меня по голове.

ОТЕЦ. Сзади на шее у тебя был такой светлый пушок.

КАРОЛИНА. Он у меня до сих пор есть.

ОТЕЦ. Я ушел на работу. Когда вернулся, ты уже стала большой.

КАРОЛИНА. У меня не выросла грудь, папа. Тебе нечего бояться.

ОТЕЦ. Ослица.

КАРОЛИНА. В мать.

ОТЕЦ. Вы совсем одинаковые. И вдруг тебя забрала какая-то болезнь, черт...

КАРОЛИНА. Я сама себе устроила смертельную болезнь.

ОТЕЦ. Чушь. Врунья. Слабый заморыш. Проваливай... Ну. Сгинь. Сгинь.

Сцена восьмая

КАРОЛИНА и ХРОМОЙ ПЕС.

ХРОМОЙ ПЕС. Это я.

КАРОЛИНА. Кто?

ХРОМОЙ ПЕС. Это я. Хромой пес.

КАРОЛИНА. Оборванец. Худющий...

ХРОМОЙ ПЕС. Я вернулся. Всюду искал девочку с сердцем с правой стороны.

КАРОЛИНА. Слишком поздно.

ХРОМОЙ ПЕС. Нет, не поздно.

КАРОЛИНА. У тебя уже нет ничего, что мне хотелось бы взять.

ХРОМОЙ ПЕС. Я найду кое-что другое.

КАРОЛИНА. Я не могу быть с тобой.

ХРОМОЙ ПЕС. Это я буду с тобой.

КАРОЛИНА. Я уже не хочу детей.

ХРОМОЙ ПЕС. Я хромой и бесплодный. Один очень... очень злой доберман отгрыз мне яйца.

КАРОЛИНА. Ты отомстил?

ХРОМОЙ ПЕС. Отшворил его суку.

КАРОЛИНА. У тебя был оргазм?

ХРОМОЙ ПЕС. Нет. Я должен любить...

КАРОЛИНА. ...чтобы испытать оргазм... Я должна тебя убить.

ХРОМОЙ ПЕС. Убей.

КАРОЛИНА. Если бы была жива, я бы тоже тебя убила.

ХРОМОЙ ПЕС. Я загрыз бы тебя от любви.

КАРОЛИНА. Я заморю тебя голодом. О'кей?

Сцена девятая

КАРОЛИНА, МАТЬ, РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ.

МАТЬ. Оборванец. Что он с тобой сделал. Тебе нужно учиться.

КАРОЛИНА. Мы любим друг друга, мама.

МАТЬ. Он оставляет засосы. Позор.

КАРОЛИНА. Ты здесь?

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Здесь.

МАТЬ. Такая молодая, такая маленькая. Мы что-нибудь придумаем.

КАРОЛИНА. Я боюсь.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Я сам рожусь.

МАТЬ. Убирайся туда, откуда взялся.

КАРОЛИНА. Не гони его.

МАТЬ. Слышишь! Прочь!

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Я позову папу.

КАРОЛИНА. Кричи, кричи, пока не поздно.

МАТЬ. Сколько ты хочешь?

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Сколько? Много.

КАРОЛИНА. Мама!

МАТЬ. Не бойся, Каролинка. Ни о чем не беспокойся. Поспи, а мы тут договоримся.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. За исчезновение и за молчание. Набегают приличная сумма.

КАРОЛИНА. Я не хочу!

МАТЬ. Тихо, не то отец услышит.

КАРОЛИНА. Папа ничего не знает?

МАТЬ. Это бабские дела. Оборванца это тоже не касается.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Внучок стоит денег. Сынок стоит денег.

КАРОЛИНА. Я тебя люблю.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Сентиментально.

КАРОЛИНА. Осел.

МАТЬ. Забирай бабло и проваливай.

КАРОЛИНА. Останься.

РЕБЕНОК В ЖИВОТЕ. Исчезаю.

КАРОЛИНА. Помогите...

Сцена десятая

ОТЕЦ, МАТЬ, КАРОЛИНА.

ОТЕЦ. Я хотел от всей души поблагодарить свою семью, которая была и будет для меня самым главным.

МАТЬ. Мы любим тебя.

КАРОЛИНА. Обними меня, папа.

ОТЕЦ. Я помню, как родилась моя дочь. Помню, как познакомился с ее прекрасной матерью. Всем, чего я достоин, я обязан им.

МАТЬ. Мы любим тебя.

КАРОЛИНА. Обними меня, папа.

ОТЕЦ. Карьера требует многих жертв, и только поддержка самых близких дает возможность подняться по служебной лестнице. Шаг за шагом. Ступенька за ступенькой.

МАТЬ. Bravo!

КАРОЛИНА. Обними меня, папа.

ОТЕЦ. И эту награду я посвящаю моей любимой жене и моей любимой дочке.

МАТЬ. Bravo!

КАРОЛИНА. Папа. Это я.

ОТЕЦ. Ослица.

КАРОЛИНА. Папа, не бей!.. Я зачешу волосы на лицо, и ничего не будет видно. Так хорошо, мама?

МАТЬ. Так тебе лучше.

ОТЕЦ. Нервы... Вы должны меня простить.

МАТЬ. Напейся и иди спать.

КАРОЛИНА. Возьми меня на руки, папа.

ОТЕЦ. Я напьюсь.

Сцена одиннадцатая

КАРОЛИНА и МАТЬ.

КАРОЛИНА. Это папа. Почему он лежит на земле?

МАТЬ. Он очень устал.

КАРОЛИНА. Опять? Почему он не лег в постель?

МАТЬ. Иногда люди так устают, что не могут дойти до постели.

КАРОЛИНА. Тогда я не хочу работать профессором. Не буду все время спать на полу.

МАТЬ. Глупая. Ты ничего не понимаешь. Человек должен так устать, чтобы не чувствовать, как ему тяжело.

КАРОЛИНА. Подожди, я помогу тебе.

МАТЬ. Тяни ботинки. Нужно его раздеть.

КАРОЛИНА. Мама, от папы воняет мочой.

МАТЬ. Тебе кажется.

КАРОЛИНА. У него мокрые брюки.

МАТЬ. Наверное, дождь был.

КАРОЛИНА. Смотри, тут что-то... Кажется, папу от этой работы стошнило.

МАТЬ. Несварение.

КАРОЛИНА. Мама, это страшно воняет.

МАТЬ. Возвращайся в постель. Я справлюсь.

КАРОЛИНА. Я тебе помогу. Мы умоем папочку и уснем все вместе.

МАТЬ. Ты — хорошая девочка.

Сцена двенадцатая

КАРОЛИНА, ОТЕЦ, МАТЬ.

ОТЕЦ. Congratulations!

МАТЬ. Поздравляем.

КАРОЛИНА. Поздравляю — у вас способная дочь.

ОТЕЦ. Диплом.

МАТЬ. Диплом — это очень важно. Я не смогла... Я так рада.

ОТЕЦ. Наша Маленькая Пани Магистр. Выпьем.

МАТЬ. Магистр — это очень важно.

ОТЕЦ. Выпьем за любимую доченьку.

КАРОЛИНА. Что дальше?

МАТЬ. Ты найдешь хорошую работу.

ОТЕЦ. Я поговорю кое с кем.

МАТЬ. Ты знаешь английский, тебя везде возьмут.

Англистка наша.

КАРОЛИНА. Мама, но я...

ОТЕЦ. Когда что-то хочешь, то и получаешь. Само с неба не упадет. Выпьем.

МАТЬ. Вся жизнь перед тобой. Выпьем.

КАРОЛИНА. Я хотела бы, чтобы жизнь была позади.

ОТЕЦ. Ослица.

КАРОЛИНА. Простите.

ОТЕЦ. Шанс. Не уппусти его. Всегда представляй себе, что перед тобой чья-то спина.

МАТЬ. Ты должна красиво одеваться.

ОТЕЦ. Не сдаваться. Чувствовать, как кто-то дышит тебе в спину. Бороться.

МАТЬ. В строгие платья. Черные и цвета слоновой кости.

ОТЕЦ. Наметить цель и пахать как лошадь.

МАТЬ. Хотя нет, черные — слишком мрачные. Темно-синие. Темно-синие намного лучше.

ОТЕЦ. Раны перевязать.

МАТЬ. Лицо напудрить. Губы яркие, решительные.

ОТЕЦ. Без улыбки, без смущения. На уровне.

МАТЬ. Ты должна проявлять инициативу.

ОТЕЦ. Амбиции.

МАТЬ. Аккуратность.

ОТЕЦ. Способность сопоставлять факты.

МАТЬ. Готовность к переменам.

ОТЕЦ. Асертивность.

КАРОЛИНА. Перестаньте!

Сцена тринадцатая

ПОЧТИ МУЖ и КАРОЛИНА

ПОЧТИ МУЖ. Ты одна?

КАРОЛИНА. Одна.

ПОЧТИ МУЖ. Может, ты не хочешь быть одной?

КАРОЛИНА. Очень не хочу быть одной.

ПОЧТИ МУЖ. Я с тобой останусь.

КАРОЛИНА. Поднимем тост.

ПОЧТИ МУЖ. За что?

КАРОЛИНА. За мой диплом.

ПОЧТИ МУЖ. Пани магистр, как я понимаю.

КАРОЛИНА. Пани магистр. Мое здоровье.

ПОЧТИ МУЖ. Ма-ги-стр. А что дальше?

КАРОЛИНА. Уйдем отсюда вместе.

ПОЧТИ МУЖ. Неплохо сказано... Но потом что? Какая-то работа? Карьера?

КАРОЛИНА. Не знаю. Сегодня я задаю вопросы, о'кей? Это мой праздник.

ПОЧТИ МУЖ. Спрашивай.

КАРОЛИНА. Я похожа на девушку, которую ты мог бы любить?

ПОЧТИ МУЖ. Как долго?

КАРОЛИНА. Идиот.

ПОЧТИ МУЖ. Шутка. Ты выглядишь многообещающе. Кажется, если у девушки маленькие уши, она хороша в постели.

КАРОЛИНА. Ну, дальше... Что ты еще обо мне думаешь?

ПОЧТИ МУЖ. Думаю, что мы встретились не случайно. Я всегда хожу в забегаловку по соседству. В этой никогда не был. А сегодня меня что-то толкнуло, и я зашел именно сюда. Это знак. Предзнаменование.

КАРОЛИНА. Ты всегда ходишь в эту забегаловку. Я

тебя знаю. Ты продаешь дурь возле нашего института. Я жду тебя здесь. Прихожу уже неделю и жду. В последнее время тебя не было. Я начала беспокоиться.

ПОЧТИ МУЖ. Один-ноль в твою пользу... Я был в Израиле.

КАРОЛИНА. По делам?

ПОЧТИ МУЖ. Развлекался.

КАРОЛИНА. А здесь нельзя?

ПОЧТИ МУЖ. Там прикольное. Веселишься и не знаешь, не последняя ли это вечеринка в твоей жизни. Одна бомба — и кранты. Знаешь, что там творится? Телки идут на все.

КАРОЛИНА. Ты похож на того, кто любит погорячее.

ПОЧТИ МУЖ. Поэтому ты меня тут ждешь?

КАРОЛИНА. Есть дело.

ПОЧТИ МУЖ. Я весь внимание.

КАРОЛИНА. Хочу купить год твоей жизни.

ПОЧТИ МУЖ. Оо... И за сколько?

КАРОЛИНА. За молчание.

ПОЧТИ МУЖ. Это шантаж.

КАРОЛИНА. Экстремальный спорт.

ПОЧТИ МУЖ. То есть?

КАРОЛИНА. Мне осталось жить год.

ПОЧТИ МУЖ. Ты больна?

КАРОЛИНА. Не имеет значения.

ПОЧТИ МУЖ. Но, понимаешь, если мы с тобой...

КАРОЛИНА. Ты ничем не заразишься.

ПОЧТИ МУЖ. И что бы мы стали делать весь этот год?

КАРОЛИНА. Быть вместе.

ПОЧТИ МУЖ. Почему я?

КАРОЛИНА. А почему нет?

ПОЧТИ МУЖ. Офигеть! Да ты трехнутая. Ищешь приключений?

КАРОЛИНА. Возможно. Согласен?

ПОЧТИ МУЖ. Я должен согласиться из жалости?

КАРОЛИНА. Нет. Из любопытства.

ПОЧТИ МУЖ. И когда мы должны начать?

КАРОЛИНА. Немедленно.

ПОЧТИ МУЖ. Тогда пошли ко мне.

КАРОЛИНА. Пошли.

Сцена четырнадцатая

Запись КАРОЛИНЫ.

Вчера позвонила маме. Изменила голос — не хотела, чтобы она меня узнала. Сказала: «Ваша дочь выбросилась из окна». — «Это какая-то ошибка», — ответила она. «Но я сочувствую матери, с которой это случилось. Да поможет ей Бог...» Я знала, что она не поверит. Да поможет ей Бог... Она так говорила мне. Целовала в лоб перед тем, как пойти в церковь. Это была тайна. Наш единственный общий секрет. Отец был коммунякой и не должен был знать... Я ходила в церковь только для того, чтобы иметь возможность пошептать с матерью... ИИСУС, Я ВЕРЮ В ТЕБЯ — надпись на картинке с ликом Христа. Я хранила ее в тетради. Красивый молодой мужчина с телом, несомненно, божественным, касался пальцем левой руки своего сердца, из которого исходили два луча света. Голубой и розовый. Из сердца мужчины. Я представляла, как меня обволакивает розово-голубой кокон. Дорисовала себя рядом... Часто думала об этом мужчине с картинки... Где он, что делает, какие ему нравятся женщины? Иисус, я верю в тебя... Я сохранила эту картинку... Где-то... Когда отец узнал про церковь, несколько дней с нами не разговаривал. Как нам было хорошо, пока он молчал. Мы делали вид, что страдаем, мама все время к нему подлизывалась, говорила, мы сделаем, как он хочет, но он должен понять. Я ждала какого-то страшного наказания. Но отец успоко-

ился. У меня пропало желание ходить в церковь. Мама больше не разговаривала со мной шепотом.

Сцена пятнадцатая

КАРОЛИНА и ХРОМОЙ ПЕС.

ХРОМОЙ ПЕС. Эй...

КАРОЛИНА. Привет...

ХРОМОЙ ПЕС. Привет... привет...

КАРОЛИНА. Ты плохо выглядишь.

ХРОМОЙ ПЕС. Я не сплю. Не ем. Не смотрю на тебя так долго, как мне бы хотелось.

КАРОЛИНА. Бедняга.

ХРОМОЙ ПЕС. Я потерял нюх. Не знаю, существуешь ли ты еще.

КАРОЛИНА. Существую.

ХРОМОЙ ПЕС. Это тянется слишком долго.

КАРОЛИНА. Когда недолго — не считается.

ХРОМОЙ ПЕС. Я слабею.

КАРОЛИНА. Угасаешь на глазах. Зачем ты вообще вернулся?

ХРОМОЙ ПЕС. Чтобы быть с тобой.

КАРОЛИНА. Тощий оборванец. Плохо, мой дорогой.

ХРОМОЙ ПЕС. Ты так не думаешь.

КАРОЛИНА. Мне пришлось очень постараться, чтобы справиться.

ХРОМОЙ ПЕС. Что я должен был сделать?

КАРОЛИНА. А чего ты не сделал?

ХРОМОЙ ПЕС. Эй, ну... перестань уже.

КАРОЛИНА. Ты мне должен деньги. За такие вещи должен платить мужчина.

ХРОМОЙ ПЕС. Ты так не думаешь.

КАРОЛИНА. Именно так и думаю. Я поговорю кое с кем. Как-нибудь мы это уладим.

ХРОМОЙ ПЕС. Ты оставишь меня?

КАРОЛИНА. Я еще тебя не взяла.

Сцена шестнадцатая,
которой, возможно, никогда не было.

ПОЧТИ МУЖ и ХРОМОЙ ПЕС.

ПОЧТИ МУЖ. Коллега.

ХРОМОЙ ПЕС. Старый знакомый.

ПОЧТИ МУЖ. Она говорила о тебе.

ХРОМОЙ ПЕС. Не думаю.

ПОЧТИ МУЖ. Довольно чистый, но слегка прихрамывает.

ХРОМОЙ ПЕС. Давайте договоримся.

ПОЧТИ МУЖ. Теперь я — хороший.

ХРОМОЙ ПЕС. Пусть так.

ПОЧТИ МУЖ. Я впускаю тебя на свой двор. На сколько времени?

ХРОМОЙ ПЕС. Я должен вернуть долг.

ПОЧТИ МУЖ. Долги разные бывают.

ХРОМОЙ ПЕС. На минутку.

ПОЧТИ МУЖ. А если тебе понравится?

ХРОМОЙ ПЕС. Мне не понравится.

ПОЧТИ МУЖ. Всякое может случиться.

ХРОМОЙ ПЕС. Не все — такие, как ты.

ПОЧТИ МУЖ. С ее руки и мое не воняет, а?

ХРОМОЙ ПЕС. Почему ты мне помогаешь?

ПОЧТИ МУЖ. Ты утонешь. У тебя это на лбу написано.

ХРОМОЙ ПЕС. Ты ничего не знаешь.

ПОЧТИ МУЖ. Сделаешь дело — и чтобы духу твоего здесь не было.

Сцена семнадцатая

КАРОЛИНА, МАТЬ, ОТЕЦ.

КАРОЛИНА упражняется с мечом тай-цзи.

МАТЬ. Смотри, что она делает.

ОТЕЦ. Мечом размахивает. Рожи корчит.

МАТЬ. Может, у нее что-то болит?

ОТЕЦ. Что, например?

МАТЬ. Ну, не знаю. Может, этот меч — чтобы нас?..

ОТЕЦ. Нас? Какая странная музыка.

МАТЬ. Мне это не нравится. Какая-то чертова секта.

ОТЕЦ. На что идут мои деньги?

МАТЬ. Она сказала, что запишется на танцы.

ОТЕЦ. Я готов ей на все давать. Но не на всякие чудачества.

МАТЬ. Она принесла кассету с каким-то косоглазым... дикарь. Я с ней смотрела. Я все смотрю. Он еще хуже корячился. Как-то так... И так... А потом так...

ОТЕЦ. Косоглазый? Японец?

МАТЬ. Да. Какой-то китаец. По счастью, не еврей. Надо запереть ее дома.

ОТЕЦ. Поговори с ней.

МАТЬ. Она говорит, что я ничего не понимаю.

ОТЕЦ. Запрет ее дома. Это пройдет. Супу сварю.

МАТЬ. I love you.

Сцена восемнадцатая

КАРОЛИНА и ПОЧТИ МУЖ.

ПОЧТИ МУЖ. Ты — моя женщина. Я наконец это понял.

КАРОЛИНА. Это признание?

ПОЧТИ МУЖ. Предложение.

КАРОЛИНА. Предложение?

ПОЧТИ МУЖ. Давай жить вместе.

КАРОЛИНА. Вместе.

ПОЧТИ МУЖ. Я протащился. От нас. Ну, понимаешь.

КАРОЛИНА. Мы поженимся.

ПОЧТИ МУЖ. Не обязательно. Можно без свадьбы.

КАРОЛИНА. То есть ты не хочешь, чтобы я была твоей женщиной.

ПОЧТИ МУЖ. Хочу, но не обязан бежать в загс.

КАРОЛИНА. К алтарю.

ПОЧТИ МУЖ. Ну или к алтарю. У нас есть время.

КАРОЛИНА. У нас нет времени. От свадеб не умирают.

ПОЧТИ МУЖ. Медленно к могиле.

КАРОЛИНА. Можно по-другому.

ПОЧТИ МУЖ. Не верю.

КАРОЛИНА. Попробуем. Ведь я — твоя женщина. Да?

ПОЧТИ МУЖ. Да.

КАРОЛИНА. Это предназначение. Так?

ПОЧТИ МУЖ. Так.

КАРОЛИНА. Мы будем жить вместе. Будем семьей.
Ты и я.

ПОЧТИ МУЖ. Я и ты.

КАРОЛИНА. Ты и я, будем по максимуму ловить кайф.

ПОЧТИ МУЖ. А это может быть прикольно.

КАРОЛИНА. Устроим пышную свадьбу. Купим платье,
много водки и кольца.

ПОЧТИ МУЖ. Золотые или серебряные?

КАРОЛИНА. Платиновые.

ПОЧТИ МУЖ. Я продам больше порошка — будет тебе платина.

КАРОЛИНА. По церковному обряду?

ПОЧТИ МУЖ. Гулять — так гулять. Конечно, по церковному! Я тащусь. Ты это неплохо придумала.

КАРОЛИНА. Дурачок.

ПОЧТИ МУЖ. Купим кофе-машину.

КАРОЛИНА. И нам больше не придется ходить в кафе.

ПОЧТИ МУЖ. Будем смотреть телевизор и заниматься любовью, погасив свет.

КАРОЛИНА. Я научу тебя заполнять почтовые, налоговые и банковские счета.

ПОЧТИ МУЖ. Супер. Ну так что, через месяц?

КАРОЛИНА. Ты согласен? Серьезно?

ПОЧТИ МУЖ. Согласен.

КАРОЛИНА. Осенью. Я люблю осень.

Сцена девятнадцатая

КАРОЛИНА, МАТЬ, ОТЕЦ.

КАРОЛИНА. Я съезжаю.

МАТЬ. Куда, Каролинка? Бросаешь мать?

КАРОЛИНА. Я буду жить с мужчиной в его квартире.

ОТЕЦ. Очередной сюрприз. У нас тебе плохо?

КАРОЛИНА. Я выхожу замуж.

МАТЬ. За этого оборванца, который тут крутится?

КАРОЛИНА. Не за него.

МАТЬ. А за кого? Он знает английский?

ОТЕЦ. Работа у него хорошая?

МАТЬ. У него высшее образование?

ОТЕЦ. У него есть квартира, значит, работает.

КАРОЛИНА. Работает.

ОТЕЦ. А где?

КАРОЛИНА. Он дилер.

ОТЕЦ. Дилер? Все, что пожелаете для носа и для вен.

МАТЬ. Наркотиками торгует? Но он не еврей?

КАРОЛИНА. Зарабатывает пару тысяч в месяц. Не еврей.

МАТЬ. Прилично. Ну да, с высшим образованием можно неплохо заработать. Я вот не смогла пойти учиться...

ОТЕЦ. Детей у школы уговаривает.

МАТЬ. В такой машине с черными стеклами. Ведь у него есть машина, правда?

ОТЕЦ. Какой марки?

КАРОЛИНА. «Субару».

ОТЕЦ. Японская. Хорошая. Дикари, но машины делают неплохо.

КАРОЛИНА. Секта.

МАТЬ. Мафия?

КАРОЛИНА. Сплошь лылые.

ОТЕЦ. А он того, ну... понимаешь...

КАРОЛИНА. Нет, он не ширяется.

МАТЬ. Умный мальчик. В церковь ходит?

КАРОЛИНА. Не ходит. Но брак у нас будет церковный.

МАТЬ. Значит, крещеный. А другие таинства проходил?

КАРОЛИНА. Одним махом, как все.

ОТЕЦ. Но дилер? Что он закончил?

КАРОЛИНА. Экономический.

МАТЬ. Значит, хорошо умеет считать.

ОТЕЦ. Эти дети... они сами хотят ширяться. Я в этом разбираюсь.

МАТЬ. Никто их не заставляет. Если просят — почему бы им не продать?

ОТЕЦ. А свадьба когда?

КАРОЛИНА. Через месяц.

МАТЬ. Осенью?! Ой, это нехорошо, с погодой может не повезти.

КАРОЛИНА. Это решено.

ОТЕЦ. Конечно, они сами просят, торчки. Руки тянут.

МАТЬ. Таким надо сочувствовать и помогать.

КАРОЛИНА. Так нужно, так хорошо...

Сцена двадцатая

Запись КАРОЛИНЫ.

Выше голову, эй, выше голову, возьми себя в руки. Пойдем, будем вместе лепить глиняных зверушек... Глупая рыжая красotka из психотерапевтического центра... Мы помогаем таким, как ты. ТАКИМ, КАК ТЫ. Ты неплохая. Поверь в себя. Это твой мозг свихнулся, не ты. Вопрос химии. Может, гены, отсутствие ценностей, веры в Бога. Мы тебя вытащим. Музыкаотерапия, релаксация, визуализация. Какого цвета твоя мать? Какого цвета ты? Отец? Другие люди? Вы все прозрачные. Я хочу вас увидеть. Умоляю... Я помню рыжие волосы той красивой бляди из центра терапии. Я сама согласилась. Это хороший знак. Я услышала. Это значит, что ты хочешь себе помочь. Я хочу. Хочу сама себе помочь. Я сказала, высыпая себе под язык пару порошков. От тебя. Спасибо, любимый. Ты знаешь, что мне нужно...

Сцена двадцать первая

КАРОЛИНА и ПОЧТИ МУЖ.

КАРОЛИНА. Сожги меня.

ПОЧТИ МУЖ. Сожги меня.

КАРОЛИНА. Я первая — значит, я выиграла. Обещаешь?

ПОЧТИ МУЖ. Обещаю.

КАРОЛИНА. Найдешь другую?

ПОЧТИ МУЖ. Одиночество — поганая штука.

КАРОЛИНА. Выбрось мои диски. Я не хочу, чтобы вы слушали мою музыку.

ПОЧТИ МУЖ. Мы не будем слушать твою музыку.

КАРОЛИНА. Вы должны переехать. Ее волосы в той же сеточке под душем. Это ужасно.

ПОЧТИ МУЖ. Ужасно.

КАРОЛИНА. И никогда ей обо мне не рассказывай.

ПОЧТИ МУЖ. Не буду.

КАРОЛИНА. Особенно — о том, почему ты со мной был.

ПОЧТИ МУЖ. Кстати... Почему я с тобой был?

КАРОЛИНА. Кстати. Почему?

ПОЧТИ МУЖ. Я начинаю тебя любить?

КАРОЛИНА. Я нашла хозяина.

ПОЧТИ МУЖ. Все складывается идеально.

КАРОЛИНА. А если ты будешь первым... Кто знает, что́ может случиться... Как ты думаешь, что я сделаю?

ПОЧТИ МУЖ. Найдешь другого. Одиночество — страшная штука. Вы можете слушать мои диски.

КАРОЛИНА. Тогда до завтра.

ПОЧТИ МУЖ. Пока.

Сцена двадцать вторая

МАТЬ, ОТЕЦ, ПОЧТИ МУЖ.

ПОЧТИ МУЖ. Я обещал.

МАТЬ. Чудачество.

ОТЕЦ. Тоже мне, философия. Выдумала себе. Экстравагантность.

ПОЧТИ МУЖ. Это уже становится нормальным. Никого не удивляет.

ОТЕЦ. Нас удивляет... Нужно идти в ногу со временем? Может, так?

МАТЬ. Наш дом, наши обычаи.

ПОЧТИ МУЖ. Она не хотела, чтобы ее тело сгнило в земле.

МАТЬ. Своими ногами должна идти к небу.

ОТЕЦ. На небо ее не пустят.

МАТЬ. Это был несчастный случай. Такая беда.

ПОЧТИ МУЖ. Трагическое стечение обстоятельств.

МАТЬ. Со священником нужно, по-христиански. Я уже мать с отцом похоронила. Без священника. Довольно.

ПОЧТИ МУЖ. Церковь — уже можно. Сожжение — можно.

ОТЕЦ. Это все происки черножопых. Все будет дозволено, лишь бы овечки не разбежались.

МАТЬ. Что значит — уже можно? А Иисуса почему не сожгли? Он бы тогда не смог восстать из мертвых. А если собрать вместе все такие мелочи?

ОТЕЦ. Кремация? Притом что на земле живут шесть миллиардов людей — может, это и неплохой выход.

МАТЬ. Ну и как тут свечку поставить? Как цветы положить? Вазу какую-нибудь. Елочку маленькую.

ОТЕЦ. После кремации тоже можно. Большое надгробие, маленькое, какое хочешь. Глупая баба.

ПОЧТИ МУЖ. Главное — память. Не памятники. Не нужно лицемерить.

ОТЕЦ. Ты ничего не знаешь. Молод еще. Дай родителям поставить на могилу лампадку.

МАТЬ. Ведь мы в каждый праздник, в каждое воскресенье... Нет, так нельзя.

ПОЧТИ МУЖ. Она хотела в горах. Я должен был развеять.

ОТЕЦ. Тоже мне, романтика.

МАТЬ. Язычество.

ПОЧТИ МУЖ. Очищающая сила огня.

МАТЬ. Нет, нет, нет, надгробие должно быть.

ПОЧТИ МУЖ. Тогда мы разделимся. С прахом я справляюсь, набил руку на порошках.

МАТЬ. Тут уж никак воскресение из мертвых не получится. Ноги здесь, руки там. Матерь Божья, кошмар какой-то.

ОТЕЦ. Дурная баба. Всю жизнь ничего не понимала. Будет печь. Будет памятник. Мы люди цивилизованные, договоримся. Выпьем.

ПОЧТИ МУЖ. Неплохая мысль. Может, недотестю охота попробовать дури?

ОТЕЦ. Ты что, думаешь, я никогда не пробовал?

ПОЧТИ МУЖ. Думаю, никогда.

ОТЕЦ. И я делал глупости, и я был молодым.

ПОЧТИ МУЖ. Ну так что — дури?

ОТЕЦ. А, давай... Я хотел чего-то достичь. Разве это плохо?

ПОЧТИ МУЖ. Не думаю. Зависит от того, что имеется в виду под этим «чего-то».

ОТЕЦ. Было непросто. Тогда даже медведи были опасными. Ты меня презираешь?

ПОЧТИ МУЖ. Не понимаю, о чем вы говорите. Отличный товар...

ОТЕЦ. Нужно помнить... Я помню. Не все должны быть героями. Без таких, как я, не было бы героев.

ПОЧТИ МУЖ. Ну, это тоже основание для гордости.

ОТЕЦ. Только перед собственными детьми стыдно. Не знают, презирают, плюют. Перед ними все двери открыты. Перед нами была открыта только одна.

ПОЧТИ МУЖ. Нам на такое насрать. Я никого о прошлом не спрашиваю. Я даже толком не понимаю, о чем уважаемый недотесть рассказывает. Если уж было так плохо — пулю в лоб, и все дела.

ОТЕЦ. Стоит только руку протянуть — и все твое. Весь мир открыт. А они лезут еще дальше. На ту сторону. Когда-то я это понял бы. Были причины. Я сам хотел. Хорошо говорить — пулю в лоб. Но...

ПОЧТИ МУЖ. Смелости не хватило?

ОТЕЦ. Не хватило.

ПОЧТИ МУЖ. А у дочери получилось.

ОТЕЦ. Вы могли быть счастливы. Все шло хорошо. Хорошо было. Мать уже такой красивый сервиз купила.

ПОЧТИ МУЖ. Не получилось.
ОТЕЦ. Ослица. Так что, мы кореша?
ПОЧТИ МУЖ. Пусть будет кореша.
ОТЕЦ. Обалденно.
ПОЧТИ МУЖ. Обалденно.

Сцена двадцать третья

Запись КАРОЛИНЫ.

Это окончание. Сейчас будет раздача наград. Я благодарю моих родителей, без них меня бы здесь не было. Не появился бы этот фильм. Благодарю папу за то, что убил маму и себя. Благодарю тебя, мама, за «Мануэлу» всегда в семнадцать ноль пять, благодаря ей я увидела, как ты плачешь. Спасибо за поддержку продюсеров, за всегда полный холодильник, накрахмаленное постельное белье и постоянные поступления наличными. Спасибо стилистам и сценаристам за помощь в обретении моего истинного лица, спасибо моей самой большой любви за то, что сумел смыться в подходящий момент. И вернуться в самый неподходящий. Без этого опыта моя роль была бы неправдоподобной. Спасибо режиссеру с божественным телом за то, что выбрал мне именно этот и не какой другой цвет глаз, за то, что согласился на дублерш в откровенных сценах. А еще я благодарю сама себя за столь удачный дебют... Грустно все это.

Нелеченый невроз. Смейся. Смейся. Аплодисменты... *(Выключает камеру, потом снова включает.)* Посмотри, я купила платье. Цветы. Ромашки. Чтобы заколоть в волосы. Все как положено. Белье. Красивое. Подожди. *(Выключает камеру, потом снова появляется изображение.)* Тебе нравится? Музыка? Есть. Осталось еще несколько минут. Сейчас ты войдешь в комнату. Скажешь, что гости ждут. Церковь полна народу. Где вы их всех взяли? Церемония...

Я слышу твои шаги... Слышишь? Быстрые, твердые, уверенные. Ты открываешь дверь...

Запись обрывается.

Сцена двадцать четвертая

КАРОЛИНА и ПОЧТИ МУЖ.

ПОЧТИ МУЖ. Ты готова?

КАРОЛИНА. Еще минутку.

ПОЧТИ МУЖ. Мы не можем опоздать на собственную свадьбу.

КАРОЛИНА. Ты видел меня в платье. Это к беде.

ПОЧТИ МУЖ. Предрассудки. Пошли.

КАРОЛИНА. Не понимаю, что происходит. Не могу шевельнуться.

ПОЧТИ МУЖ. Коксу? Держи, он поставит тебя на ноги.

КАРОЛИНА. Давай...

ПОЧТИ МУЖ. Лучше?

КАРОЛИНА. Лучше.

ПОЧТИ МУЖ. Идем.

КАРОЛИНА. Я знаю, что ты мне изменяешь.

ПОЧТИ МУЖ. Что?

КАРОЛИНА. Я видела вас.

ПОЧТИ МУЖ. Глупости.

КАРОЛИНА. Правда. А еще год не прошел. Ты говорил, что втрескался по-серьезному.

ПОЧТИ МУЖ. Какая разница! Все равно рано или поздно мы начнем друг друга обманывать.

КАРОЛИНА. Подтвердилось знание, впитанное с молоком матери.

ПОЧТИ МУЖ. Забудь о том, что ты видела. У нас все впереди.

КАРОЛИНА. Я хотела по-другому. Нельзя?

ПОЧТИ МУЖ. Нельзя... Не знаю.

КАРОЛИНА. Я хотела попробовать.

ПОЧТИ МУЖ. Гости ждут, священник.

КАРОЛИНА. Мне страшно.

ПОЧТИ МУЖ. Возьми себя в руки.

КАРОЛИНА. Люби меня.

ПОЧТИ МУЖ. Сейчас?!

КАРОЛИНА. Иди ко мне. Чувствуешь меня? Чувствуешь?

У КАРОЛИНЫ идет из носа кровь.

ПОЧТИ МУЖ. О, черт, у тебя кровь.

КАРОЛИНА. Оставь. Это из-за порошка. Иди. Я сейчас. Мне нужно умыться.

ПОЧТИ МУЖ. Я тебе помогу.

КАРОЛИНА. Иди.

ПОЧТИ МУЖ. Круто!

КАРОЛИНА. Круто и всмятку, любимый.

Сцена двадцать пятая

КАРОЛИНА и ХРОМОЙ ПЕС.

КАРОЛИНА. Ты выглядишь намного лучше.

ХРОМОЙ ПЕС. Все, как ты хотела.

КАРОЛИНА. Все, как я хотела... Теперь мы можем вместе уйти.

ХРОМОЙ ПЕС. Кое-что изменилось.

КАРОЛИНА. Ты не хочешь?

ХРОМОЙ ПЕС. Мне понравилось.

КАРОЛИНА. Я усну и проснусь в тебе.

ХРОМОЙ ПЕС. Тебя не было рядом.

КАРОЛИНА. Ты умирал от любви.

ХРОМОЙ ПЕС. Я — гей.

КАРОЛИНА. Врешь.

ХРОМОЙ ПЕС. Помнишь того добермана?

КАРОЛИНА. Ты меня обманул. Ты слишком слаб.

ХРОМОЙ ПЕС. Хромая дворняга.

КАРОЛИНА. Пойдем со мной. Мне не мешает то, что ты — ГЕЙ.

ХРОМОЙ ПЕС. Педики не попадают на небеса.

КАРОЛИНА. Тогда в ад.

ХРОМОЙ ПЕС. Я позвоню.

Сцена двадцать шестая

Запись КАРОЛИНЫ.

Кровь... Похоже на мак? Правда?

Удачное было совокупление. Да, черт возьми, совокупление. Спасибо тебе за то, что ты ко мне прикасался. Спасибо, что ждешь меня там, внизу, веришь, что я выйду, и как-нибудь все получится. Не получится...

Не будет хорошо... Все лучше, чем сейчас... Когда я вышла из магазина с платьем, ко мне подошла румынская девушка с маленьким ребенком на руках. Ну, знаешь, таких много крутится на улицах. Протягивала руку, хотела денег. У меня ничего не было. Все потратила на это чертово платье. Я должна ей его отдать. Она подсовывала мне ребенка, так близко, к лицу, к глазам. Я чувствовала тепло его дыхания. Он спал. Можно было передавать его с рук на руки, и ничто не потревожило бы его сон. Я протянула руку, хотела до него дотронуться, может быть, даже приласкать. Девушка крикнула что-то на своем языке, плюнула и отошла. Еще несколько раз оборачивалась и плевала через плечо, глядя на меня... Не будет хорошо. Я боюсь... Это твой клаксон, слышишь? Ты меня торопишь. Сейчас, дорогой, сейчас. Не выключай. Прости, что все так плохо организовано, как-то хаотично. Хуже, чем по телевизору,

да? Маленькая Каролинка не справилась ... Черт, как же мне страшно. Иди сюда ко мне наверх. Иди, обними меня... Возьми меня еще раз. Прикоснись.

Сцена двадцать седьмая

КАРОЛИНА и ПОЧТИ МУЖ.

КАРОЛИНА. Уже?

ПОЧТИ МУЖ. Уже. Примерно 900 градусов.

КАРОЛИНА. До скольких дойдет?

ПОЧТИ МУЖ. До 1500, наверно.

КАРОЛИНА. Как я выгляжу?

ПОЧТИ МУЖ. Превосходно.

КАРОЛИНА. У тебя есть с собой.

ПОЧТИ МУЖ. Кое-что есть, как всегда.

КАРОЛИНА. Насыпь.

ПОЧТИ МУЖ. Для тебя — все что угодно. Даже если пропадет втуне. (*Насыпает дорожки порошка. Они втягивают.*) Могло получиться очень неплохо.

КАРОЛИНА. Не могло. Наши матери и наши отцы живут в наших телах. Лучше от этого избавиться.

ПОЧТИ МУЖ. Ты сбежала.

КАРОЛИНА. Я не смогла жить, пока не умру.

ПОЧТИ МУЖ. Это смешно.

КАРОЛИНА. Давай посмеемся.

ПОЧТИ МУЖ. Ты боишься?

КАРОЛИНА. Уже нет. Новобрачная — в печь!

Сцена двадцать восьмая

ОТЕЦ и МАТЬ.

ОТЕЦ. Что было не так?

МАТЬ. Все экзамены сданы.

ОТЕЦ. Мы купили DVD.

МАТЬ. Она знала все столицы.

ОТЕЦ. Знала, что Буркина-Фасо граничит с Мали и Ганой.

МАТЬ. Если бы я знала английский...

ОТЕЦ. Мы хотели, чтобы она учила иностранные языки, много ездила, каждые каникулы в новые места.

МАТЬ. Присылала нам открытки. О, вот одна, из Лондона. «Все хорошо, учусь, путешествую, знакомлюсь с людьми. Не беспокойтесь обо мне. Целую. Ваша дочь».

ОТЕЦ. Из Барселоны. «Все хорошо, учусь, путешествую, знакомлюсь с людьми. Не беспокойтесь обо мне».

МАТЬ. А эта откуда?

ОТЕЦ. Флоренция.

МАТЬ. Красиво в этой Флоренции. «Все хорошо, учусь, путешествую, знакомлюсь с людьми. Не беспокойтесь обо мне».

ОТЕЦ. Париж, Рим, Прага, Берлин...

МАТЬ. Кто мы теперь? Сироты?

ОТЕЦ. Нет такого слова.

МАТЬ. Может, есть.

ОТЕЦ. Некоторые слова человеку не нужны. Кажутся бесполезными. Поэтому их нет.

МАТЬ. Нет названия для родителей, потерявших ребенка.

ОТЕЦ. Это неестественно — хоронить собственных детей.

МАТЬ. По-английски наверняка есть такое слово.

ОТЕЦ. Что было не так? Почему? Не знаю.

МАТЬ. Мы остались одни.

ОТЕЦ. Завтра воскресенье.

МАТЬ. Даже он уже не приходит.

ОТЕЦ. Я позвонил в полицию.

МАТЬ. Его забрали?

ОТЕЦ. Загребли.

МАТЬ. Это правильно. Так нужно. Ты видел его нос?

ОТЕЦ. Никаких сомнений.

МАТЬ. Значит, еврей. Я так и думала.

ОТЕЦ. Не будет бедных ребятишек у школы уговаривать.

МАТЬ. Дилер.

ОТЕЦ. Бандит.

МАТЬ. I love you.

Сцена двадцать девятая

МАТЬ и ОТЕЦ.

МАТЬ. Какой сегодня день?

ОТЕЦ. Среда.

МАТЬ. Третий день недели.

ОТЕЦ. Третий.

МАТЬ. Я купила свежие цветы.

ОТЕЦ. Это хорошо. Свежие красивее.

МАТЬ. И лампадки. Красные, пластиковые, с крыш-кой. Как ты думаешь, пластик — это хорошо?

ОТЕЦ. Стекло лучше.

МАТЬ. Ты прав. Стекло лучше.

ОТЕЦ. Сколько штук ты купила?

МАТЬ. Пять.

ОТЕЦ. Это нехорошо. Нечетное количество. Я просил, чтобы ты покупала четное. Глупая баба.

МАТЬ. Докупим возле кладбища.

ОТЕЦ. Простейшую вещь не можешь сделать. Деревенщина.

МАТЬ. Если бы я знала английский, то... Ты бы так со мной не разговаривал. Жизнь была бы более изысканной... Я так думаю. Во всех хороших фильмах говорят по-английски. Плачут, смеются и снова плачут. Так красиво это делают на иностранном языке. А у меня даже ванной не было. Мы ссали в ведро за дверью...

ОТЕЦ. Мочились. Ничему ты за всю жизнь не научилась. Я тебя возил и туда, и сюда. Думал, пусть мир узнает, опыта наберется. Ничего. Дубина стоеросовая. И ребенок какой-то малахольный. Болезненная. Философиня, тоже мне... Придумала... Папа, обними меня. Папа, на ручки. Папа, не уходи сегодня вечером. Дай мне того мишку. Поцелуй маму. Какие вы красивые вместе. Боже... Не понимаю... Не знаю.

МАТЬ. Знаешь, сколько у меня родинок?

ОТЕЦ. Глупости...

МАТЬ. Сейчас мы хоть куда-то вместе ходим.

ОТЕЦ. На кладбище... Мать... которая родила могилу.

МАТЬ. Тебе хорошо в черном. Только руки вынь из карманов.

ОТЕЦ. Не могу... Конфетти...

МАТЬ. Конфетти?

ОТЕЦ. У меня карманы полны конфетти.

МАТЬ. Красиво. Разноцветные.

ОТЕЦ. Мы должны были его рассыпать... Все плохо... Все не так... Ослица моя... За что?.. Ну за что?

МАТЬ. Возьми меня под руку.

ОТЕЦ. Музыка... Где музыка?..

МАТЬ. Пойдем наконец. Иди. Все готово.

ОТЕЦ. Я не пойду. Я туда не пойду ... Спички... Ты взяла спички?

МАТЬ. Взяла.

Конец

Об авторах

КШИШТОФ БИЗЁ (1970 г. р.)

Архитектор, совладелец проектной мастерской в Щецине, попал в театр случайно: его офис находился в том же здании, что и щецинский театр «Вспулчесны». Как-то он показал директору театра пьесу «Поговорим о жизни и смерти», и вскоре она была поставлена.

Основная тема пьес Бизё — невозможность нормального диалога между людьми. Его интересует тема кризиса традиционной семьи, в которой ослабевают родственные связи и усиливается ощущение одиночества. Отказавшись от линейной драматургии, он конструирует свои пьесы из фрагментов действительности, часто используя при этом монологи. В пьесе «Поговорим о жизни и смерти» (2000) главным героем является телефон, по которому мать, отец и сын откровенничают о своих личных проблемах с друзьями и просто знакомыми. Они искренни с чужими людьми, но с родными говорят недомолвками.

В пьесах «Токсины» (2002) и «Рыданья» (2003) показаны «отравленные токсинами» отношения между людьми, основанные на жестокости, манипуляциях и ненависти. Пьеса «Священнодействия» (2006) по своей композиции напоминает «Токсины». Это рассказы об отношениях мужчины и женщины, играющих разные социальные роли: сестры и брата, мужа и жены, девушки и парня. Во всех эпизодах повторяется мотив жестокости.

У Бизё есть и более пространственные тексты. Пьеса «Панорама» (2005), поставленная в «Театре телевидения», первоначально была написана для радио. В ней рассказывается об обитателях построенного в XIX веке щецинского дома, которые жили в нем с 1919 года по наши дни. Катализатором разворачивающихся на сцене событий становится посторонний человек, появляющийся в старом доме в разные эпохи. «Отбросы» (2004) — выдержанный в натуралистической манере рассказ о лишних людях. Ге-

роиня — больная и слепая старуха — кончает жизнь самоубийством с помощью двух бомжей, которые после ее смерти растаскивают ее жалкий скарб. Один из этих бомжей — ее последняя любовь.

У Бизё есть также сборник рассказов «Впрочем, летом все цветы красивые» (2004); в соавторстве с кинорежиссером Петром Лазаркевичем он написал сценарий для фильма «0_1_0» о семи смертных грехах, действие которого происходит в наше время на Балтийском побережье. В 2008 году он снял по собственному сценарию короткометражный кинофильм «Все обманы Анны» о тридцатилетней женщине, которая после неудачной попытки самоубийства пытается наладить свою жизнь. Драматические произведения Бизё изданы в книге «Рыдания и другие пьесы» (Варшава, Библиотека ежемесячника «Театр», 2003).

Живет в Щецине.

МИХАЛ ВАЛЬЧАК (1979 г. р.)

Представитель жанра поэтической драмы. В его пьесах говорят человеческим языком собаки, автобусы и целые города. Он без сантиментов пишет о конфликте полов и созревании, о любви и депрессии.

Пьесы начал писать на первом курсе режиссерского отделения Варшавской театральной академии. Интерес вызвала уже первая его пьеса «Песочница», победившая на конкурсе «Мы на пороге нового века». Она была опубликована в ежемесячнике «Диалог», а поставлена в Театре им. Шанявского в Валбжихе (2001). Следующая пьеса «Путешествие внутрь комнаты» в 2002 году получила награду зрительских симпатий на конкурсе «Смелый Радом», а год спустя была отмечена на конкурсе варшавской ассоциации «Драма».

Вальчак был назван «новым талантом в драматургии», на него посыпались предложения от режиссеров и переводчиков. В 2003 году две его пьесы поставили известные варшавские театры: «Народовы» и «Вспулчесны».

На фоне других авторов новой волны творчество Вальчака выделяется приверженностью к поэтической форме. Его не интересует документальный театр. Пьесы Вальчака полны метафор, а не подлинных фактов. К примеру, дебютантская «Песочница»,

в которой двое взрослых людей играют в песочнице, как дети, — метафора союза между мужчиной и женщиной, который рождается, переживает апогей и умирает.

В пьесе «Река» (театр «Прим», Щецин, 2003) в одном городке внезапно пересыхает река, что решительно меняет жизнь горожан. В «Путешествии внутрь комнаты» (театр «Повшехны», Радом, 2003) действие происходит одновременно в реальности и в мире иллюзий. Тридцатилетний герой пьесы Скура хочет начать зрелую жизнь: он переезжает из общежития, снимает квартиру, ищет работу, расстается со своей девушкой и в конце концов впадает в депрессию. Параллельно он ведет беседы с существующим только в его воображении и преследующим его Иудой, видит своих родителей, совмещенных в одну особу Отца-матери, видит улицу, проходящую по центру его комнаты, и двух то ли ангелов, то ли чертей, которые портят ему жизнь. В результате сознание героя полностью раздваивается.

Лейтмотив творчества Вальчака — незрелость взрослых людей. Герои «Песочницы» и «Путешествия...» так и не расстались с детством и охвачены страхом перед внешним миром, от которого они прячутся в песочнице, чужой комнате или вымышленном мире. В этом смысле характерна одноактная пьеса «Первый раз» (театр «Народовы», Варшава, 2006), в которой Вальчак описывает страх двух молодых людей перед первым сексуальным контактом. Они не согрешить боятся и не нежелательной беременности, а того, что их чувства не совпадут с образом любви, который пропагандирует поп-культура.

Об эмоционально убогом поколении идет речь в комедии «Бедный я, сука и ее новый кореш» («Лаборатория драмы», 2009). Это сатира на поколение тридцатилетних недорослей, которые отвергли моральные ценности родителей, а создать собственные не в состоянии. К выбору модели поведения они относятся как к выбору продуктов в супермаркете.

В формальном плане Вальчак пользуется театральной условностью, вводя символические фигуры и ожившие предметы, как, например, в пьесе «Шахта» (Театр им. Шанявского, Валбжих, 2004). Герой пьесы — шахтерский город Валбжих, олицетворяемый неким шатающимся по улицам типом по имени Валек. В «Ночном автобусе» («Старый театр», Краков, 2005) в романти-

ческую беседу двух случайно встретившихся на автобусной остановке людей неожиданно вмешивается... автобус.

Самым большим достижением Вальчака на сегодняшний день стал проект [*mede:a*], реализованный совместно с Гжегожем Яжиной в венском «Бургтеатре» на сцене «Казино». В соавторстве с режиссером драматург написал современную версию греческого мифа, в котором Медея — грузинка, а ее муж Ясон — австрийский бизнесмен, занимающийся нефтяным бизнесом на Кавказе. Спектакль о современных национальных и культурных предрассудках, определяющих отношение к эмигрантам, имел громкий успех и получил в 2007 году главную австрийскую театральную награду — премию им. Нестроя.

Театральную условность Вальчак использует и в пьесах для театра кукол. Это философские, полные юмора сказки, в которых поднимаются серьезные темы.

В «Грустной принцессе» (театр «Монтовня», Варшава, 2004) героиня не хочет подчиниться установленному в королевстве порядку, согласно которому все должны смеяться, она хочет остаться собой и иметь право грустить. В пьесе «Последний папа» (Театр кукол, Варшава, 2007) говорится об одиночестве детей, брошенных родителями-трудооголиками: героиня в сопровождении куклы Барби и Медвежонка ищет отца, пропавшего в городских джунглях.

Вальчак преподает в школе «Лаборатория драмы». Живет в Варшаве.

ПШЕМЫСЛАВ ВОЙЦЕШЕК (1974 г. р.)

Политически активный драматург, противопоставляющий провинцию метрополии с ее суетностью и внешним блеском, любитель хеппи-эндов и простых историй. Описывает современную Польшу — Польшу безработных и белых воротничков, священников и преступников, верующих католиков и неверующих марксистов. Один из наиболее плодовитых авторов, работающих для театра: каждый сезон ставит новую пьесу.

В театр пришел из независимого кино, где снимал анархистские фильмы о бунте молодого поколения, не сумевшего найти себе место в новой капиталистической действительности. В фильме «Убей их всех» (1999) показаны беспорядки в городе

Слупск на Балтийском побережье, вызванные смертью молодого футбольного болельщика; герои фильма «Громче бомб» (2001) — двое молодых людей, стоящих перед выбором: эмигрировать или остаться жить в бывшем промышленном городке в Нижней Силезии, где нет работы.

Эти темы Войцешек поднимает в своей дебютантской пьесе «Made in Poland» (2004), которую написал на основе нереализованного киносценария. Герой пьесы, мятежный анархист из спального района, решает устроить революцию, но понимает, что насилие — это путь в никуда. Пьеса была поставлена в бездействующем торговом павильоне одного из микрорайонов Легницы и стала манифестом нового политического театра. В 2005 году зрители смогли увидеть телевизионную версию легницкого спектакля.

Пьесы Войцешека — простые реалистичные истории с четко обозначенным конфликтом. Их герои — люди, изолированные от общества по причине сексуальной ориентации, болезни либо возраста, а тема — поиски ими толерантности. В пьесе «Что бы ни случилось, я люблю тебя» (2006) две молодые девушки-лесбиянки борются за свой союз, преодолевая сопротивление традиционной католической семьи и агрессивную реакцию гомофобного окружения. В «Darkroom» (2006; по мотивам романа хорватской писательницы Руяны Егер) рассказывается о дружбе гомосексуалиста, работающего драг-квинном в ночных клубах, и пенсионера, слушателя христианского «Радио Мария» (ультра-католической радиостанции, осуждающей гомосексуалистов). «Любовь тебе все простит» (театр «Полония», Варшава, 2008) — история девушки, работающей в службе социальной помощи и ухаживающей за 80-летним стариком.

Особое место в драматургии Войцешека занимает тема потерянной и обретенной веры. В пьесе «Личный Иисус» (2006) главный герой, раскаявшийся и пришедший к вере в тюрьме, выходит на свободу и пытается начать новую жизнь; в свою очередь, в пьесе «Я есмь воскресение» (Театр им. Шанявского, Валбжих, 2007) католический священник снимает сутану и также пробует жить по-новому.

В 2008 году Войцешек поставил пьесу «Была уже такая любовь, но нет уверенности, что это была наша» (Театр им. Мод-

жеевской, Легница) о кризисе веры, который переживает молодой солдат вермахта, вернувшийся в 1942 году с фронта в Волимеж в Нижней Силезии (там автор провел детство).

Войцешек-режиссер создает собственный театральный язык, в основе которого лежит условность и минимализм. В текст монологов в пьесе «Если что-то случится...» он включил стихотворения, которые герои читают на поэтическом слэме. В «Made in Poland» и «Darkroom» использовал хиты польской поп-музыки как комментарий к происходящему на сцене.

Параллельно Войцешек снимает фильмы о жизни молодых людей из польской провинции («Вниз, по холму» (2004), «Прекрасный вечер» (2005) и др.).

Живет во Вроцлаве.

ПАВЕЛ ДЕМИРСКИЙ (1979 г. р.)

Предшественник документального театра, автор театральных репортажей и политических пьес, в которых он развенчивает национальную мифологию и анализирует современную жизнь. На формирование его концепции театра повлияли, с одной стороны, журналистское образование (специальность: общественные связи), с другой — стажировка в Royal Court Theatre в Лондоне.

Для Демирского театр и пьеса — инструменты общественной коммуникации, которые он использует, чтобы выразить свое мнение в рамках публичной дискуссии; драматургию он считает продолжением своей политической деятельности. Является членом редколлегии варшавского журнала левого толка «Политическая критика», объединяющего молодых, не связанных с коммунизмом левых интеллигентов. В отличие от публицистов подходит к общественным проблемам с индивидуальной позиции, создавая в пьесах пространство личной трагедии.

В основу первой пьесы «Без сознания» (2002) легла реальная история страдающей депрессией женщины, которая попросила протестантского священника помочь ей совершить самоубийство. Автор перенес действие пьесы в польскую реальность, заменив пастора католическим ксендзом. Известность Демирскому принесли две драмы, поставленные в гданьском театре «Выбжеже»: «From Poland with love» (2004) и «Валенса. История веселая

и потому очень грустная» (2005). В первой представлен печальный образ молодого поколения, вынужденного эмигрировать и утрачивающего национальное самосознание; во второй биография легендарного профсоюзного лидера стала отправной точкой для дискуссии о крахе идеи «Солидарности» после 1989 года и несбывшихся надеждах на создание новой, лучшей Польши.

Еще раньше в театре «Выбжеже» под руководством Демирского был создан цикл документальных одноактных пьес под названием «Скорый городской театр» (2002—2005). Как и в работах российского театра.doc и английского verbatim, речь в них шла о таких негативных явлениях, как польский неонацизм, нелегальные аборты, рост числа бездомных. Тексты Демирский писал в соавторстве с журналистами и режиссерами. Самый большой успех имела пьеса «Лежать», за основу которой были взяты интервью с женами польских солдат, служащих в Ираке. Это пьеса о войне, какой ее видят современные Пенелопы.

Документальный характер носит также пьеса «Не удивляйся, когда придут поджигать твой дом» (театр «Выбжеже», Гданьск, 2006).

«Дяды. Эксгумация» и «Жил-был поляк поляк поляк и черт» (обе пьесы написаны в 2007 г.) — острая сатира на польскую мифологию и современность. В первой (поставлена в Польском театре во Вроцлаве) Демирский деконструирует главную драму польского романтизма XIX века «Дяды» Адама Мицкевича с целью понять, чем являются для современных поляков национальные мифы. Вторая пьеса (Театр им. Щанявского в Валбжихе) — политическая агитка в стиле зрелищ немецкого представителя антикапиталистического театра Рене Поллеша. В ней появляются известные фигуры: последний лидер польской компартии генерал Войцех Ярузельский, отправленный в отставку за растление семинаристов епископ Юлиуш Петц, бывшие узники Освенцима, немецкий турист, гопник и участница войны. За гэгами и слэпстиком скрывается вопрос о самосознании современного поляка.

В 2008 году в рамках польско-израильского театрального проекта «Бат-Ям — Тыкоцин», осуществленного театром «Габима» из Тель-Авива и театром «Вспулчесны» из Вроцлава, Демирский написал пьесу «Тыкоцин» («Габима», 2008), поднимающую бо-

лезненную тему польско-еврейского прошлого. Действие разворачивается вокруг присуждения звания «Праведника мира» жительнице небольшого городка на востоке Польши. Варшавские журналисты пытаются не допустить торжественной церемонии, утверждая, что женщина врет.

Демирский также обращается к классике, своеобразно ее интерпретируя. По мотивам «Дяди Вани» создан спектакль «Алмазы — это углерод, взявшийся за работу» (Театр им. Шанявского, Валбжих, 2007). В нем герои Чехова, попавшие в театральную петлю времени, заново проживают свои жизни. В «Экономической опере» по мотивам «Трехгрошовой оперы» Брехта (Театр им. Кохановского, Ополе, 2008) высмеивается современная элита, которая, вместо того чтобы строить государство всеобщего благоденствия, расслаивает общество, возлагая заботу о социальных проблемах на частные благотворительные фонды.

ТОМАШ МАН (1968 г. р.)

В прошлом рок-музыкант. Воспитан на книгах поэтов-битников Джека Керуака и Алена Гинзбурга. На выпускном экзамене в школе написал сочинение о Джимми Хендриксе и Дженис Джоплин, которое было воспринято как неэтичное. Трудно поверить, что этот взбунтовавшийся лидер рок-групп позже окончил Театральную академию в Варшаве, стал режиссером и начал писать поэтические пьесы об одиночестве, старости и смерти.

Его первая пьеса «Больная катарактой» (2001) — история слепой старухи, живущей в мире воспоминаний и старого барахла. Она может целыми днями перебирать свои сокровища: музыкальные рождественские открытки и бижутерию, платит внуку за то, что тот ее навещает. И хотя пьеса основана на реальных фактах (прототипом героини является тетя автора), она отнюдь не документальна. Ман придал ей форму поэтического реквиема, а сценам дал названия частей латинской заупокойной мессы.

В основе следующей пьесы — «Писи» — также лежат реальные события: нашумевшая история женщины, убившей продавца мобильных телефонов. По форме это поэтический гротеск: жертва возвращается с того света и предлагает убийце еще раз разыграть сцену убийства, надеясь таким образом заставить ее признаться в содеянном.

Криминальная история легла в основу и самой известной пьесы Манна — «111», написанной и поставленной в «Лаборатории драмы» в Варшаве. Американский подросток застрелил родителей и несколько учеников из своей школы. У Мана герой уже после совершения убийства вместе с отцом, матерью и сестрой рассказывает историю своей жизни, желая разобраться в причинах трагедии.

Часто критикуемый за радикальный пессимизм, Ман в 2006 году поставил в «Театре телевидения» свою первую комедию — «Хорошо». Это рассказ об овдовевшем пенсионере-железнодорожнике, который на склоне лет решил осуществить свою мечту — уехать в Америку. Несмотря на протесты родных и друзей, он отправляется в путешествие, откуда возвращается с... индианкой, что кардинально меняет его жизнь. Пьеса «Хорошо» говорит о старости нестандартным образом: это рассказ не о лишних людях, а, наоборот, о преодолении одиночества и достойном завершении жизни.

В 2007 году по заказу театра в Мюнстере была написана пьеса «С(г)ash Еигоре», в которой автор попытался на основе десяти заповедей составить обобщенный портрет европейца. Каждая из заповедей проиллюстрирована сценой, происходящей в одной из десяти европейских столиц. В пьесе показаны темные стороны европейской действительности (желание Запада подчинить себе Восток, терроризм, коррупция в политике, остающиеся непроясненными эпизоды истории).

Ман ставит на сцене как собственные пьесы, так и пьесы современных польских авторов, в частности, он был первым постановщиком пьес Кшиштофа Бизё.

Живет во Вроцлаве.

ДОРОТА МАСЛОВСКАЯ (1983 г. р.)

Одна из самых выдающихся писательниц нового поколения, автор бестселлеров, описывающих новую польскую реальность в условиях капитализма и свободного рынка. Она хорошо знает язык СМИ, поп-культуры и рекламы, который открыто высмеивает и деконструирует.

Масловская дебютировала романом «Польско-русская война под бело-красным флагом» (2003), когда ей было 19 лет. Дей-

ствии «Польско-русской войны...», названной первым польским «пацанским» романом, происходит в провинциальном городке на Балтийском побережье. Под внешним слоем — повествованием о приключениях парня по прозвищу Сильный с разными девушками — скрывается критика массовой культуры и национальных стереотипов.

В следующей книге «Павлин королевы» (2006), написанной в ритме хип-хопа, Масловская высмеяла стереотипы поп-культуры и механизмы законов, царящих в медиамире и известных ей по собственному опыту (после успеха первой книги писательница стала звездой СМИ).

Свою первую пьесу «Двое бедных румын, говорящих по-польски» (2006) она написала по заказу театра «ТР Варшава» в рамках проекта TR/PL. Как и в других произведениях Масловской, язык пьесы представляет собой смесь разговорного языка, телевизионных штампов и молодежного сленга, что создает невероятно комический эффект, позволяющий зрителю заглянуть вглубь психики обыкновенного поляка, чье мировоззрение сформировано под влиянием телевидения и Церкви.

По заказу «ТР Варшава» была написана и вторая пьеса Масловской «У нас все хорошо» (2008). Ее названием послужила фраза из песни постпанк-группы «Топор». Пьеса является гротеском на польское общество, расслоившееся и утратившее чувство национального единства.

По обоим романам Масловской неоднократно ставились спектакли; в 2009 году кинорежиссером Ксаверием Жулавским был экранизирован роман «Польско-русская война...» — фильм получил Серебряного льва на фестивале польских художественных фильмов в Гдыне. В «ТР Варшава» пьесу «Двое румын...» поставил Пшемислав Войцешек (2006), а пьесу «У нас все хорошо» — Гжегож Яжина (2009).

Масловская учится на факультете искусствоведения в Варшавском университете. Живет в Варшаве.

МАРЕК МОДЗЕЛЕВСКИЙ (1972 г. р.)

Врач-рентгенолог, описывающий реальность без наркоза. Его первые пьесы были посвящены этическим проблемам, связанным с развитием медицины. К примеру, в футуристической комедии «Пожилая женщина» (театр «Повшехны», Радом, 2002)

говорится о парадоксах клонирования. Действие происходит в семье, где в качестве домработницы задействован клон жены, что является источником многочисленных недоразумений. В пьесе «Убей меня» (театр «Повшехны», Радом, 2003) Модзелевский представил свое видение общества, в котором разрешена эвтаназия. Абсурд состоит в том, что врачи, вместо того чтобы лечить, убивают, а на эвтаназию соглашаются не смертельно больные, а молодые люди, страдающие депрессией.

Помимо портрета общества и гротескного юмора в пьесах Модзелевского можно найти тонкий эмоциональный образ его собственного поколения. Самая известная его пьеса «Коронация» («Лаборатория драмы», Варшава, 2003) — почти автобиографическая история тридцатилетнего врача, пытающегося изменить свою жизнь.

В пьесе «Прикосновение» (театр «Повшехны», Варшава, 2005) речь идет об отношении к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Это «каминг-аут» двух гомосексуалистов: сына, который пытается рассказать отцу правду о себе, и мужа, который изменяет жене с мужчиной. Модзелевский сосредоточился на эмоциональных последствиях подобных откровений.

В пьесе «Именины» (театр «Народовы», Варшава, 2006) Модзелевский рисует портрет элиты провинциального городка, собравшейся за одним столом по случаю именин. Персонажи — врачи, чиновник, учитель, заведующая аптекой. Автор с иронией описывает убогость мышления героев, двойные нравственные стандарты, ложь и лицемерие во взаимоотношениях. Это пьеса о мифическом среднем классе, который должен был стать спасителем Польши, однако сам нуждается в помощи психотерапевта или священника.

Драматург работает в одной из варшавских больниц. Живет в Варшаве.

ИОАННА ОВСЯНКО (1974 г. р.)

Автор пока еще только одной пьесы, пользующейся огромным успехом. «Тирамису» (2005) — театральное ток-шоу и социальная исповедальня «в одном флаконе».

Овсянко написала ее в варшавской «Лаборатории драмы», основываясь (как и многие другие авторы новой волны) на собственном опыте. После окончания Главной торговой школы в

Варшаве она попала в специализированное агентство, продающее места для рекламы в СМИ, где три года занимала две должности: медиапланера и байера. Работала с большими компаниями, рекламировала, в частности, косметику, обувь и страховки.

Уволилась через три года с пошатнувшимся здоровьем и надорванной психикой. «Тирамису» была формой реакции на работу в рекламе и одновременно попыткой показать механизмы, с помощью которых агентства манипулируют сознанием масс.

Дебютная пьеса Овсянко (как и «Тестостерон» Сарамоновича) — одна из немногих современных польских пьес, имевших коммерческий успех. Поставленная в частном театре «Студио Буффо» в Варшаве весной 2005 года, она в течение первых четырех сезонов была сыграна более 200 раз и оставалась в репертуаре вплоть до 2009 года.

Иоанна Овсянко живет в Варшаве.

МАРЕК ПРУХНЕВСКИЙ (1962 г. р.)

Прухневский держится вдали от театральной жизни и редко посещает премьеры. Пишет долго, иногда по несколько лет, но каждая из его пьес — событие. Объединяет их всех интерес автора к этическим проблемам: Прухневский пишет о людях, творящих зло, и пытается разобраться в мотивах их поведения. Часто он берет за основу описанные в прессе реальные события и, несколько их видоизменяя, придает им форму современной трагедии факта.

Герой пьес Прухневского — сообщество. Правду о человеке автор, подобно натуралистам, ищет в его окружении, месте проживания, семье. Часто пишет о закрытых коллективах, например, об армейском отряде, узниках концлагеря, группе паломников или деревенской общине. Показывает, как разобщенность и насилие приводят в таких группах к утрате ценностей и трагедиям.

Действие его первой, еще не поставленной, драмы «Париж» (1987) происходит во время Второй мировой войны в концлагере. Тема — любовь двух узниц: сильной и категоричной женщины-лидера и запуганной, слабой девочки-подростка. Название «Париж» символизирует мечту о лучшем мире, позволяющую

героиням перенести лагерный ад. Они пытаются в лагере следовать парижской моде, перешивая полосатые рубы и устраивая тайные дефиле.

В пьесе «Армия» («Драматический театр», Легница, 1988) автор пытается осмыслить явление насилия в армии. Это не просто репортаж, а рассказанная убогим языком история об уродливом мире и уродливых отношениях между солдатами-призывниками. Тему насилия Прухневский поднимает и в «Истории ножа» («Театр телевидения», 1995). Герой пьесы — подросток — зарезал свою бабушку. В данном случае драматург сосредоточился на конструировании мира, который способствует преступлению. Он детально продемонстрировал разрушение родственных связей, попрание человеческого достоинства, отказ от общечеловеческих ценностей.

Попыткой нарисовать портрет поляков перед вступлением в Евросоюз является пьеса «Паломники» (Театр им. Моджеевской, Легница, 2000). Это трагикомедия о группе польских католиков из разных социальных слоев, путешествующих на автобусе по святым местам Европы. В дороге оказывается, что их религиозная сплоченность — фикция: только немногим важно истинное назначение путешествия, остальные воспринимают паломничество как туристическую поездку. Раскрывая лицемерие и поверхностную религиозность поляков, Прухневский создает метафору посткоммунистического общества, которое отправляется в Европу на отслужившем свое автобусе с целым багажом страхов, предрассудков и стереотипов.

Самое большое достижение Прухневского к настоящему моменту — «Люцина и ее дети» («Театр телевидения», 2003) — трагедия о современной Медее из польской провинции.

В деревне происходит действие и в драме «Моя вина» (2008). Это инспирированная реальными событиями история священника из небольшого прихода, обвиненного в сексуальных домогательствах к детям. Однако автора интересует прежде всего не сам священник, а люди, которые его оправдывают и пытаются заткнуть рот женщине, обвиняющей его в этом грехе.

Прухневский преподает в «Лаборатории драмы» в Варшаве. Живет в Кросинке, неподалеку от Познани.

ПАВЕЛ САЛЯ (1968 г. р.)

Кинодокументалист по профессии, Саля привык тщательно анализировать и проверять материал и этот навык использует при написании пьес.

В самой известной его пьесе «Теперь мы будем хорошими» («Театр телевидения», 2004), действие которой происходит в интернете для малолетних преступников, исследуется столкновение системы христианских ценностей с нигилизмом подростков.

Пьесу «Gang Bang» («Старый театр», Краков, 2005) о польском порнобизнесе Саля создал на основе интервью с участницами конкурса на самый продолжительный сексуальный акт на порноярмарке в Варшаве. Автор описывает аксиологический хаос: девушки верят, что, приняв участие в унижительном соревновании (каждая должна обслужить семьсот партнеров), поднимутся по социальной лестнице; при этом они молятся Божьей Матери, прося помочь им одержать победу.

Еще одна пьеса о маргиналах — «Mortal kombajn» (театр-студия «Office Vox», Варшава, 2005). В ней Саля описывает войну молодежных банд в провинциальном промышленном городке на юге Польши. Действие происходит на фоне заброшенных шахт, в которых люди нелегально добывают уголь, безработицы, отсутствия перспектив и распада традиционных ценностей. Осознание неудач вызывает агрессию, которую молодежь выплескивает в уличных схватках и «сеансах» ненависти ко всем: евреям и богатым, прокурорам и священникам, посткоммунистам и гомосексуалистам.

Впоследствии Саля отходит от реализма с социальным уклоном в сторону поэтического повествования и литературной стилизации. В пьесе «Ифигения, моя сестра» (Театр «2xU», Варшава, 2005) он анализирует отношения между умершей сестрой и скорбящим братом; главная тема тут — грешная любовь и самоотверженность. «Темно повсюду» (2005) — вариации на тему «Дзядов», мистической драмы Адама Мицкевича, в основе которой лежат белорусские поминальные обряды в День всех святых. Селян, которые у Мицкевича в этот день вызывали духи мертвых, сменили молодые люди, устраивающие запрещенные автогонки по улицам города.

В «Третьем пришествии» (2006) ключевым является образ профессора Гюнтера фон Хагенса, скандально известного немецкого патологоанатома, который хотел открыть лабораторию в польском городке Сенява, но отказался от этой идеи после протестов, вызванных нацистским прошлым его отца. Помимо истории фон Хагенса автор использовал сюжет из драмы «Войцек» Георга Бюхнера. Герой — польский безработный — продает патологоанатому свое тело и, так же как Войцек, становится объектом психического террора. Отзвуки нацизма накладываются на картину общественного апокалипсиса.

Саля — выпускник факультета радио и телевидения Силезского университета, а также факультета культурологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Снял более десяти документальных фильмов, репортажей и программ для каналов TVP и Canal + (в частности, документальный фильм о статистах в фильме Романа Поланского «Пианист» и их военном опыте); автор множества программ для польского радио. Живет в Варшаве.

АНДЖЕЙ САРАМОНОВИЧ (1965 г. р.)

Журналист, сценарист, автор (совместно с Томашем Конечким) пародийных сюрреалистических кинокомедий «Полусерьезно» (2000), «Тело» (2003), «Лейдис» (2008) и «Идеальный парень для моей девушки» (2009), имевших огромный кассовый успех. Живет в Варшаве.

В театре дебютировал в 2002 году пьесой «Тестостерон». Она была написана по заказу варшавского офф-театра «Монтовня» и в начале 2000-х стала настоящим хитом театральных сезонов. Своим успехом «Тестостерон» обязан теме и неизменно вызывающему смех в зрительном зале языку персонажей.

Из контекста разговоров семерых мужчин, встретившихся за свадебным столом (свадьба не состоялась), вырисовывается портрет современного мужчины, переживающего внутренний кризис и полностью зависящего от собственных гормонов.

Только в первый сезон комедию посмотрели более 30 тысяч зрителей; представление шло при полном зале со дня премьеры вплоть до 2009 года. «Тестостерон» ставили и в других театрах Польши, а также в Болгарии, Турции и Словакии. В 2006 году на

экраны вышел одноименный кинофильм (режиссер Тадеуш Конецкий), который посмотрели два миллиона зрителей.

АНДЖЕЙ СТАСЮК (1960 г. р.)

Принадлежит к поколению «БруЛиона» — легендарного литературного журнала, выходявшего на рубеже 1980—1990-х годов, который сформировал целое поколение прозаиков и поэтов. Биография у писателя бурная: его выгоняли сначала из общеобразовательного лицея, затем из техникума и профессионального училища. Так и не закончив школу, в 80-е годы Стасюк включился в деятельность подпольного пацифистского движения «Мир и Свобода». За дезертирство из армии отсидел полтора года в тюрьме. В конце 80-х уехал из родной Варшавы и поселился в горной деревушке на юго-востоке Польши.

У Стасюка на счету более десятка томов прозы. Он начал с описания своего тюремного опыта («Стены Хеврона»). Затем выработал собственный литературный жанр, совмещающий в себе эссе и записки путешественника. В своих самых известных книгах «На пути в Бабадаг», «Дукля», «Фадо» он описывает историю и современный быт Центральной Европы. В деревнях и провинциальных городках Венгрии, Словакии, Польши, Румынии, Украины писатель ищет следы культурного наследия европейской цивилизации, сохранившиеся в процессе изменения государственного строя.

Его первые пьесы «Квинтет» и «Соло» (вторая написана по мотивам «Стен Хеврона») были созданы с мыслью о «Театре телевидения», хотя и не были там поставлены. Стасюк издал их в 1998 году в книге «Две телевизионные пьесы о смерти». Герои обеих пьес — убийцы. «Соло» — монолог молодого мужчины, сидящего в тюрьме и ожидающего суда: он рассказывает о том, как патологическая замороженность смертью привела к убийству человека. Героиня «Квинтета» — радиожурналистка, которая хочет взять интервью у убийцы. Не исключено, что это тот же самый человек, что и в «Соло». Мужчина обманывает ее, путает, обещает рассказать всю правду, но неожиданно кончает жизнь самоубийством.

Самое страшное в обеих пьесах то, что убийцы — обыкновенные люди. Стасюк показывает, что убить может любой, для это-

го не требуются какие-то особые наклонности. «Квнтет» затрагивает еще одну тему: в нем критикуются общественные институты, оказавшиеся беспомощными в столкновении со злом. Как тюремный священник, который пытается направить героя на путь истинный, так и журналистка, охотящаяся за сенсационным материалом, не в состоянии спасти его душу.

У Стасюка на счету еще три драматических произведения. В пьесе «Мухи» (2000), поставленной в «Театре телевидения», описана польская провинция с ее маразмом, отсутствием перспектив и ностальгией по коммунистическому прошлому. По заказу «Шаушпильхаус» в Дюссельдорфе была написана и поставлена совместно с краковским «Старым театром» пьеса «Ночь (славянско-немецкий медицинский трагифарс)» (2005) о польско-немецких стереотипах.

В последней пьесе Стасюка «В ожидании турка» («Старый театр», Краков, 2009) действие происходит на ликвидированном пограничном переходе где-то на юге объединенной Европы. Контрабандисты, проститутки и таможенники, внезапно лишённые источника доходов, ждут чуда, которое преобразит их ничтожную жизнь.

Автор живет в деревне Воловец в Бескидах.

МАГДАЛЕНА ФЕРТАЧ (1975 г. р.)

Фертач, как и многие другие авторы, дебютировавшие после 2000 года, в театр пришла из журналистики. Она получила образование в Высшей школе коммуникации и СМИ и в Варшавском университете, защитила диплом по радиорепортажу, но работы на радио для нее не оказалось, и она стала писать для театра. Первые свои шаги сделала на занятиях у Тадеуша Слободзянека в «Collegium Civitas» в Варшаве. Работы Фертач были настолько многообещающими, что в 2004 году Слободзянек пригласил ее в «Лабораторию драмы», где и были созданы пьесы «Пыль» (2004) и «Абсент» (2005).

В первой из них рождение ребенка, вместо того чтобы скрепить семью, разрушает союз двух молодых героев, обнажая их инфантильность. Родители охвачены иррациональным страхом — они боятся, что могут воспитать убийцу. Интересно, что малыша играет взрослый актер, который думает и поступает как ребенок, хотя при этом разговаривает как взрослый.

Об отсутствии любви в семье идет речь и в пьесе «Абсент», однако тут семейный микрокосмос мы видим глазами дочери, которая в день свадьбы кончает с собой и возвращается уже как дух, чтобы понять причины своего жизненного фиаско. Обе пьесы говорят о кризисе семьи: отсутствие во взаимоотношениях любви становится источником страданий и смерти. Пьесы написаны оригинальным языком, в них много поэтических описаний, метафор, условностей, что дает импульс для разнообразных сценических интерпретаций.

Третья драма Фергач «Trash story, или Искусство (не) помнить» (Театр «Атенеум», Варшава, 2008) посвящена теме семьи в контексте истории XX века. Написанная в романтическом духе, она поднимает проблемы, связанные с памятью и прошлым. Действие происходит в бывшем немецком доме на так называемых возвращенных землях. Автор сравнивает судьбы польской семьи, живущей в этом доме в наши дни, и его довоенных жильцов — немцев, которые при подходе Советской армии совершили коллективное самоубийство. Пьеса в 2008 году отмечена наградой на фестивале в Гдыне.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Роман Павловский. Российским читателям</i>	5
<i>Роман Павловский. Краткая история польской революции</i> (в драматургии)	7
<i>Кшиштоф Бизё. Рыданья</i>	33
<i>Кшиштоф Бизё. Токсины</i>	69
<i>Михал Вальчак. Песочница</i>	125
<i>Пшемислав Войцешек. Made in Poland</i>	153
<i>Павел Демирский при участии Паулины Муравской. Не</i> <i>удивляйся, когда придут поджигать твой дом</i>	219
<i>Томаш Ман. 111</i>	289
<i>Дорота Масловская. Двое бедных румын, говорящих</i> <i>по-польски</i>	313
<i>Марек Модзелевский. Коронация</i>	363
<i>Иоанна Овсянко. Тирамису</i>	419
<i>Марек Прухневский. Люцина и ее дети</i>	463
<i>Павел Саля. Теперь мы будем хорошими</i>	509
<i>Анджей Сарамонович. Тестостерон</i>	567
<i>Анджей Стасюк. Ночь</i>	651
<i>Магда Фертач. Абсент</i>	711
<i>Об авторах</i>	753

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Дизайнер
С. Кистенев
Редактор
К. Старосельская
Корректор
Л. Морозова
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 24,25. Тираж 2000. Заказ № 2699.
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46